

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

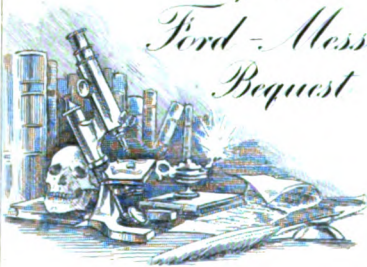
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A

689,033

Library of the University of Michigan
Bought with the income
of the
Ford - Messer
Bequest

E. FABER

891.78

Z 636

E 8

v. 4

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ
В. А. ЖУКОВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. ФРЕМОВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОДИССЕЯ [1842—1849] и ИЛИАДА [1849—1850].

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА ГЛАЗУНОВА.
1885.

~~~~~
ВЪ ТИПОГРАФИИ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ 4-го ТОМА.

Односѣя:	Стр.
Вмѣсто предисловія: О переводѣ Одиссея два письма: къ гр. Уварову и И. В. Кирѣевскому.....	1. 7
Пѣснь I	13
Пѣснь II	27
Пѣснь III	41
Пѣснь IV	58
Пѣснь V	85
Пѣснь VI	100
Пѣснь VII	111
Пѣснь VIII	122
Пѣснь IX	141
Пѣснь X	160
Пѣснь XI	179
Пѣснь XII	200
Пѣснь XIII	214
Пѣснь XIV	229
Пѣснь XV	246
Пѣснь XVI	264
Пѣснь XVII	280
Пѣснь XVIII	300
Пѣснь XIX	314
Пѣснь XX	334
Пѣснь XXI	347
Пѣснь XXII	361
Пѣснь XXIII	378
Пѣснь XXIV	390
Отрывки изъ Иліады:	
Пѣснь I	409
Пѣснь II	430
Библиографическія примѣчанія	439

Собственность Глазунова.

О ПЕРЕВОДѢ ОДИССЕИ.

І. ПИСЬМО КЪ ГРАФУ С. С. УВАРОВУ.

1848.

Я давнымъ давно собираюсь благодарить васъ, любезнѣйшій Сергѣй Семеновичъ, за письмо ваше къ князю Вяземскому [имѣ мнѣ сообщенное], которое вы написали ему по поводу замышленнаго вами моего юбилея; такая заботливость ваша о моей устарѣлой лирѣ меня тронула и порадовала; но я не хотѣлъ явиться къ вамъ съ пустыми руками, я хотѣлъ съ выраженіемъ моей благодарности принести вамъ и свою хлѣбъ-соль по русскому обычаю; теперь могу исполнить и то и другое. Примите мою благодарность вмѣстѣ съ первыми XII-ю пѣснями Одиссеи, которыя предаю на судъ вашъ. Прочитайте мой переводъ съ тѣмъ участіемъ, которое вы всегда оказывали моимъ литературнымъ трудамъ, и скажите искренне свое мнѣніе. П. А. Плетневъ доставитъ вамъ манускриптъ.

Вы спросите: какъ мнѣ пришло въ голову приняться за Одиссею, не зная греческаго языка, и изъ таинственно заносчиваго германскаго романтика сдѣлаться смиреннымъ классикомъ? На это простой отвѣтъ: перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, мнѣ захотѣлось повеселить душу первобытною поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремится ни въ какую туманную даль. Старость второе ребячество; подъ старость любишь рассказы; поэтому и мнѣ захотѣлось присоединиться къ простодушнѣйшему изъ всѣхъ расказчиковъ и, не имѣя въ запасѣ собственныхъ басенъ, повторить на Руси его греческія стародавнія басни. Однимъ словомъ,

цѣль моя была: потѣшить самого себя на просторѣ поэтической болтовнею; это мнѣ удалось; XII пѣсень Одиссеи кончены; были бы кончены и всѣ XXIV, но въ послѣдніе два года всякаго рода тревоги помѣшали мнѣ приняться за продолженіе труда моего; надѣюсь на нынѣшнюю зиму: можетъ быть и все кончу. Пова моя главная цѣль достигнута: муза Гомерова озолотила много часовъ моей устарѣлой жизни; но то, что меня самого такъ сладостно, такъ беззаботно утѣшало, будетъ ли утѣхою и для читателей соотечественниковъ, съ которыми хочу подѣлиться своими собровищами, занятыми у Гомера—не знаю. Если это случится, то меня будетъ радовать мысль, что на Руси останется твердый памятникъ поэтической моей жизни. Быть вѣрнымъ представителемъ Гомера... Но какъ же, спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить языкомъ его по-русски? Это я долженъ вамъ объяснить. Мнѣ помогла нѣмецкая совѣтливая, трудолюбивая ученость. Въ Дюссельдорфѣ я нашелъ профессора Грасгофа, великаго эллиниста, который въ особенности занимается объясненіемъ Гомера. Онъ взялъ на себя помочъ моему невѣжеству. Собственноручно, весьма четко онъ переписалъ мнѣ въ оригиналѣ всю Одиссею; подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово, и подъ каждымъ нѣмецкимъ грамматическій смыслъ оригинальнаго. Такимъ образомъ я могъ имѣть передъ собою весь буквальный смыслъ Одиссеи и имѣлъ передъ глазами весь порядокъ словъ; въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были, такъ сказать, собраны передо мною всѣ матеріалы зданія; недоставало только красоты, стройности и гармоніи. И вотъ въ чемъ состоялъ собственно трудъ мой: мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ терзающихъ ухо; и все это не во вредъ, а съ вѣрнымъ сохраненіемъ древней фізіогноміи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ. Но вопросъ: имѣлъ ли я успѣхъ? Самъ не могу быть себѣ судьбою, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера—спросите у него, доволенъ ли онъ своимъ

гиперборейскимъ представителемъ, и сообщите мнѣ его мнѣніе. Я старался переводить слово въ слово, сколькоэто возможно безъ насилія языку [отчего вѣрность рабская становится часто рабскою измѣною], слѣдовалъ за каждымъ словомъ и въ особенности старался соблюдать ихъ мѣсто въ стихѣ тѣмъ словамъ, которыя на этомъ мѣстѣ производятъ особенное поэтическое дѣйствіе. Повторю здѣсь то, что сказалъ о трудѣ моемъ въ другомъ мѣстѣ: «переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, не первобытномъ, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искусства. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; онъ младенецъ, видѣвшій во снѣ все, что есть чуднаго на землѣ и небесахъ, и лепечущій объ этомъ звонкимъ, ребяческимъ голосомъ на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, широкая, свѣтлая рѣка безъ волнъ, отражающая чисто и вѣрно и небо, и берега, и все, что на берегахъ живетъ и движется; видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристалль отражающій какъ будто не существуетъ: око его не чувствуетъ. Перевода Гомера [и въ особенности Одиссею], не далеко уйдешь, если займешься фактурою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него, то есть у Гомера, нѣтъ отдѣльно-разительныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить в е с ь, во всей его полнотѣ и свѣтлости; надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ, и въ то же время все частное забыть для цѣлага. И въ выборѣ словъ надлежитъ наблюдать особеннаго рода осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и не годится для Гомера; все, имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное—здѣсь не у мѣста; оно есть, такъ сказать, анахронизмъ; надобно возвратиться къ языку первобытному, потерявшему уже свою свѣжесть, потому что всѣ его употребляли; заимствуясь у праотца поэзіи, надобно этому обетшалоу, изношенному языку возвратити его первоначальную свѣжесть и новостъ и отказатися отъ всѣхъ нововведеній, какими языкъ поэтической, удаляясь отъ простоты первобытной, по необходимости замѣнилъ эту младенческую про-

*

стоту. Однимъ словомъ, перевода Гомера, надобно отказаться отъ всякаго щегольства, отъ всякой украшенности, отъ всякаго покушенія на эффектъ, отъ всякаго кокетства; надобно производить дѣйствія не ощутительно цѣлымъ, простотою, неразительностію, непримѣтностію выраженій, стройностію широкихъ, обильныхъ періодовъ, иногда перерываемыхъ какъ будто безъ намѣренія отдѣльными стихами, мало блестящими, такъ чтобы каждый стихъ въ періодѣ и каждое слово въ стихѣ составляли одну общую гармонію, не нарушаяея никакимъ собственнымъ, отдѣльнымъ звонкимъ, но часто дикимъ звукомъ. Это работа весьма трудная; для нея нѣтъ ясныхъ правилъ; должно руководствоваться однимъ чутьемъ; и для меня эта работа была тѣмъ труднѣе, что я въ этомъ отношеніи не могъ согласоваться съ оригиналомъ, ибо его не знаю, а могъ только угадывать. Но за то какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ вздоховъ Анадіомены, рождающейся изъ пѣны моря [ибо она есть символъ Гомерової поэзіи], въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ излишества, въ этой незатѣйливости и непорочности выраженія, въ этой болтовнѣ часто чрезчуръ изобильной, но принадлежащей характеру безыскусственности и простоты, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ обрुжающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазій, созидающей произвольно грустныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь пластически могучую въ а с т о я щ е м ъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границею міра никакого будущаго, и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ, и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ всеоживляющихъ утѣшеній.»—Вотъ вамъ моя поэтическая исповѣдь. Прибавлю: я вездѣ старался сохранить простой, сказочный языкъ, избѣгая всякой натяжки, избѣгая всякаго славянщизма, и по возможности соглашалъ съ формами оригинала [которыя

всѣ матеріально сохранились въ переводѣ подстрочномъ] формы языка русскаго, такъ, чтобы Гомеровскій стихъ былъ ощуще- лень въ стихѣ русскомъ, не заставляя его, кривляться по-гре- чески.

Предпринявъ сдѣлать новое, полное и вѣроятно послѣднее, которое будетъ при мнѣ напечатано, изданіе моихъ сочи- ній, я начну его напечатаніемъ послѣднихъ томовъ, въ кото- рыхъ будутъ новыя мои повѣсти и сказки, поэма Рустемъ и Зо- рабъ и XII первыхъ пѣсней Одиссеи. Это составитъ три тома, которые успѣю отпечатать еще во время моего пребыванія за границею въ Карлсруэ, гдѣ наблюдатель за печатаніемъ будетъ извѣстный вамъ Ренетъ и откуда мнѣ легко будетъ получать послѣдную корректуру, живучи во Франкфуртѣ. Печатаніе же ста- нетъ несравненно дешевле, нежели въ Россіи, на хорошей бу- магѣ и четкими буквами. Въ этомъ намѣреніи посылаю вамъ Одиссею, прося васъ быть ходатаемъ за нее предъ цензурою, и при этомъ случаѣ благодарю васъ за исходатайствованіе мнѣ вы- сочайшаго позволенія не представлять для новаго цензурованія того, что было уже разъ напечатано, и за покровительство ваше Рустему. Вы спросите: что значать въ манускриптѣ Одиссеи от- мѣтки и стихи красными чернилами? Вотъ что: мнѣ хотѣлось бы сдѣлать два изданія разомъ Одиссеи: одно для всѣхъ читателей полное, другое для юности съ выпусками [весьма немногими] тѣхъ мѣстъ, которыя не должны быть доступны юному возрасту. По моему мнѣнію, нѣтъ книги, которая была бы столь прилична, первому свѣтлому періоду жизни, какъ Одиссея, возбуждающая всѣ способности души прелестію разнообразною; надобно только дать въ руки молодежи не одну сухую выписку въ прозѣ изъ Го- меровой поэмы, а самого живаго рассказчика Гомера, который въ одну раму заключилъ всю древнюю Грецію съ чудесными ея пре- даніями, съ ея первобытными нравами. Языкъ перевода моего, кажется мнѣ, столь простъ, что русская Одиссея будетъ доступна всѣмъ возрастамъ и можетъ быть, если сдѣланы будутъ нѣкото- рые выпуски, дана безъ опасенія въ руки всякаго юноши, начи- нающаго читать про себя. Къ этой очищенной, но неискажен-

ной, Одиссеѣ можно бы въ видѣ пролога присоединить разсказъ въ прозѣ о временахъ первобытныхъ и баснословныхъ Греціи, и особенно съ бѣльшею подробностію о паденіи Трои [можно бы даже съ прозою мѣшать и стихи, то есть переводить стихами лучшія мѣста изъ трагиковъ, Иліады и Энеиды; но на это едва ли достанетъ силъ и времени]; такимъ образомъ въ одномъ тѣсномъ объемѣ могли бы соединиться и вся баснословная исторія древней Греціи и самыя душныя цвѣты ея поэзіи; такимъ образомъ и Одиссея могла бы сдѣлаться самою привлекательною и въ то же время самою образовательною дѣтскою книгою. Отмѣтки красными чернилами означаютъ тѣ мѣста, которыя слѣдуетъ исключить, а стихи, красными чернилами написанные, должны быть вставлены въ замѣну стиховъ исключенныхъ. Вы сами увидите, что число послѣднихъ невелико и что ихъ отсутствіе не будетъ замѣтно въ поэмѣ и ни мало не измѣнитъ ея характера. Я внесъ эти замѣтки въ манускриптъ для того, чтобы цензура могла за одинъ разъ пропустить оба изданія. Что же касается до изданія очищеннаго, то оно, имѣя цѣлю образованіе юношества [котораго поэтическая сторона не должна быть пренебрегаема], входитъ въ область министра просвѣщенія: желаю знать его мысли объ этомъ предметѣ.

Извините, что письмо мое такъ длинно; я сдѣлался старъ, слѣдовательно и болтливъ; младшія дѣти, особливо прижитыя на старости, милѣе намъ старшихъ: не мудрено, что я, устарѣлый гипербореецъ, разболтался съ вами о своей младшей дочкѣ, прижитой съ вѣчною музою Гомера. Я же ее нарядилъ въ ея отечественныя гекзаметры; а вы на Руси были первымъ возобновителемъ и распространителемъ этой эллинской выкройки: отъ васъ получилъ ее Гнѣдичъ, вашимъ добромъ и бью вамъ челомъ. Надѣюсь, что вы не долго заставите меня ждать вашего отвѣта. Не можно ли съ этого письма прислать мнѣ списокъ? Я употребилъ бы его вмѣсто предисловія къ Одиссеѣ.

1848.

II. Отрывки изъ письма къ П. В. Кирѣевскому.

1845.

. . . . . 12-го числа декабря новаго стиля началъ я прилагаемую здѣсь піесу, * которую кончилъ 14-го. Она была бы лучше, скажете, если бы было мнѣ болѣе времени: je n'ai pas eu le temps d'être plus court.—Задвѣ недѣли передъ симъ я отправилъ къ Солмогубу въ его альманахъ, имѣющій появиться въ январѣ 1845 года, повѣсть.** Посылаемые стихи и эта повѣсть принадлежатъ къ собранію, еще не существующему, повѣстей для юношества, которыя памфрентъ я издать особо. Онѣ всѣ будутъ писаны или ямбами безъ римѣ, какъ посылаемая повѣсть, или моимъ сказочнымъ гекзаметромъ [совершенно отличнымъ отъ гекзаметра Гомерическаго], и этотъ долженъ составлять средину между стихами и прозой, то есть, не быть прозаическими стихами, быть однако столь же простымъ и яснымъ, какъ проза, такъ чтобы разсказъ, не смотря на затрудненіе метра, лился бы какъ простая, непринужденная рѣчь. Я теперь съ римѣю простился. Она, я согласенъ, даетъ особенную прелесть стихамъ, но мнѣ она не подылта.... Она модница, нарядница, прелестница, и мнѣ пришлось бы худо отъ ея причудъ. Я угождалъ ей до сихъ поръ какъ любовникъ, часто весьма неловкій; около нея толпится теперь множество обожателей, вдохновенныхъ молодостью; съ ними она кокетничаетъ, а другихъ сама бѣшено любитъ [особенно Языкова]. Куда мнѣ за ними? Я сдѣлался смиреннымъ поэтомъ-разсказчикомъ; во многихъ отношеніяхъ то, что пишу теперь, гораздо лучше того, что писалъ прежде, и очень радъ, что мой добрый гений именно въ то время, когда внѣшній міръ для меня стѣсненъ въ предѣлахъ моего домашняго садика, подвелъ меня къ старику Гомеру, который меня, безыменнаго для него гиперборейскаго старика, принялъ весьма благосклонно и съ старческимъ, дѣт-

* Двѣ повѣсти (см. томъ III).

** Повѣсть эта: «Капитанъ Боппъ»; а альманахъ: «Вчера и сегодня»

скимъ добродушіемъ, передавая мнѣ Одиссею, сказалъ: пересели ее на твой сѣверъ, и пускай она, которую жадно слушали въ мое время и старики, и юноши, и дѣти, подъ свѣтлымъ небомъ Элады, такимъ же чистымъ, сердцу отзывнымъ голосомъ будетъ говорить старикамъ, и юношамъ, и дѣтямъ твоего туманнаго сѣвера—и въ царскихъ палатахъ посреди разцвѣтающаго царскаго семейства, и въ уединенной учебной юноши, у котораго отъ восторга стануть дыбомъ волосы, когда повѣтъ на него святая древность амвросіальнымъ, не испорченнымъ благоуханіемъ. Вотъ что мнѣ сказалъ Гомеръ, и я съ тѣхъ поръ всѣми силами стараюсь исполнить его завѣщаніе, такъ, чтобы онъ, когда явится его Одиссея на Руси, не грознымъ, мстительнымъ демономъ передо мною явился и страшныхъ Эринній на меня накликалъ, а въ своемъ первобытномъ видѣ, и мнѣ разоблачилъ бы лицо свое, и сказалъ бы мнѣ дружески: благодарствую за дочь Одиссею; а тебѣ, въ награду за блаженный трудъ твой, показываюсь точно такимъ, каковъ я нѣкогда былъ, съ костюми и съ мясомъ, за 2800 лѣтъ передъ симъ, вопреки Вольфу и разнымъ нѣмцамъ, которые изъ всего мастера дѣлать идею, и изъ идей которыхъ часто нечего дѣлать. Чтобы говорить вамъ безъ всякихъ картинностей, одиннадцать пѣсней Одиссеи готово. Я переводомъ доволенъ; онъ кажется мнѣ простѣе всѣхъ существующихъ; вѣренъ, какъ проза, но поэтический, и поэтический по образу и подобию Гомера; языкъ же русскій, а не греческій, какъ у нѣмцевъ, и не такой, какъ во всѣхъ переводахъ французскихъ и у Пѣна.

Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, не первобытномъ, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь безпрестанно съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искусства. Какая отдѣлка въ Виргиліи; сколько цѣлыхъ страницъ, гдѣ всякое слово живописно поставлено на своемъ мѣстѣ, и сколько отдѣльныхъ стиховъ, поражающихъ своею особенною прелестью. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; онъ младенецъ, постигнувшій все небесное и земное и лепечущій объ этомъ на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, свѣтлая рѣка

безъ волнъ, отражающая чисто небо, берега, и все что на берегахъ живетъ и движется; видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристалль отражающій какъ будто не существуетъ. Перевода Гомера, не далеко уйдешь, если займешься фактурою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него нѣтъ отдѣльныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить весь, во всей его полнотѣ и свѣтлости; надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ, и въ то же время все частное забыть для цѣлаго; и въ выборѣ словъ надобно наблюдать особенную осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и негодно для Гомера; все имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное—здѣсь не у мѣста; надобно возвратиться къ языку первобытному, потерявшему уже свою свѣжесть отъ того, что всѣ его употребляли, заимствуя его у праотца поэзіи; надобно этотъ изношенный языкъ возстановить во всей его первобытной свѣжести и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, какими языкъ поэтической, удаляясь отъ простоты первобытной по необходимости замѣнилъ эту младенческую простоту. Поэтъ нашего времени не можетъ писать языкомъ Гомера: будетъ крилянье старой кокетки, которая хочетъ корчить 15-лѣтнюю прелестную дѣву. Переводчикъ Гомера ничего не можетъ занять у поэтовъ нашего времени въ пользу божественнаго старика своего и его музы, 15-лѣтней чистой дѣвы. Относительно поэтическаго языка я попалъ въ область о б щ и х ъ м ѣ с т ѣ, *lieux communs*, и изъ этихъ одряхшихъ инвалидовъ поэзіи, всѣми уже пренебреженныхъ, надлежитъ мнѣ сдѣлать живыхъ, новорожденныхъ младенцевъ. Но какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи рождающейся изъ пѣны морской Анадиомены, ибо она есть символъ Гомеровою поэзіи, въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ всякаго излишества, въ этой незатѣйливости выраженія, въ этой болтовнѣ, часто излишней, но принадлежащей характеру безъискусственному, и въ особенности въ этой меланхолиі, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ

окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазій, созидающей произвольно грустныя, ни на чемъ не основанныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь пластически могучую въ настоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ, и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній. Кажется мнѣ, что *m-me Staël* первая произнесла, что съ религіею христіанскою вошла въ поэзію и вообще въ литературу меланхолія. Грустное чувство, объемлющее душу при видѣ измѣняемости и невѣрности благъ житейскихъ, чувство или предчувствіе невозвратной утраты безъ замѣны — такова была свѣтлая жизнь древнихъ, свѣтлая, какъ украшенная жертва, ведомая на закланіе; тѣ, которые ведутъ ее къ жертвеннику, пляшутъ кругомъ и поютъ, и въ шумѣ пляски забываютъ топоръ, который скоро повалитъ жертву. Эта незамѣняемость здѣшней жизни, разъ утраченной, есть характеръ древности и ея поэзій; эта незамѣняемость есть источникъ глубокой меланхоліи, никогда не выражаемой, но всегда тайно и явно присутственной. Кто изъ новѣйшихъ имѣетъ болѣе меланхоліи Горация? Но Горациева меланхолія понятна: она есть выраженіе естественное лица его; меланхолія новѣйшихъ есть кривляніе, есть маска. Тамъ гдѣ есть Евангеліе, не можетъ уже быть той меланхоліи, о которой я говорилъ выше, которой все запечатлѣно въ до-евангельскомъ мірѣ; теперь лучшее, верховное, все замѣняющее благо — то, что одно неизмѣнно, одно существуетъ, дано одинъ разъ навсегда душѣ человеческой Евангеліемъ; правда, мы можемъ и теперь, какъ и древніе, говорить: земное на минуту, все измѣняется, все гибнетъ; но мы говоримъ такъ о погибели однихъ вѣдшихъ, чуждыхъ намъ призраковъ, замѣняемыхъ для насъ вѣрнымъ, негибнущимъ, существеннымъ, внутреннимъ, нашимъ; а древніе говорили о гибели того, что одно было для нихъ существенно и что для нихъ, разъ погибнуть, уже ничѣмъ

замѣняемо не было. Но куда же я убѣжалъ отъ Гомера? Возвращаясь къ нему, скажу вамъ, что хочется сдѣлать два изданія Одиссеи русской: одно для всѣхъ читателей, другое для юности. По моему мнѣнію, нѣтъ книги, которая была бы приличнѣе первому, свѣжему возрасту, какъ чтеніе, возбуждающее всѣ способности души прелестію разнообразною; только надобно дать въ руки молодежи не сухую выписку въ прозѣ изъ Одиссеи, а самого живаго рассказчика, Гомера. Я думаю, что съ моимъ переводомъ это будетъ сдѣлать легко; онъ простъ и доступенъ всѣмъ возрастамъ, и можетъ быть во всякой учебной и даже дѣтской. Надобно только сдѣлать выпуски и поправки; ихъ будетъ сдѣлать легко и число ихъ будетъ весьма невелико. Къ этому очищенному Гомеру я намѣренъ придать родъ пролога; представить въ одной картинѣ все, что было до начала странствія Одиссея. Эта картина обхватитъ весь первобытный, мифологическій и героическій міръ грековъ; рассказъ долженъ быть въ прозѣ; но все, что непосредственно составляетъ цѣлое съ Одиссеею, то есть, Троянская война, гибель Ахиллова, паденіе Трои, судьба Ахилла и Пріамова дома, все должно составить одинъ сжатый рассказъ гекзаметрами, рассказъ спитый изъ разныхъ отрывковъ Иліады, трагиковъ и Энеиды, и приведенный къ одному знаменателю. Въ этотъ рассказъ вошли бы одно нѣкоторыя пѣсни Иліады, вполне переведенныя. Такимъ образомъ Одиссея для дѣтей была бы въ одно время и живою исторіею древней Греціи, и полною картиною ея мифологии, и самою образовательною дѣтскою книгою.

1845 г.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ:

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Собраніе боговъ. Они опредѣляютъ, что Одиссей, преслѣдуемый Посидономъ и противъ воли удерживаемый нимфою Калипсо на островѣ Огигіи, долженъ наконецъ возвратиться въ свое отечество Итаку. Афина, подъ видомъ Ментеса, является Телемаку и даетъ ему совѣтъ посѣтить Пилосъ и Спарту и выгнать жениховъ Пенелопы изъ Одиссеева дома. Телемакъ въ первый разъ говоритъ рѣшительно съ матерью и женихами. Ночь.

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
 Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
 Многихъ людей города посѣтилъ и обычай видѣлъ,
 Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеннхъ заботясь
 Жизни своей и возвратѣ въ отчизну спутниковъ; тщетны
 Были однако заботы, не спасъ онъ спутниковъ: сами
 Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
 Съѣвши быковъ Геліоса, надъ нами ходящаго бога—
 День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ
¹⁰Что нибудь намъ, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
 Всѣ ужъ другіе, погибели вѣрной избѣгшіе, были
 Дома, избѣгнувъ и брани и моря; его лишь, разлукой
 Съ милой женой и отчизной крушимаго, въ гротѣ глубокомъ
 Свѣтлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
¹⁵Силой держала, напрасно желая, чтобъ былъ ей супругомъ.
 Но когда наконецъ обращенъ время приведень былъ
 Годъ, въ который ему возвратиться назначили боги

Въ домъ свой, въ Итаку [но гдѣ и въ объятіяхъ вѣрныхъ
друзей онъ

Все не избѣгъ отъ тревогъ], преисполнились жалостью боги
³⁰Всѣ; Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

Но въ то время онъ былъ въ отдаленной странѣ еѳіоповъ
[Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни, гдѣ нисходитъ
Богъ свѣтоносный, другіе, гдѣ всходитъ], чтобъ тамъ отъ
народа

²⁵Пышную тучныхъ быковъ и барановъ принять экатомбу.

Тамъ онъ, сидя на пиру, веселился; другіе же боги
Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ собраны были.

Съ ними людей и бессмертныхъ отецъ начинаетъ бесѣду;
Въ мысляхъ его былъ Эгистъ безразсудный [его же Атридовъ
³⁰Сынъ, знаменитый Орестъ умертвилъ]; и о немъ помышляя,
Слово къ собранью боговъ обращаетъ Зевесъ Олимпіецъ:

Странно, какъ смертные люди за все насъ боговъ обвиняютъ!
Зло отъ насъ, утверждаютъ они; но не сами ли часто
Гибель, судьбѣ вопреки, на себя навлекаютъ безумствомъ?

³⁵Такъ и Эгистъ: не судьбѣ ль вопреки онъ супругу Атрида
Взялъ, умертвивши его самого при возвратѣ въ отчизну?

Гибель онъ вѣрную вѣдалъ; отъ насъ былъ къ нему остроокий
Эрмій, губитель Аргуса, ниспосланъ, чтобъ онъ на убійство
Мужа не смѣлъ посягнуть и отъ брака съ женой воздержался.

⁴⁰«Местъ за Атрида свершится рукою Ореста, когда онъ
Въ домъ свой вступитъ, возмужавъ, какъ наслѣдникъ, захо-
четъ», такъ было

Сказано Эрміемъ—тщетно! не тронуть Эгистова сердца
Богъ благосклонный совѣтомъ, и разомъ за все заплатилъ онъ.—
Тутъ свѣтлобая Зевсова дочь Аѳиняя Паллада

⁴⁵Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка,
Правда твоя, заслужилъ онъ погибель, и такъ да погибнетъ
Каждый подобный злодѣй! но теперь сокрушаетъ мнѣ сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно онъ
Страждетъ, въ разлукѣ съ своимъ, на островѣ, вѣлнообъятномъ

⁵⁶Пусть широкаго моря, лѣсистомъ, гдѣ властвуетъ нимфа,
 Дочь кознодѣя Атланта, которому вѣдомы моря
 Всѣ глубины, и который одинъ подпираетъ громаду
 Длинноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо и землю.
 Силой Атланта дочь Одиссея, лющаго слезы,
⁵⁵Держить, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ словъ объ
 Итакѣ

Память надѣясь въ немъ истребить. Но, напрасно желая
 Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ восходящій,
 Смерти единой онъ молить. Ужель не войдетъ состраданье
 Въ сердце твое, Олимпіецъ? Тебя ль не довольно дарами
⁶⁰Чтилъ онъ въ Троянской землѣ, среди кораблей тамъ
 ахейскихъ

Жертвы тебѣ совершая? За что жъ ты разгнѣванъ, Кроніонъ?
 Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
 Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
 Я позабылъ Одиссея, безсмертнымъ подобнаго мужа,
⁶⁵Столь отличнаго въ сонмѣ людей и умомъ и усерднымъ
 Жертвъ приношеньемъ богамъ, безпредѣльнаго неба влады-
 камъ?

Нѣтъ! Посидонъ, обволнитель земли, съ нимъ упорно враж-
 дуетъ,

Все негодуя за то, что циклопъ Полифемъ богоравный
 Имъ ослѣпленъ: изъ циклоповъ сильнѣйшій, Фодзою нимфой,
⁷⁰Дочерью Форка, владыки пустынно-соленаго моря,
 Былъ онъ рожденъ отъ ея съ Посидономъ союза въ глубокомъ
 Гротѣ. Хотя колебатель земли Посидонъ Одиссея
 Смерти предать и не властенъ, но, по морю всюду гоняя,
 Все отъ Итаки его онъ отводитъ. Размыслимъ же вмѣстѣ,
⁷⁵Какъ бы отчизну ему возвратить. Посидонъ отказаться
 Долженъ отъ гнѣва: одинъ со всѣми безсмертными въ спорѣ,
 Вѣчнымъ богамъ вопреки, безъ успѣха онъ злобствовать бу-
 деть.

Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аоннея Паллада
 Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка!

⁸⁰Если угодно блаженнымъ богамъ, чтобъ увидѣть отчизну
 Могъ Одиссей хитроумный, то Эрмія Аргусо-убійца,
 Воли боговъ совершитель, пусть будетъ на островъ Огигскій
 Къ нимфѣ прекраснокудрявой ниспосланъ отъ насъ возвѣс-
 тить ей

Нашъ приговоръ неизмѣнный, что срокъ наступилъ возвратиться

⁸⁵Въ землю свою Одиссею, въ бѣдахъ постоянному. Я же
 Прямо въ Итаку пойду возбудить въ Одиссеевомъ сынѣ
 Гнѣвъ и отважностью сердце его преисполнить чтобъ созвалъ
 Онъ на совѣтъ густовласыхъ ахеянъ и въ домъ Одиссеевъ
 Входъ запретилъ женихамъ, у него безошадно губящимъ

⁹⁰Мелкій скотъ и быковъ криворогихъ и медленноходныхъ.
 Спарту и Пилось песчаный потомъ посѣтитъ онъ, чтобъ свѣдать
 Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи,
 Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава.
 Кончивъ, она привязала къ ногамъ золотыя подошвы,

⁹⁵Амвросіальныя, всюду ее надъ водой и надъ твердымъ
 Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ;
 Послѣ взяла боевое копье, заощренное мѣдью,
 Твердое, тяжкоогромное, имъ же во гнѣвѣ сражаетъ
 Силы героевъ она, громоноснаго бога рожденье.

¹⁰⁰Бурно съ вершины Олимпа въ Итаку шагнула богиня.
 Тамъ на дворѣ, у порога дверей Одиссеева дома
 Стала она съ мѣдноострымъ копьемъ, облеченная въ образъ
 Гостя, тафійцевъ властителя, Ментеса; собранныхъ вмѣстѣ
 Всѣхъ жениховъ, многобуйныхъ мужей, тамъ богиня узрѣла;

¹⁰⁵Въ кости играя, сидѣли они передъ входомъ на кожахъ
 Ими убитыхъ быковъ, а глашатаи, столъ учреждая,
 Вмѣстѣ съ рабами проворными бѣгали: тѣ наливали
 Воду съ виномъ въ пировыя кратеры; а тѣ, ноздреватой
 Губкой омывши столы, ихъ сдвигали и, разнаго мяса

¹¹⁰Много нарѣзавъ, его разносили. Богиню Аѳину
 Прежде другихъ Телемакъ богоравный увидѣлъ. Прискорбенъ
 Сердцемъ въ кругу жениховъ онъ сидѣлъ, объ одномъ по-
 мышляя:

Гдѣ благородный отецъ, и какъ, возвратяся въ отчизну,
 Хищниковъ онъ по всему своему разгоняетъ жилищу,
¹¹⁵Власть восприметь и будетъ опять у себя господиномъ.
 Въ мысляхъ такихъ съ женихами сидѣ, онъ увидѣлъ Аѳину;
 Тотчасъ онъ всталъ и ко входу поспѣшно пошелъ, негодуя,
 Въ сердцѣ, что странникъ былъ ждѣть принужденъ за поро-
 гомъ; приближась,

Взявъ онъ за правую руку пришельца, копье его принявъ,
¹²⁰Голосъ потомъ свой возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
 Радуйся, странникъ! войди къ намъ; радушно тебя угостимъ мы;
 Нужду жъ свою намъ объявишь, насытившись нашею пищей.
 Кончивъ, пошелъ впереди онъ, за нимъ Аѳиней Паллада.
 Съ нею вступа въ пировую палату, къ колоннѣ высокой
¹²⁵Прямо съ кошемъ подошелъ онъ, и спряталъ его тамъ въ
 поставѣ

Гладкообтесанномъ, гдѣ запираемы въ прежнее время
 Копья царя Одиссея, въ бѣдахъ постоянного, были.
 Къ кресламъ богатымъ, искусной работы, подведши Аѳину,
 Съѣсть въ нихъ ее пригласилъ онъ, покрывъ напередъ ихъ
 узорной
¹³⁰Тканью; для ногъ же была тамъ скамейка; потомъ онъ
 поставилъ

Стулъ рѣзной для себя въ отдаленнѣ отъ прочихъ, чтобъ гостю
 Шумъ веселящейся буйно толпы не испортилъ обѣда,
 Также, чтобъ втайнѣ его разспросить объ отцѣ отдаленномъ.
 Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть имъ
¹³⁵Полный студѣной воды золотой рукоюйникъ рабыня,
 Гладкѣй потомъ пододвинула столъ; на него положила
 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
 Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднося ихъ высоко,
 Мясa различнаго крайчѣй принесъ, и его предложивъ имъ,
¹⁴⁰Кубки златые на браномъ столѣ передъ ними поставилъ;
 Началъ глашатай смотрѣть, чтобъ виномъ наполнялися чаще
 Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сѣли
 Чиномъ на креслахъ и стульяхъ; глашатай подали воду

Руки умыть имъ; невольницы хлѣбъ принесли имъ въ корзинахъ;
¹⁴⁵Отроки свѣтлымъ напиткомъ до края имъ налили чаши.
 Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ лакомой пищей, вошло имъ
 Въ сердце иное — желаніе сладкаго пѣнья и пляски:
 Пиру они украшенъе; и звонкую цитру гламатай
¹⁵⁰Фемію подалъ, пѣвцу, передъ ними во всякое время
 Пѣть принужденному; въ струны ударивъ, прекрасно запѣлъ
 онъ.

Тутъ осторожно сказала Телемакъ свѣтлоюкой Аѳинѣ,
 Голову къ ней приклонивъ, чтобъ его не слышали другіе:
 Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
¹⁵⁵Здѣсь веселятся; у нихъ на умѣ лишь музыка да пѣнье;
 Это легко: пожираютъ чужое безъ платы, богатство
 Мужа, котораго бѣлыя кости, быть можетъ, иль дождигъ
 Гдѣ нибудь мочить на брегѣ, иль волны по взморью катаютъ.
 Еслибъ онъ вдругъ передъ ними явился въ Итакѣ, то всѣ бы,
¹⁶⁰Вмѣсто того, чтобъ копить и одежды и золото, стали
 Только о томъ лишь молиться, чтобъ были ихъ ноги быстрѣе.
 Но погибъ онъ, постигнутый гнѣвной судьбой, и отрады
 Нѣтъ намъ, хотя и приходятъ порой отъ людей земнородныхъ
 Вѣсти, что онъ возвратится — ему ужъ возврата не будетъ.
¹⁶⁵Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
 Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
 Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогою
 Прибылъ въ Итаку и кто у тебя корабельщики? Въ край нашъ
 [Это конечно я знаю и самъ] не пѣшкомъ же пришелъ ты.
¹⁷⁰Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
 Въ первый ли разъ посѣтилъ ты Итаку, иль здѣсь ужъ бывалый
 Гость Одиссеевъ? Въ тѣ дни иноземцевъ собиралось много
 Въ нашемъ домѣ: съ людьми обхожденъе любилъ мой родитель.
 Дочь свѣтлоюкая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
¹⁷⁵Все откровенно тебѣ расскажу; я царя Анхіяла
 Мудраго сынъ, именуяся Ментесомъ, правлю народомъ
 Веселюлюбивыхъ тафійцевъ; и нынѣ корабль мой въ Итаку

Вмѣстѣ съ моими людьми я привелъ; путешествуя темнымъ
 Моремъ къ народамъ инаго языка, хочу я въ Темезѣ
¹⁸⁰Мѣди добыть, на нее обмѣнявшись блестящимъ желѣзомъ;
 Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейдона дѣси-
 стымъ

На полѣ, въ пристани Ретрѣ, далеко отъ города. Наши
 Предки издавна гостями другъ другу считаются; это,
 Можетъ быть, слышавъ нерѣдко и самъ ты когда посѣщаешь
¹⁸⁵Дѣда героя Лаэрта.... а онъ, говорятъ, ужъ не ходитъ
 Болѣе въ городъ, но въ полѣ далеко живетъ, удрученный
 Горемъ, съ старушкой служанкой, которая, старца покая,
 Пищей его подкрѣпляетъ, когда устаетъ онъ, влачась
 По полю взадъ и впередъ посреди своего винограда.
¹⁹⁰И же у васъ оттого, что сказали мнѣ, будто отецъ твой
 Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
 Ибо не умеръ еще на землѣ Одиссей благородный;
 Гдѣ нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятномъ
 Островѣ запертъ живой онъ, иль, можетъ быть, страдаетъ
 въ неволѣ
¹⁹⁵Хищниковъ дикихъ ~~на~~ насильственно имъ овладѣвшихъ. Но
 слушай

То, что тебѣ предскажу я, что мнѣ всемогущіе боги
 Въ сердце вложили, чему неминуемо сбыться, какъ самъ я
 Вѣрю, хотя не пророкъ и по птицамъ гадать неискусенъ.
 Будетъ недолго онъ съ милой отчизной въ разлукѣ, хотя бы
²⁰⁰Связанъ желѣзными узами былъ; но домой возвратиться
 Вѣрное средство отыщеть: на вымыслы онъ хитроумень.
 Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
 Подлинно ль вижу въ тебѣ Одиссеева сына? Ты чудно
 Съ нимъ головой и глазами прекрасными сходенъ; еще я
²⁰⁵Помню его; въ старину мы другъ съ другомъ видалися часто;
 Было то прежде отплытія въ Трюю, куда изъ ахеянъ
 Лучшіе съ нимъ въ крутобокихъ своихъ корабляхъ устремились.
 Съ той же поры ни со мной онъ, ни я съ нимъ нигдѣ не
 встрѣчались.

*

Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
²¹⁰Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.

Мать увѣряетъ, что сынъ я ему, но самъ я не знаю:

Вѣдать о томъ, кто отецъ нашъ, навѣрное намъ невозможно.

Лучше бъ, однако, желалъ я, чтобъ мнѣ не такой злопо-
 лучный

Мужъ былъ отцомъ: во владѣнняхъ своихъ, онъ до старости бъ
 поздней

²¹⁵Дожилъ. Но, если ужъ ты вопрошаешь, то онъ, изъ жи-
 вущихъ

Самый несчастливый нынѣ, отецъ мнѣ, какъ думаютъ люди.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Видно угодно безсмертнымъ, чтобъ былъ не безъ славы въ
 грядущемъ

Домъ твой, когда Пенелопѣ такого, какъ ты, даровали

²²⁰Сына. Теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая,

Что здѣсь у васъ происходитъ? Какое собранье? Дашь ли

Праздникъ, иль свадьбу пируешь? Не складочный пиръ здѣсь
 конечно.

Кажется только, что гости твои необузданно въ вашемъ

Домѣ безчинствуютъ: всякій порядочный въ обществѣ съ ними

²²⁵Быть устыдится, позорное ихъ поведеніе вида.

Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,

Если ты вѣдать желаешь, то все расскажу откровенно.

Нѣкогда полонъ богатства былъ домъ нашъ; онъ былъ ува-
 жаемъ

Всѣми въ то время, какъ здѣсь неотлучно тотъ мужъ нахо-
 дился.

²³⁰Нынѣ жъ иначе рѣшили враждебные боги, покрывши

Участь его неприступною тьмою для цѣлаго свѣта;

Менѣ сталъ бы о немъ я крушиться, когда бы онъ умеръ:

Если бъ въ Троянской землѣ межъ товарищей бравныхъ по-
 гибъ онъ,

Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался,

²³⁵Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ
 народомъ,

Сыну бѣ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ....
 Нынѣ же Гарши взяли его, и безвѣстно пропалъ онъ,
 Свѣтомъ забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
 Сыну въ наслѣдство оставилъ. Но я не объ немъ лишь единомъ
²⁴⁰Плачу; другое великое горе мнѣ боги послали:

Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
 Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закинеа,
 Первые люди Итаки утесистой, мать Пенелопу
 Нудять упорно ко браку и наше имѣнїе грабятъ;
²⁴⁵Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить,
 ни отъ брака

Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно
 Наше добро, и меня самого напослѣдокъ погубятъ.
 Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчала богиня Аоина:

Горе! я вижу, сколь нынѣ тебѣ твой отецъ отдаленный
²⁵⁰Нуженъ, чтобъ сильной рукой съ женихами безстыдными
 сладить.

О когда бѣ онъ въ тѣ двери вступилъ, возвратяся внезапно,
 Въ шлемѣ, щитомъ покровенный, въ рукѣ два копыя мѣдно-
 острыхъ!....

Такъ впервые увидѣлъ его я въ то время, когда онъ
 Въ домѣ у насъ веселился виномъ, посѣтивши въ Эфирѣ
²⁵³Ила, Мермѣрова сына [и той стороны отдаленной
 Царь Одиссей достигалъ на своемъ кораблѣ быстроходномъ;
 Яда, смертельнаго людямъ, искалъ онъ; дабы напоить имъ
 Стрѣлы свои, заощренныя мѣдью; но Илъ отказался

Дать ему яда, всезрящихъ боговъ раздражить опасаясь;
²⁶⁰Мой же отецъ имъ его надѣлилъ по великой съ нимъ дружбѣ].
 Если бы въ видѣ такомъ Одиссей женихамъ вдругъ явился,
 Сдѣлался бѣ бракъ имъ, судьбой неизбежной постигнутымъ,
 горекъ.

Но—того мы, конечно, не вѣдаемъ—въ лонѣ безсмертныхъ
 Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратяся, истребить ихъ
²⁶⁵Въ этомъ жилищѣ иль нѣтъ. Мы размыслимъ теперь со-
 вокупно,

Какъ бы тебѣ самому отъ грабителей домъ свой очистить.
 Слушай же то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
 Завтра, созвавъ на совѣтъ благородныхъ ахеянъ, предъ ними
 Все объяви ты, въ свидѣтели правды призвавши бессмертныхъ;
²⁷⁰Послѣ потребуй, чтобъ всѣ женихи по домамъ разошлись;

Матери жъ, если супружество сердцу ея не противно,
 Ты предложи, чтобъ къ отцу многосильному въ домъ воз-
 вратилась,

Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
 Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надѣлать онъ.

²⁷⁵Также усердно совѣтую, если совѣтъ мой ты примешь:
 Прочный корабль съ двадцатью снарядивши гребцами, от-
 правься

Самъ за своимъ отдаленнымъ отцомъ, чтобъ провѣдать, какая
 Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ прорицанье
 Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.

²⁸⁰Пйлось сперва посѣтивъ, ты узнай, что божественный Несторъ
 Скажетъ; потомъ Менелая найди златовласаго въ Спартѣ;
 Прибыль домой онъ послѣдній изъ всѣхъ мѣднолатныхъ ахеянъ.
 Если услышишь, что живъ твой родитель, что онъ возвратится,
 Жди его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же

²⁸⁵Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ
 живыми,

То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратися,
 Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыпь и обычную пышно
 Тризну по немъ соверши; Пенелопу жъ склони на замужство.
 Послѣ, когда надлежащимъ порядкомъ все дѣло устроишь.

²⁹⁰Твердо рѣшившись, умомъ осмотрительнымъ выдумай сред-
 ство,

Какъ бы тебѣ жениховъ, захватившихъ насильственно домъ
 вашъ,

Въ немъ погубить иль обманомъ иль явною силой; тебѣ же
 Быть ужъ ребенкомъ нельзя, ты изъ дѣтскаго возраста вышель;
 Знаешь, какую божественный отрокъ Орестъ передъ цѣлымъ
²⁹⁵Свѣтомъ украсился честью, отмстивши Эгисту, которымъ

Быль умерщвленъ злоковарно его многославный родитель?
 Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно
 созрѣвшій,

Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвашили.
 Время однако ужъ мнѣ возвратиться на быстрый корабль мой
 300 Къ спутникамъ, ждущимъ конечно меня съ нетерпѣньемъ
 и скукой.

Ты жъ о себѣ позаботься, уваживши то, что сказать я.
 Милый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
 Пользы желая моей, говоришь ты со мною, какъ съ сыномъ
 Добрый отецъ; я о томъ, что совѣтовалъ ты, не забуду.
 305 Но подожди же, хотя и торопишься въ путь; здѣсь прохладной
Баней и члены и душу свою освѣживъ, возвратишься
 Ты на корабль, къ удовольствію сердца богатый подарокъ
 Взявъ отъ меня, чтобъ его мнѣ на память беречь, какъ обычай
 Есть межъ людьми, чтобъ прощаяся, гости другъ друга дарили.

310 Дочь свѣтлоокая Зевса Аѣнна ему отвѣчала:
 Нѣтъ! не держи ты меня, тороплюсь я безмѣрно въ дорогу;
 Твой же подарокъ, обѣщанный мнѣ такъ радушно тобою,
 Къ вамъ возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
 Въ даръ получивъ дорогое и самъ дорогимъ отдаривши.
 315 Съ сими словами Зевесова дочь свѣтлоокая скрылась,
 Быстрой невидимо птицею вдругъ улетѣвъ. Поселила
 Твердость и смѣлость она въ Телемаковомъ сердцѣ, живѣ
 Вспомнить заставивъ его объ отцѣ; но проникъ онъ душою
 Тайну и чувствовалъ страхъ, угадавъ, что бесѣдовалъ съ бо-
 гомъ.

320 Тутъ къ женихамъ онъ, божественный мужъ, подошелъ;
 передъ ними

Пѣлъ знаменитый пѣвецъ и съ глубокимъ вниманьемъ сидѣли
 Молча они; о печальномъ ахеянъ изъ Трои возвратѣ,
 Нѣкогда имъ учрежденномъ богиней Аѣнною, пѣлъ онъ.
 Въ верхнемъ покоѣ своемъ вдохновенное пѣнье услышавъ,
 325 Внизъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно сошла Пенелопа,
 Старца Ивѣрія дочь многоумная; вмѣстѣ сошли съ ней

Двѣ изъ служанокъ ея; и она, божество межъ женами,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
 Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
³³⁰Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ.
 Справа и слѣва почтительно стали служанки; царица
 Съ плачемъ тогда обратила къ пѣвцу вдохновенному слово:
 Фемій, ты знаешь такъ много другихъ восхищающихъ душу
 Пѣсней, сложенныхъ пѣвцами во славу боговъ и героевъ;
³³⁵Спой же изъ нихъ, предъ собраніемъ сидя, одну; и въ мол-
 чаньи

Гости ей будутъ внимать за виномъ; но прерви начатую
 Пѣсню печальную; сердце въ груди замираетъ, когда я
 Слышу ее: мнѣ изъ всѣхъ жесточайшее горе досталось;
 Мужа такого лишася, я всечасно скорблю о погибшемъ,
³⁴⁰Столь преисполнившемъ славою своею и Элладу и Аргось.
 Милая мать, возразилъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
 Какъ же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше
 То воспѣвать, что въ его пробуждается сердце? Виновенъ
 Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
³⁴⁵Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.
 Нѣтъ, не препятствуй пѣвцу о печальномъ возвратѣ данаевъ
 Пѣть—съ похвалою великою люди той пѣсни внимають,
 Всякій разъ ею, какъ новою, душу свою восхощая;
 Ты же сама въ ней найдешь не печаль, а печали усладу:
³⁵⁰Быль не одинъ отъ боговъ осужденъ потерять день возврата
 Царь Одиссей, и другихъ знаменитыхъ погибло не мало.
 Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
 Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ ра-
 ботѣ
 Были своей: говорить же не женское дѣло, а дѣло
³⁵⁵Мужа, и нынѣ мое; у себя я одинъ повелитель.
 Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
 Къ сердцу слова многоумна сына принявъ и въ покоѣ
 Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служа-
 нокъ.

Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
³⁶⁰Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
 Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли,
 Споря о томъ, кто изъ нихъ съ Пенелопею ложе раздѣлитъ.
 Къ нимъ обратясь, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
³⁶⁵Станемъ спокойно теперь веселиться: прервите вашъ шумный
 Споръ; намъ приличнѣй вниманье склонить къ пѣснопѣвцу,
 который,
 Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.
 Завтра же утромъ васъ всѣхъ приглашаю собраться на площадь.
 Тамъ всенародно въ лицо вамъ скажу, чтобъ очистили всѣ вы
³⁷⁰Домъ мой; иные пиры учреждайте; свое, а не наше
 Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.
 Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче
 Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы—сожрите
 Все; но на васъ я боговъ призову; и Зевесъ не замедлитъ
³⁷⁵Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо всѣ вы,
 Также безъ платы, погибните въ домѣ, разграбленномъ вами.
 Онъ замолчалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
 Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
 Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, ему отвѣчалъ возражая:
³⁸⁰Сами боги конечно тебя, Телемакъ, научили
 Быть столь кичливымъ и дерзкимъ въ словахъ, и бѣда намъ,
 когда ты

Въ волнообъятной Итакѣ, по волѣ Кроніона, будешь
 Нашимъ царемъ, ужъ имѣя на то по рожденью и право!
 Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
³⁸⁵Другъ Антиной, не сердись на меня за мою откровенность;
 Если бъ владычество далъ мнѣ Зевесъ, я охотно бы принялъ.
 Или ты мыслишь, что царская доля всѣхъ хуже на свѣтѣ?
 Нѣтъ, конечно, царемъ быть не худо; богатство въ царевомъ
 Домѣ скопляется скоро, и самъ онъ въ чести у народа.
³⁹⁰Но межъ ахейцами волнообъятной Итаки найдется
 Много достойнѣйшихъ власти и старыхъ и юныхъ; межъ ними

Вы изберите, когда ужъ не стало царя Одиссея.

Въ домѣ жъ своемъ я одинъ повелитель: здѣсь мнѣ подобаеть
Власть надъ рабами, для насъ Одиссеемъ добытыми въ битвахъ.

³⁹⁵Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибевъ, такъ отвѣчалъ Телемаку:

О Телемакъ, мы не знаемъ—то въ лонѣ безсмертныхъ сокрыто—
Кто надъ ахейцами волнообъятой Итаки назначенъ

Царствовать; въ домѣ жъ своемъ ты конечно одинъ повелитель;

Нѣтъ, не найдется, пока обитаема будетъ Итака,

⁴⁰⁰Здѣсь никого, кто бъ дерзнулъ на твое посягнуть достоянье.

Но я желалъ бы узнать, мой любезный, о нынѣшнемъ гостѣ.

Какъ его имя? Какую своимъ онъ отечествомъ славить

Землю? Какого онъ рода и племени? Гдѣ онъ родился?

Съ вѣстью ль къ тебѣ о желанномъ возвратѣ отца приходилъ
онъ?

⁴⁰⁵Иль посѣтилъ насъ, по собственной нуждѣ заѣхавъ въ Итаку?

Вдругъ онъ отсюда пропалъ, не дождавшись, чтобъ съ нимъ
хоть немного

Мы ознакомились; былъ человекъ не простой онъ конечно.

Другъ Эвримахъ, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссею,
День свиданья съ отцомъ навсегда мной утраченъ; не буду

⁴¹⁰Болѣе вѣрить ни слухамъ о скоромъ его возвращеньи,

Ниже напраснымъ о немъ прорицаньямъ, къ которымъ, сзывая

Въ домъ свой гадателей, мать прибѣгаетъ. А нынѣшній гость
нашъ

Былъ Одиссеевымъ гостемъ; онъ родомъ изъ Тафоса, Ментесъ,

Сынъ Анхιάла, царя многоумнаго, править народомъ

⁴¹⁵Веслолюбивыхъ тафійцевъ. Но такъ говоря, убѣжденъ былъ

Въ сердцѣ своемъ Телемакъ, что богиню безсмертную видѣлъ.

Тѣ же, опять обратившись къ пляскѣ и сладкому пѣнью,

Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же

Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,

⁴²⁰Всѣ разошлись по домамъ, чтобъ предаться безопасно покою.

Скоро и самъ Телемакъ въ свой высокой чертогъ [на пре-
красный

Дворъ обращенъ былъ лицомъ онъ съ обширнымъ предъ ок-
нами видомъ],

Всѣхъ проводивши, пошелъ, про себя размышляя о многомъ.
Факель зажженный неся, передъ нимъ съ осторожнымъ усердь-
емъ

⁴²⁵Шла Эвриклея, разумная дочь Пенсендірида Описа;
Куплена въ лѣтахъ цвѣтущихъ Лаэртомъ она — заплатилъ онъ
Двадцать быковъ, и ее съ благой нравной своею супругой
Въ домъ своею уважалъ наравнѣ, и себѣ не позволилъ
Ложа коснуться ея, опасаяся ревности женской.

⁴³⁰Факель неся, Эвриклея вела Телемака—за нимъ же
Съ дѣтства ходила она и ему угождала усерднѣй
Прочихъ невольницъ. Въ богатую спальню она отворила
Двери; онъ сѣлъ на постелю и, тонкую снявши сорочку,
Въ руки старушки заботливой бросилъ ее; осторожно

⁴³⁵Въ складки сложивъ и уладивъ, на гвоздь Эвриклея сорочку
Подлѣ кровати, искусно точеной, повѣсила; тихо

Вышла изъ спальни; (серебряной ручкою дверь затворила;
Крѣпко задвижку ремнемъ затянула;) потомъ удалилась.

Онъ же всю ночь на постели, покрытой овчиною мягкой,

⁴⁴⁰Въ сердцѣ обдумывалъ путь, учрежденный богиней Аенной.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ВТОРОЙ ДЕНЬ, ДО РАЗСВѢТА ТРЕТЬЕГО ДНЯ.

Рано по утру Телемакъ повелѣваетъ глашатаямъ созвать гражданъ
Итаки на площадь и требуетъ всенародно, чтобъ женихи покинули
домъ его. Антиной дерзко ему отвѣтствуетъ. Предвѣщательное яв-
леніе орловъ; его толкуетъ Галифердъ, которому грубо возражаетъ
Эвримахъ. Телемакъ требуетъ корабля для отплытія въ Пилось. Мен-
торъ упрекаетъ народъ въ равнодушіи къ сыну Одиссееву; противъ
него возстаетъ Леокритъ, который потомъ самовольно распускаетъ
народное собраніе. Аенна подъ видомъ Ментора ободряетъ мола-
шагося ей Телемака обѣщаніемъ дать ему корабль и провожатыхъ.
Ключница Эвриклея готовить запасъ на дорогу. Аенна, получивъ отъ
Нозмова корабль, приготовляетъ его къ отплытію; потомъ, уснувъ

жениховъ, пировавшихъ въ домѣ Одиссеевомъ, уводить съ собою Телемака на берегъ моря, куда приносить и всѣ приготовленные на дорогу запасы. Телемакъ вмѣстѣ съ мнимымъ Менторомъ, не протаясь съ Пенелопою, пускается въ море.

Встала изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эость;
 Ложе покинулъ тогда и возлюбленный сынъ Одиссеевъ)
 Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
 Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
 Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный.
 Звонкоголосыхъ глашатаевъ царскихъ созвавъ, (повелѣлъ онъ
 Кликнуть имъ кличъ, чтобъ на площадь собрать густовласыхъ
 ахеянъ;
 Кликнули тѣ; собралися на площадь другіе) когда же
 Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ,
 10Съ мѣднымъ въ рукѣ онъ копьемъ передъ сонмомъ народ-
 нымъ явился —

Быль не одинъ, двѣ лихіа за нимъ прибѣжали собаки.
 Образъ его несказанной красой озарила Аѳина,
 Такъ что дивилися люди, его подходящаго вида.
 Старцы предъ нимъ раздаліся и сѣлъ онъ на мѣстѣ отцовомъ.
 15Первое слово тогда произнесъ благородный Эгипцій,
 Старецъ, согбенный годами и въ жизни извѣдавшій много;
 Сынъ же его Антифонть копьевержецъ съ царемъ Одиссеемъ
 Въ кѣнеобильную Троию давно въ корабль крутобокомъ
 Поплылъ; онъ былъ умерщвленъ Полифемомъ свирѣпымъ въ
 глубокомъ

20Гротѣ, послѣдній, похищенный имъ для вечерня пиши.
 Три оставался старцу: одинъ, Евриномъ, съ женами
 Буйствовалъ; два помогали отцу обрабатывать поле;
 Но о погибшемъ не могъ позабыть онъ; объ немъ онъ все
 плакалъ,

Все сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ онъ народу:
 25Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
 Мы на совѣтъ не сходились ни разу съ тѣхъ поръ, какъ отсюда

Царь Одиссей въ быстроходныхъ своихъ корабляхъ удалился.
Кто же насъ собрать теперь? Кому въ томъ незапная нужда?

Юноша ль онъ развѣтвующій? Мужъ ли годами созрѣлый?

³⁰Слышалъ ли вѣсть о идущей на насъ непріятельской силѣ?

Хочетъ ли насъ остеречь, напередъ все подробно развѣдавъ?

Или о пользѣ народной какой предложить намъ намѣреть?

Долженъ быть честный онъ гражданинъ; слава ему! да поможетъ
Зевсъ помышлениямъ добрымъ его совершиться успѣшно.

³⁵Кончилъ. Словами его былъ обрадованъ сынъ Одиссеевъ;

Встать и къ собранію рѣчь обратитъ онъ немедля рѣшился;

Выступилъ онъ предъ людей и ему, къ нимъ идущему, въ руку

Скипетръ вложилъ Певсенѳоръ, глашатай, разумный совѣтникъ

Къ старцу сперва обратяся, ему онъ сказалъ: благородный

⁴⁰Старецъ, онъ близко [и скоро его ты узнаешь], кѣмъ здѣсь вы
Собраны—это я самъ, и печаль мнѣ великая нынѣ.

Я не слышалъ о идущей на насъ непріятельской силѣ;

Васъ остеречь не хочу, напередъ все подробно развѣдавъ;

Также о пользахъ народныхъ теперь предлагать не намѣреть.

⁴⁵Нынѣ о собственной, домъ мой постигшей бѣдѣ говорю я.

Двѣ мнѣ напасти: одна: мной утраченъ отецъ благородный,

Бывшій надъ вами царемъ и всегда, какъ дѣтей, васъ любившій;

Болѣе жъ злая другая напасть, отъ которой весь домъ нашъ

Скоро погибнетъ, и все, что въ немъ есть, до конца истребитъся,

⁵⁰Та, что преслѣдуютъ мать женихи неотступные, нашихъ

Гражданъ знатнѣйшихъ, собравшихся здѣсь, синовья, имъ про-
тивно

Прямо въ Икаріевъ домъ обратиться, чтобъ ихъ предложенье

Выслушалъ старецъ, и дочь, надѣленную щедро приданымъ,

Отдалъ по собственной волѣ тому, кто пріятнѣе сердцу.

⁵⁵Нѣтъ; имъ удобнѣй, вседневно врываяся въ домъ нашъ толпою,

Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откормленныхъ рѣзать,

Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно

Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого

Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавить.

⁶⁰Сами же мы безпомощны теперь, равномѣрно и послѣ

Будемъ, достойные жалости, вовсе безъ всякой защиты.
 Если бы сила была, то и самъ я нашель бы управу;
 Но нестерпимы обиды становятся; домъ Одиссеевъ
 Грабятъ безстыдно. Ужель не тревожить васъ совѣсть? По
 крайней

⁶⁵Мѣрѣ чужихъ устыдитесь людей и народовъ окружныхъ,
 Намъ сопредѣльныхъ; боговъ устрашитесь мщенья, чтобъ гнѣ-
 вомъ

Васъ не постигли самихъ, негодую на вашу неправду.

Я жъ къ Олимпійскому Зевсу взываю, взываю къ Ѡемидѣ,
 Строгой богинѣ, совѣты мужей учреждающей! Наше

⁷⁰Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
 Горемъ оставьте. Иль, можетъ быть, мой благородный родитель
 Чѣмъ оскорбилъ здѣсь умышенно мѣднообутыхъ ахеянъ;
 Можетъ быть то оскорбленье на мнѣ вы умышенно мстите,
 Грабятъ нашъ домъ возбуждая другихъ? Но желали бы лучше

⁷⁵Мы, чтобъ и скотъ нашъ живой, и лежачій запасъ нашъ вы сами
 Силою взяли; тогда бы для насъ сохранилась надежда:
 Мы бы дотолѣ по улицамъ стали скитаться, моля васъ
 Наше отдать намъ, покуда не все бы намъ отдано было;
 Нынѣ жъ вы сердце мое безнадежнымъ терзаете горемъ.

⁸⁰Такъ онъ во гнѣвѣ сказалъ и повергнулъ на землю свой скипетръ;
 Слезы изъ глазъ устремились: народъ состраданье проникло;
 Всѣ неподвижно-безмолвны сидѣли; никто не рѣшился
 Дерзостнымъ словомъ отвѣтствовать сыну царя Одиссея.

Но Антиной поднялся и воскликнулъ, ему возражая:

⁸⁵Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
 Насъ оскорбилъ, ты на насъ и вину возложить замышляешь?
 Нѣтъ, обвинять ты не насъ жениховъ предъ ахейскимъ народомъ
 Долженъ теперь, а свою хитроумную мать Пенелопу.

Три совершилося года, ужѣ наступилъ и четвертый

⁹⁰Съ тѣхъ поръ, какъ нами играя, она подаетъ намъ надежду
 Всѣмъ, и каждому порознь себя общаетъ, и вѣсти
 Добрыя шлетъ къ намъ, недоброе въ сердцѣ для насъ замышляя.
 Знайте, какую она вѣроломно придумала хитрость:

Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ
⁹⁵Тонко-широкую тканъ, и собравши насъ всѣхъ, намъ сказала:
 Юноши, нынѣ мои женихи—поелигу на свѣтѣ
 Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
 Кончепъ мой трудъ, чтобъ начатая тканъ не пропала мнѣ даромъ;
 Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
¹⁰⁰Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
 Паръами отдать, дабы не посмѣли ахейскія жены
 Мнѣ попрекнуть, что богатый столъ мужъ погребень безъ покрова.
 Такъ намъ сказала и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
 Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила, а ночью,
¹⁰⁵Факель зажегши, сама все нагканное днемъ распускала.
 Три года длился обманъ и она убѣждать насъ умѣла;
 Но когда обращенъеъ время приведень былъ четвертый—
 Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла;
 Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью;
¹¹⁰Такъ и была приневолена пѣхотя трудъ свой окончить.
 Ты же насъ слушай; тебѣ отвѣчаемъ, чтобъ могъ ты все вѣдать
 Самъ, и чтобъ вѣдали все равномѣрно съ тобой и ахейцы:
 Мать отошли, повелѣвъ ей немедля, на бракъ согласившись,
 Выбрать межъ нами того, кто отцу и самой ей угоденъ.)
¹¹⁵Если же долѣе будетъ играть сыновьями ахеянъ...
 Разумомъ щедро ее одарила Аонна; не только
 Въ разныхъ она рукодѣльяхъ искусна, но также и много
 Хитростей знаетъ, неслыханныхъ въ древніе дни и ахейскимъ
 Женамъ прекрасно-кудрявымъ невѣдомыхъ;) что ни Алкментъ
¹²⁰Древней, ни Тиро, ни пышно-вѣнчанной царевнѣ Микентъ
 Въ умъ не входило, то нынѣ увертливый умъ Пенелопи
 Намъ ко вреду изобрѣлъ; но ея изобрѣтенъя тщетны;
 Знай, не престанемъ твой домъ разорять мы до тѣхъ поръ, покуда
 Будетъ упорна она въ помышленьяхъ своихъ, ей богами
¹²⁵Въ сердце вложенныхъ; конечно, самой ей въ великую славу
 То обратится, но ты истребленъе богатства оплачешъ;
 Мы, говорю, не пойдемъ отъ тебя ни домой, ни въ иное
 Мѣсто, пока Пенелопа межъ нами не выберетъ мужа.

О Антиной, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,

¹³⁰Я не дерзну и помыслить о томъ, чтобъ велѣть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отецъ мой далѣко;

Живъ ли, погибъ ли, не знаю; но трудно съ Ибариемъ будетъ

Мнѣ расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно

Вышлю—тогда я подвергнусь и гнѣву отца и гоненью

¹³⁵Демона: страшныхъ Эринній, свой домъ покидая, накличетъ

Мать на меня и стыдомъ предъ людьми я покроюсь вѣчными.]

Нѣтъ, никогда не отважусь сказать ей подобнаго слова.

Вы же, когда хоть немного тревожить васъ совѣсть, покиньте

Домъ мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше

¹⁴⁰Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.

Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче

Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы—сожрите

Все; но на васъ я боговъ призову, п Зевесъ не замедлитъ

Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо всѣ вы,

¹⁴⁵Также безъ платы, погибнете въ домѣ, разграбленномъ вами.

Такъ говорилъ Телемакъ. И внезапно Зевесъ громовержецъ

Свыше къ нему двухъ орловъ испослалъ отъ горы каменистой;

Оба сначала, какъ будто несомые вѣтромъ, летѣли

Рядомъ они, широко распустивши огромныя крылья;

¹⁵⁰Но, налетѣвъ на средину собранія, полнаго шумомъ,

Начали быстро кружить съ непрестанными взмахами крыльевъ;

Очи ихъ, сверху на головы глядя, сверкали бѣдою;

Сами потомъ разцарапавъ другъ другу и груди и шеи,

Вправо умчались они, пролетѣвъ надъ собраньемъ и градомъ.

¹⁵⁵Всѣ, изумленные, птицъ провожали глазами и каждый

Думалъ о томъ, что явленіе ихъ предвѣщало въ грядущемъ?

Выступилъ тутъ предъ народъ Галифѣрдъ, многоопытный

старецъ,

Сынъ Мастѳоровъ; изъ сверстниковъ всѣхъ онъ одинъ по полету

Птицъ былъ искусенъ гадать и пророчить грядущее; полный

¹⁶⁰Мыслей благихъ, обратяся къ согражданамъ, такъ имъ ска-

залъ онъ:

Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки.

Прежде однако, дабы жениховъ образумить, скажу я
 Имъ, что бѣда неизбѣжная мчится на нихъ, что недолго
 Будеть въ разлукѣ съ семействомъ своимъ Одиссей, что уже онъ
¹⁶⁵Гдѣ нибудь близко таится, и смерть и погибель готова
 Всѣмъ имъ, что также и многимъ другимъ изъ живущихъ въ

Итакъ

Горновозвышенной бѣдствіе будетъ. Размыслимъ же, какъ бы
 Во-время намъ обуздать ихъ; но лучше, конечно, когда бы
 Сами они усмирились; то нынѣ всего бы полезнѣй
¹⁷⁰Было для нихъ: не безопытно такъ говорю, но навѣрно
 Зная, что будетъ; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
 Здѣсь предсказалъ передъ тѣмъ, какъ пошли вораблями ахейцы
 Въ Трою и съ ними пошелъ Одиссей многоумный. По многихъ
 Бѣдствіяхъ [такъ говорилъ я] и спутниковъ всѣхъ потерявши,
¹⁷⁵Всѣмъ незнакомый, въ исходѣ двадцатаго года въ отчизну
 Онъ возвратится. Мое предсказанье свершается нынѣ.
 Кончилъ. Ему отвѣчалъ Эвримахъ, сынъ Полибевъ: лучше,
 Старый разскащикъ домой возвратись, и своимъ малолѣтнимъ
 Дѣтямъ пророчествуя тамъ, чтобы бѣды имъ какой не случилось.
¹⁸⁰Въ нашемъ же дѣлѣ вѣрнѣе тебя я пророкъ; мы довольно
 Видимъ летающихъ на небѣ въ свѣтлыхъ лучахъ Геліоса
 Птиць, но не всѣ роковыя. А царь Одиссей въ отдаленномъ
 Краѣ погнѣ. И тебѣ бы погибнуть съ нимъ вмѣстѣ! Тогда бы
 Здѣсь ты не сталъ предсказаній такихъ вымышлять, возбуждая
¹⁸⁵Гнѣвъ въ Телемакѣ, уже раздраженномъ, и вѣрно надѣясь,
 Что нибудь въ даръ отъ него получить для себя и домашнихъ.
 Слушай однако—и то, что услышишь, исполнится вѣрно—
 Если ты этого юношу съ старымъ своимъ многознаньемъ
 Будешь пустыми словами на гнѣвъ возбуждать, то конечно
¹⁹⁰Это въ сугубое горе ему самому обратится;
 Противъ насъ всѣхъ онъ одинъ ничего совершить не успѣеть.
 Ты жъ, безразсудный старикъ, навлечешь на себя наказанье,
 Тяжкое сердцу: мы горько заставимъ тебя сокрушаться.
 Нынѣ я болѣ полезный совѣтъ предложу Телемаку:

¹⁹⁵Матери пусть повелитъ онъ къ Икарію въ домъ возвратиться,

Гдѣ, приготовивъ все нужное къ брагу, богатымъ приданымъ.
 Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надѣлать онъ.]
 Иначе, думаю, мы, сыновья благородныхъ ахейцъ,
 Мучить ее не престанемъ своимъ сватовствомъ. Никого здѣсь
²⁰⁰Мы не боимся, ни полнаго звучныхъ рѣчей Телемаха,
 Ниже пророчествъ, которыми ты, говорунъ посѣдѣлый,
 Всѣмъ докучаешь—ты намъ оттого ненавистнѣй; а домъ ихъ
 Весь разоримъ мы на наши пиры, и отъ насъ воздаянья
 Имъ не имѣтъ никакого, пока на желаемый нами
²⁰⁵Бракъ не рѣшится она; [ождая вседневно, кто будетъ
 Ею изъ насъ наконецъ предпочтенъ, мы къ другимъ обратимся
 Медлимъ невѣстамъ, чтобъ выбрать, какъ слѣдуетъ, женъ между
 ними.]

Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 О Эвримахъ, и вы всѣ, женихи знаменитые, болѣ
²¹⁰Васъ убѣждать не хочу и впередъ не скажу вамъ ни слова;
 Боги все вѣдаютъ, все благороднымъ ахейцамъ извѣстно.
 Вы же мнѣ прочный корабль съ двадцатью приобывшими быстро
 По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
 Спарту и Пилосъ песчаный сперва посѣтить, чтобъ провѣдать,
²¹⁵Есть ли тамъ слухи какіе о милomъ отцѣ и какая
 Въ людяхъ молва про него, или услышать о немъ прорицанье
 Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.
 Если узнаю, что живъ онъ, что онъ возвратится, то буду
 Ждать его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же
 [²²⁰Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ
 живыми,

То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратяся,
 Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыплю и должную пышно
 Тризну по немъ совершу; Пенелопу жъ склоню на замужство.]
 Кончивъ, онъ сѣлъ и умолкнулъ. Тогда поднялся неизмѣнный
²²⁵Спутникъ и другъ Одиссея, царя безпорочнаго, Менторъ.
 Възвѣрилъ ему Одиссей при отпльтин домъ, быть покорнымъ
 Старцу Лаэрту и все сберегать повелѣвши. И полный

Мыслей благихъ, обратися къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ
онъ:

Вслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;

²³⁰Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужъ впередъ ни
единый

Царь скиптоносный не долженъ, но правду изъ сердца изгнавши,
Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло,
(Если могли вы забыть Одиссея, который былъ нашимъ
Добримъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благо-
душный.)

²³⁵Нужды мнѣ нѣтъ обвинять жениховъ необузданно-дерзкихъ
Въ томъ, что они, самовластвуя здѣсь, замышляютъ худое.

Сами своею играютъ они головой, разоряя

Домъ Одиссея, котораго, мыслятъ, ужъ мы не увидимъ.

Васъ же, граждәне Итаки, хочу пристыдить: здѣсь собравшись,

²⁴⁰Вы равнодушно сидите и слова не скажете противъ

Малой толпы жениховъ, хотъ самихъ васъ число и большое.

Сынъ Эйвеноровъ тогда Леокритъ, негодуя, воскликнулъ:

Что ты сказалъ, безразсудный, зломышленный Менторъ?

Смирить насъ

Гражданамъ ты предлагаешь; но сладить имъ съ нами, которыхъ

²⁴⁵Также немало, на пиршествѣ трудно. Хотя бы внезапно

Самъ Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силою

Насъ, жениховъ благородныхъ, въ его веселящихся домѣ,

Выгнать оттуда замыслилъ, его возвращенъ въ отчизну

Было бъ женѣ, тосковавшей такъ долго по немъ, не на радость:

²⁵⁰Злая погибель его бы постигла, когда бы насъ многихъ

Вздумалъ одинъ одолѣть онъ; неумное слово сказалъ ты.

Вы жъ разоидитесь, люди, и каждый займися домашнимъ

Дѣломъ. А Менторъ пускай и мудрецъ Галифердъ, Одиссею

Вѣрность свою сохранившіе, въ путь снаряжать Телемака;

²⁵⁵Долго однако, я думаю, здѣсь просидитъ онъ, собирая

Вѣсти; пути же ему своего совершить не удастся.

Такъ онъ сказавъ, распустилъ самовольно собранье народа.

Всѣ, удалясь, по своимъ разошлись домамъ; женихи же

*

Въ домъ Одиссея, царя благороднаго, вновь возвратились.

²⁸⁰Но Телемакъ одиноко пошелъ на песчаное взморье.

Руки соленою влагой умывъ, возгласилъ онъ къ Аѳинѣ:

[Ты, посѣтившая домъ мой вчера и въ туманное море

Плыть повелѣвшая мнѣ, чтобъ развѣдалъ я, странствуя, нѣтъ ли

Слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи, богиня,

²⁸⁵Мнѣ помощи благосклонно; ахейцы мой путь затрудняютъ;

Паче жъ другихъ женихи многосильные, полные злобы.]

Такъ говорилъ онъ, молясь, и предъ нимъ во мгновение ока,

Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, предстала Аѳина.

Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:

²⁷⁰Смѣль, Телемакъ, и разумень ты будешь, когда обладаешь

Тою великою силой, съ какою и словомъ и дѣломъ

Все твой отецъ, что хотѣлъ, совершалъ; и достигнешь желанной

Цѣли, свой путь безтрепетственно кончивъ; когда жъ не прямой ты

Сынъ Одиссеевъ, не сынъ Пенелопинъ прямой, то надежды

²⁷⁵Нѣтъ, чтобъ успѣшно ты могъ совершить предпріятное дѣло.

Рѣдко бывають подобны отцамъ сыновья; всѣ большою

Частию хуже отцовъ и немногіе лучше. Но будешь

Ты, Телемакъ, и разумень и смѣль, поелику не во все

Ты Одиссеевой силы великой лишень; и надежда

²⁸⁰Есть для тебя, что успѣшно свершишь предпріятное дѣло.

Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляютъ—оставь ихъ;

Горе безумнымъ! они въ слѣпотѣ, незнакомые съ правдой,

Смерти своей не предвидятъ, ни черной судьбы ежедневно

Къ нимъ подступающей ближе и ближе, чтобъ вдругъ погу-

бить ихъ.

²⁸⁵Ты же свое предпріятъ путешествіе можешь немедля;

Будучи другомъ твоимъ по отцу твоему, снаряжу я

Быстрый корабль для тебя, и послѣдую самъ за тобою.

Но возвратися теперь къ женихамъ; а тебѣ на дорогу

Пусть приготовятъ съѣстное, пускай имъ наполняютъ сосуды;

²⁹⁰Пусть и въ амфоры вина нацѣдятъ, и муки, мореходца

Снѣди питательной, въ кожаныхъ, плотныхъ мѣхахъ приго-

готовятъ.

Тою порой я гребцовъ наберу; кораблей же въ Итакѣ,
 Моремъ объятаю, немало и новыхъ и старыхъ; межъ ними
 Лучшій я выберу самъ; и немедленно будетъ онъ нами
²⁹⁵Въ путь изготовленъ, и спустимъ его на священное море.]
 Такъ говорила Аѳина, Зевесова дочь, Телемаку.
 Голосъ богини услышавъ, онъ берегъ немедля покинулъ.
 Въ домъ возвратяся съ печалію милого сердца, нашель онъ
 Тамъ жениховъ многосильныхъ: одни обдирали въ повахъ
³⁰⁰Козъ, а другіе, зарѣзавъ свиней, на дворѣ ихъ палили.
 Съ колкой усмѣшкой къ нему подошелъ Антиной и, насильно
 За руку взяли его и назвавши по имени, молвилъ:
 Юноша вспыльчивый, злой говорунъ, Телемакъ, не заботься
 Болѣ о томъ, чтобъ вредить намъ иль словомъ иль дѣломъ, а
 лучше
³⁰⁵Дружески съ нами безъ всякихъ заботъ веселись, какъ бывало.
 Волю жъ твою не замедлять ахейцы исполнить: получишь
 Ты и корабль и отборныхъ гребцовъ, чтобъ скорѣе достигнуть
 Въ Пилось, любезный богамъ, и узнать объ отцѣ отдаленномъ.
 Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
³¹⁰Нѣтъ, Антиной, неприлично мнѣ съ вами надменными вмѣстѣ
 Противъ желанья сидѣть за столомъ, веселясь беззаботно;
 Будьте довольны и тѣмъ, что имущество лучшее наше
 Вы, женихи, разорили, покуда я былъ малолѣтень.
 Нынѣ жъ, когда, возмужавъ и совѣтниковъ слушая умныхъ,
³¹⁵Все я узналъ и когда ужъ во мнѣ пробудилася бодрость,
 Я попытаюсь на шею вамъ Царь неизбѣжныхъ накликать,
 Такъ ли, иначе ли, съѣздивъ ли въ Пилось, иль здѣсь отыскавши
 Средство. Я ѣду—и путь мой напрасенъ не будетъ, хотя я
 Ёду попутчикомъ, ибо [такъ было устроено вами]
³²⁰Здѣсь мнѣ имѣть своего корабля и гребцовъ невозможно.
 Такъ онъ сказалъ и свою изъ руки Антиноевой руку
 Вырвалъ. Межъ тѣмъ женихи, изобильный обѣдъ учреждая,
 Многими колкими сердце его оскорбляли рѣчами.
 Такъ говорили одни изъ ругателей дерзко надменныхъ:

³²⁵Нась Телемакъ погубить не на шутку замыслилъ; быть
можетъ,

Многихъ онъ въ помощь себѣ приведетъ изъ песчанаго Пилоса, многихъ

Также изъ Спарты; о томъ онъ, мы видимъ, заботится сильно.

Можетъ случиться и то, что богатую землю Эфиру

Онъ посѣтитъ, чтобъ добывши тамъ яду, смертельнаго людямъ,

³³⁰Здѣсь отравить имъ кратеры и разомъ насъ всѣхъ уничтожить.

Но—отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ—кто знаетъ!

Можетъ случиться легко, что и самъ, какъ отецъ, онъ погибнетъ,

Долго бродивъ по морямъ далекѣ отъ друзей и домашнихъ.

Тѣмъ онъ конечно и насъ озаботитъ: тогда намъ придется

³³⁵Все раздѣлить межъ собой ихъ имущество; домъ же уступимъ

Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.

Такъ женихи. Телемакъ же пошелъ въ кладовую отцову,

Зданье пространное; злата и мѣди тамъ кучи лежали;

Много тамъ платья въ ларяхъ и душистаго масла хранилось;

³⁴⁰Кувшины изъ глины съ виномъ многолѣтнимъ и сладкимъ стояли

Рядомъ у стѣнъ, заключая божественно-чистый напитокъ

Въ нѣдрѣ глубокомъ, на случай, когда Одиссей возвратится

Въ домъ, претерпѣвши тяжелыхъ скорбей и превратностей много.

Двери двустворныя, дважды замкнутыя, въ ту кладовую

³⁴⁵Входомъ служили; почтенная ключница, денно и ночью

Тамъ съ многоопытнымъ, зоркимъ усердьемъ въ порядкѣ держала

Все Эвриклея, разумная дочь Певсенѳрида Опса.

Въ ту кладовую позвавъ Эвриклею, сказалъ Телемакъ ей:

Няня, амфоры наполни виномъ благовоннымъ, вкуснѣйшимъ

³⁵⁰Послѣ того дорогаго, которое здѣсь бережешь ты,

Помня о немъ, о несчастномъ, и все уповаю, что въ домъ свой

Царь Одиссей возвратится, и смерти и Паркъ избѣжавши.

Имъ ты двѣнадцать наполни амфоръ и амфоры закупорь;

Также и кожаныхъ, плотныхъ мѣховъ приготовь, оржанкою

³⁵⁵Полныхъ мукой; и чтобъ въ каждомъ изъ нихъ заключалось
двадцать

Мѣръ; но объ этомъ ты вѣдай одна; собери всѣ припасы
Въ кучу; [за ними прійду ввечеру я, въ то время, когда ужъ
Въ верхній покой свой уйдетъ Пенелопа, о снѣ помышляя]
Спарту и Пилосъ песчаный хочу посѣтить, чтобъ провѣдать,
³⁶⁰Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеніи.

Кончилъ. Ему Эвриклея, усердная няня, заплакавъ,
Съ громкимъ рыданьемъ крылатое бросила слово: зачѣмъ ты,
Милое наше дитя, отворяешь такимъ помышленьямъ
Сердце? Зачѣмъ въ отдаленную, чуждую землю стремишься
³⁶⁵Ты, утѣшеніе наше единое? Твой ужъ родитель
Встрѣтилъ конецъ межъ народовъ враждебныхъ отъ дома
далѣко;

Здѣсь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроить
Ковъ, чтобъ извести и тебя, и твое все богатство раздѣлять.
Лучше останься у насъ при своемъ: ни малѣйшей нѣтъ нужды
³⁷⁰Въ страшное море тебѣ на бѣды и на бури пускаться.
Ей отвѣчая, сказать разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Няня, мой другъ, не тревожься; не мимо боговъ я рѣшился
Въ путь, но клянись мнѣ, что мать отъ тебя ни о чемъ не
узнаетъ

Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣнадцать,
³⁷⁵Или покуда не спроситъ сама обо мнѣ, иль другой кто
Тайны не скажетъ—боюсь, чтобъ отъ плача у ней не поблекла
Свѣжесть лица. Эвриклея богами великими стала
Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила,
Тотчасъ она, благовоннымъ виномъ всѣ амфоры наливши,
³⁸⁰Кожаныхъ плотныхъ мѣховъ приготовила, полныхъ мукою.
Онъ же, домой возвратившись, тамъ съ женихами остался.
Умная мысль родилась тутъ въ сердцѣ Паллады Аѣины:
Видъ Телемака принявши, она объжала весь городъ;
Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращая, собратъся
³⁸⁵Всѣхъ пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
Послѣ, пришедъ къ Ноэмону разумнаго Фронія сыну,

Дать ей просила корабль—Нозомонъ согласился охотно.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
 Легкій корабль на соленую влагу спустивъ, и запасы,
³⁹⁰Нужные каждому прочному судну собравши, на самомъ
 Выходѣ въ море изъ бухты его помѣстила богиня.
 Люди сошлись, и въ каждомъ она возбудила отважность.
 Новая мысль родилась тутъ въ сердцѣ Паллады Аѣины:
 Въ домъ Одиссея, царя благороднаго, вшедши, богиня
³⁹⁵Сладкій сонъ на пирующихъ тамъ жениховъ навела, по-
 мутила

Мысли у пьющихъ и вырвала кубки изъ рукъ ихъ; влеченю
 Сна уступивши, они по домамъ разошлись и недолго
 Ждали его, не замедлил онъ пасть на усталыя вѣжды.
 Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Телемаку сказала,
⁴⁰⁰Вызвавъ его изъ устроенной нынѣ палаты столовой,
 Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью: пора, Телемакъ, намъ;
 Всѣ собралися ужъ свѣтлообутые спутники наши:
 Сидя у веселья, они ожидаютъ тебя съ нетерпѣньемъ;
 Время идти; не годится намъ долѣ отвлаживать путь свой.
⁴⁰⁵Кончивъ, Паллада Аѣина пошла впереди Телемака
 Быстрымъ шагомъ; поспѣшно пошелъ Телемакъ за богиней.
 Къ морю и къ ждавшему ихъ кораблю подошедши, они тамъ
 Спутниковъ густокудравыхъ нашли у песчанаго берега.
 Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:
⁴¹⁰Братья принесть поспѣшимъ путевые запасы; они ужъ
 Всѣ приготовлены въ домѣ, и мать ни о чемъ не слыхала;
 Также ничто и рабынямъ не сказано; тайну одна лишь
 Знаетъ. И быстро пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ другіе.
 Взявши запасы, они ихъ на прочно устроенномъ суднѣ
⁴¹⁵Склали, какъ то повелѣлъ имъ возлюбленный сынъ Одис-
 сеевъ.

Скоро и самъ онъ вступилъ на корабль за богиней Аѣиной;
 Подлѣ кормы корабельной она помѣстилась: съ ней рядомъ
 Сѣлъ Телемакъ, и гребцы, отвязавши поспѣшно канаты,
 Также вошли на корабль и сѣли на лавкахъ у веселья.

⁴²⁰Тутъ свѣтлоюкая Зевсова дочь даровала имъ вѣтеръ попутный,

Свѣжій повѣялъ зефиръ, ошумляющій темное море.

Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ скорѣе

Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту

Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо водрузивши,

⁴²⁵Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;

Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;

Вѣтромъ наполнившись, онъ поднялся, и пурпурныя волны

Звучно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля зашумѣли:

Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.

⁴³⁰Тутъ корабельщики, черное быстрое судно устроивъ,

Чаши наполнили сладкимъ виномъ и молясь сотворили

Должное вѣчнорожденнымъ, безсмертнымъ богамъ возліянье,

Паче жъ другихъ свѣтлоюкой богинѣ великой Палладѣ.

Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ, ДО ВЕЧЕРА ПЯТАГО.

Прибытіе Телемака въ Пилосъ. Онъ находитъ Нестора, приносящаго на берегу моря жертву Посидону вмѣстѣ съ народомъ. Несторъ по просьбѣ Телемака рассказываетъ о томъ, что случилось съ нимъ, съ Менелаемъ и нѣкоторыми другими ахейскими вождями послѣ разрушенія Трои. Онъ совѣтуетъ Телемаку посѣтить Менелая въ Лакедемонѣ. Телемакъ остается ночевать въ домѣ Нестора. На другой день, по совершеніи жертвы, обѣщанной Несторомъ Аѳинѣ, Телемакъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Нестора, Пизистратомъ, отправляется въ путь; они ночуютъ у Діоклеса и на слѣдующій вечеръ пріѣзжаютъ въ Лакедемонъ.

Геліосъ съ моря прекраснаго всталъ и явился на мѣдномъ

Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,

Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.

Тою порою достигнулъ корабль до Нелеева града
⁵Пышнаго Пилоса. Въ жертву народъ приносилъ тамъ на брегѣ
 Черныхъ быковъ Посидону лазурнокудрявому богу;
 Было тамъ девять скамей; на скамьяхъ, по пяти сотъ на каждой,
 Люди сидѣли, и девять быковъ передъ каждою было.
 Сладкой отвѣдавъ утробы, уже сожигали предъ богомъ
¹⁰Бедра въ то время, какъ въ пристань вошли мореходцы.

Убравши

Снасти и якоремъ шаткій корабль утвердивши, на землю
 Вышли они; Телемакъ, за Аѳиною слѣдуя, также
 Вышелъ. Къ нему обратясь, богиня Аѳина сказала:
 Сынъ Одиссеевъ, теперь ужъ застѣнчивымъ быть ты не долженъ;
¹⁵Ибо затѣмъ мы и въ море пустились, чтобъ свѣдать, въ какую
 Землю отецъ твой судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ.
 Смѣло приближься къ коней обуздателю Нестору; знать намъ
 Должно, какія въ душѣ у него заключаются мысли.
 Смѣло его попроси, чтобъ тебѣ объявилъ онъ всю правду:
²⁰Лжи онъ конечно не скажетъ, умою одаренный великимъ.
 Но—отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ—
 Какъ подойти мнѣ? Какое скажу я привѣтствіе, Менторъ?
 Мало еще въ разговорахъ разумныхъ съ людьми я искусенъ;
 Также не знаю, прилично ли младшимъ разспрашивать стар-

шихъ?

²⁵Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
 Многое самъ, Телемакъ, ты своимъ угадаешь разсудкомъ:
 Многое геній откроетъ тебѣ благосклонный; не противъ
 Воли жъ безсмертныхъ, я думаю, былъ ты рожденъ и воспитанъ.
 Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Телемака
³⁰Быстрымъ шагомъ; за нею пошелъ Телемакъ; и поспѣшно
 Къ мѣсту подходятъ они, гдѣ пилійцы собравшись сидѣли;
 Тамъ съ сыновьями и Несторъ сидѣлъ; ихъ друзья, учреждая
 Пиръ, суетились, вздѣвали на вертелы, жарили мясо.
 Всѣ, иноземцевъ увидя, пошли къ нимъ навстрѣчу, и руки
³⁵Имъ подавая, просили ихъ сѣсть дружелюбно съ народомъ.
 Первый, ихъ встрѣтившій, Несторовъ сынъ, Пизистратъ бла-

городный,

Ласково за рубли взявши обоихъ, на брегѣ песчаномъ
 Мѣсто на мягкихъ разостланныхъ кожахъ занять пригласилъ
 ихъ

Между отцомъ престарѣлымъ и братомъ младымъ Эразиме-
 домъ.

⁴⁰Сладкой утробы отвѣдать имъ давъ, онъ виномъ благо-
 воннымъ

Кубокъ наполнилъ, вина отхлебнулъ } и сказалъ свѣтлоюгой
 Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ Аѳинѣ:

Странникъ, ты долженъ призвать Посидона владыку: вы нынѣ

Прибыли къ намъ на великій праздникъ его; совершивши

⁴⁵Здѣсь, какъ обычай велить, передъ нимъ возліянье съ молитвой,

Ты и товарищу кубокъ съ напиткомъ божественно-чистымъ

Дай; онъ, я думаю, молится также богамъ, поелику

Всѣ мы, люди, имѣемъ въ богахъ благодѣтельныхъ нужду.

(Онъ же моложе тебя и, конечно, ровесникъ со мною;

⁵⁰Вотъ почему я и кубокъ тебѣ напередъ предлагаю.)

Кончивъ, онъ передалъ кубокъ съ виномъ благовоннымъ Аѳинѣ.

Быль ей пріятенъ постынокъ разумнаго юноши, первой

Ей предложившаго кубокъ съ виномъ благовоннымъ; и стала

Голосомъ громкимъ она призывать Посидона владыку:

(⁵⁵Царь Посидонъ земледержецъ, молюся тебѣ, не отвергни

Настъ, уповающихъ здѣсь, что желанія наши исполнишь.

Нестору славу съ его сыновьями во-первыхъ даруй ты;

Послѣ богатую милость яви и другимъ, благосклонно

Здѣсь отъ пилійцевъ великую нынѣ принявъ экатомбу;

⁶⁰Дай намъ потомъ, Телемаку и мнѣ, возвратиться, окончивъ

Все, для чего мы приплыли сюда въ корабль крутобокомъ.

Такъ помолясь, совершила сама возліянье богиня;

Послѣ двурусный кубокъ она подала Телемаку; }

Въ свой помолился чередъ и возлюбленный сынъ Одиссеевъ.

⁶⁵Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,

Рѣзали части и начали пиръ многославный; когда же

Быль удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,

Рѣчь обратилъ къ посѣтителямъ Несторъ, герой Геренейскій:

Странники, мнѣ ужъ теперь неприлично не будетъ спросить
васъ,

⁷⁰Кто вы, понеже ужъ пищею вы насладились довольно.
Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли влажной доро-
гой?

Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные мчась,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?

⁷⁵Съ духомъ собравшись, на то разсудительный сынъ Одис-
сеевъ

Такъ, отвѣчая, сказалъ [и Аѳина ему ободрила
Сердце, чтобъ Нестора могъ онъ спросить объ отцѣ отдален-
номъ,

Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава]:
Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахейнъ,

⁸⁰Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы изъ Итаки, подъ склономъ лѣсистымъ Нейона лежащей;
Прибыли жъ къ вамъ, не за общимъ народнымъ, за собствен-
нымъ дѣломъ;

Странствую я, чтобъ, молву объ отцѣ вопрошая, провѣдать,
Гдѣ Одиссей благородный, въ бѣдахъ постоянный, съ кото-
рымъ

⁸⁵Ратуя вмѣстѣ, вы градъ Иліонъ, говорятъ, сокрушили.
Прочіе жъ, сколько ихъ ни было, противъ троянъ воевавшихъ,
Бѣдственно, слышали мы, въ сторонѣ отдаленной погибли
Всѣ; а его и погибель отъ насъ неприступно Кроніонъ
Скрылъ; гдѣ нашелъ онъ конецъ свой, не знаетъ никто: на
землѣ ли

⁹⁰Твердой онъ палъ, пересиленный злыми врагами, въ зы-
бяхъ ли

Моря погибъ, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно
Участь отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своимъ
Видѣлъ глазами, иль что отъ какого услышалъ случайно

⁹⁵Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.

Ты же, меня не щадя и изъ жалости словъ не смягчая,
 Все расскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ.
 Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный,
 Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ
 тобою

¹⁰⁰Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претерпѣли,
 ахейцы,

Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все расскажи мнѣ.
 Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Геренейскій:
 Сынъ мой, какъ сильно напомнилъ ты мнѣ о напастяхъ, въ
 землѣ той

Истрѣченныхъ нами ахейцами, твердыми въ опытѣ строгомъ,
¹⁰⁵Частью, когда въ корабляхъ, предводимые бодрымъ Пели-
 домъ,

Мы за добычей по темнотуманному морю гонялись,
 Частью, когда передъ крѣпкимъ Пріамовымъ градомъ съ вра-
 гами

Яростно бились. Изъ нашихъ въ то время всѣ лучшіе пали:
 Легъ тамъ Аяксъ бѣдоносный, тамъ легъ Ахиллесъ, и совѣ-
 товъ

¹¹⁰Мудростью равный безсмертнымъ Патроклъ, и лежитъ тамъ
 мой милый

Сынъ Антилохъ, безпорочный, отважный, и столько же дивный
 Легкостью бѣга, сколь былъ онъ безстрашный боецъ. И не мало
 Разныхъ другихъ испытали мы бѣдствій великихъ, о нихъ же
 Можетъ ли все рассказать хоть одинъ изъ людей земнородныхъ?

¹¹⁵Если бъ и пѣлыя пять лѣтъ и шесть лѣтъ ты могъ без-
 престанно

Вѣсти собирать о бѣдахъ, приключившихся бодримъ ахейцамъ,
 Ты бы. всего не узнавъ, недоволенъ домой возвратился.
 Девять трудились лѣтъ мы, чтобъ ихъ погубить, вымышляя
 Многія хитрости—кончить наслу рѣшился Кроніонъ.

¹²⁰Въ умныхъ совѣтахъ никто тамъ не могъ наряду быть по-
 ставленъ

Съ нимъ: далеко опереживалъ всѣхъ изобрѣтенемъ многихъ

Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
 Подлинно сынъ ты его. Съ изумленьемъ смотрю на тебя я;
 Съ нимъ и рѣчами ты сходенъ; но кто бы подумалъ, чтобъ было
¹²⁹Юношѣ можно такъ много съ нимъ сходствовать умною
 рѣчью?

Я жъ постоянно, покуда войну мы вели, на совѣтъ ль,
 Въ сонмѣ ль народномъ, всегда заодно говорилъ съ Одиссеемъ;
 Въ мнѣньяхъ согласные, вмѣстѣ всегда мы, обдумавши строго,
 То лишь одно избирали, что было ахейцамъ полезнѣй.
¹³⁰Но когда, ниспровергнувши городъ, Приама великій,
 Мы къ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ: Кро-
 ніонъ

Бѣдственный путь по морямъ приготовить замыслилъ ахейцамъ.
 Былъ не у каждаго свѣтель разсудокъ, не всѣ справедливы
 Были они—потому и постигнула злая судьбина

¹³³Многихъ, разгнѣвавшихъ дочь свѣтлооую страшнаго бога.
 Сильную распрю богиня Аѣина зажгла межъ Атридовъ:
 Оба, созвать вознамѣрясь людей на совѣтъ, безразсудно
 Собрали ихъ не въ обычное время, когда ужъ садилось
 Солнце; ахейцы сошлись, виномъ охмѣленные; тѣ же

¹⁴⁰Стали одинъ за другимъ объяснять имъ причину собранья:
 Требовалъ царь Менелай, чтобъ аргивскіе мужи въ обратный
 Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
 То Агамемнонъ отвергнулъ: ахейцевъ еще удержать онъ
 Мыслилъ за тѣмъ, чтобъ они, совершивъ экатомбу святую,

¹⁴⁵Гнѣвъ примирили ужасной богини... младенецъ! еще онъ
 Видно не зналъ, что ужъ быть не могло примиренія съ нею:
 Вѣчные боги нескоро въ своихъ измѣняются мысляхъ.

Такъ, обращая другъ къ другу обидныя рѣчи, тамъ оба
 Брата стояли; собраніе свѣтлообутыхъ ахейанъ

¹⁵⁰Волемъ наполнилось яростнымъ, на два разрознившись
 мнѣнья.

Всю ту мы ночь провели въ непріязненныхъ другъ противъ
 друга

Мысляхъ: ужъ намъ незаконнымъ готовилъ Зевесъ наказанье.

Утромъ одни на прекрасное море опять кораблями
[Взявъ и добычу п дѣвъ, глубоко опоясанныхъ] вышли.

¹⁵⁵Но половина другая ахеянь осталась на брегѣ
Вмѣстѣ съ царемъ Агамѣмнономъ, пастыремъ многихъ наро-
доть.

Дали мы ходъ кораблямъ, и они по волнамъ побѣжали
Быстро: подъ нами углаживаль богъ многоводное море.
Скоро пришедъ въ Тенедось, принесли мы тамъ жертву безсмерт-
нымъ,

¹⁶⁰Дать намъ отчизну моля ихъ, но Дій непреклонный еще намъ
Медлилъ дозволить возвратъ: онъ вторичной враждой возмутиль
насъ.

Часть за царемъ Одиссеемъ, подателемъ мудрыхъ совѣтовъ,
Въ многовесельныхъ пустякъ корабляхъ, устремилась въ обрат-
ный

Путь, чтобъ Атриду царю Агамѣмнону вновь покориться.

¹⁶⁵Я же поспѣшно со всѣми подвластными мнѣ кораблями
Поплылъ впередъ, угадавъ, что готовилъ намъ бѣдствие Де-
монъ;

Поплылъ со всѣми своими и сынъ бѣдоносный Тидея;
Позже отправился въ путь Менелай златовласый; въ Лезбосѣ
Насъ онъ нагналъ, нерѣшимыхъ, какую избрать намъ дорогу:

¹⁷⁰Выше ль скалами обильнаго Хюса, путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по лѣвую руку, иль ниже
Хюса, мимо открытаго воющимъ вѣтрамъ Мимонта?

Дія молили мы знаменье дать намъ; и знаменье давши,
Онъ повелѣлъ, чтобъ разрѣзавши море по самой срединѣ,

¹⁷⁵Шли мы къ Эвбеѣ для скорого близкой бѣды избѣжанья:
Вѣтеръ попутный, свистя, зашумѣлъ и, рыбообильный
Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
Къ ночи; (отъ многихъ быковъ возложили мы тучныя бедра
Тамъ на алтарь Посидоновъ, измѣривъ великое море.)

¹⁸⁰День совершился четвертый, когда, добѣжавъ до Аргоса,
Всѣ корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
Въ пристани. Прямо тѣмъ временемъ въ Пилось я плыль, и ни
разу

Вѣтеръ попутный, въ началѣ намъ посланный Діемъ, не стихнулъ.

Такъ возвратился я, сынъ мой, безъ всякихъ вѣстей; и донынѣ
¹⁸⁵Свѣдать еще я не могъ, кто погибъ изъ ахеянъ, кто спасся.
 Что жъ отъ другихъ мы узнали, живя подъ домашнею кровлей,
 То вамъ, какъ слѣдуетъ, я расскажу, ничего не скрывая.
 Слышали мы, что съ младымъ Ахиллеса великаго сыномъ
 Всѣ мирмидоны его, копьеносцы, домой возвратились;
¹⁹⁰Живъ, говорятъ, Филоктеть, сынъ Пеановъ возлюбленный;
 здраво

Идоменей [никого изъ сопутниковъ, съ нимъ избѣжавшихъ
 вмѣстѣ войны, не утративши на морѣ] Крита достигнулъ;
 Къ вамъ же конечно и въ дальнюю землю дошелъ объ Атридѣ
 Слухъ, какъ домой возвратился онъ, какъ умерщвленъ былъ
 Эгистомъ,

¹⁹⁵Какъ и Эгистъ наконецъ по заслугѣ пріялъ воздаянье.
 Счастье, когда у погибшаго мужа останется бодрый
 Сынъ, чтобъ отмстить, какъ Орестъ, поразившій Эгиста, кото-
 рымъ

Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель!
 Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно со-
 зрѣвшій,

²⁰⁰Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.
 Выслушавъ Нестора, такъ отвѣчалъ Телемакъ благородный:
 Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахеянъ,
 Правда, отмстилъ онъ, и страшно отмстилъ, и ему отъ наро-
 довъ

Честь повсемѣстная будетъ и будетъ хвала отъ потомства.

²⁰⁵О! когда бъ и меня одарили такою же силою
 Боги, чтобъ также и я могъ отмстить женихамъ, наносящимъ
 Столько обидъ мнѣ, коварно погибель мою замышляя!
 Но благодати великой такой ниспослать не хотѣли
 Боги ни мнѣ, ни отцу—и удѣлъ мой отнынѣ терпѣнье.

²¹⁰Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Геренейскій:
 Самъ ты, мой милый, о томъ мнѣ своими словами напомнилъ;

Слышали мы, что твою благородную мать притѣсня,
 Въ домѣ твоемъ женихи незаконнаго дѣлають много.
 Знать бы желалъ я: ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли
 215Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бога?

Мы же не вѣдаемъ; можетъ случиться легко, что и самъ онъ
 Ихъ, возвратяся, погубить, одинъ ли, созвавъ ли ахеянъ....

О! когда бъ возлюбить свѣтлоокая дѣва Паллада

Также могла и тебя, какъ она Одиссея любила

220Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ претерпѣли ахейцы!

Нѣтъ, никогда не бывали столь боги въ любви откровенны,

Сколь откровенна была съ Одиссеемъ Паллада Аѳина!

Если бы ею съ такою жъ любовью и ты былъ присвоенъ,

Самая память о бракѣ во многихъ изъ нихъ бы пропала.

225Нестору такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Старецъ, несбыточно, думаю, слово твое; о великомъ

Ты говоришь, и ужасно мнѣ слушать тебя; не случится

То никогда ни по просьбѣ моей, ни по волѣ бессмертныхъ.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

230Странное слово изъ устъ у тебя, Телемакъ, излетѣло;

Богу легко защитить насъ и издали, если захочетъ;

Я жъ согласился бъ скорѣе и бѣдствія встрѣтить, чтобъ только

Сладостный день возвращенья увидѣть, чѣмъ, бѣдствій избѣг-
 нувъ,

Въ домъ возвратиться, чтобъ пасть предъ своимъ очагомъ, какъ
 великій

235Палъ Агамемнонъ предательствомъ хитрой жены и Эгиста.

Но и богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа

Милago имъ человѣка избавить, когда онъ ужъ преданъ

Въ руки навѣкъ-усыпляющей смерти судьбиною будетъ.

Такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ:

240Менторъ, не станемъ о томъ говорить мы, хотя и крушить
 намъ

Сердце оно; ужъ его возвращенія мы не увидимъ:

Черную участь и смерть для него приготовили боги.

Я же теперъ, о иномъ вопрошая, хочу обратиться

Къ Нестору — правдой и мудростью всѣхъ онъ людей превос-
ходитъ;

²⁴⁵Быль, говорятъ, онъ царемъ, повелителемъ трехъ поколѣній,
Образомъ свѣтлымъ своимъ онъ безсмертному богу подобенъ—
Сынъ Нелеевъ, скажи, ничего отъ меня не скрывая,
Какъ умерщвленъ былъ Атридъ Агамемнонъ пространнодер-
жавный?

Гдѣ Менелай находился? Какое губящее средство

²⁵⁰Хитрый Эгистъ изобрѣлъ, чтобъ удобнѣе сладить съ силь-
нѣйшимъ?

Иль не достигнувъ Аргоса, еще межъ чужими людьми онъ

Быль и врага своего гѣмъ отважилъ на злое убійство?

Другъ, Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой Гернейскій:

Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;

²⁵⁵Подлинно такъ все случилось, какъ думаешь самъ ты; но
если бѣ

Въ братнемъ жилищѣ Эгиста живаго засталъ, возвращаясь

Въ домъ свой изъ брани Троянской, Атридъ Менелай злато-
власый,

Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая.

Хищныя птицы и псы бы его растерзали, безъ чести

²⁶⁰Въ полѣ далеко за градомъ Аргосомъ лежащаго, жены

Наши его бѣ не оплакали — страшное дѣло свершили онъ.

Тою порою, какъ билися мы на поляхъ Илионскихъ,

Онъ въ безопасномъ углу многокошнаго града Аргоса,

Сердце жены Агамемнона лестью оцутывалъ хитрой.

²⁶⁵Прежде самой Клитемнестрѣ божественной было противно
Дѣло постыдное — мыслей порочныхъ она не имѣла;

Быль же при ней пѣснопѣвецъ, которому царь Агамемнонъ,

Въ Трою готовясь плыть, наблюдать повелѣлъ за супругой;

Но, какъ скоро судьбина ее предала преступлению,

²⁷⁰Тотъ пѣснопѣвецъ былъ сосланъ Эгистомъ на островъ без-
плодный,

Гдѣ и оставленъ; и хищныя птицы его растерзали.

Онъ же ее, одного съ нимъ желавшую, въ домъ пригласилъ
свой,

Множество бедръ на святыхъ алтаряхъ онъ сожегъ предъ
богами,

Множествомъ вкладовъ, и златомъ и тканями, храмы украсилъ
275 Дерзкое дѣло такое съ неожиданнымъ окончивъ успѣхомъ.

Мы же, покинувши землю Троянскую, поплыли вмѣстѣ,
Я и Атридъ Менелай, сопряженные дружбою тѣсною.

Были ужъ мы предъ священнымъ Сутіономъ, мысомъ Антійскимъ;

Вдругъ Менелаева кормщика Фебъ Аполлонъ невидимо

280 Тихой своею стрѣлой умертвилъ: управляя бѣгущимъ

Судномъ, кормило держалъ многоопытной, твердой рукою

Фронтисъ, Онѣторовъ сынъ, наиболѣ изъ всѣхъ земнородныхъ

Тайну проникшій владѣть кораблемъ въ наступившую бурю.

Путь свой замедлилъ, хотя и спѣшилъ, Менелай, чтобъ на брегѣ

285 Честъ погребенія другу воздать съ торжествомъ надлежа-
щимъ;

Но—когда на своихъ корабляхъ крутобокихъ опять онъ

Въ темное море пошелъ и високаго мыса Маллен

Быстро достигъ—повсемѣстно гремящій Кроніонтъ, замысливъ

Гибель, нагналъ на него многошумное вѣтра дыханье,

290 Поднялъ могучія, тяжкія, гороогромныя волны.

Вдругъ корабли разлучивъ, половину ихъ бросилъ онъ къ Криту,

Гдѣ обитаютъ кидоны у свѣтлыхъ потоковъ Ярдаана.

Видѣнъ тамъ гладкій утесъ, восходящій надъ влагой соленой,

Въ темное море вдвигаясь на крайнихъ предѣлахъ Гортины;

295 Тамъ, гдѣ великія волны на западный берегъ у Феста

Ногъ нагоняетъ и малый утесъ ихъ дробитъ, отшибая,

Тѣ корабли очутились; проворствомъ спаслися отъ смерти

Люди; суда жъ ихъ погибли, разбившись объ острые камни.

Пять остальныхъ кораблей темноносыхъ, похищенныхъ бурей,

300 Вѣтеръ могучій и волны во брегу Египта примчали.

Тамъ Менелай, собирая сокровищъ и золота много,

Странствовалъ между народовъ инаго языка, и въ то же

Время Эгистъ совершилъ незаконное дѣло въ Аргосѣ,

Смерти предавши Атрида—народъ покорился безмолвно.

305 Цѣлые семь лѣтъ онъ властвовалъ въ золотообильной Микенѣ;

*

Но на осьмой изъ Аѳинъ возвратился ему на погибель
 Богоподобный Орестъ, и убійцу сразилъ онъ, которымъ
 Былъ умерщвленъ зловарно его многославный родитель.
 Пиръ учредивъ для аргивянъ великій, свершилъ погребенье
³¹⁰Онъ и преступницѣ матери вмѣстѣ съ Эгистомъ презрѣннымъ.
 Въ самый тотъ день и Атридъ Менелай, вызыватель въ сра-
 женьѣ,
 Прибыль, богатства собравъ, сколь могло въ корабляхъ умѣ-
 ститься.

Ты же недолго, мой сынъ, въ отдаленнѣ отъ родины странствуй,
 Домъ и наслѣдье отца благороднаго бросивъ на жертву
³¹⁵Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безопадно; расхитять
 Все, и безъ пользы останется путь, совершенный тобою,
 Но Менелая Атрида [совѣтую, требую] должень
 Ты посѣтить; онъ недавно въ отечество прибыль изъ чуждыхъ
 Странъ, отъ людей, отъ которыхъ никто, занесенный однажды
³²⁰Къ нимъ по широкому морю стремительнымъ вѣтромъ, не
 могъ бы
 Живъ возвратиться, откуда и въ годъ долетѣть къ намъ не
 можетъ.

Быстрая птица—толь страшно великой пучины пространство.
 Ты же поѣдешь отсюда иль моремъ со всѣми своими,
 Или, когда пожелаешь, землю: коней съ колесницей
³²⁵Дамъ я, и сына съ тобою пошлю, чтобъ тебѣ указалъ онъ
 Путь въ Лакедѳмонъ божественный, гдѣ Менелай златовласый
 Царствуетъ; можешь ты самъ обо всемъ разспросить Менелая;
 Лжи онъ конечно не скажетъ, умомъ одаренный великимъ.
 Кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила.
³³⁰Къ Нестору слово свое обративши, сказала Аѳина:
 Старецъ, твои разсудительны рѣчи, но медлить не станемъ;
 Должно отрѣзать теперь языки, и царю Посидону
 Купно съ другими богами виномъ сотворить возліанье;
 Время подумать о ложѣ покойномъ и снѣ миротворномъ;
³³⁵День на закатѣ угасъ и ужъ болѣе не будетъ прилично
 Здѣсь намъ сидѣть за трапезой боговъ; удалиться пора намъ.

Такъ говорила богиня; почтительно всѣ ей внимали.
 Тутъ для умѣтїя рукъ имъ служители подали воду;
 Отроки свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ напитокомъ,
 340 Въ чашахъ его разнесли, по обычаю справа начавши;
 Бросивъ въ огонь языки, сотворили они возліянье,
 Стоя; когда жъ сотворили его и виномъ насладились,
 Сколько желала душа, Телемакъ благородный съ Аѣиной
 Стали къ ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.
 345 Несторъ, гостей удержавши, сказалъ: да отнюдь не позволять
 Вѣчный Зевесъ и другіе безсмертные боги, чтобъ нынѣ
 Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
 Развѣ одеждъ не найдется у насъ? Неужели я нищій?
 Будто ужъ въ домѣ моемъ ни покрововъ, ни мягкихъ постелей
 350 Нѣтъ, чтобъ и самъ я и гости мои насладились покойнымъ
 Сномъ? Но покрововъ и мягкихъ постелей найдется довольно.
 Можно ль, чтобъ сынъ толь великаго мужа, чтобъ сынъ
 Одиссеевъ

Выбралъ себѣ корабельную палубу спальней, пока я
 Живъ и мои сыновья обитаютъ со мной подъ одною
 355 Кровлей, чтобъ всѣхъ, кто пожалуетъ къ намъ, угощать дру-
 желюбно?

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѣнна ему отвѣчала:
 Умное слово сказалъ ты, возлюбленный старецъ, и долженъ
 Волю исполнить твою Телемакъ: то конечно приличнѣй.
 Здѣсь я оставлю его, чтобъ покойно подъ кровлей твоею
 360 Ночь онъ провелъ. Самому жъ мнѣ на черный корабль воз-
 вратиться

Должно, чтобъ нашихъ людей ободрить и о многомъ сказать имъ:
 Я изъ спутниковъ нашихъ старѣйшій годами; они же
 [Всѣ молодые, ровесники всѣ Телемаку] по доброй
 Волѣ, изъ дружбы, его въ кораблѣ проводить согласились;
 365 Вотъ для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
 Завтра жъ съ зарею пойти мнѣ къ народу отважныхъ кавконовъ.
 Нужно, чтобъ тамъ заплатили мнѣ люди старинный, немалый
 Долгъ, Телемака же, послѣ того, какъ у васъ погоститъ онъ,

Съ сыномъ своимъ въ колесницѣ отправь ты, коней повелѣвши
 370 Дать имъ проворнѣйшихъ въ бѣгѣ и силою самыхъ от-
 личныхъ.

Такъ имъ сказавъ, свѣтлокая Зевсова дочь удалилась,
 Выстримъ орломъ улетѣвъ; изумился народъ: пзумился,
 Чудо такое своими глазами увидѣвши, Несторъ.

За руку взявъ Телемака, ему дружелюбно сказать онъ:
 375 Другъ, ты конечно и сердцемъ неробокъ и силою крѣпокъ,

Если тебѣ молодому такъ явно сопутствуютъ боги.

Здѣсь изъ бессмертныхъ, живущихъ въ обителяхъ свѣтлыхъ
 Олимпа,

Былъ не иной кто, какъ Діева славная дочь Тритогена,
 Столь и отца твоего отличавшая въ сонмѣ аргивянъ.

(380 Будь благосклонна, богиня, и намъ, и великую славу
 Дай мнѣ и дѣтямъ моимъ и супругѣ моей благонравной;
 Я же теляцу тебѣ однолѣтнюю, лбистую, въ полѣ

Вольно бродящую, съ игомъ еще незнакомую, въ жертву

(Здѣсь принесу, ей рога изукрашивши золотомъ чистымъ.

385 Такъ говорилъ онъ, молясь, и Палладою былъ онъ услыпанъ.

Кончивъ, пошелъ впереди сыновей и зятьевъ благородныхъ

Въ домъ свой богато украшенный Несторъ, герой Геренейскій;

Съ Несторомъ въ царскій богато украшенный домъ и другіе

Также вступили и сѣли порядкомъ на креслахъ и стульяхъ.

390 Старецъ тогда для собравшихся кубокъ наполнилъ до края

Свѣтлымъ виномъ, чрезъ одиннадцать лѣтъ изъ амфоры налитымъ

Ключницей, снявшей впервые съ завітной амфоры той кровлю.

Имъ онъ изъ кубка свое сотворилъ возліянье великой

Дочери Зевса эгидодержавца; когда жъ и другіе

395 Всѣ, сотворивъ возліянье, виномъ насладились довольно,

Каждый къ себѣ возвратился, о ложѣ и снѣ помышляя.

Гостю желая спокойствія, Несторъ, герой Геренейскій,

Самъ Телемаку, разумному сыну царя Одиссея,

Въ звонкопространномъ покоѣ кровать указать прорѣзную;

400 Легъ близъ него Пизистратъ, копьeverжецъ, мужей пред-
 водитель,

Бывшій изъ братьевъ одинъ неженатый въ жилищѣ отцовомъ.

Самъ же, во внутренній царскаго дома покой удаляся,

Легъ на постели, перестланной мягко паричею, Несторъ.

(Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;

¹⁰⁵Съ мягкой поднялся постели и Несторъ, герой Геренейскій.)

Вышедъ изъ спальни, онъ сѣлъ на обтесанныхъ, гладкихъ,
широкихъ

Камняхъ, у двери высокой служившихъ сѣдалищемъ, бѣлыхъ,

Ярко сіявшихъ, какъ будто помазанныхъ масломъ, на нихъ же

Прежде Нелея возсѣдать, многоуміемъ богу подобный;

¹¹⁰Но ужъ давно уведень былъ судьбою въ обитель Анда.

Нынѣ жъ на камняхъ Нелеевыхъ Несторъ возсѣлъ, скиптро-
носный

Пѣстунъ ахеянъ. Къ нему сыновья собралися, изъ спаленъ

Вышедъ: Эхѣфронъ, Персей, Стратіонъ и Арѣтосъ и юный

Богу подобный красой Эразимѣдъ; наконецъ и шестой къ нимъ,

¹¹⁵Младшій изъ братьевъ, пришелъ Пизистратъ благородный.

И рядомъ

Съ Несторомъ сѣсть приглашенъ былъ возлюбленный сынъ

Одиссеевъ.

Рѣчь обратилъ тутъ къ собравшимся Несторъ, герой Геренейскій:

Милыя дѣти, мое повелѣнье исполнить снѣшите—

Паче другихъ преклонить я желаю на милость Аѳину,

¹²⁰Видимо бывшую съ нами на праздникѣ бога великомъ.

Въ поле одинъ за телицей бѣги, чтобъ немедленно съ поля

Выгнать ее къ намъ пастухъ, за стадами смотрящій; другой же

Долженъ на черный корабль Телемаковъ пойти и позвать къ намъ

Всѣхъ мореходныхъ людей, тамъ оставя лишь двухъ; напо-
слѣдокъ

¹²⁵Третьимъ пусть будетъ немедленно златоискусеникъ Лаэроксъ

Призванъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога изукрасить телицѣ.

Прочіе жъ всѣ оставайтесь при мнѣ, повелѣвши рабынямъ

Въ домъ устроить обѣдъ изобильный, разставить порядкомъ

Стулья, дрова приготовить и свѣтлой воды принести намъ.

⁴³⁰Такъ онъ сказать; всѣ заботиться начали: съ поля телицу
 Скоро пригнали; пришли съ корабля Телемаковы люди,
 Съ нимъ переплывшіе море; явился и златонкусникъ,
 Нужный дляковки металловъ принесши снарядъ: наковальню,
 Молоть, влещи драгоцѣнной отдѣлки и все, чѣмъ обычно
⁴³⁵Дѣло свое совершалъ онъ; пришла и богиня Аѣина
 Жертву принять. Тутъ художнику Несторъ, коней обуздатель,
 Золота чистаго дать; оковать онъ рога имъ телицы,
 Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ былъ угоденъ богинѣ.
 Взяли телицу тогда за рога Стратіонъ и Эхѣфронъ;
⁴⁴⁰Воду имъ руки умыть въ обложонной цвѣтами лахани
 Вынесъ изъ дома Арѣтосъ, въ другой же рукѣ онъ съ ячменемъ
 Коробъ держалъ; подошелъ Фразимедъ, ратоборець могучій,
 Съ острымъ въ рукѣ топоромъ, поразить изготояся жертву:
 Чашу подставилъ Персей. Тутъ Несторъ, коней обуздатель,
⁴⁴⁵Руки умывши, ячменемъ телицу осыпалъ, и бросивъ
 Шерсти съ ея головы на огонь, помолился Аѣпнѣ;
 Слѣдомъ за нимъ и другіе съ молитвой телицу ячменемъ
 Также осыпали. Несторовъ сынъ Фразимедъ многосильный.
 Мышцы напрягши, ударилъ и, въ шею глубоко вонзенный,
⁴⁵⁰Жилы топоръ пересѣбъ; повалилась телица; вскричали
 Дочери всѣ и невѣстки царицы и съ ними царица,
 Кроткая сердцемъ, Клименова старшая дочь Эвридика.
 Тѣ же телицу приникшую къ лону земли путепосной,
 Подняли—разомъ зарѣзали ея Пизистратъ благородный.
⁴⁵⁵Послѣ, когда истоцилася черная кровь и не стало
 Жизни въ костяхъ, разложивши на части ея, отдѣлили
 Бедрa, и сверху ихъ [дважды обвинивши, какъ слѣдуетъ, кости
 Жиромъ] кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
 Несторъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ пскрометнымъ;
⁴⁶⁰Тѣ жъ приступили, подставивъ ухваты съ пятью остріями.
 Бедрa сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное
 Все разрубили на части и стали на вертелахъ жарить,
 Острые вертелы тихо въ рукахъ надъ огнемъ обращая.]
 Тою порой Телемакъ Поликастою, дочерью младшей

⁴⁶⁵Нестора, былъ отведенъ для омытія въ баню; когда же
Дѣва его и омыла и чистымъ натерла елеемъ,
Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
Вышелъ изъ бани онъ, богу лицомъ лучезарнымъ подобный;)

Мѣсто онъ занялъ близъ Нестора, пастыря многихъ народовъ.

⁴⁷⁰Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,

Сѣли за вкусный обѣдъ и заботливо начали слуги

Бѣгать, вино наливая въ сосуды златые; когда же

Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,

Несторъ, герой Геренейскій, сказалъ сыновьямъ благороднымъ:

⁴⁷⁵Дѣти, коней густогривыхъ запрячь въ колесницу немедля
Должно, чтобъ могъ Телемакъ по желанію въ путь устремиться.

То повелѣніе царское было исполнено скоро;

Двухъ густогривыхъ коней запрягли въ колесницу; въ нее же

Ключница хлѣбъ и вино на запасъ положила съ различной

⁴⁸⁰Пищей, какая царямъ лишь, питомцамъ Зевеса, прилична.

Тутъ въ колесницу блестящую сталъ Телемакъ благородный;

Рядомъ съ нимъ Несторовъ сынъ Пизистратъ, предводитель

народовъ,

Сталъ; натянувши могучей рукою бразды, онъ ударилъ

Сильнымъ бичемъ по конямъ, и помчались быстрые кони

⁴⁸⁵Полеми, и Пилосъ блистательный скоро исчезъ позади ихъ.

Цѣлый день мчались кони, тряся колесничное дышло.

Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.

Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ

Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесъ благородный;

⁴⁹⁰Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно.

Вышла изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эось.

Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,

Быстро на ней со двора черезъ портикъ помчались звонкій,

Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.

⁴⁹⁵Пышныхъ равнинъ, изобильныхъ пшеницей, достигнувъ,

они тамъ

Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;

Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЕЧЕРЬ ПЯТАГО ДНЯ И ВЕСЬ ШЕСТОЙ ДЕНЬ.

Телемакъ и Пизистратъ, прибывъ въ Лакедемонъ, вступаютъ во дворецъ царя Менелая, который, празднуя свадьбу сына и дочери, приглашаетъ ихъ на семейственный пиръ свой. И онъ и Елена узнаютъ Телемака. Средство, употребленное Еленюю для развеселенія гостей; она и Менелай рассказываютъ о подвигахъ Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбѣ Телемака, сообщаетъ ему все то, что самъ слышалъ отъ прорицателя Протея о судьбѣ вождей ахейскихъ и о заключеніи Одиссея на островѣ Калипсо; потомъ онъ убѣждаетъ Телемака погостить нѣсколько времени въ домѣ его. Тѣмъ временемъ женихи, узнавъ объ отплатѣ Телемака, приходятъ въ ужасъ и замышляютъ умертвить его на возвратномъ пути. Скорбь Пенелопы, узнавшей отъ глашатая Медонта о замыслѣ ихъ и отплатѣ сына. Аонна, тронутая молитвою горестной матери, посылаетъ ей ободрительное сновидѣніе. Антиной съ своею дружиною пускается въ море и останавливается близъ острова Астера ждать Телемака.

Въ царственный градъ Лакедемонъ, холмами объятый, прибывши,
Къ дому царя Менелая Атрида они обратились.

Пиръ онъ богатый давалъ многочисленнымъ сродникамъ, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя въ царскомъ жилищѣ.

⁵Къ сыну губителя ратей Пелида свою посылалъ онъ
Дочь, ужъ давно съ нимъ въ Троянской землѣ договоръ за-
ключивши

Выдать ее за него, и теперь сочетали ихъ боги;
Много ей давъ колесницъ и коней, молодую невѣсту
Въ градъ мирмидонскій, гдѣ царствовалъ свѣтлый женихъ,
спарядилъ онъ.

¹⁰Въ Спартѣ же дочь онъ Алектора избралъ невѣстой для сына,
Крѣпкаго силой, прижитаго имъ съ молодою рабыней
Въ позднихъ годахъ, Мегаренда. Еленѣ жъ дѣтей не хотѣли
Боги съ тѣхъ поръ даровать, какъ желанная ей родилася
Дочь Эрміона, подобная дивной красой Афродитѣ.

¹⁵Шумно пируя въ богато украшенныхъ царскихъ палатахъ,

Сродники всѣ и друзья Менелая, великаго славой,
 Полны веселія были; на пирѣ пѣвецъ вдохновенный
 Громко звучать передъ ними, и два прыгуна, соглашая
 Съ звонкою пирой прыжки, посреди ихъ проворно скакали.
 20Тою порой Телемакъ благородный съ младымъ Низистратомъ,
 Къ царскому дому прибывъ, на дворѣ изъ своей колесницы
 Вышли; имъ встрѣтился прежде другихъ Этеонъ многотимый,
Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой.
 Съ вѣстью о нихъ по дворцу побѣжалъ онъ къ владыкѣ
 Атриду;

25Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:
 Царь Менелай, благородный питомецъ Зевеса, два гостя
 Прибыли, два иноземца конечно изъ племени Діа.
 Что повелишь намъ? Отпрячь ли ихъ быстрыхъ коней? Отка-
 зать ли

Имъ, чтобъ они у другихъ для себя угощенья искали?

30Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчать Менелай златовласый:
 Ты, Этеонъ, сынъ Воэговъ, еще никогда малоумецъ
 Не былъ, теперь же безмысленно сталъ говорить, какъ мла-
 денецъ;

Сами не разъ испытывъ гостелюбіе въ странствіи нашемъ,
 Мы напоследокъ покоимся дома, и Дій да положить

35Бѣдствіямъ нашимъ конецъ. Отпрягите коней ихъ; самихъ же
 Странниковъ къ намъ пригласить на семейственный пиръ нашъ
 обоихъ.

Такъ говорилъ Менелай. Этеонъ побѣжалъ, за собою
 Слѣдовать многимъ изъ царскихъ проворныхъ рабовъ пове-
 лѣвши.

Иго съ ретивыхъ коней, опѣненное потомъ, сложили;

40Къ яслямъ въ царевой конюшнѣ голодныхъ коней привязали;
 Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной съ яркимъ ячменемъ;
 Къ свѣтлой наружной стѣнѣ прислонили потомъ колесницу.

Странники были въ высокій дворецъ введены; озираясь,
 Дому любезнаго Зевсу царя удивлялися оба:

45Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце или мѣсяцъ,

Было въ палатахъ царя Минелая, велиаго славою.
 Очи свои наконецъ удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ,
 Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться; когда же
 Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня,
 50 Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантии, оба
 Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ сѣли на стульяхъ.
 Тутъ поднесла на лахани серебряной руки умыть имъ
 Полный студеной воды золотой рукоюинокъ рабыня;
 Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
 55 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
 Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко.
 Мясa различнаго крайчій принесъ, и его предложивъ имъ,
 Кубки златыя на браномъ столѣ передъ ними поставилъ.
 Сдѣлавъ рукою привѣтствіе, свѣтлый сказалъ имъ хозяинъ:
 60 Пшци откушайте вашей, друзья, на здоровье; когда же
 Свой утолите вы голодъ, спрошу я, какіе вы люди?
 Въ васъ не увяла, я вижу, порода родителей вашихъ;
 Оба, конечно, вы дѣти царей, порожденныхъ Зевсомъ,
 Скиптродержавныхъ; подобные вамъ не отъ низкихъ родятся.
 65 Тутъ онъ имъ подаль бычатины жареной гусъ, изъ почетной
 Собственной части его отдѣливши своюю рукою.
 Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ и голодъ
 Свой утолили роскошной ѣдой и питьемъ изобильнымъ.
 Голову къ спутнику тутъ приклонивъ, чтобъ подслушать другъ іе
 70 Рѣчи его не могли, прошепталъ Телемакъ осторожно:
 Несторовъ сынъ, мой возлюбленный другъ, Пизистратъ бла-
 городный,
 Видишь, какъ много здѣсь мѣди, сіяющей въ звонкихъ покояхъ;
 Блещетъ все золотомъ, серебромъ, янтарями, слоновою костью;
 Зевсъ лишь одинъ на Олимпѣ имѣетъ такую обитель;
 75 Что за богатство! какъ много всего! съ изумленьемъ смотрю я.
 Вслушался въ тихую рѣчь Телемака Атридъ златовласый;
 Голосъ возвысивъ, обонимъ онъ бросилъ крылатое слово:
 Дѣти, намъ смертнымъ не можно равняться съ владыкою
 Зевсомъ,

Ибо и домъ и сокровища Зевса, какъ самъ онъ, нетлѣнны;
⁸⁰Люди жъ иные поспорятъ богатствомъ со мной, а иные
 Нѣтъ; претерпѣвши немало, немало скитавшись, добра я
 Много привезъ въ корабляхъ, возвратясь на осьмой годъ въ
 отчизну.

Видѣлъ я Кипръ, посѣтилъ финикянъ, достигнувъ Египта,
 Къ чернымъ проникъ эііопамъ, гостилъ у сидонянъ, эремовъ;
⁸⁵Въ Ливіи былъ наконецъ, гдѣ рогатыми агнцы рождаются,
 Гдѣ ежегодно три раза и козы и овцы выдаютъ;
 Въ той сторонѣ и полей господинъ и пастухъ недостатка
 Въ сырѣ и мясѣ и жирногустомъ молокѣ не имѣютъ;
 Круглый тамъ годъ изобильно бываютъ доимы коровы;
⁹⁰Той же порой, какъ въ далекихъ земляхъ я, собирая богатства,
 Странствовалъ, милый въ отечествѣ братъ мой погибъ отъ убійцы
 Тайно, никѣмъ непредвидѣнно, хитрымъ предательствомъ жен-
 скимъ,

Съ тѣхъ поръ и всѣ ужъ мои мнѣ сокровища стали постылы.
 Но объ этомъ, кто бъ ни были вы, ужъ конечно отцы вамъ
⁹⁵Все рассказали... О! горестно было мнѣ зрѣть истребленье
 Дома, толь свѣтлаго прежде, толь славнаго многимъ богатствомъ!
 Радъ бы остаться я съ третью того, чѣмъ владѣю, лишь только бъ
 Были тѣ мужи на свѣтѣ, которые въ Троѣ пространной
 Кончили жизнь, далеко отъ Аргоса питателя коней.
¹⁰⁰Часто, ихъ всѣхъ поминая, объ нихъ сокрушаясь и плача,
 Здѣсь я сижу одиноко подъ кровлей домашней; порою
 Горемъ о нихъ улаждаю я сердце, порой забываю
 Горѣ, понеже насъ скоро холодная скорбь утомляетъ.
 Но сколь ни сѣтую въ сердцѣ своемъ я, ихъ всѣхъ поминая,
¹⁰⁵Мысль объ одномъ наиболѣе губить мой сонъ и лишаетъ
 Пищи меня, поелику никто изъ ахеянъ столь много
 Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ царь Одиссей; на труды и печали
 Былъ онъ рожденъ; на мою же досталось часть: сокрушаться,
 Видя, какъ долго отсутствіе длится его; мы не знаемъ,
¹¹⁰Живъ ли онъ, умеръ ли; плачетъ о немъ безутѣшный ро-
 дитель

Старець Лаэртъ, съ Пенелопой разумной, съ младымъ Телемагомъ,

Бывшимъ еще въ пеленахъ при его удаленьи изъ дома.

Такъ онъ сказавъ, неумышленно скорбь пробудилъ въ Телемагѣ.

Крупная пала съ рѣсницы сыновней слеза при отцовомъ

¹¹⁵Имени; въ объ схвативши пурпурную мантию руги,

Ею глаза онъ закрылъ; то увидя, Атридъ догадался;

Долго, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зная онъ, что дѣлать:

Ждать ли, чтобъ самъ говорить о родителяхъ юноша началъ,

Или вопроса вывѣдать все отъ него понемногу?

¹²⁰Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, молчалъ онъ,

Къ нимъ изъ своихъ благовонныхъ высокихъ покоевъ Елена

Вышла, подобная свѣтлой съ копьемъ золотымъ Артемидѣ.

Кресла богатой работы подвинула състь ей Адреста;

Мягкій коверъ шерстяной положила ей въ ноги Алкиппа;

¹²⁵Фило пришла съ драгоцѣнной корзиной серебряной, даромъ

Умной Алякандры, супруги Полиба, въ Египетскихъ Фивахъ

Жившаго, много сокровищъ имѣя въ обители пышной.

Двѣ сребролитныя дала онъ Атриду купальни и съ ними

Два треножныхъ сосуда и золотомъ десять талантовъ;

¹³⁰Также царицѣ Еленѣ супруга его подарила

Прялку златую съ корзиной овальной; была та корзина

Вся изъ серебра, но края золотые; и эту корзину

Фило, пришедши, поставила подлѣ царицы Елены,

Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка

¹³⁵Съ шерстью волнистой пурпурнаго цвѣта. На креслахъ Елена

Сѣла, прекрасныя ноги свои на скамью протянувши.

Сѣвъ, съ любопытствомъ она у царя Менелая спросила:

Могъ ли узнать ты, Атридъ благородный, питомецъ Зевеса,

Кто иноземные гости, нашъ домъ посѣтившіе нынѣ?

¹⁴⁰Я же скажу—справедливо ли, нѣтъ ли, не знаю—но сердце

Нудить сказать, что еще никогда [съ изумленьемъ смотрю я]

Мнѣ ни въ женѣ не случилось, ни въ мужѣ подобнаго встрѣтить

Сходства, какое нашъ гость съ Телемакомъ, царя Одиссея
Сыномъ, имѣеть; младенцемъ его Одиссей благ ородный

¹⁴⁵Дома оставилъ, когда за меня недостойную всё вы,
Мужи ахейскіе, въ Трою пошли истребительной ратью.

Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:

Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливымъ.

Дивное сходство! такія же ноги, такія же руки,

¹⁵⁰То же въ глазахъ выраженіе, та жъ голова и такіе жъ

Кудри густые на ней; а когда, помянувъ Одиссея,

Сталъ говорить я о бѣдствіяхъ, имъ за меня претерпѣнныхъ,

Пала съ рѣсницы его, я замѣтилъ, слеза, и схвативши

Въ обѣ пурпурную мантію руки, онъ ею закрылся.

¹⁵⁵Тутъ Пизистратъ благородный сказалъ Менелая Атриду:

Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,

Спутникъ мой подлинно сынъ Одиссеевъ, какъ думаешь самъ ты;

Но, осторожный и скромный, онъ мнитъ, что ему неприлично,

Васъ посѣтивши впервые, себя выставлять въ разговорѣ

¹⁶⁰Смѣломъ съ тобою, илѣняющимъ всѣхъ насъ божественной
рѣчью.

Старецъ родитель мой Несторъ его повелѣлъ въ Лакедемонѣ

Миѣ проводить; у тебя жъ онъ затѣмъ, чтобъ ему благосклонно

Дать наставленіе ты соизволилъ: что дѣлать? Немало

Горя бываетъ въ родительскомъ домѣ для сына, когда онъ

¹⁶⁵Розно съ отцомъ, не имѣя друзей, сиротствуетъ, какъ нынѣ

Сынъ Одиссеевъ: отецъ благородный далеко; въ народѣ жъ

Нѣтъ никого, кто бъ ему отъ гоненій помочь защититься.

Царь Менелай, отвѣчая, сказалъ Пизистрату младому:

Боги! такъ подлинно сынъ несказанно миѣ милаго друга,

¹⁷⁰Столько тревогъ за меня претерпѣвшаго, домъ посѣтилъ мой.

Я жъ самого Одиссея отличнѣе прочихъ ахейнъ

Встрѣтить надеждой ласкался, когда бъ въ корабляхъ быстро-
ходныхъ

Путь намъ домой по волнамъ отворилъ громовержецъ Кроніонъ;

Градъ бы въ Аргосѣ ему я построилъ съ дворцомъ для жилища;

¹⁷⁵Взялъ бы его самого изъ Итаки съ богатствами, съ сыномъ,

Съ дѣлымъ народомъ; и область для нихъ бы очистилъ, мои
 Близко людямъ населенную, мой признающую скипетръ;
 Часто видались тогда бы, сосѣдствуя, мы, и ничто бы
 Насъ разлучить не могло, веселящихся, дружныхъ, до злаго
 180 Часа, въ который бы скрыло насъ черное облако смерти.
 Но столь великаго блага намъ дать не хотѣлъ непреклонный
 Богъ, запретившій ему несчастливцу возвратъ вожелѣнный.
 Такъ говоря, неумышленно всѣхъ Менелай опечалилъ;
 Громко Елена Аргивская, Діева дочь, зарыдала;
 185 Сынъ Одиссеевъ заплакалъ, и съ ними Атридъ прослезился;
 Плача не могъ удержать и молодой Пизистратъ: онъ о братѣ
 Вспомнилъ, о братѣ своемъ Антилохѣ прекрасномъ, который
 Былъ умерщвленъ лучезарной Денницы возлюбленнымъ сыномъ.
 Вспомнивъ о братѣ, Атриду онъ бросилъ крылатое слово:
 190 Подлинно, царь Менелай, ты разумнѣе всѣхъ земнородныхъ.
 Такъ говоритъ и отецъ престарѣлый нашъ Несторъ, когда мы
 Дома въ семейныхъ бесѣдахъ своихъ о тебѣ вспоминаемъ.
 Нынѣ жъ послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
 Слезъ за вечерней трапезою—скоро подымется Эось,
 195 Въ раннемъ туманѣ рожденная. Миѣ же отнюдь непротивенъ
 Плачь о возлюбленныхъ мертвыхъ, постигнутыхъ общей судь-
 биной;
 Намъ, земнороднымъ страдальцамъ, одна здѣсь надежная по-
 четь:
 Слезы съ ланитъ и отрѣзанный локонъ волосъ на могилѣ.
 Брата утратилъ и я; не послѣдній межъ бранныхъ аргивянъ
 200 Былъ онъ; его ты конечно видалъ; а со мной никогда здѣсь
 Онъ не встрѣчался; его я не зналъ; но отъ всѣхъ былъ отли-
 ченъ,
 Слышали мы, онъ и легкостью ногъ и отважностью въ битвахъ.
 Царь Менелай златовласый отвѣтствовалъ такъ Пизистрату:
 Другъ, основательно то, что сказалъ ты; одинъ лишь разумный
 205 Мужъ, и годами старѣйшій тебя, говорить такъ способенъ.
 Вижу изъ словъ я твоихъ, что отца своего ты достойный
 Сынъ; безъ труда познается порода мужей, для которыхъ

Счастье и въ бравѣ и въ племени ихъ уготовалъ Кроніонъ;
Такъ постоянно и Нестору онъ золотые свиваетъ

²¹⁰Годы, чтобъ весело въ домѣ своемъ онъ старѣлъ, окружен-
ный

Бодрой семьей сыновей, и разумныхъ и съ копьями первыхъ.

Мы же, печаль отложивъ и отерши пролитыя слезы,
Снова начнемъ пировать; для умытія рукъ подадутъ намъ
Свѣтлой воды, а на утро опять разговоръ съ Телемакомъ

²¹⁵Я заведу, и окончимъ мы завтра начатое нынѣ.

Такъ онъ сказалъ; и умыться имъ подавъ воды Асфалеонъ,
Спальникъ проворный царя Менелая великаго славой.

Подняли руки они къ предложенной имъ лакомой пищѣ.

Умная мысль пробудилась тогда въ благородной Еленѣ:

²²⁰Въ чаши она круговыя подлить вознамѣрилась соку,

Гореусладнаго, миротворящаго, сердцу забвенью

Бѣдствій дающаго; тотъ, кто вина выпивалъ, съ благотворнымъ

Слитаго сокомъ, былъ веселъ весь день и не могъ бы запла-
вать,

Если бъ и мать и отца неожиданной смертью утратилъ,

²²⁵Если бъ печаянно брата лишился, иль милаго сына,

Вдругъ предъ очами его пораженнаго бранною мѣдью.

Діева свѣтлая дочь обладала тѣмъ сокомъ чудеснымъ;

Щедро въ Египтѣ ее Полидамна, супруга Өоона,

Имъ надѣлила; земля тамъ богатообильная много

²³⁰Злаковъ рождаетъ, и добрыхъ цѣлебныхъ, и злыхъ ядови-
тыхъ;

Каждый въ народѣ тамъ врачъ, превышающій знаньемъ глу-
бокимъ

Прочихъ людей, поелику тамъ всѣ изъ Пеанова рода.

Соку въ вино подмѣшавъ и вино разнести повелѣвши,

Стала царица Елена бесѣдовать снова съ гостями:

²³⁵Царь Менелай благородный, питомецъ Зевеса, и всѣ вы,

Дѣти отцовъ знаменитыхъ, различное людямъ различнымъ,

Злое и доброе, Дію посылаеть, все Дію возможно.

Радуйтесь нынѣ, сидя за трапезой вечерней и сладкимъ

Сердце свое веселя разговоромъ; а я о бываломъ

²⁴⁰Вамъ разскажу — хоть всего рассказать и припомнить нельзя
мнѣ —

Какъ Одиссей, непреклонный въ бѣдахъ, подвизался и что онъ,
Держворѣшительный мужъ, наконецъ предпринялъ и исполнилъ
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много вы бѣдъ претерпѣли, ахейцы.
Тѣло свое безошадно изсѣбши бичемъ недостойнымъ,

²⁴⁵Рубищемъ бѣднымъ покрывши плеча, какъ невольникъ, во-
шелъ онъ

Въ полный сіяющихъ улицъ народа враждебнаго городъ;
Образъ принявши чужой, онъ въ разодранномъ платьѣ казался
Нищимъ, какимъ никогда межъ ахейнъ его не видали.

Такъ посреди онъ троянъ укрывался; безъ смысла, какъ дѣти,

²⁵⁰Были они; я одна догадалася, кто онъ; вопросы

Стала ему предлагать я—онъ хитро отъ нихъ уклонился;

Но когда, и омывши его и натерши елеемъ,

Платье на плечи ему возложила я съ клятвой великой:

Тайны его никому не открыть въ Иліонѣ враждебномъ

²⁵⁵Прежде его возвращенія въ станъ къ кораблямъ крутобокимъ,

Все мнѣ о замыслѣ хитромъ ахейнъ тогда рассказали онъ.

Многихъ троянъ длинноострою мѣдью меча умертвивши,

Вывѣдалъ въ городѣ все онъ и въ станъ невредимъ возвра-
тился.

Многія вдовы троянскія громко рыдали, въ моемъ же

²⁶⁰Сердцѣ веселіе было: давно ужъ стремилось въ родную

Землю оно, и давно я скорбѣла, виной Афродиты

Вольно ушедшая въ Трою изъ милаго края отчизны,

Гдѣ я покинула брачное ложе и дочь и супруга,

Столь одареннаго свѣтлымъ умомъ и лица красотою.

²⁶⁵Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:

Истинно то, что жена, рассказала ты намъ о бываломъ;

Случай имѣлъ я узнать помышленья, поступки и нравы

Многихъ людей благородныхъ и много земель посѣтилъ я,

Но никогда и ни гдѣ мнѣ досель человекъ, Одиссею,

²⁷⁰Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, подобный, еще не встрѣчался.

Вотъ что, могучій, онъ тамъ наконецъ предпріялъ и исполнилъ,
 Въ чревѣ глубокома коня [гдѣ ахейцы избранные были
 Скрыты] погибельный ковь и убійство врагамъ приготовивъ;
 Къ намъ ты тогда подошла—по внушенію злему конечно
 275 Демона, дать замышлявшаго славу враждебнымъ троянамъ—
 Вслѣдъ за тобою туда же пришелъ Деяфобъ благородный;
 Трижды громаду ты съ нимъ обошла, и отсюду оцупавъ
 Ребра ея, начала вызывать поименно аргивянь,
 Голосу нашихъ возлюбленныхъ женъ подражая искусно.
 280 Мнѣ жъ съ Діомедомъ и съ бодримъ царемъ Одисеемъ, со-
 крытымъ

Въ темной утробѣ громады, знакомые слышались звуки.
 Вдругъ пробудилось желанье во мнѣ и въ Тидеевомъ сынѣ
 Выйти наружу иль громко тебѣ изнутри отозваться;
 Но Одиссей опрометчивыхъ насъ удержалъ; остальные жъ,
 285 Въ чревѣ коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
 Только одинъ Антиклесъ на призывъ твой подать порывался
 Голосъ; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
 Ротъ безразсудному, тѣмъ отъ погибели всѣхъ насъ избавилъ;
 Съ нимъ онъ боролся, пока не ушла ты по волѣ Аяины.
 290 Тутъ Менелаю сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Царь благородный Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
 Вдвое прискорбѣй, что онъ не избѣгъ отъ губящаго рога;
 Было ли въ пользу ему, что имѣлъ онъ желѣзное сердце?...
 Время однако ужъ намъ о постеляхъ подумать, чтобъ, сладко
 295 Въ сонъ погрузившись, на нихъ успокоить усталые члены.
 Такъ онъ сказалъ, и Елена велѣла немедля рабынямъ
 Въ сѣняхъ кровати поставить, постлатъ тюфяки на кровати,
 Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
 Мягкимъ покровомъ для тѣла косматяя мантии бросить.
 300 Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
 Все приготовлено было гостямъ, проводилъ ихъ глашатай;
 Въ сѣняхъ легли на постеляхъ и скоро покойно заснули
 Сынъ Одиссеевъ и спутникъ его Пизистратъ благородный.
 Скоро во внутренней спальнѣ заснулъ и Атридъ златовласый,

*

³⁰⁵Подлѣ царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
 Встала изъ мраба младая съ перстами пурпурными Эось;
 Ложе покинулъ и царь Менелай, вызыватель въ сраженъе;
 Платѣ надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
 Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
³¹⁰Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный.
 Сѣвъ къ Телемаку, его онъ поздравствовалъ; послѣ спросилъ
 онъ:

Что побудило тебя по хребту безпредѣльнаго моря
 Въ царственный градъ Лакедемонъ прибыть, Телемакъ благо-
 родный?

Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мнѣ.
³¹⁵Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелая:
 Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
 Здѣсь я затѣмъ, чтобъ узнать отъ тебя о судьбѣ Одиссея.
 Гибнетъ мое достоянъе, мои разоряются земли,
 Домъ мой во власти грабителей жадныхъ, безжалостно бьющихъ
³²⁰Мелкій нашъ скотъ и быковъ криворогихъ и медленноход-
 ныхъ;

Мать Пенелопу они сватовствомъ неотступнымъ терзаютъ.
 Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно
 Участъ отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своими
 Видѣлъ глазами иль что отъ какого случайно услышалъ
³²⁵Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.
 Ты же, меня не щадя, и изъ жалости словъ не смягчая,
 Все расскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ.
 Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный,
 Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ
 съ тобою

³³⁰Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претерпѣли,
 ахейцы,

Вспомни объ этомъ теиерь и постигнѣ все расскажи мнѣ.
 Съ гнѣвомъ великимъ воскликнулъ Атридъ Менелай златовла-
 сый:

О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе,

Сами безсильные, мыслятъ они захватить произвольно!

³³⁵Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовищѣ
Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцовъ положила, сама же
Стала бы по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травою обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ въ логовище —
Разомъ бы страшная участь птенцовъ безпомощныхъ постигла;
³⁴⁰Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.

Если бѣ, о Дій громовержець! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лезбосѣ, обильно людьми населен-
номъ —

Гдѣ, съ силачемъ Филомйледомъ выступивъ въ бой рукопаш-
ный,

Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейцамъ —

³⁴⁵Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
Сдѣлался бѣ бракъ имъ, судьбой неизбежной постигнутымъ,
горекъ.

То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я разскажу откровенно и мною обмануть не будешь;
Что самому возвѣстилъ мнѣ морской пронницательный старецъ,
³⁵⁰То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.

Все еще боги въ отечество милое мнѣ изъ Египта
Путь заграждали: обѣщанной я не свершилъ экваторъ;
Боги же требуютъ строго, чтобъ были мы вѣрны обѣтамъ.
На морѣ шумно-широкомъ находится островъ, лежащій
³⁵⁵Противъ Египта; его именуютъ тамъ жители Фѳаросъ;
Онъ отъ береговъ на такомъ разстоянн, какое удобно
Въ день съ благовѣющимъ вѣтромъ понутнымъ корабль пробѣ-
гаетъ.

Пристань ^н находится вѣрная тамъ, изъ которой большія
Въ море выходятъ суда, запасенныя темной водою.

³⁶⁰Двадцать тамъ дней я промедлил по волѣ боговъ и ни разу
Съ берега мнѣ не подулъ благосклонный отплытію вѣтеръ,
Спутникъ желанный пловцамъ по хребту многоводнаго моря.
Мы ужъ истратили всѣ путевые запасы и люди
Бодрость теряли, какъ сжалась надъ нами, спасла насъ богиня,

365 Хитраго старца морскаго цвѣтущая дочь Идофея.

Сердцемъ она преклонилась ко мнѣ, повстрѣчавшись со мною,
Шедшимъ печально стезей одинокой, товарищей бросивъ:

Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу

Острогобенными крючьями удили—голодь терзаль ихъ.

370 Сь ласковымъ видомъ ко мнѣ подошедши, сказала богиня:

Что же ты, странникъ? Дитя ль неразумное? Сердцемъ ли ро-
бокъ?

Лѣнь ли тобой овладѣла? Иль самъ ты своимъ веселишься

Горемъ, что долго такъ медлишь на островѣ нашемъ, не зная,

Что предпринять и спутниковъ всѣхъ повергая въ унылость?

375 Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказала я:

Кто бъ ни была ты, богиня, всю правду тебѣ я открою:

Нѣхотя здѣсь я въ бездѣйствіи медлю; быть можетъ нанесъ я

Чѣмъ оскорбленье богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.

Ты же скажи мнѣ [все вѣдать должны вы, могучіе боги],

380 Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возврат-
ный

Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?

Такъ спросилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала богиня:

Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;

Здѣсь пребываетъ издавна морской пронизательный старецъ,

385 Равный безсмертнымъ—Протей, египтянинъ, извѣдавшій моря

Всѣ глубины и царя Посидона державъ подвластный;

Онъ, говорятъ, мой отецъ, отъ котораго я родилася.

Если бъ какое ты средство нашель овладѣть имъ внезапно,

Все бъ онъ открылъ: и дорогу, и дологъ ли путь, и успѣшно ль

390 Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?

Если жъ захочешь, божественный скажетъ тебѣ и о томъ онъ,

Что у тебя и худаго и добраго дома случилось

Съ тѣхъ поръ, какъ странствуешь ты по морямъ безпріютно-
пустыннымъ.

Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказала я:

395 Насъ ты сама научи овладѣть хитромысленнымъ старцемъ,

Такъ, чтобъ не могъ напередъ онъ намѣренье наше пронигнуть:

Трудно весьма одолѣть человѣку могучаго бога.

Такъ говорилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала богиня:

Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;

⁴⁰⁰Здѣсь ежедневно, лишь Геліосъ неба пройдетъ половину,

Въ вѣяньи вѣтра, съ великимъ волненіемъ темныя влаги,

Водъ глубину покидаетъ морской пронизательный старецъ;

Вышедъ изъ волнъ, отдыхать онъ ложится въ пещерѣ глубокой;

Вкругъ тюленя хвостоногіе, дѣти молодой Алозидны,

⁴⁰⁵Стаей ложатся, и спать, и покрытые тинной соленой,

Смрадъ отвратительный моря на всю разливають окрестность.

Только что явится Эосъ, я мѣсто найду, гдѣ удобно

Спрячешься ты посреда тюленей; но товарищамъ сильнымъ

Тремъ повели за собою прійти съ кораблей крутобокихъ.

⁴¹⁰Я же тебѣ расскажу о волшебствахъ коварнаго старца:

Прежде всего тюленей онъ считать и осматривать станеть;

Ихъ осмотрѣвъ и сочтя по пяти, напоследокъ и самъ онъ

Ляжетъ межъ ними, какъ пастырь межъ стада, и въ сонъ погру-

зится.

Вы же, увидя, что легъ и что въ сонъ погрузился онъ, силы

⁴¹⁵Всѣ соберите, и имъ овладѣйте; жестоко начнетъ онъ

Биться и рваться—изъ рукъ вы его не пускайте; тогда онъ

Разные виды начнетъ принимать и являться вамъ станеть

Всѣмъ, что ползетъ по землѣ, и водою, и пламенемъ жгучимъ;

Вы жъ, не робѣя, тѣмъ кричите его, тѣмъ сильнѣе держите.

⁴²⁰Но, какъ скоро тебѣ человѣческій голосъ подастъ онъ,

Снова принявши тотъ образъ, въ какомъ онъ заснулъ — вы не-

медля

Бросьте его; и тогда благородному старцу свободу

Давши, спроси ты, какой изъ боговъ раздраженъ и успѣшно ль

Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?

⁴²⁵Кончивъ, она погрузилась въ морское глубокое лоно.

Я же пошелъ къ кораблямъ, на песокъ неподвижно стоявшимъ,

Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;

Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пищу

Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила;

⁴³⁰Всѣ мы заснули подлѣ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
 Встала изъ мрака младая съ перстами багряними Эосъ;
 Вдоль по отлоному влажно-песчаному берегу, съ молитвой
 Прежде колѣна склонивъ предъ богами, пошелъ я; со мною
 Были три спутника сильныхъ, на всякое дѣло отважныхъ.
⁴³⁵Тою порой, погрузившись въ глубокое море, четыре
 Кожи тюленьи изъ водъ принесла намъ богиня; недавно
 Содраны были онѣ. Чтобъ отца обмануть, на песчаномъ
 Берегѣ ямы она приготовила намъ и сидѣла,
 Насъ ожидая. Немедля всѣ четверо къ ней подошли мы.
⁴⁴⁰Въ ямы улавши и кожами сверху покрывъ насъ, богиня
 Тамъ повелѣла намъ ждать, притаясь; нестерпимо насъ мучилъ
 Смарадъ тюленей, напивавшихся горечью влаги соленой—
 Сносно ль межъ чудами моря живому лежать человѣку?
 Но Идооея бѣдѣ помогла и страданіе наше
⁴⁴⁵Кончила, ноздри амврозіей намъ благовонной помазавъ:
 Былъ во мгновение запахъ чудовищъ морскихъ уничтоженъ.
 Цѣлое утро съ мучительной мы пролежали тоскою.
 Стаю вышли изъ водъ набонецъ тюлени и рядами
 Другъ подлѣ друга вдоль шумнаго берега всѣ улеглись.
⁴⁵⁰Въ полдень же съ моря поднялся и старецъ. Своихъ тюленей
 онъ

Жирныхъ увидя, пошелъ къ нимъ, и началъ считать ихъ и пер-
 выхъ

Счелъ межъ своими подводными чудами насъ, не проникнувъ
 Тайнаго кова; и самъ напоследокъ межъ ними улегся.
 Кинувшись съ крикомъ на соннаго, сильной рукою всѣ вмѣстѣ
⁴⁵⁵Мы обхватили его; но старикъ не забыть чародѣйства;
 Вдругъ онъ въ свирѣпаго съ гривой огромною льва обратился,
 Послѣ предсталъ намъ дракономъ, пантерой, вопремъ великимъ,
 Быстротекучей водою и деревомъ густовершиннымъ;
 Мы, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ упорнѣй держали.
⁴⁶⁰Онъ напоследокъ, увидя, что всѣ чародѣйства напрасны,
 Сдѣлался тихъ и ко мнѣ набонецъ обратился съ вопросомъ:
 Кто изъ безсмертныхъ тебѣ указать, Менелай благородный,

Средство обманомъ меня пересилить? Чего ты желаешь?

Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:

⁴⁶⁵Старець, тебѣ ужъ извѣстно [зачѣмъ притворяться?], что
медлю

Здѣсь я давно по неволѣ, не зная, на что мнѣ рѣшиться,
Сердцемъ тревожась и спутниковъ всѣхъ повергая въ унылость.

Лучше скажи мнѣ [все вѣдать должны вы, могучіе боги],

Кто изъ бессмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возвратный

⁴⁷⁰Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?

Такъ у него я спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:

Долженъ бы Зевсу владыкѣ и прочимъ богамъ экатомбу

Ты, съ кораблями пускаясь въ путь, совершить, чтобъ скорѣе,

Темное море измѣривъ, въ отчизну свою возвратиться.

⁴⁷⁵Знай, что тебѣ суждено не видать, ни возлюбленныхъ ближ-
нихъ

Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ, ни желаннаго края отчизны

Прежде, пока ты къ бѣгущему съ неба потоку Египту

Вновь не придешь и обѣщанной тамъ не свершишь экатомбы

Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.

⁴⁸⁰Иначе боги увидѣтъ отчизну тебѣ не дозволятъ.

Такъ онъ сказалъ и во мнѣ растерзалоса милое сердце:

Было мнѣ страшно, предавшись тревогамъ туманнаго моря,

Вновь продолжительно труднымъ путемъ возвращаться въ Еги-
петъ.

Такъ напоследокъ, отвѣтствуя, хитрому старцу сказалъ я:

⁴⁸⁵Что повелѣлъ ты, божественный старецъ, то все я исполню;

Ты же теперь объяви, ничего отъ меня не скрывая:

Всѣ ль въ корабляхъ невинно ахейцы, съ которыми въ Троѣ

Мы разлучились, Несторъ и я, возвратились въ отчизну?

Кто злополучный изъ нихъ на дорогѣ погибъ съ кораблями?

⁴⁹⁰Кто на рукахъ у друзей, перенесши тревоги, скончался?

Такъ я спросилъ у него и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:

Царь Менелай! не къ добру ты меня вопрошаешь, и лучше бы

Было тебѣ и не знать и меня не спрашивать: горько

Плакать ты будешь, когда обо всемъ расскажу я подробно.

⁴⁹⁵Многихъ ужъ нѣтъ; но и живы остались многіе; двумъ лишь
Только вождемъ мѣднолатныхъ аргивянъ домой возвратиться
Смерть запретила [кто палъ на сраженіи, то вѣдаешь самъ ты];
Третій живой средь пустыннаго моря въ неволѣ крушится.

Съ длинновесѣльными къ бурю морскую погибъ кораблями
⁵⁰⁰Сынъ Ондеевъ, Аяксъ; Посидонъ ихъ къ великой Гирейской
Бросилъ скалъ; самого же Аякса изъ водъ онъ исторгнулъ;
Спасся бѣ отъ гибели онъ вопреки раздраженной Аѳинѣ,
Если бѣ въ безумствѣ изречь не дерзнулъ святотатнаго слова:
Онъ похвалился, что противъ боговъ избѣжитъ потопленья.

⁵⁰⁵Дерзкое слово царемъ Посидономъ услышано было;
Сильной рукой онъ во гнѣвѣ схватилъ свой ужасный трезубецъ,
Имъ по Гирейской ударилъ скалъ и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками разсыпавшись, въ море другая
Рухнула вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней святотатнымъ Аяксомъ;

⁵¹⁰Съ нею и онъ погрузился въ широкошумящее море;
Такъ онъ погибъ, злополучный, упившись соленою влагой.
Братъ твой сначала судьбы избѣжалъ: невинимо ко берегу
Онъ съ кораблями достигъ, сохраненный владычицей Ирой.

Но тогда, какъ въ виду неприступныхъ утесовъ Маллеи
⁵¹⁵Былъ онъ, внезапно воздвигнулась буря и рыбообильнымъ
Моремъ его, вопіющаго жалобно, къ крайнимъ предѣламъ
Области бросило той, гдѣ Фіестъ обиталъ, и гдѣ послѣ
Царское было жилище Фіестова сына Эгиста.

Скоро однако опять успокоилось море, и боги

⁵²⁰Вѣтеръ попутный имъ дали: въ отечество ихъ проводилъ онъ.
Радостно вождь Агамемнонь ступилъ на родительскій берегъ.
Сталъ цѣловать онъ отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролилъ обильно онъ теплыя слезы.

Но издалека съ подозрнкой стоянки увидѣлъ Атрида
⁵²⁵Сторожъ, Эгистомъ поставленный [злое замысла, ему онъ
Дать общалъ два таланта]; и тамъ наблюдалъ онъ ужъ цѣлый
Годъ, чтобъ Атридъ не засталъ ихъ въ располхъ, возвратяся
незапно.

Съ вѣстью о немъ роковой побѣжалъ онъ въ жилище Эгиста.

Ковъ смертоносный тогда хитроумный Эгистъ приготовилъ:

⁵³⁰Двадцать отважныхъ мужей изъ народа немедля онъ вы-
бравъ,

Скрылъ ихъ близъ дома, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ изобильный;

Взявъ колесницы съ конями, къ царю онъ Атриду навстрѣчу
Съ ласковымъ зовомъ пошелъ, замышляя недоброе въ сердцѣ;

Введши его, подозрѣнію чуждаго, въ домъ, на веселомъ
⁵³⁵Пирѣ его онъ убилъ, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;

Люди, съ Атридомъ пришедшіе, все до единого пали,

Но и Эгистовы съ ними сообщники также погибли.

Такъ онъ сказалъ, и во мнѣ растерзалось милое сердце:

Горько заплававъ, упалъ я на землю; мнѣ стала противна

⁵⁴⁰Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго

Плакать, и долго лежалъ на землѣ, безутѣшно рыдая.

Но напоследокъ сказать мнѣ морской пронизательный старецъ:

Царь Менелай, сокрушать толь жестоко себя ты не долженъ;

Слезы твои ничему не помогутъ: а лучше подумай,

⁵⁴⁵Какъ бы тебѣ самому возвратиться скорѣе въ отчизну.

Или застанешь его ты живаго, иль будетъ Орестомъ

Онъ ужъ убитъ; ты тогда подоспѣешь къ его погребенью.

Такъ онъ сказалъ, ободрился мой духъ и могучее снова

Сердце мое, не смотря на великую скорбь, оживилось.

⁵⁵⁰Голосъ возвысивъ, я бросилъ Протею крылатое слово:

Знаю теперь о двоихъ; объяви же, кто третій, который,

Моремъ объятый, живой, говоришь ты, въ неволѣ крушится?

Или ужъ нѣтъ и его? Сколь ни горько, но слушать готовъ я.

Такъ я Протея спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:

⁵⁵⁵Это Лаэртовъ божественный сынъ, обладатель Итаки.

Видѣлъ его я на островѣ, льющаго слезы обильно

Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь, произвольно

Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:

Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы

⁵⁶⁰Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:

Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ многоконномъ Аргосѣ;
Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія будешь

Посланъ богами—туда, гдѣ живетъ Радамантъ златовласнй

⁵⁶⁵[Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безпечальные дни человѣка,

Гдѣ ни метелей, ни ливней, ни хладовъ зпмы не бываетъ;

Гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ, Океаномъ.

Съ легкой прокладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ],

Ибо супругъ ты Елены и зять громовержца Зевеса.

⁵⁷⁰Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое лоно.

Я же съ друзьями отважными вновь къ кораблямъ возвратился,

Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;

Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю нищу

Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила;

⁵⁷⁵Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ;

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эость;

Сдвинули съ берега мы корабли на священное море;

Мачты поднимать и развить паруса, на судахъ собралися

Всѣ мореходные люди и, сѣвши у веселъ на лавкахъ,

⁵⁸⁰Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.

Снова направилъ къ бѣгущему съ неба потоку Египту

Я корабли, и успѣшно на брегѣ его совершилъ экатомбу;

Послѣ жъ, когда примирилъ я боговъ, совершивъ экатомбу,

Холмъ гробовой Агамемнону брату на вѣчную память

⁵⁸⁵Тамъ я насыпалъ; и поплыли мы, и послали попутный

Вѣтеръ намъ боги; въ отечество милое насъ проводить онъ.

Ты жъ, Телемакъ у меня погостишь и отсель не поѣдешь

Прежде, пока не свершится одиннадцать дней или двѣнадцать;

Послѣ тебя отпущу съ дорогими подарками; дамъ я

⁵⁹⁰Трехъ быстроногихъ коней съ колесницей блестящей, и

съ ними

Рѣдкой работы кувшинъ, изъ котораго будешь вседневно

Ты, поминая меня, предъ богами творить возліянье.

Царь Менелай, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,

Долго меня не держи, тороплюся домой я безмѣрно;

⁵⁹⁵Здѣсь у тебя я съ великою радостью могъ бы и цѣлый

Годъ провести, не подумавъ въ отчизну къ роднымъ воз-
вратиться,
Такъ несказанно твои разговоры и рѣчи плѣняютъ
Душу мою; но сопутники въ Пилосѣ ждуть съ нетерпѣньемъ
Нынѣ меня: ты жъ напротивъ желаешь, чтобъ здѣсь я про-
медлить.

⁶⁰⁰Дай мнѣ въ подарокъ такое, что могъ бы удобно хранить я
Дома; коней же въ Итаку мнѣ взять невозможно: оставь ихъ
Здѣсь утѣшнемъ себѣ самому; ты владѣешь землею
Тучныхъ равнинъ, гдѣ родится обильно и лотосъ и галгантъ
Съ яркой пшеницей и полбой и густо цвѣтущимъ ячменемъ.

⁶⁰⁵Мы жъ ни широкихъ полей, ни луговъ не имѣемъ въ Итакѣ;
Горныя пажити наши для козъ, не для коней привольны;
Рѣдко лугами богатъ и конямя легконогимъ пріютемъ
Островъ, обѣятый волнами; Итака же менѣе прочихъ.
Онъ замолчалъ. Улыбнулся Атридъ, вызыватель въ сраженіе;

⁶¹⁰Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказалъ онъ:
Вижу изъ словъ я твоихъ, что твоя благородна порода,
Сынъ мой; но вмѣсто коней я могу подарить и другое,
Это легко мнѣ; изъ многихъ сокровищъ, которыми домъ мой
Полонъ, я самое рѣдкое, лучшее выберу нынѣ;

⁶¹⁵Дамъ широкую кратеру богатую; эта кратера
Вся изъ сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благородный,
Царь сидонянъ, въ то время, когда, возвращаясь въ отчизну,
Въ домъ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.

⁶²⁰Такъ говорилъ о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Въ домъ царя собралися тѣмъ временемъ званые гости,
Козъ и овецъ приведа и вина дорогаго принесши
[Хлѣбъ же прислали ихъ жены, ходящія въ свѣтлыхъ повязкахъ].
Такъ все готовилось къ пиру въ высокихъ палатахъ Атрида.—

⁶²⁵Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ
Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись
Всѣ на мошеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ буйныя игры.
Но Антиной съ Эвримахомъ прекраснымъ сидѣли особо,

Прочихъ вожди, передъ всѣми отличные мужеской силой.

⁶³⁰Фроніевъ сынъ Нозмонъ, подошедъ къ нимъ, сидѣвшимъ
особо,

Слово такое сказалъ, обратясь къ Антиною съ вопросомъ:

Можетъ ли кто мнѣ изъ васъ, Антиной, объявить, иль не
можетъ,

Скоро ль назадъ Телемакъ изъ песчанаго Пилоса будетъ?

Взять у меня имъ корабль—самому мнѣ онъ надобенъ нынѣ:

⁶³⁵Плыть мнѣ въ Элиду шпрокополяную нужно: двѣнадцать

Тамъ у меня кобылицъ и табунъ лошаковъ работащихъ;

Дикіе всѣ; я хотѣлъ бы поймать одного, чтобъ объѣздить.

Такъ онъ сказалъ; женихи взумились; войти не могло имъ

Въ мысли, чтобъ былъ онъ въ Нелеевомъ Пилосѣ; мнили на-
противъ

⁶⁴⁰Всѣ, что ушелъ онъ иль въ поле къ стадамъ иль къ сво-
имъ свинопасамъ.

Строго тогда Антиной, сынъ Эвпейтовъ спросилъ Нозмона:

Все объяви намъ по правдѣ: когда онъ уѣхалъ? Какіе

Были съ нимъ люди? Свободные ль, взятые имъ изъ народа?

Или наемники? Или рабы? Какъ успѣлъ онъ то сдѣлать?

⁶⁴⁵Также скажи откровенно, чтобъ истину вѣдать могли мы:

Силою ль взялъ у тебя онъ корабль быстроходный, иль самъ ты

Отдалъ его произвольно, какъ скоро о томъ попросилъ онъ?

Фроніевъ сынъ Нозмонъ, отвѣчая, сказалъ Антиною:

Отдалъ я самъ произвольно, и всякій другой поступилъ бы

⁶⁵⁰Также, когда бы къ нему обратился такой огорченный

Съ просьбою мужъ—ни одинъ бы ему отказать не помыслилъ.

Люди жъ, имъ взятые, всѣ молодые, изъ самыхъ отличныхъ

Выбраны гражданъ; и ихъ предводителемъ былъ, я замѣтилъ,

Менторъ, иль кто изъ безсмертныхъ, облекшійся въ Менторовъ
образъ:

⁶⁵⁵Ибо я былъ изумленъ несказанно—божественный Менторъ.

Встрѣтился здѣсь мнѣ вчера, хотъ и сѣлъ на корабль онъ съ
другими.

Такъ онъ сказавши, пошелъ, чтобъ къ родителю въ домъ возвра-
титься.

Но Антиной съ Эвримахомъ исполнены были тревоги;
Бросивъ игру, женихи собралися и съли кругомъ ихъ.

⁶⁶⁰Къ нимъ обратяся, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ, ви-
пящій

Гнѣвомъ—и грудь у него подымалась, тѣснямая черной
Злобой, и очи его, какъ огонь пламенѣющій, рдѣли:

Горе намъ! дѣло великое сдѣлать, такъ смѣло пустившись
Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подобной отваги не ждали:

⁶⁶⁵Намъ вопреки, онъ, ребенокъ, отсюда ушелъ самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнѣйшихъ взявъ изъ народа.

Будетъ впередъ намъ и зло и бѣда отъ него. Но погибни
Самъ отъ Зевеса онъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!

Вы жъ мнѣ корабль съ двадцатью снарядите гребцами, чтобъ
могъ я,

⁶⁷⁰Въ море за нимъ устремившись, его на возвратной дорогѣ
Между Итакой и Замомъ крутымъ подстеречь, чтобъ въ погибель
Плаванье вслѣдъ за отцомъ для него самого обратилось.

Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе.

Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратилися въ домъ Одиссеевъ.

⁶⁷⁵Но Пенелопа недолго въ незнаньи осталась о хитромъ
Буйныхъ ея жениховъ заговорѣ на жизнь Телемака;

Все ей Медонтъ, благородный глашатай, открылъ: недалеко
Былъ онъ, когда совѣщались они, и подслушалъ ихъ рѣчи.

Съ вѣстью немедленно онъ по дворцу побѣжалъ къ Пенелопѣ.

⁶⁸⁰Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила:

Съ чѣмъ ты, Медонтъ, женихами сюда благородными при-
сланъ?

Съ тѣмъ ли, чтобъ мнѣ объявить, что рабынямъ царя Одиссея
Должно, оставивъ работы, обѣдъ имъ скорѣй приготовить?

О! когда бы они отъ меня отступились! Когда бы

⁶⁸⁵Это ихъ пиршество было послѣднимъ въ обители нашей!

Вы, разорители нашего дома, губящіе жадно

Все достояніе въ немъ Телемаково, или ни разу

Въ дѣтскихъ вамъ лѣтахъ отъ вашихъ разумныхъ отцовъ не
случилось

Слышать, каковъ Одиссей былъ въ своемъ обхожденіи съ ними,
690 Какъ никому не навесъ онъ, ни словомъ, ни дѣломъ, обиды
Въ цѣломъ народѣ; хотя многосильнымъ царямъ и обычно
Тѣхъ изъ людей земнородныхъ любить, а другихъ ненавидѣть,
Но отъ него не видалъ оскорбленья никто изъ живущихъ.
Здѣсь же лишь ваше быстыдство, лишь буйные ваши поступки
695 Видны; а быть за добро благодарными вамъ неумѣстно.

Умныя мысли имѣя, Медонтъ отвѣчалъ Пенелопѣ:

О царица, когда бы лишь въ этомъ все зло заключалось!

Но женихи величайшей, ужаснѣйшей намъ угрожаютъ

Нынѣ бѣдой—да успѣха не дастъ имъ Зевесъ громовержець!

700 Острымъ мечемъ замышляютъ они умертвить Телемака,

Выждавъ его на возвратномъ пути: о родителя свѣдать

Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ
Лакедемонъ.

Такъ онъ сказалъ; задрожали колѣна и сердце у бѣдной

Матери; долго была безсловесна она и слезами

705 Очи ея затмѣвались и ей не покорствовалъ голосъ.

Съ духомъ собравшись, она наконецъ, отвѣчая, сказала:

Что удалиться, Медонтъ, побудило дитя мое? Нужно ль

Было ввѣряться ему кораблямъ, водяными конями

Быстро носящимъ людей мореходныхъ по влагѣ пространной?

710 Иль захотѣлъ онъ, чтобъ въ людяхъ и имя его истребилось?

Выслушавъ слово ея, благородный Медонтъ отвѣчалъ ей:

Мнѣ неизвѣстно, внушенью ль онъ бога послѣдовалъ, самъ ли

Въ сердцѣ отплытіе въ Пилосъ замыслилъ, чтобъ свѣдать,
въ какую

Землю родитель судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ?

715 Кончивъ, разумный Медонтъ удалился изъ царскаго дома.

Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться

Долѣ на стулѣ она не могла; хотъ и много ихъ было

Въ свѣтлыхъ побояхъ ея, но она на порогѣ сидѣла,

Жалобно плача. Съ рыданіемъ къ ней собралися рабыни,

720Сколько ихъ ни было въ царскомъ жилищѣ и юныхъ и старыхъ.

Сильно скорбя посреди ихъ, сказала имъ такъ Пенелопа:
Слушайте, милыя; дасть мнѣ печали Зевесъ Олимпіецъ
Болѣе всѣхъ, на землѣ современно со мною рожденныхъ;
Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ льви-
нымъ,

725Всякой высокою доблестью въ сонмѣ данаевъ отличный,
Столь преполнившій славой своей и Элладу и Аргось.

Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мною; безславно умчал
Буря отсюда его, и о томъ я не свѣдала прежде;

О вы, безумныя, какъ ни одной, ни одной не пришло вамъ

730Вѣрема въ мысли меня разбудить? А конечно ужъ знали
Всѣ вы, что онъ собрался въ корабль удалиться отсюда.

О! для чего не сказать мнѣ никто, что отплыть онъ замыслилъ!

Или тогда бъ, отложивши отъѣздъ, онъ остался со мною,

Или сама бъ я осталася мертвою въ этомъ жилищѣ.

735Но позовите скорѣе ко мнѣ старика Доліона;

Вѣрный слуга онъ; въ приданое данъ мнѣ отцомъ и усердно
Смотритъ за садомъ моимъ плодоноснымъ. Къ Лаэрту немедля
Долженъ пойти онъ и, свѣвъ близъ него, о случившемся нынѣ
Старцу сказать; и Лаэртъ, все разумно обдумавъ, быть можетъ,

740Съ плачемъ предстанетъ народу, который губить допускаетъ
Внука его, Одиссеева богоподобнаго сына.

Тутъ Эвриклея, усердная няня, сказала царичѣ:

Свѣтъ нашъ, царица, казнить ли меня безпощадною мѣдью

Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего не сокрою.

745Было извѣстно мнѣ все; по его повелѣнью дала я

Хлѣбъ и вино на дорогу; съ меня же великую влятву

Взялъ онъ: молчать до двѣнадцати дней, иль пока ты не
спросишь

Гдѣ онъ сама, иль другой кто отъѣзда его не откроетъ.

Свѣжестъ лица твоего, онъ боялся, отъ плача поблекнетъ.

750Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,

Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой поиди, и молитву

Тамъ сотвори передъ дочерью Зевса эгидодержавца;
 Ею конечно онъ будетъ спасенъ отъ грозящія смерти.
 Но не печаль старика, ужъ печальнаго; вѣчные боги,
 755 Думаю я, не совсѣмъ отвратились еще отъ потомковъ
 Арезиада; и родъ ихъ всегда обладателемъ будетъ
 Царскаго дома и нивъ и полей плодоносныхъ въ Итагѣ.
 Такъ Эвриклея сказала; утихла печаль, осушились
 Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
 760 вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой пошла Пенелопа.
 Чашу наполнивъ ячменемъ, она возгласила къ Аѳинѣ:
 Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Аѳина,
 Если когда Одиссей благородный въ семь домѣ обильно
 Тучныя бедра быковъ и овецъ сожигалъ предъ тобою,
 765 Вспомни объ этомъ теперь и спаси Одиссеева сына,
 Козни моихъ жениховъ злонамѣренныхъ нынѣ разрушивъ.
 Такъ помолилась она и не втуне осталась молитва.
 Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли.
 Такъ говорили иные изъ нихъ, безразсудно надменныхъ:
 770 Вѣрно теперь многославная наша царица готовить
 Свадьбу, не мысля о томъ, что отъ насъ приготовлено сыну.
 Такъ говорили они, не предвидя того, что и всѣмъ имъ
 Было готово. Созвавъ ихъ, сказала Антиной, негодуя:
 Буйные люди, совѣтую вамъ отъ такихъ неразумныхъ
 775 Словъ воздержаться, чтобъ кто нибудь здѣсь разгласить ихъ
 не вздумать.

Лучше, отсель удаляся въ молчаньи, исполнить на дѣлѣ
 То, что теперь на совѣтѣ согласномъ своимъ положили.
 Выбравъ отважнѣйшихъ двадцать мужей изъ народа, поспѣшно
 Съ ними пошелъ къ кораблямъ онъ, стоявшимъ на брегѣ пес-
 чаномъ.

780 Сдвинувъ съ песчанаго берега корабль на глубокое море,
 Мачту они утвердили на немъ, всѣ уладили снасти,
 Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,
 Должнымъ порядкомъ потомъ паруса натянули. Когда же
 Смѣлые слуги съ оружіемъ ихъ собрашя, всѣ вмѣстѣ.

785 Сѣвъ на корабль и его отведя на открытое взморье
 Ужинать стали они въ ожиданьи пришествія ночи.
 Тою порою въ высокомъ покоѣ своемъ Пенелопа
 Грустно лежала одна, ни ѣды, ни питья не вкушавши,
 Мыслью о томъ лишь тревожась, спасется ли сынъ безпорочный,
 790 Или погибнетъ, сраженный рукою убійць вѣроломныхъ?
 Словно какъ левъ, окружаемый мало по малу стрѣлками,
 Съ трепетомъ видить, что скоро ихъ цѣпью онъ будетъ об-
 хватченъ,

Такъ отъ своихъ размысленій она трепетала. Но мирный
 Сонъ прилетѣлъ, и ее уелѣялъ, и все въ ней утихло.
 795 Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:
 Призракъ она сотворила, имѣвшій наружность прекрасной
 Дочери старца Икарія, свѣтлой Ифтимы, съ которой
 Царь Фессалійскія Феры, могучій Эвмель сочетался.
 Въ домъ Одиссеевъ послала тотъ призракъ Аонна, дабы онъ
 800 Тамъ, подошедъ къ погруженной въ печаль Пенелопѣ, ей слезы
 Легкой рукою отеръ и ея утолилъ сокрушенье.
 Въ спальню проникнулъ, ремня у задвижки не тронувъ, без-
 плотный

Призракъ, подкрался и, ставъ надъ ея головою, промолвилъ:
 Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскуеть ли милое сердце?
 805 Боги, живущіе легкою жизнью, тебѣ запрещаютъ
 Плакать и сѣтовать; твой Телемакъ невредимъ возвратится,
 Скоро къ тебѣ: онъ боговъ никакой не прогнѣвалъ виною.
 Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала,
 Полная сладкой дремоты въ безмолвныхъ вратахъ сновидѣній:
 810 Другъ мой, сестра, какъ пришла ты сюда? Ты донинѣ такъ
 рѣдко

Настъ посѣщала, въ далекомъ отсюда краю обитая.
 Какъ же ты хочешь, чтобъ я перестала скорбѣть и крушиться,
 Горе, объявшее духъ мой и сердце мое, позабывши?
 Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ льви-
 нымъ,

815 Всякой высокою доблестью въ сонмѣ данаевъ отличный,

*

Столь преисполнившій славою своею и Элладу и Аргоеъ;
 Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мною: онъ отважился въ море,
 Отрокъ, нужды не выдавшій, съ людьми говорить не обыкшій.
 Болѣ о немъ я крушуся теперь, чѣмъ о бѣдномъ супругѣ;
⁸²⁰Сердце дрожить за него, чтобъ бѣды съ нимъ какой не
 случилось

На морѣ зломъ иль въ чужой сторонѣ у чужаго народа.
 Здѣсь же враждебные люди его стерегутъ, приготовивъ
 Въ мысляхъ погибель ему на возвратной дорогѣ въ отчизну.
 Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошептала Пенелопѣ:
⁸²⁵Будь же спокойна и сердца не мучь, безразсудно тревожась.
 Спутница есть у него и такая, которой бы всякій
 Смертный съ надеждою вѣбрилъ себя—для нея все возможно—
 Дочь громовержца Аѳина сама. О тебѣ сожалѣя,
 Доброю вѣстью твой духъ ободрить мнѣ велѣла богиня.
⁸³⁰Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала:

Если ты вправду богиня и слышала голосъ богини,
 То, умоляю, открой и его мнѣ печальную участь.
 Гдѣ онъ, злосчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
 Или его ужъ не стало и въ область Аида сошелъ онъ?
⁸³⁵Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошептала Пенелопѣ:
 Я ничего не могу объявить о судьбѣ Одиссея;
 Живъ ли, погибъ ли, сказать мнѣ нельзя; пусторѣчіе вредно.
 Призракъ тогда, сквозь замочную скважину двери провѣявъ
 Воздухомъ легкимъ, пропала. Пробудясь отъ сна, Пенелопа
⁸⁴⁰Ложе покинула: сердцемъ она ожила, поелику
 Явно въ глубокую полночь предсталъ ей пророческій образъ.
 Тою порой женихи въ кораблѣ водяною дорогой
 Шли, неизбѣжную мысленно смерть Телемаку готова.
 Есть на равнинѣ соленого моря утесистый островъ
⁸⁴⁵Между Итакой и Замомъ гористымъ; его именуютъ
 Астеромъ; онъ невеликъ; корабли тамъ пріютная пристань
 Съ двухъ береговъ принимаетъ. Тамъ стали на стражѣ ахейцы.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ДО КОНЦА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО.

Совѣтъ боговъ. Они посылають Эрмія къ нимфѣ Калипсо съ повелѣніемъ отпустить немедленно Одиссея. Калипсо даетъ Одиссею орудія, нужныя для постройки плота. Въ четыре дня судно готово, и на пятый день Одиссей пускается въ путь, получивъ отъ Калипсы все нужное на дорогу. Семнадцать дней плаваніе продолжается благополучно. На осьмнадцатый Посидонъ, возвращаясь отъ эііоповъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ посылаетъ бурю, которая разрушаетъ плотъ; но Одиссей получаетъ отъ Левкоген покрывало, которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлыя три дня носятъ его бурныя волны; наконецъ ввечеру третьяго дня онъ выходитъ на берегъ Феакійскаго острова Схеріи.

Эосъ, покинувши рано Титона прекраснаго ложе,
На небо вышла сіять для блаженныхъ боговъ и для смертныхъ.
Боги тогда собрались на великій совѣтъ; предсѣдалъ имъ
Въ тучахъ гремящій Зевесъ, всемогущею властію первый.

⁵Стала Аѳина рассказывать имъ о бѣдахъ Одиссея,
Въ сердцѣ тревожася долгой неволей его у Калипсы:
Зевсѣ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Кроткимъ благимъ и привѣтливимъ быть ужъ теперь ни единый
Царь скиптроносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши,

¹⁰Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло—
Если могли вы забыть Одиссея, который былъ добрымъ,
Мудрымъ царемъ, и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный;

Брошенный бурей на островъ, онъ горе великое терпитъ
Въ свѣтломъ жилищѣ могучей богини Калипсы, насильно
¹⁵Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Нынѣ жъ враги и младаго хотять умертвить Телемака,

Въ морѣ внезапно напавъ на него: о родителейъ свѣдать
²⁰Поплылъ онъ въ Пилось божественный, въ царственный
 градъ Лакедемонъ.

Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
 Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
 Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубить
 Нѣкогда всѣхъ ихъ, домой возвратяся, Одиссей? Телемака жъ

²⁵Ты проводи осторожно сама—то конечно ты можешь;
 Пусть невредимо онъ въ милую землю отцовъ возвратится;
 Пусть и они, не свершивъ злодѣянья, придутъ въ Итаку.

Такъ отвѣчавъ, обратился онъ къ Эрмію, милому сыну:
 Эрмію, нашъ вѣстникъ заботливый, нимфѣ прекраснокудравой
³⁰Нынѣ лети объявить отъ боговъ, что отчизну увидѣтъ

Срокъ наступилъ Одиссею, въ бѣдахъ постоянному; путь свой
 Онъ совершитъ безъ участія свыше, безъ помощи смертныхъ;
 Моремъ, на крѣпкомъ плоту, повстрѣчавши опаснаго много,
 Въ день двадцатый достигнетъ онъ берега Схеріа тучной,

³⁵Гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы; и будетъ
 Ими ему, какъ безсмертному богу, оказана почеть:
 Въ милую землю отцовъ съ кораблемъ ихъ отплывъ, онъ въ по-
 дарокъ

Мѣди и злата и разныхъ одеждъ драгоцѣнныхъ получить
 Много, столь много, что даже изъ Трои подобной добычи

⁴⁰Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно могъ возвра-
 титься.

Такъ напоследокъ по волѣ судьбы онъ возлюбленныхъ ближ-
 ннихъ,

Землю отцовъ и богато украшенный домъ свой увидитъ.
 Кончилъ. И медлить не сталъ благовѣстникъ, Аргусобійца.

Къ свѣтлымъ ногамъ привязавши свои золотыя подошвы,
⁴⁵Амвросіальныя, всюду его надъ водой и надъ твердымъ

Дономъ земли безпредѣльными легкимъ носящія вѣтрома,
 Взялъ онъ и жезлъ свой, по волѣ его наводящій на бодрыхъ
 Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у сиящихъ.

Въ путь устремился съ жезломъ многосильный убійца Аргуса.

⁵⁰Скоро, достигнувъ Пери́и, къ морю съ ээира слетѣлъ онъ;
 Быстро помчался потомъ по волнамъ рыболовомъ крылатымъ,
 Жадно хватающимъ рыбъ изъ отверстаго бурей нѣдра
 Бездны безплодносоленой, купая въ ней сильныя крылья.
 Легкою птицей морской пролетѣвъ надъ пучиною, Эрмі́и
⁵⁵Острова, моремъ вдали сокровеннаго, скоро достигнуть.
 Съ зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись,
 Берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ, гдѣ свѣтлокудрявой
 Нимфы обитель была, и ее самоё тамъ увидѣлъ.
 Пламень трескучій сверкалъ на ея очагѣ и весь островъ
⁶⁰Былъ накурень благовоиёмъ кедра и дерева жизни,
 Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ богиня
 Пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью.
 Густо разрослись, отъсюду пещеру ея окружали
 Тополи, ольхи и сладкій люющіе духъ кипарисы;
⁶⁵Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздились тамъ длинокрылыя птицы
 Копчиги, совы, морскія вороны крикливыя, шумной
 Стаей по взморью ходящія, пищи себѣ добывая.
 Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ,
 Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые грозды висѣли;
⁷⁰Свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣжали
 Близко одинъ отъ другаго, туда и сюда извиваясь;
 Вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ и злаковъ
 Полные сочныхъ. Когда бы въ то мѣсто зашелъ и безсмертный
 Богъ—изумился бъ и радость въ его бы проникнула сердце.
⁷⁵Былъ изумленъ и боговъ благовѣстникъ, сразитель Аргуса;
 Но, посмотрѣвши на все съ изумленьемъ и радостью сердца,
 Въ гротъ онъ глубокой вступилъ напостѣдокъ; и съ перваго
 взгляда
 Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
 [Быть незнакомы другъ другу не могутъ безсмертныя боги,
⁸⁰Даже когда бъ и великое ихъ разлучаю пространство].
 Но Одиссея, могучаго мужа, тамъ Эрмі́и не встрѣтилъ;
 Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и плакать;
 Горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни проводилъ онъ,

Взоръ, помраченный слезами, вперивъ на пустынное море.
⁸⁵Эрмія съѣсть приглася на богатоукрашенныхъ креслахъ,
 Нимфа, богиня богинь, у него съ любопытствомъ спросила:
 Эрмія, носитель жезла золотого, почтенный и милый
 Гость мой, зачѣмъ прилетѣлъ? У меня никогда не бывалъ ты
 Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,

⁹⁰Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
 Прежде однако ты долженъ принять отъ меня угощенье.
 Съ ними словами богиня, поставивши столъ передъ гостемъ,
 Съ сладкой амврозіей нектаръ ему подала пурпуровый.
 Пищи охотно вкусили благовѣстникъ, убійца Аргуса.

⁹⁵Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
 Словомъ такимъ онъ отвѣтствовалъ нимфѣ прекраснокудравой:
 Знать отъ меня ты—отъ бога богиня—желаешь, зачѣмъ я
 Здѣсь? Объявлю все поистинѣ, волю твою исполняя.

Посланъ Зевесомъ, не самъ произвольно сюда прилетѣлъ я—

¹⁰⁰Кто произвольно захочетъ измѣрить безплоднаго моря
 Степь несказанную, гдѣ не увидишь жилищъ человѣка,
 Жертвами чтущаго насъ, приносящаго намъ экатомбы?
 Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣть

Между боговъ ни одинъ отъ себя отклонить, ни нарушить.

¹⁰⁵Вѣдомо Дію, что скрыть у тебя злополучнѣйшій самый
 Мужъ изъ мужей, передъ градомъ Пріама сражавшихся девять
 Лѣтъ, на десятый же, градъ ниспровергнуть, отплывшихъ въ
 отчизну;

Но при отплытіи дерзко они раздражили Аѳину:

Бури послала на нихъ и великія волны богиня.

¹¹⁰Онъ же, спутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напоследъ-
 докъ,

Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими брошенъ.
 Требуютъ боги, чтобъ былъ онъ немедля тобою отосланъ;
 Ибо ему не судьба умереть далеко отъ отчизны;
 Воля напротивъ судьбы, чтобъ возлюбленныхъ ближнихъ,
 родную

¹¹⁵Землю и свѣтлоустроенный домъ свой опять онъ увидѣлъ.

Такъ онъ сказалъ ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:

Боги ревнивые, сколь вы безжалостно къ намъ непреклонны!

Васъ раздражаетъ, когда мы, богини, приѣмлемъ на ложе

¹²⁰Смертнаго мужа и намъ онъ становится милымъ супругомъ.

Такъ Оріонъ свѣтоносною Эосъ былъ нѣкогда избранъ;

Гнали его вы, живущіе легкою жизнію боги,

Гнали до тѣхъ поръ, пока златотронныя онъ Артемиды

Тихой стрѣлою въ Ортигіи не былъ внезапно застрѣленъ.

¹²⁵Такъ Язіонъ былъ прекраснокудрявой Димитрою избранъ;

Сердцемъ его возлюбя, раздѣлила съ нимъ ложе богиня

На полѣ, три раза вспаханномъ: скоро о томъ извѣщенъ былъ

Зевсъ и его умертвилъ онъ, низринувши пламенный громъ свой.

Нынѣ и я васъ прогнѣвала, боги, давъ смертному мужу

¹³⁰Помощь, когда, обхвативъ корабельную доску, въ волнахъ онъ

Гибнулъ — корабль же его быстроходный былъ пламеннымъ
громомъ

Зевса разбить посреди безпредѣльнопустыннаго моря:

Такъ онъ, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напоследокъ,

Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими брошенъ.

¹³⁵Здѣсь пріютивши его и заботясь о немъ, я хотѣла

Милому дать и безсмертье и вѣчноцвѣтущую младость.

Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣетъ

Между боговъ ни одинъ отклонить отъ себя, ни нарушить;

Пусть онъ—когда ужъ того такъ упорно желаетъ Кроніонъ—

¹⁴⁰Морю невѣрному снова предастся; помочь я не въ силахъ;

Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы

Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.

Дать лишь совѣтъ осторожный властна я, дабы онъ отсюда

Могъ безпрепятственно въ милую землю отцовъ возвратиться.

¹⁴⁵Ей отвѣчая, сказалъ благовѣстникъ, убійца Аргуса:

Волю Зевеса уваживъ, немедля его отошли ты,

Или, боговъ раздраживъ, на себя навлечешь наказанье.

Такъ отвѣчавъ, удалился безсмертныхъ крылатый посланникъ.

Свѣтлая нимфа пошла къ Одиссею, могучему мужу,
 150 Волю Зевеса принявши изъ устъ благовѣстнаго бога.
 Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ, и очи
 Были въ слезахъ; утекала медлительно капля за каплей
 Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по отчизнѣ; и хладный
 Сердцемъ къ богинѣ, съ ней ночи свои онъ дѣлать принуж-
 денно

155 Въ гротѣ глубокомъ, желанью ея непокорный желаньемъ.
 Дни же свои проводить онъ, сидя на прибрежномъ утесѣ,
 Горемъ и плачемъ и вздохами душу питая, и очи,
 Полныя слезъ, обративъ на пустыню безплоднаго моря.
 Близко къ нему подошедши, сказала могучая нимфа:
 160 Слезы отри, злополучный, и болѣ не трать въ сокрушенны
 Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
 Брёвенъ большихъ нарубивъ топоромъ мѣдноострымъ и въ
 крѣпкій

Плотъ ихъ связавъ, по краямъ утверди ты перила на толстыхъ
 Брусняхъ, чтобъ по морю темному плыть безопаснѣе было.
 165 Хлѣбомъ, водой и виномъ пурпуровымъ снабжу изобильно
 Я на дорогу тебя, чтобъ и голодь и жажду легко ты
 Могъ утолять; и одежды я дамъ: и пошлю за тобою
 Вѣтеръ попутный, чтобъ милой отчизны своей ты достигнуть,
 Если угодно богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ—
 170 Мнѣ же ни разумомъ съ ними ни властью равняться не можно.
 Такъ говорила она. Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, содрог-
 нулся;

Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ богинѣ крылатое слово:
 Въ мысляхъ твоихъ не отъѣздъ мой, а нѣчто иное, богиня;
 Какъ же могу переплыть на плоту я широкую бездну
 175 Страшнаго, бурнаго моря, когда и корабль быстроходный
 Рѣдко по ней пробѣгаетъ съ Зевесовымъ вѣтромъ попутнымъ?
 Нѣтъ! противъ воли твоей не взойду я на плотъ ненадежный
 Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
 Клятвы, что мнѣ никакого вреда не замыслила нынѣ.
 180 Такъ говорилъ онъ. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;

Щекн ему потрепавши рукою, она отвѣчала:
 Правду сказать, ты хитрецъ, и чрезмѣрно твой умъ остороженъ;
 Странное слово однако, отвѣтствуя мнѣ, произнесъ ты.
 Но я клянусь и землею плодоносной и небомъ великимъ,
¹⁸⁵Стиска подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
 Клятвой, которой и боги не могутъ изречь безъ боязни,
 Въ томъ, что тебѣ никакого вреда не замыслила нынѣ.
 Нѣтъ, я совѣтую то, что сама для себя избрала бы,
 Если бъ въ такомъ же была, какъ и ты, затрудненъ великомъ;
¹⁹⁰Правда святая и мнѣ дорога; не желѣзное, вѣрь мнѣ,
 Бьется въ груди у меня, а горячее, нѣжное сердце.
 Кончивъ, богиня богинь впереди Одиссея поспѣшнымъ
 Шагомъ пошла, и поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.
 Съ нею [съ безсмертною смертный] достигнувъ глубокаго грота,
¹⁹⁵Сѣлъ Одиссей на богатыхъ, оставленныхъ Эрміемъ, крес-
 лахъ.

Нимфа Калипсо, ему для ѣды и питья предложивши
 Пшци различной, какою всегда насыщаются люди,
 Мѣсто на-противъ его заняла за трапезой; рабыни
 Ей благовонной амвросіи подали съ нектаромъ сладкимъ.
²⁰⁰Подняли руки они къ приготовленной лакомою пшцѣ,
 Послѣ жъ, когда утоленъ былъ ихъ голодъ питьемъ и ѣдою,
 Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
 О Лаэртиль, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Въ милую землю отцовъ наконецъ предпріявъ возвратиться,
²⁰⁵Хочешь немедля меня ты покинуть—прости! но когда бы
 Сердцемъ предчувствовать могъ ты, какія судьба назначаетъ
 Злая тревоги тебѣ испытать до прибытія въ домъ свой,
 Ты бы остался со мною въ моемъ безмятежномъ жилищѣ.
 Былъ бы тогда ты безсмертенъ. Но сердцемъ ты жаждешь
 свиданья

²¹⁰Съ вѣрной супругой, о ней ежечасно крушась и печалась.
 Думаю только, что я ни лица красотою. ни стройнымъ
 Станомъ не хуже ея; да и могутъ ли смертныя женя
 Съ нами, богинями, спорить своею земной красотою?

Ей возражая, отвѣтствовала такъ Одиссей многоумный:
²¹⁵Выслушай, свѣтлая нимфа, безъ гнѣва меня; я довольно
 Знаю и самъ, что не можно съ тобой Пенелопѣ разумной,
 Смертной женѣ съ вѣчноюной безсмертной богиней, ни строй-

НЫМЪ

Станомъ своимъ, ни лица своего красотою равняться;
 Все я однако, всечасно крушась и печалась, желаю
²²⁰Домъ свой увидѣть и сладостный день возвращенія встрѣ-

ТИТЬ;

Если же кто изъ боговъ мнѣ пошлетъ потопленіе въ темной
 Безднѣ, я выдержу то отвердѣлю въ бѣдствіяхъ грудью:
 Много встрѣчалъ я напастей, не мало трудовъ перенесъ я
 Въ морѣ и битвахъ, пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно
²²⁵Дію. Онъ кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце зашло и ночная
 Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
 Тамъ насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
 Вышла изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эосъ:
 Всталъ Одиссей и поспѣшно облекся въ хитонъ и хламиду.

²³⁰Свѣтлосеребряной ризой изъ тонковоздушныя тѣани
 Плечи одѣла богиня свои, золотымъ драгоценнымъ
 Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила.
 Кончивъ, она собирать начала Одиссея въ дорогу;
 Выбрала прежде топоръ, по рукѣ ему сдѣланный, крѣпкій,
²³⁵Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный, насаженный плотно,
 Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы сработанной ручкой;
 Острую скобель потомъ принесла и пошла съ Одиссеемъ
 Вмѣстѣ во внутренность острова: множество тамъ находилось
 Тополей черныхъ и ольхъ и высокихъ, дооблачныхъ сосенъ,
²⁴⁰Старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ зноѣ, для плаванья
 легкихъ.

Мѣсто ему показавъ, гдѣ была та великая роща,
 Въ гротъ свой глубокой Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
 Началь рубить онъ деревья и скоро окончилъ работу;
 Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ очистилъ, ихъ острою
 мѣдью

²⁴⁵Выскоблилъ гладко, потомъ уравнилъ, по шнуру обтесавши.
 Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ возвратилась.
 Началъ буравить онъ брусъ и, всѣ пробуравивъ, сплотилъ ихъ,
 Длинными болтами сшивъ и большими просунувъ шипами;
 Дно жъ на плоту онъ такое широкое сдѣлалъ, какое
²⁵⁰Мужъ, въ корабельномъ художествѣ опытный, строить на
 прочномъ

Суднѣ, носящемъ товары купцовъ по морямъ безпредѣльнымъ.
 Плотными брусъями крѣпкія ребра связавъ, напоследокъ
 Въ гладкую палубу сбилъ онъ дубовыя толстыя доски,
 Мачту поставилъ, на ней утвердилъ поперечную райну,
²⁵⁵Сдѣлалъ кормило, дабы управлять поворотами судна,
 Плотъ окружилъ для защиты отъ моря плетнемъ изъ равитныхъ
 Сучьевъ, на дно же различнаго груза для тяжести бросилъ.
 Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
 Крѣпкой ему принесла. И, устроивши парусъ [къ нему же
²⁶⁰Всѣ, чтобъ его развѣвать и свѣвать, прикрѣпивши веревки],
 Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на священное море.
 День совершился четвертый, когда онъ окончилъ работу.
 Въ пятый его снарядила въ дорогу богиня Калипсо.
 Баней его освѣживъ и душистой облекши одеждой,
²⁶⁵Нимфа три мѣха на плотъ принесла: былъ одинъ драгоцен-
 нымъ

Полонъ напитокомъ, другой ключевою водою, а третій
 Хлѣбомъ, дорожнымъ запасомъ и разною лакомою пищею.
 Кончивъ, она призвала благовѣющій вѣтеръ попутный.
 Радостно парусъ напрягъ Одиссей и, попутному вѣтру
²⁷⁰Ввѣрившись, поплылъ. Сидя на кормѣ и могучей рукою
 Руль обращая, онъ бодрствовалъ; сонъ на его не спускался
 Очи, и ихъ не сводилъ онъ съ Плеядъ, съ нисходящаго поздно
 Въ море Воота, съ Медвѣдицы, въ людяхъ еще Колесницы
 Имя носящей, и близъ Оріона свершающей вѣчно
²⁷⁵Кругъ свой, себя никогда не купающа въ водахъ океана.
 Съ нею богиня богинь повелѣла ему неусыпно
 Путь соглашать свой, ее оставляя по лѣвую руку.

Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ пустился
онъ въ море;

Вдругъ на осьмнадцатый видимы стали вдали надъ водами
²⁸⁰Горы тѣнистой земли феакіянъ, уже недалекой:

Чернымъ питомъ на туманистомъ морѣ она простиралась.

Въ это мгновеніе земли колебатель могучій, побинувъ

Край эѳіопянъ, съ далекихъ Солимскихъ высотъ Одиссея

Въ морѣ увидѣлъ: его онъ узналъ; въ немъ разгнѣвалось сердце;

²⁸⁵Страшно лазурнокудрявой трякнувъ головой, онъ восклик-
нулъ:

Дерзкій! неужели боги, пока я въ землѣ эѳіопянъ

Праздновалъ, мнѣ вопреки, согласились помочь Одиссею?

Чуть не достигъ онъ земли феакіянъ, гдѣ встрѣтитъ напастей,

Свыше ему предназначенныхъ, долженъ конецъ; но еще я

²⁹⁰Вдоволь успѣю его, ненавистнаго, горемъ насытитъ.

Такъ онъ сказалъ и, великія тучи поднявши, трезубцемъ

Воды взбуровилъ и бурю воздвигъ, отовсюду прикликавъ

Вѣтры противные; облако темное вдругъ обложило

Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла ночь.

²⁹⁵Разомъ и Эвръ и полуденный Ноть и Зефиръ и могучій,

Свѣтлымъ рожденный Эвпромъ, Борей взволновали пучину.

Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце.

Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:

Горе мнѣ! что претерпѣть наконецъ мнѣ назначило небо!

³⁰⁰Съ трепетомъ вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,

Мнѣ предсказавъ, что, пока не достигну отчизны, я въ морѣ

Встрѣчу напасти великія: все исполняется нынѣ.

Страшными тучами вдругъ обложилъ безпредѣльное небо

Зевсъ, и взбуровилъ онъ море, и бурю воздвигъ, отовсюду

³⁰⁵Вѣтры противные скликавъ. Погибель моя наступила.

О! троекратно, стократно счастливы данаи, въ пространной

Троѣ нашедшіе смерть, угождая Атридамъ! И лучше бъ

Было, когда бъ я погибъ и судьбу неизбѣжную встрѣтилъ

Въ день тотъ, какъ множество мѣдноокованныхъ копій трояне

³¹⁰Бросили разомъ въ меня надъ бездыханнымъ тѣломъ Пеллида;

Съ честью бѣ я былъ погребенъ и была бѣ отъ ахеянъ мнѣ
слава;

Нинѣ жъ судьба мнѣ безславнопечальную смерть посылаетъ....

Въ это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась

Вся надъ его головою; стремительно плоть закружился;

³¹⁵Схваченный съ палубы въ море упалъ онъ стремглавъ, упу-
стивши

Руль изъ руки; повалилася мачта, сломаясь подъ тяжелымъ

Вѣтровъ противныхъ, слетѣвшихся другъ противъ друга, уда-
ромъ;

Въ море далеко снесло и развившійся парусъ и райну.

Долго его глубина поглощала, и силъ не имѣлъ онъ

³²⁰Выбиться къ верху, давимый напоромъ волны и стѣсненный

Платемъ, богиней Калпосою даннымъ ему на прощаньи.

Вынырнулъ онъ напоследокъ, изъ усть извергая морскую

Горькую воду, съ его бороды и кудрей изобильнымъ

Токомъ бѣжавшую; въ этой тревогѣ однако онъ вспомнилъ

³²⁵Плотъ свой; за нимъ по волнамъ погнался, за него ухватился,

Взлѣзъ на него и на палубѣ съль, избѣжавъ потопленья;

Плотъ же бросали туда и сюда взгроможденные волны:

Словно какъ шумный осенній Борей по широкой равнинѣ

Носить повсюду изсохшій, скатавшійся густо репейникъ,

³³⁰По морю какъ беззащитное судно повсюду носили

Вѣтры; то быстро Борею его перебрасывалъ Нотъ, то шумящій

Эвръ, имъ играя, его предавалъ произволу Зефира.

Но Одиссея увидѣла Кадмова дочь Левкотей,

Нѣкогда смертная дѣва, прिवѣтнорѣчивая Ино,

³³⁵Послѣ богиня, безсмертїа честь воспрїявшая въ морѣ.

Стало ей жаль Одиссея, свирѣпой гонимаго бурей.

Съ моря ныркомъ легкокрылымъ она поднялася, взлетѣла

Легкимъ полетомъ на твердосколоченный плоть и сказала:

Бѣдный! за что Посидонъ, колебатель земли, такъ ужасно

³⁴⁰Въ сердцѣ разгнѣванъ своемъ и съ тобой такъ упорно враж-
дуютъ?

Вовсе однако тебя не погубитъ онъ, сколь бы ни тщился.

Самъ на себя положиися теперь [ты, я вижу, разумень];
 Скинувши эту одежду, свой плоть уступи произволу
 Вѣтровъ, и бросившись въ волны, руками работая смѣло,
³⁴⁵Вплавъ до земли феакіянь достигни: тамъ встрѣтишь спасенье.
 Дамъ покрывало тебѣ чудотворное; имъ ты одѣнешь
 Грудь и тогда не страшися ни бѣдъ, ни въ волнахъ потопленья;
 Но, лишь окончишь свой путь и къ землѣ прикоснешься рукою,
 Снявъ покрывало, немедля его въ многоводное море
³⁵⁰Брось отъ земли далеко, и глаза отвративъ, удалися.
 Кончивъ, богиня ему подала съ головы покрывало.
 Послѣ, спорхнувъ на шумящее море, она улетѣла
 Быстрокрылатымъ ныркомъ, и ее глубина поглотила.
 Началь тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
³⁵⁵Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
 Горе! не новую ль хитрость замыслить, желаетъ богиня
 Гибель навлечь на меня, мнѣ совѣтуя плоть мой оставить.
 Нѣтъ, я того не исполню; неблизокъ еще, я примѣтилъ,
 Берегъ земли, гдѣ, сказала она, мнѣ спасеніе будетъ.
³⁶⁰Ждать я намѣренъ по тѣхъ поръ, покуда еще невредимо
 Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
 Съ бурей сражаясь, по тѣхъ поръ съ него не сойду я.
 Но, какъ скоро волненье могучее плоть мой разрушить,
 Брошуся вплавъ: я инаго теперь не придумаю средства.
³⁶⁵Тою порою, какъ онъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,
 Поднялъ изъ бездны волнѹ Посидонъ, потрясающій землю,
 Страшную тяжкую, гороогромную; сильно онъ грянулъ
 Ею въ него; какъ отъ быстрого вихря сухая солома,
 Кучей лежавшая, вся разлетается, вдругъ разорвавшись,
³⁷⁰Такъ отъ волны разорвалися брусья. Одинъ, Одиссеемъ
 Пойманный, былъ имъ какъ конь, убѣжавшій на волю, осѣд-
 ланъ.

Снявъ на прощаньи богиней Калипсою данное платье,
 Грудь онъ немедля свою покрываломъ одѣлъ чудотворнымъ.
 Руки простерши и плыть изготоясь, потомъ онъ отважно
³⁷⁵Кинулся въ волны. Могучій земли колебатель при этомъ

Видѣ лазурнокудрявой тряхнулъ головой и воскликнулъ:

По морю бурному плавай теперь на свободѣ, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примутъ;
Будеть съ тебя! не останешься, думаю, мной недоволенъ.

³⁸⁰Такъ онъ сказавши, погналъ длинногривыхъ коней и умчался
Въ Эгію, гдѣ обиталъ въ свѣтлозданныхъ, высокихъ чертогахъ.
Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:

Вѣтрамъ другимъ заградивши дорогу, она повелѣла
Имъ, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею

³⁸⁵Бурно свирѣпствовать; волны жъ сама укрощала, чтобъ
въ землю

Веслолюбивыхъ, угодныхъ богамъ феакіянъ достигнуть
Могъ Одиссей благородный, и смерти и Паркъ избѣжавши.

Такъ онъ два дня и двѣ ночи носимъ былъ повсюду шумящимъ
Моремъ и гибель не разъ неизбѣжной казалась; когда же

³⁹⁰Съ третьимъ явилася днемъ лучезарнокудрявая Эосъ,
Вдругъ успокоилась буря и на морѣ все просвѣтлѣло

Въ тихомъ безвѣтріи. Поднятый къ верху волной и взглянувши
Быстро впередъ, невдали предъ собою увидѣлъ онъ землю.

Сколь несказанною радостью дѣтямъ бываетъ спасенье

³⁹⁵Жизни отца, пораженного тяжкимъ недугомъ, всѣ силы
Въ немъ истребившимъ [понеже злой демонъ къ нему при-
коснулся],

Послѣ жъ на радость имъ всѣмъ изцѣленного волей безсмерт-
ныхъ —

Столь Одиссей былъ обрадованъ брега и лѣса явленьемъ.

Поплылъ быстрѣй онъ, ступить торопяся на твердую землю.

⁴⁰⁰Но, отъ нея на такомъ разстояннн, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ, онъ шумъ буруновъ межъ скалами
услышалъ;

Волны кипѣли и выли, свирѣпо на берегъ высокій

Съ моря бросаясь, и весь онъ былъ облитъ соленою пѣной;

Не было пристани тамъ, ни залива, ни мелкаго мѣста;

⁴⁰⁵Вкругъ берега подымались; торчали утесы и рифы.

Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце;

Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
 Горе! на что мнѣ дозволилъ увидѣть неожиданную землю
 Зевсъ? И зачѣмъ до нея, пересиливши море, достигъ я?
 410Къ острову съ моря, я вижу, вездѣ невозможенъ мнѣ до-
 ступъ;

Острые рифы повсюду; кругомъ расшибаяся плещутъ
 Волны и гладкой стѣной воздвигается берегъ высокій;
 Море жъ вблизи глубоко и нѣтъ мѣста, гдѣ было бъ возможно
 Твердой ногой опереться, чтобъ гибели вѣрной избѣгнуть.
 415Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною

Схваченъ и брошенъ на камни зубчатые, тщетно истративъ
 Силы; а если кругомъ поплыву, чтобъ узнать, не найдется ль
 Гдѣ нибудь берегъ отлогій или пристань, страпсуя, чтобъ снова
 Бурей морскою я не былъ похищенъ, чтобъ рыбообильнымъ
 420Моремъ меня, вопіющаго жалобно, вдаль не умчало,

Или чтобъ демонъ враждебный какого изъ чудъ, Амфитритой
 Въ морѣ питаемыхъ, мнѣ на погибель не выслалъ изъ бездны;
 Знаю, какъ злобствуетъ противъ меня Посидонъ земледержецъ.
 Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,

425Быстрой волною помчало его на утесистый берегъ;
 Тѣло бъ его изорвалось и кости бъ его сокрушились,
 Если бъ онъ въ время свѣтлой богиней Аѳиной наставленъ
 Не былъ руками за ближній схватиться утесъ; и къ нему при-
 цѣпившись,

Ждалъ онъ, со стономъ на камни вися, чтобъ волна пробѣжала

430Мимо; она пробѣжала, но вдругъ, отразясь, на возвратѣ
 Сшибла съ утеса его и отбросила въ темное море.

Если полипа изъ ложа вѣтвистаго силою вырвешь,
 Множество крупинокъ камня къ его прилѣпляется ножкамъ:
 Къ рѣзкому такъ прилѣпилась утесу лоскутьями кожа

435Рукъ Одиссеевыхъ; вдругъ поглощенный волною великой,
 Въ безднѣ соленой, судьбѣ вопреки, неизбежно бъ погибъ онъ,
 Если бъ отважности въ душу его не вложила Аѳина.

Вынырнувъ въ бокъ изъ волны, устремившейся прыгнуть на
 камни,

Поплыль онъ всторону, взоромъ преслѣдуя землю и тишася
 440Гдѣ нибудь берегъ отлогій или мелкое мѣсто примѣтити.
 Вдругъ онъ увидѣлъ себя передъ устьемъ рѣки свѣтловодной.
 Самымъ удобнымъ то мѣсто ему показалось: тамъ острыхъ
 Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита.
 Къ мощному богу рѣки онъ тогда обратился съ молитвой:
 445Кто бы ты ни былъ, могучій, въ тебѣ, столь желанному, нынѣ
 Я прибѣгаю, спасаясь отъ грозъ Посидонова моря.
 Вѣчные боги всегда благосклонно внимають молитвамъ
 Бѣднаго странника, кто бы онъ ни былъ, когда онъ подобенъ
 Мнѣ, твой потокъ и колѣна объявшему, много великихъ
 450Бѣдъ претерпѣвшему; сжаляся, могучій, подай мнѣ защиту.
 Такъ онъ молился. И богъ, укротивъ свой потокъ, успокоилъ
 Волны и, на море тишь наведя, отворилъ Одиссею
 Устье рѣки. Но подъ нимъ подкосились колѣна; повисли
 Руки могучія: въ морѣ его изнурилось сердце;
 455Вспухло все тѣло его; извергая и ртомъ и ноздрями
 Воду морскую, онъ палъ наконецъ, бездыханный, безгласный,
 Память утративъ, на землю; безчувствіе имъ овладѣло.
 Но напоследокъ, когда возвратились и память и чувство,
 Съ груди своей покрывало, богинею данное, спявши,
 460Бросилъ его онъ въ широкую, съ моремъ сліянную рѣку.
 Быстро помчалася глянъ по теченью назадъ, и богиня
 Въ руки ее приняла. Одиссей, отъ рѣки отошедши,
 Скрылся въ тростникъ, и на землю, ее лобызая, простерся.
 Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
 465Горе мнѣ! что претерпѣть я еще предназначенъ отъ неба!
 Если на брегѣ потока безсонную ночь проведу я,
 Утренній иней и хладный туманъ, отъ воды восходящій,
 Въвсе меня, ужъ послѣднихъ лишеннаго силъ, уничтожать;
 Воздухъ пронзительнымъ холодомъ вѣтъ съ рѣки передъ ут-
 ромъ.
 470Если же тамъ на пригоркѣ подъ кровомъ сѣнистаго лѣса
 Въ чащѣ кустовъ я засну, то конечно не буду проникнуть
 Хладомъ ночнымъ, отдохну, и меня исцѣлитъ миротворный

*

Сонъ; но страшусь, не достаться бѣ въ добычу звѣрямъ плото-
яднымъ.

Такъ размышлялъ онъ; ему наконецъ показалось удобнѣй
⁴⁷⁵Выбрать послѣднее; въ лѣсъ онъ пошелъ, отъ рѣки недалѣко
 Росшій на холмѣ открытомъ. Онъ тамъ двѣ сплетенныя крѣпко
 Выбралъ оливы; одна плодоносна была, а другая
 Дикая; въ сѣнь ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
 Сыростью дышавшій вѣтеръ, ни Геліосъ, знойно блестящій;
⁴⁸⁰Даже и дождь не пронзалъ ихъ вѣтвистаго свода, такъ густо
 Были онѣ сплетены. Одиссей, угнѣздившись подъ ними,
 Легъ, напередъ для себя приготовивъ своими руками
 Мягкое ложе изъ листьевъ опалыхъ, которыхъ такая
 Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
⁴⁸⁵Въ зимнюю бурю, какъ сильно бѣ она ни шумѣла, тамъ
 скрыться.

Груды увидя, обрадованъ былъ Одиссей несказанно.
 Бросясь въ нее, онъ совсѣмъ закопался въ слежавшихся ли-
 стьяхъ.

Какъ подъ золой головню неугасшую пахарь скрываетъ
 Въ полѣ далеко отъ мѣста жилаго, чтобъ пламени сѣмя
⁴⁹⁰Въ ней сохраниться могло безопасно отъ злаго пожара:
 Такъ Одиссей, подъ листьями зарывшись, грѣлся, и очи
 Сладкой дремотой Аѳина смежила ему, чтобъ скорѣе
 Въ немъ оживить изнуренныя силы. И крѣпко заснулъ онъ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

ТРИЦАТЬ ВТОРОЙ ДЕНЬ.

Аѳина въ сновидѣннн побуждаетъ Навзикаю, дочь феакійскаго царя
 Алкиноя, идти вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть платье въ по-
 токѣ. Онѣ собираются близъ того мѣста, гдѣ находится Одиссей, по-
 груженный въ глубокой сонъ. Ихъ голоса пробуждаютъ Одиссея. Онъ
 приближается къ Навзикаѣ и просить ее дать ему одежду и убѣжи-

ще; царевна приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ ему нужныя наставленія. Онъ провожаетъ Навзикаю до Палладиной роши, находящейся недалеко отъ города.

Такъ постоянный въ бѣдахъ Одиссей отдыхалъ, погруженный
Въ сонъ и усталость. Аѳина же тою порой низлетѣла
Въ пышноустроенный городъ любезныхъ богамъ феакіанъ,
Жившихъ издавна въ широкополянкой землѣ Иперейской,
5 Въ близкомъ сосѣдствѣ съ щелопами, дикимъ и буйнымъ
народомъ.

Съ ними всегда враждовавшимъ, могуществомъ ихъ превышая:
Но напослѣдокъ божественный вождь Навзитой поселилъ ихъ
Въ Схеріи, тучной землѣ, далекó отъ людей промышленныхъ.
Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ построилъ жилища.
10 Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ поля на участки.

Но ужъ давно уведень былъ судьбой онъ въ обитель Анда;
Властвоваъ царь Алкиной, многоуміемъ богу подобный.
Въ домъ Алкиной вступила богиня Аѳина Паллада:
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
15 Въ тайную дѣвичью спальню проникла она, гдѣ покойно,
Станомъ и видомъ богинѣ подобясь молодой, почивала
Дочь Алкиной, любезнаго Зѳевсу царя, Навзикая.

Подлѣ порога дверей съ двухъ сторонъ двѣ служанки, харитамъ
Юнымъ подобныя, спали, и нагрѣшко заперты были

20 Свѣтлыя двери. Къ царевнѣ воздушной стопою приближась,
Стала надъ самымъ ея изголовьемъ богиня Аѳина,
Образъ пріявша дѣвы молодой, мореходца Диманта
Славнаго дочери, дружной съ царевною, съ ней однолѣтней.
Въ видѣ такомъ подошедъ къ Навзикаѣ, богиня сказала:

25 Видно тебя беззаботною мать родила, Навзикая!
Ты не печешься о свѣтлыхъ одеждахъ; а скоро наступитъ
Брачный твой день: ты должна и себѣ приготовить заранѣ
Платья и тѣмъ, кто тебя поведутъ къ жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы называемъ;

30 Мать и отецъ веселятся, любяся нами. Проснись же,

Встань, Навзикая, и на рѣку мыть соберитесь всѣ вы —
 Утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло скорѣе
 Кончить. Недолго останешься ты незамужнею дѣвой;
 Много тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго рода
³⁵Въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитою ты родилася.
 Встань, и явися немедля къ отцу многославному съ просьбой:
 Дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты удобно
 Взять всѣ повязки, покровы и разныя платья, чтобъ также
 Ты не пѣшкомъ, какъ другія, пошла; то тебѣ неприлично—
⁴⁰Путь къ водоѣмамъ отъ стѣнъ городскихъ утомительно дологъ.
 Такъ ей сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь полетѣла
 Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
 Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,
 Гдѣ не подьмелетъ метелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ
⁴⁵Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сѣаньемъ проникнуть;
 Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ.
 Давши царевнѣ совѣтъ свой, туда полетѣла Аонна.
 Эось тогда золотронная, вставъ, разбудила младую
 Свѣтлоубранную дѣву. И, сну своему удивляясь,
⁵⁰Готчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца, о видѣньи,
 Чудномъ своемъ извѣститъ, къ нимъ пошла въ ихъ покои (Царица
 Близъ очага тамъ сидѣла въ кругу приближенныхъ служанокъ,
 Нити пурпурныя тонко суча.) а въ дверяхъ отворенныхъ
 Встрѣтился ей и отецъ: на совѣтъ онъ владыкъ многоумныхъ
⁵⁵Шель, приглашенный туда отъ знатнѣйшихъ мужей феакій-
 скихъ.

Съ видомъ привѣтнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала:
 Милый, велн колесницу большую на быстрыхъ колесахъ
 Дать мнѣ, чтобъ я, въ ней уклавъ всѣ богатые платья, которыхъ
 Много скопилось нечистыхъ, отправилася на рѣку мыть ихъ.)
⁶⁰Должно, чтобъ ты, засѣдая въ високомъ совѣтѣ почетныхъ
 Нашихъ вельможъ, отличался своею опрятной одеждою;
 Пять сыновей воспиталъ ты и выростилъ въ этомъ жилищѣ;
 Два ужъ женаты, другіе три юноши въ лѣтахъ цвѣтущихъ;
 Въ платьяхъ, мытьемъ освѣженныхъ, они посѣщать хороводы

⁶⁵Наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ.
 Такъ говорила она; о желанномъ же бракѣ ей было
 Стыдно отцу помянуть; догадался онъ самъ и сказалъ ей:
 Дочка, ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же;
 Дамъ повелѣнье рабамъ заложить колесницу большую,
⁷⁰Быстроколесную; будетъ при ней для поклажи и коробъ.
 Кончивъ, рабамъ повелѣнїе далъ онъ. Ему повинуясь,
 Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
 Вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ, ихъ привязали.
 Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ укладъ ихъ, царевна
⁷⁵Все помѣстила на быстроколесной, большой колесницѣ.
 Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей голодъ,
 Ей принесла; отпустила съ ней полный виною благороднымъ
 Мѣхъ; не забыла и лакомства дать. (Въ колесницу царевна
 Стала, принявъ отъ царицы фіалъ золотой съ благовоннымъ
⁸⁰Масломъ, чтобъ послѣ купанья себя и рабытъ натереть имъ.)
 Бичъ и блестящія возжи взяла Навзикая и звучно
 Муловъ стегнула; затопавъ, они побѣжали проворной
 Рысью, везя нелѣнливо и грузъ и царевну. За нею
 Слѣдомъ пошли молодья подружки ея и служанки.
⁸⁵Къ устью рѣки многоводной достигли онѣ напоследокъ.
 Были устроены тамъ водоемы: вода въ нихъ обильно
 Свѣтлой струею лилася, нечистое все омывал.
 Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онѣ утомленныхъ
 Муловъ и ихъ по зеленому берегу потока пустили
⁹⁰Сочномедвяной травой питаются; потомъ съ колесницы
 Сняли всѣ платья и въ полные ихъ водоемы ногами
 Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другъ съ дру-
 гомъ.
 Начали платья онѣ полоскать и погомъ, до-чистѣ ихъ
 Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ
⁹⁵На берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.
 Кончивъ, онѣ искупались въ рѣкѣ и, натершись елеемъ,
 Весело сѣли на мягкой травѣ у рѣки за обѣдъ свой,
 Влажныя платья оставивъ сушить лучезарному солнцу.

Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, царевна
¹⁰⁰Вызвала въ мячь ихъ играть, головныя сложивъ покрывала;
 Пѣсю же стала сама бѣлорукая пѣть Навзигаая.
 Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида
 Многовершинный Тайгетъ и крутой Эвримантъ обѣгаетъ,
 Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ;
¹⁰⁵Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца,
 Бѣгають нимфы полей — и любитесь ими Латона;
 Всѣхъ превышаетъ она головой, и легко между ними,
 Сколь ни прекрасны онѣ, распознать въ ней богиню Олимпа.
 Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмѣвала царевна.
¹¹⁰Стали онѣ наконецъ собираться домой; въ колесницу
 Муловъ опять заложили и въ коробъ уклали одежды.
 Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада придумала средство,
 Какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ нимъ повстрѣчавшись,
 царевна

Въ городъ людей феакійскихъ ему указала дорогу:

¹¹⁵Бросила мячь Навзигаая въ подружекъ, но, въ нихъ не по-
 павши,

Онъ, отраженный Аѳиною, въ волны шумящія прынулъ;

Громко онѣ закричали; ихъ крикъ пробудилъ Одиссея.

Онъ, поднялся и, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, восклик-
 нулъ:

Горе! къ какому народу зашелъ я? Быть можетъ, здѣсь область

¹²⁰Дикихъ, не знающихъ правды людей? Иль, можетъ быть,
 встрѣчу

Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостеприимныхъ?

Кажется, дѣвичій громкій вблизи мнѣ послышался голосъ.

Или здѣсь нимфы, владѣлицы горъ крутоглавыхъ, душистыхъ,

Влажныхъ луговъ и истоковъ рѣчныхъ потаенныхъ, играютъ;

¹²⁵Или достигъ наконецъ я жилища людей говорящихъ.

Встанемъ же; должно мнѣ все самому испытать и развѣдать.

Съ сими словами изъ чащи кустовъ Одиссей осторожно

Выползъ; потомъ живою рукою, покрытыхъ листьями,

Свѣжихъ вѣтвей наломалъ, чтобъ одѣтъ обнаженное тѣло.

¹³⁰Вышедь онъ — такъ на горахъ обитающій, силою гордый,
Въ вѣтеръ и дождь на добычу выходитъ, сверкая глазами,
Левъ; на быковъ и овецъ онъ бросается въ полѣ, хватаетъ
Дивныхъ оленей въ лѣсу, и нерѣдко, тревожимый голодомъ,
Мелкій скотъ похищать подбѣгаетъ къ пастушымъ заградямъ.

¹³⁵Такъ Одиссей вознамѣрился къ дѣвамъ прекраснокудрявымъ
Нагъ подойти, приневоленъ къ тому непреклонной нуждою.
Былъ онъ ужасенъ, покрытый морскою засохшею тиной;
Въ трепетѣ всѣ разбѣжались врозь по высокому берегу.
Но Алкиноева дочь не покинула мѣста. Аенна

¹⁴⁰Бодрость вселила ей въ сердце и въ немъ уничтожила робость.
Стала она передъ нимъ; Одиссей же не зналъ, что приличнѣй:
Оба ль колѣна обнять у прекраснокудрявья дѣвы?
Или, въ почтительномъ ставѣ отдаленны, молитъ умленнымъ
Словомъ ее, чтобъ одежду дала и приюгъ указала?

¹⁴⁵Такъ размышляя, нашелъ наконецъ онъ, что было приличнѣй
Словомъ молитъ умленнымъ, въ почтительномъ ставѣ отдаленны

[Тронувъ колѣна ея, онъ прогнѣвалъ бы чистую дѣву].

Съ словомъ пріятноласкательнымъ онъ обратился къ царевнѣ:
Руки, богиня или смертная дѣва, къ тебѣ простираю!

¹⁵⁰Если одна изъ богинь ты, владычицъ пространнаго неба,
То съ Артемидою только, великою дочерью Зевса,

Можешь сходна быть лица красотою и станомъ высокимъ;

Если жъ одна ты изъ смертныхъ, подъ властью судьбины живущихъ,

То несказанно блаженны отецъ твой и мать, и блаженны

¹⁵⁵Братья твои, съ наслажденіемъ видя, какъ ты передъ ними
Въ домѣ семейномъ столь мирно цвѣтешь, или своихъ восхищая
Очи тобою, когда въ хороводахъ ты весело пляшешь.

Но изъ блаженныхъ блаженнѣйшимъ будетъ тотъ смертный,
который

Въ домъ свой тебя уведетъ, одаренную вѣномъ богатымъ.

¹⁶⁰Нѣтъ! ничего столь прекраснаго между людей земнородныхъ
Взоры мои не встрѣчали донинѣ; смотрю съ изумленьемъ

Въ Дѣлосѣ только я — тамъ гдѣ алтарь Аполлоновъ воздвигнуть —

Юную стройновысокую пальму однажды замѣтилъ

[Въ храмъ же зашелъ, окруженный толпою сопутниковъ вѣрныхъ,

¹⁶⁵Я по пути, на которомъ столь много мнѣ встрѣтилось бѣдствій].

Юную пальму замѣтивъ, я въ сердцѣ своемъ изумленъ былъ

Долго: подобнаго ей благороднаго древа нигдѣ не видалъ я.

Такъ и тебѣ я дивлюсь. Но, двияся тебѣ, не дерзаю

Тронуть колѣней твоихъ: несказанной бѣдой я постигнуть.

¹⁷⁰Только вчера, на двадцатый мнѣ день удалось избѣгнуть

Моря: столь долго игралищемъ былъ я губительной бури,

Гнавшей меня отъ Огигіи острова. Нынѣ жъ сюда я

Демономъ брошенъ для новыхъ напастей—еще не конецъ имъ;

Вѣрно немало еще претерпѣть мнѣ назначили боги.

¹⁷⁵Сжался, царевна; тебя, испытавши превратностей много,

Первую здѣсь я съ молитвою встрѣтилъ; никто изъ живущихъ

Въ этой землѣ незнакомъ мнѣ; скажи, гдѣ дорога

Въ городъ, и дай мнѣ прикрыть обнаженное тѣло хоть лоскутъ

Грубой обвертки, въ которой сюда привезла ты одежды.

¹⁸⁰О! да исполнять безсмертные боги твои всѣ желанья,

Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,

Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,

Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,

Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ

¹⁸⁵Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.

Дочь Алкиноя, отвѣтствуя, такъ Одиссею сказала:

Странникъ, конечно твой родъ знаменитъ: ты, я вижу, разуменъ.

Дій же и низкимъ и рода высокаго людямъ съ Олимпа

Счастье даетъ безъ разбора по волѣ своей прихотливой;

¹⁹⁰Что испослалъ онъ тебѣ, то прими съ терпѣливымъ смиреніемъ.

Если жъ достигнуть ты могъ и земли и обителей нашихъ,

То ни въ одеждѣ отъ насъ и ни въ чемъ, для молящаго, много
Бѣдъ претерпѣвшаго странника нужномъ, не встрѣтишь отказа.

Градъ нашъ тебѣ укажу; назову и людей, въ немъ живущихъ.

¹⁹⁵Въ градѣ живетъ и землей здѣсь владѣеть народъ феакіанъ;

Я Алкиноя, царя благодушнаго дочь; Алкиноя жъ

Нынѣ державнымъ владыкой своимъ признають феакійцы.

Тутъ обратилась царевна къ подругамъ своимъ и служанкамъ:

Стойте! куда разбѣжались вы, устращась иноземца?

²⁰⁰Онъ человѣкъ незломысленный; нѣтъ вамъ причины стра-
шиться;

Не было прежде, вы знаете, нѣтъ и теперь, и не можетъ

Быть и впередъ на землѣ никого, кто бъ на насъ феакіанъ

Злое замыслилъ; насъ боги безсмертные любятъ; живемъ мы

Здѣсь, отъ народовъ другихъ всторонѣ, на послѣднихъ пре-
дѣлахъ

²⁰⁵Шумнаго моря, и рѣдко насъ кто изъ людей посящаетъ.

Нынѣ же встрѣтился намъ злополучный бездомный скиталець:

Помощь ему оказать мы должны—къ намъ Зевесъ посылаетъ

Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.

[Страннику пищи съ питьемъ принести поспѣшите, подруги;

²¹⁰Прежде жъ его искупайте, отъ вѣтровъ защитное мѣсто

Выбравъ въ потокѣ.—Сказала; сошлись ободренные дѣвы.

Въ мѣстѣ отъ вѣтровъ защитномъ его посадивъ, какъ велѣла

Имъ Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,

Мантию съ тонкимъ хитономъ онѣ близъ него положили.

²¹⁵Послѣ принесши фіалъ золотой съ благовоннымъ елеемъ,

Стали его приглашать къ омовенію въ свѣтломъ потокѣ.

Но Одиссей благородный отрекся и такъ отвѣчалъ имъ:

Дѣвы прекрасныя, станьте подалъ; безъ помощи вашей

Смою съ себя я соленую тину, и самъ наелею

²²⁰Тѣло; давно ужъ елей благовонный къ нему не касался.

Но передъ вами купаться не стану я въ свѣтломъ потокѣ;

Стыдно себя обнажить мнѣ при васъ, густовласныя дѣвы.

Такъ онъ сказать; и онѣ, удаляся, о томъ извѣстили

Царскую дочь. Одиссей же, въ потокъ погрузившись, тину,

²²⁵Грязно облекшую плечи и спину ему и густые
 Кудри его облѣпившую, смѣль освѣжительной влагой;
 Чисто омывшись, онъ свѣтлое тѣло умаслилъ елеемъ;
 Послѣ украсился даннымъ младою царевною платьемъ.
 Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина тогда Одиссея
²³⁰Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
 Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила.
 Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,
 Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ
 Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ;
²³⁵Такъ красотою главу облекла Одиссею богиня.
 Берегомъ моря пошелъ онъ, и сѣлъ на песокъ, озаренный
 Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
 Слово погомъ обратила она къ густовласымъ подругамъ:
 Слушайте то, что скажу вамъ теперь, бѣлорукія дѣвы:
²⁴⁰Думаю я, что не всѣми богами Олимпа гонимый
 Эготъ скиталецъ въ страну феакіянъ божественныхъ прибылъ;
 Прежде и мнѣ человѣкомъ простымъ онъ казался; теперь же
 Вижу, что свой онъ богамъ, беспредѣльнаго неба владыкамъ.
 О! когда бы подобный супругъ мнѣ нашелся, который,
²⁴⁵Здѣсь поселившись, у насъ навсегда захотѣлъ бы остаться!
 Вы жъ чужеземцу ѣды и питья принесите, подруги.
 Такъ говорилъ царевна. Ея повинуюся волѣ,
 Дѣвы немедля ѣды и питья принесли Одиссею.
 Съ жадностью голодъ и жажду свою утолилъ богоравный,
²⁵⁰Твердый въ бѣдахъ Одиссей: ужъ давно не касался онъ пищи.
 Добрая мысль пробудилась тутъ въ сердцѣ разумной царевны:
 Чистыя платья собравъ, въ колесницу она ихъ уклала,
 Муловъ потомъ запрягла крѣпконогихъ и, ставъ въ колесницу,
 Такъ Одиссею, его приглашая съ собою, сказала:
²⁵⁵Время намъ въ городъ; вставай, чужеземецъ, и слѣдуй за нами;
 Домъ, гдѣ живетъ мой отецъ, я тебѣ укажу; тамъ конечно
 Встрѣтишь и всѣхъ знаменитыхъ людей феакійскихъ; но прежде
 Мой ты исполни совѣтъ [ты, я вижу, разуменъ]: покуда
 Будемъ въ поляхъ мы, трудомъ чловѣка удобренныхъ, слѣдуй

²⁶⁰Съ двѣмаи вмѣстѣ за быстрой моею колесницею ровнымъ.
 Съ мулами шагомъ—у васъ впереди я поѣду; потомъ мы
 Въ городъ прибудемъ... съ бойнцами стѣны его окружають;
 Пристань его съ двухъ сторонъ огибаетъ глубокая; входъ же
 Въ пристань стѣсненъ кораблями, которыми справа и слѣва
²⁶⁵Берегъ уставленъ п каждый изъ нихъ подъ защитною
 кровлей;

Тамъ же и площадь торговая вокругъ Посидонова храма;
 Твердо на тесаныхъ камняхъ огромныхъ стоящаго; снасти
 Всѣхъ кораблей тамъ, запасъ парусовъ п канаты въ прост-
 ранныхъ

Зданьяхъ хранятся; тамъ гладкія также готовятся весла.

²⁷⁰Намъ феакійцамъ не нужно ни луковъ, ни стрѣлъ; вся забота
 Наша о мачтахъ и веслахъ и прочныхъ судахъ мореходныхъ;
 Весело намъ въ корабляхъ обтекать многошумное море.
 Я жъ отъ людей порицанья избѣгнуть хочу и обидныхъ
 Толковъ; народъ нашъ весьма злоязыченъ; намъ встрѣтиться
 можетъ

²⁷⁵Гдѣ нибудь дерзкій насмѣшникъ; увидя насъ вмѣстѣ, онъ
 скажетъ:

Съ кѣмъ такъ сдружилась царица? Кто этотъ могучій, пре-
 красный

Странникъ? Откуда пришелъ? Не женихъ ли какой иноземный?
 Что онъ? Морскою ли бурю къ намъ занесенный изъ дальнихъ
 Странъ человекъ [никакихъ мы въ сосѣдствѣ не знаемъ на-
 родовъ]?

²⁸⁰Или какой по ея неотступной молитвѣ съ Олимпа на землю
 Богъ низлетѣвшій—и будетъ она обладать имъ отнынѣ?
 Лучше бъ самой ей покинуть нашъ край и въ странѣ отда-
 ленной

Мужа искать; межъ людей феакійскихъ никто не нашелся
 Ей по душѣ, хоть и много у насъ жениховъ благородныхъ.

²⁸⁵Вотъ что рассказывать могутъ въ народѣ; мнѣ будетъ
 обидно.

Я жъ и сама бы конечно во всякой другой осудила,

Если бь, имѣя и мать и отца, безъ согласья ихъ стала,
Въ бракъ не вступивши, она обращаться съ мужчинами вольно.

Ты же совѣтъ мой исполни [тогда и родитель мой помощь

²⁹⁰Скорую дастъ и отечество ты не замедлишь увидѣть]:

Есть близъ дороги священная роща Аѳины изъ черныхъ

Тополей; свѣтлый источникъ оттуда бѣжитъ на зеленый

Лугъ; тамъ помѣстье царя Алкиноя съ его плодоноснымъ

Садамъ, въ такомъ разстоянн отъ града, въ какомъ челоуѣчнй

²⁹⁵Внятенъ намъ голосъ. Тамъ сѣвъ, подожди ты до тѣхъ поръ,

покуда

Мы не прибудемъ на мѣсто и царскихъ палатъ не достигнемъ;

когда же

Ты убѣдишься, что царскихъ палатъ ужъ могли мы достигнуть,

Встань и во внутренность града войди и разспрашивай встрѣч-

ныхъ,

Гдѣ обитаетъ родитель мой, царь Алкиной многославный.

³⁰⁰Домъ же его ты узнаешь легко: безсловесный младенецъ

Можетъ дорогу къ нему указать; ни одинъ феакіецъ

Здѣсь не имѣетъ такого жилища, въ какомъ обитаетъ

Царь Алкиной. Окруженный строеньями дворъ перешедши,

Шагомъ поспѣшнымъ пройди ты сквозь залу къ покоямъ ца-

рицы;

³⁰⁵Тамъ передъ яркоблестящимъ ее очагомъ ты увидишь,

Съ чуднымъ искусствомъ прядущую тонкопурпурныя нити

Подлѣ колонны высокой, въ кругу приближенныхъ служанокъ.

Тамъ же и кресла царицы стоятъ у огня и, на нихъ онъ

Сидя, виномъ утѣшается, свѣтлому богу подобный.

³¹⁰Мимо царя ты пройди и, обнявши рукамм колѣна

Матери милой моей, умолай, чтобъ она поспѣшила

День возвращенья въ отчизну тебѣ даровать чужеземцу.

Если моленье твое съ благосклонностью приметъ царица,

Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,

³¹⁵Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь.

Кончивъ, ударила звучно блестящимъ бичемъ Навзикая

Муловъ; затопавъ, они отъ рѣки побѣжали проворной

Рысю; другіе же пѣшіе слѣдомъ пошли; но царевна
Муловъ держала на крѣпкихъ возжахъ, чтобъ отъ нихъ не
отстали

³²⁰Дѣвы и странникъ, и хлопала звучнымъ бичемъ осторожно.

Солнце садилось, когда къ благовонной Палладиной рошѣ

Вмѣстѣ достигли они. Одиссей, тамъ оставшіся, началъ

Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ молиться:

Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,

³²⁵Нынѣ воими ты молитвѣ, тобою невнятой, когда я

Гибнулъ въ волнахъ, сокрушенный земли колебателя гнѣвомъ;

Дай мнѣ найти и покровъ и пріязнь у людей феакійскихъ.

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ онъ Палладой услышанъ;

Но передъ нимъ не явилась богиня сама, опасаясь

³³⁰Мощнаго дяди, который упорствовалъ гнать Одиссея,

Богopodobнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

ВЕЧЕРЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАГО ДНЯ.

Одиссей входитъ въ городъ; у воротъ встрѣчается съ нимъ Аѣина
подъ видомъ феакійской дѣвы; она окружаетъ его мглою, и онъ, ни-
къмъ не примѣченный, приближается къ Алкиноеву дому. описа-
ніе царскаго дома и сада. Вошедъ въ палату, гдѣ царь въ то время
пировалъ съ гостями, Одиссей приближается къ царицѣ Аретѣ и
мгла, его окружавшая, исчезаетъ. Онъ молитъ царицу о дарованіи
ему спосрба возвратиться въ отчизну. Царь приглашаетъ его сѣсть
за трапезу. По окончаніи пиршества, гости расходятся. Одиссей,
оставшіся одинъ съ Алкиноемъ и Аретою, рассказываетъ имъ, какъ
онъ покинулъ островъ Огигію, какъ буря его бросила на берега
Схеріи и какъ получилъ онъ свою одежду отъ царевны Навзикая.
Алкиной даетъ ему обѣщаніе отправить его на кораблѣ феакійскомъ
въ Итаку.

Такъ Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, молился.

Тою порою царевну везли крѣпконогіе мулы

Въ городъ. Достигнувъ блестящихъ царевыхъ палатъ, Навзикая

Взъѣхала прямо на дворъ и сошла съ колесницы; навстрѣчу

⁵Вышли ея молодые, безсмертнымъ подобные, братья;

Муловъ отпрягши, въ покои они отнесли всѣ одежды.

Царская дочь на свою половину пошла; развела тамъ

Яркій огонь ей рабыня эпирская Эвримедуза

[Нѣкогда въ быстромъ ее кораблѣ увезли изъ Эпира,

¹⁰Въ даръ Алкиною почетный назначивъ, понеже, надъ всѣми

Онъ феакіями властвуя, чтимъ былъ какъ богъ отъ народа.

Ею была Навзикая воспитана въ царскомъ жилищѣ].

Яркій огонь разведя, приготовила ужинъ старушка.

Въ городъ направилъ тѣмъ временемъ путь Одиссей; но Аѳина

¹⁵Облакомъ темнымъ его окружила, чтобъ не былъ замѣченъ

Онъ ни какимъ изъ надменныхъ гражданъ феакійскихъ, ко-
торый

Могъ бы его оскорбить, любопытствуя вывѣдать, кто онъ.

Но, подошедъ ко вратамъ крѣпкозданнымъ прекраснаго града,

Встрѣтилъ онъ дочь свѣтлоокую Зевса богиню Аѳину

²⁰Видѣ несущей скудель молодой феакійскія дѣвы.

Встрѣтившись съ нею, спросилъ у нея Одиссей богоравный:

Дочь моя, можешь ли мнѣ указать тѣ палаты, въ которыхъ

Вашъ обладатель божественный царь Алкиной обитаетъ?

Многоспытанный странникъ, судьбою сюда издалѣка

²⁵Я заведу; мнѣ никто не знакомъ здѣсь, никто изъ живущихъ

Въ городѣ вашемъ, никто изъ людей, обитающихъ въ полѣ.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Странникъ, съ великой охотой палаты, которыхъ ты ищешь,

Я укажу; тамъ въ сосѣдствѣ живетъ мой отецъ безпорочный;

³⁰Слѣдуй за мною въ глубокомъ молчаньи; пойду впереди я;

Ты же на встрѣчныхъ людей не гляди и не дѣлай вопросовъ

Имъ: иноземцевъ не любить народъ нашъ; онъ съ ними не
ласковъ;

Люди радушнаго здѣсь гостелюбія вовсе не знаютъ;

Быстрымъ вѣвряя себя кораблямъ, пробѣгаютъ безстрашно

³⁵Бездну морскую они, отворенную имъ Посидономъ;

Ихъ корабли скоротечны, какъ легкія крылья или мысли.

Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Одиссея
 Быстрымъ шагомъ; поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.
 Улицы съ ней прохода, ни однимъ изъ людей феакійскихъ,
 40 На морѣ славныхъ, онъ не былъ замѣченъ; того не хотѣла
 Свѣтлокудрявая дѣва Паллада; храня Одиссея,
 Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
 Онъ изумился, увидѣвши пристани, въ нихъ безконечный
 Рядъ кораблей, и народную площадь, и крѣпкія стѣны
 45 Чудной красоты, неприступнымъ извѣ огражденныя тыномъ.
 Но, подошедъ къ многославному дому царя Алкиноя,
 Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѳина сказала:
 Странникъ, съ тобою пришли мы къ палатамъ, которыхъ ис-
 валь ты;

Въ нихъ ты увидишь любезнаго Зевсу царя Алкиноя
 50 Въ сонмѣ гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася;
 Мужу безстрашному, кто бы онъ ни былъ, хотя бъ чужеземецъ,
 Все по желанью вѣрнѣе другихъ исполнять удастся.
 Прежде всего подойди ты, въ палату вступивши, къ царицѣ;
 Имя царицы Арета; она отъ однихъ происходитъ
 55 Предковъ съ высокимъ супругомъ своимъ Алкиноемъ; вначалѣ
 Сынъ Навзитою Посидономъ земли колебателемъ прижитъ
 Былъ съ Перибоей, всѣхъ дѣвъ затмѣвавшей своей красотою,
 Младшею дочерью мужа могучаго Эвримедона,
 Бывшаго прежде властителемъ буйныхъ гигантовъ; но самъ онъ
 60 Свой погубилъ святотатный народъ и себя самого съ нимъ.
 Дочь же его возлюбилъ колебатель земли; отъ союза
 Съ ней онъ имѣлъ Навзитою; и первымъ царемъ феакіянъ
 Былъ Навзитою; отъ него родились Рексеноръ съ Алкиноемъ;
 Но Рексеноръ, сыновей не имѣвъ, сребролукимъ застрѣленъ
 65 Былъ Аполлономъ на пирѣ вторичнаго брака, оставивъ
 Дочь сиротою, Арету; и съ ней Алкиной сочетавшись,
 Такъ почитаетъ ее, какъ еще никогда не бывала
 Въ свѣтѣ жена, свой любящая долгъ, почитаема мужемъ;
 Нѣжную сердца любовь ей всечасно являютъ въ семействѣ
 70 Дѣти и царь Алкиной; въ ней свое божество феакійцы

Видать, и въ городѣ съ радостношумнымъ всегда къ ней
тѣснятся

Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по улицамъ ходить.
Кроткая сердцемъ, имѣеть она и возвышенный разумъ,
Такъ что нерѣдко и трудные споры мужей разрѣшаетъ.
75 Если моленья твои съ благосклонностью приметъ царица,
Будеть тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,
Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь.
Такъ говоря, свѣтлоокая Зевсова дочь удалилась;
Моремъ бесплоднымъ отъ Схеріи тучной помчавшись, достигла
80 Скоро она Мараѳона; потомъ въ многолюдныхъ Аѳинахъ
Въ домъ крѣпкозданный царя Эрехтея вошла. Одиссей же
Тою порой подошелъ ко дворцу Алкиноя; онъ сильно
Сердцемъ тревожился, стоя въ дверяхъ передъ мѣднымъ по-
рогомъ.

Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце или мѣсяцъ,
85 Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго золота;
Притолки ихъ изъ серебра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
90 Также и князь ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое.
Двѣ — золотая съ серебряной — справа и слѣва стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя:
Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли.
95 Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога
Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ;
Мужи знатнѣйшіе града садились чиномъ на этихъ
Лавкахъ, пьтвемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.
100 Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многочисленныхъ.

Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ руководѣльныхъ не-
вольницъ:

Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
¹⁰⁵Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
 Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани жъ
 Были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло.
 Сколь феакійскіе мужи отличны въ правленіи были
 Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены
¹¹⁰Были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила
 Всѣмъ руководѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей
 много.

Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятиный богатый
 Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ
 Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ,
¹¹⁵Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
 Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошноцвѣтущихъ;
 Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
 Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
 Теплый зефиръ, зарождая одни, наливая другіе;
¹²⁰Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоввой,
 Гроздь пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ, созрѣвая.
 Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
 Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
 Частию ждали, чтобъ срѣзали ихъ съ лозъ виноградарь: иные
¹²⁵Были давими въ чанахъ; а другіе цвѣли иль, осыпавъ
 Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались.
 Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
 Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
 Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ извиваясь
¹³⁰Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
 Свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ немъ черпали воду.
 Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.
 Долго, дивяся, стоялъ передъ нимъ Одиссей богоравный;
 Но, поглядѣвши на все съ изумленьемъ великимъ, ступилъ онъ
¹³⁵Смѣлой ногой на порогъ и во внутренность дома проникнулъ.

Тамъ онъ узрѣлъ феакійскихъ вождей и старѣйшинъ, тво-
рящихъ

Зоркому богу, убійцѣ Аргуса, виномъ возліянье

[Онъ отъ грядущихъ ко сну былъ всегда призываемъ по-
слѣдній].

Быстро палату пировъ перешель Одиссей богоравный;

¹⁴⁰Скрытый туманомъ, которымъ его окружила Аенна,

Прямо къ Аретѣ приблизился онъ и къ царю Алкиною,

Обнялъ руками колѣна царицы, и въ это мгновенье

Вдругъ разступилась его облекавшая тьма неземная.

Всѣ замолчали, могучаго мужа внезапно увидя;

¹⁴⁵Всѣ въ изумленье смотрѣли. Царицѣ Аретѣ сказалъ онъ:

Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ, Арета,

Нынѣ къ колѣнамъ твоимъ и къ царю и къ пирующимъ съ вами

Я прибѣгаю, плачевный скиталецъ. Да боги пошлютъ вамъ

Свѣтлое счастье на долгіе дни; да наслѣдуютъ ваши

¹⁵⁰Дѣти вашъ домъ и народомъ вамъ данный вашъ санъ зна-
менитый.

Мнѣ жъ помогите, чтобъ я безпрепятственно могъ возвратиться

Въ землю отцовъ, столь давно сокрушенный разлукой съ своими.

Кончивъ, къ огню очага подошелъ онъ и сѣлъ тамъ на пеплѣ.

Всѣ неподвижно молчали и долго молчаніе длилось.

¹⁵⁵Но наконецъ Эхеней, благороднаго племени старецъ,

Ранѣ всѣхъ современныхъ ему феакіанъ рожденный,

Сладкорѣчивый, и старья были и многое знавшій,

Добрыхъ исполненный мыслей, сказалъ, обратясь къ Алкиною:

Царь Алкиной, неприлично тебѣ допускать, чтобъ молящій

¹⁶⁰Странникъ на пеплѣ сидѣлъ очага твоего передъ нами.

Почестъ ему оказать ожидаемъ твоихъ повелѣній;

Съ пепла поднявши, на стулъ среброкованный съ нами его ты

Сѣсть пригласи и глашатаю въ чаши вина золотаго

Влить повели, чтобъ могли громолюбцу Зевсу, молящихся

¹⁶⁵Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье;

Гостю жъ пускай изъ запаса дастъ ключница пици вечерней.

Такъ онъ сказавъ, пробудилъ Алкиноеву силу святую.

За руку взять Одиссея, объятаго душой глубокой,
 Съ пелла онъ поднялъ его и на креслахъ богатыхъ съ собою
¹⁷⁰Рядомъ за столъ посадилъ, повелѣвъ уступить Лаодаму,
 Сыну любимому, подлѣ сидѣвшему, мѣсто пришельцу.
 Тутъ для умытія рукъ поднесла на богатой лахани
 Полный студеной воды золотой рукоюйникъ рабыня;
 Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
¹⁷⁵Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ
 запаса

Выданнымъ ею охотно. Ъдой и питьемъ изобильнымъ
 Сердце свое насладилъ Одиссей, многославный страдалецъ.
 Тутъ Понтоною глашатаю бросилъ крылатое слово
 Царь феакіанъ: (наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ
¹⁸⁰Чаши гостямъ, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ
 Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье.
 Такъ онъ сказалъ, и наполнивъ медвянымъ виномъ всѣ кратеры,
 Въ чашахъ пирующимъ подавъ его Понтоною; возліянье
 Стоя они совершили и вдоволь питьемъ насладились.)
¹⁸⁵Царь Алкиной, обратившись къ гостямъ, произнесъ: при-
 глашаю

Выслушать слово мое васъ, мужей феакійскихъ, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
 Кончился пиръ нашъ; теперь по домамъ на покой разойдитесь;
 Завтра же утромъ, съ собою и прочихъ вельможъ пригласивши,
¹⁹⁰Снова придите, чтобъ странниказдѣсь угостить и безсмертнымъ
 Въмѣстѣ свершить экатомбу. Потомъ учредимъ отправленье
 Гостя почтеннаго, такъ чтобъ подъ нашей надежной защитой
 Онъ безъ тревогъ и препятствій поспѣшно и весело прибылъ
 Въ край, имъ желаемый, сколь бы отсюда онъ ни былъ далѣко;
¹⁹⁵Также, чтобъ онъ ни печали ни зла на дорогѣ не встрѣтилъ
 Прежде, пока не достигнетъ отчизны; когда же достигнетъ,
 Пусть испытаетъ все то, что судьба и могучія Парки
 Въ нить бытія роковую вплели для него при рожденьи.
 Если же кто изъ безсмертныхъ подъ видомъ его посѣтилъ насъ,
²⁰⁰То на умѣ ихъ конечно есть замыселъ, намъ неизвѣстный;

Ибо всегда намъ открыто являются боги, когда мы,
Ихъ призывая, богатыя имъ экатомбы приносимъ;
Съ нами они пировать безъ чиновъ за трапезу садятся;
Даже когда кто изъ нихъ и одинъ на пути съ феакійскимъ
²⁰⁸Странникомъ встрѣтится — онъ не скрывается; боги считаютъ
Всѣхъ насъ родными, какъ дикихъ циклоповъ, какъ племя ги-
гантовъ.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Царь Алкиной, не тревожься напрасно такимъ помышленьемъ;
Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ, ни видомъ
²¹⁰Я не подобенъ, ни станомъ; простой человекъ я; изъ всѣхъ,
вамъ

Въ мѣрѣ извѣстныхъ людей земнородныхъ, судьбою гонимыхъ,
Самымъ злосчастнѣйшимъ бѣдственной жизнью моей я подо-
бенъ.

Болѣ другихъ бы я могъ рассказать о великихъ напастяхъ,
Мной претерпѣнныхъ съ трудомъ непомѣрнымъ по волѣ без-
смертныхъ;

²¹⁵Но несказаннымъ, хотя и прискорбенъ, я голодомъ мучусь;
Нѣтъ ничего нестерпимѣй грызущаго голода: нами
Властвуя, онъ о себѣ вспоминать ежечасно неволитъ.
Насъ, и печальныхъ и преданныхъ скорби душой. Сколь ни
сильно

Скорби душою я преданъ, но тощій желудокъ мой жадно

²²⁰Требуетъ пищи себѣ и меня забывать принуждаетъ
Все, претерпѣнное мной, о себѣ лишь упорно заботясь.
Вы же, молю васъ, какъ скоро пробудится свѣтлая Эосъ,
Мнѣ злополучному путь учредите въ отчизну возвратный;
Много я бѣдъ претерпѣлъ, но готовъ и погибнуть, лишь только бѣ-
²²⁵Свѣтлый свой домъ и семью и рабовъ и богатства увидѣть.

Кончилъ; они, изъявивъ одобренье, рѣшили въ отчизну
Гостя отправить, плѣнившаго всѣхъ ихъ столь умною рѣчью.
Послѣ, свершивъ возліянье и вкуснымъ виномъ насладившись,
Каждый въ свой домъ удалися, о ложѣ и снѣ помышляя.

²³⁰Но Одиссей богоравный остался въ палатѣ столовой;

Царь Алкиной и царица Арета остались съ нимъ вмѣстѣ; рабыни
 Тою порой со столовъ всю посуду поспѣшно убрали.
 Тутъ бѣлорукая съ гостемъ бесѣдовать стала Арета.
 Мантию съ тонкимъ хитономъ, сотканные ею самою
²³⁵Дома съ рабынями, въ платьѣ пришелица узнавши, царица
 Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
 Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу; отвѣчай мнѣ:
 Кто ты? Откуда? И платье твое отъ кого получилъ ты?
 Намъ ты сказать, что сюда былъ морской непогодою брошенъ.
²⁴⁰Свѣтлой царицѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
 Трудно, царица, мнѣ будетъ тебѣ рассказать всю подробно
 Повѣсть о бѣдствіяхъ, встрѣченныхъ мною по волѣ рожденныхъ
 Древнимъ Ураномъ боговъ — объ одномъ расскажу откровенно:
 Въ морѣ находится островъ Огигія; тамъ обитаетъ
²⁴⁵Хитроковарная дочь кознодѣя Атланта Калипсо,
 Свѣтлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водить
 Общества съ нею ни вѣчные боги, ни смертные люди.
 Я же одинъ злополучный на островъ ея былъ враждебнымъ
 Демономъ брошенъ, когда мой корабль сокрушительнымъ громомъ
²⁵⁰Зевсъ поразилъ посреди безпредѣльно-пустыннаго моря.
 Спутниковъ всѣхъ [поглотила ихъ бездна] тогда я утратилъ.
 Самъ же, на килѣ разбитаго судна, обхваченномъ мною,
 Девять носившихся дней по волнамъ, на десятый съ наставшей
 Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо
²⁵⁵Свѣтлокудрявая нимфа живетъ. И пріютъ благосклонно
 Давъ мнѣ, богиня меня угощала, кормила, хотѣла
 Мнѣ наконецъ даровать и безсмертье и вѣчную младость.
 Сердца однако она моего обольстить не успѣла.
 Цѣлые семь лѣтъ утратилъ я тамъ и текли непрестанно
²⁶⁰Слезы мои на одежды, мнѣ данная нимфой безсмертной;
 Годъ на послѣдокъ осьмой приведенъ былъ время обращенемъ;
 Вдругъ мнѣ она повелѣла покинуть свой островъ — не знаю.
 Зевса ль она убоялась, сама ль измѣнилася въ мысляхъ?
 Съѣлъ я на крѣпкосколоченный плотъ и она, надѣлившись
²⁶⁵Хлѣбомъ меня и душистымъ виномъ и нетлѣнной одеждой,

Слѣдомъ послала за мной благовѣющій вѣтеръ попутный.
Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ пустился я
въ море;

Вдругъ на осьмнадцатый видима стала вдаль надъ водами
Ваша земля и во мнѣ оживилось милое сердце,

²⁷⁰Столь несказанно страдавшее. Много однако еще мнѣ
Бѣдъ колебатель земли Посидонъ непреклонный готовилъ:
Вѣтры поднявъ, заградилъ предо мной онъ дорогу, и море
Все безпредѣльное вдругъ затревожилось; былъ я не въ силахъ,
Жалобно стонущий, судномъ владѣть на взволнованной безднѣ:

²⁷⁵Буря его изломала въ куски и, въ кипящую влагу
Бросясь, пустился я вплавъ: напоследокъ примчали
Къ вашему берегу меня многошумные вѣтры и море;
Гибели бъ мнѣ не избѣгнуть, когда бъ на утесистый берегъ.
Былъ я волною, скалами его отшибаемой, кинуть:

²⁸⁰Силы напрягши, я всторону поплылъ и скоро достигнулъ
Устья рѣки — показалось то мѣсто пріютнымъ, тамъ острыхъ
Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита;
На берегъ вышедъ, въ безсиліе впалъ я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда удалясь отъ потока, небеснымъ

²⁸⁵Зевсомъ рожденнаго, я пріютился въ кустахъ и въ опадшихъ
Спрятался листьяхъ; и сонъ безконечный послали мнѣ боги.
Тамъ подъ защитою листьевъ, съ печалію милого сердца,
Проспалъ всю ночь я, все утро и за полдень долго;

Солнце садилось, когда усладительный сонъ мой былъ прерванъ:
²⁹⁰Дѣвъ, провожавшихъ царевну твою, я увидѣлъ на брегѣ;
Съ нею, подобныя нимфамъ, онѣ, тамъ рѣзвися, играли.

Къ ней обратилъ я молитву и такъ поступила разумно
Юная царская дочь, какъ немногія съ ней одинакихъ
Лѣтъ поступить бы могли — молодежь разсудительна рѣдко.

²⁹⁵Сладкой ѣдой и виномъ искрометнымъ меня подкрѣпивши,
Мнѣ искупаться въ потокѣ велѣла она и одежду
Эту дала мнѣ. Я кончилъ, поистинѣ все разсказавъ вамъ.
Онъ умолкнулъ. Ему Алкиной отвѣчалъ благосклонно:
Странникъ, гораздо бъ приличнѣе было для дочери нашей,

³⁰⁰Если бѣ она пригласила тебя за собою немедля
Слѣдовать въ домъ нашъ: къ ней первой ты съ просьбой
своей обратился.

Такъ онъ сказалъ и ему возразилъ Одиссей хитроумный:
Царь благородный, не дѣлай упрековъ разумной царевнѣ:
Слѣдовать мнѣ за собою она предложила немедля;

³⁰⁵Я жъ отказался—мнѣ было бы стыдно; при томъ же подумалъ
Я, что меня съ ней увидя, на насъ ты разгнѣваться могъ бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди.

Царь Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:

Странникъ, въ груди у меня къ безразсудному гнѣву такому

³¹⁰Сердце несклонно; приличіе жъ должно во всемъ наблюдать
намъ.

Если бѣ—о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина! —

Если бѣ нашелся подобный тебѣ, въ помышленьяхъ со мною
Сходный, супругъ Навзикаѣ, возлюбленный зять мнѣ, и если бѣ
Здѣсь поселился онъ.... Домъ и богатства бы далъ я, когда бы

³¹⁵Волей ты съ нами остался; насильно же здѣсь иноземца
Мы не задержимъ, то было бы Зевсу отцу неуродно.

Твой же отъѣздъ я устрою, чтобъ было тебѣ то извѣстно,

Завтра: ты сладкому отдыху мирно предавшись, будешь

Сонный въ спокойномъ безвѣтрій плыть и достигнешь

³²⁰Въ землю отцовъ или въ иную какую желанную землю,

Сколь бы она ни лежала далѣко, хотя бы въ Эвбею,

Далѣ которой ужъ нѣтъ ничего, по сказанью отважныхъ

Нашихъ пловцовъ, съ златовласымъ туда Радамантомъ ходив-
шихъ, —

Титія, сына земли, посѣтилъ онъ, и сколь ни далекъ былъ

³²⁵Путь по глубокому морю, его безъ труда совершили

Въ сутки они, до Эвбеи доплывъ и назадъ возвратившись.

Самъ ты узнаешь, какъ быстры у насъ корабли, какъ отважно

Веслами море браздятъ мореходцы мои молодые.

Такъ онъ сказалъ; пролилося веселіе въ грудь Одиссея;

³³⁰Голосъ возвысивши свой, произнесъ онъ такую молитву:

Дій, нашъ отецъ, да исполнится все, что теперъ обѣщалъ мнѣ

Царь Алкиной, и да будетъ всегда на землѣ плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно въ отчизну.

Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.

³³⁵Тою порой повелѣла царица Арета рабынямъ

Въ сѣняхъ поставить кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкій тюфякъ, и богатый коверъ разостлатъ; на коверъ же
Теплымъ покровомъ для тѣла косматую мантию бросить.

Факелы взявши, цопли изъ столовой рабыни; когда же

³⁴⁰Было совѣмъ приготовлено мягкопурпурное ложе,

Близко онѣ подошедъ къ Одиссею, ему доложили:

Странникъ, иди почивать; для тебя приготовлено ложе.

Радостно было усталому гостю призванье къ покою;

Сладкоцѣлительный сонъ наконецъ онъ вкусилъ безмятежно,

³⁴⁵Въ звонкопространныхъ сѣняхъ на кровать прорѣзную воз-
легши.

Скоро и царь Алкиной, съ нимъ простяся, во внутренней
спальнѣ

Легъ на постель и заснулъ близъ супруги своей благонравной.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ДЕНЬ.

Алкиной, предложивъ собравшимся на площади гражданамъ устроить
отправленіе Одиссея въ его отечество, приглашаетъ вельможъ и лю-
дей корабельныхъ къ себѣ на обѣдъ. Пѣніе Демодока во время пира.
Потомъ игры: бѣгъ, бросаніе диска, борьба, кулачный бой. Одиссей,
оскорбленный Эвриаломъ, бросаетъ камень и всѣхъ изумляетъ своею
силою. Пляска, во время которой Демодокъ поетъ объ Арѣ и Аф-
родитѣ. Всѣ возвращаются во дворецъ Одиссей одаренъ изобильно.
За вечернею трапезою Демодокъ поетъ о конѣ деревянномъ и по-
двигахъ вождей ахейскихъ. Пѣснь его извлекаетъ слезы изъ очей
Одиссея; царь Алкиной вопрошаетъ плачущаго о причинѣ его скорби
и просить, чтобы онъ разсказалъ свои приключенія.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось—
Мирный покинула сонъ. Алкиноева сила святая;

Всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ сокрушитель.
 Царь Алкиной многовластный повелъ знаменитаго гостя
⁹На площадь гдѣ невдали кораблей феакійцы собирались.
 Сѣли, пришедши, на гладко-обтесанныхъ камняхъ другъ съ
 другомъ

Рядомъ они. Той порою Паллада Аѳина по улицамъ града,
 Въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро ходила;
 Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
¹⁰Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращала богиня:
 Вы, феакійскіе люди, вожди и владыки, скорѣе
 На площадь всѣ соберитесь, дабы иноземца, который
 Въ домъ Алкиной премудраго прибылъ вчера, тамъ увидѣть:
 Бурей къ намъ брошенный, богу онъ образомъ свѣтлымъ по-
 добенъ.

¹⁵Такъ говоря, возбудила она любопытное рвеніе
 Въ каждомъ, и скоро наполнилась площадь народомъ; и сѣли
 Всѣ по мѣстамъ. Съ удивленьемъ великимъ они обращали
 Взоръ на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
 Плечи одѣла Паллада, главу и лицо озарила,
²⁰Станъ возвеличила, сдѣлала тѣло полнѣе, дабы онъ
 Могъ приобрѣсть отъ людей феакійскихъ пріязнь и вселилъ
 въ нихъ

Трепетъ почтительный, мужеской силой на играхъ, въ которыхъ
 Имъ испытать надлежало его, отличась предъ народомъ.
 Всѣ собралися они и собраніе сдѣлаюся полнымъ.

²⁵Тутъ, обратясь къ нимъ, царь Алкиной произнесъ: приглашаю
 Выслушать слово мое васъ, людей феакійскихъ, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велятъ мнѣ разсудокъ и сердце.
 Гость иноземный — его я не знаю; бездомно сгитаясь,
 Онъ отъ восточныхъ народовъ, сюда или отъ западныхъ при-
 былъ —

³⁰Молить о томъ, чтобъ ему помогли мы достигнуть отчизны.
 Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ;
 Ибо еще ни одинъ чужеземецъ, мой домъ посѣтившій,
 Долго здѣсь, плача, не ждалъ, чтобъ его я услышалъ молитву.

Должно спустить на священные воды корабль чернобокій,
³⁵Въ море еще не ходившій; потомъ пзберемъ пятьдесятъ два
 Самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь молодыми гребцами;
 Весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ, пускай соберутся
 Въ царскихъ палатахъ они и поспѣшно себѣ на дорогу
 Вкусный обѣдъ приготовить; я всѣхъ ихъ къ себѣ приглашаю.
⁴⁰Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а самихъ васъ,
 Скиптродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу въ мой прост-
 ранный

Домъ, чтобъ со мною, какъ слѣдуетъ, тамъ угостить иноземца;
 Всѣхъ васъ прошу, отказаться невластенъ никто; позовите
 Также пѣвца Демодока: даръ пѣсней пріялъ отъ боговъ онъ.
⁴⁵Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ.
 Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ судьи и владыки
 Скиптродержавные; звать Понтоной побѣждалъ Демодока.
 Скоро по волѣ царя пятьдесятъ два гребца, на отлогомъ
 Брегѣ безплодносоленого моря собравшись, вмѣстѣ
⁵⁰Къ ждавшему ихъ на пескѣ кораблю подошли, совокушной
 Силою черныи корабль на священные сдвинули воды,
 Подняли мачты, устроили всѣ корабельныя снасти,
 Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,
 Должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвердили. Отведши
⁵⁵Легкій корабль на открытое взморье, они собралися
 Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
 Всѣ переходы палатъ и дворы и притворы и залы народомъ
 Сдѣлались полны — тамъ были и юноши, были и старцы.
 Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и
 восемь

⁶⁰Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать;
 Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
 Тою порой съ знаменитымъ пѣвцомъ Понтоной возвратился;
 Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
 Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.

⁶⁵Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной и на немъ онъ
 Сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой.

Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
 Къ ней прикоснуться рукою ему — чтобъ ее могъ найти онъ —
 Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
⁷⁰Столъ, и вина приготавилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаеть.
 Подняли руки они къ предложонной имъ пищѣ; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
 Муза внушила пѣвцу возгласить о вождахъ знаменитыхъ,
 Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
⁷⁵Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
 Какъ между ими однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ
 Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
 Въ духѣ своемъ Агамемнонъ враждой знаменитыхъ ахеянъ:
 Знаменемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
⁸⁰Въ храмѣ Пнѣйскомъ оракулъ, когда черезъ каменный прагъ
 онъ

Бога спросить перешелъ—а случилось то въ самомъ началѣ
 Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на троянъ и данаевъ.
 Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею
 Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
⁸⁵Голову ея облекъ и лицо благородное скрылъ въ ней.
 Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать феакійцамъ. Когда же,
 Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ,
 Слезы отерши, онъ мантию снялъ съ головы, и наполнивъ
 Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возлияньемъ безсмерт-
 нымъ.

⁹⁰Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему феакянъ,
 Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично;
 Голову мантией снова облекъ Одиссей, прослезаясь.
 Были другими его не замѣчены слезы, но мудрый
 Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
⁹⁵Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
 Онъ феакіянамъ веселюбивымъ сказалъ: приглашаю
 Выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ феакійскихъ;
 Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
 Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной;

¹⁰⁰Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣ-
пость

Силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, домашнимъ
Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ
кулачномъ

Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ бѣгѣ провор-
номъ.

Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе.

¹⁰³Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока
За руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ;
Вслѣдъ за другими, ведя пѣсногѣвца, пошелъ онъ, чтобъ
видѣть

Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить феакійцы.

На площадь всѣ собралися; толпой многочисленно-шумной

¹¹⁰Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою

Вышли изъ сонма его: Акроней, Обіаль съ Элатреемъ,

Навтій, Примней, Анхіаль, Эретмей съ Анабазіоменомъ;

Съ ними явились Понтей, Прореднъ и Фоднъ съ Амфіаломъ,

Сыномъ Политія, внукомъ Тектона; присталъ напоследокъ

¹¹³Къ нимъ и молодой Эвриаль, Навболідъ, равносильный Арею:

Всѣхъ феакіанъ затмилъ бы чудесной своей красотой онъ,

Если бъ его самого не затмилъ Лаодамъ безпорочный.

Къ нимъ подошли наконецъ Лаодамъ, Галионтъ съ богорав-
нымъ

Клитонеономъ—три быстрые сына царя Алкиноя.

¹²⁰Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись

Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,

Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй

Клитонеонъ благородный—какую по свѣжему полю

Борозду плугомъ два мула проводятъ, на столбъ оставивъ

¹²³Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу.

Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу:

Всѣхъ Эвриаль одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ.

Въ прыганьи былъ Анхіаль побѣдителемъ. Тяжкого диска

Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ ку-
лачномъ

¹³⁰Боѣ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный.
Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытлось играми сердце,
Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ
Сынъ: не прилично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ ка-
кихъ онъ

Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго роста,

¹³⁵Голени, бедра и руки его преисполнены силы,

Шея его живовата, онъ мышцами крѣпокъ; годами

Также не старъ; но превратности жизни его изнурили.

Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣи и губительнѣи моря;

Крѣпость и самаго бодрого мужа оно сокрушаетъ.

¹⁴⁰Умнымъ—сказаль, отвѣчая на то, Эвриаль Лаодаму—

Кажется мнѣ предложеніе твое, Лаодамъ благородный.

Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ.

Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвриала слышавъ,

Вышелъ впередъ и сказалъ, обратясь къ царю Одиссею:

¹⁴⁵Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя покажи намъ

Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ — но вѣрно во всѣхъ ты
искусенъ—

Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой

Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы, яви же

Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы.

¹⁵⁰Путь для тебя ужъ темеръ недалекъ; ужъ корабль быстро-
ходный

Съ берега сдвинуть и наши готовы къ отплытію люди.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Другъ, не обидѣтъ ли хочешь меня ты своимъ предложеніемъ?

Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно

¹⁵⁵Бѣдъ испыталъ и немало великихъ трудовъ перенесъ я;

Нынѣ жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сижу передъ вами,

Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ возвратиться.

Но Эвриаль Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой:

Странникъ, я вижу, что ты не подобился людямъ искуснымъ

¹⁶⁰Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ;
конечно

Ты изъ числа промышленныхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ
лишь

Мысля, чтобъ сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажать барыша: но съ атлетомъ ты вовсе несходишь.

¹⁶⁵Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказала Одиссей благо-
родный:

Слово обидно твое; человекъ ты, я вижу, злоумный.

Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ

Вдругъ и плѣнительный образъ и умъ и могущество слова:

Тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ—

¹⁷⁰Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся

Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ

Или съ привѣтливой кротостью; онъ украшенъ собраній;

Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по улицамъ града.

Тотъ же напротивъ безсмертнымъ подобенъ лица красотою,

¹⁷⁵Прелестнъ жъ бѣдное слово его никакой не имѣетъ.

Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы

Краше не создалъ; за то не имѣешь ты здраваго смысла.

Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты свою

Дерзкою рѣчью. Но я не безоцѣненъ, долженъ ты вѣдать,

¹⁸⁰Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я въ то время,
когда мнѣ

Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно;

Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей истрачены силы;

Видѣлъ немало я браней и долго среди бѣдоносныхъ

Странствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и лишенный

¹⁸⁵Силъ; оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ сло-
вомъ.

Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ, и мантии съ плечъ не сложивши,

Камень схватилъ — онъ огромнѣй, плотнѣй и тяжеле всѣхъ
дисковъ,

Брошенныхъ прежде людьми феакійскими былъ; и съ размаха

Кинулъ его Одиссей, живоватую руку напругши;

¹⁹⁰Камень, жужжа полетѣлъ; и подь нимъ до земли головами

Веслолюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы

Всѣ наклонились; а онъ, далекò черезъ всѣ перемчался

Диски, легко улетѣвъ изъ рубли; и Аѳина, подь видомъ

Старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала:

¹⁹⁵Странникъ, твой знакъ и слѣпой различить безъ ошибки,
ощупавъ

Просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно отъ прочихъ, гораздо

Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ; ни одинъ здѣсь

Камня ни далѣ, ни также далеко, какъ ты, неспособенъ

Бросить. Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея.

²⁰⁰Радуюсь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ со-
браньи

Былъ судія, съ обновленной душой онъ сказалъ предстоявшимъ

Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами

Брошу другой я, и столь же далеко, быть можетъ и далѣ.

Пусть всѣ другіе, бога побуждаетъ отважное сердце,

²⁰⁵Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нишѣ

Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю;

Съ каждымъ сразиться готовъ я — съ однимъ не могу Лао-
дамомъ; .

Гость я его—подыму ли на друга любящаго руку?

Тотъ неразуменъ, тотъ пользы своей различать неспособенъ,

²¹⁰Кто на чужой сторонѣ съ дружелюбнымъ хозяиномъ выйти

Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно себѣ самому повредить онъ.

Но межъ другими никто для меня не презрителенъ, съ каждымъ

Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудь на грудь, испытать
съ нимъ.

Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ.

²¹⁵Гладнымъ лукомъ и самымъ тугимъ я владѣю свободно;

Первой стрѣлой поражу я на выборъ противника въ тѣсномъ

Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарищей много

Было и мѣткую каждый стрѣлу на врага бы нацѣлилъ.

Только однимъ Филоктетомъ бывалъ я всегда побѣждаемъ

²²⁰Въ Троѣ, когда мы ахейцы тамъ, споря, изъ лука стрѣляли.
 Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной ни единый
 Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться не можетъ:
 Я не дерзнулъ бы однако бороться съ героями древнихъ
 Лѣтъ, ни съ Иракломъ, ни съ Эвритомъ, мѣткимъ стрѣлкомъ
 эхалійскимъ;

²²⁵Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не страшились:
 Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ глубокой
 Старости въ домѣ семейномъ своемъ; раздраживъ Аполлона
 Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ за-
 стрѣленъ.

Даль копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе стрѣлю;

²³⁰Можетъ случиться однако, что кто изъ людей феакійскихъ
 Въ бѣгѣ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я силы
 Всѣ истощилъ, на невѣрномъ плоту не вкушая столь долго
 Пищи, покоя и сна; и мои всѣ разрушены члены.

Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.

²³⁵Но Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:

Странникъ, ты словомъ своимъ не обидѣть насъ хочешь; ты
 только

Всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохранилась
 Крѣпость въ тебѣ: ты разгнѣванъ безумцемъ, тебя оскорбив-
 шимъ

Дерзкой насмѣшкой — за то ни одинъ, говорить здѣсь при-
 выкшій

²⁴⁰Съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не помыслить тебя
 опорочить.

Выслушай слово однако мое со вниманьемъ, чтобъ послѣ
 Дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ, когда ты,
 Сидя съ женой и дѣтьми за веселой семейной трапезой,
 Вспомнишь о доблестяхъ нашихъ, и тѣхъ дарованьяхъ, какія

²⁴⁵Намъ отъ отцовъ благодатью Зевеса достались въ наслѣдство.

Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны;
 Быстры ногами за то несказанно и первые въ морѣ;
 Любимъ обѣды роскошныя, пѣніе, музыку, пляску,

Свѣжестъ одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе.

²⁵⁰Но пригласите сюда плясуновъ феакійскихъ; зову я
Самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, воз-
вратясь

Въ домъ свой, тамъ всѣмъ рассказать, какъ другихъ мы лю-
дей превосходимъ

Въ плаваньи по морю, въ бѣгѣ проворномъ и въ пляскѣ и
въ пѣньи.

Пусть принесутъ Демодокъ его звонкогласную лиру;

²⁵⁵Гдѣ нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ ее онъ оста-
вилъ.

Такъ Алиной говорилъ, и глашатай, его исполняя

Волю, поспѣшно пошелъ во дворецъ за желаемой лирой.

Судьи, въ народѣ избранные, девять числомъ, на средину
Поприща, строгіе въ играхъ порядка блюстители, вышли,

²⁶⁰Мѣсто для пляски угладили, поприще сдѣлали шире.

Тою порой изъ дворца возвратился глашатай, и лиру

Подаль пѣвцу; предъ собранье онъ выступилъ; справа и слѣва

Стали цвѣтущіе юноши, въ легкой искусные пляскѣ.

Топали въ мѣру ногами подъ пѣсню они; съ наслажденьемъ

²⁶⁵Легкость сверкающихъ ногъ замѣчалъ Одиссей и дивился.

Лирой гремя сладкозвучною, пѣлъ Демодокъ вдохновенный

Пѣснь о прекраснокудрявой Кипридѣ и богѣ Арей:

Какъ ихъ свиданіе первое въ домѣ владыки Ифеста

Было; какъ, много истративъ богатыхъ даровъ, опозорилъ

²⁷⁰Ложе Ифеста Арей, какъ открылъ наконецъ все Ифесту

Геліосъ зоркій, любовное ихъ подстергши свиданье.

Только достигла обидная вѣсть до Ифестова слуха,

Мщеніе въ сердцѣ замысливъ, онъ въ кузницѣ плаху поставилъ,

Крѣпко свою наковальню уладилъ на ней и проворно

²⁷⁵Сѣти сковалъ изъ желѣзныхъ, крѣпчайшихъ, ничѣмъ не-
разрывныхъ

Проволокъ. Хитрый окончивши трудъ и готова Арею

Стыдъ, онъ пошелъ въ тотъ покой, гдѣ богатое ложе стояло.

Тамъ онъ сѣтями своими опутавъ подножье кровати,

*

Ихъ на нее опустили съ потолка паутиною тонкой;
²⁸⁰Были не только невидимы оку людей, но и взорамъ
 Вѣчныхъ боговъ непримѣтны онѣ: такъ искусно сковалъ ихъ,
 Мщенье готова, Ифестъ. Западно передъ ложемъ устроишь,
 Онъ притворился, что путь свой направилъ въ Лемнось крѣпко-
 зданный

Городъ, всѣхъ болѣе другихъ городовъ на землѣ имъ любимый.
²⁸⁵Зорко за нимъ наблюдая. Арей златоуздный тогда же
 Свѣдалъ, что въ путь свой Ифестъ, многославный художникъ,
 пустился.

Сильной любовью къ прекрасновѣнчанной Кипридѣ влекомый,
 Въ домъ многославнаго бога художника тайно вступилъ онъ.
 Зевса отца посѣтивъ на высокомъ Олимпѣ въ то время
²⁹⁰Дома одна, отдыха, сидѣла богиня. Арей подошедши,
 За руку взялъ и по имени назвалъ ее и сказалъ ей:
 Милая, часъ благосклоненъ, пойдемъ на роскошное ложе;
 Мужъ твой Ифестъ далеко; онъ на островъ Лемнось удалился,
 Вѣрно къ суровымъ синтійцамъ, нарѣчія грубаго людемъ.
²⁹⁵Такъ онъ сказалъ и на ложе охотно легла съ нимъ Киприда.
 Мало по малу и онъ и она успились. Вдругъ сѣти
 Хитрой Ифеста работы, упавъ, ихъ схватили съ такою
 Силой, что не было средства ни встать имъ, ни тронуться чле-
 номъ;

Скоро они убѣдились, что бѣгство для нихъ невозможно;
³⁰⁰Скоро и самъ, не свершивъ половины пути, возвратился
 Въ домъ свой Ифестъ многоумный, на обѣ хромающій ноги;
 Геліосъ зоркій его обо всемъ извѣститъ не замедлилъ.
 Въ домъ свой вступивши съ печалію милаго сердца, поспѣшно
 Двери Ифестъ отворилъ, и душа въ немъ исполнилась гнѣвомъ;
³⁰⁵Громко онъ началъ вопить, чтобъ его всѣ слышали боги:
 Дій вседержитель, блаженные, вѣчные боги, сберитесь
 Тяжкообидное, смѣха достойное дѣло увидѣть:
 Какъ надо мной хромоногимъ Зевесова дочь Афродита
 Гнусно ругается, съ грознымъ Ареемъ губительнымъ богомъ

³¹⁰Здѣсь сочетавшись. Конечно, красавецъ и твердь на ногахъ
онъ;

Я жъ отъ рожденія хромъ—но моею ль виною? Виновны
Въ томъ лишь родители. Горе мнѣ, горе! Зачѣмъ я родился?
Вотъ посмотрите, какъ оба, обнявшись нѣжно другъ съ дру-
гомъ,

Спать на постели моей. Несказанно мнѣ горько то видѣть.

³¹⁵Знаю однако, что такъ имъ въ другой разъ заснуть не
удастся;

Сколь ни сильна въ нихъ любовь, но конечно охота къ такому
Сну въ нихъ теперь ужъ прошла; не сниму съ нихъ дотолъ я
этой

Сѣти, пока не отдастъ мнѣ отецъ всѣхъ богатыхъ подарковъ,
Имъ отъ меня за невѣсту, безстыдную дочь, полученныхъ.

³²⁰Правда, прекрасна она, но ея перемѣнчиво сердце.

Такъ онъ сказалъ. Той порой собрались въ мѣдностѣнныхъ па-
латахъ

Боги; пришелъ Посидонъ земледержецъ; пришелъ дароносецъ
Эрмій; пришелъ Аполлонъ, издалека разящій стрѣлами;
Но, сохраняя пристойность, богини остались дома.

³²⁵Въ двери вступили податели благъ всемогущіе боги;

Подняли всѣ они смѣхъ несказанный, увидя, какое
Хитрое дѣло ревнивый Ифестъ совершить умудрился.

Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:

Злое не въ прокъ; надъ проворствомъ здѣсь медленность верхъ
одержала;

³³⁰Какъ ни хромаетъ Ифестъ, но поймалъ онъ Арю, который
Самый быстрѣйшій изъ вѣчныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ.

Хитростью взялъ онъ; достойная мзда посрамителю брака.

Такъ говорили, другъ съ другомъ бесѣдуя, вѣчные боги.

Къ Эрмію тутъ обратившись, сказалъ Аполлонъ, сынъ Зевеса:

³³⁵Эрмій, Кроніоновъ сынъ, благодатный боговъ вѣстоносецъ,

Искренно мнѣ отвѣчай, согласился ль бы ты подъ такою

Свѣью лежать на постели одной съ золотою Кипридой?

Зорвій убійца Аргуса отвѣтствовалъ такъ Аполлону:

Если бь могло то случиться, о царь Аполлонъ стрѣловержець,
³⁴⁰Сѣтью тройной бы себя я охотно опутать дозволилъ,
 Пусть на меня бы собравшись богини и боги смотрѣли,
 Только бь лежать на постели одной съ золотою Кипридой!
 Такъ отвѣчалъ онъ; безсмертные подняли смѣхъ несказанный.
 Но Посидонъ не смѣялся; чтобъ выручить бога Арея,
³⁴⁵Къ славному дивнымъ искусствомъ Ифесту онъ, голосъ воз-
 высивъ,

Съ просьбой своей обратился и бросилъ крылатое слово:
 Дай имъ свободу; ручаюсь тебѣ за Арея; какъ самъ ты
 Требуешь, все доплати при безсмертныхъ богахъ онъ заплатитъ.
 Богъ хромоногій Ифестъ, отвѣчая, сказалъ Посидону:
³⁵⁰Нѣтъ! отъ меня Посидонъ земледержецъ того ты не требуй.
 Знаешь ты самъ, что всегда невѣрна за невѣрныхъ порука.
 Чѣмъ же тебя, всемогущій, могу я къ уплатѣ принудить,
 Если свободный Арей убѣжитъ и платитъ отречется?
 Богу Ифесту отвѣтствовалъ такъ Посидонъ земледержецъ:
³⁵⁵Если могучій Арей, чтобъ не быть принужденнымъ къ уплатѣ,
 Скроется тайно, то все за него заплатитъ обязуюсь
 Я.—Хромоногій Ифестъ отвѣчалъ Посидону владыкѣ:
 Воли твоей, Посидонъ, не дерзну и не властенъ отвергнуть.
 Съ сими словами разрушила цѣпи Ифестова сила.
³⁶⁰Богъ и богиня—лишь только ихъ были разрушены цѣпи—
 Быстро вскочивъ, улетѣли. Во Фригію онъ удалился;
 Скрылася въ Кипръ золотая съ улыбкой привѣтной Киприда;
 Былъ тамъ алтарь ей въ Пафосскомъ лѣсу благовонномъ воз-
 двигнуть;

Тамъ, искупавши ее и натерши душистымъ, святое
³⁶⁵Тѣло однихъ лишь боговъ орошающимъ масломъ, хариты
 Плечи ея облачили одеждою прелести чудной.—
 Такъ воспѣвалъ вдохновенный пѣвецъ. Одиссей благородный
 Въ сердцѣ, внимая ему, веселился; и съ нимъ веселились
 Веселюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы.
³⁷⁰Но Алкиной повелѣлъ Галіонту вдвоемъ съ Лаодамомъ

Пляску начать: въ ней не могъ превосходствомъ никто побѣдить
ихъ.

Мячъ разноцвѣтный, для нихъ руководѣльнымъ Полюбіемъ спи-
тый,

Взявъ, Лаодамъ съ молодымъ Галіонтомъ на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мячъ къ облакамъ темносвѣтлымъ

³⁷⁵Бросилъ одинъ; а другой разбѣжался и, прыгнувъ высоко,

Мячъ на легу подхватилъ, до земли не коснувшись ногами.

Легкимъ бросаньемъ мяча въ высоту отличась предъ народомъ,

Начали оба по гладкому лону земли плодоносной

Быстро плясать; и затопали юноши въ мѣру ногами,

³⁸⁰Стоя кругомъ, и отъ топота ногъ ихъ вся площадь гремѣла.

Долго смотрѣвъ, напоследокъ сказалъ Одиссей Алкиною:

Царь Алкиной! благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,

Ты похвалился, что пляскою съ вами никто не сравнится:

Правда твоя; то глазами я видѣлъ; безмѣрно дивлюся.

³⁸⁵Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Алкиноеву силу святую.

Царь феакіянамъ веселюбивымъ сказалъ: приглашаю

Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ феакійскихъ;

Разумъ великій имѣеть, я вижу, нашъ гость иноземный:

Должно ему, какъ обычай велитъ, предложить намъ подарки;

³⁹⁰Областью нашею правятъ двѣнадцать владыкъ знаменитыхъ,

Праведно-строгихъ судей; я тринадцатый, главный. Пусть каж-
дый

Чистое верхнее платье съ хитономъ и съ полнымъ талантомъ

Золота нашему гостю въ подарокъ назначить обычный.

Все повелите сюда принести и своими руками

³⁹⁵Страннику сдайте, чтобъ веселье онъ былъ за трапезою нашей.

Ты жъ, Эвриаль, удовольствуй его, передъ нимъ повинившись,

Давъ и подарокъ: его оскорбилъ неприличнымъ ты словомъ.

Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе;

Каждый глашатая въ домъ свой послалъ, чтобъ подарки принесъ
онъ.

⁴⁰⁰Но Эвриаль, повинувась, отвѣтствовала такъ Алкиною:

Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,

Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
 Мѣднѣй свой мечъ съ рукоятью серебряной въ новыхъ
 Чудной работы ножнахъ изъ слоновья кости, охотно
⁴⁰⁵Дамъ я ему, и конечно онъ даръ мой высоко оцѣнитъ.
 Такъ говоря, среброкованный мечъ свой онъ снялъ и возвысилъ
 Голосъ и бросилъ крылатое слово Лаэртovu сыну:
 Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! И если сказалъ я
 Дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ и развѣетъ;
⁴¹⁰Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
 Въ домъ возвратяся по долгопечальной разлугѣ съ семьею.
 Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастливъ.
 Въ сердцѣ жъ своемъ никогда не раскайся, что мнѣ драгоцѣн-
 ный

⁴¹⁵Мечъ подарилъ свой, повиннымъ меня удовольствовавъ сло-
 вомъ.

Такъ отвѣчавъ, среброкованный мечъ на плечо онъ повѣсилъ.
 Солнце зашло; всѣ богатые собраны были подарки;
 Ихъ поспѣшили глашатаи въ домъ отнести Алкиноевъ;
 Тамъ сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
⁴²⁰Отдали матери ихъ, многоумной царицѣ Аретѣ.
 Царь же повелъ знаменитаго гостя со всѣми другими
 Въ домъ свой и сѣли, пришедши, они на возвышенныхъ крес-
 лахъ.

Тутъ, обратяся къ царицѣ Аретѣ, сказалъ благородный
 Царь: принеси намъ, жена, драгоцѣннѣйшій самый изъ многихъ
⁴²⁵Нашихъ ковчеговъ, въ него положивши и верхнее платье
 Съ тонкимъ хитономъ. Поставьте котель на огонь, вскипятите
 Воду, чтобъ гость нашъ омылся, и всѣ осмотрѣвши подарки,
 Имъ полученныя здѣсь отъ людей феакійскихъ, былъ весель,
 Съ нами сидя за вечерней трапезой и пѣнью внимая.
⁴³⁰Я же еще драгоцѣнный кувшинъ золотой на прощанье
 Дамъ, чтобъ меня вспоминая, онъ могъ изъ него ежедневно
 Дома творить возліянье Зевесу и прочимъ безсмертнымъ.
 Такъ онъ сказалъ и царица Арета велѣла рабынямъ

Яркій огонь разложить подъ огромнымъ котломъ треножнымъ;
⁴³⁵Тотчасъ котель треножный на яркомъ огнѣ былъ поставленъ.
 Налили воду въ котель и усилили хворостомъ пламя;
 Чрево сосуда оно обхватило, вода закипѣла.
 Тою порою Арета прекрасный ковчегъ изъ покоевъ
 Внутреннихъ вынесла гостю; въ ковчегъ положила подарки,
⁴⁴⁰Золото, ризы и все, что ему феакійскіе мужи
 Дали; сама жъ къ нимъ прибавила верхнее платье съ хитономъ.
 Кончивъ, она Одиссею крылатое бросила слово:
 Кровлей накрывъ и тесьмою окутавъ ковчегъ завяжи ты
 Узель, чтобъ кто на дорогѣ чего не похитилъ, покуда
⁴⁴⁵Будешь поконтыся сномъ ты, плывя въ кораблѣ чернобокомъ.
 То Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, услышавъ,
 Кровлей накрылъ и тесьмою опуталъ ковчегъ и искусный
 Узель [какъ былъ наученъ хитроумной Цирцеею] сдѣлалъ.
 Тутъ пригласила его домовитая ключница въ баню
⁴⁵⁰Члены свои оживить омовеньемъ; и теплой купальнѣ
 Радъ былъ испытанный мужъ Одиссей, той услады лишенный
 Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ покинулъ жилище Калипсы, въ ко-
 торомъ
 Нимфы ему, какъ безсмертному богу, служили. Когда же
 Тѣло омыла ему и елеемъ натерла рабыня,
⁴⁵⁵Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
 Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую
 Залу вступилъ. Навзикая царевна, богиня красою,
 Подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла.
 Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царевна
⁴⁶⁰Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
 Радуйся, странникъ! но въ милую землю отцовъ возвратися,
 Помни меня; ты спасеніемъ встрѣчѣ со мною обязанъ.
 Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
 О Навзикая, прекрасноцвѣтушая дочь Алкиноя,
⁴⁶⁵Если мнѣ Иры супругъ, громоносный Кроніонъ дозволить
 Въ домъ отеческомъ сладостный день возвращенья увидѣть,
 Буду тамъ помнить тебя и тебѣ ежедневно, какъ богу,

Сердцемъ молиться: спасеніемъ встрѣчѣ съ тобой я обязанъ.
 Такъ отвѣчавъ ей, на креслахъ онъ сѣлъ близъ царя Алкиноя.
 476 Было ужъ роздано мясо; ужъ чаши виномъ наполнялись.
 Тою порой возвратился глашатай съ пѣвцомъ Демодокомъ,
 Чтимымъ въ народѣ. Пѣвецъ посреди свѣтлозданной палаты
 Сѣлъ предъ гостями, спиной прислонившись къ колоннѣ высо-
 кой.

Полную жира хребтовую часть острозубаго вепря
 478 Взявши съ тарелки своей [для себя же оставя тамъ болѣ],
 Царь Одиссей многославный сказалъ, обратясь къ Понтоноу:
 Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
 Дай Демодокъ; его и печальный я чту несказанно.
 Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны,
 480 Всѣми высоко честными пѣвцы; ихъ сама научила
 Пѣнію Муза; ей мило пѣвцовъ благородное племя.
 Такъ онъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него Демодокъ
 Мясо глашатай; пѣвецъ благодарно даеніе принять.
 Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
 485 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдоу,
 Такъ, обратясь къ Демодокъ, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю;
 Музою, дочерью Діа, иль Фебомъ самымъ наученный,
 Все ты поешь по порядку, что было съ ахейцами въ Троѣ,
 490 Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;
 Можно подумать, что самъ былъ участникъ всему иль отъ
 вѣрныхъ
 Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ,
 Чудномъ Эпеоса съ помощью дѣвы Паллады созданны,
 Спой намъ, какъ въ городъ онъ былъ хитроумнымъ введенъ
 Одиссеемъ,
 495 Полный вождей, напослѣдокъ святой Иліонъ сокрушившихъ.
 Если объ этомъ понстинѣ все намъ, какъ было, споешь ты,
 Буду тогда передъ всѣми людьми повторять повсемѣстно
 Я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя одарили.
 Такъ онъ сказалъ и заплѣлъ Демодокъ, пренесполненный бога:

⁵⁰⁰Началь съ того онъ, какъ всѣ на своихъ корабляхъ крѣпко-
зданныхъ

Въ море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный станъ свой, какъ первые мужи изъ нихъ съ Одис-
сеемъ

Были оставлены въ Троѣ, замкнутые въ конской утробѣ,
Какъ напоследокъ коню Иліонъ отворили трояне.

⁵⁰⁵Въ градѣ стоялъ онъ; кругомъ, нерѣшимые въ мысляхъ,
спдѣли

Люди троянскіе; было межъ ними троякое мнѣнье:
Или губительной мѣдью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, съ утеса низвергнуть,
Или оставить среди Иліона мирительной жертвой

⁵¹⁰Вѣчнымъ богамъ: на послѣднее всѣ согласились, понеже
Было судьбой рѣшено, что падеть Иліонъ, отворивши
Стѣны коню, гдѣ ахейцы избранные будутъ скрываться,
Черную участь и смерть приготовивъ троянамъ враждебнымъ.

Послѣ воспѣлъ онъ, какъ мужи ахейскіе въ градъ ворвались,

⁵¹⁵Чрево коня отворивъ и изъ темнаго выбѣжавъ склепа;

Какъ разъяренные каждый по-своему градъ разоряли,

Какъ Одиссей къ Деифобову дому, подобный Арю,

Бросился вмѣстѣ съ божественно-грознымъ въ бою Менелаемъ.

Тамъ истребительный бой [продолжалъ пѣсношвецъ] воз-
жегши,

⁵²⁰Онъ наконецъ побѣдилъ, подкрѣпленный великой Палладой.

Такъ объ ахейцахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ

Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами.

Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,

Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,

⁵²⁵Снясь отъ дня роковаго спасти согражданъ и семейство.

Видя, какъ онъ содрогается въ смертной борьбѣ и, прижавшись

Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно

Древками копій ее по плечамъ и хребту поражая,

Бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе;

⁵³⁰Тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ.

Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы.
 Всѣми другими онъ не замѣченъ былъ; но мудрый
 Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
 Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
⁵³⁵Онъ феакіанамъ веселолюбивымъ сказалъ: приглашаю
 Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ феакійскихъ.
 Пусть Демодокъ звонкострунную лиру заставитъ умолкнуть;
 Здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ ея сладкогласіемъ дивнымъ:
 Съ тѣхъ поръ, какъ пѣнье божественный началъ пѣвецъ на ве-
 чернемъ

⁵⁴⁰Нашемъ пиру, непрестанно глубоко и тяжело вздыхаетъ
 Странникъ; конечно, прискорбіе сердцемъ его овладѣло.
 Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ могли здѣсь равно веселиться
 Гость нашъ и всѣ мы; конечно для насъ то пріятнѣе будетъ.
 Здѣсь же давно къ отправленію въ путь иноземца готово
⁵⁴⁵Все; и подарки ужъ собраны, данные дружбою нашей.
 Странникъ молящій не менѣ брата роднаго любезенъ
 Всякому, кто одаренъ отъ боговъ не безжалостнымъ сердцемъ.
 Ты же теперь, ничега не скрывая, отвѣтствуй на то мнѣ,
 Гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
⁵⁵⁰Имя скажи мнѣ, какимъ и отецъ твой и мать и другіе
 Въ градъ твою и отечествѣ миломъ тебя величаютъ.
 Между живущихъ людей безыменнымъ никто не бываетъ
 Въсѣ; въ минуту рожденія каждый, и низкій и знатный,
 Имя свое отъ родителей въ сладостный даръ получаетъ;
⁵⁵⁵Землю и градъ и народъ свой потомъ назови, чтобъ согласно
 Съ волей твоей и корабль нашъ свое направденіе выбрать;
 Кормщикъ не правитъ въ моряхъ кораблемъ феакійскимъ;
 руля мы,
 Нужнаго каждому судну, на нашихъ судахъ не имѣемъ;
 Сами они понимаютъ своихъ корабельщиковъ мысли;
⁵⁶⁰Сами находятъ они и жилища людей и поля ихъ
 Тучнообильныя; быстро они всѣ моря обтекаютъ,
 Мглою и туманомъ одѣтые; нѣтъ никогда имъ боязни

Вредъ на волнахъ претерпѣть, иль отъ бури въ пучинѣ погибнуть.

Вотъ что однако въ ребячествѣ я отъ отца Навзитоа

⁵⁶⁶Слышалъ: не разъ говорилъ онъ, что богъ Посидонъ недо-
воленъ

Нами за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.

Нѣкогда, онъ утверждалъ, феакійскій корабль, проводившій

Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ,

Будетъ разбитъ Посидономъ, который высокою горою

⁵⁷⁰Градъ нашъ задвинетъ. Исполнить ли то Посидонъ земле-
держецъ,

Иль не исполнить—пусть будетъ по волѣ великаго бога!

Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать,

Гдѣ по морямъ ты скитался? Какихъ человѣковъ ты земли

Видѣлъ? Свѣтлонаселенные ихъ города опиши намъ:

⁵⁷⁵Были ль межъ ними свирѣпые, дикіе, чуждые правды?

Были ль благіе для странника, чтущіе волю безсмертныхъ?

Также скажи, отчего ты такъ плачешь? Зачѣмъ такъ печально

Слушаешь повѣсть о битвахъ данаевъ, о Троѣ погибшей?

Имъ для того ниспослалъ и смерть и погибельный жребій

⁵⁸⁰Боги, чтобъ славною пѣснію были они для потомковъ.

Ты же конечно утратилъ роднаго у стѣнъ Иліонскихъ,

Милаго зятя иль тестя, которые нашему сердцу

Самые близкіе послѣ возлюбленныхъ сродниковъ кровныхъ?

Или товарища нѣжнопривѣтнаго, кроткаго сердцемъ,

⁵⁸⁵Тамъ потерялъ ты? Не менѣ брата роднаго любезенъ

Намъ нашъ товарищъ, испытанный другъ и разумный со-
вѣтникъ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

ВЕЧЕРЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей начинаетъ рассказывать свои приключенія. Отплытіе отъ береговъ троянскихъ. Разрушеніе Измара, города екиноновъ, и гибель многихъ сопутниковъ Одиссея. Буря. Посѣщеніе лотофаговъ.

Прибытіе въ область циклоповъ. Одиссей, оставя у козьяго острова свои корабли, съ однимъ собственнымъ кораблемъ пристаетъ къ далекому берегу циклоповъ. Выбравъ двѣнадцать изъ своихъ корабельныхъ товарищей, онъ входитъ съ ними въ пещеру Полифема. Гибель шести изъ спутниковъ Одиссеевыхъ, сожранныхъ циклопомъ. Опьянивъ его, Одиссей пронзаетъ ему глазъ и потомъ хитростію спасаетъ себя и товарищей отъ его бѣшенства. Они покидаютъ циклопово стадо и возвращаются на козій островъ. Полифемъ призываетъ отца Посидона и молить, чтобы онъ отмстилъ за него Одиссею.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей богоравный:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Сладко вниманье свое намъ склоняетъ къ пѣснопѣвцу, который,
Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подо-
бень.

⁵Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлою страной обладаетъ веселье; какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая; какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми; какъ изъ братеръ животворный напитокъ
¹⁰Льетъ виночерпій и въ вубкахъ его опѣненныхъ разноситъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ.
Но отъ меня о плачевныхъ страданьяхъ моихъ ты желаешь
Слышать, чтобы сердце мое пренсполнилось плачемъ силь-
нѣйшимъ:

Что же я прежде, что послѣ, и что наконецъ расскажу вамъ?

¹⁵Много Ураниды боги мнѣ бѣдствій различныхъ послали.
Прежде однако вамъ имя свое назову, чтобы могли вы
Знать обо мнѣ, чтобы, покуда еще мной не встрѣченъ послѣдній
День, и въ далекой странѣ я считался вамъ гостемъ любезнымъ.
Я Одиссей, сынъ Лаэртговъ, вездѣ изобрѣтеньемъ многихъ
²⁰Хитростей славный и громкой молвой до небесъ вознесенный.
Въ солнечносвѣтлой Итакѣ живу я; тамъ Нѣріонъ, всюду
Видимый съ моря, подѣмлетъ вершину лѣсистую; много
Тамъ и другихъ острововъ, недалекихъ одинъ отъ другаго:
Замъ, и Дулихій, и лѣсомъ богатый Закинѣтъ; и на самомъ

²⁵Западѣ плоско лежитъ окруженная моремъ Итака
 [Прочіе жъ ближе въ предѣлу, гдѣ Эось и Геліось всходятъ];
 Доно ея каменисто, но юношей бодрыхъ питаетъ;
 Я же не вѣдаю края прекраснѣе милой Итаки.
 Тщетно Калипсо, богиня богинь, въ заключеніи долгомъ
³⁰Силой держала меня, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ;
 Тщетно меня чародѣйца, владычица Эи, Цирцея
 Въ домѣ держала своемъ, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ—
 Хитрая лестъ ихъ въ груди у меня не опутала сердца;
 Сладостнѣй нѣтъ ничего намъ отчизны и сродниковъ нашихъ,
³⁵Даже когда бъ и роскошно въ богатой обители жили
 Мы на чужой сторонѣ, далекѣ отъ родителей милыхъ.
 Если однако велишь, то о странствіи трудномъ, багое
 Зевсъ учредилъ мнѣ, отъ Трои плывущему, все расскажу я.
 Вѣтеръ отъ стѣнъ Иліона привелъ насъ ко граду киконѣвъ,
⁴⁰Измару: градъ мы разрушили, жителей всѣхъ истребили.
 Женъ сохранивши и всякихъ сокровищъ награбивши много,
 Стали добычу дѣлить мы, чтобъ каждый могъ взять свой уча-
 стокъ.
 Я жъ настоялъ, чтобъ немедля стопою поспѣшною въ бѣгство
 Всѣ обратились: но добрый совѣтъ мой отвергли безумцы;
⁴⁵Полные хмѣля, они пировали на брегѣ песчаномъ,
 Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ зарѣзавъ.
 Тою порою киконы, изъ града бѣжавшіе, многихъ
 Собрали жившихъ сосѣдственно съ ними въ странѣ той кико-
 нѣвъ,
 Сильныхъ числомъ, приобывшихъ сражаться съ коней, и не менѣ
⁵⁰Смѣлыхъ, когда имъ и пѣшимъ въ сраженіе вступать над-
 лежало.
 Вдругъ ихъ явилось тагъ много, какъ листьенъ древесныхъ
 нль раннихъ
 Вешнихъ цвѣтовъ; и тогда же намъ сдѣлалось явно, что злую
 Часть и бѣдствія многія намъ приготовилъ Кроніонъ.
 Сдвинувшись, начали бой мы вблизи вораблей быстроходныхъ,
⁵⁵Острыя копья, обитыя мѣдью, бросая другъ въ друга. Покуда

Длилося утро, пока продолжалъ подыматься священный
 День, мы держались и ихъ отбивали сильнѣйшихъ; когда же
 Геліосъ къ позднему часу воловъ отпряженья склонился,
 Въ бѣгъ обратили киконы осиленныхъ ими ахеявъ.

⁶⁰Съ каждаго я корабля по шести броненосцевъ отважныхъ
 Тутъ потерялъ; отъ судьбы и отъ смерти ушли остальные.
 Далѣе поплыли мы въ сокрушеніи великомъ о милыхъ
 Мертвыхъ, но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.

Я жъ не отвелъ кораблей, легкоходныхъ отъ брега, покуда
⁶⁵Три раза не былъ по имени названъ изъ нашихъ несчастныхъ
 Спутниковъ каждый, погибшій въ бою и оставленный въ полѣ.

Вдругъ собирающій тучи Зевесъ буреносца Борея,
 Страшно ревушаго, выслалъ на насъ; облага обложили
 Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.

⁷⁰Мчались суда, погружаясь въ волны носами; вѣтрила
 Трижды, четырежды были разорваны силою бури.

Мы, избѣгая бѣды, въ корабли ихъ, свернувъ, уложили;
 Сами же начали веслами къ ближнему берегу править;
 Тамъ провели мы въ бездѣйствіи скучномъ два дня и двѣ ночи,
⁷⁵Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжкой печалію сердца.

Третій намъ день привела свѣтозарно-кудрявая Эось;
 Мачты устроивъ и снова поднявъ паруса, на суда мы
 Сѣли; они понеслись, повинувась кормилу и вѣтру.

Мы невредимо бы въ милую землю отцовъ возвратились,

⁸⁰Если бъ волненіе моря и сила Борея не сбили

Насъ, обходящихъ Маллею, съ пути, отдаливъ отъ Китеры.

Девять носила насъ дней раздраженная буря по темнымъ
 Рыбообильнымъ водамъ; на десятый къ землѣ лотофаговъ,
 Пищей цвѣтучной себя насыщающихъ, вѣтеръ примчалъ насъ.

⁸⁵Вышедъ на твердую землю и свѣжей водою запасишь,
 Наскоро легкій обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ учредили.

Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и ѣдою, избралъ я
 Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ [былъ
 третій

Съ ними глашатай] и свѣдаты послалъ ихъ, къ какиѣмъ мы до-
стигли

⁹⁰Людымъ, вѣушающихъ хлѣбъ на землѣ, изобильной дарами.
Мирныхъ они лотофаговъ нашли тамъ; и посланнымъ нашимъ
Зла лотофаги не сдѣлали; ихъ съ дружелюбною ласкою
Встрѣтивъ, имъ лотоса дали отвѣдать они; но лишь только
Сладко-медвянаго лотоса каждый отвѣдалъ, мгновенно

⁹⁵Все позабылъ и, утративъ желанье назадъ возвратиться,
Вдругъ захотѣлъ въ сторонѣ лотофаговъ остаться, чтобъ вкус-
ный

Лотосъ собирать, навсегда отъ своей отказавшись отчизны.

Силою ихъ плачущихъ къ нашимъ судамъ притащивъ, пове-
лѣлъ я

Крѣпко ихъ тамъ привязать къ корабельнымъ скамьямъ; осталь-
нымъ же

¹⁰⁰Вѣрнымъ товарищамъ далъ приказанье, ни мало не медля,
Всѣмъ на проворные сѣсть корабли, чтобъ изъ нихъ ни который,
Лотосомъ сладкимъ прельстясь, отъ возврата домой не отрекся.
Всѣ на суда собралися, и сѣвши на лавки у весель,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.

¹⁰⁵Далѣе поплыли мы, сокрушенные сердцемъ, и въ землю
Прибыли сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды цикло-
повъ.

Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмертныхъ имѣя
Все, ни руками не сѣютъ, ни плугомъ не пахутъ; земля тамъ
Тучная щедро сама безъ паханья и сѣва даетъ имъ

¹¹⁰Рожъ и пшеино и ячмень и роскошныхъ вистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ.
Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣ-
товъ;

Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ
Вольно живутъ; [надъ женою и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
¹¹⁵Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь]

Есть островокъ тамъ пустынный и дикій; лежитъ онъ на тем-
номъ

Лонѣ морскомъ, ни далеко ни близко отъ берега циклоповъ,
 Лѣсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ дикія козы
 Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человѣка
 120 Шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звѣроловецъ, за
 дичью

Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій;
 Тамъ не пасутся стада и земли не касаются плуги;
 Тамъ ни въ какіе дни года не сѣютъ, не пахутъ; людей тамъ
 Нѣтъ; безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконогія козы,
 125 Ибо циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знаютъ;
 Нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ хитромъ строеніи
 Крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый, моря обтекая,
 Разныхъ народовъ страны посѣщаль, какъ бываетъ, что ходятъ
 По морю люди, съ другими людьми дружелюбно знакомясь.
 130 Дикій тотъ островъ могли обратить бы въ цвѣтущій циклоны;
 Онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно рождалося къ срову;
 Сходятъ широкой отлогостью къ морю луга тамъ густые,
 Влажные, мягкіе: много бѣ вездѣ разрослось винограда;
 Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокою
 135 Рожью и жатва была бы на тучной землѣ изобильна.
 Есть тамъ надежная пристань, въ которой не нужно ни тяжкій
 Якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое судно;
 Можетъ оно простоять безопасно тамъ, сколько захочетъ
 Плаватель самъ, иль пока не подымется вѣтеръ попутный.
 140 Въ самой вершинѣ залива прозрачно ввергается въ море
 Ключъ, изъ пещеры бѣгущій подъ сѣнію тополей черныхъ.
 Въ эту мы пристань вошли съ кораблями; въ ночной темнотѣ
 намъ

Путь указалъ благодѣтельный Демонъ: былъ островъ невидимъ;
 Влажный туманъ окружалъ корабли; не свѣтила Селена
 145 Съ неба высокаго; тучи его покрывали густыя;
 Острова было нельзя различить намъ глазами во мракѣ;
 Видѣть и длинныхъ, широко на берегъ отлогіи бѣгущихъ
 Волнъ не могли мы, пока корабли не коснулись берега,
 Но лишь коснулись берега они, паруса мы свернули;

¹⁵⁰Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
 Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
 Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;
 Весь обошли съ удивленьемъ великимъ мы островъ пустынный;
 Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
¹⁵⁵Козь обвѣваемыхъ вѣтрами горь, для богатой намъ пищи;
 Гибкіе луки, охотничьи легкія копья немедля
 Взяли съ своихъ кораблей мы, и на три толпы раздѣляся,
 Начали битву; и богъ благосклонный великой добычей
 Н ась наградилъ: всѣ двѣнадцать монхъ кораблей запасли мы;
¹⁶⁰Девять на каждый досталось по жеребью козъ; для себя же
 Выбралъ я десять. И цѣлый мы день до вечерняго мрака
 Ёли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались,
 Ибо еще на монхъ корабляхъ золотого довольно
 Было вина: мы наполнили много сфудельныхъ сосудовъ
¹⁶⁵Сладкимъ напиткомъ, разрушивши городъ священный никовъ.

Съ острова жъ въ области близкой циглоповъ намъ ясно былъ
 видѣнъ

Дымъ; голоса ихъ, блеянье ихъ козъ и барановъ могли мы
 Слышать. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила.
 Всѣ мы заснули подъ говоромъ воднѣ, ударяющихъ въ берегъ.
¹⁷⁰Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;
 Вѣрныхъ товарищей я на совѣтъ пригласилъ и сказалъ имъ:
 Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣсь безъ меня оставайтесь;
 Я же, съ моимъ кораблемъ и моими людьми удаляся,
 Свѣдать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ обитаетъ,
¹⁷⁵Дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій вѣры и правды,
 Или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный?
 Такъ я сказалъ, и вступивъ на корабль, повелѣлъ, чтобъ за
 мною

Люди мои на него всѣ взошли и ванать отвязали;
 Люди взошли на корабль и, сѣвши на лавкахъ у весель,
¹⁸⁰Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
 Къ берегу близкому скоро приставъ съ кораблемъ, мы открыли

*

Въ крайнемъ, у самаго моря стоявшемъ утесъ пещеру,
 Густо одѣтую лавромъ, пространную, гдѣ собирался
 Мелкій во множествѣ скоть; тамъ высокой стѣной изъ огром-
 ныхъ,

¹⁸⁵Грубо набросанныхъ камней былъ дворъ обведенъ, и стояли
 Частымъ заборомъ вокругъ черноглавыя дубы и сосны.

Мужъ великанскаго роста въ пещерѣ той жилъ; одиноко
 Пасъ онъ барановъ и козъ, и ни съ гѣмъ изъ другихъ не
 водился;

Былъ нелюдимъ онъ, свирѣпъ, никакого не вѣдалъ закона;

¹⁹⁰Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ приводя, онъ
 несходенъ

Былъ съ человѣкомъ, вкушающимъ хлѣбъ, и казался лѣсистой,
 Дикой вершинной горы, надъ другими воздвигшейся грозно.

Спутникамъ вѣрнымъ момъ повелѣлъ я остаться на брегѣ
 Влизъ корабля и его сторожить неусыпно; съ собой же

¹⁹⁵Взявши двѣнадцать надежныхъ и самыхъ отважныхъ, по-
 шель я

Съ ними; и мы запаслися вина драгоцѣннаго полнымъ

Мѣхомъ: Маронъ, Аполлона великаго жрецъ, Эвантеевъ

Сынъ, обитавшій въ разрушенномъ Измарѣ, имъ надѣлили
 насъ

Въ даръ благодарный за то, что его мы съ женою и съ сыномъ—

²⁰⁰Санъ уважая жреца — пощадилъ во градѣ, гдѣ жилъ онъ

Въ роцѣ густой Аполлона; меня жъ одарилъ онъ особо:

Золота лучшей доброты онъ далъ мнѣ семь полныхъ талантовъ;

Далъ сребролитную дивной работы кратеру, и налилъ

Цѣлыхъ двѣнадцать большихъ мнѣ скуделей виномъ, драго-
 цѣннымъ,

²⁰⁵Крѣпкимъ, божественно-сладкимъ напитокомъ; о немъ же не
 вѣдалъ

Въ домѣ никто изъ рабовъ и рабынь, и никто изъ домашнихъ,
 Кромѣ хозяина, умной хозяйки и влючницы вѣрной.

Если когда тѣмъ пурпурно-медвянымъ виномъ насладиться

Въ комъ пробуждалось желанье, то, въ чашу его нацѣдивши,

²¹⁰Въ двадцать разъ болѣ воды подбавляли, и запахъ изъ чаши.
 Былъ несказанный: не могъ тутъ никто отъ питья воздержаться.
 Взялъ я съ собой тѣмъ напиткомъ, наполненный мѣхъ и съѣст-
 наго

Полный кошель: говорило мнѣ вѣщее сердце, что встрѣчу
 Страшнаго мужа чудовищной силы, свирѣпаго нравомъ,
²¹⁵Чуждаго добрымъ обычаемъ, чуждаго вѣрѣ и правдѣ.
 Шагомъ послѣшнымъ къ пещерѣ приближились мы, но его
 въ ней

Не было: козъ и барановъ онъ пасъ на лугу недалекомъ.
 Начали все мы въ пещерѣ пространной осматривать; много
 Было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ; въ отдѣльныхъ
 закутахъ

²²⁰Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ
 въ порядкѣ

Тамъ размѣщенные: старшіе съ старшими, средніе подлѣ
 Среднихъ и съ младшими младшіе; ведра и чаши
 Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей густою.
 Спутники стали меня убѣждать, чтобъ запасшись сырами,
²²⁵Болѣ я въ страшной пещерѣ не медлилъ, чтобъ всѣ мы
 скорѣе,

Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ и барашковъ, съ до-
 бычей

Нашей на быстрый корабль убѣжали и въ море пустились.
 Я на бѣду отказался полезный совѣтъ ихъ исполнить;
 Видѣть его мнѣ хотѣлось въ надеждѣ, что насъ угостивши,
²³⁰Дастъ намъ подарокъ: но встрѣтиться съ нимъ не на ра-
 дость намъ было.

Яркій огонь разложивъ, совершили мы жертву; добывши
 Сыру потомъ и насытивъ свой голодь, остались въ пещерѣ
 Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился хозяинъ. И скоро
 Съ ношею дровъ, для варенья вечернія пици, явился
²³⁵Онъ и со стугомъ на землю дрова передъ входомъ пещеры
 Бросилъ; объятые страхомъ мы спрятались въ уголь; при-
 гнавши.

Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ барановъ къ пещерѣ,
Матокъ въ нее онъ впустилъ, а самповъ, и возловъ и барановъ,

Прежде отъ нихъ отдѣливъ, на дворѣ передъ входомъ оставилъ.

²⁴⁰Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно великій съ земли онъ

Камень, который и двадцать два воза четырехколесныхъ
Съ мѣста бѣ не сдвинули, поднялъ: подобенъ скалѣ необъятной

Былъ онъ; его подхвативши и входъ имъ пещеры задвинувъ,
Сѣлъ онъ и матокъ донть принялся надлежащимъ порядкомъ,

²⁴⁵Козъ и овецъ; подонвъ же, подъ каждую матку ея онъ
Кладъ сосуна. Половину отливъ молока въ плетенцы,
Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно огустѣло для сыра;
Все жъ молоко restante разлилъ по сосудамъ, чтобъ послѣ
Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ пажити стадо пригнавши.

²⁵⁰Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу свою, наконецъ онъ

Яркій огонь разложилъ, насъ увидѣлъ и грубо сказалъ намъ:

Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?

Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла считаетесь всюду,

Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчась,

²⁵⁵Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?

Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго замерло милое сердце:

Голосъ гремящій и образъ чудовища въ трепетъ привелъ насъ.

Но, ободрясь, напоследокъ отвѣтствовалъ такъ я циклопу:

Всѣ мы ахейцы; плывемъ отъ далекаго Трон; сюда же

²⁶⁰Бурею насъ принесло по волнамъ безпредѣльнаго моря.

Въ милую землю отцовъ возвращаясь, съ прямого пути мы

Сбились; такъ было конечно угодно могучему Зевсу.

Служимъ мы въ войскѣ Атрида царя Агамемнона; онъ же

Всѣхъ земнородныхъ людей превзошелъ несказанною славой,

²⁶⁵Городъ великій разрушивъ и много враговъ истребивши.

Нынѣ къ колѣнамъ припавши твоимъ, мы тебя умоляемъ

Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружелюбно принять и подарокъ
 Дать намъ, какимъ всегда на прощаньи гостей надѣляютъ.
 Ты же убойся боговъ; мы пришельцы, мы ищемъ покрова;
 270 Мстить за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный

Кроніонъ,

Богъ гостелюбецъ, священнаго странника вождь и заступникъ.
 Такъ я сказалъ; съ неописанной злостью циклопъ отвѣчалъ мнѣ:
 Видно, что ты издалева, или вѣсь безумецъ, пришелецъ,
 Если могъ вздумать, что я побоюсь или уважу безсмертныхъ.

275 Намъ циклопамъ нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ
 прочихъ

Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй;

Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать, меня не принудитъ
 Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.

Ты же теперь мнѣ скажи, гдѣ корабль, на которомъ пришли вы

280 Къ намъ? Далекò ли или близко отсюда стоитъ онъ? То
 вѣдать

Долженъ я. Такъ, искушая, онъ хитро спросилъ. Остерегись,
 Хитрыми самъ я словами отвѣтствовала злomu циклопу:

Богъ Посидонъ, колебатель земли, мой корабль уничтожилъ,
 Бросивъ его недалеко отъ здѣшняго берега на камни

285 Мыса крутаго, и бурное море обломки умчало.

Мнѣ жъ и со мною немногимъ отъ смерти спастись удалось.

Такъ я сказалъ, и отвѣта не давъ никакого, онъ быстро
 Прянулъ, какъ бѣшенный звѣрь, и огромныя вытянувъ руки,
 Разомъ межъ нами двоихъ, какъ щепять подхватилъ и ударилъ

290 Оземь; ихъ черепъ разбился; обрызгало мозгомъ пещеру.

Онъ же, обоихъ разбѣвши на части, изъ нихъ свой ужасный
 Ужинъ состряпалъ и жадно, какъ левъ, разъяряемый голодомъ,
 Съѣлъ ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ не оставивъ.

Мы, святотатнаго дѣла свидѣтели, руки со стономъ

295 Къ Дію отцу подымали; нашъ умъ помутился отъ скорби.

Чрево наполнивъ свое человѣческимъ мясомъ, и свѣжимъ

Страшную пищу заливъ молокомъ, людоѣдъ беззаботно
 Между козловъ и барановъ на голой землѣ растянулся.
 Тутъ подошелъ я къ нему съ дерзновеннымъ намѣреньемъ
 сердца,

³⁰⁰Острый свой мечъ обнаживши, чудовищу мстящую мѣдью
 Тѣло въ томъ мѣстѣ пронзить, гдѣ подь грудью находится
 печень.

Мечъ мой ужъ былъ занесенъ; но иное на мысли пришло мнѣ:
 Съ нимъ неизбѣжно и насъ бы постигнула вѣрная гибель:

Всѣ совокупно мы были бѣ не въ силахъ отъ входа пещеры

³⁰⁵Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.

Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эось:

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось.

Всталъ онъ, огонь разложилъ и доить принялся по порядку

Козъ и овецъ; подонвъ же, подь каждую матку ея онъ

³¹⁰Клалъ сосуна; окончавши съ заботливымъ спѣхомъ работу,

Снова изъ насъ онъ похитилъ двоихъ на ужасную пищу.

Сѣвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ темной пещеры.

Мощной рукою оттолкнувши утесъ приворотный, имъ двери

Снова онъ заперъ, какъ легкою кровлей голчанъ запирають.

³¹⁵Съ свистомъ погналъ онъ на горное пастбище тучное стадо;

Я жъ, въ заключеннѣ оставленный, началъ выдумывать сред-
 ство,

Какъ бы врагу отомстить, и молилъ о защитѣ Палладу.

Вотъ что, размысливъ, наметъ наконецъ я удобнымъ и вѣр-
 нымъ:

Въ козьеи закутѣ стояла дубина циклопова, свѣжій

³²⁰Стволъ имъ обрубленной маслины дикой; его онъ, очистивъ,

Сохнуть поставилъ въ закуту, чтобъ послѣ гулять съ нимъ; по-
 добенъ

Намъ показался онъ мачтѣ, какая на многовесельномъ,

Съ грузомъ товаровъ моря обтекающемъ суднѣ бываетъ;

Былъ онъ конечно какъ мачта длиной, толщиной и вѣсомъ.

³²⁵Взявши тотъ стволъ и мечемъ отъ него отрубивши три локтя,

Выглядитъ чисто отрубоекъ велѣлъ я товарищамъ; скоро

Выглаженъ былъ онъ; свою рукою его заострилъ я;
 Послѣ, обжегши на угольяхъ острый конецъ, мы послѣшно
 Коль, приготовленный къ дѣлу, зарыли въ навозѣ, который
 330 Кучей огромной набросанъ былъ въ смрадной пещерѣ ци-
 клопа.

Кончивъ, своихъ пригласилъ я спутниковъ жеребій кинуть:
 Кто между ними коломъ обожженнымъ поможетъ пронзить мнѣ
 Глазъ людоеду, какъ скоро глубокому сну онъ предается.
 Жеребій далъ четырехъ мнѣ и самыхъ надежныхъ, которыхъ
 335 Самъ бы я выбралъ, и къ нимъ я присталъ не по жеребью
 пятый.

Вечеромъ, жирное стадо гоня, людоедъ возвратился;
 Но, отворивши пещеру, въ нее онъ ужъ полное стадо
 Ввелъ, не оставивъ на внѣшнемъ дворѣ ни козла, ни барана
 [Было ли въ немъ подозрѣнье, иль Демонъ его надоумилъ].
 340 Снова пещеру задвинувъ скалою необъятнотяжелой,
 Съелъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
 Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
 Клалъ сосуна. И окончивъ работу, рукой безошадной
 Снова двоихъ онъ изъ насъ подхватилъ и попрежнему съѣлъ
 ихъ.

345 Тутъ подошелъ я отважно и рѣчь обратилъ къ людоеду,
 Полную чашу вина золотого ему предлагая:
 Выпей, циклопъ, золотого вина, человекѣцкимъ насытись
 Мясомъ; узнаешь, какой драгоценный напитокъ на нашемъ
 Былъ кораблѣ; для тебя я его сохранилъ, уповая
 350 Милость въ тебѣ обрѣсти: но свирѣпствуешь ты нестерпимо.
 Кто же впередъ, безошадный, тебя посѣтитъ изъ живущихъ
 Многихъ людей, о твоихъ незаконныхъ поступкахъ услышавъ?
 Такъ говорилъ я; взявъ чашу, ее осушилъ онъ, и вкуснымъ
 Крѣпкій напитокъ ему показался; другой попросилъ онъ
 355 Чаши: налей мнѣ, сказалъ онъ, еще и свое назови мнѣ
 Имя, чтобъ могъ приготовить тебѣ я приличный подарокъ.
 Есть и у насъ, у циклоповъ, роскошныхъ кистей винограда
 Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ;

Твой же напитокъ — амврозія чистая съ нектаромъ сладкимъ.

³⁶⁰Такъ онъ сказалъ, и другую я чашу виномъ искрометнымъ

Налилъ. Еще попросилъ онъ, и третью безумцу я подаль.

Стало шумѣть огневое вино въ головѣ людодѣа.

Я обратился къ нему съ обольстительно-сладкою рѣчью:

Славное имя мое ты, циклопъ, любовицтвуетъ съдѣать,

³⁶⁵Съ тѣмъ, чтобъ меня угостить, и обычный мнѣ сдѣлать подарокъ?

Я называюсь Никто; мнѣ такое названіе дали

Мать и отецъ, и товарищи такъ всѣ меня величаютъ.

Съ злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ людодѣа звѣронравный:

Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый послѣдній

³⁷⁰Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой подарокъ.

Тутъ повалился онъ навзничъ, совсѣмъ опьянѣлый; и на бокъ

Свисла могучая шея и всепобѣждающей силой

Сонъ овладѣлъ имъ; вино и куски человѣчьяго мяса

Выбросилъ онъ изъ разинутой пасти, не въ мѣру напившись.

³⁷⁵Коль свой доставъ, мы его остріемъ на огонь положили;

Тотчасъ зардѣлъ онъ; тогда я, товарищей выбранныхъ бликнувъ,

Ихъ ободрилъ, чтобъ со мною рѣшительны были въ опасномъ

Дѣлѣ. Уже начиналъ положенный на уголья коль нашъ

Пламя давать, разгорѣвшись, хотя и сырой былъ; посигѣшно

³⁸⁰Вынулъ его изъ огня я; товарищи смѣло съ обоихъ

Стали боковъ—божество въ нихъ конечно вложило отважность;

Коль обхватили они и его остріемъ раскаленнымъ

Втиснули спящему въ глазъ; и, съ конца приподнявши, его я

Началъ вертѣть, какъ вертитъ буравомъ корабельный строитель,

³⁸⁵Толстую доску пронзая; другіе жъ ему помогаютъ, ремнями

Острый буравъ обращая, и въ доску вгрызаясь, визжитъ онъ.

Такъ мы, его съ двухъ боковъ обхвативши руками, проворно

Коль свой вертѣли въ пронзенномъ глазу: облился онъ горячей

Кровью; истгѣли рѣсницы, шершавыя вспыхнули брови;

³⁹⁰Яблоко лопнуло; выбрызнулъ глазъ, на огнѣ зашипѣвши.

Такъ расторопный ковачъ, изготовивъ топоръ иль сѣкиру,
 Въ воду металлъ [на огнѣ раскаливши его, чтобъ двойную
 Крѣдость имѣлъ] погружаетъ и звонко шипитъ онъ въ холодной
 Влагѣ: такъ глазъ зашипѣлъ, остриемъ раскаленнымъ пронзен-
 ный.

³⁹⁵ Дико завылъ людоѣдъ—застонала отъ воля пещера.

Въ страхъ мы кинулись прочь; съ несказанной свирѣпостью выр-
 вавъ

Коль изъ пронзеннаго глаза, облитый кипучею кровью,
 Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырнулъ; въ изступлении
 Началъ онъ крикомъ циклоповъ сзывать, обитавшихъ въ глубо-
 кихъ

⁴⁰⁰ Гротахъ окрестъ и на горныхъ, лобзаемыхъ вѣтромъ, верши-
 нахъ.

Громкіе вопли услышавъ, отсюду сбѣжались циклопы;
 Входъ обступили пещеры они и спросили: зачѣмъ ты
 Созвалъ насъ всѣхъ, Полифемъ? Что случилось? На что ты
 Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи божественной прервалъ?

⁴⁰⁵ Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты
 Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль силою губить?

Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ
 Ревомъ: Никто! Но своей я оплошностью гибну; Никто бы
 Силою не могъ повредить мнѣ. Въ сердцахъ закричали циклопы:

⁴¹⁰ Если никто, для чего же одинъ такъ ревешь ты? Но если
 Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не пѣбѣгнешь.

Въ помощь отца своего призови Посидона владыку.

Такъ говорили они удаляясь. Во мнѣ же смѣялось
 Сердце, что вымысломъ имени всѣхъ мнѣ спасти удалось.

⁴¹⁵ Охая тяжко, съ крихтеньемъ и стономъ ошаривъ руками
 Стѣны, циклопъ отодвинулъ отъ входа скалу, передъ нею
 Сѣлъ и огромныя вытянулъ руки, надѣясь что въ стадѣ,
 Мимо его проходящемъ, насъ всѣхъ переловить; конечно
 Думалъ свирѣпый глупецъ, что и я былъ, какъ онъ, безъ разсудка.

⁴²⁰ Я жъ осторожнымъ умомъ вымышлялъ и обдумывалъ средство,
 Какъ бы себя и товаришей бодрыхъ избавить отъ вѣрной

Гибели; многія хитрости, разные способы тицетно
 Мыслямъ моимъ представлялись, а бѣдствіе было ужъ близко.
 Вотъ что, по думанью долгомъ, удобнѣйшимъ мнѣ показалось:
⁴²⁵Были бараны большіе, покрытые длинною шерстью,
 Жирные, мощные въ стадѣ; руно ихъ какъ шелкъ волновалось.
 Я потихоньку сплетенными крѣпкими лыками, вырвавъ
 Ихъ изъ рогожи, служившей постелею злому циклопу,
 По три барана связалъ; человѣкъ былъ подвязанъ подъ каждыиъ
⁴³⁰Среднимъ, другими двумя по бокамъ защищенный; на каж-

дыиъ

Трехъ былъ одинъ изъ товарищей нашихъ; а самъ я?... Дебелый,

Рослый, съ роскошною шерстью былъ въ стадѣ баранъ: обхвативши

Мягкую спину его, я повисъ на рукахъ подъ шершавымъ
 Брюхомъ; а руки [въ руно несказанно-густое впустивъ ихъ]
⁴³⁵Длинною шерстью обвилъ и на ней терпѣливо держался.
 Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ.
 Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:
 Къ выходу всѣ побѣжали самцы и козлы и бараны;
 Матки жъ, еще недоенныя, жалко бляели въ закутахъ,
⁴⁴⁰Брызжа изъ длинныхъ сосцовъ молокомъ; господничъ ихъ, отъ
 боли

Охая, щупаль руками у всѣхъ, пробѣгающихъ мимо,
 Пышныя спины; но, глупый, онъ былъ угадать неспособенъ,
 Чтò у пныхъ подъ волнистой скрывалось грудью; послѣдній
 Шель мой баранъ; и медлительнымъ шагомъ онъ шель, отяг-

ченный

⁴⁴⁵Длинною шерстью п мной, размышлявшимъ въ то время о
 многомъ.

Спину ощулавъ его, съ нимъ циклопъ разговаривать началъ:
 Ты ль, мой прекрасный любимецъ? Зачѣмъ же пещеру послѣдній
 Нынѣ покинулъ? Ты прежде лѣнивъ и медлителенъ не былъ.
 Первый всегда, величаво ступая, на лугъ выходилъ ты
⁴⁵⁰Сладкоцвѣтущей травкою питаться; ты въ полдень къ потоку

Первый бѣжалъ, и у всѣхъ впереди возвращался въ пещеру
Вечеромъ. Нынѣ жъ идешь ты послѣдній; знать чувствуешь
самъ ты,

Бѣдный, что око мое за тобой ужъ не смотреть; лишень я
Свѣтлаго зрѣнія гнуснымъ бродягою; здѣсь онъ виномъ мнѣ
⁴⁵⁵Умъ отуманилъ, его называютъ Никто; но еще онъ
Власти моей не избѣгнулъ! Когда бы мой другъ, говорить ты
Могъ, ты сказалъ бы, гдѣ спрятался врагъ ненавистный; я че-
репъ

Вмигъ раздробилъ бы ему и разбрызгалъ бы мозгъ по пещерѣ,
Оземъ ударивъ его и на части раздернувъ; отмстилъ бы
⁴⁶⁰Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойникъ,
Здѣсь мнѣ нанесъ. Такъ сказавъ, онъ барана пустилъ на сво-
боду.

Я жъ, недалеко отъ входа пещеры и внѣшней ограды
Первый ставъ на ноги, спутниковъ всѣхъ отвязалъ, и немедля
Съ ними все стадо козловъ тонконогихъ и жирныхъ барановъ
⁴⁶⁵Собралъ; обходами многими ихъ мы погнали на взморье
Къ нашему судну. И сладко товарищамъ было насъ встрѣтить,
Гибели вѣрной избѣгшихъ; хотѣли о милыхъ погибшихъ
Плакать они; но мигнувъ имъ глазами, чтобъ плачь удержали,
Стадо козловъ и барановъ взвести на корабль нашъ немедля
⁴⁷⁰Я повелѣлъ: отойти мнѣ отъ берега въ море хотѣлось.

Люди мои собралися и, сѣвши на лавкахъ у весель,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды;
Но, на такое отилывъ разстоянье, въ какомъ человѣчій
Явственно голосъ доходитъ до насъ, закричалъ я циклопу:
⁴⁷⁵Слушай, циклопъ безопадный, впереди беззащитныхъ гостей ты

Въ гротѣ глубокомъ своемъ не губи и не ѣшь; святотатнымъ
Дѣломъ всегда на себя навлекаемъ мы вѣрную гибель;
Ты, злочестивецъ, дерзнулъ иноземцевъ, твой домъ посѣтив-
шихъ,

Звѣрски сожрать—наказали тебя и Зевесъ и другіе
⁴⁸⁰Боги блаженные. Такъ я сказалъ; онъ, ужасно взбѣшенный,

Тяжкій утесъ отъ вершины горы отломилъ и съ размаха
 На голосъ кинулъ: утесъ, пролетѣвши надъ судномъ, въ пучину
 Рухнулъ такъ близко къ нему, что его черноостраго носа
 Чуть не расшибъ; всколыхалось море отъ падшей громады;
⁴⁸⁵Хлынувъ, большая волна побѣжала стремительно къ берегу;
 Схваченный ею, обратно къ землѣ и корабль нашъ помчался.
 Длинною жердью я въ берегъ песчаный уперся и судно
 Прочь отвалилъ; а товарищамъ, молча, кивнулъ головою,
 Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть
⁴⁹⁰Близкой бѣды; всѣ, нагнувшись, разомъ ударили въ весла.
 Бывъ на двойномъ разстоянн отъ страшнаго берега, опять я
 Началъ кричать, вызывая циклопа. Товарищи въ страхѣ
 Всѣ убѣждали меня замолчать и его не тревожить.
 Дерзкій, они говорили, зачѣмъ ты чудовище дразнишь?
⁴⁹⁵Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ кораблемъ насъ не
 бросилъ

На берегъ снова; едва не постигла насъ вѣрная гибель.
 Если теперь онъ чей голосъ иль слово какое услышитъ,
 Голову намъ раздробитъ и корабль нашъ въ куски изломаетъ,
 Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же онъ вѣрпо доброситъ.
⁵⁰⁰Такъ говорили они; но, упорствуя дерзостнымъ сердцемъ,
 Я продолжалъ раздражать оскорбительной рѣчью циклопа:
 Если, циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ,
 Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты на это отвѣт-
 ствуй:

Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта
⁵⁰⁵Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкололъ глазъ
 мой.

Такъ я сказалъ. Заревѣлъ онъ отъ злости и громко воскликнулъ:
 Горе! пророчество древнее нынѣ сбылось надо мною;
 Нѣкогда былъ здѣсь одинъ предсказатель великій и мудрый
 Тѣлемъ, Эвритіевъ сынъ, знаменитѣйшій въ людяхъ всевидецъ;
⁵¹⁰Жилъ и состарѣлся онъ, прорицая, въ землѣ у циклоповъ.
 Вѣдая все, что должно совершиться въ грядущемъ, предрекъ онъ
 Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое уничтожить.

Я же все думалъ, что явится мужъ благовидный, высокій
 Ростомъ, божественной силою мышцъ обладающій смертный....
⁵¹⁵Что же? Меня малорослый уродъ, человѣчишко хилый
 Зрѣнья лишилъ, напередъ вѣроломно виномъ опьянивши.
 Если жъ ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
 Стану молить Посидона, чтобъ путь совершилъ ты безбѣдно
 По морю; сынъ я ему; онъ отцомъ мнѣ слыветъ; и одинъ онъ,
⁵²⁰Если захочетъ, погнбшее зрѣнье мое возвратитъ мнѣ
 Можетъ — одинъ онъ, никто изъ людей, и никто изъ бессмерт-
 ныхъ.

Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвѣтствуя, громко воскликнулъ:
 О, когда бы я такъ же могъ вѣрно и гнусную вырвать
 Душу твою изъ тебя и къ Аиду низвергнуть, какъ вѣрно
⁵²⁵То, что тебѣ колебатель земли не воротитъ ужъ глаза!
 Такъ отвѣчалъ я; тутъ началъ онъ, къ звѣздному небу поднявши
 Руки, молиться отцу своему Посидону владыкѣ:
 Царь Посидонъ земледержецъ, могучій, лазурнокудравый,
 Если я сынъ твой и ты мнѣ отецъ, то не дай, чтобъ достигнулъ
⁵³⁰Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель, Лаэртонъ
 Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпившій. Когда же
 Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ мой губитель, чтобъ въ
 домъ свой
 Царскій достигнулъ, чтобъ въ милую землю отцовъ возвратился,
 Дай, чтобъ по многихъ напастяхъ, утративъ спутниковъ,
 поздно
⁵³⁵Прибылъ туда на чужомъ кораблѣ онъ и встрѣтилъ тамъ
 горе.

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Посидономъ услышанъ.
 Тутъ онъ огромнѣйшій перваго камень схватилъ и съ размаху
 Въ море его съ непомѣрною силою швырнулъ; загудѣвши,
 Онъ позади корабля темноносаго съ шумомъ великимъ
⁵⁴⁰Грнулся въ воду такъ близко къ нему, что едва не расплюс-
 нулъ

Нашей кормы; всколыхалось море отъ падшей громады;
 Судно жъ волною помчалось впередъ къ недалекому берегу

Острова козъ; и вошли мы обратно въ ту пристань, гдѣ наши
 Въ мѣстѣ защитномъ оставлены были суда, гдѣ печально
⁵⁴⁵Спутники въ скугѣ сидѣли и ждали, чтобъ мы воротились.
 Къ берегу приставъ, быстроходный корабль на песокъ мы вста-
 щили;

Сами же вышли на брегъ, поражаемый шумно волнами.
 Тучныхъ циклоповыхъ козъ и барановъ собравши, добычу
 Стали дѣлить мы, чтобъ каждому должный достался участокъ;
⁵⁵⁰Мнѣ же отъ свѣтлообутыхъ сопутниковъ въ даръ былъ особо
 Главный назначенъ баранъ и его принесли мы на брегъ
 Въ жертву Кроніону, тучъ собирателю, Зевсу владыкѣ.
 Тучныя бедра предъ нимъ мы сожгли. Но, отвергнувъ онъ
 жертву,

Сталъ замышлять, чтобъ бѣды претерпѣвъ, напоследокъ и
 всѣхъ я

⁵⁵⁵Спутниковъ вѣрныхъ и всѣхъ кораблей крѣпкозданныхъ
 лишился.

Жертву принеши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
 Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.

Тою порою померкнуло солнце и тьма наступила;
 Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ брегъ.

⁵⁶⁰Вышла изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эось;
 Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, я велѣлъ, чтобъ они на про-
 ворныхъ

Всѣ корабляхъ собралися и всѣ отвязали канаты.

Спутники всѣ собралися и, сѣвши на лавгахъ у весель,
 Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.

⁵⁶⁵Далѣе поплыли мы въ сокрушенъи великомъ о милыхъ
 Мертвыхъ; но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ВЕЧЕРЬ ТРИЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей продолжаетъ рассказывать свои приключенія. Прибытіе на
 островъ Эолю. Эоль, повелитель вѣтровъ, даетъ Одиссею провод-

ниномъ Зефира, и вручаетъ ему крѣпко завязанный мѣхъ съ заключенными въ немъ прочими вѣтрами. Находясь уже въ виду Итаки, Одиссей засыпаетъ. Его сопутники развязываютъ мѣхъ; подымается сильная буря, которая приноситъ ихъ обратно къ Эолову острову. Но раздраженный Эоль повелѣваетъ Одиссею удалиться. Лестригоны истребляютъ одиннадцать кораблей Одиссеевыхъ; съ послѣднимъ пристааетъ онъ къ острову Цирцеи. Волшебница превращаетъ въ свиней его сопутниковъ, но Эрмій даетъ ему средство разрушить ея чародѣйство. Одиссей, одолѣвъ Цирцею, убѣждаетъ ее возвратитъ человеческій образъ его сопутникамъ. Проведя годъ на ея островѣ, онъ требуетъ наконецъ, чтобы она возвратила его въ отечество; но Цирцея повелѣваетъ ему прежде посѣтить Океанъ и у входа въ область Аида спросить прорицателя Тирезія о судьбѣ своей. Смерть Эльпенора.

Скоро на островъ Эолію прибыли мы; обитаетъ
Ипотовъ сынъ тамъ, Эоль благородный, богами любимый.
Островъ пловучій его неприступною мѣдной стѣною
Весь обнесенъ; берега жъ подымаются гладкимъ утесомъ.
5 Тамъ отъ супруги двѣнадцать дѣтей родилося Эолу,
Шесть дочерей свѣтлоликихъ и шесть сыновей многосильныхъ.
Выростивъ ихъ, сыновьямъ дочерей онъ въ супружество отдалъ.
Днемъ съ благороднымъ отцомъ и заботливой матерью вмѣстѣ
Всѣ за трапезой, уставленной яствами, сладко пируютъ
10 Въ залѣ они, благовонной отъ запаха пици и пѣньемъ
Флейтъ оглашаемой; ночью же, каждый съ своею супругой,
Спятъ на рѣзныхъ, дорогими коврами покрытыхъ кроватяхъ.
Въ градъ ихъ прибывши, мы въ домъ ихъ богатый вступили;
тамъ цѣлый
Мѣсяцъ Эоль угощалъ насъ радушно и съ жадностью слушалъ
15 Повѣсть о Троѣ, о битвахъ аргивянъ, о ихъ возвращеньи;
Все любопытный заставилъ меня рассказать по порядку.
Но напоследокъ, когда обратился я, въ путь изготовясь,
Съ просьбой къ нему отпустить насъ, на то согласясь благо-
склонно,
Далъ онъ мнѣ сшитый изъ кожи быка девятигодоваго
20 Мѣхъ съ заключенными въ немъ буреносными вѣтрами; былъ
онъ

Ихъ господиномъ, во волѣ Кроніона Діа, и всѣхъ ихъ
 Могъ возбуждать, плъ обуздывать, какъ приходило желанье.
 Мѣхъ на просторномъ моемъ кораблѣ онъ серебряной нитью
 Туго стянулъ, чтобъ ни малаго быть не могло дуновенья
²⁵Вѣтровъ; Зефиру лишь далъ повелѣнье дыханьемъ попутнымъ
 Насъ въ корабляхъ по водамъ провожать; но домой возвра-
 титься

Дій не судить намъ: своей безразсудностью всѣ мы погнѣши.
 Девять мы сутокъ и денно и ночью свой путь совершали:
 Вдругъ на десятыя сутки явился намъ берегъ отчины.

³⁰Былъ онъ ужъ близко; на немъ всѣ огни ужъ могли разли-
 чить мы.

Въ это мгновенье въ глубокой я сонъ погрузился, понеже
 Правиль до тѣхъ поръ кормилomъ одинъ, никому не желая
 Выбритъ его, чтобъ успѣшнѣй достигнуть отчины любезной.
 Спутники тою порой завели разговоръ; полагали

³⁵Всѣ, что съ собою имѣлъ серебра я и золота много,
 Мнѣ на прощаніи данныхъ царемъ благороднымъ Эоломъ.
 Глядя другъ на друга, такъ разсуждали они межъ собою:
 Боги! какъ всюду его одного уважаютъ и любятъ
 Люди, кабую бы землю и чье бы жилище ни вздумалъ

⁴⁰Онъ посѣтитъ. Ужъ и въ Троѣ онъ много сокровищъ отъ
 разныхъ

Собралъ добычъ; мы одно претерпѣли, одинъ совершили
 Путь съ нимъ — а въ домъ свой должны возвратиться съ пу-
 стыми руками.

Такъ и Эолъ; лишь ему одному онъ богатый подарокъ
 Сдѣлалъ; посмотримъ же, что имъ такъ плотно завязано въ
 этомъ

⁴⁵Мѣхъ: ужъ вѣрно найдемъ серебра тамъ и золота много.

Такъ говорили одни; ихъ одобрили всѣ остальные.
 Мѣхъ былъ развязанъ и шумно исторглися вѣтры на волю;
 Бурю воздвигнувъ, они съ кораблями ихъ, громко рыдавшихъ,
 Снова отъ берега отчины умчали въ открытое море.

⁵⁰Я пробудился и долго умомъ колебался, не зная

Что мнѣ избрать, самого ли себя уничтожить, въ пучину
 Бросясь, или, молча судьбѣ покорясь, межъ живыми остаться.
 Я покорился судьбѣ, и на днѣ корабля, завернувшись
 Въ мантию, тихо лежалъ. Къ Эолійскому острову снова
 55 Бурею наши суда принесло. Всѣ товарищи съ плачемъ
 Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
 Наскоро легкой обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ совершили.
 Свой удовольствовавъ голодъ ѣдой и питьемъ, я съ собою
 Взялъ одного изъ товарищей нашихъ съ глашатаемъ; прямо
 60 Къ дому Эола царя мы пошли и его тамъ застали
 Вмѣстѣ съ женой и со всѣми дѣтьми за семейнымъ обѣдомъ.
 Въ двери палаты вступивъ, я съ своими людьми на порогѣ
 Сѣлъ; изумилась царева семья; всѣ воскликнули вмѣстѣ:
 Ты ль Одиссей? Не зловредный ли Демонъ къ тебѣ прикоснулся?
 65 Здѣсь мы не все ль учредили, чтобъ ты безпрепятственно
 прибылъ

Въ землю отцовъ или въ иную какую желанную землю?
 Такъ говорили они; съ сокрушенъемъ души отвѣчалъ я:
 Сонъ роковой и безуміе спутниковъ мнѣ приключили
 Бѣдствіе злое; друзья, помогите; вамъ это возможно.
 70 Такъ я сказалъ, умоляющимъ словомъ смягчить ихъ надѣясь.
 Всѣ замолчали они; но отецъ мнѣ отвѣтствовалъ съ гнѣвомъ:
 Прочь, недостойный! немедля мой островъ покинь; неприлично
 Намъ подъ защиту свою принимать человѣка, который
 Такъ очевидно безсмертнымъ, блаженнымъ богамъ ненавистенъ.
 75 Прочь! ненавистный блаженнымъ богамъ и для насъ нена-
 вистенъ.

Кончивъ, меня онъ, рыдаваго жалобно, изъ дому выславъ.
 Далѣ поплыли мы въ сокрушеніи сердца великомъ.
 Люди мои, утомясь отъ гребли, утратили бодрость,
 Помощи всякой лишенные собственнымъ жалкимъ безумствомъ.
 80 Денно и ночью шесть сутокъ носясь по водамъ, на седьмыя
 Прибыли мы къ многовратному граду въ странѣ лестригоновъ
 Ламосу. Тамъ, возвращаясь съ поля, пастухъ вызываетъ
 На поле выйти другаго; легко бѣ несонливый работникъ

*

Плату двойную тамъ могъ получать, выгоняя пастися
⁸⁵Днемъ бѣлорунныхъ барановъ, а ночью быковъ криворогихъ;
 Ибо тамъ паства дневная съ ночью сближается паствой.
 Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы,
 Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлѣ
 Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны
⁹⁰Моря торчащими камнями, входъ и исходъ заграждая.
 Люди мои, съ кораблями въ просторную пристань проникнувъ,
 Ихъ утвердили въ ея глубинѣ и связали, у берега тѣснымъ
 Рядомъ поставивъ: тамъ волнѣ никогда ни великихъ ни малыхъ
 Нѣтъ, тамъ равниною гладкою лоно морское сіяетъ.
⁹⁵Я же свой черный корабль помѣстилъ въ отдаленнѣ отъ

прочихъ,

Около устья, канатомъ его привязавъ подъ утесомъ.
 Послѣ взошелъ на утесъ и стоялъ тамъ, кругомъ озираясь:
 Не было видно нигдѣ ни быковъ, ни работниковъ въ полѣ;
 Изрѣдка только, взвываяся, дымъ отъ земли подымался.
¹⁰⁰Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ я вы-

бралъ

[Третій былъ съ ними глашатай] и свѣдать послать ихъ, къ
 какимъ мы

Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ плодоносной, достигли?
 Гладкая скоро дорога представилась имъ, по которой
 Въ городъ дрова на возахъ съ окружающихъ горъ доставлялись -
¹⁰⁵Сильная дѣва имъ встрѣтилась тамъ, за водою съ кувшиномъ
 За городъ вышла она; лестригонъ Антифатъ былъ отецъ ей;
 Встрѣтились съ нею они при ключѣ Артакійскомъ, въ которомъ
 Черпали свѣтлую воду всѣ, жившіе въ городѣ близкомъ.
 Къ ней подошедши, они ей сказали: желаемъ узнать мы,
¹¹⁰Дѣва, кто властвуетъ здѣшнимъ народомъ и здѣшной страной?
 Домъ Антифата отца своего имъ она указала.

Въ домъ тотъ высокій вступивши, они тамъ супругу владыки
 Встрѣтили, ростомъ съ великую гору—они ужаснулись.
 Та же велѣла скорѣй изъ собранья царя Антифата

¹¹⁵Вызвать; и онъ, приближавъ на гибель товарищей нашихъ,

Жадно схватилъ одного и сожралъ; то увидя, другіе
Бросились въ бѣгство и быстро къ судамъ возвратилися; онъ же
Началъ ужасно кричать и встревожилъ весь городъ; на громкій
Крикъ отовсюду сбѣжалась толпа лестригоновъ могучихъ;

¹²⁰Много сбѣжалось ихъ, великанамъ, не людямъ подобныхъ.

Съ крути утесовъ они черезъ силу подъемные камни
Стали бросать; на судахъ поднялася тревога—ужасный
Крикъ убиваемыхъ, трескъ отъ крушенья снастей, тутъ зло-
счастливыхъ

Спутниковъ нашихъ, какъ рыбъ, нанизали на боля, и въ городъ
¹²⁵Всѣхъ унесли на съѣденіе. Въ то время, какъ бѣдственно
гибли

Въ пристани спутники, острый я мечъ обнажилъ и, отсѣвши
Крѣпкій канатъ, на которомъ стоялъ мой корабль темноносый,
Людямъ, собравшимся въ ужасъ, молча, кивнулъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ пзбѣгнуть

¹³⁰Близкой бѣды: уstraшенные дружно ударили въ весла.

Мимо стремистыхъ утесовъ въ открытое море успѣшно
Выплылъ корабль мой; другіе же всѣ невозвратно погибли.
Датѣе поплыли мы, въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ; но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.

¹³⁵Мы напоследокъ достигли до острова Эп. Издавна

Сладкорѣчивая, свѣтлокудрявая тамъ обитаетъ

Дѣва Цирцея, богиня, сестра кознодѣя Аэта.

Былъ ихъ родителемъ Гелиосъ, богъ, озаряющій смертныхъ;

Мать же была ихъ прекрасная дочь океанова, Перса.

¹⁴⁰Къ берегу крутому приставъ съ кораблемъ, потаенно вошли мы
Въ тихую пристань: дорогу намъ богъ указалъ благосклонный.

На берегъ вышелъ, на немъ мы остались два дня и двѣ ночи,
Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжелой печалію сердца.

Третій намъ день привела свѣтозарно-кудрявая Эось.

¹⁴⁵Взявши копье и двуострый свой мечъ опоясавъ, пошелъ я
Съ мѣста, гдѣ былъ нашъ корабль, на утесистый берегъ, чтобъ
свѣдать

Гдѣ мы? Не встрѣчу ль людей? Не послышится ль чей нибудь
голосъ?

Ставъ на вершинѣ утеса, я взоромъ окинулъ окрестность.

Дымъ, отъ земли путеносной вдали восходящій, увидѣлъ

¹⁵⁰Я за широкоразросшимся лѣсомъ въ жилищѣ Цирцен.

Долго разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зная я, идти ли

Къ мѣсту тому мнѣ, гдѣ дымъ отъ земли подымался багровый?

Дѣло обдумавъ, увѣрился я наконецъ, что удобнѣй

Было сначала на брегъ, гдѣ стоялъ нашъ корабль, возвратиться,

¹⁵⁵Тамъ отобѣдать съ людьми и, надежнѣйшихъ выбравъ, от-
править

Ихъ за вѣстями. Когда жъ къ кораблю своему подходилъ я,

Сжалился благостный богъ надо мной одинокимъ: навстрѣчу

Мнѣ онъ оленя богаторогатаго, тучнаго выслалъ;

Пажить лѣсную покинувъ, къ студеной рѣкѣ съ несказанной

¹⁶⁰Жаждой бѣжалъ онъ, измученный зноемъ полдневаго солнца.

Мѣткое бросивъ копье, поразилъ я бѣгущаго звѣря

Въ спину: ее проколовши насквозь, остриемъ на другой бокъ

Вышло копье; застоявъ, онъ упалъ и душа отлетѣла.

Ногу уперши въ убитаго, вынулъ копье я изъ раны,

¹⁶⁵Подлѣ него на землѣ положилъ и немедля болотныхъ

Гибкихъ тростинокъ нарвалъ, чтобъ веревку въ три локтя
длинною

Свить, переплетши тростишки и плотно скрутивъ ихъ.

Свивши веревку, связалъ я оленю тяжелому ноги;

Между ногами просунувши голову, взялъ я на плечи

¹⁷⁰Ношу, и съ нею пошелъ къ кораблю, на коньке опираясь;

Просто жъ ее на плечахъ я не могъ бы одною рукою

Снести: былъ чрезмѣрно огроменъ олень. Передъ судномъ на
землю

Бросилъ его я, людей разбудилъ, и привѣтствовалъ всѣхъ ихъ,

Такъ имъ сказать: ободритесь, товарищи, въ область Анда

¹⁷⁵Прежде, пока не наступитъ нашъ день роковой, не сойдемъ
мы;

Станемъ же нынѣ [ѣдой нашъ корабль запасенъ изобильно]

Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голодъ.

Было немедля мое повелѣнье исполнено; снявши

Верхнія платья, они собрались у бесплоднаго моря;

¹⁸⁰Всѣхъ ихъ олень изумилъ, несказанно-великій и тучный;

Очи свои удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ, умыли

Руки они и поспѣшно обѣдъ приготовили вкусныи.

Цѣлый мы день до вечерняго сумрака, сидя на брегѣ,

Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались;

¹⁸⁵Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тѣма наступила ночная;

Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.

Вышла изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эось.

Спутниковъ вѣрныхъ своихъ на совѣтъ пригласивъ, я сказалъ
имъ:

Спутники вѣрные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный:

¹⁹⁰Намъ неизвѣстно, гдѣ занадъ лежитъ, гдѣ является Эось,

Гдѣ свѣтоносный подъ землю спускается Гелиось, гдѣ онъ

На небо всходитъ; должны мы теперь совокупно размыслить,

Можно ли чѣмъ отъ бѣды намъ спастися; я думаю, нечѣмъ.

Съ этой крутой высоты я окрестность окинулъ глазами:

¹⁹⁵Островъ, безбрежною бездною морской, какъ вѣнцомъ, окру-
женный,

Плоско на влагѣ лежащій, увидѣлъ я; дымъ подымался

Густо вдали изъ широкорастающаго, темнаго лѣса.

Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце:

Въ память пришли имъ и злой лестригонъ Антифатъ и над-
менный

²⁰⁰Силою своею циклопъ Полифемъ, людоѣдъ святотатный;

Громко они застонали, обильнымъ потокомъ проливши

Слезы — напрасно; отъ слезъ и отъ стоновъ ихъ не было пользы.

Тутъ раздѣлнить я рѣшился товарищей мѣднообутыхъ

На двѣ дружины; одною дружиной начальствовалъ самъ я;

²⁰⁵Избранъ вождемъ былъ дружины другой Эврилохъ благо-
родный.

Жеребьи въ мѣдноокованномъ шлемѣ потомъ потрясли мы —

Вынулся жеребій твердому сердцемъ вождю Эврилоху.

Въ путь собрался онъ и съ нимъ двадцать два изъ товарищей
нашихъ.

Съ плачемъ они удалились, оставивъ насъ горемъ объятыхъ.

²¹⁰Скоро они за горами увидѣли брѣвнѣй Цирцеинъ
Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ откры-
томъ.

Около дома толпилися горные львы и лѣсные

Волки: питьемъ очарованнымъ ихъ укротила Цирцея.

Вмѣсто того, чтобъ напасть на пришельцевъ, они подбѣжали

²¹⁵Къ нимъ миролюбно, и ихъ окруживши, махали хвостами.

Какъ къ своему господину, хвостами махая, собаки

Ластятся — имъ же всегда онъ приносить остатки обѣда —

Такъ остролапые львы и шершавые волки къ пришельцамъ

Ластились. Ихъ появленьемъ они приведенные въ ужасъ,

²²⁰Къ дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспѣшно

Всѣ устремились. (Тамъ голосомъ звонкопріятнымъ богиня

Пѣла, сидя за широкой, прекрасной, божественно-тонкой

Тканью, какая изъ рукъ лишь богини бессмертной выходитъ.

Къ спутникамъ тутъ обратяся, Политось, мужей предводитель.

²²⁵Мнѣ межъ другими вѣрнѣйшій, любезнѣйшій другъ мой, ска-
заль имъ:

Слышите ль голосъ пріятный, товарищи? Кто-то, за тканью

Сидя, постъ тамъ, гармоніей всю наполняя окрестность.

Кто же? Богиня иль смертная? Голосъ скорѣй подадимъ ей.

Такъ онъ сказалъ имъ; они закричали, чтобъ вызвать пѣвицу.

²³⁰Вышла немедля она, и блестящую дверь растворивши,

Въ домъ пригласила вступить ихъ; забывъ осторожность, всту-
пили

Всѣ; Эврилохъ лишь одинъ назади, усомнившись, остался.

Чиномъ гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея

Смѣси изъ сыра и меду съ ячменной мукѣю и съ прамнейскимъ

²³⁵Свѣтлымъ виномъ подала имъ, подсыпавъ волшебнаго зелья

Въ чашу, чтобъ память у нихъ объ отчизнѣ пропала; когда же

Ею былъ поданъ, а ими оувѣданъ наштокъ, ударомъ

Быстрымъ жезла загнала чародѣйка въ свиную зауту

Всѣхъ; очутился тамъ каждый съ щетинистой кожей, съ свиною
²⁴⁰Мордой и съ хрюкомъ свиннымъ, не утративъ однако разсудка.
 Плачущихъ всѣхъ заперла ихъ въ закутѣ волшебница, бро-
 сивъ

Имъ желудей и свидины и буковыхъ дивихъ орѣховъ
 Въ пищу, къ которой такъ лакомы свиньи, любящія рыломъ
 Землю копать. Къ кораблю Эврилохъ прибѣжали той порою
²⁴⁵Съ вѣстью плачевой о бѣдствіи, спутниковъ нашихъ по-
 стигшемъ.

Долго не могъ, сколь ни силлся, слово сказать онъ, могучимъ
 Горемъ проникнутый въ сердце; слезами наполнены были
 Очи его, и душа въ немъ терзалась отъ скорби; когда же
 Всѣ мы его въ изумленьи великомъ разспрашивать стали,
²⁵⁰Такъ разсказалъ онъ мнѣ повѣсть о бѣдствіи посланныхъ
 нашихъ:

Лѣсъ перешедши, какъ ты повелѣлъ; Одиссей многославный,
 Скоро мы тамъ за горами увидѣли крѣпкій Цирценнъ
 Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ откры-
 томъ.

Въ немъ, мы услышали, гѣла прекрасно гѣвица, за тѣанью
²⁵⁵Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчасъ мы голосъ
 Подали; вышла она, и блестящую дверь растворивши,
 Въ домъ насъ вступити пригласила; забывъ осторожность,
 вступили

Всѣ; я остался одинъ назадъ, предузнавши погибель;
 Всѣ тамъ исчезли они и обратно никто ужъ не вышелъ.
²⁶⁰Долго я ждалъ; напослѣдое ушелъ, ничего не узнавши.
 Такъ онъ сказалъ; и немедля, надѣвъ на плечо среброгвозднй,
 Мѣднй, двуострый мой мечъ и схвативши свой тугосогбенный
 Лукъ, я велѣлъ Эврилоху меня проводить, возвратившись
 Той же дорогой со мною; но онъ, на колѣна въ великомъ
²⁶⁵Страхѣ упавъ, мнѣ съ рыданіемъ бросилъ крылатое слово:
 Нѣтъ, повелитель, позволь за тобой не ходить мнѣ; увѣренъ
 Я, что ни самъ ты назадъ не придешь, ни другихъ не воротишь
 Спутниковъ нашихъ; совѣтую лучше, какъ можно скорѣе

Бѣгствомъ спасаться, нль всѣ мы ужаснаго дня не минуемъ.

²⁷⁰Такъ говорилъ Эврилохъ, и ему отвѣчая, сказалъ я:

Другъ Эврилохъ, принуждать я тебя не хочу; оставайся

Здѣсь, при моемъ кораблѣ утѣшаться питьемъ и ѣдою;

Я же пойду; непреклонной нуждѣ покориться мнѣ должно.

Съ сими словами пошелъ я отъ моря, корабль тамъ оставивъ.

²⁷⁵Той же порой, какъ въ святую долину спустился, ужъ былъ я

Близко высокаго дома волшебницы хитрой Цирцеи,

Эрмій съ жезломъ золотымъ предъ глазами мои, нежданный,

Сталь, заступивъ мнѣ дорогу; плѣнительный образъ имѣлъ онъ

Юноши съ дѣвственнымъ пухомъ на свѣжихъ ланитахъ, въ
прекрасномъ

²⁸⁰Младости цвѣтѣ. Мнѣ ласково руку подавши, сказалъ онъ:

Стои, злополучный, куда по горамъ ты бредешь одиноко,

Здѣшняго края не вѣдая? Люди твои у Цирцеи;

Всѣхъ обратила въ свиней чародѣйка и хлѣвъ заперла свой.

Ихъ ты избавить спѣшишь; но и самъ, опасаясь, оттуда

²⁸⁵Цѣль не уйдешь; и съ тобою случится, что съ ними случи-
лось.

Слушай однако: тебя отъ бѣды я великой избавить

Средство имѣю; дамъ зелья тебѣ; ты въ жилище Цирцеи

Смѣло поди съ нимъ; оно охранить отъ ужаснаго часа.

Я же тебѣ расскажу о волшебствахъ коварной богини:

²⁹⁰Пойло она приготовить и зелья въ то пойло подсыпать.

Но надъ тобой не подѣйствуютъ чары; чудесное средство,

Данное мною, ихъ силу разрушить. Послушай: какъ скоро

Мощнымъ жезломъ чародѣйнымъ Цирцея къ тебѣ прикоснется,

Острый свой мечъ обнаживъ, на нее устремись ты немедля,

²⁹⁵Быстро, какъ будто ее умертвить вознамѣрясь; въ испугѣ

Станетъ на ложе съ собою тебя призывать чародѣйка —

Ты не подумай отречься отъ ложа богини: избавишь

Спутниковъ, будешь и самъ гостелюбно богиню принять.

Только потребуй, чтобъ прежде она поклялася великой

³⁰⁰Клятвой, что вреднаго замысла противъ тебя не имѣть;

Иначе мужество, ею разслабленный, все ты утратишь.

Съ сими словами растение мнѣ подавъ божественный Эрмій,
 Вырвавъ его изъ земли и природу его объяснивъ мнѣ:
 Корень былъ черный, подобенъ былъ цвѣтъ молоку бѣлизною;
³⁰⁵Мѣли его называютъ безсмертные; людямъ опасно
 Съ корнежь его вырывать изъ земли, но богамъ все возможно.
 Эрмій, подавъ мнѣ растение, на свѣтлый Олимпъ удалился.
 Я же пошелъ вдоль лѣснстаго острова къ дому Цирпей,
 Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
³¹⁰Ставъ передъ дверью прекраснокудрявой богини, я громко
 Началъ ее вызывать; и услышавъ мой голосъ, не медля
 Вышла она, отворила блестящія двери, и въ домъ дружелюбно
 Мнѣ предложила вступить; съ сокрушеніемъ сердца вступилъ я.
 Введши въ покои меня и на стулъ посадивъ среброгвоздный
³¹⁵Рѣдкой работы [для ногъ же была тамъ сямейка], богиня
 Въ чашу златую влила для меня свой напитокъ; но прежде,
 Злое замысливъ, подсыпала зелья въ него; и когда онъ
 Ею былъ поданъ, а мною безвредно отвѣданъ, свершила
 Чару она, давъ ударъ мнѣ жезломъ и сказалъ мнѣ такое
³²⁰Слово: иди, и свиньею валяйся въ закутѣ съ другими.
 Я же свой мечъ изопренный извлекъ и его, подбѣжавъ къ ней,
 Поднялъ, какъ будто ее умертвить вознамѣрившись; громко
 Вскрикнувъ, она отъ меча увернулась, и съ плачемъ великимъ
 Сжавши колѣна мои, мнѣ крылатое бросила слово:
³²⁵Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?
 Я въ изумлени; питья моего ты отвѣдалъ и не былъ
 Имъ превращенъ; а доселѣ никто не избѣгъ чародѣйства,
 Даже и тотъ, кто не пивъ, лишь губами къ питью прикасался.
 Сердце желѣзное бьется въ груди у тебя; и конечно
³³⁰Ты Одиссей, многохитростный мужъ, о которомъ давно мнѣ
 Эрмій, носитель жезла золотого, сказалъ, что сюда онъ
 Будеть, на черномъ плывя кораблѣ отъ разрушенной Трои.
 Вдвини же въ ножны мѣдноострый свой мечъ и со мною
 Ложе мое раздѣли: сочетавшись любовью на сладкомъ
³³⁵Ложѣ, другъ другу довѣрчиво сердце свое мы откроемъ.
 Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказала я:

Какъ же могу, о Цирцея, твоимъ быть довѣрчивымъ другомъ,
 Если въ свиней обратила моихъ ты сопутниковъ? Мнѣ же,
 Гибельный вѣрно замысла обманъ, ты теперь предлагаешь
 340 Ложе съ тобой раздѣлить, затворившись въ твоей почивальнѣ —

Тамъ у меня безоружнаго мужество все ты похитишь.
 Нѣтъ, не надѣйся, чтобъ ложе твое раздѣлил я съ тобою
 Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
 Клятвы, что вреднаго замысла противъ меня не имѣешь.
 345 Тагъ я сказалъ, и Цирцея богами великими стала
 Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила,
 Съ нею въ ея почивальнѣ я легъ на прекрасное ложе.
 Тою порою заботились въ свѣтлыхъ покояхъ четыре
 Дѣвы, служанки проворныя, все учреждавшія въ домъ;
 350 Всѣ онѣ дочери были прекрасныя роцъ и ключей и священныхъ

Рѣкъ, въ необъятное лоно глубокаго моря бѣгущихъ.
 Дѣва одна, положивши на кресла подушки, постлала
 Пышныя сверху ковры, на ковры жъ полотняныя ткани.
 Къ каждому кресламъ другая серебряный чудной работы
 355 Столъ пододвинула съ хлѣбомъ въ златыхъ драгоценныхъ
 корзинахъ.

Третья смѣшала въ кратерѣ серебряной воду съ медвянымъ,
 Сладкимъ виномъ; на столы же поставила кубки златые.
 Свѣтлой воды принесла напоследокъ четвертая дѣва:
 Яркій огонь разложивъ подъ треножнымъ котломъ, вскипятила
 360 Воду она; вскипятивши же воду въ котлѣ, осторожно
 Стала сама, изъ котла подливая воды вскипяченной
 Въ свѣжую воду, плеча орошать мнѣ и голову теплою
 Влагой: и тѣмъ прекратилось томившее духъ расслабленье
 Тѣла. Когда жъ и омыть я и чистымъ натертъ былъ елеемъ,
 365 Легкій надѣвши хитонъ и косматую мантию, съ дѣвой
 Въ свѣтлый побой я вступилъ, и она къ среброгвозднымъ,
 богатымъ

Кресламъ меня проводила—была тамъ дѣя ногъ и скамейка.

Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть мнѣ
 Полный студеной воды золотой рукою и никъ рабыня,
 370 Гладкій потомъ подоdvинула столъ; на него положила
 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
 Выданнымъ ею охотно и стала меня дружелюбно
 Подчивать вкусною пищею; но пища была мнѣ противна.
 Думой объятый, сидѣлъ я съ недобрымъ предчувствіемъ въ
 сердцѣ.

375 Видя, что думой объятый сижу и что къ лакомой пищѣ
 Рукъ не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
 Близко ко мнѣ подошедши, крылатое бросила слово:
 Что у тебя на душѣ, Одиссей? Отчего такъ уныло
 Здѣсь ты сидишь, какъ нѣмой, ни ѣды ни питья не вкушая?

380 Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасентъ
 Страхъ твой; ты слышала, тебѣ покланясь я великою клятвой.
 Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказала я:

О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящій,
 Мужъ согласится себя утѣшать и питьемъ и ѣдою,

385 Прежде, пока не увидитъ своими глазами спасенья
 Спутниковъ? Если желаешь, чтобъ пищи твоей я коснулся,
 Спутниковъ дай мнѣ спасенье своими глазами увидѣть.

Такъ я сказала, и немедля съ жезломъ изъ покоевъ Цирцея
 Вышла, къ заутѣ свиной подошла, и ее отворивши,

390 Ихъ, превращенныхъ въ свиней девятигодовалыхъ, оттуда
 Вывела; стали они передъ нею; она жъ, обошедъ ихъ
 Всѣхъ, поочередно помазала каждаго мазью, и разомъ
 Снала съ ихъ тѣла щетина, его покрывавшая густо
 Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Цирцея дала имъ волшебнаго
 зелья;

395 Прежній свой видъ возвративъ, во мгновенье всѣ стали
 моложе,

Славами крѣпче, красивѣй лицомъ и возвышеннѣй станомъ;
 Всѣ во мгновенье узнали меня и ко мнѣ протянули
 Радостно руки; потомъ зарыдали отъ скорби; ихъ воплемъ
 Домъ огласился; проникнула жалость и въ душу Цирцеи.

⁴⁰⁰Близко ко мнѣ подошедши богиня богинь мнѣ сказала:
 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Медлить не должно; поди на песчаное взморье и вѣрнымъ
 Спутникамъ всѣмъ совокупно втащить повели на зыбучій
 Берегъ корабль твой; потомъ, всѣ богатства и снасти въ пещерѣ
⁴⁰⁵Скрывъ и товарищей взявши съ собою, сюда возвратися.

Такъ мнѣ сказала, и я покорился ей мужескимъ сердцемъ.
 Шагомъ поспѣшнымъ пришедъ къ кораблю на песчаное взморье,
 Близъ корабля я на брегѣ нашель всѣхъ товарищей вѣрныхъ,
 Стонушихъ громко, изъ глазъ избыльныя слезы люющихъ.

⁴¹⁰Какъ запертыя въ закутахъ телята, увидя идущихъ
 Съ паствы коровъ, напятавшихся сочной травой луговою,
 Всѣ имъ навстрѣчу бѣгутъ, изъ заградъ вырываяся тѣсныхъ,
 Всѣ окружаютъ, мыча, возвратившихся съ пажити матокъ:
 Такъ побѣжали толпою, увидя меня издалека,

⁴¹⁵Спутники всѣ мнѣ навстрѣчу; и сильно проникла ихъ сердце
 Радость, какъ будто бѣ въ родную они возвратились Итаку,
 Въ наше отечество милое, гдѣ родились и цвѣли мы.
 Горько заплакавъ, они мнѣ крылатое бросили слово:

Радостно намъ возвращенье твое, повелитель, какъ будто бѣ

⁴²⁰Въ наше отечество, въ нашу Итаку мы вдругъ возвратились.

Но не скрывайся, скажи, гдѣ товарищи? Что ихъ постигло?

Такъ говорили они, вопрошая; имъ такъ отвѣчалъ я:

Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучій
 Берегъ всташите; въ пещерѣ потомъ всѣ богатства и снасти

⁴²⁵Скройте; потомъ соберитесь и слѣдуйте смѣло за мною.

Къ спутникамъ васъ поведу я въ святую обитель Цирцеи.

Всѣхъ ихъ, питьемъ и ѣдой веселящихся, тамъ вы найдете.

Было немедля мое повелѣнье исполнено ими.

Но Эврилохъ, вопреки мнѣ, хотѣлъ удержать ихъ; онъ смѣло,

⁴³⁰Голосъ возвысивъ, товарищамъ бросилъ крылатое слово:

Стойте; куда вы безумцы? За нимъ по слѣдамъ вы хотите

Въ домъ чародѣйки опасной идти? Но она превратитъ васъ

Всѣхъ иль въ свиней иль въ шершавыхъ волковъ иль въ лѣс-
 ныхъ густогривыхъ

Львовъ, чтобъ ея стерегли вы жилище; тамъ съ вами случится
⁴³⁵То жъ, что случилось въ пещерѣ циклопа, куда безразсудно
 Наши товарищи слѣдомъ за дерзкимъ вошли Одиссеемъ.

Онъ, необузданный, былъ ихъ погибели жалкой виною.
 Такъ говорилъ Эврилохъ и меня побуждало ужъ сердце
 Мечъ длинноострый схватить, и его обнаженною мѣдью

⁴⁴⁰Голову съ плечь непокорнаго сбросить на землю, хотя онъ
 Былъ мнѣ и родственникъ близкій; но спутники всѣ, удержавши
 Руку мою, обратили ко мнѣ миротворное слово:

Если желаешь, божественный, пусть Эврилохъ остается
 У моря здѣсь съ кораблемъ и его сторожить неусыпно;

⁴⁴⁵Мы же пойдемъ за тобою въ святую обитель Цирцея.

Всѣхъ ихъ отъ моря повелъ я, корабль нашъ покинувъ на
 брегѣ;

Но Эврилохъ не остался одинъ съ кораблемъ и за нами
 Слѣдомъ пошелъ, приведенный моими угрозами въ трепеть.

Тою порой остальные товарищи въ домъ Цирцея

⁴⁵⁰Баней себя освѣжили; душистымъ натершись елеемъ,
 Въ легкій хитонъ и косматую мантию каждый облекся.

Я, возвратясь, ихъ нашелъ за роскошной трапезой сидящихъ.

Свидясь съ друзьями и все рассказавъ о случившемся съ ними,
 Громко они зарыдали, ихъ воплемъ весь домъ огласился.

⁴⁵⁵Близко ко мнѣ подошедши, богиня Цирцея сказала:

Царь Одиссей, многохитростный мужъ, Лаэртидъ благородный,
 Всѣ вы свою укротите печаль и отъ слезъ воздержитесь;

Знаю довольно я, что на водахъ многогорьбаго моря,
 Что на землѣ отъ свирѣпыхъ людей претерпѣли вы; горе

⁴⁶⁰Бросивъ теперь, наслаждайтесь питьемъ и ѣдою, покуда

Въ вашей груди не родится то мужество снова, съ которымъ
 Нѣкогда въ путь вы пустились, разставшись съ отчизною милою,

Съ вашей суровой Итакою. Нынѣ въ безсиліи робкомъ,

Всѣ помышляя о странствіи бѣдственномъ, сердце веселью

⁴⁶⁵Вы затворяете—были велики страданія ваши.

Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.

Съ тѣхъ поръ вседневно, въ теченіе мы цѣлаго года

Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
 Но когда наконецъ обращенъ время совершенъ былъ
⁴⁷⁰Кругъ годовой, миновалися мѣсяцы, дни пролетѣли,
 Спутники всѣ приступили ко мнѣ съ убѣдительною рѣчью:
 Время, несчастный, тебѣ о возвратѣ въ Итаку подумать,
 Если угодно богамъ, чтобъ спаслся мы, чтобъ могъ ты уви-
 дѣть

Свѣтлобогатый свой домъ и отчизну и милыхъ домашнихъ.
⁴⁷⁵Такъ мнѣ сказали, и я покорился имъ мужескимъ сердцемъ.
 Весело весь мы тотъ день до вечерняго поздняго мрака
 Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тѣма наступила ночная.
 Спутники всѣ предались въ потемнѣвшихъ палатахъ покою.
⁴⁸⁰Я жъ, возвратясь къ Цирцеѣ, съ ней рядомъ на ложѣ рос-
 кошномъ

Легъ, и колѣна ея обхватилъ, и богинѣ, склонившей
 Слухъ свой ко мнѣ со вниманіемъ, бросилъ крылатое слово;
 О Цирцея! исполни свое обѣщанье—въ отчизну
 Насъ возвратить; сокрушается сердце по ней; въ сокрушенъи
⁴⁸⁵Спутники всѣ приступаютъ ко мнѣ и мою раздраютъ
 Душу [когда ты бываешь отсутственна] жалобнымъ плачемъ.
 Такъ говорилъ я и такъ, отвѣчалъ, сказала богиня:
 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Въ домѣ своемъ я тебя поневолѣ держать не желаю.
⁴⁹⁰Прежде однако ты долженъ, съ пути уклонясь, проникнуть
 Въ область Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона.
 Душу пророка, слѣпца, обладавшаго разумомъ зоркимъ,
 Душу Тирезія Фивскаго должно тебѣ спросить тамъ.
 Разумъ ему сохраненъ Персефоной и мертвому; въ адѣ
⁴⁹⁵Онъ лишь съ умомъ, всѣ другіе безумными тѣнями вѣютъ.
 Такъ говорила богиня; во мнѣ растерзалось сердце;
 Горько заплакалъ я, сидя на ложѣ; мнѣ стала противна
 Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго
 Рвался, и долго, простершись на ложѣ, рыдалъ безутѣшно.
⁵⁰⁰Но напоследокъ, богинѣ отвѣтствуя, такъ я сказалъ ей:

Кто жъ, о Цирцея, на этомъ пути провожатымъ мнѣ будетъ?
 Въ адѣ еще не бывалъ съ кораблемъ ни одинъ земнородный.
 Такъ вопросилъ я богиню, и такъ мнѣ она отвѣчала:
 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
⁵⁰⁵Вѣрь, кораблю твоему провожатый найдется; объ этомъ
 Ты не заботься; но, мачту поставивъ и парусъ поднявши,
 Смѣло плыви; твой корабль передамъ я Борю; когда же
 Ты, Океанъ въ кораблѣ поперегъ переплывши, достигнешь
 Низкаго берега, гдѣ дико растеть Персефонинъ шпрокій
⁵¹⁰Ибсь пзъ рахитъ, свой теряющихъ плодъ, и изъ тополей чер-

ныхъ,

Вздвинувъ на брегъ, подъ которымъ шумитъ Океанъ водоврат-
 ный,

Черный корабль свой, вступи ты въ Андову мглистую область.
 Быстро бѣжитъ тамъ Пирифлегетонъ въ Ахероново лоно
 Вмѣстѣ съ Коцитомъ, великою вѣтвю Стикса; утесъ тамъ
⁵¹⁵Видѣнъ и объ подъ нимъ многошумно сливаются рѣки.

А слушай теперь, и о томъ, что скажу, не забудь: (подъ утесомъ
 Выкопавъ яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
 Три соверши возліянія мертвымъ, всѣхъ вмѣстѣ призвавъ ихъ:
 Первое смѣсю медвяной, другое виномъ благовоннымъ,
⁵²⁰Третье водою, и все пересыпавъ мукою ячменной,
 Дай обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
 Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не имѣвшую, въ жертву
 Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоценностей много
 Бросить, Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо

⁵²⁵Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.

Постѣ [когда обѣщаніе дашь многославнымъ умершимъ]

Черную овцу и чернаго съ нею барана—къ Эреву

Ихъ обративъ головою, а самъ обратясь къ Океану—

Въ жертву тѣнямъ принеси; и къ тебѣ тутъ немедля великой

⁵³⁰Придутъ толпою отошедшія души умершихъ; тогда ты

Спутникамъ дай повелѣнье, содравши съ овцы и съ барана,

Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежащихъ въ крови передъ вами,

Кожу, ихъ бросить немедля въ огонь и призвать громогласно

Грозного бога Аида и страшную съ нимъ Персефону:

⁵³⁵Самъ же ты, острый свой мечъ обнаживши и съ нимъ передъ
ямой

Събъвъ, запрещай приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
Къ крови, покуда отвѣта не дасть вопрошенный Тирезій.

Скоро и самъ онъ, представъ предъ тобой, повелитель наро-
довъ,

Скажетъ тебѣ, гдѣ дорога, и дологъ ли путь, и успѣшно ль

⁵⁴⁰Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься.

Такъ говорила она; той порой златотронная Эосъ

Встала; богиня, въ хитонъ и хламиду меня облачивши,

Свѣтлосеребряной ризой изъ тонковоздушныя ткани

Нѣжныя плечи одѣла свои, золотымъ драгоценнымъ

⁵⁴⁵Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила.

Я же, чертоги ея перешедши, товарищей вѣрныхъ

Всѣхъ разбудилъ, и привѣтствіе каждому сдѣлавъ, сказалъ имъ:

Время, друзья, вамъ отъ сладкаго сна пробудиться; покиньте

Ложь; пойдемъ; насъ богиня сама побуждаетъ къ отъѣзду.

⁵⁵⁰Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.

Но и оттуда не могъ я отплыть безъ утраты печальной:

Младшій изъ всѣхъ на моемъ кораблѣ, Эльпеноръ, неотличный

Смѣлостью въ битвахъ, нещедро умомъ отъ боговъ одаренный,

Спать для прохлады ушелъ на площадку возвышенной кровли

⁵⁵⁵Дома Цирцеи священнаго, крѣпкимъ виномъ охмѣленный.

Шумные сборы товарищей, въ путь ужъ готовыхъ, услышавъ,

Вдругъ онъ вскочилъ, и отъ хмѣля забывъ, что назадъ обра-
титься

Долженъ былъ прежде, чтобъ съ кровли высокой сойти по сту-
пенямъ,

Прянулъ съ просонья впередъ, сорвался, и ударяся затылкомъ

⁵⁶⁰Оземь, сломилъ позвоночную кость, и душа отлетѣла

Въ область Аида. Тѣмъ временемъ спутникамъ такъ говорилъ я:

Мыслите вѣрно друзья вы, что въ милую землю отчизны

Мы возвращаемся? Путь намъ иной указала Цирцея:

Въ царствѣ Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона,

565 Душу Тирезія Оивскаго долженъ сперва спросить я.
 Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце;
 Пали на землю они, въ изступленіи волосы рвали,
 Все понапрасну—отъ слезъ и отъ воплей намъ не было пользы
 Всѣ къ своему кораблю, на песчаномъ стоявшему брегѣ,
 570 Вмѣстѣ пошли мы, печальные, льющіе слезы обильно.
 Тою порою на брегъ привела чернорунную овцу
 Съ чернымъ бараномъ Цирцея, и тамъ ихъ оставя, межъ нами
 Тихо прошла, невидимая... смертнымъ увидѣть не можно
 Бога, когда приходя къ нимъ, онъ хотеть остаться невидимъ.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Съверный вѣ-
 теръ приноситъ корабль его къ берегамъ киммеріянъ, гдѣ потокъ
 Океана ввергается въ море; совершивъ жертву тѣнямъ, Одиссей при-
 зываетъ ихъ. Явленіе Эльпенора; онъ требуетъ погребенія. Тѣнь
 Одиссеевой матери. Явленіе Тирезія и его предсказанія. Бесѣда
 Одиссея съ тѣнію матери. Тѣни древнихъ женъ выходятъ изъ Эрева
 и разсказываютъ о судьбѣ своей Одиссею. Онъ хотеть прервать свою
 повѣсть, но Алкиной требуетъ, чтобы онъ ее кончилъ, и Одиссей
 продолжаетъ. Явленіе Агамемнона, Ахиллеса съ Патрокломъ, Ан-
 тилохомъ и Аяксомъ. Видѣніе судящаго Миноса, звѣроловствующаго
 Оріона, казней Титія, Тантала и Сизифа, грознаго Ираклова образа.
 Незапный страхъ побуждаетъ Одиссея возвратиться на корабль, и
 онъ плыветъ обратно по теченію водъ океана.

Къ морю и къ ждавшему насъ на нескѣ кораблю собралися
 Всѣ мы и, сдвинувши черный корабль на священныя воды,
 Мачту на немъ утвердили и къ ней паруса привязали.
 Взявши барана и овцу съ собой, на корабль совокупно
 5 Всѣ мы взошли, сокрушенные горемъ, ллющіе слезы.
 Былъ намъ по темнымъ волнамъ провожатымъ надежнымъ по-
 путный

*

Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
 Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней;
 Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убралъ, мы спокойно
¹⁰Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинувся кормилу и вѣтру.
 Были весь день паруса путеводнымъ дыханіемъ полны.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
 Скоро пришли мы къ глубокотекущимъ водамъ Океана;
 Тамъ киммеріанъ печальная область, покрытая вѣчно
¹⁵Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
 Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль
 Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
 Съ неба ль звѣздами обильнаго сходитъ, къ землѣ обращаясь;
 Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ.
²⁰Судно, прибывъ, на песокъ мы встали; барана п овцу
 Взяли съ собой и пошли по теченію водъ Океана
 Берегомъ къ мѣсту, которое мнѣ указала Цирцея,
 Давъ Перимеду держать съ Эврилохомъ звѣрей, обреченныхъ
 Въ жертву, я мечъ обнажилъ мѣдноострый, и имъ ископавши
²⁵Яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
 Три совершилъ возліанія мертвымъ, мной призваннымъ вмѣстѣ:
 Первое смѣсю медвяной, второе виномъ благовоннымъ,
 Третье водой, и мукою ячменною все пересыпавъ,
 Далъ обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
³⁰Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не имѣвшую, въ жертву
 Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоцѣнностей много
 Бросить; Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо
 Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.
 Давъ обѣщанье такое и сдѣлавъ воззваніе къ мертвымъ,
³⁵Самъ я барана и овцу надъ ямой глубокой зарѣзалъ;
 Черная кровь полилася въ нее, и слетѣлись толпою
 Души усопшихъ, изъ темныя бездны Эрева поднявшись:
 Души невѣсть, малоопытныхъ юношей, опытныхъ старцевъ,
 Дѣвъ молодыхъ, о утратѣ недолгія жизни скорбящихъ,
⁴⁰Бранныхъ мужей, мѣдноострымъ копьемъ пораженныхъ смер-
 тельно

Въ битвѣ, и брѣни обрызганной кровью еще не сложившихъ.
 Всѣ онѣ, вылетѣвъ вѣстѣ безчисленнымъ роємъ изъ ямы,
 Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣд-
 нымъ.

Кликнувъ товарищей, имъ повелѣлъ я съ овцы и съ барана,
⁴⁵Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежавшихъ въ крови передъ нами,
 Кожу содрать и, огню ихъ предавши, призвать громогласно
 Грознаго бога Анда и страшную съ нимъ Персефону.
 Самъ же я мечъ обнажилъ изощренный и съ нимъ передъ ямой
 Сѣлъ, чтобъ мѣшать приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усоп-
 шихъ

⁵⁰Къ крови, пока мнѣ отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
 Прежде другихъ предо мною явилась душа Эльпенора;
 Бѣдный, еще не зарытый, лежалъ на землѣ путеносной.
 Не былъ онъ нами оплаканъ; ему не свершивъ погребенья,
 Въ домѣ Цирцеи его мы оставили; въ путь мы спѣшили.
⁵⁵Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье мнѣ душу пронизало.
 Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ крылатое слово:
 Скоро же, другъ Эльпеноръ, очутился ты въ царствѣ Анда!
 Пѣшій проворнѣе былъ ты, чѣмъ мы въ кораблѣ быстроходномъ.
 Такъ я сказалъ; престолавши печально, мнѣ такъ отвѣчалъ онъ:
⁶⁰О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей многославный,
 Демономъ злымъ погубленъ я и силой вина несказанной;
 Крѣпко на кровлѣ заснувъ, я забылъ, что назадъ надлежало
 Прежде пойти, чтобъ по лѣстницѣ съ кровли высокой спуститься
 Бросаясь впередъ, я упалъ, и затылкомъ ударившись оземь,
⁶⁵Кость изломалъ позвоночную: въ область Анда мгновенно
 Духъ отлетѣлъ мой. Тебя же любовью къ отсутственнымъ ми-
 лымъ,

Вѣрной женою, отцомъ, воспитавшимъ тебя, и цвѣтущимъ
 Сыномъ, тобой во младенческихъ лѣтахъ оставленнымъ дома,
 Нынѣ молю—[мнѣ извѣстно, что, область Анда повинувъ,
⁷⁰Ты въ кораблѣ возвратишься на островъ Цирцеи]—о! вспомни,
 Вспомни тогда обо мнѣ, Одиссей благородный, чтобъ не былъ
 Тамъ неоплаканный я и безгробный оставленъ, чтобъ гнѣва

Мстящихъ боговъ на себя не навлекъ ты мою бѣдоу.
 Бросивши трупъ мой со всѣми моими доспѣхами въ пламень,
 75 Холмъ гробовой надо мною насыпьте близъ моря сѣдаго;
 Въ памятный знакъ же о гибели мужа для позднихъ потомковъ
 Въ землю на холмѣ моемъ то весло водрузите, которымъ
 Нѣкогда въ жизни, вашъ вѣрный товарищъ, я волны тревожилъ.]
 Такъ говорилъ Эльпеноръ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
 80 Все, злополучный, какъ требуешь, мною исполнено будетъ.
 Такъ мы, печально бесѣдуя, другъ подлѣ друга сидѣли,
 Я, отгоняющій тѣни отъ крови мечемъ обнаженнымъ,
 Онъ, говорящій со мною, товарища прежняго призракъ.
 Вдругъ подошло, я увидѣлъ, ко мнѣ привидѣнье умершей
 85 Матери милой моей Антиклеи, рожденной великимъ
 Автоликономъ—ее межъ живыми оставилъ я дома,
 Въ Трою отплывъ. Я заплакалъ, печаль мнѣ проникнула душу;
 Но и ея, сколь ни тяжело то было душѣ, не пустилъ я
 Къ крови: мнѣ не далъ отвѣта еще прорицатель Тирезій.
 90 Скоро предсталъ предо мной и Тирезія Оивскаго образъ;
 Былъ онъ съ жезломъ золотымъ, и меня онъ узналъ, и ска-
 залъ мнѣ:
 Что, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Что, злополучный, тебя побудило, покинувъ предѣлы
 Свѣтлаго дня, подойти къ безотрадной обители мертвыхъ?
 95 Но отклонися отъ ямы и къ крови мечемъ не препятствуй
 Мнѣ подойти, чтобъ напившись, могъ я по правдѣ пророчить.
 Такъ онъ сказалъ; отклоняся отъ ямы, я мечъ среброгвоздный
 Вдвинулъ въ ножны; а Тирезій, напившись черныя крови,
 Слово ко мнѣ обратилъ и сказалъ мнѣ, по правдѣ пророча:
 100 Царь Одиссей, возвращенія сладкаго въ домъ свой ты жаж-
 дешь;
 Богъ раздраженный его затруднить несказанно, понеже
 Гонить тебя колебатель земли Посидонъ; ты жестоко
 Душу разгнѣвалъ его ослѣпленіемъ милаго сына.
 Но, и ему вопреки, и бѣды повстрѣчавъ, ты достигнуть
 105 Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйныхъ

Спутниковъ; съ ними ты къ острову знойной Тринакрин, бездну
Темнолазурнаго моря измѣривъ, корабль приведешь свой;
Тучныхъ быковъ и волнистыхъ барановъ пасеть тамъ издавна
Гелиосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.

¹¹⁰Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣтишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымеешь на нихъ, то пророчу погибель
Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избѣгнешь
Смерти, но бѣдственно въ домъ возвратишься, товарищей въ
морѣ

¹¹⁵Всѣхъ потерявъ, на чужомъ кораблѣ, и не радость тамъ
встрѣтишь:

Буйныхъ людей тамъ найдешь ты, твое достоянье губящихъ,
Мучащихъ дерзкимъ своимъ сватовствомъ Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты имъ отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, жениховъ, захватившихъ насильственно домъ
твой,

¹²⁰Въ немъ умертвишь иль обманомъ, иль явною силою — по-
кинувъ

Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
Также не зрѣвшихъ еще ни въ волнахъ кораблей быстрород-
ныхъ,

¹²⁵Пурпурно-грудыхъ, ни весель, носящихъ какъ мощныя крылья
Ихъ по морямъ — отъ меня же узнай несомнительный признакъ:
Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ:
Что за л о п а т у несешь на блестящемъ плечѣ иноземецъ?

Въ землю весло водрузи—ты окончилъ свое роковое
¹³⁰Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши
Въ жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочимъ богамъ, беспредѣльнаго неба владыкамъ,
Всѣмъ по порядку. И смерть не застигнетъ тебя на туманномъ

¹³⁵Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину

Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и па-
роднымъ

Счастьемъ богатый. И сбудется все, предреченное мною.

Такъ говорилъ мнѣ Тирезій; ему отвѣчая, сказала я:

Старець, пускай совершится, что мнѣ предназначили боги.

¹⁴⁰Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывал:

Матери милой я вижу отшедшую душу; близъ крови

Тихо сидитъ неподвижная тѣнь и какъ будто не смѣетъ

Сыну въ лицо поглядѣть изавестъ разговоръ съ нимъ. Скажи мнѣ,

Старець, какъ сдѣлать, чтобъ мертвая сына живаго узнала?

¹⁴⁵Такъ я его спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказала онъ:

Легкое средство на это, въ немногихъ словахъ я открою:

Та изъ безжизненныхъ тѣней, которой приблизиться къ крови

Дашь ты, разумно съ тобою начнетъ говорить; но безмолвно

Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови непустишь.

¹⁵⁰Съ сими словами обратно отшедши въ обитель Анда,

Скрылась душа прорицателя, мнѣ мой сказавшая жребій.

Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ: но ждалъ я недолго;

Къ крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.

Съ тяжкимъ вздохомъ она мнѣ крылатое бросила слово:

¹⁵⁵Какъ же, мой сынъ, ты живой могъ проникнуть въ туман-
ную область

Ада? Здѣсь все ужасаетъ живущаго; шумно бѣгутъ здѣсь

Страшныя рѣки, потоки великіе; здѣсь Океана

Воды глубокія льются; никто переплыть ихъ не можетъ

Самъ; то однимъ кораблямъ крѣпкозданнымъ возможно. Ска-
жи же,

¹⁶⁰Прямо ль отъ Трои съ своимъ кораблемъ и съ своими
людьми ты,

По морю долго скитавшись, прибылъ сюда? Неужели

Все не видалъ ни Итаки, ни дома отцовъ, ни супруги?

Такъ говорила она и, отвѣтствуя, такъ ей сказала я:

Милая мать, приведенъ я къ Анду нуждой всемогущей;

¹⁶⁵Душу Тирезія Оивскаго мнѣ спросить надлежало.

Въ землю ахейнъ еще я не могъ возвратиться: отчизны

Нашей еще не видалъ, безпріютно скитаюсь повсюду
 Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ съ великимъ царемъ Агамемно-
 номъ поплылъ

Въ градъ Иліонъ, изобильный конями, на гибель троянамъ.

¹⁷⁰Ты жъ мнѣ скажи откровенно, какую изъ Паркъ непре-
 клонныхъ

Въ руки навѣкъ усыпляющей смерти была предана ты?

Медленно ль тяжкимъ недугомъ? Иль вдругъ Артемида богиня
 Тихой стрѣлою своею тебя безъ болѣзни убла?

Также скажи объ отцѣ и о сынѣ, покинутыхъ мною:

¹⁷⁵Царскій мой санъ сохранился ли имъ? Иль другой ужъ на
 мѣсто

Избранъ мое и меня ужъ въ народѣ считаютъ погибшимъ?

Также скажи мнѣ, что дѣлаетъ дома жена Пенелопа?

Съ сыномъ ли вмѣстѣ живетъ, неизмѣнная въ вѣрности мужу?

Иль ужъ съ какимъ изъ ахейскихъ владыкъ сочелася брагомъ?

¹⁸⁰Такъ я ее спросилъ; Антиклея мнѣ такъ отвѣчала:

Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоешъ Пенелопа

Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ

Долгіе дни и бессонныя ночи въ слезахъ и печали;

Царскій твой санъ никому отъ народа не отданъ; безспорно

¹⁸⁵Дома своимъ Телемакъ достояньемъ владѣетъ, пирами

Всѣхъ угощая, какъ то облеченному саномъ высокимъ при-
 лично;

Всѣ и его угощаютъ роскошно. Лазртъ же не ходитъ

Болѣе въ городъ; онъ въ полѣ далеко живетъ, не имѣя

Тамъ ни одра, ни богатыхъ покрововъ, ни мягкихъ подушекъ;

¹⁹⁰Дома въ дождливое зимнее время онъ вмѣстѣ съ рабами

Спитъ на полу у огня, покровенный одеждой убогой;

Въ лѣтнюю жъ знойную пору иль поздней порою осенней

Всюду находитъ себѣ на землѣ онъ въ саду виноградномъ

Ложе изъ листьевъ опалыхъ, насыпанныхъ мягкою грудой.

¹⁹⁵Тамъ онъ лежитъ, и вздыхаетъ, и сердцемъ крушится, и
 плачетъ,

Все о тебѣ помышляя; и старость его безотраднa.

Кончилось такъ и со мной, и моя совершилась судьбина.
 Но не сестра Аполлонова съ лукомъ тугимъ Артемида
 Тихой стрѣлою своею меня безъ болѣзни убила,
²⁰⁰Также не медленный, мной овладѣвшій недугъ, растерзавши
 Тѣло мое, изъ него изнуренную душу исторгнулъ:
 Нѣтъ; но тоска о тебѣ, Одиссей, о твоемъ миролюбномъ
 Нравѣ и разумѣ свѣтломъ до срока мою погубила
 Сладостномилую жизнь. И умолкла она. Увлеченный
²⁰⁵Сердцемъ, объять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
 Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый, простеръ я,
 Три раза между руками моими она проскользнула
 Тѣнью иль сонной мечтой, изъ меня вырывая стенанье.
 Ей наконецъ, сокрушенный, я бросилъ крылатое слово:
²¹⁰Милая мать, для чего, изъ объятій моихъ убѣгая,
 Мнѣ запрещаешь въ жилищѣ Аида прижаться къ родному
 Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой подѣлиться?
 Иль Персефона могучая вмѣсто тебя мнѣ прислала
 Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое горе?
²¹⁵Такъ говорилъ я; мнѣ мать благородная такъ отвѣчала:
 Милый мой сынъ, злополучнѣйшій между людьми, Персефона,
 Дочь громовержца, тебя приводить въ заблужденье не мыслить:
 Но такова ужъ судьбина всѣхъ мертвыхъ, разставшихся съ
 жизнью.

Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ, ни костей ихъ;
²²⁰Вдругъ истребляетъ пронзительной силой огоньпогребальный
 Все, лишь горячая жизнь охладѣлая кости покинетъ:
 Въвсе тогда, улетѣвши, какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ.
 Ты же на радостный свѣтъ успѣвши возвратиться; но помни,
 Чтò я сказала, чтобъ все повторить при свиданьи супруговъ.
²²⁵Такъ, собесѣдуя, мы говорили. Тогда мнѣ явились
 Призраки женъ—ихъ прислала сама Персефона; то были
 Въ прежнее время супруги и дочери славныхъ героевъ;
 Черную кровь обступили онѣ, подбѣжавъ къ ней толпою;
 Я же обдумывалъ, какъ бы мнѣ ихъ спросить поочередно
²³⁰Каждую; вотъ что удобнѣйшимъ мнѣ наконецъ показалось:

Мечъ длинноострый немедля схватилъ, и его обнаживши,
 Къ крови приблизиться имъ не дозволилъ я всею толпою;
 Другъ за другомъ онѣ по одной подходили и ния
 Мнѣ называли свое; и спрашивать каждую могъ я.
²³⁵Прежде другихъ подошла благороднорожденная Тиро,
 Дочь Салмонеева, славная въ мирѣ супруга Крефея,
 Сына Эолова; все о себѣ мнѣ она рассказала:
 Сердце свое Энипеемъ, рѣкою божественно-свѣтлой,
 Между рѣками земными прекраснѣйшей, Тиро плѣнила:
²⁴⁰Часто она посѣщала прекрасный потокъ Энипея;
 Въ образъ облекся его Посидонъ земледержецъ, чтобъ съ нею
 Въ устьѣ волнистокипучемъ рѣки сочетаться любовью;
 Воды пурпурныя встали горой, и слявшись прокладнопро-
 зрачнымъ

Сводомъ надъ ними, сокрыли отъ взоровъ и бога и дѣву.
²⁴⁵Дѣвственный поясъ ея развязалъ онъ, ей очи смеживши
 Сномъ; и когда, распаленный, свое утолилъ вождетѣнье,
 За руку взялъ, и по имени назвалъ ее, и сказалъ ей:
 Радуйся, богомъ любимая! Прежде чѣмъ полный свершится
 Годъ, у тебя два прекрасные сына родятся [безплоденъ
²⁵⁰Съ богомъ союзъ не бываетъ] и ихъ воспитаи ты съ любовью.
 Но, возвратяся къ домашнимъ, мое называть имъ страшися
 Имя; тебѣ же откроюсь: я богъ Посидонъ земледержецъ.
 Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое лоно.
 Въ срокъ отъ нея близнецы Пеліасъ и Нелей родилися;
²⁵⁵Слуги могучіе Зевса эгидоносителя были
 Оба они; обладая стадами барановъ, въ Іолхѣсѣ
 Тучнополяннстомъ жилъ Пеліасъ; а Нелей жилъ въ песчаномъ
 Пилосѣ. Но отъ Крефея еще родились у прекрасной
 Тиро Эзонъ и Феритъ и могучій ѣздокъ Амиеонъ.
²⁶⁰Послѣ нея мнѣ предстала Азонова дочь Антиопа.
 Гордо хвалилась она, что объятія Дій отворилъ ей:
 Были плодомъ ихъ любви Амфіонъ и Цетосъ; положили
 Первое Оивъ седмивратныхъ они основанье и много
 Башенъ воздвигли кругомъ, поелику въ широкоравнинныхъ

²⁶⁵Θивахъ они, и могучіе, жить не могли бѣ безъ ограды.

Амфитріонову послѣ узрѣлъ я супругу Алкмену;

Сына Иракла, столь славнаго силой и мужествомъ львинымъ,

Зевсу она родила, цѣломудренно съ нимъ сочетавшись.

Послѣ явилась Мегара; Креонтъ необузданносмѣлый

²⁷⁰Былъ ей отцомъ; а супругомъ Ираклъ, въ испытаніяхъ твердый.

Вслѣдъ за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;

Страшно-преступное дѣло въ незнаньи она совершила,

Съ сыномъ роднымъ, умертвившимъ отца, сочетавшись бракомъ.

Скоро союзъ святотатный открыли безсмертные людямъ.

²⁷⁵Гибельно царствовать въ Кадмовомъ домѣ, въ возлюбленныхъ Θивахъ

Былъ осужденъ отъ Зевеса Эдипъ, безотрадный страдалецъ,

Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:

Петлю она роковую къ бревну потолка прикрѣпивши,

Ею плачевную жизнь прервала; одинокъ онъ остался

²⁸⁰Жертвой терзаній отъ скликанныхъ матерью страшныхъ Эривній.

Послѣ явилась Хлорида; ея красотою плѣняясь,

Нѣкогда съ ней сочетался Нелей, дорогими дарами

Дѣву прельстившій; былъ царь Амфіонъ Іазидъ, Орхомена

Града Минійскаго славный властитель, отецъ ей; царица

²⁸⁵Пилоса, бодрыхъ она сыновей даровала Нелею:

Нестора, Хромія, жаднаго почестей Пѣриклимена;

Послѣ Хлорида и дочь родила многославную Перу,

Дивной красоты; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь

Дочь непреклонный Нелей назначалъ, кто быковъ круторогихъ

²⁹⁰Съ поля Филакіи сгонить, отнявъ у царя Ификлеса

Силой все стадо его. Безпорочный взялся проищатель

Смѣлое дѣло свершить; но ему положили преграду

Злая судьба и темничныя узы и пастыри стада.

Но когда миновались мѣсяцы, дни пробѣжали и года

²⁹⁵Кругъ совершился и Оры весну привели — Ификлесу

Тайны боговъ онъ открылъ; Пифилесова сила святая
 Узы его прервала и исполнилась воля Зевеса.
 Славная Леда супруга Тиндара потомъ мнѣ явилась;
 Ей родилися отъ брака съ Тиндаромъ могучимъ два сына:
³⁰⁰Конеи смиритель Касторъ и боець Полидейкъ многосильный.
 Оба землю они жизнедарною взяты живые;
 Оба и въ мракѣ подземномъ честимы Зевесомъ; вседневно
 Братомъ смѣняется братъ; и вседневно, когда умираеть
 Тотъ, воскресаетъ другой; и къ безсмертнымъ причислены оба.
³⁰⁵Ифимедю, жену Алоэя, потомъ я увидѣлъ;
 Съ ней сочетался — хвалилась она — Посидонъ земледержецъ;
 Были плодомъ ихъ союза два сына [но кратокъ былъ вѣкъ ихъ]:
 Отосъ божественный съ славнымъ вездѣ на землѣ Эфіальтомъ.
 Щедрая, станомъ всѣхъ выше людей, ихъ земля возростила;
³¹⁰Всѣхъ красотой затмѣвали они, одному Орionу
 Въ ней уступаая; и оба, едва девяти лѣтъ достигнувъ,
 Въ девять локтей толщиной, вышиною же въ тридевятъ были.
 Дерзкіе стали безсмертнымъ богамъ угрожать, что Олимпъ ихъ
 Шумной войной потрясутъ и губительнымъ боемъ взволнуютъ;
³¹⁵Оссу на древній Олимпъ взгромоздить, Пелionъ многолѣсный
 Взбросить на Оссу они покушались, чтобъ приступомъ небо
 Взять, и угрозу бъ они совершили, когда бы достигли
 Мужеской силы; но сынъ громовержца, Латоной рожденный,
 Прежде, чѣмъ младости пухъ отѣнилъ ихъ ланиты и первый
³²⁰Волось пробился на ихъ подбородкѣ, сразилъ ихъ обоихъ.
 Федру я видѣлъ, Прокриду; явилась потомъ Ариадна,
 Дочь кознодѣя Миноса: изъ Крита бѣжать съ нимъ въ Аѳины
 Дѣву прекрасную бодрый Тезей убѣдилъ; но не могъ онъ
 Съ ней насладиться любовью; убила ее Артемидя
³²⁵Тихой стрѣлой, наущенная Вакхомъ, на островѣ Діѣ.
 Видѣлъ я Меру, Климену, злодѣйку жену Эрифилу,
 Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотымъ ожерельемъ....
 Всѣхъ ихъ однако я счесть не могу; мнѣ не вспомнить, какія
 Тамъ мнѣ явились жены и дочери древнихъ героевъ;
³³⁰Цѣлой бы ночи не стало на то; ужъ пора мнѣ предаться

Сну, удалися ль на быстрый корабль вашъ къ товарищамъ бо-
дрымъ,

Здѣсь ли оставшись; а вы мой отъѣздъ учредите съ богами.

Такъ говорилъ Одиссей — всѣ другіе сидѣли безмолвно

Въ свѣтлой палатѣ, и было у всѣхъ очаровано сердце.

³³⁵Тутъ бѣлорукая слово къ гостямъ обратила Арета:

Что, феакіане, скажете? Станомъ и видомъ и силой

Разума всѣхъ изумляетъ насъ гость чужеземный. Хотя онъ

Собственно мой гость, но будетъ ему угощенье отъ всѣхъ насъ;

Въ путь же его отсылать не спѣшите; нескупо дарамъ

³⁴⁰Должно его, претерпѣвшаго столько утратъ, надѣлать намъ:

Много у всѣхъ васъ, по волѣ безсмертныхъ, скопилось богатства.

Тутъ поднялся Эхеней, благороднаго племени старецъ,

Ранѣе всѣхъ современныхъ ему феакіанъ рожденный.

Съ нашимъ желаньемъ, друзья, онъ сказалъ, и съ намѣреньемъ

нашимъ

³⁴⁵Слово разумной царицы согласно; ему покорится

Должно, и царь Алкиной пусть на дѣлѣ то слово исполнитъ.

Кончилъ. Отвѣтствовалъ такъ Алкиной благородному старцу:

Будетъ, что сказано, мною на дѣлѣ исполнено такъ же

Вѣрно, какъ то, что я живъ и что царь я въ землѣ феакіанъ

³⁵⁰Веселюбивыхъ. Но странникъ, хотя и безмѣрно спѣшитъ онъ

Въ путь, подождетъ до утра, чтобъ имѣли мы время подарки

Наши собрать; отправленье въ отчизну его есть забота

Общая всѣмъ вамъ, моя жъ напаче: я здѣсь повелитель.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

³⁵⁵Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,

Если бъ и цѣлый здѣсь годъ продержатъ вы меня захотѣли,

Мой учреждая отъѣздъ и дары для меня собирая,

Я согласился бъ остаться, понеже мнѣ выгодно будетъ

Съ полными въ милую землю отцовъ возвратиться руками:

³⁶⁰Больше почтень и съ живѣйшею радостью принять я буду

Всѣми, кто встрѣтитъ меня при моемъ возвращеньи въ Итаку.

Онъ умолкнулъ; ему Алкиной отвѣчалъ дружелюбно:

Царь Одиссей, мы, внимая тебѣ, не пьемъ обидной

Мысли, чтобъ былъ ты хвастливый обманщикъ, подобный
³⁶⁵Многимъ бродягамъ, которые землю обходятъ, повсюду
 Ложь разсѣвая въ нелѣпныхъ разсказахъ о видѣнномъ имъ.
 Ты не таковъ; ты возвышенъ умомъ и плѣнителемъ рѣчью.
 Повѣсть прекрасна твоя; какъ разумный пѣвецъ, разсказалъ ты
 Намъ объ ахейскихъ вождяхъ и о собственныхъ бѣдствіяхъ;
 кончить

³⁷⁰Долженъ однако ты повѣсть. Скажи жъ, ничего не скрывая,
 Видѣлъ ли тамъ ты кого изъ могучихъ товарищей бранныхъ,
 Бывшихъ съ тобой въ Иліонѣ и черную встрѣтившихъ участь?
 Ночь несказанно долга, и останется времени много
 Всѣмъ намъ для сна безмятежнаго. Кончи жъ начатую повѣсть;

³⁷⁵Слушать тебя я готовъ до явленія свѣтлой денницы,
 Если разсказывать намъ о напастяхъ своихъ согласишься.
 Такъ говорилъ онъ; отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
 Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
 Время на все есть: свой часъ для бесѣды, свой часъ для покоя;

³⁸⁰Если однако желаешь теперъ же дослушать разсказъ мой,
 Я повинуюсь—и все разскажу, что печальнаго послѣ
 Я претерпѣлъ: какъ утратилъ послѣднихъ соутниковъ; таже
 Кто изъ аргивянъ, избѣгши погибели въ битвахъ троянскихъ,
 Палъ отъ убійцы, измѣной жены, при возвратѣ въ отчизну.

³⁸⁵Послѣ того, какъ разсѣяться призракамъ женъ Персефона,
 Ада царица велѣла и всѣ, разлетѣвшися, пропали—
 Тѣнь Агамемнона, сына Атревеева, тихо и грустно
 Вышла; и слѣдомъ за нею всѣ тѣни товарищей, падшихъ
 Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ
 рокомъ.

³⁹⁰Крови напившись, меня во мгновенье узналъ Агамемнонъ.
 Тяжко, глубоко вздохнулъ онъ; заплакали очи; простерши
 Руки, онъ ими во мнѣ прикоснуться хотѣлъ, но напрасно:
 Руки не слушались — не было въ нихъ ужъ ни силъ, ни дви-
 женья,

Нѣкогда члены могучаго тѣла его оживлявшихъ.

³⁹⁵Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье проникло мнѣ душу;

Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ крылатое слово:
 Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агамемнонь,
 Паркой какою ты въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
 Преданъ? Въ волнахъ ли тебя погубилъ Посидонъ съ кораблями,
⁴⁰⁰Бурею бездну великую всю всколебавши? На сушѣ ль
 Былъ умерщвленъ ты рукою врага, имъ захваченный въ полѣ,
 Гдѣ напалъ на его криворогихъ быковъ и барановъ,
 Или во градѣ, гдѣ женъ похищалъ и сокровища грабилъ?
 Такъ спросилъ я его и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
⁴⁰⁵О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Нѣтъ, не въ волнахъ съ кораблями я былъ погубленъ Поспдо-
 номъ,

Бурныя волны воздвигшимъ на безднѣ морской; не на сушѣ
 Былъ умерщвленъ я рукою противника явнаго въ битвѣ.
 Тайно Эгистъ приготовилъ мнѣ смерть и плачевную участь;
⁴¹⁰Съ гнусной женою моею заодно, у себя на веселомъ
 Пирѣ убилъ онъ меня, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;
 Такъ я погибъ и товарищи вѣрные вмѣстѣ со мною
 Были зарѣзаны всѣ, какъ клычистые вепри, которыхъ
 Въ пышномъ дому гостелюбца, скопившаго много богатства,
⁴¹⁵Рѣжутъ на складочный пиръ, на роскошный обѣдъ или на
 свадьбу.

Часто безъ страха видалъ ты, какъ гибли могучіе мужи
 Въ битвѣ, иной одиноко, иной въ многолюдствѣ сраженья —
 Здѣсь же пришелъ бы ты въ трепеть, отъ страха бы обмеръ,
 увидя
 Какъ межъ кратеръ пировыхъ, межъ столами, покрытыми браш-
 номъ,

⁴²⁰Всѣ на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
 Громкіе крики Пріамовой дочери юной Кассандры
 Близко услышалъ я: ножъ ей во грудь Клитемнестра вонзала
 Подлѣ меня; полумертвый лежа на землѣ, попытался
 Хладную руку къ мечу протянуть я: она равнодушно
⁴²⁵Взоръ отвратила и мнѣ, отходящему въ область Анда,
 Тусклыхъ очей и мертвѣющихъ устъ запереть не хотѣла.

НѢтъ ничего отвратительнѣй, нѢтъ ничего ненавистнѣй
 Дерзкобезстыдной жены, замышляющей хитро такое
 Дѣло, какимъ навсегда осрамилась она, приготовивъ
⁴³⁰Мужу, богами ей данному, гибель. Въ отечество думалъ
 Я возвратиться на радость возлюбленнымъ дѣтямъ и ближнимъ—
 Злое напротивъ замысла, кровавымъ убійствомъ злодѣя
 Стыдъ на себя навлекла и на всѣ времена посрамила
 Поль свой и даже всѣхъ женъ, поведемъ своимъ безпороч-
 ныхъ.

⁴³⁵Такъ говорилъ Агамемнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:
 Горе! конечно Зевесъ громовержецъ потомству Атрея
 Быть навсегда предназначилъ игралищемъ бѣдственныхъ жен-
 скихъ

Козней; погибло немало могучихъ мужей отъ Елены;
 Такъ и тебѣ издалѣка устроила смерть Клитемнестра.

⁴⁴⁰Выслушавъ слово мое, мнѣ отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
 Слишкомъ довѣрчивымъ быть Одиссей берегися съ женою;
 Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
 Ввѣрь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.

Но для тебя, Одиссей, отъ жены не опасна погибель:

⁴⁴⁵Слишкомъ разумна и слишкомъ незлобна твоя Пенелопа,
 Старца Икарія дочь благонравная; въ самыхъ цвѣтущихъ
 Лѣтахъ, едва сопряженный съ ней бракомъ, ее ты покинулъ,
 Въ Трою отплывъ, и грудной, лепетать не умѣвший младенецъ
 Съ ней былъ оставленъ тогда; онъ конечно теперь засѣдаетъ
⁴⁵⁰Въ сонмѣ мужей; и отецъ, возвратясь, съ нимъ увидится;
 нѣжно

Къ сердцу родителя самъ онъ, какъ слѣдуетъ сыну, прижметъ-
 ся....

Мнѣ жъ кознодѣйка жена не дала ни однимъ насладиться
 Взглядомъ на милаго сына; я былъ во мгновение зарѣзанъ.
 Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про себя, что скажу я:

⁴⁵⁵Скрой возвращенье свое, и войди съ кораблемъ непримѣтно
 Въ пристань Итаки: на вѣрность жены полагаться опасно.
 Самъ же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:

Могъ ли ты что нибудь свѣдать о сынѣ моемъ? Не слыхалъ ли,
Гдѣ онъ живетъ? Въ Орхоменѣ ль? Въ песчаномъ ли Пйло-
сѣ? Въ Спартѣ ль.

⁴⁶⁰Свѣтлопространной у славнаго дяди, царя Менелая?

Ибо не умеръ еще на землѣ мой Орестъ благородный.

Такъ спросилъ Агамемнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:

Царь Агамемнонъ, о сынѣ твоёмъ ничего я не знаю;

Гдѣ онъ, и живъ ли, сказать не могу; пустословіе вредно.

⁴⁶⁵Такъ мы, о многомъ минувшемъ бесѣдуя, другъ подлѣ друга

Грустно сидѣли, и слезы лилися по нашимъ ланитамъ.

Тѣнь Ахиллеса Пелеева сына потомъ мнѣ явилась;

Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Тела-
моновъ

Бодрый Аяксъ, межъ ахейцами мужескимъ видомъ и силой

⁴⁷⁰Послѣ Пелеева сына великаго всѣхъ превзошедшій.

Тѣнь быстроногаго внука Эакова, ставъ предо мною,

Мнѣ, возрыдавши, крылатое бросила слово: зачѣмъ ты

Здѣсь, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный?

Что, дерзновенный, какое великое дѣло замыслилъ?

⁴⁷⁵Какъ проникнулъ въ предѣлы Аида, гдѣ мертвыя только

Тѣни отшедшихъ, лишеныя чувства, безжизненно вѣютъ?

Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:

О Ахиллесъ, сынъ Пелеевъ, межъ всѣми данаями первый,

Здѣсь я зачѣмъ, чтобъ Тирезій слѣпецъ прорицатель открылъ
мнѣ

⁴⁸⁰Способъ вѣрнѣйшій моей каменистой Итаки достигнуть;

Въ землю ахейнъ еще я не могъ возвратиться; отчизны

Милой еще не видалъ; я скитаюсь и бѣдствую. Ты же

Между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ былъ сча-
стьемъ

Первый; живаго тебя мы какъ бога безсмертнаго чтили;

⁴⁸⁵Здѣсь же, надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты какъ
въ жизни

Нѣбогда былъ; не ропщи же на смерть, Ахиллесъ богоравный.

Такъ говорилъ я и такъ онъ отвѣтствовалъ, тяжко вздыхая:

О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
 Лучше бь хотѣлъ я живой, какъ поденьщикъ, работая въ полѣ,
⁴⁹⁰Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
 Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать, мерт-
 вый.

Ты же о сынѣ извѣстіемъ душу теперь мнѣ порадуй.
 Былъ ли въ сраженіи мой сынъ? Впереди ли у всѣхъ онъ сра-
 жался?

Также скажи, Одиссей, не слыхалъ ли о старцѣ Пелеѣ?
⁴⁹⁵Все ли по-прежнему онъ повелитель земли Мирмидонской?
 Иль ужъ его и въ Элладѣ и Фтіи честить перестали,
 Дряхлаго старца, безъ рукъ и безъ ногъ, изнуреннаго въ си-
 лахъ?

Въ области дна ужъ защитникомъ быть для него не могу я;
 Нынѣ ужъ я не таковъ, какъ бывало, когда въ отдаленной
⁵⁰⁰Троѣ губилъ ополченія и грудью стоялъ за ахеянъ.
 Еслибъ такимъ хотъ на мигъ я въ жилищѣ отцовомъ явился,
 Ужась бы сильная эта рука навела тамъ на многихъ,
 Власти Пелея нечтущихъ и старость его оскорбившихъ.
 Такъ говорилъ Ахиллесъ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
⁵⁰⁵Свѣдать не могъ ничего я о старцѣ Пелеѣ великомъ;
 Но о твоемъ благородномъ, возлюбленномъ Неоптолѣмѣ,
 Все, Ахиллесъ, какъ желаешь, тебѣ расскажу я подробно.
 Самъ я его въ кораблѣ крутобокомъ моемъ отъ Скирѣса
 Моремъ привезъ къ мѣднолатнымъ данаямъ въ Троянскую
 землю;

⁵¹⁰Тамъ на совѣтахъ вождей о судьбѣ Иліона всегда онъ
 Голосъ свой прежде другихъ подавалъ, и въ разумныхъ суж-
 деньяхъ

Мною однимъ лишь и Несторомъ мудрымъ бывалъ побѣждаемъ.
 Въ полѣ жъ троянскомъ широкомъ, гдѣ гибельной мѣдью мы
 бились,

Онъ никогда близъ дружинъ и въ толпѣ не хотѣлъ оставаться;
⁵¹⁵Быстро впередъ выбѣгалъ онъ одинъ, упреждая храбрѣй-
 шихъ;

*

Много враговъ отъ него въ истребительной битвѣ погнбло;
Я жъ не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
Въ краѣ Троянскомъ побилъ онъ, гдѣ грудью стоялъ за аргивянь.

Такъ Эврипила, Телефова сына, губительной мѣдью
⁵²⁰Онъ ниспровергъ, и кругомъ молодаго вождя всѣ кетейцы
Пали его, златолюбія женскаго бѣдственной жертвой.
Послѣ Мемнона, подобнаго богу, былъ всѣхъ онъ прекраснѣй.
Въ чрево коня, сотвореннаго чудно Эпѣосомъ, скрыться
Былъ онъ съ другими вождями назначенъ; а двери громады
⁵²⁵Мнѣ отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Всѣ, при вступленіи въ конскія нѣдра, вожди отпирали
Слезы съ ланить и у каждаго руки и ноги тряслися;
Въ немъ же единомъ мои никогда не подмѣтили очи
Страха; не помню, чтобъ онъ отъ чего поблѣднѣлъ, содрогнулся,
⁵³⁰Или заплакалъ. Не разъ убѣждалъ онъ меня изъ затвора
Дать ему выйти и, стиснувъ одною рукою двуострый
Мечъ, а другою обитое мѣдью копьё, порывался
Въ бой на троянъ. А когда былъ разрушенъ Пріамовъ великій
Градъ, онъ съ богатой добычей, съ дарами почетными поплылъ
⁵³⁵Въ край свой, ни издали мѣткимъ копьемъ, ни вблизи длин-
ноострой

Мѣдью меча не пронзенный ни разу, какъ часто бываетъ
Въ жаркомъ бою, гдѣ убійство кипитъ и Арей веселится.
Такъ говорилъ я; душа Ахиллесова съ гордой осанкой
Шагомъ широкимъ по ровному Асфодіонскому лугу
⁵⁴⁰Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
Души другихъ знаменитыхъ умершихъ явились; со мною
Грустно они говорили о томъ, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на побѣду
⁵⁴⁵Злобясь мою, мнѣ отдавшую въ станѣ аргивянь доспѣхи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелѣла
Дать ихъ Оетида; судили трояне; ихъ судъ имъ Аѳина
Тайно внушила.... Зачѣмъ, о! зачѣмъ одержалъ я побѣду,

Мужа такого низведшую въ нѣдра земныя? Погибъ онъ
⁵⁵⁰Бодрый Аякъ, и лица красотою и подвиговъ славою
 Послѣ великаго сына Пелеева всѣхъ превзошедшій.
 Голосъ возвысивъ, ему я сказалъ миротворное слово:
 Сынъ Теламоновъ, Аякъ знаменитый, не долженъ ты, мертвый,
 Долѣ со мной враждовать, сокрушаясь о гибельныхъ, взятыхъ
⁵⁵⁵Мною оружіяхъ; ими данаямъ жестокое боги
 Зло приключили: ты, наша твердшия, погибъ; о тебѣ мы
 Всѣ, какъ о сынѣ могучемъ Пелея, всечасно групились,
 Раннюю смерть поминая твою; въ ней никто не виновенъ,
 Кромѣ Зевеса, постигшаго рать копыеносныхъ данаевъ
⁵⁶⁰Страшной бѣдою: тебя онъ судьбинѣ безвременно предалъ.
 Но подойди же, Аякъ; на мгновенье бесѣдой съ тобою
 Дай насладиться мнѣ; гнѣвъ изгони изъ великаго сердца.
 Такъ я сказалъ; не отвѣтствовалъ онъ; за другими тѣнями
 Мрачно пошелъ; напоследокъ сокрылся въ глубокомъ Эрефѣ.
⁵⁶⁵Можетъ быть, сталъ бы и гнѣвный со мной говорить онъ
 иль я съ нимъ,

Еслибъ меня не стремилъ желаніе милого сердца
 Души другихъ знаменитыхъ умершихъ увидѣть. И скоро
 Въ адѣ узрѣлъ я Зевесова мудраго сына Миноса;
 Скипетръ въ десницѣ держа золотой, тамъ умершихъ судилъ
 онъ

⁵⁷⁰Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стѣя,
 Ждали въ пространномъ съ вратами широкими домѣ Аида.
 Послѣ Миноса явилась гигантская тѣнь Оріона;
 Гналъ по широкому Асфодилонскому лугу звѣрей онъ—
 Ихъ же своею желѣзной, ничѣмъ некрушимой дубиной
⁵⁷⁵Нѣкогда самъ онъ убилъ на горахъ неприступно-пустынь.
 ныхъ.

Титія также увидѣлъ я, сына прославленной Гѣи;
 Девять занявъ десятинъ подѣ огромное тѣло, недвижимъ
 Тамъ онъ лежалъ; по бобамъ же сидѣли два коршуна, рвали
 Печень его и терзали когтями утробу. И руки
⁵⁸⁰Тщетно на нихъ подымалъ онъ. Латону, супругу Зевеса,

Шедшую къ Пнѣю, онъ осрамилъ на лугу Панопейскомъ.

Видѣлъ потомъ я Тантала, казнимаго страшною казнью:

Въ озерѣ свѣтломъ стоялъ онъ по горло въ водѣ и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.

⁵⁸⁵Только что голову къ ней онъ склонялъ, упоая напитокъ,
Съ шумомъ она убѣгала; внизу жъ подъ ногами являлось
Черное дно и его осушала во мгновеніе Демонъ.

Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою,

Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,

⁵⁹⁰Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвѣту-
щихъ.

Голодомъ мучася, лишь только къ плодамъ онъ протягивалъ
руку,

Разомъ всѣ вѣтви деревъ къ облакамъ подымались темнымъ.

Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью:

Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками

⁵⁹⁵Въ гору; напрягли мышцы, ногами въ землю упершись,

Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины

Съ тяжелой ношей, назадъ устремленный невидимой силой,

Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.

Снова силился вздвинуть тяжесть онъ, мышцы напрягли,

⁶⁰⁰Тѣло въ поту, голова вся покрытая черною пылью.

Видѣлъ я тамъ наконецъ и Ираклову силу, одинъ лишь

Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на свѣтломъ
Олимпѣ

Сладость блаженства вкушалъ близъ супруги Гебен, цвѣтущей
Дочери Зевса отъ златообутой владычицы Иры.

⁶⁰⁵Мертвые шумно летали надъ нимъ, какъ летаютъ въ испугѣ

Хищныя птицы; и темной подобая ночи, держалъ онъ

Лукъ напряженный съ стрѣлой на тугой тетивѣ, и ужасно

Вкругъ озирался, какъ будто готовяся выстрѣлить; страшный

Перевязъ блескъ издавала, ему поперегъ перерѣзавъ

⁶¹⁰Грудь златолитнымъ ремнемъ, на которомъ съ чудеснымъ
искусствомъ

Львы грозноокіе, дикіе вепри, лѣсные медвѣди,

Битвы, убійства, людей пстреленъе изваяны были:
 Тотъ, кто свершилъ бы подобное чудо искусства, не могъ бы,
 Самъ превзошедши себя, ничего ужъ создать совершеннѣй.
⁶¹⁵Взоръ на меня устремивъ, угадалъ онъ немедленно, кто я;
 Жалобно, тяжко вздохнулъ и крылатое бросилъ мнѣ слово:
 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играетъ
 Такъ же, какъ мной подъ лучами всезрящаго солнца играла?
⁶²⁰Сынъ я Кроніона Зевса; но тѣмъ отъ безмѣрныхъ страданій
 Не былъ спасенъ; покориться подъ власть недостойнаго мужа
 Мнѣ повелѣла судьба. И труды на меня возлагалъ онъ
 Тяжкіе. Такъ и отсюда былъ пса троеглаваго долженъ
 Я увести: уповалъ онъ, что будетъ мнѣ трудъ не по силамъ.
⁶²⁵Я же его совершилъ и похищенъ былъ песь у Анда;
 Помощь мнѣ подали Эрміи и дочь громовержца Аенна.
 Такъ мнѣ сказавъ, удалился въ обитель Андова призрагъ.
 Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ и ждалъ, чтобъ явился
 Кто изъ могучихъ героевъ, давно знаменитыхъ и мертвыхъ.
⁶³⁰Видѣть хотѣлъ я великихъ мужей, въ отдаленные вѣки
 Славныхъ, богами рожденныхъ, Тезея царя, Пиритоя,
 Многихъ другихъ; но толпою безчисленной души слетѣвшись,
 Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣд-
 нымъ,
 Въ мысляхъ, что хочетъ чудовище, голову страшной Горгоны,
⁶³⁵Выслать изъ мрака Андова противъ меня Персефона:
 Я побѣжалъ на корабль и велѣлъ, чтобъ, немедля ни мало,
 Люди мои на него собралсь и канатъ отвязали.
 Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у веселья.
 Судно спокойно пошло по теченію водъ Океана,
⁶⁴⁰Прежде на веслахъ, потомъ съ благовѣющимъ вѣтромъ попут-
 нымъ.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ДНЯ.

Одиссей оканчиваетъ свое повѣствованіе. Возвращеніе на островъ Эю. Погребеніе Эльпенора. Цирцея описываетъ Одиссею опасности, ему на пути предстоящія. Онъ покидаетъ ея островъ. Сирены. Бродящія скалы. Плаваніе между утесовъ Харибды и Скиллы, которая разомъ похищаетъ шестерыхъ изъ спутниковъ Одиссея. Вопреки Одиссею, корабль его останавливается у береговъ Тринакрии. Спутники его, задержанные на островѣ противными вѣтрами, истощивъ всѣ свои запасы, терпятъ голодъ и наконецъ, нарушивъ данную ими клятву, убиваютъ быковъ Гелиоса. Раздраженный богъ требуетъ, чтобы Зевесъ наказалъ святотатство, и корабль Одиссеевъ, вышедшій снова въ море, разбитъ Зевесовымъ громомъ. Всѣ погибаютъ въ волнахъ, кромѣ Одиссея, который, снова избѣгнувъ Харибды и Скиллы, брошенъ наконецъ на берегъ Калипсина острова.

Быстро своимъ кораблемъ Океана потокъ перерѣзавъ,
Снова по многоиспытанному морю пришли мы на островъ
Эю, туда, гдѣ въ жилищѣ туманнорожденные Эось
Легкія Оры ведутъ хоробы, гдѣ Гелиосъ всходитъ;
5Къ брегу приставъ, на песокъ мы корабль быстроходный встали;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось.
Спутниковъ скливавъ, послалъ я ихъ къ дому Цирцеи, чтобъ взять тамъ

10Трупъ Эльпеноровъ, его принести и свершить погребенье.
Много деревъ нарубивъ, мы на самомъ возвышенномъ мѣстѣ
Берега предали тѣло землѣ съ сокрушеньемъ и плачемъ.
Послѣ жъ того, какъ сожженъ былъ со всѣми доспѣхами мертвый,

Холмъ гробовой мы насыпали, памятный столбъ утвердили,
15Гладкое въ землю на холмѣ воткнули весло; и священный
Долгъ погребенія былъ совершенъ.) Но Цирцея узнала

Скоро о нашемъ прибытіи къ ней отъ предѣловъ Анда.
 Свѣтлой одеждой облекшись, она къ намъ пришла; и за нею
 Съ хлѣбомъ и мясомъ и пѣнопурпурнымъ виномъ молодья
²⁰Дѣвы пришли; и богиня богинь, къ намъ приближась, сказала:
 Люди желѣзные, заживо зрѣвшіе область Анда,
 Дважды узнавшіе смерть, всѣмъ доступную только однажды,
 Бросьте печаль и безопасно ѣдой и питьемъ утѣшайтесь
 Нынѣ, во все продолженіе дня; съ наступленьемъ же утра
²⁵Далѣе вы поплывете; я путь укажу и благое
 Дамъ наставленье, чтобъ снова какая безуміемъ вашимъ
 Васъ не постигла напасть, ни на сушѣ, ни на морѣ темномъ.
 Такъ намъ сказала, и мы поборились ей мужескимъ сердцемъ.
 Жертву принесли, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
³⁰Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
 Солнце тѣмъ временемъ скрылось и тьма наступила ночная.
 Люди въ томъ мѣстѣ легли, гдѣ корабль утвержденъ былъ ка-

натомъ;

Мнѣ же Цирцея привѣтливо руку дала; и когда я
 Съѣлъ въ отдаленіи отъ прочихъ, легла близъ меня и вопросы
³⁵Стала мнѣ дѣлать; и ей обо всемъ разсказать я подробно.
 Свѣтлая такъ напоследокъ сама мнѣ сказала богиня:
 Дѣло одно совершилъ ты успѣшно; теперь со вниманьемъ
 Выслушай то, что скажу, что потомъ и отъ бога услышишь.
 Прежде всего ты увидишь Сиренъ; неизбѣжную чарой
⁴⁰Ловятъ онѣ подходящихъ къ нимъ близко людей мореходныхъ.
 Кто, по незнанью, къ тѣмъ двумъ чародѣйкамъ приближась, ихъ
 сладкій

Голосъ услышитъ, тому ни жены, ни дѣтей малолѣтнихъ
 Въ домъ своемъ никогда не утѣшить желаннымъ возвратомъ.
 Пѣніемъ сладкимъ Сирены его очаруютъ, на свѣтломъ
⁴⁵Сидя лугу; а на этомъ лугу человѣчьихъ бѣлѣветъ
 Много костей, и разбросаны тлѣющихъ кожъ тамъ лохмотья.
 Ты жъ, заклеивши товарищамъ уши смягченнымъ медвянымъ
 Воскомъ, чтобъ слышать они не могли, проплыви безъ оглядки
 Мимо; но ежели самъ роковой пожелаешь услышать

⁵⁰Голосъ, вели, чтобъ тебя по рукамъ и ногамъ привязали
 Къ мачтѣ твоей корабельной крѣпчайшей веревкой; тогда ты
 Можешь свой слухъ безъ вреда удовольствовать гибельнымъ
 пѣньемъ.

Если жъ просить ты начнешь, иль приказывать станешь, чтобъ
 сняли

Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжутъ.

⁵⁵Послѣ, когда вы минуете островъ Сирень смертоносный,
 Двѣ вамъ дороги представлятся; дать же совѣтъ здѣсь, какую
 Выбрать изъ двухъ безопаснѣе, мнѣ невозможно; своимъ ты
 Долженъ разсудкомъ рѣшить. Опишу я и ту и другую.

Прежде увидишь стоящіе въ морѣ утесы; кругомъ ихъ

⁶⁰Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
 Имя бродящихъ дано имъ богами; близъ нихъ никакая
 Птица не смѣетъ промчатся, ни даже амброзію Зевсу
 Легкимъ полетомъ носящіе робкіе голуби; каждый

Разъ пропадаетъ изъ нихъ тамъ одинъ, объ утесъ убиваясь;

⁶⁵Каждый разъ и Зевесъ замѣняетъ убитаго новымъ.
 Всѣ корабли, къ тѣмъ скаламъ подходившіе гибли съ пловцами;
 Доски однѣ оставались отъ нихъ и бездушные трупы,
 Шумной волною и пламеннымъ вихремъ носимы въ морѣ.

Только одинъ, всѣ моря обѣжавшій, корабль невредимо

⁷⁰Ихъ миноваль—посѣтитель Азта, прославленный Арго;
 Но и его на утесы бы кинуло море, когда бъ онъ

Тамъ не прошелъ провожаемый Ирой, любившей Язона.

Послѣ ты двѣ повстрѣчашь скалы: до широкаго неба
 Острой вершиной восходить одна; облака окружаютъ

⁷⁵Темносушеченныя ту высоту, никогда не рѣдѣя.

Тамъ никогда не бываетъ ни лѣтомъ ни осенью свѣтелъ
 Воздухъ; туда не взойдетъ и оттоль не сойдетъ ни единый

Смертный; хотя бъ съ двадцатью былъ руками и двадцать

Ногъ бы имѣлъ — столь ужасно, какъ будто обтесанный, гла-
 докъ

⁸⁰Камень скалы; и на самой ея серединѣ пещера,

Темнымъ жерломъ обращенная къ мраку Эрева на западъ;

Мимо ея ты пройдешь съ кораблемъ, Одиссей многославный;
 Даже и сильный стрѣлокъ не достигнетъ направленной съ моря
 Быстролетающей стрѣлою до входа высокой пещеры;

⁸⁵Страшная Скилла живетъ искони тамъ. Безъ умолку лая,
 Визгомъ пронзительнымъ, визгу щенка молодого подобнымъ,
 Всю оглашаетъ окрестность чудовище. Къ ней приближаться
 Страшно не людямъ однимъ, но и самымъ безсмертнымъ. Двѣ-
 надцать

Двигается спереди лапъ у нея; на плечахъ же косматыхъ
⁹⁰Шесть подымается длинныхъ, изгибистыхъ шей; и на каждой
 Шесть торчитъ голова, а на челюстяхъ въ три ряда зубы,
 Частые, острые, полные черною смертью, сверкаютъ;
 Вдвинувшись задомъ въ пещеру и выдвинувъ грудь изъ пещеры,
 Всѣми глядитъ головами изъ лога ужасная Скилла.

⁹⁵Лапами шаря кругомъ по скалѣ обливаемой моремъ,
 Ловить дельфиновъ она, тюленей и могучихъ подводныхъ
 Чудъ, безъ числа населяющихъ хладную зыбь Амфитриты.
 Мимо ея ни одинъ мореходецъ не могъ невредимо

Съ легкимъ пройти кораблемъ: всѣ зубастыя пасти разинувъ,
¹⁰⁰Разомъ она по шести человекъ съ корабля похищаетъ.

Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
 Ниже она; отстоятъ же отъ первой на выстрѣлъ изъ лука.
 Дико растетъ на скалѣ той смоковница съ сѣнью широкой.
 Страшно все море подъ тою скалою тревожить Харибда,

¹⁰⁵Три раза въ день поглощая и три раза въ день извергая
 Черную влагу. Не смѣй приближаться, когда поглощаетъ:
 Самъ Посидонъ отъ гибели вѣрной тогда не избавить.

Къ Скиллиной ближе держася скалѣ, проводи безъ оглядки
 Мимо корабль быстроходный: отраднѣе шесть потерять вамъ

¹¹⁰Спутниковъ, нежели вдругъ и корабль потопить и погибнуть
 Всѣмъ. Тутъ умолкла богиня; а я, отвѣчая, сказалъ ей:

Будь откровенна, богиня, чтобъ могъ я всю истину вѣдать;
 Если избѣгнуть удастся Харибды, могу ли отбиться

Силою, когда на спутниковъ бросится жадная Скилла?

¹¹⁵Такъ я спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказала богиня:

О! необузданный, снова о подвигахъ бранныхъ замыслилъ;
 Снова о боѣ мечтаешь; ты радъ и съ богами сразиться.
 Знай же: не смертное зло, а безсмертное Скилла. Свирѣпа,
 Дико-сильна, ненасытна, сраженіе съ ней невозможно.
¹²⁰Мужество здѣсь не поможетъ; одно здѣсь спасеніе—бѣгство.
 Горе! когда ты хотъ мигъ тамъ для тщетнаго боя промедлишь:
 Высунетъ снова она изъ своей недоступной пещеры .
 Всѣ шесть головъ и опять съ корабля шестерыхъ на пожаръ
 Схватить; не медли жъ; поспѣшно пройди; призови лишь
 Кратейю:

¹²⁵Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
 Дочь воздержатъ отъ втораго на васъ нападенія можетъ.
 Скоро потомъ ты увидишь Тринакрію островъ; издавна
 Геліосъ тучныхъ быковъ и барановъ пасетъ тамъ на пышныхъ,
 Злачныхъ равнинахъ; семь стадъ составляютъ быки; и бараны
¹³⁰Столько жъ; и въ каждомъ ихъ стадѣ числомъ пятьдесятъ;
 и число то

Вѣчно одно; не плодятся они, и пасутъ неусыпно
 Ихъ Фаэтуса съ Лампетіей, пышнокудрявыя нимфы.
 Геліосъ ихъ Иперіонъ съ божественной прижилъ Неерой.
 Свѣтлая мать, дочерей воспитавши, въ Тринакріи знойной
¹³⁵Ихъ поселила, чтобъ тамъ, отъ людей въ удаленіи, дѣвы
 Тучныхъ быковъ и барановъ отцовыхъ пасли неусыпно.
 Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣтишь,
 Если воздержишься руку поднять на стада Геліоса;
 Если же руку подынешь на нихъ, то пророчу погибель
¹⁴⁰Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и спутникамъ; самъ ты из-
 бѣгнешь

Смерти; но, всѣхъ потерявъ, одинокъ возвратишься въ отчизну.
 Такъ говорила она. Златотронная Эосъ явилась
 На небѣ; въ домъ свой богиня пошла, разлучившись со мною.
 Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелѣлъ, чтобъ немедля
¹⁴⁵Спутники всѣ на него собрались и канатъ отвязали;
 Всѣ на него собралися и, сѣвши на лавкахъ у весель,
 Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.

Быль намъ на темныхъ водахъ провожатимъ надежнымъ по-
путный

Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,

¹⁵⁰Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней.

Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно

Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуюсь кормилу и вѣтру.

Я жъ, обратясь къ спутникамъ, такъ имъ сказалъ сокрушенный:
Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, товарищи, вѣдать

¹⁵⁵То, что намъ всѣмъ благосклонно-богиня богинь предсказала:

Всѣмъ вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы без-
страшно

Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избѣгнуть.

Прежде всего отъ волшебнаго пѣнтя Сирень и отъ луга

Ихъ цвѣтоснаго намъ уклониться велѣла богиня;

¹⁶⁰Мнѣ же ихъ голосъ слышать позволила; прежде однако

Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно

Вы привяжите, чтобъ былъ я совсѣмъ неподвиженъ; когда же

Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы

Узы—двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.

¹⁶⁵Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.

Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плыва, приближался

Къ острову страшныхъ Сирень, провожаемый легкимъ попутнымъ

Вѣтромъ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь водарилась

На морѣ: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.

¹⁷⁰Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сцѣпили

Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки

Сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.

Я же, немедля медвянаго воску укругъ изрубивши

Въ мелкія части мечемъ, раздавилъ на могучей ладони

¹⁷⁵Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его благосклонно

Геліось, богъ жизнедатель, лучемъ разогрѣлъ теплоноснымъ.

Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я; меня же

Плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ привязали

Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ничѣмъ шевель-
нуться.

¹⁸⁰Снова подъ сильнымъ вѣслами вспѣнилась темная влага.
 Но въ разстоянн, въ какомъ призывающей голосъ бываетъ
 Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ.
 Съ берегомъ онъ ихъ поровнялся; онѣ звонкогласно заплѣл:
 Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава ахеянъ,
¹⁸⁵Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сирентъ
 насладися!

Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
 Сердцеуладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
 Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое
 свѣдавъ.

Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ, и какая
¹⁹⁰Участь по волѣ безсмертныхъ постигла троянъ и ахеянъ;
 Знаемъ мы все, что на лопѣ земли многодарной творится.
 Такъ насъ онѣ сладкопѣньемъ плѣнительнымъ звали. Влекомый
 Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подаль я знакъ, чтобъ
 немедля

Узы мои разрѣшили: они же удвоенной силою
¹⁹⁵Начали грестъ; а ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ
 Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.

Но, когда удалися корабль нашъ и болѣе слышать
 Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья Сирентъ бѣдоносныхъ,
 Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный, которымъ
²⁰⁰Уши я имъ заклеилъ и меня отвязали отъ мачты.

Островъ Сирентъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидѣлъ
 Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный услышалъ.
 Выпали весла изъ рукъ устрашенныхъ; повиснувъ

Праздно, они по волнамъ колыхавшимъ ихъ бились; а судно
²⁰⁵Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшія къ бѣгу.

Я же его обѣжалъ, чтобъ людей ободрить оробѣвшихъ;
 Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всѣмъ имъ сказала я:
 Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили
 Твердо; теперь же бѣда предстоить не страшнѣе постигшей
²¹⁰Насъ, заключенныхъ въ пещерѣ свирѣпою силой циклона.
 Мужествомъ, хитрымъ умомъ и совѣтомъ разумнымъ тогда я

Всѣхъ вась избавиль; о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ
 Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ.
 Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе во влагѣ зыбучей
²¹⁵Острыми веслами бейте; быть можетъ Зевесъ покровитель
 Намъ отъ погибели близкой уйти невредимо поможетъ.
 Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя попеченье
 Главное я возлагаю—ты правишь кормой корабельной:
 Восторону долженъ ты судно отвести отъ волненья и дыма,
²²⁰Видимыхъ близко, держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться
 Въ бокъ по стремленью—иначе корабль несомнѣнно погибнетъ.
 Такъ я сказалъ; все исполнилось точно и скоро; о Скиллѣ жъ
 Я помянуть не хотѣлъ: неизбѣжно чудовище было;
 Весла бъ они побросали отъ страха и, грестъ переставши,
²²⁵Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожиданьи напасти.
 Самъ же я, вовсе забывъ повелѣніе строгой Цирцеи,
 Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго боя,
 Славныя латы на плечи накинулъ, и два мѣдноострыхъ
 Въ руки схвативши копья, подошелъ къ корабельному носу
²³⁰Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадна Скилла
 Бросится лога и тямъ ей попавшихся первыхъ похитить.
 Тщетно искалъ я очами ее, утомилъ лишь напрасно
 Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро утеса.
 Въ страхѣ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ;
²³⁵Скилла грозила съ одной стороны; а съ другой пожирала
 Жадно Харибба соленую влагу: когда извергались
 Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ, на огнѣ раскаленномъ,
 Съ свистомъ кипѣли онѣ, флокоча и буроваясь; и пѣна
 Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда же
²⁴⁰Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
 Внутренность вся открывалась ея: передъ зѣвомъ ужасно
 Волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы открытомъ кипѣли
 Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ блѣднымъ,
 Въ трепетъ очи свои на грозящую гибель вперяли.
²⁴⁵Тою порой съ корабля шестерыхъ, отличавшихся бодрой
 Силой товарищей, разомъ схвата ихъ, похитила Скилла;

Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ обративши, усгѣлъ я
 Только ихъ руки и ноги вверху надъ своей головою
 Мелькомъ примѣтить: они въ высотѣ призывающимъ гласомъ
²⁵⁰Имя мое прокричали съ послѣднею скорбію сердца.
 Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега длинноногбенной
 Удой издающій въ воду коварную рыбамъ приманку,
 Рогомъ быка луговаго ихъ ловить, потомъ, изъ воды ихъ
 Выхвативъ, на берегъ жалготрепещущихъ быстро бросаетъ:
²⁵⁵Текъ трепетали они въ высотѣ, унесенные жадною Скиллой.
 Тамъ передъ входомъ пещеры она сожрала ихъ, кричащихъ
 Громко и руки ко мнѣ простирающихъ въ лютомъ терзаньи.
 Страшное тутъ я очами узрѣлъ и страшнѣй ничего мнѣ
 Зрѣть никогда въ продолженіе странствій моихъ не случилось.
²⁶⁰Скиллинъ утесъ миновать и избѣгнувъ свирѣпой Хариды,
 Прибыли къ острову мы наконецъ свѣтоноснаго бога.
 Тамъ на зеленыхъ равнинахъ быки криворогіе мирно
 Съ множествомъ тучныхъ барановъ паслись, Геліосово стадо.
 Съ моря уже, находяся на палубѣ, явственно могъ я
²⁶⁵Тяжкое слышать мычанье быковъ, на свободѣ гулявшихъ,
 Съ шумнымъ бляеньемъ барановъ; и тутъ же пришло мнѣ на
 память

Слово слѣпаго пророка Тирезія Фивскаго съ строгимъ
 Словомъ богини Цирцеи, меня миновать убѣждавшей опасный
 Островъ, гдѣ властвовалъ Геліосъ, смертныхъ людей утѣшитель.
²⁷⁰Тутъ къ сокрушеннымъ сопутникамъ рѣчь обратилъ я такую:
 Вѣрные спутники, слушайте то, что печальный скажу вамъ:
 Свѣдать должны вы пророка Тирезія Фивскаго слово
 Съ словомъ Цирцеи, меня миновать убѣждавшей опасный
 Островъ, гдѣ властвуетъ Геліосъ, смертныхъ людей утѣшитель:
²⁷⁵Тамъ несказанное бѣдствіе ждетъ насъ, они утверждаютъ.
 Мимо, товарищи, черный ворабль провести поспѣшите.
 Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце.
 Мнѣ жъ, возражая, отвѣтствовалъ такъ Эврилохъ непокорный:
 Ты, Одиссей, непреклонно-жестокъ; одаренъ ты великой
²⁸⁰Силою; усталости нѣтъ для тебя, изъ желѣза ты скованъ.

Намъ, изнуреннымъ, безсильнымъ и столь ужъ давно не вкушавшимъ

Сна, запрещаешь ты на берегъ выйти. Могли бь приготовить
Ужинъ мы вкусный на островѣ, сладко на немъ отдохнувши.

Ты жь насъ идти наудачу въ холодную ночь принуждаешь
²⁸⁵Мимо пріютнаго острова въ темное, мглистое море.

Ночью противные вѣтры шумятъ, корабли истребляя.

Кто избѣжитъ потопленія вѣрнаго, если во мракѣ

Вдругъ съ неожиданной бурей на черное море примчится

Ноть иль Зефиръ истребительно-быстрый? Отъ нихъ наиболѣ

²⁹⁰Въ безднѣ морской, вопреки и богамъ, корабли погибаютъ.

Лучше теперь, покорившись вельнїю темныя ночи,

На берегъ выйдемъ и ужинъ вблизи корабля приготовимъ.

Завтра жь съ денницею пустимся снова въ пространное море.

Такъ говорилъ Эврилохъ и товарищи съ нимъ согласились.

²⁹⁵Стало мнѣ ясно тогда, что готовилъ намъ бѣдствїе Демонъ.

Голосъ возвысивъ, безумцу я бросилъ крылатое слово:

Здѣсь я одинъ, отъ того и отвѣтъ, Эврилохъ, твой такъ дерзокъ

Слушайте же: мнѣ поклонитесь великою клятвой, что если

Встрѣтите стадо быковъ криворогихъ иль стадо барановъ

³⁰⁰Тамъ на зеленыхъ лугахъ, святотатной рукой не коснетесь

Къ нимъ; и убить ни быка ни барана отнюдь не дерзнете.

Пищею насъ на дорогу обильно снабдила Цирцея.

Спутники клятвой великою мнѣ покаялися; когда же

Всѣ покаялися и клятву свою совершили, въ заливѣ

³⁰⁵Острова тихомъ мы стали съ своимъ кораблемъ крѣпкозданнымъ.

Близко была ключевая вода; всѣ товарищи, выпедь

На берегъ, вкусный проворно на немъ приготовили ужинъ;

Свой удовольствовавъ голодъ обильнымъ питьемъ и ѣдою,

Стали они поминать со слезами о милыхъ погибшихъ,

³¹⁰Схваченныхъ вдругъ съ корабля и растерзанныхъ Скиллою
предъ нами.

Скоро на плачущихъ сонъ, усладитель печалей, спустился.

Треть совершилася ночи и темнаго неба на онполъ

Звѣзды склонилися—вдругъ громвержець Кроніонъ Борея,
 Страшно ревущаго, выслалъ на насъ; облака обложили
³¹⁵Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.
 Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;
 Черный корабль свой отъ бури мы скрыли подъ сводомъ пещеры,
 Гдѣ въ хороводы веселые нимфы полей собирались.
 Тутъ я товарищей всѣхъ пригласилъ на совѣтъ и сказалъ имъ:
³²⁰Черный корабль нашъ, друзья, запасѣнъ и питьемъ и ѣдою;
 Бойтесь же здѣсь на стада подымать святотатную руку;
 Богъ обладаетъ здѣсь всѣми стадами быковъ и барановъ,
 Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.
 Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
³²⁵Но безпрестанно весь мѣсяцъ свирѣпствовалъ Нотъ; всѣ
 другіе

Вѣтры молчали; порою лишь Эвръ подымался восточный;
 Спутники, хлѣба довольно имѣя съ виномъ пурпуровымъ,
 Были спокойны; быковъ Геліосовыхъ трогать и въ мысли
 Имъ не входило; когда же съѣстной нашъ запасъ истощился
³³⁰Начали пищу охотой они промыслять; добывая
 Что, гдѣ случалось: стрѣляли дичину, или рыбу
 Острогобенными крючьями удилъ—голодь томилъ ихъ.
 Разъ, помолиться желая богамъ, чтобъ они намъ открыли
 Путь, одинокой дорогой я шель черезъ островъ; невольно,
³³⁵Тою дорогой идя, отъ товарищей я удалился;
 Въ мѣстѣ защитномъ отъ вѣтра я руки умылъ и молитвой
 Теплой къ безсмертнымъ владыкамъ Олимпа, къ богамъ обра-
 тился.

Сладкій на вѣжды мнѣ сонъ низвели нечувствительно боги.
 Злое тогда Эврилохъ предложеніе спутникамъ сдѣлалъ:
³⁴⁰Спутники вѣрные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный;
 Всякій родъ смерти для насъ земнородныхъ людей ненавистенъ;
 Но умереть намъ голодною смертью всего ненавистнѣй.
 Выберемъ лучшихъ быковъ въ Геліосовомъ стадѣ и въ жертву
 Здѣсь принесемъ ихъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
³⁴⁵Постѣ — когда возвратимся въ родную Итагу, воздвигнемъ

Въ честь Геліоса, надъ нами ходящаго бога, богатый
Храмъ и его дорогими дарами обильно украсимъ;
Если жъ, утратой своихъ круторогихъ быковъ раздраженный,
Онъ совокупо съ другими богами корабль погубитъ нашъ
³⁵⁰Въ морѣ захочетъ, то легче, въ волнахъ захлебнувшись,
погибнуть

Вдругъ, чѣмъ на островѣ дикомъ отъ голода медленно таятъ.
Такъ говорилъ Эврилохъ и спутники съ нимъ согласились.
Лучшихъ тогда изъ быковъ Геліосовыхъ, вольно бродившихъ,
Взяли они—невдали корабля темноносаго стадо
³⁵⁵Жирныхъ, огромнорогатыхъ и лбистыхъ быковъ тамъ гуляло—
Ихъ обступили безумцы; воззавши къ богамъ Олимпійскимъ,
Листьевъ нарвали они съ густоглаваго дуба, ячменя
Болѣ въ запасъ на черномъ своемъ кораблѣ не имѣя.
Кончивъ молитву, зарѣзавъ быковъ и содравши съ нихъ кожи,
³⁶⁰Бедра они всѣ отсѣкли, а кости, обвитыя дважды
Жиромъ, кровавыми свѣжаго мяса кусками обклали.
Но, не имѣя вина, возліянье они совершили
Просто водою и бросили въ жертвенный пламень утробу,
Бедра сожгли, остальное же, сладкой утробы отвѣдавъ,
³⁶⁵Все изрубили на части и стали на вертелахъ жарить.
Тутъ улетѣлъ усладительный сонъ, мнѣ рѣсницы смывавшій.
Я, пробудившись, пошелъ къ кораблю на песчаное взморье
Шагомъ посипшимъ; когда жъ къ кораблю подходилъ, бла-
говоннымъ

Запахомъ пара мяснаго я былъ пораженъ; содргнувшись,
³⁷⁰Жалобный голосъ упрека вознесъ я къ богамъ Олимпійскимъ:
Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Вы на бѣду обольстительный сонъ низвели мнѣ на вѣжды:
Спутники тамъ безъ меня святотатное дѣло свершили.
Тою порой о убійствѣ быковъ Иперіоновъ свѣтлый
³⁷⁵Сынъ извѣщенъ былъ Лампетіей, длинноодѣянной дѣвой.
Съ гнѣвомъ великимъ къ безсмертнымъ богамъ обратясь, онъ
воскликнулъ:

Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,

*

Жалуюсь вамъ на людей Одиссея, Лаэртиова сына!
 Дерзко они у меня умертвили быковъ, на которыхъ
³⁸⁰Такъ любовался всегда я—всходилъ ли на звѣздное небо,
 Съ звѣзднаго ль неба сходилъ и къ землѣ ниспускался.
 Если же вами не будетъ наказано ихъ святотатство,
 Въ область Аида сойду я и буду свѣтити для умершихъ.
 Гнѣвному богу отвѣтствовалъ такъ тученосецъ Кроніонъ:
³⁸⁵Геліосъ, смѣло сіяя для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ.
 Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.
 Ихъ я корабль чернобокій, низвергнувши пламенный громъ свой,
 Въ морѣ широкомъ на мелкія части разбить не замедлю.
 [Это мнѣ было открыто Калипсою божественной; ей же
³⁹⁰Все рассказали вѣстносонецъ крылатый Кроніоновъ Эрміи].
 Я, возвратясь къ кораблю своему на песчаное взморье,
 Спутниковъ собралъ и всѣхъ одного за другимъ упрекалъ; но
 исправить

Зла намъ ужъ было не можно; быки ужъ зарѣзаны были.
 Боги притомъ же и знаменье, въ страхъ насъ приведшее, дали:
³⁹⁵Кожи ползли, а сырое на вертелахъ мясо и мясо,
 Снятое съ вертеловъ, жалобно ревъ издавали бычачій.
 Цѣлые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
 Били отборныхъ быковъ Геліоса и ѣли ихъ мясо;
 Но на седьмой день, предъизбранный тайно Кроніономъ Зевсомъ,
⁴⁰⁰Вѣтеръ утихъ и шумѣть перестала сердитая буря.
 Мачту поднявши и бѣлый на мачтѣ расправивши парусъ,
 Всѣ мы вошли на корабль и пустились въ открытое море.
 Но, когда въ отдаленіи островъ пропалъ, и исчезла
 Всюду земля и лишь небо, съ водами слѣнное, зрѣлось,
⁴⁰⁵Богъ громовержець Кроніонъ тяжелую темную тучу
 Прямо надъ нашимъ стусилъ кораблемъ и подъ нимъ по-
 темнѣло

Море. И кратокъ былъ путь для него. Отъ заката примчался
 Съ воемъ Зефиръ и возстала великая бури тревога;
 Лопнули разомъ веревки, державшія мачту; и разомъ
⁴¹⁰Мачта, сломясь, съ парусами своими, гремящая, пала

Вся на корму и въ паденьи тяжелымъ ударомъ разбила
 Голову кормщику; черепъ его подъ упавшей громадой
 Весь былъ расплюснутъ, и онъ, водолазу подобно, съ высогихъ
 Ребрь корабля кувырнувшись въ глубь, тамъ пропалъ и изъ тѣла
⁴¹⁵Духъ улетѣлъ. Тутъ Зевесъ, заблеставъ, на корабль гро-
 мовую

Бросилъ стрѣлу; закружилось пронзенное судно и дымомъ
 Сѣрнымъ его обхватило. Всѣ разомъ товарищи были
 Сброшены въ воду и всѣ, какъ вороны морскія разсѣясь,
 Въ шумной исчезли пучинѣ—возврата лишилъ ихъ Кроніонъ.
⁴²⁰Я жъ, уцѣлѣвъ, межъ обломковъ остался до тѣхъ поръ, покуда
 Киля водой не отбило отъ ребрь корабельныхъ: онъ поплылъ;
 Мачта за нимъ поплыла; обвивался сплетенный изъ крѣпкой
 Кожи воловьея ремень вдругъ нея: за ремень уцѣпившись,
 Мачту и киль имъ поспѣшно опуталъ и плотно связалъ я,
⁴²⁵Ихъ обхватилъ и отдался во власть безпредѣльнаго моря.
 Стихнулъ Зефиръ, присмирѣла сердитая буря; но быстрый
 Нотъ поднялся: онъ меня въ несказанную ввергнулъ тревогу.
 Снова обратной дорогой меня на Харибду помчалъ онъ.
 Цѣлую ночь былъ туда я несомъ; а когда возсіяло
⁴³⁰Солнце—себя я узрѣлъ межъ утесами Скиллы и страшной
 Харибдой.

Въ это мгновеніе влагу соленую хлябь поглощала;
 Я, ухватясь за смоковницу, росшую тамъ, прицѣпился
 Къ вѣтвямъ ея, какъ летучая мышь, и повисъ, и нельзя мнѣ
 Было ногой ни во что упереться—висѣлъ на рукахъ я.
⁴³⁵Корни смоковницы были далѣко въ скалѣ и, расширясь,
 Вѣтви объемомъ великимъ Харибду кругомъ осыняли;
 Такъ тамъ, вися безъ движенія, ждалъ я, чтобъ вынесли волны
 Мачту и киль изъ жерла, и въ тоскѣ несказанной я долго
 Ждалъ—и ужъ около часа, въ который судья, разрѣшивши
⁴⁴⁰Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходитъ
 Съ площади—выплыли вдругъ изъ Харибды желанныя бревна.
 Бросился внизъ я, раскинувши руки и ноги, и прямо
 Тяжестью всею упалъ на обломки несомые моремъ.

Ихъ осѣдлавши, я началъ руками какъ веслами править.

⁴⁴⁵Скиплѣ жъ, владыка безсмертныхъ Кроніонъ, меня не дозволилъ

Въ морѣ примѣтнить: иначе была бъ неизбежна погибель.

Девять носился я дней по водамъ; на десятый съ наставшей

Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо

Царствуетъ, свѣтлокудрая, сладкорѣчивая нимфа.

⁴⁵⁰Принять я былъ благосклонно богиней. Объ этомъ однако

Мнѣ говорить ужъ не нужно: вчера описалъ я подробно

Все и тебѣ и царицѣ; весьма неразумно и скучно

Снова рассказывать то, что ужъ мы рассказали однажды.

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ И УТРО ТРИДЦАТЬ ПЯТАГО.

Одиссей, одаренный щедро царемъ Алкиноемъ, царицею Аретою и феакійцами, покидаетъ съ наступленіемъ ночи ихъ островъ. Онъ засыпаетъ. Тѣмъ временемъ корабль феакійскій, быстро совершивъ свое плаваніе, достигаетъ Итаки. Вошедши въ приставъ Форкинскую, мореходы выносятъ Одиссея на берегъ, соннаго, и тамъ оставляютъ его со всѣми сокровищами, полученными имъ отъ феакійцевъ. Они удаляются. Раздраженный Посидонъ превращаетъ корабль ихъ въ утесъ. Одиссей пробуждается, но не узнаетъ земли своей, которую Аяяна покрыла густымъ туманомъ. Богиня встрѣчается съ нимъ подъ видомъ юноши. Онъ рассказываетъ ей о себѣ вымышленную повѣсть; тогда Аяяна открывается ему, принявъ на себя образъ дѣвы. Спрятавъ сокровища Одиссеевы въ гротѣ Наядъ, богиня даетъ ему наставленіе, какъ отмстить женихамъ, превращаетъ его въ стараго нищаго и, повелѣвъ ему идти во внутренность остова къ свинопасу Эвмею, сама улетаетъ въ Лакедемонъ къ Телемаку.

Такъ Одиссей говорилъ, и ему въ потемнѣвшемъ чертогѣ Молча внимали другіе, и всѣ очарованы были.

Тутъ обратилась къ нему Алкиноева сила святая:

Если мой домъ мѣднованный ты посѣтилъ, благородный

⁵Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствій не встрѣтишь
 Нынѣ, въ отчизну отъ насъ возвращаясь, хотя и немало
 Бѣдъ испыталъ ты. А я обращаюсь теперь, феакійцы,
 Къ вамъ, ежедневно вино искромлетное пьющимъ со мною
 Въ царскихъ палатахъ, внимая струнамъ золотымъ пѣснопѣвца.
¹⁰Все ужъ въ ковчегѣ лежитъ драгоцѣнномъ, и даниша гостю
 Ризы, и чудной работы златые сосуды и много
 Разныхъ подарковъ другихъ отъ владыкъ феакійскихъ; пу-
 ской же

Къ нимъ по большому котлу и треножнику прочной работы
 Каждый прибавить; себя жъ наградимъ за убытокъ богатымъ
¹⁵Сборомъ съ народа: столь щедро дарить одному не посилаемъ.
 Такъ Алкиной говорилъ; и одобривъ его предложеніе,
 Всѣ по домамъ разошлись, о ложѣ и снѣ помышляя.
 Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось.
 Каждый поспѣшно отнесъ на корабль мѣднолитную утварь;
²⁰Какъ же ту утварь подъ лавками судна укласть [чтобъ ра-
 ботать

Веслами въ морѣ могли, не вредя ей, гребцы молодые],
 Самъ Алкиной, обошедши корабль, осторожно устроилъ.
 Всѣ они въ царскихъ палатахъ потомъ учредили обѣдъ свой.
 Тутъ собирателю тучъ, громоносцу Кроніону Зевсу
²⁵Въ жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
 Бедра предавши огню, насладились роскошною пищею
 Гости; и громко звуча вдохновенною лирой, предъ ними
 Пѣлъ Демодокъ, многочтимый въ народѣ. Но голову часто
 Царь Одиссей обращалъ на всемірно-свѣтящее солнце,
³⁰Съ неба его понуждая сойти, чтобъ отъѣздъ ускорить свой.
 Такъ помышляеть о сладостной вечерѣ пахарь, день цѣлный
 Свѣжее поле съ четою воловъ бороздившій могучимъ
 Плугомъ и весело видѣть ему заходящее солнце:
 Тащится тяжкой стопою домой онъ готовить свой ужинъ.
³⁵Такъ Одиссей веселился, увидя склоненіе на западъ
 Солнца. Тогда, обратясь ко всѣмъ феакіянамъ вмѣстѣ,
 Слово такое сказалъ онъ, смотря на царя Алкиноя:

Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Въ путь снарядите меня, сотворивъ возліянье безсмертнымъ;

⁴⁰Сама же радуйтесь. Все ужъ готово, чего такъ желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлютъ благодать мнѣ
Боги Ураниды нынѣ, чтобъ я, возвратясь въ отчизну,
Дома жену безъ порока нашель и возлюбленныхъ ближнихъ
Всѣхъ сохраненныхъ; а вы благоденствуйте каждый съ своею,
⁴⁵Сердцемъ избранной супругой и съ чадами; все да пошлютъ
вамъ

Доброе боги; и зло никакое чтобъ васъ не коснулось.

Кончили; и всѣ, изъявивъ одобренье, рѣшили немедля
Гостя, плѣнившаго ихъ столь разумною рѣчью, отправить
Въ путь. Обратясь тогда къ Понтоною, сказала феакіянь

⁵⁰Царь благородный: наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ
Чаши, дабы, помолившись владыкѣ Кроніону Зевсу,
Странника въ милую землю отцовъ отпустили мы съ миромъ.
Такъ онъ сказалъ и, кратеры наполнивъ виномъ благовон-

нымъ,

Подаль съ нимъ чаши гостямъ Понтоною; и они возліянье

⁵⁵Имъ совершили богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Каждый на мѣстѣ своемъ. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подаль царицѣ Аретѣ двурусный кубокъ; потомъ онъ,

• Голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово: царица,
Радуйся нынѣ и жизнь проводи безпечально, доколѣ

⁶⁰Старость и смерть не придутъ въ обреченное каждому время.
Я возвращаюсь въ отеческій домъ свой; а ты благоденствуй
Дома съ дѣтьми, съ домочадцами, съ добрымъ царемъ Алки-
ноемъ.

Слово такое сказавъ, черезъ мѣдный порогъ перешель онъ.
Съ нимъ повелѣлъ Понтоною идти Алкиной, чтобъ ему онъ

⁶⁵Путь указаль къ кораблю и къ песчаному берегу морскому.
Также царица Арета послала за нимъ трехъ домашнихъ слу-
жановъ,

Съ вымытой чисто одеждой одну и съ хитономъ, другую

Съ отданнымъ ей въ сохраненье блестящимъ ковчегомъ, а
 третью

Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ и съ запасомъ ѣды на дорогу.

⁷⁰Къ берегу морскому онѣ подошли и, принявши изъ рукъ ихъ

Платье, ковчегъ и вино и дорожную пищу, немедля

Все на корабль отнесли быстроходный гребцы, и на гладкой

Палубѣ мягкоширокіи коверъ съ простыней полотняной

Подлѣ кормы разостлали, чтобъ могъ Одиссей безтревожно

⁷⁵Спать. И вступилъ Одиссей на корабль быстроходный; и молча

Легъ онъ на мягкоширокіи коверъ. И на лавки порядкомъ

Сѣли гребцы, и канатъ отвязавъ отъ причального камня,

Разомъ ударили въ весла и взбрызнули темную влагу.

Тою порой миротворно слетѣлъ Одиссею на вѣжды

⁸⁰Сонъ непробудный, усладный, съ безмолвною смертію сход-
 ный.

Быстро [какъ полемъ широкимъ коней четверня, безпрестанно

Сильнымъ гонимыхъ бичемъ, поражающимъ всѣхъ совокупно,

Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершаетъ

Путь свой] корабль, воздвигая корму, побѣжалъ, и пурпурной

⁸⁵Сзади волной напирая, его многошумное море

Мчалю впередъ; безпрепятственно плылъ онъ; и соколъ, бы-
 стрѣйшій

Между пернатыми неба, его не догналъ бы въ полетѣ —

Такъ онъ стремительно, зыбь разсѣкая, летѣлъ черезъ море,

Мужа неся богоравнаго, полнаго мыслей высокихъ,

⁹⁰Много встрѣчавшаго бѣдъ, сокрушающихъ сердце, средь
 бурной

Странствуя зыби, и много великихъ выдавшаго браней —

Нынѣ же спалъ онъ, забывъ претерпѣнное, сномъ беззабот-
 нымъ.

Но поднялася звѣзда лучезарная, вѣстница свѣтлой,

Въ сумракѣ раннемъ родившейся Эось; и путь свой обончивъ,

⁹⁵Къ берегу Итаки достигнулъ корабль, обѣгающій море.

Пристань находится тамъ, посвященная старцу морскому

Форку; ее образуютъ двѣ длинныя вѣтви крутаго

Брега, скалами зубчатыми въ море входящаго; вѣтрамъ
 Онъ возбуждаетъ извнѣ нагонять на спокойную пристань
¹⁰⁰Волны тревожныя; могутъ внутри корабли на притонномъ
 Мѣстѣ безъ привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
 Въ самой вершинѣ залива широкосѣнистая зрится
 Маслина; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ
 Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывущимъ Наядами, ним-
 фамъ;

¹⁰⁵Много въ томъ гротѣ кратеръ и большихъ двоеручныхъ
 кувшиновъ
 Каменныхъ; пчелы, гнѣздяся въ ихъ нѣдрахъ, свой медъ соста-
 вляютъ;

Также тамъ много и каменныхъ длинныхъ становъ; за ста-
 нами

Сидя, чудесно одежды пурпурныя ткуть тамъ Наяды;
 Вѣчно шумитъ тамъ вода ключевая; въ гротѣ два входа:

¹¹⁰Людямъ одинъ лишь изъ нихъ, обращенный къ Борю, до-
 ступенъ;

Къ Ноту жъ на югъ обращенный богамъ посвященъ — не
 дерзаетъ

Смертный къ нему приближаться, однимъ лишь безсмертнымъ
 открыть онъ.

Зная то мѣсто, къ нему подошли мореходцы; корабль ихъ
 Цѣлой почти половиною на берегъ вспянулъ—такъ быстро

¹¹⁵Мчался онъ, веслами сильныхъ гребцовъ понуждаемый къ
 бѣгу.

Сталъ неподвижно у берега могучій корабль. Мореходцы,

Съ палубы гладкой рукой осторожной царя Одиссея

Снявъ съ простынею и съ мягкимъ ковромъ, на которыхъ ле-
 жаль онъ

Спящій глубоко, его положили на брегъ песчаномъ;

¹²⁰Послѣ, богатства собравъ, отъ разумныхъ людей феакійскихъ

Имъ полученныя въ даръ по внушенью великой Аены,

Бережно склади у корня оливы широкосѣнистой

Все, отъ дороги поодаль, дабы никакой проходящій,

Полюясь сномъ Одиссея глубокимъ, чего не похитилъ.
¹²⁵Кончивъ, пустилися въ море они. Но земли колебатель,
 Помня во гнѣвѣ о прежнихъ угрозахъ своихъ Одиссею,
 Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, съ такой обратился молитвой
 Къ Зевсу: о Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, не буду богами
 Болѣ честимъ я, когда мной ругаться начнутъ феакійцы,
¹³⁰Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
 Вѣдалъ всегда я, что въ домъ свой, немало тревогъ испытавши,
 Долженъ вступить Одиссей; я не могъ у него возвращенья
 Въсе похитить: ты прежде ужъ судъ произнесъ свой.
 Нынѣ жъ его феакійцы въ своемъ кораблѣ до Итаки
¹³⁵Спящаго, мнѣ вопреки, довели, напередъ одаривши
 Золотомъ, мѣдью и множествомъ ризъ, драгоценосотканныхъ,
 Такъ изобильно, что даже изъ Трои подобной добычи
 Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно въ домъ возвра-
 тился.

Гнѣвному Богу отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
¹⁴⁰Странное слово сказалъ ты, могучій земли колебатель;
 Ты ль не въ чести у боговъ, и возможно ль, чтобъ лучшій,
 Старшій и силою первый не чтимъ былъ отъ младшихъ и низ-
 шихъ?

Если же кто изъ людей земнородныхъ, съ тобою неравныхъ
 Силою и властью, тебя не почтитъ, накажи безопасно.
¹⁴⁵Дѣйствуй теперь, какъ желаешь ты самъ, какъ пріятнѣе сердцу.
 Богъ Посидонъ, колебатель земли, отвѣчалъ громовержцу:
 Смѣло бъ я дѣйствовать сталъ, о Зевесъ чернооблачный, если бъ
 Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился;
 Нынѣ же мной феакійскій прекрасный корабль, Одиссея
¹⁵⁰Въ землю его проводившій и моремъ обратно плывущій,
 Будеть разбить, чтобъ впередъ ужъ они по водамъ не дерзали
 Всѣхъ провожать, и горою великой задвину ихъ городъ.
 Гнѣвному Богу отвѣтствовалъ такъ громовержецъ Кроніонъ:
 Другъ Посидонъ, полагаю, что самое лучшее будетъ,
¹⁵⁵Если [когда подходящій корабль издалѣка увидятъ
 Жители града] его передъ ними въ утесъ обратишь ты,

Образъ плывущаго судна ему сохранивши, чтобъ чудо
Всѣхъ изумило; потомъ ты горою задвинешъ ихъ городъ.

Слово такое услышавъ, могучій земли колебатель

¹⁶⁰Въ Схерию, гдѣ обиталъ феакійскій народъ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. Къ нему подошедь, колебатель земли во мгновенье
Въ камень его обратилъ и ударомъ ладони къ морскому
Дну основаніемъ крѣпко притиснулъ; потомъ удалился.

¹⁶⁵Шумно словами крылатыми спрашивать стали другъ друга
Веслолюбивые, смѣлые гости морей феакійцы,

Глядя одинъ на другаго, и такъ межъ собой разсуждая:

Горе! кто вдругъ на водахъ оковаль нашъ корабль быстроход-
ный,

Къ берегу шедшій? Его ужъ вдали различали мы ясно.

¹⁷⁰Такъ говорили они, не постигнувъ того, что случилось.

Къ нимъ обратился тогда Алкиной и сказалъ: феакійцы,

Горе! я вижу, что нынѣ сбылося все то, что отецъ мой

Мнѣ предсказалъ, говоря, какъ на насъ Посидонъ негодуетъ

Сильно за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.

¹⁷⁵Нѣкогда, онъ утверждалъ, феакійскій корабль, проводившій

Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ,

Будеть разбитъ Посидономъ, который высокою горою

Градъ нашъ задвинетъ. Такъ мнѣ говорилъ онъ, и все соверши-
лось.

Вы жъ, феакійскіе люди, исполните то, что скажу вамъ:

¹⁸⁰Съ этой поры мы не станемъ уже по морямъ, какъ бывало,

Странниковъ, нашъ посѣщающихъ градъ, провожать; Посидо-
ну жъ

Въ жертву немедля двѣнадцать быковъ принесемъ, чтобъ на ми-
лость

Онъ преклонился, и града горой не задвинулъ великой.

Такъ онъ сказалъ и быковъ приготовилъ на жертву объятій

¹⁸⁵Страхомъ народъ; и усердно молясь Посидону владыкѣ,

Всѣ феакійскіе старцы, вожди и вельможи стояли

Вкругъ алтаря. Той порой Одиссей, привезенный въ отчизну

Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узнать онъ—
 Такъ былъ отсутственъ давно; да и сторону всю ту покрыла
¹⁹⁰Мглою туманною дочь громовержца Афина, чтобъ не былъ
 Прежде, покуда всего отъ нея не услышитъ, кѣмъ встрѣченъ
 Царь Одиссей, чтобъ его ни жена, ни домашній, ни житель
 Града какой не узнали, пова женихамъ не отмстить онъ;
 Вотъ почему и явилось очамъ Одиссея столь чуждымъ
¹⁹⁵Все, и пзлучины длинныхъ дорогъ, и заливъ межъ стѣнами
 Гладкихъ утесовъ, и темныя сѣни деревь черноглавыхъ.
 Вставши съ великимъ волненьемъ, онъ началъ кругомъ ози-
 раться;

Скорбь овладѣла душою его, по бедрамъ онъ могучимъ
 Крѣпко ударивъ руками, въ печали великой воскликнулъ:
²⁰⁰Горе! къ какому народу зашелъ я! здѣсь, можетъ быть, область
 Дикихъ, незнающихъ правды людей, иль, быть можетъ, я встрѣчу
 Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ.
 Гдѣ же я скрою богатства мои и куда обратиться
 Мнѣ самому? Для чего межъ людьми феакійскими долѣ
²⁰⁵Я не остался! къ другому изъ сильныхъ владыкъ въ ихъ народѣ
 Я бы прибѣгнулъ, и онъ бы помогъ мнѣ достигнуть отчизны;
 Нынѣ жъ не знаю, что дѣлать съ своимъ мнѣ добромъ; безъ хра-
 ненья

Здѣсь не оставлю его, отъ прохожихъ расхищено будетъ.
 Горе: я вижу теперь, что не вѣсье умны и правдивы
²¹⁰Были въ поступкахъ со мною и царь и вожди феакійцевъ:
 Ими я брошенъ въ краю мнѣ чужомъ; отвезти обѣщались
 Въ милую прямо Итаку меня, и нарушили слово;
 Ихъ да накажетъ Зевесъ, покровитель лишенныхъ покрова,
 Зрящій на наши дѣла и карающій наши злодѣйства.
²¹⁵Должно однако богатства мои перечестъ, чтобъ увидѣть,
 Цѣло ли все, не украли ль чего въ кораблѣ быстроходномъ?
 Онъ сосчиталъ всѣ котлы, всѣ треножники, всѣ золотыя
 Утвари, всѣ драгоцѣнно-сотканныя ризы, и цѣлымъ
 Все оказалось; но горько онъ плакалъ о милой отчизнѣ,
²²⁰Глядя на шумное море, бродя по песчаному берегу

Въ тяжкой печали. Къ нему подошла тутъ богиня Аѳина,
 Образъ принявъ пастуха, за овечьимъ ходящаго стадомъ,
 Юнаго, нѣжной красою подобнаго царскому сыну;
 Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
²²⁵Ноги сіяли въ сандаляхъ, легкимъ копьемъ подпиралась.
 Радуюсь встрѣчѣ такой, Одиссей подошелъ къ свѣтлоокой
 Дѣвъ и, голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово:
 Другъ, ты въ землѣ незнакомой мнѣ страннику встрѣтился пер-
 вый;

Радуйся! сердце жъ на милость свое отвори; сохрани мнѣ
²³⁰Это добро, и меня самого защити; я какъ бога,
 Другъ, умоляю тебя и колѣна твои обнимаю:
 Мнѣ отвѣчай откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать,
 Гдѣ я? Въ какой сторонѣ? И какой здѣсь народъ обитаетъ?
 Островъ ли это гористый пль въ море входящій, высокій
²³⁵Берегъ земли матерой, покровенной крутыми горами?
 Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
 Видно, что ты издалека, пришелецъ, пль вовсе безмысленъ,
 Если объ этомъ не вѣдаешь краѣ? Но онъ не безславенъ
 Между краями земными, народамъ земнымъ онъ извѣстенъ
²⁴⁰Всѣмъ, какъ живущимъ къ востоку, гдѣ Эось и Гелиось всхо-
 дятъ,

Такъ и живущимъ на западъ, гдѣ область туманныя ночи;
 Правда, гористъ и суровъ онъ, конямъ неприволенъ, но во-
 все жъ

Онъ и не дикъ, не бесплоденъ, хотя не широкъ и полями
 Бѣденъ; онъ жатву сторицей даетъ и на немъ винограда
²⁴⁵Много родится отъ частыхъ дождей и отъ росъ плодо-
 творныхъ;

Пажитей много на немъ для бывовъ и для козъ, и богатъ онъ
 Лѣсомъ и множествомъ водъ, безущербно годъ цѣлый текущихъ.
 Странникъ, конечно молва объ Итакѣ дошла и къ предѣламъ
 Трои, лежащей, какъ слышно, далеко отъ края ахеянъ.
²⁵⁰Кончила. Въ грудь Одиссея веселье отъ словъ сихъ проникло:
 Радъ былъ услышать онъ имя отчизны изъ устъ свѣтлоокой

Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Аѳины;
 Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово богинѣ
 [Правду однако онъ скрылъ отъ нея хитроумною рѣчью,
²⁵⁵Въ сердцѣ своемъ осторожно о пользѣ своей помышляя]:
 Имя Итаки впервые слышалъ я въ Критѣ обширномъ,
 За моремъ; нынѣ жъ и самъ я предѣловъ Итаки достигнулъ,
 Много сокровищъ съ собою привезши и столько же дома
 Дѣтямъ оставивъ; бѣжалъ я оттуда, убивъ Архилога,
²⁶⁰Идоменеева милаго сына, который въ обширномъ
 Критѣ мужей предприимчивыхъ всѣхъ побѣждалъ быстрою
 Ногъ; онъ хотѣлъ у меня всю добычу троянскую [столько
 Злыхъ мнѣ тревогъ приключившую въ тѣ времена, какъ во мно-
 гихъ

Браняхъ я былъ и среди бѣдоноснаго странствовалъ моря]
²⁶⁵Силой отнять, поелику его я отцу отказался
 Въ Троѣ служить и своимъ людьми предводитель; но его я,
 Шедшаго съ поля, съ товарищемъ подлѣ дороги укрывшись,
 Мѣтковаправленнымъ мѣднымъ копьемъ умертвилъ изъ засады;
 Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой насъ
²⁷⁰Видѣть не могъ человекъ; и не свѣдалъ никто, что убійца
 Я; но, копьемъ мѣдноострымъ его умертвивъ, не замедлилъ
 Я, къ кораблю финнiйскихъ людей благородныхъ пришедши,
 Ихъ убѣдить предложеньемъ даровъ, чтобъ меня на корабль
 свой

Взявши и въ Пилосъ привезши, тамъ на берегъ дали мнѣ выдти,
²⁷⁵Или въ Элиду, священную область эпеянь, меня проводили;
 Но береговъ ихъ достигнуть намъ не далъ враждующій вѣтеръ;
 Къ горю самихъ мореходцевъ, меня обмануть не хотѣвшихъ;
 Сбившись съ дороги, сюда мы приплыли ночью порою;
 Въ пристань на веслахъ ввели мы корабль и никто не помы-
 слилъ,

²⁸⁰Сколь ни стремило къ тому насъ желанье, объ ужинѣ; всѣ мы,
 вмѣстѣ сошедъ съ корабля, улеглись на брегѣ песчаномъ;
 Въ это мгновенье въ глубокой я сонъ погрузился; они же,
 Взявши пожитки мои съ корабля, ихъ сложили на землю

Тамъ, гдѣ заснувши лежалъ на пескѣ я; потомъ, возвратяся
²⁸⁵Всѣ на корабль, къ берегамъ многолюдной Сидоніи путь свой
 Быстро направили. Я же остался одинъ, сокрушенный.

Кончилъ. Съ улыбкой Аѳина ему свѣтлоокая щеки
 Нѣжной рукою потрепала, явившись прекрасною, съ станомъ
 Стройно высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ искусною дѣвой.

²⁹⁰Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:
 Долженъ быть скрытенъ и хитръ несказанно, кто спорить съ
 тобою

Въ вымыслахъ разныхъ захочеть; то было бы трудно и богу.

Ты, кознодѣй, на коварныя выдумки дерзкій, не можешь,
 Даже и въ землю свою возвратяся, оторваться отъ темной

²⁹⁵Лжи и отъ словъ двоясмысленныхъ, смолода къ нимъ приучив-
 шись;

Но объ этомъ теперь говорить бесполезно; мы оба

Любимъ хитрить. На землѣ ты межъ смертными разумомъ первый
 Также и сладкою рѣчью; я первая между безсмертныхъ

Мудрымъ умомъ и искусствомъ на хитрые вымыслы. Какъ же

³⁰⁰Могъ не узнать ты Паллады Аѳины, тебя неизмѣнно

Въ тяжкихъ трудахъ подкрѣплявшей, хранившей въ напастяхъ,
 и нынѣ

Всѣмъ феакіянамъ сердце къ тебѣ на любовь преклонившей?

Знай же, теперь я пришла, чтобъ, съ тобой все разумно обду-
 мавъ,

Къ мѣсту прибрать здѣсь все то, что отъ щедрыхъ людей феа-
 кійскихъ

³⁰⁵Ты получилъ при отъѣздѣ моимъ благосклоннымъ вну-
 шеньемъ;

Также, чтобъ зналъ ты, какія судьба въ многославномъ жилищѣ

Царскомъ бѣды для тебя приготовила. Ты же мужайся;

Но берегись, чтобъ никто тамъ, ни мужъ, ни жена, не провѣ-
 даль

Тайны, что бѣдный скиталець—ты самъ, возвратившійся; молча

³¹⁰Всѣ оскорбленья сноси, наглецамъ уступая безъ гнѣва.

Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:

Смертный, и самый разумный, съ тобою случайно, богиня,
Встрѣтись, тебя не узнаетъ: во всѣхъ ты являешься видахъ.

Помню однако я, сколь ты бывала ко мнѣ благосклонна

³¹⁵Въ тѣ времена, какъ въ Троянской землѣ мы сражались,
ахейцы.

Но, когда ниспровергнувши городъ Пріамовъ великій,
Мы къ кораблямъ возвратились, разгнѣванный богъ различилъ
насъ.

Съ тѣхъ поръ съ тобою не встрѣчался я, Діева дочь, не при-
мѣтилъ

Также, чтобъ ты, на корабль мой вступивши, меня отъ какого
³²⁰Зла защитила. Съ разорваннымъ сердцемъ, безъ всякой защиты,
Странствовалъ я: наконецъ отъ напастей избавили боги.

Только въ странѣ плодоносной мужей феакійскихъ меня ты
Словомъ своимъ ободрила и въ городъ мнѣ путь указала.

Нынѣ жъ, колѣна объемля твои, умоляю Зевесомъ

³²⁵[Я сомнѣваюсь, чтобъ былъ я въ Итакѣ; я въ землю иную

Прибылъ; ты, такъ говоря, безъ сомнѣнья испытывать шуткой
Хочешь мнѣ сердце; ты хочешь мой разумъ ввести въ заблуж-
денье],

Точно ль, скажи мнѣ поистинѣ, милой отчизны достигъ я?

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

³³⁰Въ сердцѣ моемъ благосклонность къ тебѣ сохранилася таже;

Мнѣ невозможно въ несчастьи покинуть тебя; ты приѣмешь

Ласково каждый совѣтъ, ты понятливъ, ты смѣлъ въ исполненьи,

Всякій, на чужѣ скитавшійся долго, достигнувъ отчизны,

Домъ свой, жену и дѣтей пламенѣтъ желаньемъ увидѣтъ;

³³⁵Ты жъ, Одиссей, не спѣши узнавать, воздержись отъ раз-
спросовъ;

Прежде ты долженъ жену испытать; неизмѣнная сердцемъ,

Дома она ожидаетъ тебя съ нетерпѣніемъ, твоя

Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали.

Я же сомнѣнія въ томъ никогда не имѣла — напротивъ

³⁴⁰Знала, что спутниковъ всѣхъ потерявъ, ты домой возвра-
тишься;

Но неприлично мнѣ было вражду заводить съ Посидономъ,
 Братомъ родителя Зевса, тобой оскорбленнымъ: ты сильно
 Душу разгнѣваль его умерщвленіемъ милого сына.
 Но, чтобъ ты могъ мнѣ повѣрить, тебѣ я открою Итаку.
³⁴⁵Здѣсь посвященная старцу морскому Форбинская пристань;
 Въ самой вершинѣ залива широкоствѣнистую видишь
 Маслину; близко ея подутемный съ возвышеннымъ сводомъ
 Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывущимъ Наядами, ним-
 фамъ

[Самый тотъ хладный, въ утесѣ таящійся гротъ, гдѣ столь часто
³⁵⁰Ты приносишь экатомбы богатя чистымъ Наядамъ].

Вотъ и гора Неріонъ, покровенная лѣсомъ широкимъ.
 Кончивъ, богиня туманъ раздѣлила; окрестность явилась;
 Въ грудь Одиссея при видѣ такомъ пролилося веселье;
 Бросился онъ цѣловать плододарную землю отчизны;
³⁵⁵Руки поднявъ, обратился потомъ онъ съ молитвой въ Наядамъ:

Нимфы Наяды, Зевесовы дочери, я ужъ не думалъ
 Здѣсь васъ увидѣть; теперь веселитесь моею веселой,
 Нимфы, молитвой; и будутъ дары вамъ обычныя, если
 Дочь броненосная Зевса Аѣнна и мнѣ благосклонно
³⁶⁰Жизнь сохранить, и милого сына спасетъ отъ напасти.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѣнна ему отвѣчала:
 Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ;
 Долженъ напротивъ сокровища въ нѣдрѣ пространнаго грота
 Спрятать свои, чтобъ изъ нихъ ничего у тебя не пропало.
³⁶⁵Послѣ, все дѣло обдумавъ, мы выберемъ то, что полезнѣй.

Кончивъ, богиня во внутренность грота вошла и рукою
 Темные стѣны завоулки оцупала; сынъ же Лаэртговъ
 Все, и нетлѣнную мѣдь, и богатя платья, и злато,
 Имъ отъ людей Феакійской земли полученныя, собралъ;

³⁷⁰Въ гротѣ ихъ славъ, передъ входомъ его положила огромный
 Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Аѣнна.
 Оба тогда, подъ широкоствѣнистою маслиной сѣвши,
 Стали обдумывать, какъ погубить жениховъ многобуйныхъ.
 Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѣнна сказала:

375 О Лаэртидѣ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Выдумай, какъ бы тебѣ жениховъ наказать незаконныхъ,
 Болѣ трехъ лѣтъ самовластно твоимъ обладающихъ домою,
 Муча докучнымъ своимъ сватовствомъ Пенелопу; она же,
 Сердцемъ въ разлукѣ съ тобою крушась, подаетъ имъ надежду
 380 Всѣмъ, и каждому порознь себя общаетъ, и вѣсти
 Добрыя шлетъ къ нимъ, недоброе въ сердцѣ для нихъ замышляя.

Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:

Горе! и мнѣ бѣ, какъ царю Агамемнону сыну Атрея,
 Жалостной гибели въ царскомъ жилищѣ моемъ не избѣгнуть,

383 Если бы вовремя мнѣ ты всего не открыла богиня!

Дай мнѣ теперь наставленіе, какъ отомстить имъ; сама же
 Мнѣ помоги и такую жъ даруй мнѣ отважность, какъ въ Троѣ,
 Гдѣ мы разрушили свѣтлыя стѣны Приамова града.

Стой за меня и теперь, какъ тогда, свѣтлокая; смѣло

390 Выдти готовъ и на триста мужей я, хранимый твоею

Силою божественной, если ко мнѣ ты еще благосклонна.

Дочь свѣтлокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставленъ

Мной и тогда, какъ приступимъ мы къ дѣлу; и думаю скоро

395 Лоно земли безпредѣльной обрызжется кровью и мозгомъ

Многихъ изъ нихъ, незаконныхъ, твое достоянье губящихъ.

Прежде однако тебя превращу я, чтобъ не былъ никѣмъ ты

Узнанъ: наморщю блестящую кожу твою на могучихъ

Членахъ, сниму съ головы златотемные кудри, покрою

400 Рубищемъ бѣднымъ плеча, чтобъ глядѣлъ на тебя съ отвращеньемъ

Каждый, и струпомъ глаза, столь прекрасные нынѣ, подерну;

Въ видѣ такомъ женихамъ ты, супругѣ и сыну [который
 Дома тобой былъ оставленъ], неузнанный, будешь противень.

Прежде однако отсюда ты долженъ пойти къ свинопасу,

405 Главному здѣсь надъ стадами свинными смотрителю; вѣрнѣ

Онъ и тебѣ и разумной твоей Пенелопѣ и сыну;

Встрѣтишь его ты у стада свиней: близъ утеса Коракса,

Подлѣ ключа Аретузы лазеровой стадо пасется,

*

Жадно питаюсь тамъ желудьми, и водою запивая
⁴¹⁰Пищу, которая тушу свиную густымъ наливаетъ
 Жиромъ. Съ нимъ сѣдя, его обо всемъ ты подробно разспросишь.
 Тою порою я въ женопрекрасный пойду Лакедёмонъ
 Вызвать къ тебѣ, Одиссей, твоего Телемака оттуда:
 Онъ же въ широкоравнинную Спарту пошелъ, чтобъ услышать
⁴¹⁵Вѣсть о тебѣ отъ Атрида, и живъ ли еще ты, провѣдать.
 Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовать такъ Одиссей многоумный:
 Вѣдая все, для чего же ему не сказала ты правды?
 Странствуя, многимъ и онъ сокрушеньямъ подвергнуться можетъ
 На морѣ бурнопустынномъ, грабителямъ домъ свой оставивъ.
⁴²⁰Дочь свѣтлокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
 Много о томъ Одиссей ты тревожиться сердцемъ не долженъ.
 Я проводила его, чтобъ людей посмотрѣлъ и межъ ними
 Нажилъ великую славу; легко все окончивъ, теперь онъ
 Въ домѣ Атреева сына сидитъ и роскошно пируетъ.
⁴²⁵Правда, его женихи стерегутъ въ кораблѣ темногрудомъ,
 Злую погибель готова ему на возвратной дорогѣ;
 Я имъ однако того не дозволю; и прежде могила
 Многихъ изъ нихъ, разоряющихъ дерзостно домъ твой, погло-
 тить.
 Съ сими словами богиня къ нему прикоснулася тростью.
⁴³⁰Разомъ на членахъ его, вдругъ изсохшее, сморщилось тѣло,
 Спали съ его головы златотемные кудри, сухою
 Кожею дряхлаго старца дрожація кости покрылись,
 Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпомъ,
 Плечи одѣлись тряпницей, въ лохмотье разорваннымъ, старымъ
⁴³⁵Рубищемъ, грязнымъ, совсѣмъ почернѣвшимъ отъ смраднаго
 дыма;
 Сверхъ же одежды оленья широкая кожа повисла,
 Голая, вѣсь безъ шерсти; давъ посохъ ему и котомку,
 Всю въ заплаткахъ, всящую вмѣсто ремня на веревкѣ,
 Съ нимъ разлучилась богиня; что дѣлать, его научивши,
⁴⁴⁰Къ сыну его полетѣла она въ Лакедёмонъ священный.

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ДЕНЬ

Одиссей приходитъ къ Эвмею; позавтрадавъ съ нимъ, онъ увѣряетъ стараго свинопаса, что господинъ его скоро возвратится и подтверждаетъ то клятвою, но Эвмей ему не вѣритъ. Одиссей рассказываетъ ему вымышленную о себѣ повѣсть. Въ вечеру всѣ другіе пастухи возвращаются съ паствы. Эвмей убиваетъ откормленную свинью на ужинъ. Холодная ночь; Одиссей вымышленнымъ о себѣ рассказомъ побуждаетъ Эвмея дать ему теплую мантию на ночь. Всѣ засыпаютъ въ домѣ; одинъ Эвмей уходитъ наблюдать за стадомъ, оставленнымъ въ полѣ.

Тою порою изъ пристани вокругъ по тропинкѣ нагорной
Лѣсомъ пошелъ онъ въ ту сторону, гдѣ по сказанью Лейны
Жилъ свинопасъ богоравный, который усерднѣе прочихъ
Царскихъ рабовъ наблюдалъ за добромъ своего господина.
Онъ на дворѣ передъ домомъ въ то время сидѣлъ за работою;
Домъ же стоялъ на высокомъ, открытомъ и крутообразномъ
Мѣстѣ, просторный, отсюду обходный; его для свинихъ тамъ
Стадъ свинопасъ, не спросясь ни съ царицей, ни съ старцемъ
Лаэртомъ,

Самъ, поелику его господинъ былъ отсутственъ, изъ твердыхъ
Камней построилъ; ограда терновая стѣны вѣнчала;
Тынъ изъ дубовыхъ, обтесанныхъ, близко одинъ отъ другаго
Въ землю вколоченныхъ кольевъ его окружалъ; на дворѣ же
Цѣлыхъ двѣнадцать просторныхъ закутъ для свиней находилось:
Каждую ночь въ тѣ закуты свиней загоняли и въ каждой
Ихъ пятьдесятъ, на землѣ неподвижно лежащихъ, тамъ было
Заперто—матки однѣ для расплода, самцы же во вѣшнихъ
Спали закутахъ, и въ меньшемъ числѣ: убавляя, пируя,
Ихъ женихи незаконные [самъ свинопасъ принужденъ былъ
Лучшихъ и самыхъ откормленныхъ имъ посылать ежедневно];
Гриста ихъ тамъ шестьдесятъ борововъ на лицо оставалось;
Ихъ сторожили четыре собаки, какъ дикіе звѣри,

Злобныя: самъ свинопасъ, повелитель мужей, для себя ихъ
Выкормилъ. Спя тогда передъ домою, кроилъ онъ изъ крѣпкой
Кожи воловѣй подошвы для ногъ; пастухи же другіе

²⁵Были въ отлучкѣ: на пажити съ стадомъ свиней находились
Трое, четвертый самимъ повелителемъ посланъ былъ въ городъ
Лучшую въ стадѣ свинью женихамъ необузданнымъ противъ
Воли отдать, чтобъ зарѣзавъ ее, насладились ѣдою.

Вдругъ вдалькѣ Одиссея увидѣли злыя собаки;

³⁰Съ лаемъ онъ на него побѣжали; къ землѣ осторожно,
Видя опасность, присѣлъ Одиссей, но изъ рукъ уронилъ онъ
Посохъ, и жалкую гибель въ своемъ бы онъ встрѣтилъ владѣнны,
Если бы самъ свинопасъ, за собаками бросясь поспѣшно,
Выбѣжать, гинувъ работу свою, не успѣлъ пзъ заграды;

³⁵Кривнувъ на бѣшенныхъ псовъ, чтобъ пугнуть ихъ, швырять
онъ большими

Камнями началъ; потомъ онъ сказалъ, обратясь къ Одиссею:
Былъ бы, старикъ, ты разорванъ, когда бь опоздалъ я минуту;
Тяжкимъ упрекомъ легло бь мнѣ на сердце такое несчастье;
Мнѣ же и такъ ужь довольно печалей безсмертны дали;

⁴⁰Здѣсь, о моемъ господинѣ божественномъ сѣтуя, долженъ
Я для незванныхъ гостей борововъ Одиссеевыхъ жирныхъ
Прочить, тогда какъ, быть можетъ, онъ самъ безъ покровъ, безъ
пищи

Странствуетъ въ чуждыхъ земляхъ, межъ народовъ инаго языка
[Если онъ только еще гдѣ сіяніемъ дня веселится].

⁴⁵Въ домъ мой послѣдуй за мною, старикъ; я тебя дружелюбно
Пищею тамъ угощу и виномъ; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какія бѣды и напасти гдѣ встрѣтилъ?
Кончилъ, и въ домъ съ Одиссеемъ вошелъ свинопасъ богоравный;
Тамъ онъ на кучу его посадилъ многолиственныхъ свѣжихъ

⁵⁰Сучьевъ, недавно нарубленныхъ, прежде косматою кожей
Серны, на ней же онъ спалъ по ночамъ, ихъ покрывъ. Одиссею
Былъ по душѣ столь радушный пріемъ; онъ сказалъ свинопасу:
Зевса молю я и вѣчныхъ боговъ, чтобъ тебѣ ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты такъ ласково принялъ.

⁵⁵Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Если бы, другъ, кто и хуже тебя посѣтилъ насъ, мы долгъ свой,
Гостя почтить сохранили бы свято—Зевесъ къ намъ приводитъ
Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.
Слишкомъ же щедрыми быть намъ не можно, рабамъ, въ без-
престанномъ

⁶⁰Страхъ живущимъ, понеже теперь господа молодые
Властвуютъ нами. Кроніонъ рѣшилъ, чтобъ лишенъ былъ
возврата

Онъ, столь ко мнѣ благосклонный; меня бъ онъ устроилъ, мнѣ
дать бы

Все, что рабу за усердье даетъ господинъ благодушный

[Поле и домъ и хозяйку, которую по сердцу бъ самъ онъ

⁶⁵Выбралъ], понеже онъ много трудился и боги успѣхомъ

Трудъ наградили, какъ здѣсь и меня за труды награждаютъ;

Такъ бы со мною здѣсь милостивъ былъ онъ, когда бъ могъ
достигнуть

Старости, дома; но нѣтъ ужъ его.... о! зачѣмъ не Еленинъ

Родъ истребленъ! отъ нея сокрушились колѣна славнѣйшихъ

⁷⁰Нашихъ героевъ: и онъ за обиду Атрида съ другими

Въ Трою неволей пошелъ сокрушить Иліонъ многоконный.

Такъ говорилъ онъ, и поясомъ легкій хитонъ свой стянувши,

Къ той отдѣленной закутѣ пошелъ, гдѣ одни поросята

Заперты были; взявъ двухъ пожирнѣй, онъ обоихъ зарѣзалъ,

⁷⁵Ихъ опалилъ и на части разсѣкъ, и на вертелъ наткнувши

Части, изжарилъ ихъ; кончивъ, горячее мясо онъ подалъ

Гостю на вертелѣ, ячной мукою его пересыпавъ,

Послѣ, медвянымъ виномъ деревянный наполнивши кубокъ,

Сѣлъ противъ гостя за столъ и, его приглашая къ обѣду:

⁸⁰Странникъ, сказалъ, не угодно ль тебѣ поросятини, нашей

Пищи убогой, отвѣдать? Свиной же одни безпощадно

Жрутъ женихи, не страшась никакого за то наказанья;

Дѣлъ незаконныхъ однако блаженные боги не любятъ:

Правда одна и благіе поступки людей имъ угодны;

⁸⁵Даже разбойники, злые губители, разные земли

Грабятъ обышше—многой добычей, имъ данной Зевесомъ,
 Свой нагрузивши корабль и на немъ возвращаясь въ отчизну—
 Страхъ наказанья великій въ душѣ сохраняютъ; они же
 [Видно имъ бога какого пророческій слышался голосъ],
⁹⁰Вѣря, что гибель постигла его, ни свое, какъ прилично,
 Вестъ сватовство не хотятъ, ни къ себѣ возвратиться не мы-
 слятъ,

Въ домѣ напротивъ пируютъ его и безчинно все грабятъ;
 Каждую Зевсову ночь тамъ и каждый ниспосланный Зевсомъ
 День не одну и не двѣ мы свиньи на съѣдене имъ рѣжемъ;
⁹⁵Также они и вино, неумѣренно пьянствуя, тратятъ.

Домъ же его несказанно богатъ былъ, никто изъ живущихъ
 Здѣсь благородныхъ мужей—на твердынѣ ли чернаго Зама
 Или въ Итагѣ—того не имѣлъ; получалъ онъ дохода
 Болѣ, чѣмъ десять у насъ богачей; я сочту по порядку:

¹⁰⁰Стадъ криворогихъ быковъ до двѣнадцати было, овечьихъ
 Также, и столько жъ свинныхъ, и не менѣ козыхъ [пасутъ ихъ
 Здѣсь козоводы свои и наемные]; также на разныхъ
 Паствахъ еще здѣсь гуляетъ одиннадцать козыхъ особыхъ
 Стадъ; и особые ихъ стерегутъ на горахъ козоводы;

¹⁰⁵Каждый изъ тѣхъ козоводовъ вседневно, чередъ наблюдая,
 Въ городъ съ жирнѣйшей козю, межъ лучшими выбранной,
 ходить;

Также вседневно и я, надъ стадами свинными здѣсь главный,
 Лучшаго борова имъ на обѣдъ посылать приневолень.

Такъ говорилъ онъ, а гость той порою ѣлъ мясо, усердно
¹¹⁰Пилъ, и молчалъ, женихамъ истребленіе въ мысляхъ готовя.

Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
 Кубокъ онъ свой, изъ котораго самъ пилъ, хозяину подаль
 Полный вина—и его свинопасъ съ удовольствіемъ принялъ;
 Гость же, къ нему обратившись, бросилъ крылатое слово:

¹¹⁵Другъ, расскажи мнѣ о мужѣ, которымъ ты купленъ, ко-
 торый

Былъ такъ несмѣтно богатъ, такъ могучъ, и который, ска-
 залъ ты,

Въ Троѣ погибъ, за обиду отмщая Атреева сына?
 Все расскажи мнѣ, чтобъ зналъ я, не встрѣтился ль гдѣ онъ
 случайно

Мнѣ—и Зевесъ и другіе безсмертныя знаютъ, могу ли
¹²⁰Что про него рассказать вамъ—я странствовалъ также немало.
 Такъ свинопасъ, повелитель мужей, отвѣчалъ Одиссею:
 Старецъ, теперь никакой ужъ изъ странниковъ, много бро-
 дившихъ,

Вѣстью объ немъ ни жены не обманеть, ни милого сына.
 Часто въ надеждѣ, что ихъ, угостивъ, одарятъ, здѣсь бродяги
¹²⁵Дгутъ, небылицы и басни о немъ вымышляя; и кто бы,
 Странствуя въ разныхъ земляхъ, ни зашелъ къ намъ въ Итаку,
 ужъ вѣрно

Явится къ нашей царицѣ съ нелѣпою сказкой о мужѣ;
 Ласково всѣхъ принимаетъ она и рассказы ихъ жадно
 Слушаетъ всѣ, и съ рѣсницъ у внимающей падаютъ капли
¹³⁰Слезъ, какъ у всякой жены, у которой погибъ въ отдаленнѣ
 Мужъ. Да и ты намъ, старикъ, небылицу расскажешь охотно,
 Если хламиду тебѣ иль хитонъ за труды посулимъ мы.
 Нѣтъ! ужъ конечно ему иль собаки иль хищныя птицы
 Кожу съ костей оборвали—и съ тѣломъ душа разлучилась,
¹³⁵Или онъ рыбами съѣденъ морскими, иль кости на взморьѣ
 Гдѣ нибудь, въ зыбкомъ пескѣ глубоко погребенныя, тлѣютъ;
 Такъ онъ погибъ, въ сокрушеннѣ великомъ оставивъ домаш-
 нихъ

Всѣхъ, наиначе меня; никогда, никогда не найти ужъ
 Мнѣ господина столь добраго, гдѣ бы я ни жилъ, хотя бы
¹⁴⁰Снова по волѣ безсмертныхъ къ отцу былъ и къ матери
 милой

Въ домъ приведенъ, гдѣ родился, гдѣ годы провелъ молодые.
 Но не о томъ я крушуся, хотя и желалъ бы хоть разъ ихъ
 Образъ увидѣть глазами, хоть разъ посѣтить ихъ въ отчизнѣ—
 Нѣтъ, объ одномъ Одиссеѣ далекомъ я плачу; ахъ! добрый
¹⁴⁵Гость мой, его и далекаго здѣсь не могу называть я
 Просто по имени [такъ онъ со мною былъ милостивъ]; братомъ

Милымъ его я, хотя и въ разлукѣ мы съ нимъ, называю.

Царь Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:

Если, не вѣря вѣстямъ, утверждаешь ты, другъ, что сюда онъ

¹⁵⁰Болѣ не будетъ и если ужъ такъ ты упоренъ разсудкомъ,

Я не скажу ничего; но лишь въ томъ, что навѣрное скоро

Къ вамъ Одиссей возвратится, дамъ клятву; а мнѣ ты заплатишь

Тольто тогда, какъ входящаго въ домъ свой его здѣсь увидишь:

Плате тогда подаришь мнѣ, хитонъ и хламиду; до тѣхъ поръ,

¹⁵⁵Сколь ни великую бѣдность терплю, ничего не приму я;

Мнѣ самому ненавистнѣй Аидовыхъ вратъ ненавистныхъ

Каждый обманщикъ, ко лжи приневоленный бѣдностью тяжкой;

Я же Завесомъ владыкой, твоей гостелюбной трапезой,

Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуса

¹⁶⁰Здѣсь, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я;

Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой кругъ, Одиссей возвратится;

Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,

Вступитъ онъ въ домъ свой; и мщенье тогда совершится надъ

каждымъ,

Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидѣлъ.

¹⁶⁵Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:

Нѣтъ, ни за вѣсти свои ты отъ насъ не получишь награды,

Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придетъ; успокойся жъ,

Пей, и начнемъ говорить о другомъ; мнѣ и слышать объ этомъ

Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мнѣ

¹⁷⁰Кто здѣсь хоть словомъ напомнитъ о добромъ моемъ господинѣ.

Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нѣтъ ли

Къ намъ господинъ мой, какъ всѣ бы желали мы—я, Пенелопа,

Старецъ Лаэртъ и подобный богамъ Телемакъ—но о снѣ

Болѣ теперь, чѣмъ о славномъ, родившемъ его Одиссеѣ,

¹⁷⁵Я сокрушаюсь: какъ вѣтвь молодая, воспитанъ богами

Былъ онъ; я мнилъ, что со временемъ, мужеской силы достигнувъ,

Будетъ подобно отцу онъ прекрасенъ и видомъ и станомъ—

Знать неприязненный демонъ какой иль враждующій смертный

Разумъ его помутилъ: чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ,

¹⁸⁰Въ Пилосъ божественный поплылъ онъ; здѣсь же, укрывшись

въ засадѣ,

Ждутъ женихи, чтобъ его умертвить на возвратной дорогѣ,
 Въ немъ и потомство Аркезія все уничтожить въ Итакѣ.
 Мы же однако оставимъ его—попадется ль имъ въ руки
 Онъ, избѣжить ли ихъ козней, спасенный Зевесомъ—теперь ты
¹⁸⁵Мнѣ расскажи, что съ тобой и худаго и добраго было
 Въ свѣтѣ? Скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
 Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
 Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогой
 Прибылъ въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край нашъ
¹⁹⁰[Это конечно я знаю и самъ] не пѣшкомъ же пришелъ ты.
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказала Одиссей хитроумный:
 Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
 Если бъ мы оба съ тобой запаслися на долгое время
 Пишей и сладкимъ питьемъ, и глазъ на глазъ остались двое
¹⁹⁵Здѣсь пировать на просторѣ, отправивъ другихъ на работу,
 То и тогда, ежедневно рассказъ продолжая, едва ли
 Въ годъ бы я кончилъ печальную повѣсть о многихъ напастяхъ,
 Мною претерпѣнныхъ съ трудомъ несказаннымъ по волѣ без-
 смертныхъ.

Славлюсь я быть уроженцемъ широкоравниннаго Крита;
²⁰⁰Сынъ я богатаго мужа; и вмѣстѣ со мною другихъ онъ
 Многихъ имѣлъ сыновей, имъ рожденныхъ и выросшихъ дома;
 Были они отъ законной супруги; а я отъ рабыни,
 Купленной имъ, родился, но въ семействѣ почтенъ, какъ за-
 конный

Сынъ, былъ отцомъ благороднымъ, Касторомъ Гилаксовымъ
 сыномъ;

²⁰⁵Онъ же отъ всѣхъ обитателей Крита какъ богъ уважаемъ
 Былъ за богатство, за власть и за доблесть сыновъ много-
 славныхъ;

Но приносяща смерть, безпощадно-могучія Керы
 Въ область Анда его увели: сыновья же, богатства
 Всѣ раздѣливъ межъ собою по жеребью, дали мнѣ самый
²¹⁰Малый участокъ и домъ небольшой для житья; за меня же
 Вышла богатыхъ родителей дочь; предпочтенъ былъ другимъ я

Всѣмъ женихамъ за великую доблесть; на многое годный,
 Былъ я и въ дѣлѣ военномъ не робокъ..... но все миновалось;
 Я лишь солома теперь, по соломѣ однако и прежній
²¹⁵Колосъ легко распознаешь ты; нынѣ жъ я бѣдный бродяга.
 Съ мужествомъ бодрымъ Арей и богиня Аѳина вселили
 Мнѣ боелюбіе въ сердце; не разъ выходилъ я, создавши
 Самыхъ отважнѣйшихъ, противъ враговъ злонамѣренныхъ въ
 битву;

Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
²²⁰Первый напротивъ всегда выбѣгалъ я съ копьемъ, чтобъ на-
 стигнуть

Въ полѣ противника, мнѣ уступавшаго ногъ быстротою;
 Смѣлый въ бою, полеваго труда не любилъ я, ни тихой
 Жизни домашней, гдѣ миломъ мы дѣтямъ даемъ воспитанье;
 Островесельные мнѣ корабли привлекательнѣй были;
²²⁵Бой и крылатыя стрѣлы и мѣднobleстятія копья,
 Грозные, въ трепетъ великій и въ страхъ приводящіе многихъ,
 Были по сердцу мнѣ — боги любовь къ нимъ вложили мнѣ въ
 сердце:

Люди несходны, тѣ любятъ одно, а другіе другое.
 Прежде, чѣмъ въ Трою пошло броненосное племя ахеянъ,
²³⁰Девять я разъ въ кораблѣ быстроходномъ съ отважной дружи-
 ной

Противъ людей иноземныхъ ходилъ—и была намъ удача;
 Лучшее бралъ я себѣ изъ добычъ, и по жеребью также
 Много на часть мнѣ досталось; свое увеличивъ богатство,
 Сталъ я могучъ и почтенъ межъ народами Крита; когда же
²³⁵Грозногремящій Зевесъ учредилъ роковой для ахеянъ
 Путь, сокрушившій колѣна столь многихъ мужей знаменитыхъ,
 Съ Идоменеемъ, царемъ многославнымъ, отъ критянъ былъ из-
 бранъ

Я съ кораблями идти къ Иліону; и было отречься
 Намъ невозможно: мы властью народа окованы были.
²⁴⁰Девять тамъ лѣтъ воевали упорно мы, чада ахеянъ;
 Но на десятый, когда, ниспровергнувъ Пріамовъ великій

Градъ, мы къ своимъ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ
насъ.

Мнѣ злополучному бѣдствія многія Зевсъ приготовилъ.
Цѣлый мѣсяцъ провелъ я съ дѣтьми и съ женою въ семейномъ
²⁴⁵Домѣ, великимъ богатствомъ моимъ веселясь; напоследокъ
Сильно въ Египетъ меня устремило желаніе; выбравъ
Смѣлыхъ товарищей, я корабли изготовилъ; мы девять
Ихъ тамъ оснастили новыхъ; когда жъ въ корабли собралися
Бодрые спутники, цѣлыхъ шесть дней до отплытія всѣ мы
²⁵⁰Тамъ пировали; я много зарѣзалъ быковъ и барановъ
Въ жертву богамъ, на роскошное людямъ моимъ угощеніе;
Но на седьмой день, покинувши Критъ, мы въ открытое море
Вышли, и съ быстропутнымъ, пронзительнохладнымъ Бо-
реемъ

Плыли, какъ будто по стремю, легко; и ничѣмъ ни одинъ нашъ
²⁵⁵Не былъ корабль поврежденъ; насъ здоровыхъ, веселыхъ и
бодрыхъ

По морю мчали они, повинуюсь кормилу и вѣтру.
Дней черезъ пять мы къ водамъ свѣтлоструйнымъ потока Египта
Прибыли: въ лонѣ потока легкоповоротные наши
Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди
²⁶⁰Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
Дать приказаніе съ ближнихъ высотъ обозрѣть всю окрестность.
Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство, они, обезумѣвъ,
Грabitъ поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта
Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтнихъ,
²⁶⁵Звѣрски мужей убивая—тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружія
Поле кругомъ закигло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ; отразить ни единый
²⁷⁰Силы врага не посмѣлъ и отвсюду насъ смерть окружила;
Многихъ тогда изъ товарищей мѣдъ умертвила, и многихъ
Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное раб-
ство.

Я благовременно былъ принужденъ всемогущимъ Зевесомъ
 [О! для чего избѣжалъ я судьбины и вѣрной не встрѣтилъ
²⁷⁵Смерти въ Египтѣ! мнѣ злѣе бѣды приготовилъ Кроніонъ],
 Снявъ съ головы драгоценно-украшенный, кожаный шлемъ
 мой,

Щитъ мой сложивши съ плеча и копье мѣдноострое бросивъ,
 Я подбѣжалъ къ колесницѣ царя и съ молитвой колѣна
 Обнялъ его; онъ меня не отвергнулъ; но, сжалясь, съ нимъ
 рядомъ

²⁸⁰Сѣсть въ колесницу велѣлъ мнѣ, ллющему слезы, и въ домъ
 свой

Царскій со мной удалился — а съ копьями слѣдомъ за нами
 Много бѣжало ихъ, мнѣ угрожавшихъ; избавленъ
 Былъ я отъ смерти царемъ — онъ во гнѣвъ привести госте-
 любца

Зевса, карателя строгаго дѣлъ злочестивыхъ, страшился.

²⁸⁵Цѣлыхъ семь лѣтъ я провелъ въ сторонѣ той и много богат-
 ства

Всякаго собрали: египтяне щедро меня одарили;
 Годъ на послѣдокъ осьмой приведенъ былъ времени обра-
 щеньемъ;

Прибылъ въ Египетъ тогда финикіецъ, обманщикъ коварный,
 Злой вознодѣй, отъ котораго много людей пострадало;

²⁹⁰Онъ, увлекательной рѣчью меня обольстивъ, Финикію,
 Гдѣ и помѣстье и домъ онъ имѣлъ, убѣдилъ посѣтить съ нимъ:

Тамъ я гостилъ у него до скончанія года. Когда же

Дни протекли, миновались мѣсяцы, полнаго года

Кругъ совершился и Оры весну привели молодую,

²⁹⁵Въ Ливію съ нимъ въ кораблѣ, облетателѣ моря, меня онъ
 Плыть пригласилъ, говоря, что товаръ свой тамъ выгодно сбун-
 деть;

Самъ же, напротивъ, меня, не товаръ нашъ, продать тамъ за-
 мыслилъ;

Съ нимъ и поѣхалъ я, противъ желанья, добра не предвидя.

Мы съ благосклонно-попутнымъ, пронзительно-хладнымъ Бо-
 реемъ

300Плыли: ужъ Критъ былъ за нами... но Дій намъ готовилъ по-
гибель:

Островъ изъ нашихъ очей въ отдаленїи пропасть и исчезла
Всюду земля, и лишь небо съ водами слянное зрѣлось:
Богъ громовержецъ Кроніонъ тяжелую темную тучу
Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ потемнѣло
305Море; и вдругъ, заблеставъ, онъ съ небесъ на корабль гро-
мовую

Бросилъ стрѣлу: закружилось пронзенное судно и дымомъ
Сѣрнымъ его обхватило; всѣ разомъ товарищи были
Сброшены въ воду и всѣ, какъ вороны морскія разсѣясь,
Въ шумной исчезли пучинѣ — возврата лишилъ ихъ Кроніонъ
310Всѣхъ; лишь объятаго горемъ великимъ меня надоумилъ.
Вовремя онъ корабля остроносаго мачту руками
Въ бурной тревогѣ схватить, чтобъ погибели вѣрной избѣгнуть:
Вѣтрамъ губящимъ во власть отдался я, привязанный къ мачтѣ.
Девять носившихся дней по волнамъ, на десятый съ наставшей
315Ночью ко берегу ееспротовъ высокобѣгущей волною
Былъ принесенъ я; Федонъ, благомыслящій царь ихъ, безъ
платы

Дома меня у себя угощалъ, поелику я милымъ
Сыномъ его былъ, терзаемый голодомъ, встрѣченъ и въ царскій
Домъ приведенъ: на его я, покуда мы шли, опирался
320Руку; когда же пришли мы, онъ далъ мнѣ хитонъ и хламиду.
Тамъ я впервые узналъ о судьбѣ Одиссея; сказалъ мнѣ
Царь, что гостилъ у него онъ, въ отчизну свою возвращаясь;
Мнѣ и богатство, какое скопилъ Одиссей, показалъ онъ:
Золото, мѣдъ и желѣзную утварь чудесной работы;
325Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ достанется много —
Столько сокровищъ царю Одиссей въ сохраненье оставилъ;
Самъ же пошелъ, мнѣ сказали, въ Додону затѣмъ, чтобъ ора-
куль

Темно-сѣнистаго Діева дуба его научилъ тамъ,
Какъ, по отсутствіи долгомъ — открыто ли, тайно ли — въ
землю

330 Тучной Итаки ему возвратиться удобнѣе будетъ?
 Мнѣ самому, совершивъ возліяніе въ домѣ, поклоня
 Царь, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди
 Въ милую землю отцовъ проводить Одиссея; меня же
 Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ
 338 Былъ для ееспротовъ, въ Дулихій богатый пшеницею шед-

шихъ;

Онъ повелѣлъ, чтобъ къ Ликасту царю безопасно я ими
 Былъ отвезенъ. Но они злонамѣреннымъ сердцемъ иное
 Дѣло замыслили, въ бѣдствіе ввергнуть меня сговорившись.
 Только отъ берега ееспротовъ корабль отошелъ мореходный,
 340 Часъ наступилъ, мнѣ назначенный ими для жалкаго рабства.
 Силой сорвавши съ меня и хитонъ и хламиду, они мнѣ
 вмѣсто ихъ бѣдное рубище дали съ нечистой рубашкой,
 Въ жалкихъ лохмотьяхъ, какъ можешь своими глазами ты ви-

дѣть.

Вечеромъ прибыли мы къ берегамъ многогорной Итаки.

345 Тутъ съ корабля крѣпкозданнаго — прежде веревкою, плотно
 Свитою, руки и ноги связавъ мнѣ — всѣ на берегъ вмѣстѣ
 Вышли, чтобъ сѣвъ на зыбучемъ пескѣ, тамъ поужинать сладко.
 Я же отъ тягостныхъ узъ былъ самими богами избавленъ.
 Голову платьемъ, изорваннымъ въ тряпки, свою обернувши,
 350 Бережно съ судна я къ морю, скользя по кормилу, спустился;
 Бросясь въ него, я поспѣшно, обѣими правя руками,
 Поплылъ и силы свои напрягалъ, чтобъ скорѣе изъ глазъ ихъ
 Скрыться; въ кустарникѣ, густо покрытомъ цвѣтами, лежалъ я,
 Клубомъ свернувшись; они жъ въ бесполезномъ исканіи съ

крикомъ.

355 Бѣгали мимо меня; напоследокъ, нашедъ неудобнымъ
 Долѣ напрасно бродить, возвратились назадъ, и собравшись
 Всѣ на корабль свой, пустилися въ путь; такъ самими богами
 Былъ я спасенъ, и они же меня проводили въ жилище
 Многоразумнаго мужа: еще не судьба умереть мнѣ.

360 Странику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свиноноса богоравный:
 Бѣдный скиталець, все сердце мое возмутилъ ты рассказомъ

Многихъ твоихъ приключеній, печалей и странствій далекихъ.
Только одно не въ порядкѣ: зачѣмъ о царѣ Одиссеѣ
Ты помянулъ? И зачѣмъ такъ на старости лѣтъ бесполезно
³⁶⁵На вѣтеръ лжешь? По несчастью, я слишкомъ увѣренъ, что
мнѣ ужъ

Здѣсь не видать моего господина; жестоко богами
Быль онъ преслѣдуемъ; если бъ онъ въ Троѣ погибъ на сра-
женнѣ,

Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался,
Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ на-
родомъ,

³⁷⁰Сыну бъ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ....

Нынѣ же Гарпіи взяли его и безвѣстно пропалъ онъ.

Я же при стадѣ живу здѣсь печальнымъ пустынникомъ; въ го-
родъ

Къ нимъ не хожу я, какъ развѣ когда Пенелопой бываю
Призванъ, чтобъ вѣсть отъ какого пришельца услышать; они же

³⁷⁵Гостя вопросами жадно, усѣвшись кругомъ, осыпаютъ

Всѣ—какъ и тѣ, кто о немъ, о возлюбленномъ, искренно пла-
чутъ,

Такъ и всѣ тѣ, кто его здѣсь имущество грабятъ безъ платы.

Я жъ не терплю ни вѣстей, ни разспросовъ о немъ бесполезныхъ

Съ тѣхъ поръ, какъ былъ здѣсь обманутъ бродягой этольскимъ,
который,

³⁸⁰Казни страшась за убійство, повсюду скитался, и въ домъ мой

Случаемъ былъ заведенъ; я его съ уваженіемъ принялъ;

«Видѣлъ я въ Критѣ, въ царевомъ дворцѣ Одиссея, сказалъ онъ;

Тамъ исправлялъ онъ свои корабли, потерпѣвшіе въ бурю.

Лѣтомъ иль осенью [такъ говорилъ Одиссей мнѣ], въ Итаку

³⁸⁵Я и товарищи будемъ съ несмѣтно-великимъ богатствомъ.»

Ты же, старикъ, испытавшій столь много, намъ посланный
Діемъ,

Баснею мнѣ угодить иль меня успокоить не думай;

Мной не за это уваженъ, не тѣмъ мнѣ любезенъ ты будешь—

Нѣтъ! я Зевеса страшусь гостелюбца, и самъ ты мнѣ залокъ.

390 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Подлинно, слишкомъ ужъ ты недовѣрчивъ, мой добрый хозяинъ,
Если и влѣтва моя не вселяетъ въ тебя убѣжденья;
Можемъ однако мы сдѣлать съ тобой уговоръ, и пускай намъ
Будутъ обоимъ поруками боги, владыки Олимпа:

395 Если домой возвратится, какъ я говорю, господинъ твой—
Давъ мнѣ хитонъ и хламиду, меня ты въ Дулихій, который
Сердцемъ такъ жажду увидѣть, отсюда отправишь; когда же
Мнѣ вопреки господинъ твой домой не воротится—всѣхъ ты
Слугъ соберешь и съ утеса низвергнешь меня, чтобъ впередъ
вамъ

400 Басенъ нелѣпыхъ не смѣли рассказывать здѣсь побродяги.
Страннику такъ отвѣчая, сказалъ свинопасъ богоравный:
Другъ, похвалу бѣ повсемѣстную, имя бы славное нажилъ
Я межъ людьми и теперь и въ грядущее время, когда бы,
Въ домъ свой принявши тебя и тебя угостивъ, какъ прилично,
405 Жизнь дорогую твою незаконнымъ убійствомъ похитилъ;
Съ сердцемъ веселымъ Кроніону могъ бы тогда я молиться.
Время однако намъ ужинать; скоро воротятся люди
Съ паствы—тогда и желанную вечерю здѣсь мы устроимъ.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.

410 Скоро съ стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали они на ночлегъ ихъ свиней загонять, и съ ужаснымъ
Визгомъ и хрюканьемъ свиньи, спираясь, ломились въ закуты.
Тутъ пастухамъ подчиненнымъ сказалъ свинопасъ богоравный:
Лучшую выбрать свинью, чтобъ зарѣзавъ ее, дорогаго
415 Гостя поподчивать, съ нимъ и самимъ насладиться ѣдою;
Много тяжелыхъ заботъ намъ отъ нашихъ свиней свѣтлозу-
быхъ;

Плодъ же тяжелыхъ заботъ пожираютъ безъ платы другіе.
Такъ говоря, топоромъ разрубилъ онъ большія полѣна;
Тѣ же, свинью пятилѣтнюю, жирную, взявъ и вогнавши
420 Въ горницу, съ ней подошли къ очагу: свинопасъ богорав-
ный

[Сердцемъ онъ набоженъ былъ] напередъ о бессмертныхъ по-
думалъ;

Шерсти щепотку сорвавъ съ головы у свиньи свѣтлозубой,
Бросилъ ее онъ въ огонь; и потомъ, всѣхъ боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.

⁴²⁵Тутъ онъ ударилъ свинью сбереженнымъ отъ рубки полѣ-
номъ;

Замертво пала она, и ее опалили, дорѣзавъ,
Тотчасъ другіе, разсѣкли на части и первый изъ каждой
Части кусокъ, отложенный на жиръ для боговъ, былъ Эвмеемъ
Брошенъ въ огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные же
⁴³⁰Части, на острые вертелы вдѣвъ, на огнѣ осторожно
Начали жарить, дожаривъ же, съ вертеловъ сняли и кучей
Все на подносныя доски сложили. И поровну началъ
Пищею всѣхъ одѣлять свинопасъ: онъ приличіе вѣдалъ.

На семь частей предложенное все раздѣливъ, онъ назначилъ
⁴³⁵Первую Нимфамъ, и Эрмію, Манну сыну, вторую;

Прочія жъ каждому, какъ кто сидѣлъ, наблюдая порядокъ,
Раздалъ; но лучшей, хребтовую частью свиньи острозубой
Гостя почтилъ; и вниманьемъ такимъ несказанно довольный,
Голосъ возвысивъ, сказалъ Одиссей хитроумный: да будетъ

⁴⁴⁰Столь же, Эвмей, и къ тебѣ многомилостивъ вѣчный Кро-
ніонъ,

Сколь ты ко мнѣ, сиротѣ старику, былъ привѣтливъ и ласковъ.
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Ѣшь на здоровье, таинственный гость мой, и нашимъ доволенъ
Будь угощеньемъ; одно намъ даруетъ, другаго лишаетъ

⁴⁴⁵Насъ своенравный въ даяньяхъ Кроніонъ; ему все возможно.
Съ сими словами онъ, первый кусокъ отдѣливши безсмертнымъ
Въ жертву, пурпурнымъ наполненный кубокъ виномъ Одиссею,
Градорунителю подалъ; тотъ сѣлъ за приборъ свой; и мягкихъ
Хлѣбовъ принесъ имъ Мезавлій, который въ тѣ дни, какъ от-
сутственъ

⁴⁵⁰Былъ Одиссей, свинопасомъ самимъ для домашней прислуги
Былъ безъ согласья царицы, безъ вѣдома старца Лаэрта,
Купленъ на деньги свои у тафійскихъ купцовъ мореходныхъ.
Подняли руки они къ приготовленной лакомою пищѣ.

Послѣ жъ, когда насладились довольно питьемъ и ѣдою,
 455 Хлѣбъ со стола былъ прѣворнымъ Мезавліемъ снятъ; а дру-
 гіе,

Сытые хлѣбомъ и мясомъ, на ложе ко сну обратились.
 Мрачно-безлунна была наступившая ночь и Зевесовъ
 Ливень холодный шумѣлъ и Зефиръ бушевалъ дожденосный.
 Началъ тогда говорить Одиссей [онъ хотѣлъ, чтобъ хозяинъ
 460 Далъ ему мантию, или свою, иль съ кого изъ другихъ имъ
 Снятую: ибо о немъ онъ съ великимъ радушіемъ пекся]:

Слушай, Эвмей, и послушайте всѣ вы; хочу передъ вами
 Дѣломъ однимъ я похвастать—вино мнѣ языкъ развязало;
 Сила вина несказанна: оно и умнѣйшаго громко

465 Пить и безмѣрно смѣяться и даже плясать заставляеть;
 Часто внушаетъ и слово такое, которое лучше бѣ

Было сберечь про себя. Но я началъ, и долженъ докончить.
 О! когда бѣ я былъ молодъ, какъ прежде, и силой такой же
 Полонъ, какъ въ Троѣ, когда мы въ засадѣ однажды сидѣли!

470 Были вождами у насъ Одиссей съ Менелаемъ, и съ ними
 Третій былъ я, къ нимъ приставшій, покорствуя ихъ приглас-
 шенью;

Къ твердовысокимъ стѣнамъ многославнаго града пришедши,
 Всѣ мы отъ нихъ недалеко въ кустарникѣ, сросшемся густо,
 Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали

475 Тихо. Была непріязненна ночь, прилетѣлъ полуночный
 Вѣтеръ съ морозомъ и сыпался шумно-холодной метелью
 Снѣгъ, и щиты хрусталиемъ отъ мороза подернулись тонкимъ.

Теплыя мантии были у всѣхъ и хитоны; и спали,
 Или одѣвшись, спокойно они подъ своими щитами;

480 Я жъ, безразсудный, товарищу мантию отдалъ, собравшись
 Въ путь, не подумавъ, что ночью дрожать отъ мороза при-
 дется;

Взялъ со щитомъ я лишь поясъ мой блестящій; когда же
 Треть совершилася ночи и звѣзды склонились съ неба,
 Такъ я сказалъ Одиссею, со мною лежавшему рядомъ,

485 Доктемъ его подтолкнувъ [во мгновенье онъ понялъ, въ чемъ
 дѣло]:

О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Смертная служба; порывистый вѣтеръ и снѣгъ хладоносный
Мнѣ нестерпимы; я мантию бросилъ; хитонъ лишь злой демонъ
Взять надоумилъ меня; никакого нѣтъ средства согрѣться.

⁴⁹⁰Такъ я сказалъ. И недолго онъ думалъ, что дѣлать: онъ пер-
вый

Былъ всегда и на умный совѣтъ и на храброе дѣло.

Шопотомъ на ухо мнѣ отвѣчалъ онъ: молчи, чтобы не могъ насъ
Кто изъ ахеянъ товарищей нашихъ, здѣсь спящихъ, подслушать.
Такъ отвѣчавъ мнѣ, привсталъ онъ, и голову локтемъ подперши,

⁴⁹⁵Братя, сказалъ, мнѣ приснился божественный сонъ: мы да-
лѣко,

Слишкомъ далѣко отъ нашихъ зашла кораблей; не пойдетъ ли
Кто къ Агамемнону, пастырю многихъ народовъ, Атриду,
Съ просьбой, чтобы въ помощь людей намъ прислать съ кораб-
лей не замедлилъ.

Такъ онъ сказалъ. Поднялся, пробудившись, Феоасъ Андремо-
нидъ;

⁵⁰⁰Сбросивъ для легкости съ плечъ пурпуровую мантию, быстро
Онъ побѣжалъ къ кораблямъ; я жъ, оставленнымъ платьемъ
одѣвшись,

Сладко проспалъ до явленія златопрестольной денницы.

О! для чего я не младъ и не силенъ какъ въ прежніе годы!

Вѣрно тогда бы и мантию дали твои свинопасы

⁵⁰⁵Мнѣ—изъ пріязни ль, могучаго ль мужа во мнѣ уважая.

Нынѣ жъ кто хилаго нищаго въ рубищѣ бѣдномъ уважить?

Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:

Подлинно чудною повѣстью насъ ты, мой гость, позабавилъ;

Нѣтъ ничего неприличнаго въ ней и на пользу разсказъ твой

⁵¹⁰Будетъ: ни въ платьѣ ты здѣсь и ни въ чемъ, для молящаго,
много

Бѣдъ испытавшаго странника нужномъ, отказа не встрѣтишь;

Завтра однако въ свое ты одѣнешся рубище снова;

Мантий у насъ здѣсь запасныхъ не водится, мы не богаты

Платьемъ; у каждого только одно; онъ его до износа

⁵¹⁵Съ плечъ не скидаетъ. Когда же возлюбленный сынъ Одиссеевъ

Будетъ домой, онъ и мантию дастъ и хитонъ, чтобъ одѣться
Могъ ты, и въ сердцемъ желанную землю имъ будешь отпра-
влять.

Кончивъ, онъ всталъ и пошелъ; близъ огня приготовилъ по-
стелю

Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьею

⁵²⁰Шкурою; легъ Одиссей на постель; на него онъ набросилъ

Теплую, толсто-сотканную мантию, ею жъ во время
Зимней, бушующей дико метели онъ самъ одѣвался;

Скоро на ложе покойное легъ Одиссей; и другіе

Всѣ пастухи улеглись кругомъ. Но Эвмей, разлучиться

⁵²⁵Съ стадомъ свиней опасаясь, не легъ, не заснулъ; онъ, пос-
пѣшно

Взявши оружіе, въ поле идти изготовился. Видя,

Какъ онъ ему и далекому вѣренъ, въ душѣ веселился

Тѣмъ Одиссей. Свинопасъ же, на крѣпкія плечи повѣсивъ

Мечъ свой, одѣлся косматою, отъ вѣтра защитной, широкой

⁵³⁰Мантией, голову шкурою козы длинношерстной окуталъ,

Послѣ копые на собакъ и на встрѣчу съ ночнымъ побродягой

Взялъ, и въ то мѣсто пошелъ ночевать, гдѣ клычистыя свиньи

Спали подъ сводомъ скалы, недоступнымъ дыханью Борея.

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ДЕНЬ. УТРО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАГО.

Аѳина, являя во снѣ Телемаку, побуждаетъ его возвратиться въ отечество. Одаренный щедро Менелаемъ и Еленою, онъ покидаетъ вмѣстѣ съ Пизистратомъ Лаведемонъ. Ночлегъ у Діоклеса. На другой день, миновавъ Пилосъ, Телемакъ садится на корабль, беретъ съ собою Теоклимена и пускается въ море. Тѣмъ временемъ Одиссей объявляетъ Эвмею, что онъ намѣренъ идти въ городъ просить подаянія и вступить въ службу къ женихамъ. Эвмей его удерживаетъ у себя

и совѣтуетъ ему дожидаться возвращенія Телемакова. По просьбѣ Одиссея онъ рассказываетъ ему о его отцѣ и о его матери, наконецъ и о томъ, что съ нимъ самимъ въ жизни случилось. Телемакъ, прибывши рано по утру къ берегамъ Итаки, посылаетъ корабль свой въ городъ, а самъ идетъ къ Эвмею.

Тою порой въ Лакедемонъ широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтобъ Лаэртина внука, ему объ Итакѣ
Милой напомня, понудить скорѣй возвратиться въ отцовскій
Домъ; и она тамъ нашла Телемака съ возлюбленнымъ сыномъ
Нестора, спящихъ въ сѣняхъ Менелаева славнаго дома.
Сладостнымъ сномъ побѣжденный, лежалъ Пизистратъ непод-
вижно.

Полонъ тревоги былъ сонъ Одиссеева сына: во мракѣ
Ночи божественной онъ объ отцѣ помышлялъ и крушился.
Близко къ нему подошедши, богиня Аѣина сказала:
10Сынъ Одиссеевъ, напрасно такъ долго въ чужой сторонѣ ты
Медлишь, наслѣдые отца благороднаго бросивъ на жертву
Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно; расхитять
Все, и безъ пользы останется нуть совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъѣздь Менелай, вызыватель въ сра-
женье,

15Вамъ учредить, чтобъ еще безъ порока застать Пенелопу
Могъ ты: ее и отецъ ужъ и братья вступитъ понуждаютъ
Въ бракъ съ Эвримахомъ; числомъ и богатствомъ подарковъ онъ
прочихъ

Всѣхъ жениховъ превзошелъ, и приносить дары безпрестанно.]

Могутъ легко и твое тамъ похитить добро; ты довольно
20Знаешь, какъ женщина сердцемъ измѣнчива: въ новый вступая
Бракъ, лишь для новаго мужа она помышляетъ устроить
Домъ, но о дѣтяхъ отъ перваго брака, о прежнемъ умершемъ
Мужѣ не думаетъ, даже и словомъ его не помянетъ.

Въ домъ возвратяся, тамъ все, что твое, поручи особенно
25Самой надежной изъ вашихъ рабынь, чтобъ хранила, покуда
Боги тебѣ самому не укажутъ достойной супруги.
Слушай теперъ, что скажу, я замѣтъ про себя, что услышишь:

Выбравъ отважнѣйшихъ въ шайкѣ своей, женихи имъ велѣли,
 Между Итакой и Заомъ крутымъ притаяся въ засадѣ,
³⁰Злую погибель тебѣ на возвратномъ пути приготовить.
 Я же того не дозволю; и прежде могила поглотитъ
 Многихъ изъ нихъ, беззаконно твое достоянье губящихъ;
 Ты жъ, съ кораблемъ отъ обоихъ держась острововъ въ отда-

леньи,
 Мимо ихъ ночью пройди; благовѣющій вѣтеръ попутный
³⁵Богъ благосклонный, тебя берегущій, пошлетъ за тобою.
 Но, подошедъ къ каменно-высокому берегу Итаки,
 Въ городъ со всѣми людьми отпусти свой корабль быстроход-

ный;
 Самъ же останься на брегѣ и послѣ поди къ свинопасу,
 Главному тамъ надъ свинными стадами смотрителю; вѣрный
⁴⁰Твой онъ слуга; у него ты ночуешь; его же съ извѣстьемъ
 Въ городъ пошлешь къ Пенелопѣ разумной, дабы объявилъ ей
 Онъ, что въ отчизну изъ Пилоса ты невредимъ возвратился.
 Кончивъ, богиня Паллада на свѣтлый Олимпъ возвратилась.
 Тутъ отъ покойнаго сна пробудилъ Телемакъ Пизистрата,

⁴⁵Пяткой толкнувши его и сказавши ему: пробудися,
 Несторовъ сынъ Пизистратъ, и коней громозвучнокопытныхъ
 Въ нашу скорѣе впряги колесницу; въ дорогу пора намъ.
 Несторовъ сынъ благородный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:
 Сыпъ Одиссеевъ, хотя и спѣшишь ты отъѣздомъ, но въ путь

намъ
⁵⁰Темною ночью пускаться не должно; разсвѣтъ недалеко.
 Должно притомъ подождать, чтобъ Атридъ благородный, ме-

татель
 Славный конья, Менелай, положивъ въ колесницу подарокъ
 Мнѣ и тебѣ, отпустилъ насъ съ прощальнымъ привѣтливимъ
 словомъ:

Сладостно гостю, простившись съ хозяиномъ дома, о нѣжной
⁵⁵Ласкѣ, съ какою онъ былъ угощенъ, вспоминать ежедневно.
 Такъ онъ сказалъ. Возсіяла съ небесъ златотронная Эось.
 Къ нимъ тутъ пришелъ Менелай, вызыватель въ сражене, под-

Съ ложа отъ свѣтлокудрявой супруги, прекрасной Елены.

Сынъ Одисеевъ, его подходящаго вида, поспѣшно

⁶⁰Тѣло блестящее чистымъ хитомъ облекъ и широкой
Мантіей крѣпкія плечи, герой многославный, украсилъ;
Встрѣтивъ въ дверяхъ Менелая и ставши съ нимъ рядомъ, ска-
заль онъ

Сынъ Одисеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный:

Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,

⁶⁵Въ милую землю отцовъ мнѣ теперь возвратиться позволь ты;

Сердце мое несказанно по домъ семейномъ тоскуетъ.

Кончилъ. Ему отвѣчалъ Менелай, вызыватель въ сраженъе:

Сынъ Одисеевъ, тебя здѣсь удерживать болѣ не буду,

Если такъ сильно домой ты желаешь. И самъ не одобрю

⁷⁰Я гостелюбца, который безмѣрною лаской безмѣрно

Людымъ скучаетъ: во всемъ наблюдать намъ умѣренность
должно;

Худо, если мы гостя, который хотѣлъ бы остаться,

Нудимъ въ дорогу, а гостя въ дорогу слѣдующаго держимъ:

Будь съ остающимся ласковъ, привѣтно простись съ уходящимъ.

⁷⁵Но подожди, Телемакъ, чтобъ въ твою колесницу подарки

Я уложилъ, ихъ тебѣ показавъ, и чтобъ также рабынѣ

Сытный вамъ завтракъ велѣлъ на отъѣздъ во дворцѣ пригото-
вить:

Честь, похвала и услада хозяину, если гостей онъ,

Ѣдущихъ въ дальнюю землю, насыщенныхъ въ путь отпускаетъ.

⁸⁰Если жъ ты хочешь Аргосъ посѣтить и объѣхать Элладу —

Самъ я тебѣ проводникъ; дай коней лишь запрячь въ колесницу;

Многихъ людей городâ покажу я; никто не откажетъ

Намъ въ угощенъи, вездѣ и подарокъ обычный получимъ:

Иль дорогой мѣднолитный треножникъ, иль чашу, иль крѣпкихъ

⁸⁵Муловъ чету, иль сосудъ золотой двоеручный. Атриду

Такъ отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одисеевъ:

Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,

Должно прямымъ мнѣ скорѣй возвратиться путемъ — безъ над-
зора

Домъ и богатства мои, отправляясь въ путь, я оставилъ;
⁹⁰Можетъ, пока за отцомъ я божественнымъ буду скитаться,
 Тамъ приключится бѣда, или украдется что дорогое.
 Царь Менелай, вызыватель въ сраженъе, при этомъ отвѣтъ,
 Тотчасъ Еленѣ супругѣ своей и домашнимъ рабынямъ
 Завтракъ велѣлъ для гостей на отѣздъ во дворцѣ приготовить.
⁹⁵Близко къ Атриду тогда подошелъ Этеонъ, сынъ Возтовъ,
 Только что вставшій съ постели: онъ жилъ отъ царя недалеко.
 Царь повелѣлъ Этеону огонь разложить и немедля
 Мясa изжарить: и тотъ повелѣнъе съ покорностью принялъ.
 Самъ же въ чертогъ кладовой благовонный сошелъ по ступенямъ
¹⁰⁰Царь, не одинъ, но съ Еленой и съ сыномъ своимъ Мегален-
 домъ;

Вшедъ въ благовонный чертогъ кладовой, гдѣ хранились богат-
 ства,

Выбралъ Атридъ тамъ двурусный кубокъ, потомъ Мегаленду
 Сыну кратеру велѣлъ сребролитную взять; а Елена
 Къ тѣмъ подошла запертымъ на замокъ сундукамъ, гдѣ лежало
¹⁰⁵Множество пестрыхъ, узорчатыхъ платьевъ ея руководльа.
 Стала Елена, богиня межъ смертными, пестрыя платья
 Всѣ разбирать, и шитьемъ богатѣйшее, блескомъ какъ солнце
 Яркое, выбрала: было оно тамъ, на самомъ исподѣ
 Спрятано. Кончивъ, они по дворцу къ Телемаку навстрѣчу
¹¹⁰Вмѣстѣ пошли; Менелай златовласый сказалъ: благородный
 Сынъ Одиссеевъ, желанное сердцемъ твоимъ возвращенъе
 Въ домъ твой тебѣ да откроетъ супругъ громоогненный Иры!
 Я же изъ многихъ сокровищъ, которыми здѣсь обладаю,
 Самое рѣдкое выбралъ тебѣ на прощальный подарокъ;
¹¹⁵Дамъ пировую кратеру; богатая эта кратера
 Вся изъ сребра, но края золотые, искусной работы
 Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Фединъ благородный.
 Царь сидонянь, въ то время, когда возвращаясь въ отчичну,
 Въ домъ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.
¹²⁰Съ сими словами вручилъ Телемаку двурусный кубокъ
 Сынъ благородный Атреевъ; кратеру работы Ифеста

Подаль, пришедши, ему Мегалендъ, Менелаевъ могучій
 Сынъ, сребролитную; свѣтло-образная, съ пестрымъ пришедши
 Платьемъ, Елена, его подозвавши, сказала: одежду
¹²⁸Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтобъ меня ты
 Помнилъ, чтобъ этой мной сшитой одеждой на брачномъ ве-
 селомъ

Пирѣ невѣсту украсилъ свою; а дотоль пусть у милой
 Матери будетъ храниться она; ты жъ теперъ возвратися
 Съ сердцемъ веселымъ въ Итаку, въ отеческій домъ много-
 славный.

¹³⁰Кончивъ, одежду она подала; благодарно онъ принялъ.
 Тутъ осторожно дары уложилъ Пизистратъ въ колесничный
 Коробъ, съ большимъ удивленьемъ все порознь сперва осмо-
 трѣвши.

Всѣхъ въ пировую палату повель Менелай златовласый;
 Тамъ помѣстились они по порядку на креслахъ и стульяхъ.
¹³²Тутъ принесла на лохани серебряной руки умытъ имъ
 Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
 Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
 Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
 Выданнымъ ею охотно, чтобъ было для всѣхъ угощенье;

¹⁴⁰Мясо на части разрѣзаль и подаль гостямъ сынъ Возтовъ;
 Кубки златые наполнил виномъ Мегалендъ многославный;
 Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
 Сынъ Одиссеевъ и Несторовъ сынъ Пизистратъ привязали
¹⁴⁵Къ дышлу коней и, въ богатую сѣвши свою колесницу,
 Выѣхать въ ней со двора черезъ звонкій готовились портикъ.
 Вышелъ за ними Атридъ Менелай златовласый, держашій
 Въ правой рукѣ драгоценный, виномъ благовоннымъ налитый
 Кубокъ, чтобъ ихъ на дорог у почтить возляньемъ прощальнымъ:

¹⁵⁰Сталь впереди онъ коней и, вина отхлебнувши, воскликнулъ:
 Радуйтесь дѣти, и Нестору, пѣстуну многихъ народовъ,
 Мой отвезите поклонъ; какъ отецъ былъ ко мнѣ благосклоненъ
 Въ тѣ времена онъ, когда мы сражались въ Троѣ ахейцы.

Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелая:

¹⁵⁵Нестору все, что о немъ ты сказалъ намъ, Зевесовъ питомецъ,
Мы перескажемъ, прибывши къ нему. О! когда бъ, возвратяся
Въ домъ мой, въ Итаку, и я могъ отцу моему Одиссею
Также сказать, какъ любезно меня угощаль ты, какъ много
Разныхъ привезъ я сокровищъ, тобою въ подарокъ мнѣ данныхъ!
¹⁶⁰Кончилъ; и въ это мгновеніе справа орель темнокрылый
Шумно поднялся, большого, домашняго, блага гуся
Въ сильныхъ когтяхъ со двора унеся; и толпою вся дворня
Съ крикомъ бѣжала за хищникомъ; онъ, подлетѣвъ къ колес-
ницѣ,

Мимо коней прошумѣлъ и ударился вправо. При этомъ

¹⁶⁵Видѣ, у всѣхъ предвѣщаніемъ радостнымъ сердце व्यграло.
Несторовъ сынъ Пизистратъ благородный сказалъ Менелая:
Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни намъ,
Знаменье это Кроніонъ послалъ, для тебя ли, для насъ ли?
Такъ онъ спросилъ и, Арея любимецъ, задумался бодрый
¹⁷⁰Царь Менелай, чтобъ отвѣтъ несомнительный дать Пизистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:

Слушайте то, что скажу вамъ, что мнѣ всемогущіе боги
Въ сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется вѣрно.

Также какъ этого блага гуся, вскормленнаго дома,

¹⁷⁵Сильный похитилъ орель, прилетѣвшій съ горы, гдѣ родился
Самъ и гдѣ вывелъ могучихъ орлятъ, такъ скитавшійся долго,
Въ домъ возвратяся, Одиссей отомститъ; но быть можетъ уже онъ.
Дома, и смерть женихамъ неизбѣжную въ мысляхъ готовить.
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

¹⁸⁰Если то Иры супругъ, громоносный Кроніонъ позволить,
Буду, тебя поминая, тебѣ я какъ богу молиться.

Такъ отвѣчавъ ей, онъ сильнымъ ударилъ бичемъ; понеслися
Быстро по улицамъ города въ поле широкое кони.

Цѣлый день мчались кони, тряся колесничное дышло.

¹⁸⁵Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.

Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ

Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесь благородный;

Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесь угостилъ ихъ радушно.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось,

¹⁹⁰Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,

Быстро на ней со двора черезъ портикъ помчались звонкій,

Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.

Скоро достигли они до великаго Пилоса града.

Сынъ Одиссеевъ сказалъ Пизистрату, къ нему обратясь:

¹⁹⁵Можно ли, Несторовъ сынъ, обѣщанье мнѣ дать, что испол-
нишь

Просьбу мою? Мы гостями другъ другу считаемся съ давнихъ

Лѣтъ по наслѣдству любви отъ отцовъ; мы ровесники; этотъ

Путь, совершенный вдвоемъ неразрывнѣе дружбой связалъ насъ

Другъ, не минуй моего корабля; но позволь мнѣ остаться

²⁰⁰Тамъ, чтобъ отецъ твой меня въ изьявленье любви не при-
нудилъ

Въ домъ промедлить своею — возвратиться безмѣрно спѣшу я.

Такъ онъ сказалъ; Пизистратъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,

Думая, какъ бы свое обѣщанье исполнить; обдумавъ

Все, напослѣдокъ увѣрился онъ, что удобище будетъ

²⁰⁵Звонкокопытныхъ коней обратить къ кораблю и къ морскому

Брегу. Вступя на корабль, положилъ на кормѣ онъ подарки:

Золото, платье и все, чѣмъ Атридъ одарилъ Телемака.

Послѣ, его понуждая, онъ бросилъ крылатое слово:

Медлить не должно; всѣ люди твои собрались; уѣзжайте

²¹⁰Прежде, пока, возвратяся домой, не успѣлъ обо всемъ я

Старцу отцу разсказать; убѣжденъ я разсудкомъ и сердцемъ,

[Зная упрямство его], что тебя онъ не пустить, что самъ онъ

Вслѣдъ за тобой съ приглашеньемъ сюда прибѣжить, и отсюда

Вѣрно одинъ не воротится, такъ онъ упорствовать будетъ.

²¹⁵Кончивъ, бичемъ онъ погналъ длинногривыхъ коней и пом-
чался

Въ городъ пилійцевъ и славнаго города скоро достигнулъ.

Къ спутникамъ тутъ обратясь, сказалъ Телемакъ благородный:

Братья, скорѣй корабля чернобокаго снасти устройте,

Всѣ соберитесь потомъ на корабль, и отправимся въ путь свой.

220То повелѣніе было гребцами исполнено скоро;
 Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у весель.
 Тою порой Телемакъ приносилъ на кормѣ корабельной
 Жертву богинѣ Палладѣ; къ нему подошелъ, онъ увидѣлъ,
 Странникъ. Убіиство свершивъ, онъ погнулъ Аргось и ски-
 тался;

225Быль прорицатель; породу же велъ отъ Мелампа, который
 Нѣкогда въ Пилосѣ жилъ овцеводномъ. Въ роскошныхъ палатахъ
 Между пилійцевъ Мелампъ обиталъ, отличаясь богатствомъ;
 Быль онъ потомъ принужденъ убѣжать изъ отчины въ иную
 Землю, говимый надменнымъ Нелеемъ, изъ смертныхъ силь-
 нѣйшимъ

230Мужемъ, который его всѣмъ богатствомъ, пока продолжался
 Кругъ годовой, обладалъ, между тѣмъ, какъ въ Филаковомъ домѣ
 Въ тяжкихъ оковахъ, въ глубокой темницѣ былъ жестоко му-
 чимъ

Онъ за Нелееву дочь, погруженный въ слѣное безумство,
 Душу его омрачившее силою страшныхъ Эринній.

235Кернъ однако избѣгнулъ и громкомычащихъ коровъ онъ
 Въ Пилосѣ угналъ изъ Филакин. Тамъ, отомстивши за злое
 Дѣло герою Нелею, желанную къ брату родному
 Въ домъ проводилъ онъ супругу, потомъ удалился въ иную
 Землю, въ Аргось многоконный, гдѣ былъ назначенъ
 судьбою

240Жить, многочисленнымъ тамъ обладая народомъ аргиянъ.
 Въ бракъ тамъ вступивъ, поселился онъ въ пышноустроен-
 номъ домѣ;

Двухъ онъ имѣлъ сыновей: Антифата и Мантія, славныхъ
 Силой. Родилъ Антифатъ Оиклея отважнаго. Сыномъ
 Быль Оиклеевымъ Амфіарей, волнователь народовъ,

245Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
 Но до порога дней старыхъ ему не судили достигнуть
 Боги: онъ въ Оивахъ погибъ златолюбія женскаго жертвой.
 Были его сыновья Алгмеонъ съ Амфилохомъ. Меламповъ
 Младшій сынъ Мантія родилъ Полифейда пророка и Клита

²⁵⁰Кли́та похитила, свѣтлой его красотою плѣняся,
Златопрестольная Эось, чтобъ былъ онъ причисленъ къ без-
смертнымъ.

Силу пророчества гордому давъ Аполлонъ Полифейду,
Сдѣлалъ его знаменитымъ межъ смертныхъ, когда ужъ не стало
Амфіарея; но онъ въ Гиперезію жить, раздраженный

²⁵⁵Противъ отца, перешель, и живя тамъ, пророчилъ всѣмъ
людямъ.

Тотъ же странникъ, котораго сынъ Одиссеевъ увидѣлъ,
Былъ Полифейдовъ сынъ, называвшійся Теоклименомъ;
Онъ Телемаку, Аѳинѣ тогда приносившему жертву,
Съ просьбой къ нему обратившись, бросилъ крылатое слово:

²⁶⁰Другъ, я съ тобой, совершающимъ жертву встрѣчаясь, твоею
Жертвой тебя и твоимъ божествомъ и твоей головою,
Также и жизнью спутниковъ вѣрныхъ твоихъ умоляю:

Мнѣ на вопросъ отвѣчай, ничего отъ меня не скрывая,
Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?

²⁶⁵Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Я изъ Итаки; отцомъ же моимъ Одиссей богоравный
Нѣкогда былъ; но теперь онъ погибелью горькой постигнутъ;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, въ корабль чернобокомъ за
нимъ я,

²⁷⁰Долго отсутственнымъ, странствую, вѣсти о немъ собирая.
Теоклименъ благородный отвѣтствовалъ внуку Лаэрта:

Странствую также и я—знаменитый былъ мною въ отчизнѣ
Мужъ умерщвленъ; въ многоконномъ Аргосѣ онъ много оставилъ
Сродниковъ ближнихъ и братьевъ, могучихъ въ народѣ ахей-
скомъ;

²⁷⁵Гибель и мстящую Керу отъ нихъ опасаясь встрѣтить,
Я убѣждалъ; межъ людей безпріютно скитаться удѣлъ мой.
Ты жъ, умоляю богами, свитальца прими на корабль свой,
Иначе будетъ мнѣ смерть: я преслѣдуемъ сильно ихъ злобой.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

²⁸⁰Другъ, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.

Ѣдемъ; и въ домѣ у насъ съ гостелюбіемъ будешь ты принять.
Такъ онъ сказалъ и, копье мѣдноострое взявъ у пришельца,
Подлѣ перилъ корабельныхъ его положилъ на помостѣ.

Самъ же, вступивъ на корабль, оплывающій темное море,
285 Сѣлъ у кормы корабельной, съ собою тамъ сѣсть пригласивши
Теоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.

Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ немедля
Снасти убрать и, ему повинуюсь, сосновую мачту

Подняли разомъ они, и глубоко въ гнѣздо водрузивши,
290 Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;

Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
Тутъ свѣтлокая Зевсова дочь имъ послала попутный,
Лоно ээира пронзающій вѣтеръ, чтобъ темносоленой
Бездною моря корабль ихъ бѣжалъ, не встрѣчая преграды.

295 Круно и Халкисъ они свѣтловодной уже миновали;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Фѣу корабль, провожаемый Зевсовымъ вѣтромъ, оставилъ
Сзади, прошелъ и священную область эпеянь Элиду.

Острые тутъ острова Телемакъ въ отдаленіи увидѣлъ.

300 Плылъ онъ туда, размышляя, погибнетъ ли тамъ иль спа-
сется. —

Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ пищу
Бли вечернюю, съ пими и всѣ пастухи вечерали.

Свой удовольствовавъ голодъ обильно-роскошной ѣдою,
Такъ имъ сказалъ Одиссей [онъ хотѣлъ испытать, благосклон-
но ль

305 Сердце Эвмея къ нему, пригласить ли его онъ остаться
Въ хижинѣ съ нимъ, иль его отошлетъ неприязненно въ городъ]:
Слушай, мой добрый Эвмей, и послушайте всѣ вы; намѣрень
Завтра поутру я въ городъ идти, чтобъ собирать подаанье
Тамъ отъ людей, чтобъ и вашего хлѣба не ѣсть вамъ въ убы-
токъ.

310 Дай мнѣ, хозяинъ, совѣтъ и веди, чтобъ дорогу мнѣ въ городъ
Кто указалъ. Я по улицамъ буду бродить, ужъ конечно
Кто нибудь дастъ мнѣ вина иль краюшку мнѣ вынесетъ хлѣба;

Въ домъ многославный царя Одиссея пришедши, скажу тамъ
Людямъ, что добрыя вѣсти о немъ я принесъ Пенелопѣ.

³¹⁵Также пойду и къ ея женихамъ многобуйнымъ; ужь вѣрно
Мнѣ, такъ роскошно пируя, они не откажутъ въ подачѣ.

Я же и самъ быть могу имъ на всякую службу пригоденъ;
Вѣдать ты долженъ и выслушай то, что скажу: благодатень
Эрмія ко мнѣ былъ, боговъ благовѣстникъ, который всѣмъ
смертнымъ

³²⁰Людямъ успѣхъ, красоту и великую славу даруетъ;
Мало найдется такихъ, кто бъ со мною поспорилъ въ искусствѣ
Скоро огонь разводитъ, и сухія дрова для варенья
Пищи колотъ, и вино подносить, и разрѣзывать мясо,
Словомъ, во всемъ, что обязанность низкихъ на службѣ у знат-
ныхъ.

³²⁵Съ гнѣвомъ на то отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богорав-
ный:

Стыдно тебѣ, чужеземецъ; какъ могъ ты такія дозволить
Странныя мысли себѣ? Ты своей головы не жалѣешь,
Въ городъ собираясь идти къ женихамъ беззаконнымъ, которыхъ
Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба:

³³⁰Тамъ не тебѣ, другъ, чета имъ рабы подчиненныя служатъ;
Нѣтъ! но проворные, въ платьяхъ богатыхъ, въ красныхъ хи-
тонахъ,

Юноши, свѣтлокудрявые, каждый красавецъ—такіе
Служать рабы имъ; и много на гладко-блестящихъ столахъ тамъ
Хлѣба и мяса, и кубковъ съ виномъ благовоннымъ. Останься

³³⁵Лучше у насъ. Никому ты конечно межъ нами не будешь
Въ тягость, ни мнѣ, ни товарищамъ, вмѣстѣ со мною живущимъ.
Послѣ жъ, когда возвратится возлюбленный сынъ Одиссеевъ,
Ты отъ него и хитонъ и другую одежду получишь;

Будешь имъ также и въ сердцемъ желанную землю отпавленъ.

³⁴⁰Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ сынъ Лаэртговъ: да любить,
Добрый хозяинъ, тебя и великій Зевесъ Олимпіецъ
Столь же, какъ мнѣ ты, мою безпріютность прирѣвъ, сталъ
любезенъ.

Нѣтъ ничего ненавистнѣй бездомнаго странствія; тяжелой
 Мучитъ заботой во всякое время голодный желудокъ
³⁴⁵Бѣдныхъ, которымъ бродить суждено по землѣ безъ пріюта.
 Если же хочешь, чтобъ здѣсь я его дождался, расскажи мнѣ
 Все, что о славной въ женахъ Одиссеевой матери знаешь,
 Все, что съ отцомъ, на порогъ оставленномъ старости, было —
 Если еще Гелиосовымъ блескомъ они веселятся;
³⁵⁰Или ужъ нѣтъ ихъ и оба они ужъ въ Андовомъ домѣ?
 Сыну Лаэртovu такъ отвѣчалъ свинопасъ богоравный:
 Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
 Живъ благородный Лаэртъ, но всечасно Зевеса онъ молить
 Дома, чтобъ душу его онъ исторгнуть изъ дряхлаго тѣла;
³⁵⁵Горько онъ плачетъ о долго-отсутственномъ сынѣ, лишив-
 шись

Многоразумной и сердцемъ избранной супруги, которой
 Смерть преждевременно въ дряхлость его погрузила; о миломъ
 Сынѣ крушась неутѣшно и сѣтуя, съ свѣтлою жизнью
 Рано разсталась она. Да не встрѣтитъ никто изъ любимыхъ
³⁶⁰Мною и мнѣ оказавшихъ любовь столь печальной кончины!
 Я же, покуда ея сокрушенная жизнь продолжалась,
 Въ городъ къ ней часто ходилъ, чтобъ ее навѣщать, поелику
 Былъ я въ ребячествѣ съ дочерью доброй царицы, Клименой,
 Самую младшею между другими, воспитанъ; я съ нею
³⁶⁵Росъ и, почти какъ она, былъ любимъ въ ихъ семействѣ;
 когда же

Мы до желаннаго возраста младости зрѣлой достигли,
 Выдали за мужъ въ Самосѣ ее, взявъ большіе подарки.
 Былъ награжденъ я красивой хламидой и новымъ хитономъ,
 Также для ногъ получилъ и сандалинъ; послѣ, царица
³⁷⁰Въ поле къ стадамъ отослала меня и со мною дружелюбнѣй
 Пржняго стала. Но все миновалось. Блаженные боги
 Щедро однако успѣхомъ прилежный мой трудъ наградили;
 Имъ я кормлюсь, да и добрыхъ людей угощать мнѣ возможно.
 Но отъ моей госпожи ничего ужъ веселаго нынѣ

³⁷⁵Мнѣ не бываетъ, ни словомъ, ни дѣломъ, съ тѣхъ поръ,
какъ вломились

Въ домъ нашъ грабители: намъ же рабамъ иногда такъ утѣшно
Было бѣ ее навѣстить, про себя ей все высказать, свѣдать
Все про нее и, за царскимъ столомъ отобѣдавъ, съ подачей
Весело въ поле домой на вседневный свой трудъ возвратиться.

³⁸⁰Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Чудно! такъ въ дѣтствѣ еще ты, Эвмей свинопасъ, изъ отчизны
Въ землю далекую былъ увезенъ отъ родителей милыхъ?
Все мнѣ теперь расскажи, ничего отъ меня не скрывая:
Городъ ли тотъ, населенный обильно людьми, былъ разрушенъ,
³⁸⁵Гдѣ твой отецъ и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быковъ и барановъ одинъ, ты
Схваченъ морскимъ былъ разбойникомъ; онъ же тебя здѣсь
и продалъ

Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну?
Другъ, отвѣчалъ свинопасъ богоравный, людей повелитель,
³⁹⁰Если ты вѣдать желаешь, то все расскажу откровенно;
Слушай, въ молчаніи сладкодушнымъ виномъ утѣшаясь;
Ночи теперь безконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будетъ для нашей радушной бесѣды; не нужно
Рано ложиться въ постелю намъ: сонъ неумѣренный вреденъ.
³⁹⁵Всѣ же другіе, кого побуждаетъ желанье, пусть идутъ
Спать, чтобъ при первыхъ лучахъ восходящей денницы на
паству

Въ поле, позавтракавъ дома, съ господскими выдти свиньями;
Мы на просторѣ здѣсь двое, виномъ и ѣдой веселяся,
Память минувшихъ печалей веселымъ о нихъ разговоромъ
⁴⁰⁰Въ сердцѣ пробудимъ; о прошлыхъ бѣдахъ поминаетъ охотно
Мужъ, испытавшій ихъ много, и долго бродившій на свѣтѣ.
Я же о томъ, что желаешь ты знать, расскажу откровенно.
Есть [вѣроятно ты вѣдаешь] островъ, по имени Сира,
Выше Ортигии, гдѣ поворотъ совершаетъ свой солнце;
⁴⁰⁵Онъ не обильно людьми населенъ, но удобенъ для жизни,
Тученъ, приволенъ стадамъ, виноградомъ богатъ и пшеницей:

*

Тамъ никогда не бываетъ губящаго голода; люди
 Тамъ никакой не страшатся заразы; напротивъ, когда тамъ
 Хилая старость объемлетъ одно поколѣнье живущихъ,
⁴¹⁰ Лукъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисхо-
 дятъ
 Тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать
 имъ.

Два есть на островѣ города, каждый съ своею отдѣльной
 Областью; былъ же владѣльцемъ обоихъ родитель мой Ктезій,
 Сынъ Орменоновъ, безсмертнымъ подобный. Случилось, что
 въ Сиру

⁴¹⁵ Прибыли хитрые гости морей, финикійскіе люди,
 Мелочи всякой привезши въ своемъ корабль чернобокомъ.
 Въ домъ жъ отцовомъ рабыня жила финикійская, станомъ
 Стройная, рѣдкой красы, въ руководѣльяхъ искусная женскихъ.
 Душу ее обольстить удалось финикійцамъ коварнымъ:

⁴²⁰ Мыла она, не вдали корабля ихъ, бѣлье; тутъ одинъ съ ней
 Тайно въ любви сочелся—любовь же всегда въ заблужденье
 Женщинъ, и самыхъ невинныхъ своимъ поведеніемъ, вводитъ.
 Кто и откуда она, у рабыни спросилъ обольститель.
 Домъ указавъ своего господина, она отвѣчала:

⁴²⁵ Я уроженница мѣднобогатаго града Сидона;
 Тамъ мой отецъ Арибасъ знаменитъ былъ великимъ богат-
 ствомъ;

Силой морскіе разбойники, злые тафійцы схватили
 Шедшую съ поля меня и сюда увезли на продажу
 Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну.

⁴³⁰ Ей отвѣчая, сказалъ финикіецъ ея обольститель:
 Будешь конечно ты рада въ отчизну свою возвратиться
 Съ нами; опять тамъ увидишь и мать и отца въ ихъ блестящемъ
 Домѣ: они же, мы вѣдаемъ, живы и славны богатствомъ.
 Выслушавъ то, что сказалъ онъ, ему отвѣчала рабыня:

⁴³⁵ Я бы на все согласилась охотно, когда бъ мореходцы,
 Вы повлялися въ отчизну меня отвезти безъ обиды.
 Такъ отвѣчала рабыня; и тѣ повлялися; когда же

Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,
 Къ нимъ обратясь, рабыня крылатое бросила слово:
⁴⁴⁰Будемъ теперъ осторожны; молчите; изъ васъ ни который
 Слова не молви со мной, гдѣ меня бы ему ни случилось
 Встрѣтить, на улицѣ ль, подлѣ колодца ль, чтобъ кто господину,
 Насъ подсмотрѣвъ, на меня не донесъ: раздраженный, меня онъ
 Въ цѣпи велить заключить, да и вамъ приготовить погибель.

⁴⁴⁵Слуйте жъ языкъ свой; окончите торгъ поскорѣй, и когда вы
 Въ путь изготовитесь, нужнымъ запасомъ корабль нагрузивши,
 Въ домъ царевомъ меня обо всемъ извѣстите немедля;
 Золота, сколько мнѣ подъ руку тамъ попадется, возьму я;
 Будеть притомъ отъ меня вамъ еще и особый подарокъ:

⁴⁵⁰Знать вы должны, что смотрю я за сыномъ царя малолѣт-
 нымъ;
 Мальчикъ смысленный; со мною гулять изъ дворца онъ все-
 дневно

Ходить; я съ нимъ на корабль вашъ приду: за великую цѣну
 Этотъ товаръ продадите вы людямъ инаго языка.

Такъ имъ сказавши, она возвратилась въ палаты цареvy.

⁴⁵⁵Тѣ же, годъ цѣлый оставшись на островѣ нашемъ, прилежно
 Свой крутобокій корабль нагружали, торгуя, товаромъ;
 Но когда изготовился въ путь нагруженный корабль ихъ,
 Ими былъ вѣстникъ о томъ къ финикійской рабынѣ отправленъ;
 Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье:

⁴⁶⁰Крупный электронъ, оправленный въ золото съ чуднымъ
 искусствомъ;

Тѣмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни
 Всѣ любовались; оно по ругамъ ихъ ходило и цѣну
 Разную всѣ предлагали. А онъ, по условію, молча
 Ей головою бивнулъ и потомъ на корабль возвратился.

⁴⁶⁵Изъ дому, за руку взявши меня, поспѣшила со мною
 Выдти она; проходя же палату, гдѣ множествомъ кубковъ
 Столъ былъ уставленъ для царскихъ вельможъ, приглашен-
 ныхъ къ обѣду

[Были въ то время они на совѣтѣ въ собраньи народномъ],

Три двоеручныхъ сосуда проворно она, ихъ подъ платьемъ
⁴⁷⁰Скрывъ, унесла; я за нею пошелъ, ничего не размысли.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
 Пристани славною, поспѣшно идя, наконецъ мы достигли;
 Тамъ, оплыватель морей, ожидалъ насъ корабль финикійскій;
 Всѣ собрались на корабль и пошелъ онъ дорогою влажной,
⁴⁷⁵Взявъ насъ—меня и ее; и Зевесъ ниспослалъ намъ попутный
 Вѣтеръ; шесть сутокъ и денно и ночью мы по морю плыли.
 Но на седьмой день, какъ то предназначено было Зевесомъ,
 Вдругъ Артемида измѣнницу быстрой убила стрѣлою:
 Мертвая на полъ она корабельный упала морскою
⁴⁸⁰Курицей—рыбамъ ее и морскимъ тюленямъ на съѣдене
 Бросили въ море; а я тамъ остался одинъ сокрушенный.
 Волны и вѣтеръ попутный корабль принесли нашъ въ Итаку;
 Здѣсь я Лаэртомъ на деньги его былъ у хищниковъ купленъ.
 Такъ я Итаку впервые своими глазами увидѣлъ.
⁴⁸⁵Выслушавъ повѣсть, Эвмею сказать Одиссей богоравный:
 Добрый Эвмей, несказанно всю душу мою ты растрогаль,
 Мнѣ повѣствуя, какія съ тобою бѣды приключились;
 Съ горемъ однако и радость тебѣ ниспослалъ многодарный
 Зевсъ, проводившій тебя, претерпѣвшаго много, въ жилище
⁴⁹⁰Кроткаго мужа, который тебя и поить здѣсь и кормить
 Съ нѣжной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мнѣ же
 Участь не та—безъ приюта брожу межъ людей земнородныхъ.
 Такъ говоря о былыхъ временахъ, напоследокъ и сами
 Въ сонъ погрузились они, но на малое время; былъ кратокъ
⁴⁹⁵Сонъ ихъ: взошла свѣтлотронная Эосъ. Въ то время у берега,
 Снасти убравъ, Телемаковы спутники мачту спустили,
 Быстро къ причалу на веслахъ корабль привели и, закинувъ
 Якорь, надежнымъ канатомъ корабль утвердили у берега;
 Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волною,
⁵⁰⁰Вкусный обѣдъ приготовили съ сладкимъ виномъ пурпу-
 ровымъ.
 Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и роскошной ѣдою,
 Такъ мореходцамъ сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Въ городъ на веслахъ теперь отведите корабль чернобокій;
 Самъ же я въ поле пойду навѣстить пастуховъ и порядкомъ
⁵⁰⁵Все осмотрѣть тамъ; а вечеромъ въ городъ пѣшкомъ воз-
 вращуся;

Завтра жъ, друзья, въ благодарность за ваше сопутствіе, васъ я
 Въ домъ нашъ со мной отобѣдать и выпить вина приглашаю.

Θеоклимень богоравный тогда спросилъ Телемака:

Сынъ мой, куда же пойти присовѣтуешь мнѣ ты? Къ какому

⁵¹⁰Жителю горносуровой Итаки мнѣ въ домъ обратиться?

Или прямою дорогою въ вашъ домъ пойти къ Пенелопѣ?

Θеоклимень, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,

Въ прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы въ домъ свой

Я пригласилъ; мы тебя угостили бъ какъ должно; теперь же

⁵¹⁵Худо тамъ будетъ тебѣ безъ меня; ты увидѣть не можешь

Матери милой; она, на глаза женихамъ не желая

Часто являться, сидитъ на верху за тканьемъ одиноко;

Но одного я изъ нихъ назову, онъ доступнѣе прочихъ:

То Эвримахъ благородный, Полибія умнаго сынъ; на него же

⁵²⁰Смотрить въ Итакѣ народъ, какъ на бога, съ почтеньемъ
 великимъ.

Онъ безъ сомнѣнія лучшій межъ ними; усерднѣе другихъ онъ

Съ матерью брака, чтобъ мѣсто занять Одиссеево, ищетъ;

Но лишь единый въ эврѣ живущій Зевесъ Олимпіецъ

Вѣдаетъ, что имъ судьбой предназначено—бракъ или гибель?

⁵²⁵Кончилъ; и въ это мгновение справа поднялся огромный

Соколъ, посоль Аполлоновъ, съ пронзительнымъ крикомъ; въ
 когтяхъ онъ

Диваго голубя мчалъ и ощипывалъ; перья упали

Между Лаэртovýmъ внукомъ и судномъ его быстроходнымъ.

Θеоклимень, то увидя, отвелъ отъ другихъ Телемака,

⁵³⁰За руку взялъ, и по имени назвалъ, и шопотомъ молвилъ:

Знай, Телемакъ, не безъ воли Зевеса поднялся тотъ соколъ

Справа; я вѣщую птицу, его разсмотрѣвъ, угадалъ въ немъ.

Царственнѣе вашего царскаго рода не можетъ въ Итакѣ

Быть никакой; навсегда вамъ владычество тамъ сохранится.

⁵³⁵Θεοκλιмену отвѣтствовалъ сынъ Одиссеевъ разумный:
 Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
 Будешь отъ насъ угощенъ ты какъ другъ, и дарами осыпанъ
 Такъ изобильно, что каждый, съ кѣмъ встрѣтишься, счастью
 такому

Будеть дивиться. Потомъ онъ сказалъ, обратясь къ Пирею:
⁵⁴⁰Клитіевъ сынъ, благородный Пирей, изъ товарищей, въ
 Пилосъ

Вмѣстѣ со мною ходившихъ, ты самый ко мнѣ былъ усердный;
 Будь же таковъ и теперь, пригласи моего чужеземца
 Въ домъ свой и пусть тамъ живетъ онъ, покуда я самъ не
 приду къ вамъ.

Выслушавъ, такъ отвѣчалъ Телемаку Пирей копьeverжець:
⁵⁴⁵Сдѣлаю все, и сколько долго бы въ домъ моемъ онъ ни прожилъ,
 Буду его угощать и ни въ чемъ онъ отказа не встрѣтитъ.
 Кончилъ Пирей и, вступивъ на корабль, приказалъ, чтобъ
 немедля

Люди взошли на него и причальный канатъ отвязали.
 Люди взошедъ на корабль, помѣстились на лавкахъ у весель.
⁵⁵⁰Туть, въ золотыя сандалинъ сынъ Одиссеевъ обувши
 Ноги, свое боевое копье, заостренное мѣдью,
 Съ палубы взялъ; а гребцы отвязали канатъ и на веслахъ
 Къ городу поплыли, судно отчаливъ, какъ то повелѣлъ имъ
 Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный.

⁵⁵⁵Сынъ Одиссеевъ тѣмъ временемъ шелъ и пришелъ напоследъ-
 докъ

Къ дому, гдѣ множество было въ закутахъ свиней и гдѣ съ ними
 Сторожъ ихъ спалъ свинопастъ, Одиссеевъ слуга неизмѣнный.

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ДЕНЬ.

Телемакъ приходитъ въ жилище Эвмея, который принимаетъ его съ
 несказанною радостію. Онъ посылаетъ Эвмея въ городъ возвѣстить
 Пенелопѣ о возвращеніи сына. Одиссей, повинувшись Аѳинѣ, открыва-
 ется Телемаку; они обдумываютъ вмѣстѣ, какъ умертвить жени-

ховъ. Сии послѣдніе тѣмъ временемъ, подстрекаемые Антиноемъ, составляютъ заговоръ противъ Телемаковой жизни; но Амфиномъ совѣтуетъ имъ напередъ узнать волю Зевеса. Пенелопа, свѣдавъ о ихъ замыслѣ, дѣлаетъ упреки Антиною; Эвримахъ лицемѣрно старается ее успокоить. Эвмей возвращается въ хижину.

Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ, рано
Вставъ и огонь разложивъ, приготовили завтракъ. Насытася
Вдоволь, на паству погнавши свиней пастухи. Къ телемаку
Бросились дружно навстрѣчу Эвмееви злыя собаки;
5Ластяся къ идущему, прыгали дикіе звѣри; услышавъ
Топотъ двухъ ногъ, подходящихъ поспѣшно, Лаэртотъ раз-
умный

Сынъ, изумившійся, бросилъ крылатое слово Эвмею:
Слышишь ли, добрый хозяинъ? Тамъ кто-то идетъ, твой то-
варищъ

Или знакомецъ; собаки навстрѣчу бѣгутъ и, не лая,
10Машутъ хвостами; шаги подходящаго явственно слышу.
Словъ онъ еще не докончилъ, какъ въ двери вошелъ, онъ
увидѣлъ,

Сынъ; въ изумленіи вскочилъ свинопасъ; уронилъ изъ обѣихъ
Рукъ онъ сосуды, въ которыхъ студеною смѣшивалъ воду
Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ. Къ своему господину навстрѣчу
15Бросясь, онъ голову, свѣтлыя очи и млыя руки
Сталъ у него цѣловать, и изъ глазъ полился ручьями
Слезы; какъ нѣжный отецъ съ несказанной любовью ласкаетъ
Сына, который незапно явился ему черезъ двадцать
Лѣтъ по разлукѣ — единственный, поздно рожденный имъ,
долго

20Жданный въ печали — съ такой свинопасъ Телемака любовью,
Крѣпко обнявши, всего цѣловалъ, какъ воскресшаго; плача
Взрыдъ, своему господину онъ бросилъ крылатое слово:
Ты ль, ненаглядный мой свѣтъ, Телемакъ, возвратился? Тебя я,
Въ Пилосъ отплывшаго, видѣть уже не надѣялся болѣ.

25Милости просимъ, войди къ намъ, дитя мое милое; дай мнѣ
Очи тобой насладить, возвратившимся въ домъ свой; донинѣ

Въ поле не часто къ своимъ пастухамъ приходилъ ты; но болѣ
 Въ городѣ жилъ межъ народа: знать было тебѣ непротивно
 Видѣть, какъ въ домѣ твоємъ безъ стыда женихи бунтовали.
³⁰Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
 Правду сказалъ ты, отецъ; но теперь для тебя самого я
 Здѣсь: покидаться пришелъ я съ тобою, Эвмей, чтобъ провѣдать
 Дома ль еще Пенелопа, иль бракомъ уже сочеталась
 Съ кѣмъ изъ своихъ жениховъ, Одиссеево жъ ложе пустое
³⁵Въ спальной стоитъ одиноко, покрытое злой паутиной?
 Кончилъ. Ему отвѣчая сказалъ свинопасъ богоравный:
 Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоємъ Пенелопа
 Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратить
 Долгіе дни и бессонныя ночи въ слезахъ и печали.
⁴⁰Такъ говоря, у него онъ копье мѣдноострое принялъ;
 Въ домъ тутъ вступилъ Телемакъ, черезъ гладкій порогъ пе-
 решедши.

Съ мѣста поспѣшно вскочилъ передъ нимъ Одиссей; Телемакъ
 же,

Мѣсто отрекшись принять, Одиссею сказалъ: не трудися,
 Странникъ, сиди; для меня ужъ конечно найдется мѣстечко
⁴⁵Здѣсь; мнѣ очистить его не замедлитъ нашъ умный хозяинъ
 Такъ онъ сказалъ; Одиссей возвратился на мѣсто; Эвмей же
 Прутьевъ зеленыхъ охапку принесъ и покрылъ ихъ овчиной;
 Сынъ Одиссеевъ возлюбленный сѣлъ на нее; деревянный
 Съ мясомъ, отъ прошлаго дня сбереженнымъ, поднось передъ
 миломъ

⁵⁰Гостемъ поставилъ усердный Эвмей свинопасъ, и корзину
 Съ хлѣбомъ большую принесъ, и наполнилъ до самаго края
 Вкусномедвянымъ виномъ деревянную чашу. Потомъ онъ
 Сѣлъ за готовый обѣдъ съ Одиссеемъ божественнымъ рядомъ.
 Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
⁵⁵Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
 Такъ свинопасу сказалъ Телемакъ богоравный: отецъ мой,
 Кто чужеземный твой гость? На какомъ кораблѣ онъ въ Итаку
 Прибылъ? Какіе его привезли корабельщики? Въ край нашъ

[Это конечно я знаю и самъ] не пѣшвомъ же пришелъ онъ.

⁶⁰Такъ отвѣчалъ Телемаку Эвмей, свинопасъ богоравный:
Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Онъ уроженецъ широкоравниннаго острова Крита,
Многихъ людей городъ, говорить, посѣтилъ и немало
Странствовалъ: такъ для него ужъ судьбиною соткано было.

⁶⁵Нынѣ жъ, бѣжавъ съ корабля отъ оеспротовъ, людей зло-
коварныхъ,

Въ хижину нашу пришелъ онъ; тебѣ я его уступаю;
Дѣлай, что хочешь: твоей онъ защитѣ себя повѣряетъ.
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:

Добрый Эвмей, ты для сердца печальное слово сказалъ мнѣ;

⁷⁰Какъ же могу я въ свой домъ пригласить твоего чужеземца?

Я еще молодъ; еще я своею рукой не пытался

Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду;

Мать же, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не знаетъ, что вы-
братъ,

Вмѣстѣ ль со мною остаться и домъ содержать нашъ въ порядкѣ,

⁷⁵Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,

Иль наконецъ предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усерднѣй

Ищетъ супружества съ ней и дары ей щедрѣе приносить;

Но чужеземцу, котораго гостемъ ты принялъ, охотно

Мантію я подарю и красивый хитонъ и подошвы

⁸⁰Ноги обути; да и мечъ отъ меня онъ получить двуострый;

Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю;

Пусть онъ покуда живетъ у тебя, угощаемый съ лаской;

Платежь жъ сюда я немедля пришлю и съ запасомъ для вашей

Пищи, дабы отъ убытка избавить тебя и домашнихъ.

⁸⁵Въ городъ ходить къ женихамъ я ему не совѣтую; слишкомъ

Буйны они и въ поступкахъ своихъ необузданно дерзки;

Могутъ обидѣть его, для меня бы то было прискорбно;

Самъ же я ихъ укротить не могу: противъ многихъ и самый

Сильный безсилецъ, когда онъ одинъ; ихъ число тамъ велико.

⁹⁰Царь Одиссей хитроумный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:

Если позволишь ты мнѣ, мой прекрасный, сказать откровенно —

Милымъ я сердцемъ жестоко досадою, слыша, какъ много
 Вамъ женихи незаконны здѣсь оскорбленій наносятъ,
 Домъ захвативши такого, какъ ты, молодого героя;
⁹⁵Знать бы желалъ я, ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли
 Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бога?
 Или, быть можетъ, ты братьевъ винишь, на которыхъ отваж-
 ность

Мужъ полагается каждый, при общемъ великомъ раздорѣ?
 Если бь имѣлъ я и свѣжую младость твою и отважность —
¹⁰⁰Или когда бы возлюбленный сынъ Одиссеевъ, или самъ онъ,
 Странствуя, въ домъ возвратился [еще не пропала надежда] —
 Первому встрѣчному голову мнѣ бы отсѣчь я позволилъ,
 Если бы, имъ на погибель, одинъ не рѣшился проникнуть
 Въ домъ Одиссея Лаэртова сына, чтобъ выгнать оттуда
¹⁰⁵Шайку ихъ. Если бь одинъ я съ толпой и не сладилъ, то
 все же,

Было бы лучше мнѣ, въ домъ моему пораженному, встрѣтить
 Смерть, чѣмъ свидѣтелемъ быть тамъ безчинныхъ поступковъ
 и видѣть,

Какъ въ немъ они обижаютъ гостей, какъ рабынь принуждаютъ
 Ихъ угождать вождѣніямъ гнуснымъ въ обитѣлахъ царскихъ,
¹¹⁰Какъ расточаютъ и хлѣбъ и вино, безошадно запасы
 Всѣ истребляя, и главнаго дѣла окончить не мысля.
 Добрый нашъ гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
 Нѣтъ! ни мятежный народъ не враждуетъ со мною, ни братьевъ
¹¹⁵Также моихъ не могу я винить, на которыхъ отважность
 Мужъ полагается каждый при общемъ раздорѣ, понеже
 Въ каждомъ колѣнѣ у насъ, какъ извѣстно, всегда лишь одинъ
 былъ

Сынъ; одного лишь Лаэрта имѣлъ прародитель Аркесій;
 Сынъ у Лаэрта одинъ Одиссей; Одиссей равнолѣтно
¹²⁰Прижилъ меня одного съ Пенелопой. И былъ я младенцемъ
 Здѣсь имъ оставленъ, а домъ нашъ заграбили хищные люди.
 Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,

Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закинѳа,

Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу

¹²⁵Нудать упорно ко браку и наше имѣнїе грабять;

Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить, ни
отъ брака

Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно
Наше добро, и меня самого напоследокъ погубять.

Но, конечно, того мы не знаемъ, что въ лонѣ безсмертныхъ

¹³⁰Скрыто. Теперь побѣги ты, Эвмей, къ Пенелопѣ разумной

Съ вѣстью о томъ, что изъ Пилоса я невредимъ возвратился.

Самъ же останусь я здѣсь у тебя; приходи къ намъ скорѣе.

Но берегись, чтобъ никто не провѣдалъ, oprичъ Пенелопы,

Тамъ, что я дома: тамъ многіе смертію мнѣ угрожаютъ.

¹³⁵Такъ Телемаку сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:

Знаю, все знаю, и мнѣ все понятно; и все, что велишь ты,

Будетъ исполнено; ты же еще мнѣ скажи откровенно,

Хочешь ли также, чтобъ съ вѣстью пошелъ я и къ дѣду Лаэрту?

Бѣдный старикъ! онъ до сихъ поръ, хотя и скорбѣлъ о да-
лекоу

¹⁴⁰Сынѣ, но все наблюдалъ за работами въ полѣ, и голодъ

Чувствуя, ѣлъ за обѣдомъ и пылъ, какъ бывало, съ рабами.

Съ той же поры, какъ пошелъ въ корабль чернобокомъ ты
въ Пилосъ,

Онъ, говорятъ, ужъ не ѣстъ, и не пьетъ, и его никогда ужъ

Въ полѣ никто не встрѣчаетъ, но, охая тяжело и плача,

¹⁴⁵Дома сидитъ онъ, изчахлый, чуть дышущій, кожа да кости.

Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:

Жаль! но его, какъ ни горько мнѣ это, оставить должны мы;

Если бы все по желанію смертныхъ, судьбинѣ подвластныхъ,

Дѣлалось, я пожелалъ бы, чтобъ прибылъ отецъ мой въ Итаку.

¹⁵⁰Ты же, увидѣвши мать, возвратись, заходить не заботясь

Въ поле къ Лаэрту, но матери можешь сказать, чтобъ немедля,

Тайно отъ всѣхъ, и чужихъ и домашнихъ, отправила къ дѣду

Ключницу нашу обрадовать вѣстью неожиданною старца.

Кончивъ, велѣлъ онъ идти свинопасу. Взявъ въ руки подошвы,

¹⁵⁵Подъ ноги ихъ подвязалъ онъ и въ городъ пошелъ. Отъ
Аѳины

Не было скрыто, что домъ свой Эвмей, удаляся, покинулъ;
Тотчасъ явилась богиня, младую, прекрасною, съ станомъ
Стройно-высокимъ, во всѣхъ руководѣльяхъ искусною дѣвой;
Въ двери вступивъ, Одиссею предстала она; Телемаку жъ
¹⁶⁰Видѣть себя не дала; онъ ея не примѣтилъ: не всѣмъ намъ
Боги открыто являюся; но Одиссей могъ очамъ
Ясно увидѣть ее, и собаки увидѣли также:
Лаять не смѣя, онѣ, завизжавъ, со двора побѣжали.
Знакъ головою она подала. Одиссей, догадавшись,
¹⁶⁵Вышелъ изъ хижины; подлѣ высокой заграды богиню
Встрѣтилъ онъ; слово къ нему обращая, сказала Аѳина:
Другъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаку;
Оба, условяся, какъ женихамъ приготовить ихъ гибель,
¹⁷⁰Вмѣстѣ подите немедля вы въ городъ; сама я за вами
Скоро тамъ буду, и мстительный бой совершимъ совоюпно:
Кончивъ, железомъ золотымъ прикоснулась она къ Одиссею:
Тотчасъ опрятнымъ и вымытымъ чисто хитономъ покрылись
Плечи его; онъ возвышеннѣй сдѣлался станомъ, моложе
¹⁷⁵Свѣтлымъ лицомъ, посмуглѣвшія щеки стали полнѣе;
Черной густой бородой покрылся его подбородокъ.
Собственный образъ ему возвративши, богиня исчезла.
Въ хижину снова вступилъ Одиссей; Телемакъ, изумленный,
Очи потушилъ: онъ мыслить, что видитъ безсмертнаго бога.
¹⁸⁰Въ страхѣ къ отцу обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:
Странникъ, не въ прежнемъ теперь предо мной ты являешься
видѣ;

Плате не то на тебѣ, и совсѣмъ измѣнился твой образъ;
Вѣрно одинъ изъ боговъ ты, владыкъ безпредѣльнаго неба;
Будь же къ намъ благостенъ; золота много тебѣ принесемъ мы
¹⁸⁵Здѣсь съ экатомбой великой, а ты насъ, могучій, помилуй.
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Нѣтъ, я не богъ; какъ дерзнулъ ты безсмертнымъ меня упо-
добить?

Я Одиссей, твой отецъ, за котораго съ тяжкимъ вздыханьемъ
 Столько обидъ ты терпѣлъ, притѣснителямъ злымъ уступая.
¹⁹⁰Кончивъ, съ любовію сына онъ сталъ цѣловать, и съ рѣс-
 ницы

Пала на землю слеза—удержать онъ ее былъ не въ силахъ.
 Но [что предъ нимъ былъ желанный отецъ Одиссей, не повѣря]
 Снова ему возражая, сказалъ Телемакъ богоравный:
 Нѣтъ, не отецъ Одиссей ты, но демонъ, своимъ чародѣйствомъ
¹⁹⁵Очи мои ослѣпившій, чтобъ послѣ я горестнѣй плакалъ;
 Смертному мужу подобныхъ чудесъ совершать невозможно
 Собственнымъ разумомъ: можетъ лишь богъ превращать во
 мгновенье

Волей своей старика въ молодого и юношу въ старца;
 Былъ ты сначала старикъ, неопратно одѣтый; теперь же
²⁰⁰Вижу, что свой ты богамъ, безпрѣдѣльнаго неба владыкамъ.
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Нѣтъ, Телемакъ, не чуждайся отца, возвращеннаго въ домъ
 свой;

Также и бывшему чуду со мною не слишкомъ дивися;
 Къ вамъ никакой ужъ другой Одиссей, говорю я, не будетъ
²⁰⁵Кромѣ меня, претерпѣвшаго въ странствіяхъ много, и нынѣ
 Волей боговъ приведеннаго въ землю отцовъ черезъ двадцать
 Лѣтъ. А мое превращеніе было богини Аѳины,
 Мощной добычицы дѣло; возможно ей все; превращень былъ
 Прежде я въ стараго нищаго ею, потомъ въ молодого
²¹⁰Крѣпкаго мужа, носящаго чистое платье на тѣлѣ;
 Вѣчнымъ богамъ, безпрѣдѣльнаго неба владыкамъ, легко насъ
 Смертныхъ людей надѣлать и красой и лицомъ безобразнымъ.
 Такъ онъ отвѣтствовалъ, сѣлъ; Телемакъ въ несказанномъ
 волненіи

Пламенно обнялъ отца благороднаго съ громкимъ рыданьемъ.
²¹⁵Въ сердце тогда имъ обонимъ проникло желаніе плача:
 Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; какъ стонетъ
 Соколъ иль крутокогистый орелъ, у которыхъ охотникъ
 Выкралъ еще некрылатыхъ птенцовъ изъ роднаго гнѣзда ихъ,

Такъ, заливаясь слезами, рыдали они и стонали
²²⁰Громко; и въ плачѣ могло бѣ ихъ застать заходящее солнце,
 Если бы вдругъ не спросилъ Телемакъ, обратясь къ Одиссею:
 Какъ же, отецъ, на какомъ кораблѣ ты, какою дорогой
 Прибылъ въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край
 нашъ

[Это конечно я знаю и самъ] не пѣшкомъ же пришелъ ты.
²²⁵Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
 Все я, мой сынъ, расскажу, ничего отъ тебя не скрывая;
 Славные гости морей феакійцы меня привезли къ вамъ;
 Всѣхъ, кто ихъ помощи проситъ, они по морямъ провожаютъ.
 Спалъ я, когда мы достигли Итаки, и сонный былъ ими
²³⁰На берегъ вынесенъ [щедро меня, отпуская въ дорогу,
 Золотомъ, мѣдью и платемъ богатымъ они одарили:
 Все то по волѣ безсмертныхъ здѣсь спрятано въ гротѣ глу-
 бокомъ].

Присланъ сюда я богиней Аѳинной затѣмъ, чтобъ съ тобою
 Вмѣстѣ враговъ истребленіе здѣсь на свободѣ устроить.
²³⁵Ты же теперь назови жениховъ и число ихъ скажи мнѣ;
 Должно, чтобъ вѣдалъ я, кто и откуда они, и какъ много
 Тамъ ихъ, дабы все подробно обдумавъ разсудкомъ и сердцемъ,
 Мы разрѣшили, возможно ль двоимъ, никого не призвавши
 Въ помощь, ихъ всѣхъ одолѣть, или другіе помощники нужны?
²⁴⁰Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ благородный:
 Слышалъ я много, отецъ, о дѣяньяхъ твоихъ многославныхъ;
 Какъ ты разуменъ въ совѣтѣ, какой копьевержецъ могучій—
 Но о несбыточномъ мнѣ ты теперь говоришь; невозможно
 Двумъ намъ со всею толпой жениховъ многосильныхъ бороться.
²⁴⁵Долженъ ты знать, что числомъ ихъ не десять, не двадцать;
 гораздо

Болѣе; всѣхъ перечестъ ихъ тебѣ я могу по порядку;
 Слушай: пришло ихъ съ Дуликія острова къ намъ пятьдесятъ
 два,

Знатны всѣ родомъ они, шесть служителей съ ними; съ Закиноа
 Острова прибыло двадцать; а съ темнолѣснаго Зама

²⁵⁰ Двадцать четыре: всѣ знатныхъ отцовъ сыновья; на послѣдокъ
Къ нимъ мы и двадцать должны изъ Итаки причестъ, при кото-
рыхъ

Фемій, пѣвецъ богоравный, глашатай Медонъ и проворныхъ
Двое рабовъ, соблюдать за обѣдомъ порядокъ искусныхъ.

Если съ такою толпою бороться одни мы замыслимъ,

²⁵⁵ Будетъ намъ мщеніе горько, возвратъ твой погибеленъ бу-
детъ;

Лучше подумай о томъ, не найдется ль помощникъ, который
Могъ бы за насъ постоять, благосклонно подавши намъ руку?
Сыну отвѣтствуя, такъ возразилъ Одиссей хитроумный:

Выслушай то, что скажу, и въ умѣ сохрани, что услышишь:

²⁶⁰ Если бѣ Кроніонъ отецъ и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда бѣ мы принскивать новыхъ?
Кончили. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ богоравный:

Подлинно ты мнѣ надежныхъ помощниковъ назвалъ; высоко
Правда они въ облакахъ обитаютъ; но оба не намъ лишь

²⁶⁵ Смертнымъ однимъ, но и вѣчнымъ богамъ всемогуществомъ
страшны.

Сыну отвѣтствовать такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:

Оба они не останутся долго отъ насъ въ отдаленіи

Въ часъ воздаянья, когда у меня съ женихами въ жилищѣ

Царскомъ послѣдній Ареевъ расчетъ смертоносный начнется.

²⁷⁰ Завтра поутру, лишь только подыметса Эось, ты въ городъ
Прямо пойдешь; тамъ останься въ толпѣ жениховъ многобуй-
ныхъ.

Позже туда я приду съ свинопасомъ Эвмеемъ подъ видомъ

Старога нищаго въ рубищѣ бѣдномъ. Когда тамъ ругаться

Станутъ они надо мною въ жилищѣ моемъ, не давай ты

²⁷⁵ Милому сердцу свободы, и что бѣ ни терпѣль я, хотя бы

За ногу вытащенъ былъ изъ палаты и выброшенъ въ двери,

Или хотя бы въ меня чѣмъ швырнули—ты будь равнодушенъ.

Можешь конечно сказать иногда [чтобъ унять ихъ буянство]

Кроткое слово; тебя не послушаютъ; будетъ напрасно

²⁸⁰ Все: предназначенный день ихъ погибели близко; терпѣнье!

Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
 Я, въ ту минуту, когда свой совѣтъ мнѣ на сердцѣ положить
 Втайнѣ Аѳина, тебѣ головою кивну; то замѣтя,
 Всѣ изъ палаты, какіе ни есть тамъ, dospѣхи Арея
 285 Вверхъ отнеси и оставь тамъ, ихъ вучею въ уголь сложивши;
 Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ палатѣ тамъ бывшихъ
 оружіи,

Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ
 Дымно; ужъ сдѣлались вовсе они не такія, какими
 Здѣсь ихъ отецъ Одиссей, при отбытіи въ Трою, покинулъ:
 290 Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти дымной покрыли сь.
 Мнѣ же и высшую въ сердце влагаеъ Зевесъ осторожность:
 Можетъ межъ вами отъ хмѣля вражда загорѣться лихая;
 Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится;
 Само собой прилипаетъ къ рукѣ роковое желѣзо.

295 Намъ же двонмъ два копыя, два меча ты отложишь, и съ ними
 Два изъ воловьей кожи щита пригодишь, чтобъ въ руки
 Взять ихъ, когда нападеніе начнемъ; женихамъ же конечно
 Умъ ослѣпить всемогущій Зевесъ и Аѳина Паллада.

Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
 300 Если ты въ правду мой сынъ и отъ крови моей происходишь,
 Тайну храни, чтобъ никто о моемъ возмущеніи не свѣдалъ
 Здѣсь, ни Лазръ мой отецъ, ни Эвмей свинопасъ, ни служитель
 Царскаго дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое —
 Ты лишь, да я—наблюдать за рабынями нашими будемъ;
 305 Также и многихъ рабовъ испытанью подвергнемъ, чтобъ свѣ-
 дать,

Кто между ими тебя и меня уважаетъ и любить,
 Кто, насъ забывъ, оскорбляетъ тебя, столь достойнаго чести.
 Такъ, возражая отцу, отвѣчалъ Телемахъ многославный:
 Сердце мое ты, отецъ, уповаю я, скоро на самомъ
 310 Дѣлѣ узнаешь; и духъ мой не слабымъ найдешь ты конечно.
 Думаю только, что опыту всѣхъ подвергать бесполезно
 Будетъ для насъ; я объ этомъ тебя убѣждаю размыслить:
 Много истратится времени, если испытывать всѣхъ ихъ,

Каждо порознь, начнемъ мы тогда, какъ враги беззаботно
 315Будуть твой домъ разорять и твое достояніе грабить.
 Но я желаю и самъ, чтобъ подвергнувши опыту женщинъ,
 Могъ отличить ты порочныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ; рабовъ

же

Трудно испытывать всѣхъ, одного за другимъ, на работѣ
 Порознь живущихъ; то сдѣлаешь послѣ въ досужное время,
 320Если ужъ подлинно знакъ былъ тебѣ отъ владыки Зевеса.
 Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
 Тою порой крѣпкозданный корабль, Телемака носившій
 Въ Пилюсь съ дружиной, приблизился къ берегу Итаки. Когда же
 Въ пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
 325На берегъ вдвинуть они успѣшили его совокупной
 Силой; а слуги проворные, судно совсѣмъ разгрузивши,
 Въ Клитіевъ домъ отнесли всѣ подарки царя Менелая.
 Въ царскій же домъ Одиссеевъ былъ вѣстникъ пловцами немедля
 Посланъ сказать Пенелопѣ разумной, что сынъ, возвратяся,
 330Въ поле пошелъ, кораблю же прямою дорогою въ городъ
 Плыть повелѣлъ [чтобъ, о сынѣ отсутственномъ въ сердцѣ тре-
 вожась,

Плакать напрасно о немъ перестала царица]. Тотъ вѣстникъ
 Встрѣтился, путь свой окончивъ спѣша, съ свинопасомъ, который
 Съ вѣстью подобной къ своей госпожѣ Телемакомъ былъ посланъ.
 335Къ дому царя многославнаго оба пришли напоследокъ.
 Вслухъ передъ всѣми рабынями вѣстникъ сказалъ Пенелопѣ:
 Прибылъ обратно въ Итаку возлюбленный сынъ твой, царица.
 Но свинопасъ подошелъ къ Пенелопѣ и на ухо все ей,
 Что Телемакъ повелѣлъ рассказать, прошепталъ осторожно.
 340Кончивъ рассказъ и исполнивъ свое порученіе, царскій
 Домъ онъ оставилъ и въ поле къ свиньямъ возвратился по-
 спѣшно.

Но женихи, пораженные духомъ уныли; покينувъ
 Залу, они у ограды высокаго царскаго дома
 Рядомъ на каменныхъ гладкихъ скамьяхъ за воротами сѣли.
 345Такъ говорить имъ тогда Эвримахъ, сынъ Полибиевъ, началъ:

*

Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ смѣло отправясь
 Въ путь, Телемакъ, отъ него мы подобной отгаки не ждали.
 Должно намъ, черныи удобнѣйшій къ бѣгу корабль изготовивъ,
 Въ немъ мореходныхъ, отправить людей, чтобъ они убѣдили
³⁵⁰Нашихъ товарищей въ городъ какъ можно скорѣй возвра-
 титься.

Кончить еще не успѣлъ онъ, какъ съ мѣста на пристань взгля-
 нувши,

Только что къ берегу приставшій корабль Анфиномъ усмотрѣлъ
 тамъ;

Снасти и весла на немъ убрали пловцы. Обратясь
 Съ радостнымъ смѣхомъ къ товарищамъ, такъ онъ сказалъ: не
 трудитесь

³⁵⁵Вѣсти своей посылать понапрасну: они возвратились.

Видно ихъ богъ надумилъ какой, иль увидѣли сами
 Быстробѣгущій корабль и достигнуть его не успѣли.

Такъ онъ сказалъ; тѣ, поднявшись, пошли всей толпою на при-
 стань.

На берегъ скоро былъ вздвинуть корабль чернобокій пловцами

³⁶⁰Бодрые слуги немедля сгрузили съ него всю поклажу;

Сами жъ на площади всѣ женихи собрались; но съ собою

Тамъ никому засѣдать не дозволили. Такъ напостѣдокъ,

Къ нимъ обратясь, Алкиной, сынъ Эвпейтовъ надменный, ска-
 залъ имъ:

Горе! безсмертные сами его отъ бѣды сохранили!

³⁶⁵Каждый тамъ день сторожа на лобзаемыхъ вѣтромъ верши-
 нахъ

Другъ подлѣ друга толпою сидѣли; когда жъ заходило

Солнце, мы, берегъ покинувъ всю ночь въ кораблѣ быстроход-
 номъ

По морю плавали взадъ и впередъ до восхода денницы,

Тщетно надѣясь, что встрѣтимъ его и немедля погубимъ.

³⁷⁰Демонъ тѣмъ временемъ въ пристань его проводилъ невере-
 димо.

Мы же надъ нимъ совершить, что замыслили вмѣстѣ, удобно

Можемъ и здѣсь; онъ отъ насъ не уйдетъ; но до тѣхъ поръ,
покуда

Живъ онъ, исполнить намѣренъе наше мы будемъ не въ силахъ;
Онъ возмужалъ и разсудкомъ созрѣлъ для совѣта и дѣла;

³⁷⁵Люди жь Итаки не съ прежней на насъ благосклонностью
смотрятъ.

Должно намъ прежде—пока онъ народа не созвалъ на помощь—
Кончить, понеже онъ медлитъ, какъ я въ томъ увѣренъ, не
станетъ.

Злобой на насъ разразившись, при цѣломъ народѣ онъ скажетъ,
Какъ мы его погубить сговорились и въ томъ не успѣли;

³⁸⁰Тайнаго нашего замысла вѣрно народъ не одобритъ;

Могутъ, озлобясь на наши поступки, и насъ изъ отчизны

Выгнать, и всѣ мы тогда по чужимъ сторонамъ разбредемъ.

Можемъ напасть на него мы далеко отъ города въ полѣ,

Можемъ близъ города выждать его на дорогѣ; тогда намъ

³⁸⁵Все раздѣлить ихъ придется имущество; домъ же уступимъ

Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.

Если же вамъ не угоденъ совѣтъ мой и если хотите

Жизнь вы ему сохранить, чтобъ отцовскимъ владѣть досто-
яньемъ —

То пировать вамъ по прежнему, въ домѣ его собираясь,

³⁹⁰Будетъ нельзя, и ужъ каждый особо, въ свой домъ возвратяся,

Свататься станетъ, подарки свои присылая; она же

Выберетъ доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.

Такъ говорилъ онъ; сидя неподвижно, внимали другіе.

Тутъ, обратяся къ собранью, сказала Анфиномъ благородный,

³⁹⁵Низовъ блистательный сынъ, отъ Аретовой царственной
крови;

Злачный Дулихій пшеницей богатый повинувъ, въ Итакѣ

Онъ отличался отъ всѣхъ жениховъ и самой Пенелопѣ

Нравился умною рѣчью, благими лишь мыслями полный.

Такъ, обратяся къ собранью, сказала Анфиномъ благородный:

⁴⁰⁰Нѣтъ! посягать я на жизнь Телемака, друзья, не желаю;

Царскаго сына убійство есть страшно-безбожное дѣло;

Прежде боговъ спросите, чтобъ свѣдать, какая ихъ воля;
 Если Зевесомъ одобрено будетъ намѣренье наше,
 Самъ соглашусь я его поразить и другихъ на убійство
⁴⁰⁵Вызову; если жъ Зевесъ запретить, мой совѣтъ: воздержитесь.
 Такъ онъ сказалъ, подтвердили его предложенье другіе.
 Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратилися въ домъ Одиссея;
 Въ домъ же вступивъ, тамъ на стульяхъ они помѣстилися
 гладкихъ.

Но Пенелопа разумная, дѣло иное придумавъ,
⁴¹⁰Вышла къ своимъ женихамъ многобуйнымъ изъ женскихъ
 покоевъ;

Слухъ къ ней достигнулъ о замыслѣ тайномъ на жизнь Телемага:
 Все благородный глашатай Медонъ ей открылъ; и послѣшно
 Взявши съ собой двухъ служанокъ, она, божество межъ женами,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,

⁴¹⁵Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
 Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ.
 Рѣчь къ Антиною свою обративъ, Пенелопа сказала:
 Злой вознодѣй, Антиной необузданный, словомъ и дѣломъ
 Ты изъ товарищей самый разумѣйшій—такъ здѣсь въ Итакѣ
⁴²⁰Всѣ утверждаютъ. Но гдѣ же и въ чемъ твой прославленный
 разумъ?

Бѣшенный! что побуждаетъ тебя Телемаку готовить
 Смерть и гибель? Зачѣмъ ты сиротъ притѣсняешь, любезныхъ
 Зевсу? Неправъ человекъ, замышляющій ближнему злое.
 Иль ты забылъ, какъ отецъ твой сюда прибѣжалъ, устрешенный
⁴²⁵Гнѣвомъ народа, которымъ гонимъ былъ за то, что, приставши
 Къ шайкѣ тафійскихъ разбойниковъ, съ ними ограбилъ ес-
 протовъ,

Нашихъ союзниковъ вѣрныхъ? Его здѣсь народъ порывался
 Смерти придать и готовъ у него былъ исторгнуть изъ груди
 Сердце, и все, что имѣлъ онъ въ Итакѣ, предать истребленью;
⁴³⁰Но Одиссей, за него заступившися, народъ успокоилъ;
 Ты жъ Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
 Мучишь своимъ сватовствомъ, Одиссееву сыну готовишь

Смерть. Удержись! говорю и тебѣ и другимъ въ осторожность.
 Тутъ Эвримахъ, сынъ Поллібіевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
⁴³⁵О многоумная, старца Икарія дочь, Пенелопа,
 Будь беззаботна; зачѣмъ ты такой предаешься тревогѣ?
 Не было, нѣтъ и не будетъ изъ насъ никого, кто бь помыслилъ
 Руку поднять на убійство любимца боговъ Телемака.
 Нѣтъ, и покуда я живъ и покуда очами я землю
⁴⁴⁰Вижу, тому не бывать, иль—скажу передъ всѣми, и вѣрно
 Сбудется слово мое—обольется убійца своею
 Кровью, моимъ пораженный копьемъ; Одиссей, не забылъ я,
 Бралъ здѣсь перѣдко меня на колѣна и мяса куски мнѣ
 Кладъ на ладонь и вина благовоннаго выпить давалъ мнѣ.
⁴⁴⁵Вотъ почему и всѣхъ болѣ людей я люблю Телемака.
 Нѣтъ! никогда онъ убійства не долженъ страшиться, по крайней
 Мѣрѣ отъ насъ жениховъ. Но судьбы избѣжать невозможно.
 Такъ говорилъ онъ, ее утѣшая, а мыслилъ иное.
 Но Пенелопа, къ себѣ возвратяся, тамъ въ свѣтлыхъ покояхъ
⁴⁵⁰Плакала горько о миломъ своемъ Одиссеѣ, покуда
 Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
 Смерлось, когда къ Одиссею и къ сыну его возвратился
 Старый Эвмей. Онъ нашель ихъ, готовящихъ ужинъ, зарѣ-
 завъ
 Взятую въ стадѣ свинью годовалую. Прежде однако,
⁴⁵⁵Тайно пришедъ, Одиссея богиня Аѳина ударомъ
 Трости своей превратила по-прежнему въ хилаго старца,
 Рубищемъ жалкимъ одѣвши его, чтобъ Эвмей благородный
 Съ перваго взгляда его не узналъ и [сберечьъ неспособный
 Тайну] не бросился въ городъ обрадовать вѣстью царицу.
⁴⁶⁰Встрѣтивъ его на порогѣ, сказалъ Телемакъ: наконецъ ты,
 Честный Эвмей, возвратился? Скажи же, что видѣлъ? Что слы-
 шаль?
 Въ городъ обратно пришли ль наконецъ женихи изъ за-
 сады.

Или еще тамъ сидятъ и меня стерегутъ на дорогѣ?
 Такъ, отвѣчая, сказалъ Телемаку Эвмей благородный:

⁴⁶⁵Свѣдать о нихъ и разспрашивать мнѣ не входило и въ
мысли;

Въ городѣ я объ одномъ лишь заботился: какъ бы скорѣе
Данное мнѣ порученье исполнить и къ вамъ возвратиться.
Шедши жъ туда, я съ гонцомъ, отъ ходившихъ съ тобою мо-
реходцевъ

Посланнымъ, встрѣтился — первый онъ все объявить Пене-
лопѣ;

⁴⁷⁰Только одно расскажу я, чтò видѣлъ своими глазами:
Къ городу близко уже, на вершинѣ Эрмейскаго холма
Былъ я, когда быстролетный, въ глубокую нашу входящій
Пристань, корабль усмотрѣлъ; я примѣтилъ, что было въ немъ
много

Ратныхъ; щитами, двуострыми копьями ярко блистать онъ;
⁴⁷⁵Это они, я подумалъ: но правда ли? Знать мнѣ невозможно.
Такъ онъ сказалъ. Телемакова сила святая блеснула
Легкой улыбкою въ очи отцу, непримѣтно Эвмею.

Кончивъ работу и пищу состряпавъ, они съ свинопасомъ
Сѣли за столъ и порадоваль душу имъ ужинъ; когда же

⁴⁸⁰Быль удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдою, о ложѣ
Каждый подумалъ; и сна благодать ниспослали имъ боги.

ПѢСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЙ ДЕНЬ.

Телемакъ уходитъ въ городъ, повелѣвъ Эвмею проводить туда и сво-
его гостя. Встрѣченный радостно матерью и домашними, онъ потомъ
идетъ на площадь и приводитъ оттуда съ собою Теоклимена. Пене-
лопа разспрашиваетъ его о томъ, что съ нимъ было во время путе-
шествия; Теоклименъ пророчествуетъ ей возвращеніе Одиссея. Тѣмъ
временемъ Эвмей отправляется съ Одиссеемъ въ городъ; дорогою
встрѣчаютъ они Мелантія, который ихъ обонхъ оскорбляетъ. При-
шедъ къ своему дому, Одиссей видитъ на дворѣ свою старую собаку,
которая, узнавши его, умираетъ. Онъ входитъ въ пировую палату,

просить милостыни у жениховъ; Антиной, ругаясь имъ, бросаетъ въ него скамейкой. Пенелопа зоветъ его къ себѣ, желая разспросить объ Одиссѣ; онъ обѣщается придти къ ней ввечеру.

Вышла изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эосъ.
Сынъ Одиссеевъ, любезный богамъ Телемакъ благородный,
Къ свѣтлымъ ногамъ привязавъ золотыя сандалин, въ руку
Взявъ боевое копье, заощренное мѣдью, которымъ

⁵Ловко владѣлъ, и готовый въ дорогу, сказалъ свинопасу:

Въ городъ иду я, отецъ, чтобъ утѣшить свиданьемъ со мною
Милую мать: безъ сомнѣнья, долотъ крушиться и горько
Плакать она безутѣшная будетъ, пока не увидитъ
Сына своими глазами; тебѣ же, Эвмей, поручаю

¹⁰Этого странника; въ городъ поди съ нимъ, дабы подаяннемъ
Могъ онъ себя прокормить; тамъ подастъ, кто захочетъ,
Хлѣба ему иль вина. Мнѣ нельзя на свое попеченье
Всякаго нищаго брать; и своихъ ужъ заботъ мнѣ довольно;
Если же этимъ обидится твой чужеземецъ, тѣмъ хуже

¹⁵Будетъ ему самому; я люблю говорить откровенно.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

Здѣсь неохотно и самъ бы я, другъ, согласился остаться;
Нашему брату обѣдъ добывать подаяннемъ легче

Въ городѣ, нежели въ полѣ: тамъ каждый даетъ, что захочетъ.

²⁰Мнѣ жъ не по лѣтамъ смотрѣть за скотиной и всякую службу
Съ тяжкимъ трудомъ отправлять, пастухамъ повинуюся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводить хозяинъ, когда я
Здѣсь у огня посогрѣюсь, когда на дворѣ потеплѣетъ;

Въ рубищѣ этомъ мнѣ холодно; тѣло насквозь проникаетъ

²⁵Утренникъ рѣзкій; до города жъ, вы говорите, не близко.

Такъ отвѣчалъ Одиссей. Телемакъ благородный поспѣшнымъ

Шагомъ пошелъ со двора, и недоброе въ мысляхъ готовилъ

Онъ женихамъ. Наконецъ онъ пришелъ безпрепятственно въ
домъ свой.

Тамъ, боевое копье прислонивши къ высокой колоннѣ,

³⁰Онъ черезъ каменный двери порогъ перешелъ и увидѣлъ

Первую въ домѣ усердную няню свою Эвриклею:

Мягкія клала на стулья овчины старушка. Потокѣмъ
Слезь облилася, увидя его, Эвриклея; и скоро
Всѣ собрались Одиссеева дома рабыни; и съ плачемъ
³⁵Голову, плечи и руки онѣ у него лобызали.

Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,
Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитой, съ молодой Артемидой
Сходная; сына она обняла, и съ любовію нѣжной
Свѣтлыя очи и руки и голову стала, рыдая

⁴⁰Громко, ему цѣловать, и крылатое бросила слово:

Ты ль ль, ненаглядный мой, милый мой сынъ, возвратился?
Тебя я

Видѣть уже не надѣялась болѣ, отплывшаго въ Пилось
Тайно, со мной не протаясь, чтобъ узнать отъ отцѣ отда-
леннымъ.

Все расскажи мнѣ теперь по порядку, что видѣлъ, что слы-
шала.

⁴⁵Ласково ей отвѣчала разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Милая мать, не печаль мнѣ души, и тревоги напрасной
Въ грудь не вливай мнѣ, спасенному чудно отъ гибели вѣрной;
Но, сотворивъ омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой поди и съ мо-
литвой

⁵⁰Тамъ обѣщаніе дай принести экатомбу безсмертнымъ,
Если враговъ наказать намъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.
Самъ я на площадь пойду, чтобъ позвать чужеземца, который
Нынѣ со мною, когда возвращался я, прибылъ въ Итаку:
Вмѣстѣ съ моими людьми онъ сюда напередъ былъ отправленъ;

⁵⁵Въ городъ его проводить поручилъ я Пирею, дабы онъ
Въ домъ его подождалъ моего возвращенія съ поля.

Такъ говорилъ онъ и слово его не промчалось мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вѣчнымъ богамъ обѣщала она принести экатомбу,

⁶⁰Если враговъ наказать имъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.

Тою порой Телемакъ изъ високаго царскаго дома

Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нимъ побѣжали собаки;

Образъ его несказанной красой озарила Афина

Такъ, что дивилися люди, его подходящаго вида.

⁶⁵Всѣ вдругъ него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе съ нимъ говорилъ, замышляя недоброе въ сердцѣ.

Скоро, отъ ихъ многолюдной толпы отдѣляясь, подошелъ онъ
Къ мѣсту, гдѣ Менторъ сидѣлъ и при немъ Антифать съ
Галнѳердомъ,

Въ сердцѣ своемъ сохранившіе вѣрность царю Одиссею.

⁷⁰Съвши близъ нихъ, о себѣ онъ имъ все разсказалъ, какъ
случилось.

Скоро явился Пирей копьeverжець, и Феоклимень съ нимъ
Вмѣстѣ пришелъ, погулявши по улицамъ города; не былъ
Долго къ нему Телемакъ безъ вниманья; къ нему подошелъ онъ;
Первое слово сказалъ тутъ Пирей Одиссееву сыну:

⁷⁵Въ домъ мой пошли, Телемакъ благородный, невольницъ,
чтобъ взяли

Тамъ всѣ подарки, которые ты получилъ отъ Атрида.

Такъ, отвѣчая Пирею, сказалъ Телемакъ обгоравный:

Намъ неизвѣстно, мой вѣрный Пирей, чѣмъ окончится дѣло;

Если въ жилищѣ моемъ женихами надменными тайно

⁸⁰Буду убить я, они все имущество наше раздѣлять;

Лучше тогда, чтобъ твоимъ, а не ихъ тѣ подарки наслѣд-
ствомъ

Были; но если на нихъ обратится губящая Кера—

Все мнѣ веселому, самъ веселящійся, въ домъ принесешь ты.

Кончивъ, повель за собою онъ многострадавшаго гостя

⁸⁵Въ домъ свой; и скоро туда безпрепятственно прибыли оба.

Тамъ положивши на кресла и стулья свои всѣ одежды,

Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться. Когда же

Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня,

Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантии, оба

⁹⁰Вышедъ изъ гладкихъ купалень, они помѣстились на стульяхъ.

Тутъ принесла на лохани серебряной руки умыть ихъ

Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,

Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила

Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
⁹⁵Выданнымъ ею охотно, чтобъ пищею они насладились.

Противъ же нихъ, невдали отъ двустворныхъ дверей, Пенелопа
 Въ креслахъ за пряжей сидѣла и тонкія нити сучила.

Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдой, Пенелопа
¹⁰⁰Старца Икарія дочь многоумная, сыну сказала:

Видно мнѣ лучше на верхъ мой уйти и лежать одиноко
 Тамъ на постели, печалью перестланной, горькимъ потокомъ
 Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ въ далекую Трою
 Мстить за Атрида пошелъ Одиссей—ты, я вижу, не хочешь,
¹⁰⁵Прежде, чѣмъ здѣсь женихи многобуйные вновь соберутся,
 Мнѣ рассказать, что узналъ объ отцѣ: возвратится ль онъ,
 живъ ли?

Милая мать, отвѣчала разсудительный сынъ Одиссеевъ,
 Слушай, я все расскажу, ничего отъ тебя не скрывая.
 Прежде мы прибыли въ Пилось, гдѣ пастырь людей много-
 славный

¹¹⁰Несторъ меня въ благолѣпно-устроенномъ принялъ жилищѣ,
 Принялъ такъ нѣжно, какъ сына отецъ принимаетъ, когда онъ
 Въ домъ возвращается, долго напрасно имъ жданный; такъ
 Несторъ

Самъ и его сыновья многославные были со мною
 Ласковы. Но объ отцѣ ничего рассказать онъ не могъ мнѣ;
¹¹⁵Живъ ли, скитается ль гдѣ на землѣ, иль погибъ ужъ,
 объ этомъ

Слуховъ къ нему не дошло. Къ Менелаю Атриду меня онъ,
 Давъ мнѣ коней съ колесницею кованой, въ Спарту отправилъ.
 Тамъ я увидѣлъ Елену Аргивскую, многихъ ахеянъ,
 Многихъ троянъ погубившую, волей боговъ всемогущихъ.
¹²⁰Царь Менелай, вызыватель въ сраженъе, спросилъ, за какою
 Нуждою прибылъ къ нему я въ божественный градъ Лакедемонъ?
 Все рассказалъ я подробно ему, ничего не скрывая.
 Такъ на мои мнѣ слова отвѣчалъ Менелай златовласый:
 О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе,

¹²⁵Сами бессильные, мыслятъ они захватить произвольно!
 Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовищѣ
 Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцовъ положила, сама же
 Стала по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травюю обильнымъ
 Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ въ логовище—
¹³⁰Разомъ бы страшная участь птенцовъ безпомощныхъ по-
 стигла;

Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.
 Если бъ, о Дій громовержецъ! о Февъ Аполлонъ! о Аѳина!
 Въ видѣ такомъ, какъ въ Лесбосѣ, обильно людьми населен-
 номъ—

Гдѣ, съ сплачемъ Филомѣдомъ выступивъ въ бой руко-
 пашный,

¹³⁵Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейцамъ—
 Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
 Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбежною постигнутымъ,
 горекъ.

То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
 Я разскажу откровенно и мною обмануть не будешь;

¹⁴⁰Что самому возвѣстилъ мнѣ морской пронизательный ста-
 рець,

То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.

Видѣлъ его на далекомъ онъ островѣ, льющаго слезы
 Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь, произвольно
 Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:

¹⁴⁵Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
 Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.

Вотъ что сказалъ мнѣ Атридъ Менелай, вызыватель въ сра-
 женьѣ.

Спарту покинувъ, я поплылъ назадъ, и послали попутный
 Вѣтеръ намъ боги—въ отечество милое насъ проводилъ оный.

¹⁵⁰Кончилъ разсказъ Телемакъ; взволновалась душа Пенелопы.
 Феоклимень богоравный тогда ей сказалъ: не крушися,
 Многоразумная старца Икарія дочь, Пенелопа,
 Знаетъ не все оны; теперъ на мое обратися вниманьемъ

Слово: я то, что случиться должно, предскажу вам навѣрно;
¹⁵⁵Самъ же Зевесомъ отцомъ, гостелюбною вашей трапезой,
 Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуса
 Въ томъ, что въ отечествѣ миломъ уже Одиссей, что сокрытъ онъ
 Гдѣ нибудь въ домѣ, иль ходитъ незнаемый, все узнавая
 Здѣсь, и бѣду женихамъ неизбѣжную въ мысляхъ готова.
¹⁶⁰Вѣщая птица, которую видѣлъ вблизи корабля я,
 То мнѣ открыла, и все я тогда жъ объявилъ Телемаку.
 Теоклимену разумная такъ отвѣчала царица:
 Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
 Будешь отъ насъ угощенъ ты какъ другъ, и дарами оспанъ
¹⁶⁵Столь изобильно, что счастью такому всѣ будутъ дивиться.
 Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
 Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ
 Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись
 Всѣ на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ шумныя игры.
¹⁷⁰Но когда отовсюду съ полей на обѣдъ имъ пригнали
 Мелкій скотъ пастухи, приводившіе къ нимъ ежедневно
 Козъ и барановъ, ихъ кликнулъ глашатай Медонъ; былъ люби-
 мецъ
 Онъ жениховъ и вседневно къ столу ихъ его приглашал.
 Юноши, онъ имъ сказалъ: вы играли довольно; войдите
¹⁷⁵Въ домъ и начнемъ нашъ обѣдъ совокупною силой готовить:
 Знаете сами, что въ время пища намъ вдвое вкуснѣе.
 Такъ онъ сказалъ имъ. Они, покоряся его пригласенью,
 Встали, и къ дому пошли всей толпою; когда же вступили
 Въ домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,
¹⁸⁰Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огром-
 ныхъ,
 Жиромъ налитыхъ свиней убивать; былъ зарѣзанъ и тучный
 Быкъ. И за стряпанье всѣ принялися они. Той порою
 Въ городъ идти съ Одиссеемъ Эвмей собрался; и готовый
 Въ путь, онъ сказалъ наконецъ, обратясь къ Лаэртovu сыну:
¹⁸⁵Добрый мой гость, ты желаешь, чтобъ нынче жъ тебя про-
 водить я

Въ городѣ, какъ намъ повелѣлъ господинъ мой—сказать откровенно,

Лучше хотѣлъ бы я сторожемъ дома тебя здѣсь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господинъ мой
Будеть за это меня; а господская брань неприятна.

¹⁹⁰Время однако идти намъ; ужъ болѣ прошло половины
Дня; съ наступленіемъ вечера холодъ пронзителенъ будетъ.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказала Одиссей хитроумный:
Знаю, все знаю, и все мнѣ понятно, и все, какъ желаешь,
Точно исполню; пойдемъ-же, и будь ты моимъ провожатымъ.

¹⁹⁵Только сыщи мнѣ какой бы то ни было посохъ, чтобъ могъ я
Чѣмъ подпираться: дорога столь трудная—слышно—что шею
Можно сломить. Такъ сказавъ, на плеча онъ набросилъ котомку,
Всю въ заплаткахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ.

Далъ ему въ руки Эвмей суковатую палку; и оба
²⁰⁰Вмѣстѣ пошли, пастуховъ и собакъ сторожами оставивъ
Дома. И въ городъ повелъ свинопасъ своего господина
Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, рублище въ жалкихъ лохмотьяхъ набросивъ на плечи.
Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследокъ

²⁰⁵Къ городу близко они подошли. Находился тамъ свѣтлый
Ключъ; обложонъ былъ онъ камнемъ, и брали въ немъ гражда-
не воду.

Въ старое время Итакъ, Неріонъ и Поликторъ—прекрасный
Создали тамъ водоемъ; окруженъ былъ онъ рощею темныхъ
Ольхъ, надъ водою растущихъ; и падалъ студеной струею

²¹⁰Ключъ въ водоемъ со скалы, на вершинѣ которой воздвигнуть
Нимфамъ алтарь былъ; всегда приносили тамъ путники жертву.
Тамъ козоводъ повстрѣчался имъ—сынъ Доліоновъ Мелантій;
Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,
Въ городъ онъ гналъ женихамъ на обѣдъ; съ нимъ товарищей
двое

²¹⁵Было. Увидя идущихъ, онъ началъ ругаться, и громко
Ихъ поносилъ, и разгнѣвалъ въ груди Одиссеевой сердце;
Подлинно здѣсь негодяй негодяя ведетъ—говорилъ онъ—

Права пословица: ровнаго съ ровнымъ безсмертныя сводятъ.
 Ты, свинопасъ безтолковый, куда путешествуешь съ этимъ
²²⁰Нпщимъ, столовъ обирателемъ, грязнымъ бродягой, который,
 Стоя въ дверяхъ, неопрятныя плечи объ притолку чешеть,
 Крохи одни, не мечи, не котлы получая въ подарокъ.
 Могъ бы у насъ онъ, когда бы его намъ прислалъ ты, закуты
 Наши стеречь, выметать ихъ, козлятамъ подстилки готовить;
²²⁵Скоро бы онъ раздобрьль, простоквашей у насъ обжираясь;
 Это однако ему не по нраву, одно тунеядство
 Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
 По міру, хлѣбомъ чужимъ набивать ненасытный желудокъ.
 Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно;
²³⁰Если войти онъ отважится въ домъ Одиссея—скамеекъ
 Много изъ рукъ жениховъ на его полетитъ тамъ пустую
 Голову; ребра, таская его, тамъ ему обломаютъ
 Объ полъ, и такъ говоря, Одиссея онъ, съ нимъ поровнявшись,
 Пяткою въ ящукъ толкнулъ, но съ дороги не сбиль, не прину-
 диль

²³⁵Даже шатнуться. И въ гнѣвѣ своемъ ужъ готовъ былъ Лаэрт-
 товъ

Сынъ, побѣжавши за нимъ, суковатою палкою душу
 Выбить изъ тѣла его, иль взорвавши на воздухъ, ударить
 Оземь его головою. Но онъ удержался. Эвмей же
 Началь ругать оскорбителя; руки поднявъ онъ воскликнулъ:
²⁴⁰Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вамъ
 Тукомъ обвитыя бедра козловъ и барановъ здѣсь въ жертву
 Царь Одиссей приносилъ, не отриньте мольбы, возвратите
 Намъ Одиссея; да благостный геній его къ намъ проводить!
 Выгнали тогда бъ изъ тебя онъ надменные мысли, забыли бы
²⁴⁵Ты какъ шальной по дорогамъ шататься и бѣгать безъ дѣла
 Въ городъ, стада подъ надзоромъ неопытныхъ слугъ оставляя.
 Кончили. Мелантій, на то возражая, сказалъ свинопасу:
 Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслилъ?
 Дай срокъ, тебя какъ товаръ въ корабль чернобокомъ отсюда
²⁵⁰Я увезу и продамъ въ иноземье за добрыя деньги,

Здѣсь же иль самъ Аполлонъ сребролукій сразитъ Телемака
 Тихой стрѣлой, иль мечемъ жениховъ пораженный погибнетъ
 Онъ, какъ отецъ, на чужбинѣ утратившій день возвращенья.
 Такъ онъ сказалъ и ушелъ, на дорогѣ оставивъ обоихъ,
 265 Медленнѣй шедшихъ; достигнувъ обители царской, онъ прямо
 Тамъ въ пировую палату вступилъ и за столъ съ женихами
 Сѣлъ, Эвримаха напротивъ, къ которому былъ онъ усерднѣй,
 Нежели къ прочимъ; ему предложилъ тутъ служитель мяснаго,
 Ключница хлѣба дала и ѣды изъ запаса; онъ началъ
 260 Ъсть. Той порой Одиссей подошелъ съ свинопасомъ Эвмеемъ
 Къ царскому дому; и вдругъ имъ оттуда послышались струны
 Цитры глубокой, потомъ раздалось и пѣніе; Фемій
 Пѣлъ; Одиссей, ухватясь за Эвмееву руку, воскликнулъ:
 Другъ, мы конечно пришли къ Одиссееву славному дому.
 265 Можетъ легко быть онъ узнавъ межъ всѣми другими домами:
 Длинный рядъ горницъ просторныхъ, широкій и чисто мощный
 Дворъ, обведенный зубчатой стѣною, двойныя ворота
 Съ крѣпкимъ замкомъ — въ нихъ ворваться насильно никто не
 помислитъ.

Думаю я, что теперь тамъ обѣдаютъ; паръ благовонный
 270 Мяса я чувствую; слышу и стройнозвучащія струны
 Цитры, богами въ сопутницы пиру веселому данной.
 Такъ отвѣчалъ Одиссею Эвмей, свинопасъ богоравный:
 Правда, и все ты, какъ есть, угадалъ; человекъ ты разумный;
 Прежде однако должны мы размыслить о томъ, что намъ сдѣ-
 лать

275 Лучше: тебѣ ли во внутренность дома вступить и явиться
 Тамъ на глаза жениховъ многобуйныхъ, а мнѣ здѣсь остаться?
 Или тебѣ на дворъ подождать одному, а войти къ нимъ
 Мнѣ? Ты однако не медли, чтобъ кто здѣсь съ тобой не по-
 дрался,

Или въ тебя не швырнулъ чѣмъ — я такъ говорю въ осторож-
 ность.

280 Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
 Знаю, все знаю, и мысли твои мнѣ понятны; войди ты

Прежде одинъ: я покуда остануса здѣсь; я довольно
 Въ жизни тревожной ударовъ сносилъ; и швыряемо было
 Многимъ въ меня; мнѣ терпѣть не учиться; немало видаль я
 285 Бурь и сраженій; пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно
 Дію. Одинъ лишь не можетъ ничѣмъ побѣжденъ быть желудокъ,
 Жадный, насильственный, множество бѣдъ приключаящій смерт-
 нымъ

Людамъ: ему въ угожденье и крѣпкоробристые ходять
 Моремъ пустымъ корабли, принося разоренье народамъ.
 290 Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
 Уши и голову, слушая ихъ, подняла тутъ собака
 Аргусъ; она Одиссеева прежде была, и ее онъ
 Выкормилъ самъ; но на ловъ съ ней ходить не успѣлъ, при-
 нужденный

Плыть въ Иліонъ. Молодые охотники часто на дикихъ
 295 Козъ, на оленей, на зайцевъ съ собою ее уводили.
 Нынѣ жъ забытый [его господинъ былъ далеко], онъ, бѣдный
 Аргусъ, лежалъ у воротъ на навозѣ, который отъ многихъ
 Муловъ и многихъ коровъ на запасъ тамъ копили, чтобъ послѣ
 Имъ Одиссеевы были поля уважены тучно;
 300 Тамъ полумертвый лежалъ неподвижно повинутый Аргусъ.
 Но Одиссееву близость почувствовалъ онъ, шевельнулся,
 Тронулъ хвостомъ и поджалъ въ изъявленіе радости уши;
 Близко жъ подползть къ господину и даже подняться онъ не
 былъ

Въ силахъ. И вгось на него поглядѣвши, слезу, отъ Эвмея
 305 Скрытно, обтеръ Одиссей, и потомъ онъ сказалъ свинопасу:
 Странное дѣло, Эвмей; тамъ на кучѣ навозной собаку
 Вижу: прекрасной породы она, но сказать не умѣю;
 Сила и легкость ея на бѣгу таковы ль, какъ наружность?
 Или она лишь такая, какихъ у господъ за столами
 310 Часто мы видить: для роскоши держать ихъ знатные люди.
 Такъ отвѣчая, сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ Одиссею:
 Это собака погибшаго въ дальнемъ краю Одиссея;
 Если бъ она и понынѣ была такова же, какою,

Плыть собираясь въ Троянскую землю, ее господинъ мой
 315 Дома оставилъ—ея быстротѣ и отважности вѣрно бѣ
 Ты подвиглся; въ лѣсу ни въ какомъ захоласть укрывшись
 Дичь отъ нея не могла; въ ней чутье несказанное было.
 Нынѣ же бѣдная брошена; нѣтъ ужъ ея господина,
 Въ чужѣ погибъ онъ; [служанки жъ о ней и подумать лѣнятся;
 320 Рабъ нерадивъ; не принудъ господинъ повелѣніемъ строгимъ
 Къ дѣлу его, за работу онъ самъ не возьмется охотой:
 Тягостный жребій печальнаго рабства избравъ человѣку,
 Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ.]
 Кончили и, въ двери свѣтло-населеннаго дома вступивши,
 325 Прямо вошелъ онъ въ столовую, гдѣ женихи пировали.
 Въ это мгновеніе Аргусъ, увидѣвшій вдругъ черезъ двадцать
 Лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертноносныхъ Керъ.
 Прежде другихъ Телемакъ богоравный Эвмея, который,
 Хода кругомъ, озирался, увидѣлъ; ему головою
 330 Подаль онъ знакъ, чтобъ къ нему подошелъ; осмотрѣвшись,
 пустую

Взялъ онъ скамью, на которой всегда за столомъ раздаватель
 Пищи сидѣлъ, чтобъ ее разсылать женихамъ по порядку.
 Эту скамью пододвинувъ къ столу Телемакову, сѣлъ онъ
 Противъ него; предложилъ тутъ, приблизившись съ блюдомъ,
 глашатай

335 Мясa варенаго часть имъ и хлѣбъ, изъ корзины имъ взятый.
 Вслѣдъ за Эвмеемъ явился и самъ Одиссей богоравный
 Въ образѣ хилаго старца, который чуть шель, подпираясь
 Посохоомъ, съ бѣдной котомкою, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ;
 Сѣлъ онъ въ дверяхъ на порогѣ, спиной прислоняся къ дубовой
 340 Притолкѣ [высвоблилъ острою скобелью плотникъ искусный
 Гладко ее, напередъ топоромъ по шнуру обтесавши].
 Тутъ свинопасу Эвмею сказалъ Телемакъ, подавая
 Хлѣбъ, изъ корзины межъ лучшими взятый, и вкуснаго мяса,
 Сколько въ обѣихъ горстяхъ умѣститься могло: отнеси ты
 345 Это, Эвмей, старику, и скажи, чтобъ потомъ обошелъ онъ
 Всѣхъ жениховъ, и у нихъ попросилъ подаянья—стыдливымъ

*

Нищему, тяжелой нуждой удрученному, быть неприлично.
 Такъ онъ сказалъ и Эвмей, повинуюсь, пошелъ къ Одиссею.
 Близко къ нему приступивши, онъ бросилъ рылатое слово:
 350 Это прислалъ Телемакъ; и велѣлъ онъ сказать, чтобъ по-
 томъ ты,

Всѣхъ обойдя жениховъ, попросилъ подающаго—стыдливимъ
 Нищему быть, говорить онъ, въ жестокой нуждѣ неприлично.
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Зевсъ да пошлетъ благоденствие между людьми Телемаку,
 355 Давъ совершиться всему, что теперь замышляетъ онъ въ
 сердцѣ!

Такъ онъ сказалъ и, обѣими взявши руками подачу,
 Мясо и хлѣбъ близъ себя положилъ на убогой котомкѣ.
 Началъ онъ ѣсть; той порой вдохновенно заплѣлъ предъ гостями
 Фемій; когда же тотъ вдоволь наѣлся, а этотъ умолкнулъ—
 360 Начали вновь женихи бушевать; но богиня Аѳина,
 Тайно приближась къ Лаэртову сыну, ему повелѣла
 Встать и ходить вокругъ столовъ ихъ, прося подающаго: хотѣла
 Видѣть она, кто изъ нихъ благодушенъ и кто беззаконникъ;
 Въ мысляхъ же всѣхъ безъ изъятія смерти предать назначала.
 365 Вставъ, онъ пошелъ и у каждаго началъ просить подающаго,
 Руку къ нему простирая, какъ нищій, скитаться обыкшій.
 Съ жалостнымъ сердцемъ они на него въ изумлени смотрѣли,
 Знать любопытствуя, кто и откуда пришелъ онъ. Сидѣвшій
 Съ ними пастухъ козоводъ, забіяка Мелантій, сказалъ имъ:
 370 Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видѣлъ
 Этого нищаго, съ нимъ на дорогѣ сюда повстрѣчавшись;
 Думаю, былъ онъ сюда приведенъ свинопасомъ Эвмеемъ;
 Самъ же не знаю я, кто и въ какой сторонѣ родился онъ.
 Такъ онъ сказалъ. Антиной на Эвмея съ досадою крикнуть:
 375 Ты свинопасъ, пегодай всѣмъ извѣстный, зачѣмъ ты при-
 водишь
 Въ городъ такихъ развращенныхъ бродягъ? Ужъ и здѣшняя
 сволочь
 Этихъ столовъ обирателей намъ нестерпимо докучна;

Видно еще для тебя не довольно, что всѣ здѣсь запасы
Тратятъ они—и еще одного ты привелъ къ намъ обжору.
³⁸⁰Такъ, возражая, Эвмей свинопасъ отвѣчалъ Антиною:
Ты, Антиной, неразумное мнѣ и недоброе молвилъ
Слово теперь. Приглашаетъ ли кто человѣка чужаго
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто ну-
женъ на дѣло:

Или гадателей, или врачей, или искусниковъ зодчихъ,
³⁸⁵Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ —
Ихъ приглашаютъ съ охотою всѣ земнородные люди;
Нищаго жъ, каждому скучнаго, кто пригласитъ произвольно?
Ты же изъ всѣхъ жениховъ Пенелопы къ рабамъ Одиссея
Самый неласковый былъ завсегда, и ко мнѣ особливо;
³⁹⁰Я не печалюсь объ этомъ, покуда моя здѣсь царица
Здравствуетъ съ сыномъ своимъ Телемагомъ, моимъ господи-
номъ.

Кротко Эвмею сказала разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Полно, Эвмей, замолчи; говорить съ нимъ не долженъ ты много;
Знаешь, какъ скорь Антиной на обидное слово; онъ любить
³⁹⁵Ссориться самъ, и другихъ на раздоръ подбиваетъ охотно.
Тутъ, обратясь къ Антиною, онъ бросилъ крылатое слово:
Ты обо мнѣ, какъ о сынѣ отецъ благодушный, печешься,
Другъ Антиной, выгоняя своимъ повелительнымъ словомъ
Странниковъ, въ домъ мой входящихъ—но будетъ ли Дій тѣмъ
доволенъ?

⁴⁰⁰Дай, что захочешь; не спорю я; самъ приглашаю напротивъ;
Матери также моей не страшися; тебя не осудитъ
Здѣсь и никто изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущахъ.
Но, конечно, подобныя мысли тебѣ не приходятъ
Въ сердце: себѣ все берешь ты, другимъ же давать не охотникъ.
⁴⁰⁵Кончилъ, и гнѣвно ему возразилъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
Если бъ вотъ это отъ каждаго здѣсь жениха, получилъ онъ—
Вѣрно сюда бы три мѣсяца вновь заглянуть не подумаль.
Такъ говоря, онъ скамейку схватилъ, на которую ноги

⁴¹⁰Клалъ подѣ столомъ, и грозяся, ее показалъ Одиссею.
Прочіе жъ всѣ подавали, котомку его наполняя
Хлѣбомъ и мясомъ. И много собравъ, Одиссей ужъ готовъ былъ
Сѣсть на порогъ свой, чтобъ данной насытиться пищей; но
прежде

Онъ подошелъ къ Антиною и бросилъ крылатое слово:
⁴¹⁵Дай мнѣ иты. Не послѣднимъ тебя здѣсь считаю, но первымъ
Лучшимъ и самымъ знатнѣйшимъ; царю ты подобисьсявидомъ:
Щедраяяне должно быть тебѣ и приличнѣй и легче
Всѣхъ ихъ; и славить тебя я отнынѣ по всей безпредѣльной
Буду землѣ. Я и самъ межъ людьми не всегда безпріютно
⁴²⁰Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и доступенъ
Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;
Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ, и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.
Все уничтожилъ Кроніонъ—была безъ сомнѣнья святая
⁴²⁵Воля его, чтобъ съ дружиной отважныхъ добычниковъ по-
плылъ

Я въ отдаленный Египетъ [онъ тамъ приготовилъ мнѣ гибель].
Въ лонѣ потока Египта легкоповоротные наши
Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди
Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
⁴³⁰Даль прибазаніе съ ближнихъ высотъ обозрѣть всю окрест-
ность.

Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство; они, обезумѣвъ,
Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта
Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтнихъ,
Звѣрски мужей убивая—тревога до жителей града
⁴³⁵Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пѣшимаи, яркою мѣдью оружіи
Поле кругомъ закипѣло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ; отразить ни единый
Силы врага не посмѣлъ и отсюду насъ смерть окружила;
⁴⁴⁰Многихъ тогда изъ товарищей мѣдъ умертвила, и многихъ
Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное раб-
ство.

Я же былъ жителю Крита, въ Египетъ прибывшему, проданъ
Дметору, сыну Эона, владѣвшаго Кипромъ; въ Итаку
Прибыль изъ Кипра я, много имѣвъ на пути злосключеній.

⁴⁴⁵Гнѣвно сказалъ, отвѣчая ему, Антиной, сынъ Эвпейтовъ:

Вѣрно намъ демонъ такую чуму посылаетъ, такую

Порчу шировъ; отойди отъ стола моего; на срединѣ

Стой тамъ, чтобъ не было хуже тебѣ и Египта и Кипра.

Что за наглець неотступный! какой подбродяга безстыдный!

⁴⁵⁰Всѣхъ поочередно ты здѣсь обошелъ; и тебѣ, что подалось

Подъ руки каждому, подали всѣ, не изъ щедрости: здѣсь имъ

Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся жъ

Прочь. Отъ стола отступивъ, отвѣчалъ Одиссей хитроумный:

Горе! такъ видно съ лицомъ у тебя твой разсудокъ несходенъ;

⁴⁵⁵Въ домѣ своемъ ты и соли щепотку мнѣ дать пожалѣлъ бы,

Если ужъ здѣсь, за обѣдомъ чужимъ прохладяся, хлѣба

Корку жалѣешь мнѣ бросить; а столъ вашъ, я вижу, обиленъ.

Такъ онъ сказалъ. Антиной, разсердясь, на него изъ подлобья

Грозно очами сверкнулъ и бросилъ крылатое слово:

⁴⁶⁰Если еще грубиянить ты вздумалъ, бродяга, то даромъ

Это тебѣ не пройдетъ, и добромъ ты не выйдешь отсюда.

Тутъ онъ скамейкой швырнулъ—и жестоко ударила въ спину

Подлѣ плеча Одиссея она; какъ утесъ, не шатнувшись,

Онъ устоялъ на ногахъ; несраженный ударомъ, онъ только

⁴⁶⁵Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.

Къ двери потомъ возвратяся, онъ сѣлъ на порогъ и, котомку

На полъ съ ѣдой положивши, сказалъ женихамъ: обратите

Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи многославной царицы, дабы я

Высказать могъ вамъ все то, что велить мнѣ разсудокъ и

сердце.

⁴⁷⁰Не было бъ въ томъ ни бѣды, ни прискорбїя тяжкаго сердцу,

Если бы кто, за имѣнье свое, за быковъ, за блестящихъ

Шерстью овецъ заступааяся, вытерпѣлъ злыя побои;

Мнѣ жъ отъ руки Антиной побои достались за гнусный,

Жадный и множество бѣдъ приключаящій людямъ желудокъ.

⁴⁷⁵Если же боги и мщенье Эринїи живутъ и для бѣдныхъ —

Смерть, Антиной, а не бракъ вождѣнный ты встрѣтишь,
обидчикъ.

Гнѣвно, ему возражая, сказалъ Антиной, сынъ Эпейтовъ:

Ѣшь и молчи, негодяй; иль бѣги неоглядкой отсюда;

Иначе, такъ нагрубивъ мнѣ, ты за ноги будешь рабами

⁴⁸⁰Вытащенъ въ дверь и всѣ кости твои обломаются объ полъ.

Кончилъ; угрозы его не одобрилъ никто; негодюя,

Такъ говорили иныя изъ юношей дерзконадменныхъ:

Ты, Антиной, поступилъ непохвально, обиду нанеши

Этому нищему; что же, когда онъ одинъ изъ безсмертныхъ?

⁴⁸⁵Боги нерѣдко, облекшись въ образъ людей чужестранныхъ,

Входятъ въ земныя жилища, чтобъ видѣть своими очами,

Кто изъ людей беззаконствуетъ, кто наблюдаетъ ихъ правду,

Такъ женихи говорили; но рѣчи ихъ были напрасны.

Злою обидой глубоко въ душѣ Телемакъ сокрушался

⁴⁹⁰Вмѣстѣ съ обиженнымъ; слезы свои утаивши, онъ только

Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.

Но Пенелопа разумная, слыша, что былъ чужеземецъ

Въ домѣ ихъ такъ оскорбленъ, обратяся къ рабынямъ, сказала:

О! когда бы его поразилъ Аполлонъ сребролукій!

⁴⁹⁵Ей Эвринома разумная ключница, такъ отвѣчала:

Если бы все исполнялось согласно съ желаніемъ нашимъ,

Завтра же свѣтлой денницы изъ нихъ ни одинъ бы не встрѣ-
тилъ.

Кончила. Ей Пенелопа разумная такъ возразила:

Правда, мнѣ всѣ ненавистны они, намъ отъ всѣхъ притѣс-
ненье;

⁵⁰⁰Но Антиной наиболѣе съ черною Керою сходенъ:

Принять въ нашъ домъ чужеземецъ, и ходя кругомъ, подавляя

Просить у всѣхъ онъ гостей, приневоленный строгой нуждою —

Подали всѣ, и свою онъ наполнилъ котомку; лишь этотъ,

Вмѣсто подачи, въ него какъ безумный скамейкою бросилъ.

⁵⁰⁵Такъ Пенелопа рабынямъ своимъ говорила въ покояхъ

Верхнихъ своихъ. Одиссей же, сидя на порогѣ, обѣдалъ.

Кликнуть къ себѣ повелѣвъ свинопаса, царица сказала:

Слушай, Эвмей благородный, скажи иноземцу, что я съ нимъ
 Здѣсь повидаться желаю, чтобъ знать отъ него, не слыхалъ ли
⁵¹⁰Онъ о супругѣ моемъ и ему не случилось ли гдѣ съ нимъ
 Встрѣтиться: кажется мнѣ челоуѣкомъ онъ много выдавшимъ.
 Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свинопасъ богоравный:
 Если бѣ твои женѣхи хотъ на мигъ поутихли, царица
 Милое сердце твое онъ своимъ бѣ рассказомъ утѣшилъ.
⁵¹⁵Три дня и три ночи онъ ужъ гостить подъ моею убогой
 Кровлей; пришелъ же ко мнѣ, съ корабля убѣжавъ отъ еес-
 протовъ.

Мнѣ о своихъ приключеньяхъ еще онъ не кончилъ разказа;
 Но какъ внимають пѣвцу, вдохновенному свыше богами,
 Пѣснь о великомъ поощему людамъ, судьбинѣ подвластнымъ,
⁵²⁰Въ нихъ возбуждая желаніе слушать его непрестанно,
 Такъ я внималъ чужеземцу, сидѣ передъ нимъ неподвижно;
 Съ нимъ Одиссей по отцу, говоритъ онъ, считается гостемъ;
 Въ Критѣ широкоравнинномъ, отчизнѣ Миноса, рожденный,
 Пробылъ оттолѣ сюда онъ, и много превратностей встрѣтилъ,
⁵²⁵Скудно мірскимъ подалянемъ питаюсь; и слышалъ онъ, будто
 Края ееспротовъ, сосѣдняго съ нашей Итакой, достигнулъ
 Царь Одиссей, возвращаяся въ домъ свой съ великимъ богат-
 ствомъ.

Кончилъ. Разумная такъ отвѣчала ему Пенелопа:
 Клихни его самого; я желаю, чтобъ самъ разказалъ онъ
⁵³⁰Все мнѣ подробно, повуда игрой на дворѣ передъ дверью
 Или во внутреннихъ горницахъ будутъ они забавляться;
 Дома они про себя сберегаютъ свои всѣ запасы,
 Хлѣбъ и вино золотое; ихъ тратятъ домашніе люди;
 Имъ же удобнѣй, вседневно врываяся въ домъ нашъ толпою,
⁵³⁵Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откормленныхъ рѣзать,
 Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно
 Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого
 Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятыя избавить.
 Если же онъ возвратится и снова отчизну увидить,
⁵⁴⁰Съ сыномъ своимъ онъ отмститъ имъ за все. Такъ царица
 сказала.

Въ это мгновенье чихнулъ Телемакъ и такъ сильно, что въ
цѣломъ

Домъ какъ громъ раздалось; засмѣявшись, Эвмею, поспѣшно
Клигнувъ его, Пенелопа крылатое бросила слово:

Добрый Эвмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;

⁵⁴⁵Слово мое зачихнулъ Телемакъ; я теперь несомнѣнно

Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнуть

Всѣ: ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.

Выслушай то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:

Если меня безъ обмана онъ доброю вѣстью утѣшитъ,

⁵⁵⁰Мантію дамъ я ему и хитонъ и красивую обувь.

Кончила. Ей повинувась, пошелъ свинопасъ къ Одиссею;

Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:

Слушай, отецъ чужеземецъ, разумная наша царица,

Мать Телемака, тебя приглашаетъ къ себѣ; о супругѣ

⁵⁵⁵Хочетъ она распросить, сокрушаясь о немъ безпрестанно.

Если ее безъ обмана ты доброю вѣстью утѣшишь,

Мантію ты и хитонъ и красивую обувь получишь.

Хлѣбъ же, чтобъ свой успокоить желудокъ, по улицамъ ходя,

Въ городѣ можешь собирать отъ людей — тамъ подастъ, кто
захочетъ.

⁵⁶⁰Такъ Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:

Все безъ обмана я могъ бы теперь рассказать Пенелопѣ,

Старца Икарія дочери многоразумной; я много

Знаю о мужѣ ея: мы одно съ нимъ терпѣли на свѣтѣ.

Но жениховъ я боюсь необузданно-дерзкихъ, которыхъ

⁵⁶⁵Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба;

Видѣлъ ты самъ, какъ въ меня, тамъ ходившаго смирно и мысли

Злой не имѣвшаго, этотъ неистовый бросилъ скамейкой —

Кто жъ за меня заступился? Никто. Промолчалъ и прекрасный

Сынъ Одиссеевъ. Пускай же царица, хотя нетерпѣнье

⁵⁷⁰Въ ней и велико, дождется, чтобъ Геліосъ скрылся; тогда я

Все, что узнать пожелаетъ она о супругѣ далѣкомъ,

Ей расскажу, помѣстясь у огня, чтобъ согрѣться: одѣтъ я

Плохо — то вѣдаешь самъ ты, тебя я здѣсь перваго встрѣтилъ.

Такъ онъ сказалъ; и Эвмей, повинувся, пошелъ къ Пенелопѣ;
⁵⁷⁵Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила:
 Онъ не съ тобою, Эвмей? Для чего же придти не хотѣлъ онъ,
 Бѣдный? Бойся ль обиды какой? На глаза ль показаться
 Людямъ стыдится? Стыдливому нищему плохо на свѣтѣ.
 Такъ Пенелопѣ отвѣтствовала ты, свинопасъ богоравный:
⁵⁸⁰Нѣтъ; онъ умно разсуждаетъ, и съ нимъ ты должна согла-
 ситься;

Онъ, жениховъ необузданно-дерзкихъ, царица, бояся,
 Просить тебя терпѣливо дожидаться, чтобъ Геліосъ скрылся;
 Думаю также и я, что гораздо удобнѣе будетъ,
 Если его ты одна обо всемъ на досугѣ разспросишь.
⁵⁸⁵Выслушавъ, умная такъ отвѣчала Эвмею царица:
 Странникъ твой, кто бы онъ ни былъ, умно разсуждаетъ; и
 правъ онъ:

Въ цѣломъ свѣтѣ, нигдѣ среди земнородныхъ не можно
 Встрѣтить людей, столь неистовыхъ, столь беззаконноразврат-
 ныхъ.

Такъ отвѣчала Эвмею она. Свинопасъ богоравный,
⁵⁹⁰Все передавъ ей, пошелъ къ женихамъ; съ Телемакомъ въ
 столовой

Встрѣтился онъ и, приблизившись, бросилъ крылатое слово
 Шопотомъ въ ухо ему, чтобъ его не слышали другіе:
 Милый, теперь я иду; за свиньями, за домомъ, за всѣми
 Въ домѣ запасами должно смотрѣть мнѣ; а ты остороженъ
⁵⁹⁵Будь здѣсь, себя береги, и смотри, чтобъ съ тобой никакого
 Зла не случилось: зломысленныхъ много тебя окружаетъ.
 Зевсъ да погубитъ ихъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!
 Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Добрый совѣтъ ты даешь мнѣ, отецъ; но ты самъ, ночевавши
⁶⁰⁰Дома, сюда возвратися поутру съ отборной свиньею.
 Боги мой умъ просвѣтятъ и меня надоумятъ, что дѣлать.
 Такъ отвѣчалъ Телемакъ. Свинопасъ помѣстился на гладкомъ
 Стулѣ; поужинавъ сытно и свой удовольствовавъ голодъ,

Въ поле пошелъ онъ къ къ свиньямъ острозубымъ, оставивши
царскій

⁶⁰³Домъ, оглашаемый шумомъ пирующихъ; пѣньемъ и пляской
Тамъ веселились. Тѣмъ временемъ темная ночь наступила.

ПѢСНЬ ОСЬМНАДЦАТАЯ.

ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЙ ДЕНЬ.

Бой Одиссея съ Иромъ. Онъ напрасно совѣтуетъ Анфиному раз-
статься съ женихами. Пенелопа подаетъ имъ надежду на скорый
бракъ; они приносятъ ей подарки. Меланто оскорбляетъ Одиссея.
Эвримахъ бросаетъ въ него скамейкою. Женихи расходятся по до-
мамъ.

Въ двери вошелъ тутъ одинъ всѣмъ извѣстный бродяга; ша-
таясь

По міру, скуднымъ онъ жилъ подаяньемъ, и въ цѣлой Итакѣ
Славенъ былъ жаднымъ желудкомъ своимъ, и нахальствомъ
и пьянствомъ;

Силы однако большой не имѣлъ онъ, хотя и высокъ былъ
⁵Ростомъ. По имени слылъ Арнеономъ [такъ матерью названъ
Былъ при рожденіи], но въ городѣ все молодежь величала
Иромъ его, потому что у всѣхъ онъ тамъ былъ на посылкахъ.
Въ двери вступивъ, Одиссея онъ сталъ принуждать, чтобъ по-
кинулъ

Домъ свой; и бросилъ ему раздраженный крылатое слово:
¹⁰Прочь отъ дверей, старикашка, иль за ноги вытащенъ будешь;
Развѣ не видишь, что всѣ мнѣ мигаютъ, меня понуждая
Вытолкать въ двери тебя; но марать понапрасну своихъ я
Рукъ не хочу; убирайся, иль дѣло окончится дракой.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:
¹⁵Ты сумасбродъ, я не дѣлаю зла никому здѣсь, и сколько бъ
Тамъ кто ни подаль тебѣ, я не стану завидовать; оба
Здѣсь на порогѣ мы можемъ просторно сидѣть; намъ не нужно
Споръ заводить. Ты, я вижу, такой же какъ я безпріютный

Странственникъ; бѣдны мы оба. Лишь боги даруютъ богатство.

²⁰Воли однако рукамъ не давай; не совѣтую; старъ я:

Но, разсердяся, и грудь у тебя разобью я и губы
Въ кровь; и просторнѣе будетъ тогда мнѣ на этомъ порогѣ
Завтра, понеже ужъ, думаю, ты не придешь во второй разъ
Властвовать въ домѣ царя Одиссея, Лаэртова сына.

²⁵Ирѣ въ несказанной досадѣ воскликнулъ, ему отвѣчая:

Онъ же прожора и умничать вздумалъ! не хуже стряпухи
Старой лепечеть! постой же; тебя проучить мнѣ порядкомъ
Должно, принявъ въ кулаки и изъ челюстей зубы повыбивъ
Всѣ у тебя, какъ у жадной свиньи, истребляющей ниву.

³⁰Полно жъ сидѣть; выходи, покажи намъ свое здѣсь умнѣе;
Вотъ поглядимъ мы, ты сладишь ли съ тѣмъ, кто тебя посильнѣе.

Такъ межъ обоими нищими въ бранныхъ словахъ загорѣлась
Ссора на гладкомъ порогѣ дверей. То примѣтила прежде
Всѣхъ Антиноева сила святая. И съ хохотомъ громкимъ

³⁵Онъ, къ женихамъ обратясь, воскликнулъ: друзья, поглядите,
Что тамъ въ дверяхъ происходитъ. Подобнаго мнѣ не случалось

Видѣть нигдѣ; намъ чудесную Дій посылаетъ забаву:

Съ старымъ бродягой поссорился Ирѣ, и конечно ужъ скоро
Драка тамъ будетъ; пойдемъ поскорѣе, намъ должно стравить ихъ.

⁴⁰Такъ онъ сказалъ; женихи, засмѣявшись, вскочили поспѣшно
Съ мѣстъ и соперниковъ, грязнымъ одѣтыхъ тряпьемъ, обступили.

Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ:

Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю;
Козып желудки лежатъ тамъ на угольяхъ; сами на ужинъ

⁴⁵Ихъ для себя отложили мы, жиромъ и кровью наливши;
Я предлагаю, чтобъ тотъ, кто изъ двухъ побѣдителемъ будетъ,
Взявъ для себя изъ желудковъ обжаренныхъ лучшій: потомъ мы
Будемъ всѣдневно его приглашать и къ обѣду; другимъ же
Нищимъ собирать здѣсь столовыя крохи впередъ не дозволимъ.

⁵⁰Такъ предложилъ Антиной и одобрили всѣ предложеніе.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный:
Въ бой выходить съ молодымъ старику, извуренному въ силахъ
Нищенской жизнию, трудно, друзья; но докучный желудокъ
Нудить меня согласиться, хотя бъ и стерпѣть здѣсь побои.

⁵⁵Слушайте жъ то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мнѣ, что потворствуя Иру, никто на меня не подыметъ
Руку и сопернику верхъ надо мной одержать не поможетъ.
Такъ говорилъ Одиссей; женихи поклялися; когда же
Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,

⁶⁰Слово къ отцу обративши, сказалъ Телемахъ богоравный:
Если ты самъ добровольно желаешь и смѣло рѣшился
Выступить въ бой съ нимъ, то страха не долженъ имѣть: кто
посмѣетъ

Руку поднять на тебя, тотъ съ собою здѣсь многихъ поссоритъ.
Я здѣсь хозяинъ, защитникъ гостей, и конечно со мною

⁶⁵Будутъ теперь заодно Антиной, Эвримахъ и другіе.
Тамъ онъ сказалъ. Женихи согласились. Тогда сынъ Лаэртовъ
Рубище снялъ и себя имъ, пристойность храня, опоясалъ.

Тутъ обнаружились крѣпкія ляжки, широкія плечи,
Твердая грудь, жиливатыя руки, и сдѣлала выше
⁷⁰Ростомъ его, непримѣтно къ нему подошедши, Аѣина.

Всѣ женихи на него съ изумленьемъ великимъ смотрѣли;
Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:

Иру бѣда; за нахальство теперь онъ заплатитъ. Какія
Крѣпкія мышцы подъ рубищемъ этого нищаго скрыты!

⁷⁵Такъ говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясавъ, рабы притащили насильно;
Влѣднѣй, дрожащій отъ страха, едва на ногахъ онъ держался.

Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Лучше тебѣ хвостуну умереть иль совсѣмъ не родиться

⁸⁰Было бы, если теперь такъ дрожишь, такъ безстыдно робѣешь
Ты передъ этимъ, измученнымъ бѣдностью, старымъ бродягой.

Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно:
Если тебя побѣдитъ онъ и силой своей одолѣетъ,

Будешь ты брошенъ на чернѣй корабль и на твердую землю
⁸⁸Къ злomu Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.
 Уши и носъ безошадною мѣдью тебѣ онъ обрѣжетъ,
 Въ крохи изрубить тебя и собакамъ отдать на сѣденье.
 Такъ говорилъ онъ. Ужасная робость проникнула Ира;
 Силою слуги его притащили; и подняли руки
⁹⁰Оба. Себя самого тутъ спросилъ Одиссей богоравный:
 Сильно ль ударить его кулакомъ, чтобъ издохъ онъ на мѣстѣ?
 Или несильнымъ ударомъ его опрокинуть? Обдумавъ
 Все, напоследокъ онъ выбралъ несильный ударъ, поелигу
 Иначе могъ онъ въ сердцахъ жениховъ возбудить подозрѣнье.
⁹⁵Оба тутъ вышли; въ плечо кулакомъ Одиссея ударилъ
 Иръ. Одиссей же его по затылку близъ уха: вдавилась
 Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
 Ртомъ; онъ, завывъ, опровинулся; зубы его срежетали,
 Объ полъ онъ пятками билъ. Женихи же, всплеснувши руками,
¹⁰⁰Всѣ помирали отъ смѣха. А сынъ благородный Лаэрттовъ,
 За ногу Ира схвативъ, черезъ двери и портикъ къ воротамъ
 Дома его черезъ дворъ протащилъ; и, его приневоливъ
 Сѣсть тамъ, спиною къ стѣнѣ прислонилъ, суковатую палку
 Втиснулъ ему полумертвому въ руки и гнѣвное бросилъ
¹⁰⁵Слово: сиди здѣсь, собакъ и свиной отгоняй; и нахально
 Властвовать въ домѣ чужомъ не пытайся впередъ, высылая
 Нищихъ оттуда, самъ нищій бродяга: иль будетъ съ тобою
 Хуже бѣда. Онъ сказалъ и, на плечи набросивъ котомку,
 Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ,
¹¹⁰Къ двери своей возвратился и сѣлъ на порогѣ. А гости
 Встрѣтили смѣхомъ его и, къ нему подступивши, сказали:
 Молимъ мы Зевса и вѣчныхъ боговъ, чтобъ они совершили
 Все то, чего наиболѣе теперь ты желаешь, о чемъ ты
 Молишь ихъ самъ; навсегда ты избавилъ отъ злаго прожоры
¹¹⁵Край нашъ. Онъ нами немедленно будетъ на твердую землю
 Къ злomu Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.
 Такъ женихи говорили; былъ радъ Одиссей прорицанью.
 Съ угольевъ снявши желудокъ, наполненный жиромъ и кровью,

Подаль Лаэртovu сыну его Антиной, и два хлѣба

¹²⁰Взявъ изъ корзины, принесъ ихъ ему Анфиномъ; онъ наполнилъ

Кубокъ виномъ и сказалъ Одиссею, его поздравляя:

Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! теперь ницегою Ты удрученъ; да пошлютъ наконецъ и тебѣ изобиліе Боги! Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

¹²⁵Ты, Анфиномъ, благомысленный юноша, вижу я; знатенъ Твой благородный отецъ, повсемѣстно молвою хвалимый, Низъ, уроженецъ Дулихія многобогатый; его ты Сынъ, мнѣ сказали; и самъ испыталъ я, сколь ты добродушенъ. Слушай же, другъ, и размысли, размысли о томъ, что услышишь:

¹³⁰Все на землѣ измѣняется, все скоротечно; всего же, Что ни цвѣтеть, ни живетъ на землѣ, человѣкъ скоротечнѣй; Онъ о возможной въ грядущемъ бѣдѣ не помыслить, покуда Счастьемъ боги лелѣютъ его и стоитъ на ногахъ онъ; Если жъ бѣду ниспошлютъ на него всемогущіе боги, ¹³⁵Онъ негодуетъ, но твердой душой неизбѣжное сносить: Такъ суждено ужъ намъ всѣмъ, на землѣ обитающимъ людямъ, Что бъ ни послалъ намъ Кроніонъ, владыка безсмертныхъ и смертныхъ.

Нѣкогда славенъ и я межъ людьми былъ великимъ богатствомъ; Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовалъ много

¹⁴⁰Я, на отца и возлюбленныхъ братьевъ своихъ полагаясь.

Горе тому, кто себѣ на землѣ позволяетъ неправду!

Должно въ смиреннѣи напротивъ дары отъ боговъ принимать намъ.

Вижу, какъ здѣсь женихи, самовластно безчинствуя, губятъ Все достоянне царя и наносятъ обиды супругѣ

¹⁴⁵Мужа, который, я мыслю, недолго съ семьей и съ отчизной Будеть въ разлукѣ. Онъ близко. О другъ, да хранительный Демонъ

Вовремя въ домъ твой тебя уведеть, чтобъ ему на глаза ты Здѣсь не попался, когда возвратится въ отеческій домъ онъ.

Здѣсь не пройдетъ безъ пролитія крови, когда съ женихами
 150Станетъ вести свой расчетъ онъ, вступя подъ домашнюю
 кровлю,

Такъ онъ сказалъ и вина золотого, свершивъ возліянье,
 Выпилъ, и кубокъ потомъ возвратилъ Анфиному. И тихимъ
 Шагомъ пошелъ Анфиномъ съ головой наклоненной, съ пе-
 чалью

Милого сердца, какъ будто предчувствіемъ бѣдствія полный;
 155Но не ушелъ отъ судьбы онъ; его оковала Паллада,
 Пастъ отъ копья Телемакова вмѣстѣ съ другими назначивъ.
 Сѣлъ онъ на стулъ свой опять, къ женихамъ возвратился безопасно.
 Тутъ свѣтлоюкая дочь громовержца вложила желанье
 Въ грудь Пенелопы разумной супруги Лаэртова сына
 160Выдти, дабы, женихамъ показавшись, сильнѣйшимъ же-
 ланьемъ

Сердце разжечь имъ, въ очахъ же супруга и милого сына
 Болѣ, чѣмъ прежде, явиться достойною ихъ уваженья.

Такъ, улыбнуться уста приневоливъ, она Эвриномѣ
 Ключницѣ старой сказала: хочу я—чего не входило

165Прежде мнѣ въ умъ — женихамъ ненавистнымъ моимъ по-
 казаться;

Также хочу и совѣтъ тамъ подать Телемаку, чтобъ болѣ
 Съ шайкою ихъ, многобуйныхъ грабителей, онъ не водился;
 Добры они на словахъ, но недобрыя мысли въ умѣ ихъ.
 Ей Эвринома усердная ключница такъ отвѣчала:

170То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
 Выдѣ къ нимъ и милому сыну подай откровенно совѣтъ свой.
 Прежде однако омойся, натри благовоннымъ елеемъ
 Щеки; тебѣ не годится съ лицомъ, безобразнымъ отъ плача,
 Къ нимъ выходить; красота увядаетъ отъ скорби всегдашней.

175Сынъ же твой милый созрѣлъ, и тебѣ, какъ молила ты, боги
 Дали увидѣть его съ бородою разцвѣтшаго мужа.
 Ключницѣ вѣрной отвѣтствуя, такъ Пенелопа сказала:
 Нѣтъ, никогда, Эвринома, для нихъ ненавистныхъ не буду
 Я омываться и щеки натирать благовоннымъ елеемъ.

¹⁸⁰Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
 Въ самый тотъ часъ, какъ пошелъ Одиссей въ отдаленную
 Трою.

Но позови Гипподамю, съ нею пускай Автоноя
 Также придетъ, чтобъ меня проводить въ пировую палату:
 Къ нимъ не пойду я одна, то стыдливости женской противно.

¹⁸⁵Такъ говорила царица. Поспѣшно пошла Эвринома
 Кликнуть обѣихъ слуганокъ, чтобъ тотчасъ послать къ госпо-
 жѣ ихъ.

Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Аэны Паллады:
 Сну мирноспу велѣла богиня сойти къ Пенелопѣ.
 Сонъ прилетѣлъ и ея улетѣлъ, и все въ ней утихло.

¹⁹⁰Въ креслахъ она неподвижно сидѣла; и ей усыпленной
 Все, чѣмъ плѣняются очи мужей, даровала богиня:
 Образъ ея просіялъ той красой несказанной, какою
 Въ пламенно-быстрой и въ сладостно-томной съ Харитами
 пляскѣ

Образъ Киприды, вѣнкомъ благовоннымъ вѣнчанной, сіяетъ;

¹⁹⁵Стройный ея возвеличился станъ и все тѣло нѣжнѣ,
 Чище, свѣжѣе и блистательнѣе сдѣлалось кости слоновой.
 Такъ одаривши ее, удалилася богиня Аэина.

Но бѣлорукія обѣ рабыни, вбѣжавши поспѣшно
 Въ горницу, шумомъ нарушили сладостный сонъ Пенелопы.

²⁰⁰Щеки руками съ просонья потерши, она имъ сказала:
 Какъ же я сладко заснула въ моемъ сокрушеннѣ! О, если бѣ
 Миѣ и такую же сладкую смерть принесла Артемида
 Въ это мгновенье, чтобъ я непрерывной тоской перестала
 Жизнь сокрушать, все не вѣдая, гдѣ Одиссей, гдѣ супругъ мой,

²⁰⁵Доблестью всякой украшенный, всѣхъ превзошедшій ахеянтъ.
 Кончивъ, по лѣстницѣ внизъ Пенелопы сошла; вслѣдъ за нею
 Обѣ служанки сошли; и она, божество красотою,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
 Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
²¹⁰Щеки закрывши свои головнымъ побряваломъ блестящимъ
 [Справа и слѣва почтительно стали служанки]. Колѣна

Ихъ задрожали при видѣ ея красоты, и сильнѣе
 Вспыхнуло въ каждомъ желаніе ложе ея раздѣлнить съ ней.
 Сына къ себѣ подозвавши, его Пенелопа спросила:

²¹⁵Сынъ мой, скажи мнѣ, ты въ полномъ ли разумѣ? Въ воз-
 растѣ дѣтскомъ

Былъ ты умнѣй и приличіе всякое болѣе вѣдать.

Нынѣ жъ ты мужеской силы достигнулъ, и кто ни посмотритъ
 Здѣсь на тебя, чужеземецъ ли, здѣшній ли, каждый породу
 Мужа великаго въ свѣтлой твоей красотѣ угадаетъ.

²²⁰Гдѣ же однако твой умъ? Ты совсѣмъ позабылъ справед-
 ливость.

Дѣло безчинное здѣсь у тебя на глазахъ совершилось;
 Этого странника въ домѣ своемъ допустилъ ты обидѣть;
 Что же? Когда чужеземецъ, довѣрчиво твой посѣтившій
 Домъ, оскорбленный тамъ будетъ сидѣть, и ругаться имъ
 станеть

²²⁵Всякій—постыдный упрекъ отъ людей на себя навлечешь ты.

Матери такъ отвѣчалъ благомысленный сынъ Одиссеевъ:
 Милая мать, твой упрекъ справедливъ; на него не могу я
 Сѣтовать. Нынѣ я все понимаю; и мнѣ ужъ не трудно
 Зло отличать отъ добра; изъ ребячества вышелъ я, правда;

²³⁰Но не всегда и теперь удастся мнѣ лучшее выбрать:

Наши незваные гости приводятъ мой умъ въ безпорядокъ;
 Злое одно замышляютъ они; у меня жъ руководителя
 Нѣтъ. Но сраженіе странника съ Иромъ не ихъ сомаволь-
 ствомъ

Было устроено; высшая здѣсь обнаружилась воля.

²³⁵Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѣина!

Всѣ женихи многобуйные въ нашей обители нынѣ,
 Кто на дворѣ, кто во внутреннихъ дома покояхъ, сидѣли,
 Головы свѣсивъ на грудь, всѣ избитые. такъ же, какъ этотъ
 Иръ побродяга, теперь за воротами дома сидящій!

²⁴⁰Трепетной онъ головою мотаеть, какъ пьяный; не можетъ
 Прямо стоять на ногахъ, ни сидѣть, ни подняться, чтобъ въ
 домъ свой

*

Медленнымъ шагомъ добрестъ черезъ силу; совсѣмъ онъ изломанъ.

Такъ про себя говорили они, отъ другихъ въ отдаленнѣ.

Тутъ, обратясь къ Пенелопѣ, сказалъ Эвримахъ благородный:

²¹⁵О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,

Если бъ могли всѣ ахейцы Язійскаго Аргоса нынѣ

Видѣть тебя, жениховъ бы двойное число собралося

Въ домѣ твоємъ пировать. Превосходишь ты всѣхъ земнородныхъ

Женъ красотой и возвышеннымъ станомъ и разумомъ свѣтлымъ.

²⁵⁰Такъ говорилъ Эвримахъ. Пенелопа ему отвѣчала:

Нѣтъ, Эвримахъ, красоту я утратила волей безсмертныхъ

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобожикъ ахейцы

Въ Трою и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.

Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся

²⁵⁵Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прек расна

Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой Демонъ со мною.

Въ самый тотъ часъ, какъ отчизну свою онъ готовъ былъ понуть,

Взявши за правую руку меня, онъ сказалъ на прощаньи:

Думать не должно, чтобъ воинство мѣднообутыхъ ахейцъ

²⁶⁰Все безъ урона изъ Трои въ отчизну свою возвратилось;

Слышно, что въ боѣ отважны троянскіе мужи, что копья

Мѣтко бросаютъ; въ стрѣляннѣ изъ лука зорки; искусно

Грозно-летучими, часто сраженье межъ двухъ равносильныхъ

Ратей рѣшашими разомъ, конями владѣютъ. Навѣрно

²⁶⁵Знать не могу я, позволить ли Дій возвратиться сюда мнѣ,

Или погибель я въ Троѣ найду. На твое попеченье

Все оставляю. Пекись объ отцѣ и объ матери милой

Также усердно, какъ прежде, и даже усерднѣй: понеже

Буду не здѣсь я; когда же нашъ сынъ возмужаетъ, ты замужъ

²⁷⁰Видь, за кого пожелаешь и домъ нашъ покинь. На прощаньи

Такъ говорилъ Одиссей мнѣ; и все ужъ исполнилось. Скоро,

Скоро она, ненавистная ночь ненавистнаго сердцу
 Брака наступитъ для бѣдной меня, всѣхъ земныхъ утѣшеній
 Зевсомъ лишенной. На сердцѣ моемъ несказанное горе.
²⁷⁵Въ прежнее время обычай бываль, что когда начинали
 Свататься, знатнаго рода вдову или богатую дѣву
 Выбравъ, одинъ предъ другимъ женихи отличиться старались;
 Въ домъ приводя къ нареченной невѣстѣ быковъ и барановъ,
 Тамъ угощали они всѣхъ друзей; и невѣсту дарили
²⁸⁰Щедро) чужое жъ имущество тратить безъ платы стыдились.
 Кончила. Въ грудь Одиссея проникло веселье, понеже
 Было пріятно ему, что отъ нихъ пожелала подарковъ,
 Лстя имъ словамъ, душою же ихъ ненавидя, царица.
 Ей отвѣчая, сказала Антиной, сынъ Эвпейтовъ надменный:
²⁸⁵О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
 Всякій подарокъ, тебѣ отъ твоихъ жениховъ подносимый,
 Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарятъ намъ.
 Мы же, ты знай, не пойдѣмъ отъ тебя ни домой, ни въ иное
 Мѣсто, пока ты изъ насъ по желанью не выберешь мужа.
²⁹⁰Такъ говорилъ Антиной; согласились всѣ съ нимъ другіе.
 Каждый потомъ за подаркомъ глашатаая въ домъ свой отправилъ.
 Посланный длинную мантию съ пестрымъ шитьемъ Антиною
 Подать; двѣнадцать застежекъ ее золотыхъ украсили,
 Каждая съ гибкимъ крючкомъ, чтобъ въ кольцо задѣваясь,
 держать онъ
²⁹⁵Мантию. Цѣпь изъ обдѣланныхъ въ золото съ чуднымъ ис-
 куствомъ,
 Свѣтлыхъ какъ солнце, большихъ янтарей принесли Эвримаху.
 Серьги—изъ трехъ, съ шелковичной пурпурною ягодою сходныхъ
 Шариковъ каждая—подать проворный слуга Эвридаму;
 Былъ молодому Пизандру, Поликтора умнаго сыну,
³⁰⁰Женскій уборъ принесенъ, ожерелье богатое; столь же
 Были нескупы и прочіе всѣ на подарки) Принявъ ихъ,
 Вверхъ по ступенямъ высокимъ обратно пошла Пенелопа.
 Съ ней удалились, подарки неся, и младыя рабыни.
 Тѣ же, опять обратившись къ пляскѣ и сладкому пѣвню,

³⁰⁵Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же
 Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
 Три по срединѣ палаты поставивъ жаровни, наклали
 Много полѣньевъ туда, изощренной нарубленныхъ мѣдью,
 Мелкихъ, сухихъ, и лучиною тонкой зажгли ихъ, смолистыхъ
³¹⁰Факеловъ гъ нимъ подложивши. Смотрѣть за огнемъ поочередно
 Были должны Одиссеева дома рабыни. И съ ними
 Такъ говорить Одиссей хитромысленный началъ: подите,
 Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда въ погон
 Вашей царицы, Икарія дочери многоразумной;
³¹⁵Сядьте съ ней, тонкія нити сучите, и волну руками
 Дергайте, горе ея развлекаая своимъ разговоромъ.
 Я же останусь смотрѣть за огнемъ, и свѣтло здѣсь въ палатѣ
 Будеть, хотя бы они до утра пировать здѣсь остались;
 Имъ не удастся меня утомить; я терпѣть научился.
³²⁰Такъ говорилъ онъ. Рабыни одна на другую взглянули
 Съ громкимъ смѣхомъ; и грубо ему отвѣчала Меланто,
 Дочь Доліона [ее воспитала сама Пенелопа
 Съ дѣтства, и много игрушекъ и всякихъ ей лакомствъ давала;
 Сердце жъ ея нечувствительно было къ печалямъ царицы;
³²⁵Тайно любовный союзъ съ Эвримахомъ она заключила];
 Такъ отвѣчала она Одиссею ругательнымъ словомъ:
 Видно совсѣмъ потерялъ ты рассудокъ, бродяга; не хочешь
 Видно искать ты ночлега на кузницѣ, или въ закутѣ,
 Или въ шинкѣ; здѣсь конечно пріютнѣй тебѣ; на слова ты
³³⁰Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ господъ; и душою не
 робокъ;
 Знать отъ вина помутился твой умъ, иль быть можетъ такой ужъ
 Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать, иль осиливъ
 Бѣднаго Ира, такъ поднялъ ты носъ—берегися однако;
 Можетъ съ тобою здѣсь встрѣтиться кто нибудь Ира сильнѣе;
³³⁵Зубы твои всѣ своимъ кулакомъ онъ желѣзнымъ повыбьетъ;
 Вытолкнуть въ дверь по затылку имъ будешь ты, кровью
 облитый.
 Мрачно взглянувъ изъ подлѣбя, сказалъ Одиссей хитроумный:

Я на тебя Телемаку пожалуюсь, злая собака;
 Въ мелкія части болтуню тебя искрошить онъ прикажетъ.
³⁴⁰Слово его испугало рабынь; и онѣ во мгновенье
 Всѣ изъ палаты ушли; ихъ колѣна дрожали отъ страха;
 Думали всѣ, что на дѣлѣ исполнится то, что сказалъ имъ
 Странникъ. А онъ у жаровень стоялъ, наблюдая, чтобъ ярче
 Пламя горѣло; и глазъ не сводилъ съ жениховъ, имъ готовя
³⁴⁵Мыслию все, что потомъ и на самомъ исполнилось дѣлѣ.
 Тою порой жениховъ и Аѳина сама возбуждала
 Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось спльнѣ
 Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.
 Такъ говоритъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ [обидѣтъ
³⁵⁰Словомъ своимъ Одиссея, другихъ размѣшивши, хотѣлъ
 онъ]:
 Слухъ вашъ склоните ко мнѣ, женихи Пенелопы, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и
 сердце.
 Этотъ нашъ гость безъ сомнѣнія Демонъ посланъ, чтобъ
 было
 Намъ за трапезой свѣтлѣй; не отъ факеловъ такъ все сіяетъ
³⁵⁵Здѣсь, но отъ плѣши его, на которой иѣтъ волоса болѣ.
 Такъ онъ сказалъ и потомъ, обратясь къ Одиссею, примол-
 вилъ:
 Странникъ, ты вѣрно поденщикомъ будешь согласенъ на-
 няться
 Въ службу мою, чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ,
 Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодя;
³⁶⁰Круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу,
 Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь.
 Думаю только, что будешь худой ты работникъ, привыкнувъ
 Къ лѣни, безъ дѣла бродя и мірскимъ подаяньемъ питаюсь:
 Даромъ свой жадный желудокъ кормить для тебя веселѣе.
³⁶⁵Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Если бъ съ тобой, Эвримахъ, привелось мнѣ поспорить работою,
 Если бъ весною, когда продолжительнѣй бытъ начинаютъ

Дни, по косѣ одинаково острою обоимъ намъ дали
 Въ руки, чтобъ вмѣстѣ работая съ самаго ранняго утра
 370 Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
 Или когда бы, запрягши намъ въ плугъ двухъ быковъ кру-
 торогихъ,

Огненныхъ, рослыхъ, откормленныхъ тучной травою, могучей
 Силою равныхъ, равно молодыхъ, равно работающихъ.

Дали четыре намъ поле вспахать для посѣва, тогда бы
 375 Самъ ты увидѣлъ, какъ быстро бы въ длинныя борозды
 плугъ мой

Поле изрѣзалъ. А если бъ войну западиль здѣсь Кроніонъ
 Зевсъ и мнѣ дали бы щитъ, два копыя мѣдноострыхъ и мѣдный
 Кованный шлемъ, чтобъ моею головѣ былъ надежной защитой,
 Первымъ въ сраженіи меня ты тогда бы увидѣлъ; тогда бы
 380 Мнѣ ты не сталъ попрекать ненасытностью жадной желудка

Но человекъ ты надменный; твое неприязненно сердце;
 Самъ же себя, Эвримахъ, ты считаешь великимъ и сильнымъ
 Лишь потому, что находишься въ обществѣ низкихъ и слабыхъ.

Если бъ однако, неожиданный никѣмъ, Одиссей вамъ явился—
 385 Сколь ни просторная плотникомъ сдѣлана дверь здѣсь,
 она бы

Узкой тебѣ, неоглядкой бѣгущему, вдругъ показалась.
 Онъ замолчалъ. Эвримахъ, разсердясь, на него изъ подлобья
 Грозно очами свернулъ и слово крылатое бросилъ:

Вотъ погоди, я съ тобою раздѣлаюсь, грязный бродяга:
 390 Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ господъ и не робокъ ду-
 шой ты;

Видно вино помутило твой умъ, иль быть можетъ такой ужъ
 Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать, иль осиливъ
 Бѣднаго Ира, такъ сдѣлаясь гордъ—берегися однако.
 Такъ онъ сказалъ и скамейку схватилъ, чтобъ пустить въ
 Одиссея;

395 Но Одиссей, отскочивши, къ колѣнамъ припалъ Анфинома;
 Мимо его прошумѣвъ, виночерпія спльно скамейка
 Въ правую треснула руку, и чаша въ ней бывшая на полъ

Грянулась; тотъ, опрокинутый, навзничь упалъ, застонавши.
 Начали громко шумѣть женихи въ потемнѣвшей палатѣ;
⁴⁰⁰Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
 Лучше бы было, когда бъ до прихода къ намъ этотъ незванный
 Гость на дорогѣ издохъ, не завелъ бы у насъ онъ такого
 Шума. Теперъ мы за нищаго ссоримся; пиръ нашъ испорченъ;
 Кто при великомъ раздорѣ такомъ веселиться захочетъ?
⁴⁰⁵Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:
 Буйные люди, вы всѣ помѣшалпсь; не можете болѣ
 Скрыть вы, что хмѣль обуялъ васъ. Знать Демонъ какой под-
 жигаетъ

Всѣхъ на раздоръ; пировали довольно вы, спать ужъ пора
 вамъ;

Можетъ, кто хочетъ, уйти; принуждать никого я не буду.

⁴¹⁰Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
 Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялпсь.
 Тутъ, обратясь къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный,
 Низовъ блистательный сынъ, отъ Аретовой царственной крови:
 Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
⁴¹⁵Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ; не трогайте болѣ
 Старога странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ
 Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова славнаго сына.
 Пусть виночерпій опять намъ наполнить виномъ благовоненнымъ
 Кубки, чтобъ мы, возлиавъ, на покой по домамъ разошлпсь;
⁴²⁰Странника жъ здѣсь ночевать въ Одиссеевомъ домѣ оставимъ,
 На руки сдавъ Телемагу: онъ гость Телемакова дома.
 Такъ Анфиномъ говорилъ, и понравилось всѣмъ, что сказалъ
 онъ.

Тутъ Муліонъ, дуликійскій глашатай, слуга Анфиномовъ,
 Мужъ благородной породы, вина намѣшавши въ кратеры,
⁴²⁵Кубки имъ налилъ до края и подалъ гостямъ; совершивши
 Имъ возліянье блаженнымъ богамъ, осушили всѣ кубки
 Гости; когда жъ, совершивъ возліянье, виномъ насладились
 Вдоволь они, всѣ пошли по домамъ, чтобъ предаться покою.

ПѢСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ОСЬМАГО ДНЯ.

Одиссей вмѣстѣ съ Телемакомъ выносить оружія изъ столовой, потомъ остается одинъ. Меланто снова его оскорбляетъ. Онъ рассказываетъ Пенелопѣ вымышленную о себѣ повѣсть и увѣряетъ ее, что Одиссей скоро возвратится въ домъ свой. Эвриклея узнаетъ его по рубцу на ногѣ; онъ повелѣваетъ ей молчать. Пенелопа рассказываетъ ему сонъ свой, потомъ говоритъ, что отдастъ руку свою тому изъ жениховъ, который побѣдитъ другихъ стрѣльбою изъ Одиссеева лука; наконецъ Пенелопа удаляется.

Всѣ разошлись; одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ
Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Аѳинной остался.
Съ нимъ Телемакъ; и сказалъ онъ, къ нему обратися: мой
милый

Сынъ, напередъ надлежитъ всѣ оружія вынести отсюда.

⁵Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ палатѣ какъ прежде
оружій,

Спросить о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ
Дымно; ужъ сдѣлались вовсе они не такія, какими
Здѣсь ихъ отецъ Одиссей при отбытіи въ Трою покинулъ:
Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти смрадной покрылись.

¹⁰Также и вышую въ сердце вложилъ мнѣ Зевесъ осторож-
ность:

Можетъ межъ вами отъ хмѣля вражда загорѣться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится —
Само собой прилипаютъ къ рукѣ роковое желѣзо.

Такъ онъ сказалъ. Телемакъ, повинувся родителя волѣ,

¹⁵Кликнулъ старушку, усердную няню свою Эвриклею;

Няня, сказалъ онъ, смотри, чтобъ служанки сюда не входили
Прежде, покуда наверхъ не отнесъ я отцовыхъ оружія;

Здѣсь безъ присмотра они; всѣ испорчены дымомъ; отца же
Нѣтъ. Я донынѣ ребенокъ бессмысленный былъ, но теперь я

²⁰Знаю, что должно отвезти ихъ туда, гдѣ не можетъ ихъ
портить

Копоть. Сказаль. Эвриклея старушка ему отвѣчала:
 Дѣльно! пора, мой прекрасный, за разумъ приняться и дома
 Быть господиномъ, и знать обходиться съ отцовымъ богат-
 ствомъ.

Кто же, когда повидать не велишь ты служанкамъ ихъ гор-
 ниць,

²⁵Факеломъ будетъ зажженнымъ тебѣ здѣсь свѣтити за работой?

Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Этотъ старикъ; не трудясь, никто, и хотя бѣ онъ чужой былъ,
 Въ домѣ моемъ, получая нашъ кормъ, оставаться не долженъ.
 Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклея его пролетѣло

³⁰Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, зам-
 кнула

Тотчасъ она. Одиссей съ Телемакомъ тогда принялися
 Мѣдные съ гребнями шлемы, съ горбами щиты, съ остріями
 Длинными копя на верхъ выносить; и Аенна Паллада
 Имъ невидимо, держа золотую лампаду, свѣтила

³⁵Тѣмъ изумленный, сказалъ Телемакъ Одиссею: родитель,

Въ нашихъ очахъ происходитъ великое, думаю, чудо;
 Гладкія стѣны палаты, сосновые средніе брусья,
 Всѣ потолка перекладины, всѣ здѣсь колонны тагъ ясно
 Видны глазамъ, тагъ блистаютъ, кагъ будто бѣ пожаръ былъ
 кругомъ ихъ —

⁴⁰Видно здѣсь кто изъ боговъ Олимпійскихъ присутствуетъ
 тайно.

Такъ онъ спросилъ; отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный
 Сыну: молчи, ни о чемъ не спрашивай, бойся и мыслить:

Боги, владыки Олимпа, такой ужъ имѣютъ обычай.

Время тебѣ на покой удалиться, а я здѣсь останусь:

⁴⁵Видѣть хочу поведеніе служанокъ: хочу въ Пенелопѣ

Сердце встревожить, чтобъ, плача, меня обо всемъ распросила.

Такъ онъ сказалъ. Телемакъ изъ палаты немедленно вышелъ;

Факель зажженный неся, онъ пошелъ въ тотъ покой почи-
 вальный,

Гдѣ по ночамъ миротворному сну предавался обычно.

⁵⁰Въ спальню пришедши, онъ легъ и заснулъ въ ожиданьи денницы.

Тю порою одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ
Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Палладою остался.
Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,
Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитою, съ молодой Артемидой
⁵⁵Сходная. Сѣсть ей къ огню пододвинули стулъ, изъ слоновой
Кости точеный, съ оправой серебряной, чудной работы
Икмаліона [для ногъ и скамейку придѣлалъ художникъ
Къ дивному стулу]. Онъ мягкоширокою покрытъ былъ овчиной.
Многоразумная сѣла на стулъ Пенелопа. Вступивши

⁶⁰Съ ней бѣлорукія царскаго дома служанки въ палату,
Начали всѣ убирать тамъ столы съ недоѣденнымъ хлѣбомъ,
Кубки и множество чашъ, изъ которыхъ надменные гости
Пили; и выбросивъ на полъ золу изъ жаровень, наклали
Новыхъ полѣньемъ туда, чтобъ нагрѣлась палата и былъ въ ней
⁶⁵Свѣтъ. А Меланто опять привязалась ругать Одиссея:

Здѣсь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать намъ, бродя здѣсь какъ стѣнь, чтобъ подмѣтить, что
въ домѣ служанки

Дѣлають. Вонъ! говорю я тебѣ, побродяга; наѣлся
Здѣсь ты довольно! уйди, иль швырну я въ тебя головнею.

⁷⁰Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей хитроумный:

Что жъ такъ неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Или противно тебѣ, что въ грязи я, что въ рубищѣ бѣдномъ
По міру хода, прошу подаенья? Что жъ дѣлать? Я нищій.
Жребій такой ужъ намъ всѣмъ безотрадно бродящимъ скитальцамъ.

⁷⁵Въ прежніе дни я и самъ межъ людьми не совсѣмъ безпріютно
Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и доступенъ
Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;
Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ, и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.

⁸⁰Все уничтожилъ Кроніонъ—такъ было ему то угодно.

Ты, безразсудная, также [кто знаетъ, какъ скоро!] утратишь
 Всю красоту молодую, которою такъ здѣсь гордишься;
 Станешь тогда ты противна своей госпожѣ; да и можетъ
 Самъ Одиссей возвратиться — надежда не вовсе пропала;
⁸⁷Если же онъ и погибъ, и возврата лишень, то еще здѣсь
 Сынъ Одиссеевъ, молодой Телемахъ, Аполлоновъ питомецъ,
 Здравствуетъ; знаетъ онъ все поведенье служановъ домашнихъ,
 Скрыться не можетъ ничто отъ него; онъ изъ дѣтства ужъ
 вышелъ.

Такъ онъ сказалъ. Пенелопа, услышавъ разумное слово,
⁹⁰Рѣчь обратила свою раздраженная къ дерзкой служанкѣ;
 Ты, какъ собака, безстыдница, злишься; меня жъ не обманешь
 Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
 Развѣ не слышала ты, какъ сюда пригласить я велѣла
 Этого странника, мысля, что можетъ сказать мнѣ какую
⁹⁵Вѣсть о супругѣ моемъ, о которомъ давно такъ я плачу?
 Тутъ, обратясь къ Эвриномѣ, сказала она: Эвринома,
 Стулъ пододвинь поскорѣе, покрытый овчиною мягкой;
 Должно, чтобъ здѣсь иноземецъ покойно сидѣлъ, и свои намъ
 Всѣ рассказалъ приключенья, и мнѣ отвѣчалъ на вопросы.
¹⁰⁰Такъ говорила она. Эвринома немедленно гладкій
 Стулъ принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
 Сѣсть приглашень былъ на стулъ Одиссей богоравный женою.
 Такъ, обратясь къ нему, начала говорить Пенелопа:
 Странникъ, сначала тебя я сама вопрошу, отвѣчай мнѣ:
¹⁰⁵Кто ты, мой добрый старикъ? Кто отецъ твой? Кто мать?
 Гдѣ родился?

Такъ, отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
 О царица, повсюду и всѣ на землѣ безпредѣльной
 Люди тебя превозносятъ, ты славой до неба достигла;
 Ты уподобиться можешь царю безпорочному; страха
¹¹⁰Божія полный, и многихъ людей повелитель могучій,
 Правду творить онъ; въ его областяхъ изобильно родится
 Рожь и ячмень и пшено, тяготѣютъ плодами деревья,
 Множится скотъ на поляхъ, и кипятъ многогрбіемъ воды;

Праведно властвуетъ онъ и его благоденствуютъ люди.

¹¹⁵Ты же, царица, меня вопрошай обо всемъ; не касайся

Только отчизны моей и семьи и семейнаго дома:

Горе мнѣ душу глубоко проникнетъ, когда говорить здѣсь

Буду, о нихъ вспоминая; страдалъ я немало. Въ чужомъ же
Домѣ, въ бесѣдѣ съ людьми предаваться слезамъ неприлично.

¹²⁰Слезы напрасны: бѣдамъ не приносятъ онѣ изцѣленья.

Можетъ притомъ и на мысли придти здѣсь рабынямъ, сама ты

Можешь подумать, что слезы отъ хмѣля мои происходятъ.

Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:

Странникъ, мою красоту я утратила волей безсмертныхъ

¹²⁵Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобовихъ
ахейцы

Въ Трою и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.

Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся

Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна;

Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой Демонъ со мною.

¹³⁰Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,

Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закнѳа,

Первые люди утесистой, солнечносвѣтлой Итаки.

Нудятъ упорно ко браку меня, и нашъ домъ разоряютъ;

Мнѣ жъ не по сердцу никто; ни просящій защиты, ни стран-
никъ,

¹³⁵Ниже глашатай служитель народа; одинъ есть, желанный

Мной—Одиссей, лишь его неотступное требуетъ сердце.

Тѣ же твердятъ непрестанно о бракѣ; прибѣгнуть къ обману

Я попыталась однажды; и Демонъ меня надоумилъ

Станъ превеликій поставитъ въ покояхъ моихъ; начала я

¹⁴⁰Тонкоширокую тѣанъ и, собравъ жениховъ, имъ сказала:

Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ

Нѣтъ Одиссея — отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ бу-
детъ

Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая тѣанъ не пропала мнѣ да-
ромъ;

Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготоовать хочу я

¹⁴⁵Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Царями отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столъ мужъ погребенъ безъ по-
крова.

Такъ я сказала; они покорились мнѣ мужскимъ сердцемъ.
Цѣлый я день за тканьемъ проводила; а ночью, зажегши
¹⁵⁰Факель, сама все натканное днемъ распускала. Три года
Длилася хитрость удачно и я убѣждать ихъ умѣла.
Но когда, обращенъ временъ приведенный, четвертый
Годъ совершился, промчались мѣсяцы, дни пролетѣли—
Все имъ открыла одна изъ служанокъ, лихая собака;
¹⁵⁵Сами они тутъ застали меня за распущенной тканью:
Такъ и была приневолена ими я трудъ мой окончить.
Способа нѣтъ ужъ теперъ избѣжать мнѣ отъ гнуснаго брака;
Хитрости новой на умъ не приходитъ; меня всѣ родные
Нудятъ къ замужству; и сынъ огорчается, видя, какъ домъ
нашъ

¹⁶⁰Грабятъ; а онъ ужъ созрѣлъ и теперъ за хозяйствомъ спосо-
бенъ

Самъ наблюдать, и къ нему уваженъ Зевесъ пробуждаетъ
Въ людяхъ. Скажи жъ откровенно мнѣ, кто ты? Ужъ вѣрно не
отрасль

Славнаго въ древности дуба, не камень отъ груди утеса.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:

¹⁶⁵О многоумная старца Иварія дочь Пенелопа,
Вижу, что ты о породѣ моей неотступно желаешь
Свѣдать. Я все расскажу, хоть печаль и усилить рассказъ мой
Въ сердцѣ моемъ. Такъ бываетъ со всякимъ, кто долго въ раз-
лугѣ

Съ милой семьей, сокрушенный какъ я, межъ людей земнород-
ныхъ

¹⁷⁰Странствуетъ, ихъ посѣщая обители, самъ безпріютный.
Но отвѣчать на вопросы твои я съ охотою буду.
Островъ есть Критъ посреди виноцвѣтнаго моря, прекрасный,
Тучный, отсюду объятый водами, людьми изобильный;

Тамъ девяносто они городовъ населяютъ великихъ.

¹⁷⁵Разные слышатся тамъ языки: тамъ находишь ахейнъ,
 Съ первоплеменной породой воинственныхъ критянъ; видоны
 Тамъ обитаютъ, дорійцы кудрявые, племя пеласговъ,
 Въ городѣ Гноссѣ живущихъ. Едва девяти лѣтъ достигнувъ,
 Тамъ ужъ царемъ былъ Миносъ, собесѣдникъ Кроніона мудрый,
¹⁸⁰Дѣдъ мой, родитель великаго Деваіліона, который
 Идомея родилъ и меня. Въ корабль крутоносомъ
 Идомея, многославный мой братъ, въ отдаленную Трою
 Поплылъ съ Атридомъ; мое жъ знаменитое имя Антонъ;
 Послѣ него родился я; онъ старшій и властью сильнѣйшій.

¹⁸⁵Въ Критѣ гостилъ Одиссей: и онъ мною, какъ гость, одаренъ
 былъ.

Въ Критѣ же его занесло буреносою силою вѣтра:
 Въ Трою плывя и у мыса Маллея застигнутый бурей,
 Въ устье Амнзія ввелъ онъ свой быстрый корабль и въ опасной
 Пристани сталъ близъ скалы Элеііской, богами спасенный.

¹⁹⁰Къ Идомею онъ въ городъ пришелъ, утверждая, что го-
 стемъ

Былъ онъ царю, что его почиталъ и любилъ несказанно.
 Но ужъ дней десять прошло иль одиннадцать съ тѣхъ поръ, какъ
 поплылъ

Царь въ корабляхъ крутоносыхъ въ Троянскую землю. Я при-
 нялъ

Вмѣсто царя во дворцѣ Одиссея, и мной угощенъ былъ

¹⁹⁵Онъ дружелюбно съ великою роскошью: было запасовъ

Много у насъ; и сопутники всѣ Одиссеевы хлѣбомъ,
 Собраннымъ съ міра, и огненноцвѣтнымъ виномъ и прекраснымъ
 Мясомъ быковъ угощаемы досыта были: двѣнадцать
 Дней провели богоравные люди ахейскіе съ нами:

²⁰⁰Въ море идти не пустилъ ихъ Борей, бушевавшій съ такою

Силою, что было нельзя на ногахъ устоять и на сушѣ;
 Демонъ его разъярилъ; на тринадцатый день онъ утихнулъ.
 Въ море пустились они.—Такъ неправду за чистую правду
 Онъ выдавалъ имъ. И слезы изъ глазъ ихъ лилися; какъ таетъ

²⁰⁵Снѣгъ на вершинахъ высокихъ, заоблачныхъ горъ, теплонос-
нымъ .

Эвромъ согрѣтый и прежде туда нанесенный Зефиромъ—
Имъ же растаяннымъ рѣки поливають и лютятъ быстрѣе —
Такъ по щекамъ Пенелопы прекраснымъ струею лился
Слезы печали о миломъ, предъ нею сидѣвшемъ супругѣ.

²¹⁰Онъ же, глубоко проникнутый горькимъ ея сокрушеньемъ
[Очи свои, какъ желѣзо иль рогъ неподвижные, крѣпко
Въ темныхъ рѣсницахъ сковавъ, и въ нее ихъ вперивъ, не ми-
гая],

Воли слезамъ не давалъ. И насытятся горестнымъ плачемъ,
Такъ напоследокъ ему начала говорить Пенелѡпа:

²¹⁵Странникъ, я способъ имѣю, тебя испытанью подвергнувъ,
Вывѣдать, подлинно ль ты Одиссея и спутниковъ, бывшихъ
Съ нимъ, угощаль тамъ въ палатахъ царя, какъ теперь увѣ-
ряешь.

Можешь ли мнѣ описать ты, какое въ то время носилъ онъ
Платье, каковъ онъ былъ видомъ, и кто съ нимъ сопутники
был?

²²⁰Ей отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Трудно отвѣтствовать мнѣ на вопросъ твой, царица; ужъ много
Времени съ этой поры протекло, и тому ужъ двадцатый
Годъ, какъ мою посѣтивши отчизну, супругъ твой пустился
Въ море; но то, что осталось въ памяти, вамъ расскажу я:

(²²⁵Въ мантию былъ шерстяную, пурпурнаго цвѣта, двойную
Онъ облеченъ; золотою прекрасной съ двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастеръ на бляхѣ искусство
Грознаго пса и въ могучихъ когтяхъ у него молодую
Лань изваялъ; какъ живая, она трепетала; и страшно

²³⁰Песъ на нее разъяренный глядѣлъ, и изъ лапъ порываясь
Выдраться, билась ногами она: въ изумленье та бляха
Всѣхъ приводила. Хитонъ, я примѣтилъ, носилъ онъ изъ чуд-
ной

Ткани, какъ плѣнка съ головки сушеннаго снятая лука,
Тонкой и свѣтлой, какъ яркое солнце; всѣ женщины, вида

²³⁵Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
 Я же—замѣть ты—не вѣдаю, гдѣ онъ такую одежду
 Взялъ? Надѣвалъ ли ужъ дома ее до отбѣгнiя въ Трою?
 Въ даръ ли ее получилъ отъ кого изъ своихъ при отъѣздѣ?
 Взялъ ли въ подарокъ прощальный, какъ гость? Одиссея лю-
 были

²⁴⁰Многіе люди; сравниться же мало могло съ нимъ ахеянъ.
 Мечъ мѣдноострый, двойную пурпурную мантию, съ тонкимъ,
 Спитымъ по мѣркѣ хитономъ ему подаривъ на прощаньи,
 Съ почестью въ путь проводилъ я его въ кораблѣ: вѣрно-
 зданномъ.

Съ нимъ находилса глашатай; немного постарѣ годами

²⁴⁵Былъ онъ; его и теперь описать вамъ могу я: горбатый,
 Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на тѣлѣ;
 Звали его Эвридамомъ; его всѣхъ товарищей болѣ
 Читилъ Одиссей, поелику онъ вѣдалъ, сколь былъ онъ разу-
 менъ.

Такъ говорилъ онъ. Усилилось горе въ душѣ Пенелопы:

²⁵⁰Всѣ Одиссеевы признаки ей описалъ онъ подробно.
 Горестнымъ плачемъ о миломъ, далекомъ супругѣ насытись,
 Такъ напоследокъ опять начала говорить Пенелопа:
 Странникъ, до сихъ поръ одно сожалѣнiе къ тебѣ я имѣла —
 Будешь отнынѣ у насъ ты любимъ и почтенъ несказанно.

²⁵⁵Платье, которое мнѣ описалъ ты, сама я сложила
 Въ складки, доставъ изъ ларца, и ему подала, золотою
 Бляхой украсивъ. И мнѣ ужъ его никогда здѣсь не встрѣтить
 Въ домѣ семейномъ, въ отечествѣ миломъ! зачѣмъ онъ, за-
 чѣмъ онъ

Насъ покидалъ! непріязненный Демонъ его съ кораблями

²⁶⁰Въ море увелъ, къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ
 Иліона.

Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:

О многоумная старца Икарія дочь Пенелопы,
 Нѣжной своей красоты не губи сокрушеньемъ, не сѣтуй
 Такъ безутѣшно о миломъ супругѣ. Тебя укорять я

²⁶⁵Въ этомъ не буду: нельзя не крушиться женѣ объ утратѣ
Сердцемъ избраннаго мужа, съ которымъ въ любви родились ей
Дѣти; красой же богамъ Одиссей, говорятъ, былъ подобенъ.

Ты успокойся однако и выслушай то, что скажу я:

Правду одну я скажу, ничего отъ тебя не скрывая,

²⁷⁰Все объявивъ, что узналъ о прибытіи къ вамъ Одиссея

Въ области тучной оеспотовъ, отъ здѣшнихъ береговъ не-
далёкой.

Живъ онъ; и много везетъ на своемъ кораблѣ къ вамъ со-
кровищъ,

Собранныхъ имъ отъ различныхъ народовъ; но спутниковъ
вѣрныхъ

Всѣхъ онъ утратилъ; его крутобокой корабль, виноцвѣтнымъ

²⁷⁵Моремъ отъ знойной Тринакрии плившей, Зевесъ и бле-
стящій

Геліосъ громомъ разбили своимъ за погранье священныхъ,

Солнцу любезныхъ быковъ—всѣ погибли въ волнахъ свято-
татцы.

Онъ же, схватившій оторванный киль борабля, былъ на островъ
Выброшенъ, гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы;

²⁸⁰Почетъ ему оказали они, какъ безсмертному богу;

Щедро его одарили и даже сюда безопасно

Сами хотѣли его проводить. И давно бъ ужъ въ Итакѣ

Былъ онъ; но здраво размысливши, онъ убѣдился, что прежде

Разныя земли ему для скопленья богатствъ надлежало

²⁸⁵Видѣть. Никто изъ людей земнородныхъ не могъ съ нимъ
сравниться

Въ знаніи выгодъ своихъ и въ расчетливомъ, тонкомъ раз-
судкѣ —

Такъ говорилъ мнѣ о немъ царь Федонъ благодушный, ко-
торый

Послѣ, безсмертнымъ богамъ совершивъ возліянье, поклонялся

Мнѣ, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди

²⁹⁰Въ милую землю отцовъ проводить Одиссея; меня же

Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ

*

Быль для оспротовъ, въ Дулихій обильный пшеницею шедшихъ;

Мнѣ и богатство, какое скопиль Одиссей, показаль онъ.

Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ достанется много —

²⁹⁵Столько добра имъ оставлено было царю въ сохраненье.

Самъ же, сказали, пошелъ онъ въ Додону затѣмъ, чтобъ оракуль

Темнооѣнистаго Діева дуба его научилъ тамъ,

Какъ по отсутствіи долгомъ въ отчизну, въ желанную землю

Милой Итаки ему возвратиться удобнѣе будетъ.

³⁰⁰Живъ онъ, ты видишь сама; и конечно здѣсь явится скоро;

Вѣрно теперь и отъ милыхъ своихъ и отъ родины свѣтлой

Онъ недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;

Зевсомъ, метателемъ грема, отцомъ и владыкой безсмертныхъ,

Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуса

³⁰⁵Вамъ, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я.

Прежде, чѣмъ солнце окончить свой кругъ, Одиссей возвратится;

Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,

Вступитъ онъ въ домъ свой. Ему отвѣчая, сказала царица:

Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,

³¹⁰Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпанъ

Столь изобильно, что счастью такому всѣ будутъ дивиться.

Мнѣ же не то предвѣщаетъ мое сокрушенное сердце:

Нѣтъ! и сюда Одиссей не придетъ, и тебя не отправимъ

Въ путь мы отсюда: недобрые люди здѣсь властвуютъ въ домѣ;

³¹⁵Здѣсь никого не найдется такого, каковъ Одиссей былъ,

Странниковъ всѣхъ угощавшій, и всѣмъ на прощаньи дарившій

Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,

Мантией теплой покрытую, здѣсь приготовьте, чтобъ могъ онъ

Спать, не озябнувъ, до первыхъ лучей златотронной денницы.

³²⁰Завтра жъ поутру его вы, въ купальнѣ омывши, елеемъ

Чистымъ натрите, дабы онъ опрятный за столъ съ Телемакомъ
 Съѣлъ и съ гостями обѣдалъ. И горе тому, кто обидѣтъ
 Вновь покусятъ его непристойно; ему никакого
 Мѣста впередъ здѣсь не будетъ, хотя бъ онъ и сильно озлился.
³²⁵Иначе, странникъ, повѣришь ли ты, чтобъ хоть мало отъ
 прочихъ

Женъ я возвышеннымъ духомъ и свѣтлымъ умомъ отличалась,
 Если я грязнымъ тебя и нечисто одѣтымъ за столъ нашъ
 Съѣсть допущу? Не надолго намъ жизнь достается на свѣтѣ;
 Кто здѣсь и самъ безъ любви, и въ поступкахъ любви не
 являетъ,

³³⁰Тотъ ненавистенъ, пока на землѣ онъ живетъ, и желаютъ
 Зла ему люди; отъ нихъ поносимъ онъ нещадно и мертвый;
 Кто жъ, безпорочный душой, и въ поступкахъ своихъ безо-
 роченъ —

Имя его, съ похвалою по землѣ разносимое, славятъ.
 Всѣ племена и народы, всѣ добрымъ его величаютъ.

³³⁵Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:

О многоумная старца Иварія дочь Пенелопа,
 Теплая мантия мнѣ и роскошное ложе противны
 Съ тѣхъ поръ, какъ Крита широкаго снѣгомъ покрытыя
 горы,

Въ длинновесельномъ плывя кораблѣ, изъ очей потерялъ я.

³⁴⁰Дай мнѣ здѣсь спать, какъ давно ужъ привыкъ я, на жест-
 кой постели.

Много, много ночей провалялся въ бессонницѣ тяжелой

Я, ожидая пришествія златопрестольной денницы;

Также и ногъ омовеніе мнѣ не по сердцу; по крайней

Мѣрѣ къ моимъ прикоснуться ногамъ ни одной не позволю

³⁴⁵Я изъ рабынь молодыхъ, въ Одиссеевомъ домѣ служащихъ,

Нѣтъ ли старушки, любящей заботливо службу и много

Въ жизни, какъ самъ я, и зла и добра испытавшей? Охотно

Ей прикоснуться къ моимъ съ омовеньемъ ногамъ я позволю.

Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:

³⁵⁰Странникъ, не мало до сихъ поръ гостей къ намъ изъ ближнихъ, изъ дальнихъ

Странъ приходило—умнѣй же тебя никого не случилось
Встрѣтить мнѣ; рѣчи твои всѣ весьма разсудительны. Есть
здѣсь

Въ домѣ старушка, совѣтница умная, полная добрыхъ
Мыслей; за нимъ злополучнымъ ходила она; онъ былъ ею
³⁵⁵Выкормленъ, ею въ минуту рожденія на руки принять.

Ей, хоть она и слаба, о тебѣ поручу я заботу; .
Встань, Эвриклея, моя дорогая разумница; вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; съ нимъ же,
Можетъ быть, сходенъ и видомъ ужъ сталъ Одиссей, изнурен-
ный

³⁶⁰Жизнiю трудной: въ несчастiи люди старѣются скоро.

Такъ говорила она; Эвриклея закрыла руками
Очи, но слезы пробились сквозъ пальцы; она возопила:
Свѣтъ мой, дитя мое милое, гдѣ ты? За что же Кронiонъ
Такъ на него, столь покорнаго волѣ боговъ, негодуешь?

³⁶⁵Кто жъ изъ людей передъ громоигрателемъ Зевсомъ такіа
Тучныя бедра быковъ сожигалъ, и ему экатомбы
Такъ приносилъ изобильно, моля, чтобъ онъ свѣтлую старость
Далъ ему дома провести, разцвѣтающимъ радуясь сыномъ?
Были напрасны молитвы; навѣки утратилъ возвратъ онъ.

³⁷⁰Горе! быть можетъ теперь, никому не родной, на чужбинѣ,
Гдѣ нибудь, впущенный въ домъ богача, онъ отъ глупыхъ слу-
жанокъ

Встрѣченъ такой же тамъ бранью, какою былъ отъ этихъ со-
бакъ ты,

Странникъ, обиженъ; за то и не хочешь имъ дерзкимъ позво-
лить

Ноги омыть у тебя. То однако порядкомъ исполнить

³⁷⁵Мнѣ повелѣла моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сдѣлаю все, и не волю одну госпожи исполняя,
Нѣтъ! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:

Странниковъ бѣдныхъ немало въ нашъ домъ приходило; но
сердце

³⁸⁰Мнѣ говорить, что изъ нихъ ни одинъ [съ удивленьемъ смо-
трю я]

Не былъ такъ голосомъ, ростомъ, ногами, какъ ты, съ Одиссе-
емъ

Сходенъ. Сказала. Ей такъ отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
Правда, старушка, и самъ отъ людей я, которымъ обоихъ
Насъ повстрѣчать удавалось, слыхаль, что во многомъ другъ
съ другомъ

³⁸⁵Мы удивительно сходны, какъ то мнѣ и ты говоришь здѣсь.

Такъ отвѣчалъ онъ. Сіяющій тазъ, для мытья ей служившій

Ногъ, принесла Эвриклея; и свѣжей водою двѣ трети

Таза наполнивъ, ее долила кипяткомъ. Одиссей же

Сѣлъ къ очагу; но лицомъ обернулся онъ къ тѣни, понеже

³⁹⁰Думаль, что за ногу взявши его, Эвриклея знакомый

Можетъ увидѣть рубецъ, и тогда вся откроется разомъ

Тайна. Но только она подошла къ господину, рубецъ ей

Бросился прямо въ глаза. Разъяреннаго вепря клькомъ онъ

Раненъ былъ въ ногу тогда, какъ пришелъ посѣтить на Пар-
нассѣ

³⁹⁵Автоликона, по матери дѣда [съ его сыновьями],

Славнаго хитрымъ притворствомъ и клятвъ нарушеніемъ — Эр-
мій

Тѣмъ дарованьемъ его наградилъ, поелику онъ много

Бедръ отъ овецъ и отъ козъ приносилъ благосклонному богу.

Автоликонъ, посѣтивъ плодоносную землю Итаки,

⁴⁰⁰Новорожденнаго сына у дочери милой нашель тамъ.

Выждавъ, когда онъ окончитъ свой ужинъ, ему на колѣна

Внука пришла положить Эвриклея. Она тутъ сказала:

Автоликонъ, богоданному внуку ты выдумать долженъ

Имя, какое угодно тебѣ самому: ты усердно

⁴⁰⁵Зевса о внукѣ молилъ. То принявъ предложенье, сказалъ онъ

Зятю и дочери: вашему сыну готово ужъ имя;

Васъ посѣтитъ собираясь, я разсерженъ несказанно

Многими былъ изъ людей, населяющихъ тучную землю;
 Пусть назовется мой внучъ Одиссеемъ; то значить: сердиты й.
⁴¹⁰Если жъ когда онъ, достигнувши мужескихъ лѣтъ, пожелаетъ
 Дѣдовскій домъ посѣтити на Парнасѣ, гдѣ наша обитель,
 Будетъ онъ мной угощенъ и съ богатымъ отпущенъ подаркомъ.
 Внучъ возмужалъ и пришелъ за подаркомъ обѣщаннымъ къ дѣду.
 Автоликонъ съ сыновьями своими его благосклонно
⁴¹⁵Встрѣгилъ рукѣ пожиманьемъ и сладколаскательнымъ сло-
 вомъ;

Бабка жъ его Амфитея въ слезахъ у него цѣловала
 Очи и руки и голову, громко рыдая. Богатый
 Пиръ приказалъ сыновьямъ многославнымъ своимъ приготовить
 Автоликонъ. И они, исполняя родителя волю,
⁴²⁰Тотчасъ пригнать повелѣли быка пятилѣтняго съ поля;
 Голову снявши съ быка и его распластавши, на части
 Мясо они разрубили, и части, взоткнувъ ихъ на вертелъ,
 Начали жарить; изжаривъ же, ихъ разнесли по порядку.
 Сидя они за обѣдомъ, весь день до вечерняго мрака
⁴²⁵Бли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
 Солнце тѣмъ временемъ сѣло и ночь наступила; о ложѣ
 Каждый подумалъ и сна благодать ниспослалъ имъ боги.
 Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
 Автоликоновы всѣ сыновья, на охоту собравшись,
⁴³⁰Скликали быстрыхъ собакъ. Сынъ Лаэртонъ отправился съ
 ними.

Долго они по вртуому, покрытому лѣсомъ, Парнаксу
 Шли; напоследокъ достигли глубовихъ, вѣтристыхъ ущелій;
 Геліосъ только что началъ поля озарять, подымаясь
 Тихо съ глубовихъ, ліющихся медленно водъ Океана;
⁴³⁵Въ дикую дебрь углубились охотники всѣ; передъ ними,
 Слѣдъ открывая, бѣжали собаки; съ собаками вмѣстѣ
 Автоликоновы дѣти и сынъ многославный Лаэртонъ
 Быстро бѣжали, имѣя въ рукахъ длиннотѣнная боця.
 Страшноогромный кабанъ тамъ скрывался, въ кустахъ закопан-
 шись

440 Дикихъ; въ тѣнистую глубь ихъ проникнуть не могъ ни холод-
ный,

Сыростью дышущій вѣтеръ, ни Геліосъ знойноблестящій;
Даже и дождь не пронзалъ ихъ вѣтвистаго свода—такъ густо
Были они сплетены; и скопилось тамъ много опадшихъ
Листьевъ. Когда же приблизился шумъ отъ собакъ и отъ лов-
чихъ,

445 Быстро бѣжавшихъ, кабанъ имъ на встрѣчу изъ дикаго лога
Прянулъ; щетину встопорщивъ, ужасно сверкая глазами,
Онъ заступилъ имъ дорогу; и первый къ нему подбѣжавшій
Былъ Одиссей. Онъ копье длинноострое поднялъ, готовый
Звѣря пронзить; но успѣлъ Одиссею поранить колѣно

450 Острымъ клыкомъ разъяренный кабанъ; и онъ выхватилъ
много

Мяса, нагнавши бѣшено съ боку, но кость уцѣлѣла.
Въ правое звѣрю плечо боевое копье сынъ Лаэртговъ
Сильно всадилъ; и плечо проколовъ, остриемъ на другой бокъ
Вышло копье; повалился кабанъ и душа отлетѣла.

455 Автоликоновы дѣти убитаго звѣря велѣли
Должнымъ порядкомъ убрать и потомъ Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бѣжавшую сильно,
Заговорили. И всѣ напоследокъ къ отцу возвратились.
Автоликонъ и его сыновья Одиссея, отъ раны

460 Давъ изцѣлиться ему, и его одаривши богато,
Сердцемъ веселаго, сами веселые, съ миромъ послали
Въ землю Итаки; отецъ и разумная мать несказанно
Были его возвращенію рады; они распросили
Сына подробно о ранѣ, и онъ рассказалъ по порядку,

465 Какъ на Парнассѣ ловитвой звѣрей веселясь съ сыновьями
Автоликона, онъ впрямь влчистымъ былъ раненъ въ колѣно.

Эту-то рану узнала старушка, ощупавъ руками
Ногу; отдернула руки она въ изумленье; упала
Въ тазъ, опустившись, нога; отъ удара ея зазвенѣла

470 Мѣдъ, покачулся водою наполненный тазъ, пролилася
На полъ вода. И веселье и горе проникли старушку;

Очи отъ слезъ затуманились, ей не покорствовалъ голосъ.

Сжавъ Одиссею рукой подбородокъ, она возгласила:

Ты Одиссей! ты мое золотое дитя! и тебя я

⁴⁷⁵Прежде, пока не оцупала этой ноги, не узнала!

Кончивъ, она на свою госпожу обратила послѣшно

Взоры, чтобъ ей возвѣстить возвращеніе милого мужа.

Та жъ не могла ничего, обратяся глазами въ другую

Сторону, видѣть: Паллада ея овладѣла вниманьемъ.

⁴⁸⁰Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло

Няню свою, а другою ее подойти приневоливъ

Ближе къ нему, прошептала ей: ни слова! меня ты погубишь;

Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпѣвши немало,

Волей боговъ возвратился я въ землю отцовъ черезъ двадцать

⁴⁸⁵Лѣтъ. Но—ужъ если твои для узнанія тайны открылись

Очи—молчи! и чтобъ въ домѣ никто обо мнѣ не провѣдалъ!

Иначе, слушай—и то, что услышишь, исполнится вѣрно—

Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,

Здѣсь и тебя я щадить, хотъ тобой и воспитанъ, не стану

⁴⁹⁰Въ часъ тотъ, когда надъ рабынями строгій мой судъ со-
вершится.

Сыну Лаэртovu такъ, отвѣчая, сказала старушка:

Странное слово изъ устъ у тебя, Одиссей, излетѣло;

Вѣдаешь самъ ты, какъ сердцемъ тверда я, какъ волей упорна:

Все сохраняю, постояннѣй, чѣмъ камень, длѣй, чѣмъ желѣзо;

⁴⁹⁵Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про себя, что услы-
шишь.

Если Зевесъ истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ;

Всѣхъ назову я рабынь, обитающихъ здѣсь, чтобъ межъ ними

Могъ отличить ты худыхъ и порочныхъ отъ добрыхъ и чест-
ныхъ.

Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:

⁵⁰⁰Нѣтъ, Эвриклея, ихъ мнѣ называть не трудись понапрасну;

Самъ все увижу и буду умѣть все подробно развѣдать.

Только молчи. Произволу боговъ предадимъ остальное.

Такъ говорилъ Одиссей; и послѣшно пошла Эвриклея

Теплой воды принести, поелику вся прежняя на полъ
⁵⁰⁵Выдilasь. Вымывъ и чистымъ елеемъ умаслившн ноги,
 Снова скамейку свою Одиссей пододвинулъ къ жаровнѣ;
 Сѣвъ къ ней, чтобъ грѣться, рубецъ свой отрешьями рубища
 скрылъ онъ.

Умная такъ, обратясь къ нему, Пенелопа сказала:
 Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу, отвѣчай мнѣ:
⁵¹⁰Скоро наступитъ пора насладиться покоемъ; и счастливы
 Тотъ, на кого и печальнаго сонъ миротворный слетаетъ.
 Мнѣ жъ несказанное горе послалъ непріязненный Демонъ;
 Днемъ, сокрушаясь и сѣтуя, душу свою подгрѣвляю
 Я рукодѣльемъ, хозяйствомъ, присмотромъ за дѣломъ служа-
 ноемъ;

⁵¹⁵Ночью жъ, когда все утихнетъ и всѣ вокругъ меня, погру-
 зившись

Сладостно въ сонъ, отдыхаютъ безопасно, одна я, тревогой
 Мучась, въ бессонницѣ тяжелой сижу на постели и плачу.

Плачетъ Анда, Пандарова дочь блѣдноликая, плачетъ;

Звонкую пѣсню она заунывно съ началомъ весеннихъ

⁵²⁰Дней благовонныхъ поетъ, одиноко таясь подъ густыми

Сѣнями рощи, и жалобно льется рыдающій голосъ;

Плача, Итилосо милаго, сына Цетосова, мѣдью

Острой нечаянно ею сраженнаго, мать помпнаетъ.

Такъ, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать—

⁵²⁵Съ сыномъ ли милымъ остаться, смотря за хозяйствомъ, за
 свѣтлымъ

Домомъ его, за работой служанокъ, за всѣмъ достояннемъ,

Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?

Иль наконецъ предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усерднѣй

Брага желаетъ со мной и щедрѣ дары мнѣ приносить?

⁵³⁰Сынъ же, покуда онъ отрокомъ былъ неразумнымъ, раз-
 статься

Съ матерью нѣжной не могъ, и супружескій домъ мнѣ по-
 кинуть

Самъ запрещалъ; но теперь онъ, ужъ мужеской силы достигнувъ,

Требуешь самъ отъ меня, чтобъ изъ дома я вышла немедля;
 Онъ огорчается, видя, какъ наше имущество грабятъ.
⁵³³Ты же послушай: я видѣла сонъ; мнѣ его растолкуй ты;
 Двадцать гусей у меня есть домашнихъ; кормлю ихъ пшеницей;
 Видѣть люблю, какъ они, на водѣ полоскаясь, играютъ.
 Снилось мнѣ, что съ горы прилетѣвшій орелъ крутоносый,
 Шею свернувъ имъ, ихъ всѣхъ заклевалъ, что въ простран-
 ной столовой

⁵⁴⁰Мертвые были они на полу всѣ разбросаны; самъ же
 Въ небо умчался орелъ. И во снѣ я стонала и горько
 Плакала; вмѣстѣ со мною и много прекрасныхъ ахейскихъ
 Женъ о гусяхъ, умерщвленныхъ могучимъ орломъ, сокруша-
 лось.

Онъ же, назадъ прилетѣвъ и спустясь на высокую кровлю

⁵⁴⁵Царскаго дома, сказалъ человѣческимъ голосомъ внятно:
 Старца Иварія умная дочь, не крушись, Пенелопа.
 Видишь не сонъ мимолетный, событіе вѣрное видишь;
 Гуси—твои женихи, а орелъ, ихъ убить прилетавшій
 Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами

⁵⁵⁰Нынѣ тебѣ возвращенный, твоимъ женихамъ на погибель.

Такъ онъ сказалъ мнѣ и въ это мгновенье мой сонъ прекра-
 тился;

Я осмотрѣлась кругомъ: на дворѣ, я увидѣла, гуси
 Всѣ на лицо; и толпяся къ корыту, клюютъ тамъ пшеницу.
 Умной супругѣ своей отвѣчалъ Одиссей богоравный:

⁵⁵⁵Сонъ, государыня, твой толковать бесполезно: онъ ясенъ
 Самъ по себѣ; сокровеннаго нѣтъ въ немъ значенья; и если
 Самъ Одиссей предсказалъ женихамъ ихъ погибель—погибнуть
 Всѣ; ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.
 Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртovu сыну:

⁵⁶⁰Странникъ, конечно бываютъ и темные сны, изъ которыхъ
 Смысла нельзя намъ извлечь; и не всякій сбывается сонъ нашъ.
 Создано двое воротъ для вступленія снамъ безтѣлеснымъ
 Въ міръ нашъ: одни роговыя, другія изъ кости слоновою;
 Сны, проходящіе къ намъ воротами изъ кости слоновою,

⁵⁶⁵Лживы, несбыточны, вѣрять никто изъ людей имъ не долженъ;

Тѣ же, которые въ мѣръ роговыми воротами входятъ,
Вѣрны; сбываются всѣ приносимыя имъ видѣнья.

Но не изъ этихъ воротъ мой чудесный, я думаю, вышелъ
Сонъ—сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.

⁵⁷⁰Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:

Завтра наступитъ онъ, день ненавистный, въ который погнупуть

Домъ Одиссеевъ принудять меня; предложить имъ стрѣлянье
Изъ лука въ кольца хочу я: супругъ Одиссей здѣсь двѣнадцать
Съ кольцами ставилъ бывало жердей, и тѣ жерди не близко

⁵⁷⁵Ставилъ одну отъ другой, и стрѣлой онъ пронизывалъ кольца
Всѣ. Ту игру женихамъ предложить я теперь замышляю;
Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ [ихъ не тронувъ]
двѣнадцать

Кольцо, я съ тѣмъ удаюся изъ этого милаго дома,

⁵⁸⁰Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.

Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:

О многоумная старца Иварія дочь Пенелопа,

Этой игры, мой совѣтъ, не должна ты откладывать. Вѣрь мнѣ,

⁵⁸⁵Въ домъ своею Одиссей многохитростный явится прежде

Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкій

Лукъ, тетивою натянетъ его и сквозь кольца прострѣлитъ.

Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртovu сыну:

Если бѣ ты, странникъ, сомною всю ночь согласился въ палатѣ

⁵⁹⁰Этой сидѣть и меня веселить разговоромъ, на умъ бы

Сонъ не пришелъ мнѣ: но вовсе безъ сна оставаться намъ
слабымъ

Смертнымъ не должно. Здѣсь всѣмъ намъ, землей многодарной кормимымъ,

Боги безсмертныя мѣру особую каждому дали.

Время однако на верхъ мнѣ уйти, чтобъ лежать одиноко
⁵⁹⁵Тамъ на постели, печалью перестланной, горькимъ потокомъ
 Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ супругъ мой от-
 сюда

Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
 Тамъ отдохну я, а ты почевать, иноземець, останься
 Здѣсь; и ложись на постелю иль на полъ, какъ самъ пожела-
 лаешь.

⁶⁰⁰Такъ Пенелопа сказавши, пошла по ступенямъ высокимъ
 Вверхъ—не одна, всѣ рабыни за нею пошли; и въ покоѣ
 Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служа-
 нокъ

Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
 Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аенна.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

НОЧЬ СЪ ТРИДЦАТЬ ОСЬМАГО НА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ. УТРО И
 ПОЛДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ДНЯ.

Одиссей ложится спать въ сѣняхъ; жалобы Пенелопы его пробуж-
 даютъ. Добрыя знаменія. Столовую готовятъ къ пиру. Являют-
 ся сперва Эвмей, потомъ Мелантій, который опять оскорбляетъ Оди-
 сея, и наконецъ Филотій, смотрящій за стадами коровъ. Знаменіе
 удерживаетъ жениховъ, имѣвшихъ намѣреніе умертвить Телемаха.
 За столомъ Ктезиппъ оскорбляетъ Одиссея. Чувства жениховъ при-
 ходять въ разстройство; Теоклимень предсказываетъ имъ близкую
 гибель.

Тутъ приготовилъ въ сѣняхъ для себя Одиссей богоравный
 Ложе изъ кожи воловьей, еще недубленной; покрывши
 Кожу овчинами многихъ овецъ, женихами убитыхъ,
 Легъ онъ; и теплымъ покровомъ его Эвриклея одѣла.

⁵Тамъ Одиссей, женихамъ истребленіе въ мысляхъ готова,
 Глазъ не смыкая, лежалъ. Въ ворота, онъ увидѣлъ, служанки,
 Жившія въ тайной любви съ женихами, толпой побѣжали,

Съ хохотомъ громкимъ, болтая, шума и крича непристойно.
 Вся его внутренность пламенемъ гнѣва зажглась несказаннымъ.
¹⁰Долго не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, что дѣ-
 лать —

Встать ли, и вслѣдъ за безстыдными бросившись, всѣмъ умерт-
 вить ихъ?

Или остаться, давъ волю въ послѣдній имъ разъ съ женихами
 Свидѣться? Сердце же злилось его; какъ рычить, оценившись,
 Злобная сука, шенятокъ своихъ защищая, когда ихъ

¹⁵Кто незнакомый беретъ, и за нихъ покушаться готовясь,
 Такъ на безстыдницъ его раздраженное сердце роптало.

Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:

Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло

Въ логѣ циклопа, въ то время, когда пожиралъ беспощадно

²⁰Спутниковъ онъ злополучныхъ моихъ—и терпѣнье разсудку
 Выходъ изъ страшной пещеры для насъ погибавшихъ открыло.

Такъ усмиралъ онъ себя, обращая къ милому сердцу.

Милое сердце ему покорилось, и снова терпѣнье

Въ грудь пролилося его; но ворочался съ боку онъ на бокъ.

²⁵Какъ на огнѣ, разгорѣвшемся ярко, ворочаютъ полный

Жиромъ и кровью желудокъ туда и сюда, чтобъ отсюда

Могъ быть онъ сочно и вкусно обжаренъ, огнемъ неприжжен-
 ный,

Такъ на постели ворочался онъ, безпрестанно тревожась

Въ мысляхъ о томъ, какъ ему одному съ жениховъ многосиль-
 ной

³⁰Шайкою сладить. Къ нему подошла тутъ Паллада Аѳина,

Съ неба слетѣвшая въ видѣ молодой, разцѣвтающей дѣвы.

Тихо къ его изголовью приближась, богиня сказала:

Что же не спишь ты, изъ всѣхъ земнородныхъ несчастнѣйшій?

Развѣ

Это не домъ твой? Не вѣрною ль въ домѣ ты встрѣченъ женою?

³⁵Сынъ же таковъ твой, что всякій ему бы отцомъ захотѣлъ
 быть.

Свѣтлой богинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:

Истину ты говоришь мнѣ, богиня; но сердцемъ я крѣпко
 [Въ томъ принужденъ предъ тобой повиниться] тревожусь, не
 зная,

Буду ли въ силахъ одинъ съ жениховъ многочисленной шайкой
⁴⁰Сладить? Они всей толпою всегда собирутся въ домѣ.

Но и другою тревогой мое озабочено сердце:

Если по волѣ твоей и Кроніона всѣхъ истреблю я —

Какъ мнѣ спастися отъ мщенья родни ихъ? Подумай объ этомъ.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аенна ему отвѣчала:

⁴⁵Ты, маловѣрный! надѣются жъ люди въ бѣдѣ и на слабыхъ
 Смертныхъ, ни дѣломъ помочь, ни совѣта подать неспособныхъ —

Я же богиня, тебя неизмѣнно всегда отъ напасти

Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:

Если бы вдругъ пятьдесятъ изъ засады на двухъ насъ напало

⁵⁰Ратей, чтобъ намъ совокупно погибель устроить — при нихъ
 же

Мы бы похитили козъ ихъ, овецъ и быковъ круторогихъ.

Спи, ни о чемъ не тревожась; несносно лежать на постели,

Глазъ не смыкая; твои же напасти окончатся скоро.

Съ этими словами богиня ему затворила дремотой

⁵⁵Очи, потомъ на Олимпъ улетѣла. И всѣхъ усладитель

Нашихъ тревогъ, разрѣшающій сладко усталые члены,

Сонъ овладѣлъ имъ. Супруга жъ его, отъ тревоги проснувшись,

Сѣла бессонная въ горькихъ слезахъ на постели; слезами

Вдоволь свою сокрушенную грудь утоливъ, громогласно

⁶⁰Стала она призывать Артемиду и такъ ей молилась:

О Артемида, богиня великая, дочь громовержца,

Тихой стрѣлою твоею меня порази, и изъ тѣла

Выведи душу мою. О! когда бы меня ухватила

Буря и мглистой дорогой со мною умчалася въ край тотъ,

⁶⁵Гдѣ начинается свой путь Океанъ, круговратно бѣгущій!

Были жъ Пандоровы дочери схвачены бурей. Боги

Мать и отца погубили у нихъ; сиротами остались

Въ домѣ семейномъ онѣ; Афродита богиня питала

Ихъ молокомъ, сладкотающимъ медомъ, виномъ благовоннымъ;

70 Ира дала имъ, отъ всѣхъ отличая ихъ дѣвъ земнородныхъ,
 Умъ и красу; Артемида плѣнительной стройностью стана
 Ихъ одарила; Аенна ихъ всѣмъ научила искусствамъ.
 Но, когда на высокій Олимпъ вознеслась Китерея
 Тамъ умолять, чтобъ супружества счастье далъ непорочнымъ
 75 Дѣвамъ Зевесъ громолюбецъ, который, все вѣдая въ мірѣ,
 Благо и зло земнороднымъ по волѣ своей посылаетъ —
 Гнусныя Гарпіи, дѣвъ беззащитныхъ похитя, ихъ въ руби
 Предали грозныхъ Эринній, чудовищамъ въ рабство. О! если бѣ
 Такъ и меня Олимпійскіе боги съ земли во мгновенье
 80 Сбросили! если бѣ меня, съ Одиссеемъ въ душѣ, Артемида
 Свѣтлоудрявая въ темную вдругъ затворила могилу
 Прежде, чѣмъ быть мнѣ подругою мужа, противнаго сердцу!
 Но и тяжелыя скорби становятся легче, когда мы
 Въ горькихъ слезахъ, въ сокрушеніи сердца день цѣлый про-
 ведши,

85 Ночью въ объятія сна предаемся—мы все забываемъ,
 Зло и добро, лишь воснется очей онъ цѣлбной рукою;
 Мнѣ же и сонъ мой терзаетъ видѣньями страшными Демонъ;
 Видѣлось мнѣ, что лежалъ близъ меня несказанно съ нимъ
 сходный,

Самый тожъ образъ имѣвшій, какой онъ имѣлъ, удаляясь;

90 Я веселилась; я думала: это не сонъ—и проснулась.

Такъ говорила она. Поднялась златовласая Эось.

Жалобы плачущей въ слухъ Одиссеевъ входили; и слыша
 Ихъ, онъ подумалъ, что ею былъ узнанъ; ему показалось
 Даже, что образъ ея надъ его изголовьемъ летаетъ.

95 Сбросивъ покровъ и овчины собравъ, на которыхъ лежалъ
 онъ,

Всѣ ихъ сложилъ Одиссей на скамейкѣ, а кожу воловью
 Вынесъ на дворъ. Тутъ къ Зевесу онъ подыалъ съ молитвою
 руки:

Если, Зевесъ, нашъ отецъ, ты меня, и землей и водою
 Въ домъ мой [хотя и подвергнулъ напастямъ] привелъ не-
 вредимо;

¹⁰⁰Дай, чтобъ отъ перваго, кто здѣсь проснется, мной вѣщее слово

Было услышано; самъ же мнѣ знаменемъ сердце обрадуй.
Такъ говорилъ онъ, молясь, и Кроніонъ молитву услышалъ:
Страшно ударившимъ громомъ изъ звѣзднобезтучнаго неба
Зевсъ отвѣчалъ. Пренеполнилась радостью грудь Одиссея.

¹⁰⁵Слово же первое онъ отъ рабыни, молвшей на царской
Мельницѣ близкой, услышалъ; на мельницѣ этой двѣнадцать
Было рабынь и вседневно отъ ранняго утра до поздней
Ночи ячмень и пшено тамъ онѣ для домашнихъ мололи.
Спали другія, всѣ кончивъ работу; а эта, слабѣе

¹¹⁰Прочихъ, проснулася ранѣ, чтобъ трудъ довершить него-
товый.

Жерновъ покинувъ, сказала она [и пророчество было
Въ словѣ ея Одиссею]: Зевесъ, нашъ отецъ и владыка,
На небѣ нѣтъ облаковъ и его наполняютъ, сверкая,
Звѣзды, а громъ твой гремитъ, всемогущій! Кому посылаешь

¹¹⁵Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится нынѣ
Слово мое: да послѣднимъ въ жилищѣ царя Одиссея
Будетъ сегодншній пиръ жениховъ многобуйныхъ! Колѣна
Мы сокрушили свои непрерывной работой, обжорству
Ихъ угождалъ—да нынѣшнимъ кончатся всѣ здѣсь пиры ихъ!

¹²⁰Такъ говорила рабыня; былъ радъ Одиссей прорипанью
Грома и слова, и въ сердцѣ его утвердилась надежда.
Тутъ Одиссеева дома рабыни сошлись изъ разныхъ
Горницъ и жаркій огонь на большомъ очагѣ запалили.
Ложе покинулъ свое и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;

¹²⁵Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ по-
вѣсилъ;

Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Взялъ боевое копье, лучезарно блестящее мѣдью;
Такъ онъ вступилъ на порогъ, и сказалъ, обратясь къ Эвриклеѣ:
Няня, доволенъ ли былъ угощеніемъ странникъ? Покойно ль

¹³⁰Спалъ онъ? Иль вы не хотѣли о немъ и подумать? Обычай
Матери милой я знаю: хотя и разумна, а часто

Между людьми иноземными худшему почести всякой
 Много окажетъ, на лучшаго жъ вовсе и взгляда не броситъ.
 Такъ говорилъ Телемакъ. Эвриклея ему отвѣчала:
⁴³⁵Ты понапрасну, дитя, невинovou мать обвиняешь;
 Съ нею сидѣ, здѣсь виномъ утѣшался онъ, сколько угодно
 Было душѣ; но не ѣлъ, хоть его и просили. По горло
 Сытъ я, сказалъ. А когда онъ подумалъ о снѣ и постели,
 Мягкое ложе она приготовить велѣла рабынямъ;
⁴⁴⁰Онъ же напротивъ, какъ жалкій, судьбою забытый бродяга,
 Спать на пуховой постели, покрытой ковромъ, отказался;
 Кожу воловью постлалъ на полу и, овчинъ положивши
 Сверху, улегся въ сѣняхъ; я покрыла его одѣяломъ.
 Такъ Эвриклея сказала. Тогда Телемакъ изъ палаты
⁴⁴⁵Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нпмъ побѣжали собаки.
 На площадь, главное мѣсто собранья ахеянъ, пошелъ онъ.
 Тутъ всѣхъ рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
 Имъ Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
 Всѣ на работу! однѣ за метлы, и проворнѣе выместъ
⁴⁵⁰Горницы, вспырснувъ полы; на скамейки, на кресла и стулья
 Пестропурпурныя ткани постлатъ; воздреватою губкой
 Начисто вымыть столы; всполоснуть пировыя кратеры;
 Чаши глубокия, кубки двудонныя вымыть. Другія жъ
 Всѣ за водою къ ключу и скорѣе назадъ, поелику
⁴⁵⁵Нынѣшній день женихи не замедлятъ приходомъ, напротивъ
 Ранѣе всѣ соберутся: мы праздникъ готовимъ великій.
 Такъ Эвриклея сказала. Ея повинуюся волѣ,
 Двадцать рабынь побѣжали на ключъ темноводный; другія
 Начали горницы всѣ прибирать и посуду всю чистить.
⁴⁶⁰Скоро прислали и слугъ женихи: за работу принявшись,
 Стали они топорами полѣнья колоть. Воротились
 Съ свѣжей рабыни водой отъ ключа. Свинопасомъ Эвмеемъ
 Пригнаны были три борова, самые жирные въ стадѣ:
 Заперли ихъ въ окруженную чистымъ заборомъ заграду.
⁴⁶⁵Самъ же Эвмей, подошедъ къ Одиссею, спросилъ друже-
 любно:

*

Странникъ, учтивѣ ль стали съ тобой Телемаковы гости?
 Иль по-вчерашнему въ домѣ у насъ на тебя нападаютъ?
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Добрый Эвмей, да пошлютъ всемогущіе боги Олимпа
¹⁷⁰Имъ воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, съ какою
 Здѣсь, не стыдяся, они расхищаютъ чужое богатство!
 Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
 Къ нимъ подошелъ козоводъ, за козами смотрящій, Мелантій;
 Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ
 жирно,
¹⁷⁵Въ городъ пригналъ онъ, гостямъ на обѣдъ; съ нимъ то-
 варицей было
 Двое. И козъ привязавшъ подъ кровлей сѣней многозвучныхъ,
 Такъ Одиссею сказалъ, имъ ругаяся, дерзній Мелантій:
 Здѣсь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
 Дать намъ вздохнуть; мой совѣтъ, убирайся отсюда скорѣе;
¹⁸⁰Иль и со мной у тебя напоследокъ дойдетъ до расправы;
 Можешь тогда и моихъ кулаковъ ты отвѣдать, ты слишкомъ
 Сталъ ужъ докученъ; не въ этомъ лишь домѣ бывають обѣды.
 Кончилъ. Ему Одиссей ничего не отвѣтствовалъ; только
 Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
¹⁸⁵Третій тутъ главный пастухъ подошелъ къ нимъ, коров-
 никъ Филотій;
 Козъ онъ отборныхъ привелъ съ нетелившейся жирной ко-
 ровой.
 Въ городъ же ихъ привезли на судахъ перевозчики, всѣхъ тамъ,
 Кто нанималъ ихъ, возившіе моремъ рабочіе люди.
 Козъ и корову Филотій оставилъ въ сѣняхъ многозвучныхъ;
¹⁹⁰Самъ же, приближась къ Эвмею, спросилъ у него дружелобно:
 Кто чужеземецъ, тобою недавно, Эвмей, приведенный
 Въ городъ? Къ какому себя причисляетъ онъ племени? Гдѣ онъ
 Домъ свой отцовскій имѣеть? Въ какой сторонѣ онъ родился?
 Съ виду онъ бѣдный скиталецъ, но царственный образъ имѣеть.
¹⁹⁵Боги бездомно-бродящихъ людей унижаютъ жестоко;
 Но и могучимъ царямъ испытанья они посылають.

Тутъ къ Одиссею, привѣтствіе правою сдѣлавъ рукою,
 Ласково онъ обратился и бросилъ крылатое слово:
 Радуйся, добрый отецъ чужеземецъ; теперь нишетоу
 200 Ты удрученъ—но пошлютъ наконецъ и тебѣ изобиліе
 Боги. О Зевс! ты безжалостнѣй всѣхъ, на Олимпѣ живущихъ!
 Нѣтъ состраданья въ тебѣ къ человѣкамъ; ты самъ, нашъ
 создатель,

Насъ предаешь безпощадно бѣдѣ и грызущему горю.
 Потомъ прошибло меня и въ глазахъ потемнѣло, когда я
 205 Вспомнилъ, взглянувъ на тебя, о царѣ Одиссеѣ: какъ ты, онъ
 Можетъ быть бродить въ такихъ же лохмотьяхъ, такой же
 бездомный.

Гдѣ онъ, несчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
 Или его ужъ не стало и въ область Аида сошелъ онъ?
 О благодушный, великій мой царь! надъ стадами коровъ ты
 210 Здѣсь въ сторонѣ Кефаленской меня молодого поставилъ.
 Много теперь расплодилось ихъ; нѣтъ никого здѣсь другаго,
 Кто бы имѣлъ столь великое стадо коровъ крѣпколобыхъ.
 Горе! я самъ приневоленъ сюда ихъ водить на погранье
 Этимъ грабителямъ. Сына они притѣсняють въ отцовомъ
 215 Домѣ; боговъ наказанье не страшно имъ; между собою
 Все раздѣлить ужъ богатство царя отдаленнаго мыслятъ.
 Часто мнѣ замысль въ милое сердце приходитъ [хотя онъ,
 Правду сказать, и невовсе похваленъ: есть въ домѣ наслѣдникъ],
 Замысль въ землю чужую со стадомъ моимъ къ иноземнымъ
 220 Людямъйти. Несказанное горе мнѣ, здѣсь оставаясь,
 Царскихъ прекрасныхъ коровъ на убой отдавать имъ; давно бы
 Эту повинулъ я землю, гдѣ столько неправды творится;
 Стадо уведши съ собою, къ иному царю перешелъ бы
 Въ службу—но вѣрится все мнѣеще, что воротится въ домъ свой
 225 Онъ, нашъ желанный; и всѣхъ ихъ, грабителей, разомъ
 погубить.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Видно порода твоя не простая, мой честный коровникъ,
 Сердцемъ я вижу, ты вѣренъ, и здравый имѣешь разумокъ;

Радость за то объявляю тебѣ и клянуса великой
²³⁰Клятвой, Зевесомъ отцомъ, гостелюбною здѣшной трапезой,
 Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуса
 Вамъ, что еще ты отсюда уйти не успѣешь, какъ самъ онъ
 Явится; можешь тогда ты своими глазами увидѣть,
 Если захочешь, какой съ женихами расчетъ поведетъ онъ.
²³⁵Кончилъ. Ему отвѣчалъ пастуховъ повелитель Филотій:
 Если ты правду сказалъ, иноземецъ [и Дій да исполнить
 Слово твое], то и я, ты увидишь, не празденъ останусь.
 Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая,
 Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
²⁴⁰Такъ говорили о многомъ они, отъ другихъ въ отдаленн.
 Тою порой женихи, согласившись предать Телемака
 Смерти, сходились; но въ это мгновеніе слѣва поднялся
 Быстрый орелъ, и въ когтяхъ у него трепетала голубка.
 Знаменемъ въ страхъ приведенный, сказалъ Анфпномъ бла-
 городской:
²⁴⁵Замыселъ нашъ умертвить Телемака, друзья, по желанью
 Намъ не удастся исполнить. Подумаемъ лучше о пирѣ.
 Такъ онъ сказалъ; подтвердили его предложеніе другіе.
 Всѣ они вмѣстѣ пошли, и когда въ Одиссеевъ вступили
 Домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,
²⁵⁰Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огром-
 ныхъ,
 Жирныхъ свиней убивать; и корову зарѣзали также.
 Были изжарены прежде одни потроха и въ кратеры
 Влито съ водою вино. Свинопасъ двоеручные кубки
 Подалъ, потомъ и въ прекрасныхъ корзинахъ коровникъ Филотій
²⁵⁵Хлѣбы разнесъ; а Мелантій виномъ благовоннымъ наполнилъ
 Кубки. И подняли руки они къ приготовленной пищѣ.
 Но Одиссею, съ намѣреніемъ хитрымъ въ умѣ, на порогѣ
 Двери широкой велѣлъ Телемакъ помѣститься; подвинувъ
 Къ ней небольшую, простую скамейку и низенькій столикъ,
²⁶⁰Часть потроховъ онъ принесъ, золотой благовоннымъ на-
 полнилъ

Кубокъ виномъ, и его подавая, сказалъ Одиссею:

Здѣсь ты сиди и виномъ утѣшайся съ моими гостями,
Новыхъ обидъ не страшася; рукамъ жениховъ я не дамъ ужъ
Воли; мой домъ не гостинница, гдѣ произвольно пируетъ
²⁶⁵Всякая сволочь, а домъ Одиссеевъ, царево жилище.

Вы жъ, женихи, воздержите языкъ свой отъ словъ непристой-
ныхъ,

Также и воли рукамъ не давайте; иль будетъ здѣсь ссора.

Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.

²⁷⁰Но, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, вос-
кликнулъ:

Какъ ни досадно, друзья, Телемагово слово, не должно
Къ сердцу его принимать намъ; пускай онъ грозитъ! давно бы,
Если бъ тому не препятствовалъ вѣчный Крононъ, его мы
Здѣсь упокоили—сталъ онъ теперь говорить нестерпимый.

²⁷⁵Кончилъ; но слово его Телемакъ безъ вниманья оставилъ.

Въ это время народъ черезъ городъ съ глашатаемъ жертву
Шель совершать: въ многотѣнную рощу метателя вѣрныхъ
Стрѣлъ Аполлона былъ ходъ густовласыхъ ахейнъ направленъ.
Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,

²⁸⁰Раздали части и начали пиръ многославный. Особо

Тутъ принесли Одиссею проворные слуги табуо жъ

Мяса подачу, кабую имѣли и сами; то было

Такъ имъ приказано сыномъ его Телемакомъ разумнымъ.

Тою порою Афина сама жениховъ возбуждала

²⁸⁵Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось сильнѣе
Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.

Тамъ находился одинъ, отъ другихъ беззаконной отличный
Дерзостью, родомъ изъ Зама; его называли Ктезиппомъ.

Былъ онъ несмѣтно богатъ, и гордяся богатствомъ, замыслилъ

²⁹⁰Спорить съ другими о бракѣ съ женою Лаэртова сына.

Такъ, къ женихамъ обратясь, сказалъ имъ Ктезиппъ много-
буйный:

Вслушай слово мое васъ, товарищи, я приглашаю:

Мяса, какъ слѣдуетъ, добрую часть со стола получилъ ужъ
 Этотъ старикъ—и весьма бѣ непохвально, неправедно было,
²⁹⁵Если бѣ гостей Телемаковыхъ кто ихъ участка лишалъ
 здѣсь.

Я жъ и свою для него приготовилъ подачу, чтобъ могъ онъ
 Что нибудь дать за купанье рабынѣ, иль должный подарокъ
 Сдѣлать кому изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущихъ;
 Тутъ онъ, схвативши коровью, въ корзину лежавшую ногу,
³⁰⁰Сильно ее въ Одиссея швырнулъ; Одиссей, отклонивши
 Голову въ бокъ, избѣжалъ отъ удара; и страшной улыбкой
 Стиснулъ онъ губы; нога жъ, пролетѣвши, ударила въ стѣну;
 Грозно взглянувъ на Ктезиппа, сказала Телемакъ раздра-
 женный;

Будь благодаренъ Зевесу, Ктезиппъ, что ударъ не коснулся
³⁰⁵Твоей головы чужеземца; онъ самъ отъ него отклонился;
 Иначе острымъ копьемъ повѣрнѣ въ тебя бы попалъ я;
 Сталъ бы не бракъ для тебя — погребенье отецъ твой го-
 товить.

Всѣмъ говорю вамъ: отнынѣ себѣ непристойныхъ поступковъ
 Въ домѣ моемъ позволять вы не смѣйте; ужъ я не ребенокъ,
³¹⁰Все ужъ теперь понимаю; все знаю, что надобно дѣлать.
 Правда, еще принужденъ я свидѣтелемъ быть терпѣливымъ
 Здѣсь истребленъ барановъ и козъ и вина и богатыхъ
 Нашихъ запасовъ—я съ цѣлой толпою одинъ не управлюсь;
 Новыхъ обидъ мнѣ однако я вамъ не совѣтую дѣлать;
³¹⁵Если жъ намѣренье ваше меня умертвить, то конечно
 Будеть пристойнѣй, чтобъ въ домѣ моемъ пораженный, я
 встрѣтилъ
 Смерть тамъ, чѣмъ зрителемъ былъ беззаконныхъ поступковъ
 и видѣлъ,
 Какъ обижаютъ моихъ въ немъ гостей, какъ рабынѣ при-
 нуждаютъ
 Злымъ угождать вождѣльнямъ въ священныхъ обителяхъ
 царскихъ.
³²⁰Такъ онъ сказалъ, всѣ бругомъ неподвижно хранили мол-
 чанье.

Но Агелай, сынъ Дамасторовъ, такъ отвѣчалъ напоследокъ:
 Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
 Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ; не трогайте болѣ
 Старога странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ
³²⁵Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртиа славнаго сына.
 Я жъ Телемаку и матери свѣтлой его дружелюбно
 Добрый и вѣрно самимъ имъ угодный совѣтъ предложу здѣсь:
 Въ сердцѣ своемъ вы донныѣ питали надежду, что боги,
 Вашимъ молитвамъ внимая, домой возвратятъ Одиссея;
³³⁰Было донныѣ и намъ невозможно на медленность вашу
 Сѣтовать, такъ поступать вамъ совѣтовать здравый разсудокъ
 [Могъ послѣ брака незапно въ свой домъ Одиссей возвра-
 титься];
 Нынѣ жъ сомнѣнія нѣтъ намъ: мы знаемъ, что онъ невоз-
 вратенъ.
 Матери умной своей ты теперь, Телемакъ благородный,
³³⁵Долженъ сказать, чтобъ межъ нами того, кто щедрѣй на
 подарки,
 Выбрала. Будешь тогда ты свободно въ отеческомъ домѣ
 Жить; а она о другомъ ужъ хозяйствѣ заботиться станетъ.
 Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Нѣтъ, Агелай, я Зевесомъ отцомъ и судьбой Одиссея
³⁴⁰[Что бы съ нимъ ни было, живъ ли, погибъ ли] клянусь
 передъ всѣми
 Вами, что матери въ бракъ не мѣшаю вступить, что напротивъ
 Самъ убѣждаю ее по желанію выбрать, и много
 Дамъ ей подарковъ; но изъ дома выслать ее поневолѣ
 Я и помыслить не смѣю—то Зевсу не будетъ угодно.
³⁴⁵Такъ говорилъ Телемакъ. Въ женихахъ несказанный Аѳина
 Смѣхъ пробудила, ихъ сердце смутивъ и разсудокъ разстроивъ.
 Дико они хохотали; и лицами вдругъ измѣнившись,
 Ъли сырое кровавое мясо; глаза ихъ слезами
 Всѣ затуманились; сердце ихъ тяжелой заняло тоскою;
³⁵⁰Θεоклименъ богоравный тогда поднялся и сказалъ имъ:
 Вы, злополучные, горе вамъ! горе! невидимы стали

Головы ваши во мглѣ и не видны ваши колѣна;
 Слышенъ мнѣ стонъ вашъ, слезами обрызганы ваши ланиты.
 Стѣны, я вижу, въ крови; съ потолочныхъ бѣжитъ перекладинъ
³⁵⁵Кровь; привидѣньями, въ бездну Эрева бѣгущими, полны
 Сѣни и дворъ, и на солнце небесное, вижу я, всходить
 Страшная тѣнь, и подъ ней вся земля покрывается мракомъ;
 Такъ онъ сказалъ имъ. Безумно они хохотать продолжали.
 Тутъ говорить женихамъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ:
³⁶⁰Видно, что этотъ, друзья, чужеземецъ въ умѣ помѣшался;
 На площадь должно его проводить намъ, пусть выйдетъ на свѣ-
 жій

Воздухъ, когда ужъ ему такъ ужасно темно здѣсь въ палатѣ.
 Θεοκλιμενъ богоравный сказалъ, обратясь къ Эвримаху:
 Нѣтъ, Эвримахъ! въ провожатыхъ твоихъ не имѣю я нужды;
³⁶⁵Двѣ есть ноги у меня, и глаза есть и уши; разсудогъ
 Мой не разстроено, и память свою я еще не утратилъ.
 Самъ убѣгу я отсюда; я къ вамъ подходящую быстро
 Слышу Бѣду; ни одинъ отъ нея не уйдетъ; не избѣгнетъ
 Силы ея никоторый изъ васъ святотатцевъ, губящихъ
³⁷⁰Домъ Одиссеевъ и въ немъ беззаконнаго много творящихъ.
 Такъ онъ сказалъ, и поспѣшно палату повинувъ, къ Пирею
 Прямо пошелъ, и Пиреемъ былъ съ прежнею ласкою принятъ.
 Тою порой, поглядѣвши съ насмѣшкой одинъ на другаго,
 Начали всѣ Телемага дразнить женихи, надъ гостями
³⁷⁵Дома его издѣваясь, и такъ говорили иные:
 Другъ Телемакъ, на отборъ негодяи тебя посѣщаютъ;
 Прежде вотъ этотъ нечистый пожаловалъ въ домъ твой бро-
 дяга,

Хищникъ обѣдненныхъ крохъ, ни въ какую работу негодный,
 Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное бремя;
³⁸⁰Гость же другой помѣшался, и началъ безпутно пророчить.
 Выслушай лучше нашъ добрый совѣтъ, Телемакъ многомудрый:
 Дай намъ твоихъ благородныхъ гостей на корабль крутобокій
 Бросить, къ сикеламъ отвезть и продать за хорошія деньги.
 Такъ говорили они; Телемакъ, ихъ словамъ не внимавшій,

³⁸⁵ Молча смотрѣлъ на отца, дожидаясь спокойно, чтобъ подать
 Знакъ онъ, когда начинать съ незаконною шайкой расправу.
 Въ горницѣ ближней на креслахъ богатыхъ въ то время сидѣла
 Многоразумная старца Иварія дочь Пенелопа;
 Было ей слышно все то, что въ собраньи гостей говорилось.
³⁹⁰ Веселье-безпечно, и живъ разговоромъ, и хохотомъ шумень
 Былъ ихъ обѣдъ, для котораго столько настрапали сами;
 Но никогда и нигдѣ и нѣчто не готовилъ такого
 Ужина людямъ, какой приготовилъ съ Палладою грозный
 Мужъ для незваныхъ гостей, незаконныхъ ругателей правды.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

Пенелопа приносить лукъ и стрѣлы Одиссею; при видѣ ихъ Эвмей и Филотій проливаютъ слезы; Антиной насмѣхается надъ ними. Телемакъ устанавливаетъ жерди для стрѣльбы и пытается натянуть лукъ; Одиссей подаетъ ему знакъ, чтобъ онъ его оставилъ. Женихи напрасно стараются натянуть его Одиссей открываетъ себя Эвмею и Филотию; они готовятся къ умерщвленію жениховъ. Послѣ неудачнаго Эвримахова опыта натянуть лукъ, Антиной предлагаетъ отложить стрѣльбу до другаго дня. Одиссей проситъ, чтобъ ему позволили сдѣлать опытъ; женихи тому противятся; но по приказанію Телемака лукъ поданъ Одиссею; онъ его натягиваетъ, стрѣляетъ и попадаетъ въ цѣль.

Дочь свѣтлообая Зевса Аѳина вселила желанье
 Въ грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
 Лукъ женихамъ Одиссею и грозныя стрѣлы принеши,
 Вызвать къ стрѣлянью въ цѣль ихъ и тѣмъ приготовить имъ гибель.

⁵ Вверхъ по ступенямъ высокимъ послѣшно взшла Пенелопа;
 Мягоодутлою рукою искусственно выгнутый мѣдный
 Ключъ съ рукоятю изъ кости слоновой доставши, царица
 Въ дальнюю ту благовую пошла [и рабыни за нею],

Гдѣ Одиссеевы всѣ драгоценности были хранимы:

¹⁰Золото, мѣдь и желѣзная утварь чудесной работы.

Тамъ находился и тугосгибаемый лукъ и набитый

Множествомъ стрѣлъ бѣдоносныхъ волчанъ. Подаренъ Одиссею

Этотъ былъ лукъ со стрѣлами давно въ Лакедемонѣ гостемъ

Ифитомъ, богоподобнаго Эврита сыномъ. Они же

¹⁵Встрѣтились прежде другъ съ другомъ въ Мессинѣ, гдѣ нужно обнимъ

Домъ посѣтить Орхилока разумнаго было. Въ Мессинѣ

Тяжбу съ гражданами велъ Одиссей. Изъ Итаки мессинцы

Мелкаго много скота увели; съ пастухами оттуда

Триста быковъ бруторогихъ разбойничье судно украло.

²⁰Ихъ Одиссей тамъ отыскивалъ; юноша, свѣжести полный

Былъ онъ въ то время; его же послали отецъ и геронты.

Ифитъ отыскивалъ также пропажу: коней и двѣнадцать

Добрыхъ жеребыхъ кобылъ и могучихъ работниковъ муловъ.

Ифиту искъ удался; но погibelью стала удача:

²⁵Къ сыну Зевесову, славному крѣпостью силы великой

Мужу, Ираклу, свершителю подвиговъ чудныхъ, пришелъ

онъ —

Въ домѣ своемъ умертвилъ имъ самимъ приглашеннаго гостя

Звѣрскій Иракль, посрамивши Зевесовъ законъ и накрытый

Имъ гостелюбно для странника столъ, за которымъ убійство

³⁰Онъ совершилъ, чтобъ коней громозвучнокопытныхъ присвоить.

Ифитъ, въ Мессину за ними пришедъ, Одиссея тамъ встрѣтилъ.

Эвритовъ лукъ онъ ему подарилъ: умирая, великій

Эвритъ тотъ лукъ злополучному сыну въ наслѣдство оставилъ.

Ифита острымъ мечемъ и копьемъ одаривъ длиннобѣннымъ,

³⁵Гостемъ остался ему Одиссей; но за столъ пригласить свой

Друга не могъ: прекратилъ сынъ Зевесовъ, Иракль безпощадный

Жизнь благородному Ифиту, Эврита славнаго сыну,

Давшему лукъ Одиссею и стрѣлы. И не бралъ съ собою

Ихъ никогда Одиссей на войну въ корабль чернобокомъ:

⁴⁰Память о гостѣ возлюбленномъ вѣрно храня, ихъ берегъ онъ

Въ домѣ своемъ; но въ отечествѣ всюду имѣлъ при себѣ ихъ.
 Близко къ дверямъ запертымъ кладовой подошедъ, Пенелопа
 Стала на гладкій дубовый порогъ [по шнуру обтесавши
 Брусь, тотъ порогъ тамъ искусно уладилъ строитель, дверныя
 48Притолки въ немъ утвердилъ, и на притолки створы навѣсилъ];
 Съ скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
 Ключъ свой вложила царица въ замокъ; отодвинувъ задвижку,
 Дверь отперла; завизжали на петляхъ заржавѣвшихъ створы
 Двери блестящей; какъ дико мычить выгоняемый на лугъ
 50Быкъ круторогій—такъ дико тяжелые створы визжали.
 Взлѣзши на гладкую полку [на ней же дарцы съ благовоной
 Были одеждою], царица, поднявшись на цыпочки, руку
 Святъ Одиссеевъ съ гвоздя ненатянутый лукъ протянула;
 Бережно былъ онъ обернуть блестящимъ чухломъ; и доставши
 55Лукъ, на колѣна свои положила его Пенелопа;
 Сѣвъ съ нимъ и вынувъ его изъ чухла, зарыдала, и долго,
 Долго рыдала она; напоследокъ, насытившись плачемъ,
 Медленнымъ шагомъ пошла къ женихамъ многобуйнымъ въ со-
 бранье,

Лукъ Одиссеевъ, сгибаемый туго, неся, и великій
 60Тулъ мѣдноострыми быстросмертельными полный стрѣлами.
 Слѣдомъ за ней принесенъ былъ рабынями ящикъ съ запасомъ
 Мѣди, желѣза и съ разною утварью бранной. Царица,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
 Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокой державшаго, стала,
 65Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
 Справа и слѣва почтительно стали служанки. И слово
 Къ буйнымъ своимъ женихамъ обративъ, Пенелопа сказала:
 Слушайте всѣ вы, мои женихи благородные: домъ нашъ
 Вы разоряете, въ немъ на пиры истребляя богатство
 70Мужа, давно разлученнаго съ милой отчизною; права
 Нѣтъ вамъ на то никакого; меня лишь хотите принудить
 Выбрать межъ вами, на бракъ согласясь ненавистный, супруга.
 Можете сами теперь разрѣшить вы мой выборъ. Готова
 Быть я цѣною побѣды. Смотрите, вотъ лукъ Одиссеевъ;

⁷⁵Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
 Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ [ихъ не тронувъ] двѣ-
 надцать

Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
 Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
 Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.

⁸⁰Съ сими словами велѣла она свинопасу Эвмею

Лукъ Одиссеевъ и стрѣлы подать женихамъ благороднымъ.
 Взрыдъ онъ заплакалъ, принявши его; къ женихамъ онъ по-
 шель съ нимъ;

Лукъ Одиссеевъ узнавъ, зарыдалъ и коровникъ Филотій.

Къ нимъ обратясь обоимъ, сказалъ Антиной, негодуя:

⁸⁵Вы, деревенщина грубая, только однимъ ежедневнымъ
 Занять вашъ умъ! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
 Въ сердцѣ хотите своей госпожи? И безъ васъ ужъ довольно
 Скорбью томится она бесполезною въ долгой разлукѣ
 Съ мужемъ; сидите же тихо и ѣшьте; а если хотите

⁹⁰Плавать, уйдите отсюда, оставя и лукъ вашъ и стрѣлы
 Намъ женихамъ на рѣшительный бой. Сомнѣваюсь однако
 Я, чтобъ легко натянулъ кто такой насказанно упорный
 Лукъ. Многосильнаго мужа такого, каковъ Одиссей былъ,
 Нѣтъ между нами. Его я въ то время видалъ—и понинѣ

⁹⁵Помню о немъ, хотъ тогдѣ и ребенкомъ еще былъ неумнымъ.
 Такъ говоря про другихъ, про себя уповалъ онъ, что сладить
 Съ лугомъ, натянетъ легко тетиву и всѣ кольца прострѣлить.
 Бѣдный слѣпецъ, онъ не думалъ, что первую жертвою будетъ
 Стрѣлъ Одиссея, который имъ въ собственномъ домѣ такъ дерзко
¹⁰⁰Былъ оскорбленъ, на котораго тамъ и другихъ возбуждалъ
 онъ.

Тутъ, къ женихамъ обратясь, имъ сказалъ Телемакъ бого-
 равный:

Горе! конечно мой разумъ привелъ въ безпорядокъ Кроніонъ!
 Милая мать, столь великимъ умомъ одаренная, слышу,
 Здѣсь говорить, что съ супругомъ другимъ соглашается свѣтлый
¹⁰⁵Домъ мой покинуть; а я, тѣмъ довольный, смѣюсь какъ
 безумецъ.

Часть наступилъ, женихи, приготовьтесь къ послѣднему дѣлу.
 Въ цѣлой ахейской землѣ вы такой не найдете невѣсты —
 Гдѣ бъ ни искали, въ священномъ ли Пилосѣ или въ Аргосѣ,
 Или въ Микинахъ, или въ нашей Итакѣ, или тамъ на про-
 странствѣ

¹¹⁰Черной земли матерой—но хвала не нужна; вы довольно
 Знаете сами; пора начинать намъ свой опытъ; берите
 Лукъ Одиссеевъ и силу свою окажите на дѣлѣ.

Я жъ и себя самого испытанью хочу здѣсь подвергнуть.
 Если удастся мнѣ лукъ натянуть и стрѣлюю всѣ кольца

¹¹⁵Мѣтко пробить, удаленіе матери милой изъ дома
 Съ мужемъ другимъ и мое одиночество будутъ сносить
 Мнѣ, ужъ владѣть безсильному лугомъ отца Одиссея.

Кончивъ, онъ съ плечъ молодыхъ пурпуровую мантию сбросилъ;
 Всталъ и, съ мечемъ жѣдноострымъ блестящую перевязь снявши,

¹²⁰Жерди въ глубовихъ для каждой особенно вырытыхъ ямкахъ,
 Ихъ по шнуру уравнивъ, утвердилъ; основанья жъ, чтобъ прямо
 Всѣ, не шатаясь, стояли, землей отопталъ. Всѣ дивились,
 Какъ онъ искусно порядокъ ему незнакомый устроилъ.

Сталъ Телемакъ у порога дверей и, схвативъ Одиссеевъ

¹²⁵Лукъ, попытался на немъ натянуть тетиву; и погнулъ онъ
 Трижды его, но упорствуя, трижды онъ вновь разогнулся.

Нимъ овладѣть, нацѣпивъ тетиву, уповав, въ четвертый
 Разъ онъ готовъ былъ съ удвоенной силой приняться за дѣло;
 Но Одиссей по условью кивнулъ головой; отложивши

¹³⁰Трудъ, обратился къ отцу и сказалъ Телемакъ богоравный:
 Горе мнѣ! видно я слабымъ рожденъ и останусь безсильнымъ
 Вѣчно; я молодъ еще и своею рукой не пытался
 Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду.

Ваша теперь чередъ, женихи, вы сильнѣе; пусть каждый

¹³⁵Лукъ Одиссеевъ возьметъ и свершить попытается подвигъ.
 Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю,
 Къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ
 Съ нимъ и стрѣлу пераную онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.

Съль онъ на стуль свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безпечно.

¹⁴⁰Туть, обратяся къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ:

Съ правой руки подходите одинъ за другимъ вы, начавши съ мѣста, откуда вино подносить на пиру начинаютъ.

Такъ Антиной предложилъ и одобрили всѣ предложенге.

Первый поднявшійся съ мѣста пошелъ Леодей, сынъ Эйноповъ;

¹⁴⁵Жертвогадатель ихъ былъ онъ и подлѣ кратеры на самомъ краѣ стола за обѣдомъ садился. Ихъ буйство противно было ему, и нерѣдко онъ ихъ порицалъ, негодуя.

Первый онъ долженъ былъ взяться за лукъ роковой, наблюдая очередь. Ставъ у порога дверей, онъ схватилъ Одиссеевъ

¹⁵⁰Лукъ; но его и погнуть онъ не могъ; отъ напрасныхъ усилій слабыя руки его онѣмѣли. Онъ съ горемъ воскликнулъ:

Нѣтъ! не по силамъ мнѣ лукъ Одиссеевъ; другой попытайся крѣпость его одолѣть! но у многихъ мужей знаменитыхъ

Душу и жизнь онъ возьметъ. И конечно желаніе встрѣтить

¹⁵⁵Смерть, чѣмъ живому скорбѣть о утратѣ того, что такъ сильно насъ привлекало вседневно сюда чародѣйствомъ надежды.

Всѣ мы теперь уповаемъ, во всѣхъ насъ пылаетъ желанье бракъ заключить съ Пенелопой, женой Одиссея; но каждый, Лукъ испытавъ Одиссеевъ и силу надъ нимъ утомивши,

¹⁶⁰Съ горемъ въ душѣ принужденъ за другую ахейскую дѣву свататься будетъ, подарки свои расточая; она же выберетъ доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.

Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю, къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ

¹⁶⁵Съ нимъ и стрѣлу пераную онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.

Съль онъ на стуль свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безпечно.

Гнѣвно къ нему обратившись, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:

Странное слово изъ устъ у тебя, Леодей, излетѣло,

Слово печальное, страшное; слышать его мнѣ противно.

¹⁷⁰Душу и жизнь, говоришь ты у многихъ людей знаменитыхъ
Лукъ Одиссеевъ возьметъ, потому что его неспособенъ
Ты натянуть. Но бессильнымъ отъ матери былъ благородной
Ты безъ сомнѣнья рожденъ, не могучимъ властителемъ лука;
Многие будутъ въ числѣ жениховъ благородныхъ способнѣй

¹⁷⁵Сладить съ нимъ. Кончилъ. Потомъ, козоведа Мелантія
кликнуть,

Слушай, Мелантіи, сказалъ, здѣсь огонь ты разложишь; къ
огню же

Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирнаго сала потомъ принесешь намъ округъ, чтобъ могли мы
Имъ, на огнѣ здѣсь его разогрѣвши, помазывать крѣпкій

¹⁸⁰Лукъ Одиссеевъ: тогда онъ удобнѣй натянуть быть можетъ.
Такъ онъ сказалъ. И Мелантіи, огонь разложивъ превеликій,

Близко поставилъ скамейку, покрытую мягкой овчиной;

Сала принесъ напоследокъ округъ и, раставивъ сало,

Начали мазать имъ лукъ женихи; но изъ нихъ некоторый

¹⁸⁵Луга не могъ и немного погнуть—несказанно былъ тугъ онъ;

Взяться за опытъ тогда въ свой чередъ Антиной съ Эвримахомъ

Были должны, межъ другими отличные мужеской силой.

Въ это мгновеніе, разомъ поднявшись, изъ дома вмѣстѣ

Вышли Эвмей свинопасъ и коровникъ Филотій; за ними

¹⁹⁰Слѣдуя, залу покинулъ и царь Одиссей; онъ, широкій

Дворъ перейдя, за ворота двустворныя вышелъ. Позвавши

Тамъ ихъ обоихъ, онъ ласковосладкую рѣчь обратилъ къ нимъ:

Вѣрные слуги, Эвмей и Филотій, могу ль вамъ открыться?

Или мнѣ лучше смолчать? Но меня говорить побуждаетъ

¹⁹⁵Сердце. Отвѣтствуйте: что бы вы сдѣлали, если бъ внезапно,

Демономъ вдругъ приведенный какимъ, Одиссей, господинъ
вашъ,

Здѣсь вамъ явился? Къ нему ль, къ женихамъ ли тогда бъ
вы пристали?

Прямо скажите мнѣ все, что велитъ вамъ разсудокъ и сердце.

Кончилъ. Ему отвѣчалъ простодушный коровникъ Филотій:

²⁰⁰Царь нашъ Зевесъ, о! когда бы на наши молитвы ты отдалъ
 Намъ Одиссея! да благостный геній его къ намъ проводить!
 Самъ ты увидишь тогда, что и я не остануся празденъ.
 Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая,
 Сталь ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.

²⁰⁵Въ вѣрности сердца и въ доброй ихъ волѣ вполне убѣдяся,
 Такъ имъ обоимъ свазалъ наконецъ Одиссей богоравный:
 Знайте же, я Одиссей, претерпѣвшій столь много напастей,
 Въ землю отцовъ приведенный по волѣ боговъ черезъ двадцать
 Лѣтъ. Но я вижу, что здѣсь изъ рабовъ моего возвращенья
²¹⁰Только вы двое желаете; я не слыхалъ, чтобъ другой кто
 Здѣсь помолился богамъ о свиданіи скоромъ со мною.

Слушайте жъ, вамъ расскажу обо всемъ, что случится дол-
 жно здѣсь:

Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
 Вамъ я обоимъ найду по невѣстѣ, приданое каждой

²¹⁵Дамъ и построю вамъ дома вблизи моего и, какъ братья,
 Будете жить вы со мною и съ сыномъ моимъ Телемакомъ.

Вамъ же и признакъ могу показать, по которому ясно
 Вы убѣдитесь, что я Одиссей: вотъ рубецъ, вамъ знакомый;
 Вепремъ, вы помните, былъ я пораненъ, когда съ сыновьями

²²⁰Автоликона охотой себя забавлялъ на Парнасѣ.

Такъ говоря, онъ колѣно открылъ, распахнувши трипицы
 Рубища. Тѣ жъ, разсмотрѣвши прилежно рубецъ, имъ знакомый,
 Начали плакать; и крѣпко обнявъ своего господина,
 Голову, плечи и руки и ноги его цѣловали.

²²⁵Головы ихъ со слезами и онъ цѣловалъ, и за плачемъ
 Ихъ бы могло тамъ застать захожденіе солнца, когда бы
 Имъ не сказалъ Одиссей, успокоившись первый: отрите
 Слезы, чтобъ изъ дому вышедши, кто не засталъ васъ, такъ
 горько

Плачущихъ: тѣмъ преждевременно тайна откроется наша.

²³⁰Должно, чтобъ снова—одинъ за другимъ, а не вмѣстѣ—
 вошли мы

Въ залу, я первый, вы послѣ. И ждите, чтобъ мной былъ
 вамъ поданъ

Знакъ. Женихи многобуйные, думаю я, не позволятъ
Въ руки мнѣ взять тамъ мой лукъ и колчанъ мой, набитый
стрѣлами;

Ты же, Эвмей, не дождавшись приказа, и лукъ и колчанъ мнѣ
²³⁵Самъ принеси. И потомъ ты велишь, чтобъ рабыни немедля
Заперли въ женскія горницы двери на ключъ, и чтобъ, если
Шумъ или стenanье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣли
Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ своимъ занимаюсь.

²⁴⁰Ты же, Филотій, возьми ворота на свое попеченье.

Крѣпко запри ихъ на ключъ и ремнемъ затяни ихъ задвижку.
Такъ говорилъ Одиссей имъ. Онъ, въ двери столовой вступивши,
Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ.

Послѣ явились одинъ за другимъ свинопасъ и Филотій.

²⁴⁵Лукъ Одиссеевъ держалъ Эвримахъ и его надъ пылавшимъ
Жарко огнемъ поворачивалъ, грѣя. Не могъ онъ однако
Крѣпость его побѣдить. Застонало могучее сердце;

Голосъ возвысивъ, кипящій досадою, онъ громко воскликнулъ:
Горе мнѣ! я за себя и за васъ, сокрушенный, стыжуся:

²⁵⁰Нѣтъ мнѣ печали о томъ, что отъ брака я долженъ отрѣчься—
Много найдется прекрасныхъ ахейскихъ невѣстъ и въ Итакѣ,
Моремъ объятаю, и въ разныхъ другихъ областяхъ Кефален-
скихъ.

Но столь ничтожными крѣпостью быть съ Одиссеевъ въ срав-
неньи—

Такъ, что изъ насъ ни одинъ и немного погнуть былъ не въ си-
лахъ

²⁵⁵Лукаего—то стыдомъ насъ покроетъ и въ позднемъ потомствѣ.

Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, воскликнулъ, ему возражая:

Нѣтъ, Эвримахъ благородный, того не случится, и въ этомъ

Самъ ты увѣренъ. Народъ Аполлоновъ великій сего дня

Празднуетъ праздникъ: въ такой день натягивать лукъ не-
прилично;

²⁶⁰Спрячемъ же лукъ; а жердей выносить намъ не нужно отсюда.

Пусть остаются; украсть ихъ конечно никто изъ живущихъ

*

Въ домѣ царя Одиссея рабовъ и рабынь не помыслить.
 Намъ же опять благовоннымъ виномъ пусть наполнить глашатай
 Кубки, а лукъ Одиссеевъ запрежь, совершивъ возліянье.
 265 Завтра поутру пускай козоводъ, нашъ разумный Мелантій
 Козъ приведетъ намъ отборныхъ, чтобъ здѣсь принести Апол-
 лону,

Лука сгибателью, бедра ихъ въ жертву. Согнуть онъ поможетъ
 Лукъ Одиссеевъ; и силы надъ нимъ не истратимъ напрасно.
 Такъ предложилъ Антиной и одобрили всѣ предложенье.

270 Тутъ для умытія рукъ имъ глашатаи подали воду;
 Отроки, свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ напиткомъ,
 Въ чашахъ его разнесли, по обычаю справа начавши;
 Вкуснымъ питьемъ насладились они, сотворивъ возліянье.
 Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный:
 275 Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце,
 Вотъ вамъ—тебѣ Эвримахъ, и тебѣ Антиной богоравный,
 Столь разсудительно дѣло рѣшившіе—добрый совѣтъ мой:
 Лукъ отложите, на волю безсмертныхъ предавъ остальное;
 280 Завтра рѣшите Аполлонъ, кто изъ васъ побѣдителемъ будетъ;
 Мнѣ же отвѣдать позвольте чудеснаго лука; узнать мнѣ
 Дайте, осталось ли въ мышцахъ моихъ изнуренныхъ хоть мало
 Силы, меня оживлявшей въ давнишнее младости время,
 Или я вовсе нуждой и бродячимъ житьемъ уничтоженъ.
 285 Кончилъ. Но просьбы его не одобрилъ никто. Испугался
 Каждый при мысли, что съ гладкоблистающимъ лукомъ онъ
 сладить.

Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
 Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль разсудка лишился?
 Мало того, что спокойно, допущенный въ общество наше,
 290 Здѣсь ты пируешь, обѣдая съ нами, и всѣ разговоры
 Слушаешь наши, чего никогда здѣсь еще никакому
 Нищему не было нами дозволено? Все недоволенъ!
 Видно твой умъ отуманенъ медвянымъ виномъ; отъ вина же
 Всякій, его неумѣренно пьющій, безумѣетъ. Былъ имъ

²⁹⁵Нѣкогда Эвритіонъ, многославный кентавръ, обезумленъ.
 Въ домъ Пиритоя, великою славнаго силой вступивши,
 Праздноваль тамъ онъ съ лапнеами; разума пьянствомъ ли-
 шенный,
 Буйствовать звѣрски онъ вдругъ принялся въ Пиритоевомъ
 домѣ.

Всѣ раздражились лапнеы; покинувъ трапезу, изъ залы
³⁰⁰Силой его утащили на дворъ, и нещадною мѣдью
 Уши и носъ обрубилъ они у него; и разсудка
 Совсе лишенный, кентавръ убѣжалъ, поношеньемъ покрытый.
 Злая загласть оттого у кентавровъ съ лапнеами распри;
 Онъ же отъ пьянства тамъ первый плачевную встрѣтилъ по-
 гибель.

³⁰⁵Такъ и съ тобою случится, бродяга безмысленный, если
 Этотъ осмѣлишься лукъ натянуть: не молвою прославленъ
 Будешь ты въ области нашей; на твердую землю ты будешь
 Къ злему Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ;
 Тамъ ужъ ничѣмъ не спасешься отъ гибели жалкой. Сиди же
³¹⁰Смирно и пей; и на старости силой не спорь съ молодыми.
 Онъ замолчалъ. Возражая, сказала ему Пенелопа:

Нѣтъ, Антиной, непохвально бѣ весьма и неправедно было,
 Если бѣ гостей Телемаковыхъ кто здѣсь лишаль ихъ участка.
 Или ты мыслишь, что этотъ старикъ, натянувши великій
³¹⁵Лукъ Одиссеевъ, на силу свою полагаясь, помыслить
 Мной завладѣть, и свою безразсудно мнѣ руку предложить?
 Это конечно ему не входило и сонному въ мысли;
 Будьте жъ спокойны и долѣ такимъ опасеньемъ не мучьте
 Сердца—ни вздумать того, ни на дѣлѣ исполнить невозможно.

³²⁰Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
 О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
 Мы не боимся, чтобъ дерзость такую замыслилъ онъ—это
 Совсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
 Толковъ, чтобъ кто не сказалъ межъ ахейцами, низкій породой:
³²⁵Жалкіе люди они! за жену безпорочнаго мужа
 Вздумали свататься; лука жъ его натянуть не умѣютъ.

Вотъ посѣтилъ ихъ нашъ братъ подбродяга, покрытый отрепьемъ;
 Легкой рукой тетиву натянулъ и всѣ кольца стрѣлою
 Мѣтко пробилъ онъ. Такъ скажутъ. И будетъ намъ стыдъ не-
 стерпимый.

³³⁰Кончилъ. Разумная старца Иварія дочь возразила:
 Нѣтъ, Эвримахъ, на себя порицанье и стыдъ навлекаютъ
 Люди, которые домъ и богатства отсутственныхъ грабятъ,
 Правду забывши; а тутъ вамъ стыда никакого не будетъ:
 Этого же странникъ, и ростомъ высокій и мышцами сильный,
³³⁵Родомъ не низокъ: рожденъ, говоритъ онъ, отцомъ знамени-
 тымъ.

Дайте же страннику лукъ Одиссеевъ—увидимъ, что будетъ.

Слушайте также [и то, что скажу я, исполнится вѣрно],
 Если натянетъ онъ лукъ и его Аполлонъ тѣмъ прославить,
 Мантію дамъ я ему и красивый хитонъ и подошвы

³⁴⁰Ноги обути; дамъ боше на собагъ и на встрѣчу съ бродягой;
 Также и мечъ онъ получить, съ обѣихъ сторонъ заостренный,
 Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю.

Ей возражая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Милая мать, Одиссеевымъ лукомъ не можетъ никто здѣсь
³⁴⁵Властвовать; дать ли, не дать ли его, я одинъ лишь на это
 Право имѣю—никто изъ живущихъ въ гористой Итакѣ
 Иль на какомъ острову, съ многоковной Элидою смежномъ.

Если придетъ мнѣ на умъ, здѣсь никто запретить мнѣ не можетъ
 Страннику стрѣлы и лукъ подарить, и унести ихъ позволить.

³⁵⁰Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
 Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ ра-
 ботѣ.

Были; судить же о лукѣ не женское дѣло, а дѣло

Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ повелитель.

Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопя;

³⁵⁵Къ сердцу слова многоумная сына принявъ и въ покоѣ
 Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
 Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
 Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аенна.

Тою порою, взявъ стрѣлы и лукъ, свинопасъ къ Одиссею
 360Съ ними пошелъ. На него всей толпой женихи закричали.
 Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконадменныхъ:
 Стой, свинопасъ безтолковый! Куда ты бредешь, какъ безумный,
 Съ лукомъ? Ты будешь своимъ же собакамъ, которыхъ вскор-

милъ здѣсь

Самъ, чтобъ свиней сторожить, на съѣденіе выброшенъ, если
 365Намъ Аполлонъ и блаженные боги даруютъ побѣду.
 Такъ говорили они. Свинопасъ, оглушенный ихъ крикомъ,
 Лукъ, оробѣвъ, ужъ готовъ былъ поставить на прежнее мѣсто;
 Но Телемакъ, на него погрозяся, разгнѣванный крикнулъ:
 Съ лукомъ сюда! Ты, Эвмей, ошалѣлъ; ужъ не хочешь ли волъ
 370Всѣхъ угождать? Не трудись, иль тебя, хотъ и старъ ты, я
 въ поле

Камнями самъ провожу: молодой старика одолѣетъ.
 Если бы силой такой я одинъ одаренъ былъ, каковую
 Всѣ совокупно имѣютъ они, женихи Пенелопы,
 Въ страхъ тогда по своимъ бы домамъ разбѣжались разомъ
 375Всѣ они, въ домъ моемъ беззаконій творящіе много.
 Такъ онъ сказалъ имъ. Они неописанный подняли хохотъ.
 Въ сердцѣ однако у нихъ на него присмирѣла досада.
 Волю его исполняя, Эвмей черезъ залу прошедши,
 Лукъ и колчанъ со стрѣлами вручилъ Одиссею; потомъ онъ,
 380Кликнувъ усердную няню его Эвриклею, сказалъ ей:
 Слушай, тебѣ повелѣлъ Телемакъ, чтобъ рабыни немедля
 Заперли въ женскія горницы двери на ключъ, и чтобъ, если
 Шумъ иль стenanье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
 Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣла
 385Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ своимъ занимаясь.
 Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
 Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, замкнула
 Тотчасъ она; а Филотій, покинувъ украдкою залу,
 Вышелъ на дворъ, обнесенный оградой, и заперъ ворота;
 390Былъ тамъ въ сѣняхъ корабельный пеньковый канатъ; имъ
 связалъ онъ

Крѣпко затворь у воротъ и, въ столовую снова вступивши,
Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ,
Очи вперивъ въ Одиссея, который, въ рукахъ обращая
Лукъ свой туда и сюда, осторожно разсматривалъ, цѣлы ль
³⁹⁵Роги, и не было ль что безъ него въ нихъ попорчено чер-
вемъ.

Глядя другъ на друга, такъ женихи межъ собой разсуждали:
Видно знатокъ онъ, и съ лукомъ привыкъ обходиться; быть мо-
жетъ,

Луки работаетъ самъ и, имѣя ужъ лукъ, начатой имъ
Дома, намѣренъ его по образчику этого сладить;
⁴⁰⁰Видите ль, какъ онъ, бродяга негодный, его разбираетъ?
Но — отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ — удастся
Опытъ ужъ вѣрно ему! и всегда пусть такую жъ удачу
Встрѣтитъ во всемъ онъ, какъ здѣсь, съ Одиссеевымъ сладивши
лукомъ.

Такъ женихи говорили, а онъ, пренсполненный страшныхъ
⁴⁰⁵Мыслей, великій осматривалъ лукъ. Какъ пѣвецъ приобыкшій
Цитрою звонкой владѣть, начинать пѣснопѣнье готовясь,
Строить ее, и упругія струны на ней, изъ овечьихъ
Свитыя тонкоотягучихъ кишокъ, безъ труда напрягаетъ —
Такъ безъ труда во мгновение лукъ непокорный напрягъ онъ.

⁴¹⁰Крѣпкую правой рукой тетиву потянувши, онъ ею
Щелкнулъ: она провизжала, какъ ласточка звонкая въ небѣ.
Дрогнуло сердце въ груди жениховъ, и въ лицѣ измѣнились
Всѣ — тутъ ужасно Зевесъ загремѣлъ съ вышины, подавая
Знакъ; и живое веселіе въ грудь Одиссея проникло:

⁴¹⁵Въ громъ Зевесовомъ онъ предвѣщанье благое услышалъ.
Быструю взялъ онъ стрѣлу, на столѣ отъ него недалеко
Вольно лежавшую; прочія жъ заперты въ тѣсномъ колчанѣ
Были — но скоро ихъ шумъ женихамъ надлежало слышать.
Къ луку притиснувъ стрѣлу, тетиву онъ концомъ опереннымъ,
⁴²⁰Сидя на мѣстѣ своемъ, натянулъ и, прицѣляся, въ кольца
Выстрѣлилъ — быстро отъ перваго всѣ до послѣдняго кольца,
Ихъ не задѣвъ, пронизала стрѣла, заощренная мѣдью.

Тутъ обратясь къ Телемаку, воскликнулъ стрѣлецъ богоравный:
Видишь, что гость твой тебѣ, Телемакъ, не нанесъ посрам-
ленья.

⁴²⁵Въ цѣль я попалъ; да и лукъ натянуть Одиссеевъ не много
Было труда мнѣ. Еще не совсѣмъ я, скитаясь, утратилъ
Силы, хотя женихи и ругаются мной безпощадно.

Должно однако, покуда свѣтло, угощенье иное
Имъ приготовить; и пѣніе съ звонкою цитрой, душою

⁴³⁰Пира, на новый, теперь имъ приличнѣйшій ладъ перестроить.
Такъ онъ сказалъ и бровями повелѣ. Телемакъ богоравный
Понялъ условленный знакъ; онъ немедля свой мечъ опоясалъ,
Въ руки схватилъ боевое копье и за стуломъ отцовымъ
Сталъ, ко всему изготовясь, оружіемъ мѣднымъ блестящій.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ.

Одиссей убиваетъ Антиноя, открываεται женихамъ и отвергаетъ мирное предложеніе Эвримаха. Телемакъ приноситъ сверху оружія; онъ забываетъ затворить дверь, и въ нее входитъ Мелантій, который снабжаетъ оружіями жениховъ; но схваченъ потомъ Эвмеемъ и Филотіемъ; они запираютъ его связаннаго наверху. Явленіе Аѳины, сперва въ видѣ Ментора, потомъ въ видѣ ласточки; она приводитъ въ разстройство чувства жениховъ. Всѣ они, кромѣ глашатая Медонта и пѣвца Фемія, умерщвлены. Одиссей повелѣваетъ вынести трупы изъ столовой. Казнь рабынь и Мелантія. Одиссей посылаетъ Эвриклею позвать Пенелопу.

Рубище сбросивъ поспѣшно съ себя, Одиссей хитроумный
Прянулъ, держа свой колчанъ со стрѣлами и лукъ, на высокой
Двери порогъ; изъ колчана онъ острыя высыпалъ стрѣлы
На полъ у ногъ, и потомъ, къ женихамъ обратясь, воскликнулъ:
⁵Этотъ мнѣ опытъ, друзья женихи, удался окончить;
Новую цѣль я, въ какую нигде не стрѣлялъ до сего дня,
Выбралъ теперь, и въ нее угодить Аполлонъ мнѣ поможетъ.

Такъ говоря, онъ прицѣлился горькой стрѣлой въ Антиноя:
 Взявъ со стола золотую съ двумя рукоятями чашу,
¹⁰Пить изъ нея Антиной ужъ готовъ былъ вино; беззаботно
 Полную чашу къ устамъ подносилъ онъ; и мысли о смерти
 Не было въ немъ. И никто изъ гостей многочисленныхъ пира
 Вздумать не могъ, чтобъ одинъ человекъ на толпу ихъ за-
 мыслилъ

Дерзко ударить и разомъ предать ихъ губительной Керѣ.

¹⁵Выстрѣлилъ, грудью надавшись впередъ, Одиссей и пронзила
 Горло стрѣла; остріе смертоносное вышло въ затылокъ;
 На бокъ упалъ Антиной; покатила по полу чаша,
 Выпавъ изъ рукъ; и горячимъ ключомъ изъ ноздрей засвистала
 Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнулъ отъ себя онъ
²⁰Столъ и его опрокинулъ; вся пища [горячее мясо,
 Хлѣбъ и другое], смѣшавшись, свалилася на полъ. Ужасный
 Подняли крикъ женихи, Антиноя узрѣвъ умерщвленнымъ.

Всею толпою со стульевъ вскочили они и, глазами
 Бѣгая вокругъ по стѣнамъ обнаженнымъ, искали оружія —
²⁵Не было тамъ ни щита, ни копья, заощренного мѣдью.

Гнѣвными начали всѣ упрекать Одиссея словами:
 Выстрѣлъ твой будетъ бѣдою тебѣ, чужеземецъ; послѣдній
 Сдѣлалъ ты выстрѣлъ теперь; ты погибъ неизбежно; убилъ ты
 Мужа, изъ всѣхъ, обитающихъ въ волнообъятой Итагѣ,
³⁰Самаго знатнаго; будешь за то ястребами расклеванъ!
 Мнили они, что случайно стрѣлой чужеземца товарищъ
 Ихъ умерщвленъ былъ. Безумцы! они въ слѣпотѣ не видали
 Сѣти, которою близкая всѣхъ ихъ опутала гибель.

Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:

³⁵А! вы, собаки! вамъ чудилось всѣмъ, что домой ужъ изъ Трои
 Я не приду никогда, что вольны безпощадно вы грабить
 Домъ мой, насильствуя гнусно моихъ въ немъ служанокъ,
 тревожа

Душу моей благородной жены сватовствомъ ненавистнымъ,
 Правду святую боговъ позабывъ, не страшася ни гнѣва

⁴⁰Ихъ, ни отъ смертныхъ людей за дѣла беззаконныя мести!

Въ сѣтъ неизбѣжной погибели всѣ наконецъ вы попали.
 Такъ онъ сказалъ имъ, и были всѣ ужасомъ схвачены блѣднымъ;
 Всѣ, озираясь, глазами искали дороги для бѣгства.
 Тутъ Эвримахъ, сынъ Поллібіевъ, бросилъ крылатое слово:
 45Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ
 свой,

Праведны всѣ обвиненья твои. Беззаконнаго много
 Въ домѣ твоёмъ и въ твоихъ областяхъ совершилось; но
 здѣсь онъ,
 Главный виновникъ всего, Антиной, пораженный тобою,
 Мертвый лежитъ. Онъ одинъ, зломышленій всегдашнихъ за-
 чинщикъ,

50Насъ поджигалъ: не о бракѣ одномъ онъ съ твоей Пенелопой
 Думалъ; иное, чего не позволялъ Кроніонъ, таилось
 Въ сердцѣ его: похищеніе власти царя; Телемака,
 Власти державной наслѣдника, смерти предать замышлялъ онъ.

Нынѣ судьбой онъ постигнутъ; а ты, Одиссей, пощади насъ
 55Подданныхъ; послѣ назначишь намъ цѣну, какую захочешь
 Самъ, за вино, за ѣду и за все, что истрачено нами;
 То, что здѣсь стоятъ откормленныхъ двадцать быковъ, дасть
 охотно

Мѣдью и золотомъ каждый изъ насъ, чтобъ склонить на по-
 щаду
 Гнѣвъ твой; теперь же твой праведенъ гнѣвъ; на него мы
 не ропщемъ.

60Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благо-
 родный:

Нѣтъ, Эвримахъ — и хотя бы вы съ вашимъ сполна всѣ бо-
 гатства

Вашнихъ отцовъ принесли мнѣ, прибавя къ нимъ много чужаго —
 Руки мои васъ губить не уймутся до тѣхъ поръ, покуда
 Кровію вашей обиды моей дочиста не омою.

65Выборъ теперь вамъ одинъ: или со мной, защищаяся, бейтесь,
 Или бѣгите отсюда, спасаясь отъ Керъ и отъ смерти —
 Знайте однако, что Керы васъ всѣхъ на пути переловятъ.

Такъ говорилъ онъ, у нихъ задрожали колѣна и сердце.
Тутъ Эвримахъ, обратясь къ женихамъ устраннымъ, вос-
кликнулъ:

⁷⁰Этотъ свирѣпый безжалостныхъ рукъ не уймешь, завладѣвши
Лукомъ могучимъ и полнымъ стрѣлами колчаномъ; до тѣхъ
поръ

Будеть съ порога высокаго стрѣлы пускать онъ, покуда
Всѣхъ не положить насъ мертвыхъ. Друзья, не дадимся жъ
безъ боя

Въ руки ему; обнажите мечи, и столами закройтесь

⁷⁵Противъ налета убійственныхъ стрѣлъ; всей толпою наперши,
Можемъ мы, сбивши съ порога его и изъ притолокъ двери
Вытѣснивъ, выбѣжать изъ дома, броситься въ городъ, и въ
помощь

Сваливать людей; разстрѣляетъ онъ скоро ужасныя стрѣлы.

Такъ онъ сказавъ, изъ ноженъ, ободрившійся, выхватилъ
мечъ свой,

⁸⁰Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ заощренный, и съ крикомъ
ужаснымъ

Прянулъ впередъ. Но на встрѣчу ему Одиссей богоравный
Выстрѣлилъ; грудь близъ сосца проколола, и въ печень вон-
зпвшись,

Крѣпко засѣла въ ней злая стрѣла. Изъ руки ослабѣвшей
Выронилъ мечъ онъ, за столъ уцѣпиться хотѣлъ и, спот-
кнувшись,

⁸⁵Вмѣстѣ упалъ со столомъ; вся ѣда со стола и двудонный
Кубокъ свалилися наземь; онъ объ полъ стучалъ головою,
Болью проникнутый; ноги отъ судорогъ бились; ударомъ
Пятокъ онъ стулъ опрокинулъ; его наконецъ потемнѣли
Очи. Тогда Анфиномъ благородный, вскочивъ, устремился

⁹⁰Въ бой; уповая, что противъ него Одиссей не замедлитъ
Выйти сошедши съ порога, свой мечъ обнажилъ онъ; но сзади
Бросилъ копьё Телемахъ, заощренное мѣдью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; заставши,
Треснулся объ полъ лицомъ Анфиномъ. Телемахъ же проворно

⁹⁵Прочь отскочилъ; онъ копыя не хотѣлъ изъ убитаго вырвать,
Сердцемъ тревожась, чтобъ къ это мгновеніе, съ боку напавши,
Кто изъ ахейанъ его, занятаго копыя исторженьемъ,
Острымъ мечемъ не пронзилъ неожиданно; свой совершивши
Смертный ударъ, подъ защиту отца успѣвши онъ укрыться.

¹⁰⁰Близко къ нему подбѣжавши, онъ бросилъ крылатое слово:
Щитъ, два копыя мѣдноострыхъ, родитель, и крѣпкій изъ
твердой

Мѣди, къ твоей головѣ приспособленный шлемъ принесу я;
Самъ же надѣну и латы; Эвмею съ Филотіемъ вѣрнымъ
Также надѣть ихъ велю; безопаснѣе въ латахъ намъ будетъ.

¹⁰⁵Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Дѣльно! бѣги и, пока не истратилъ я стрѣлъ, возвратися;
Иначе буду, оставшись одинъ, отгѣсненъ отъ защитныхъ
Притолокъ. Такъ онъ сказалъ; Телемакъ все исполнилъ по-
спѣшно:

Бросаясь въ ту верхнюю горницу, гдѣ находились доспѣхи,
¹¹⁰Взялъ Телемакъ тамъ четыре щита, и четыре съ хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей окованныхъ мѣдью
Копій; и съ ношей своей онъ къ отцу возвратился немедля;
Прежде однако надѣлъ на себя мѣднолитныя латы;

Мѣдными латами также облекшись, Эвмей и Филотій
¹¹⁵Стали съ боковъ Одиссея, глубокою полнаго думой.

Онъ же, покуда еще оставались пернатя стрѣлы,
Каждой стрѣлой въ одного изъ враговъ попадалъ, не давая
Промеха; другъ подлѣ друга валяся, они издыхали.

Но напоследокъ, когда истожились стрѣлы, великій
¹²⁰Лукъ Одиссей опустилъ, не имѣя въ немъ болѣе нужды,
Къ притолкѣ свѣтлой его прислонилъ и стоять тамъ оставилъ.

Четверокожнымъ щитомъ облачивши плеча, на могучей
Онъ головѣ укрѣпилъ мѣднокованный шлемъ, осѣненный
Конскимъ хвостомъ, подымавшимся страшно на гребнѣ, и въ
руку

¹²⁵Взялъ два копыя боевыхъ, заощренныхъ смертельною мѣдью.
Тамъ недалеко отъ главныхъ дверей находилась другая

Тайная дверь; отъ высокаго зала пространной порога
 Тѣсный былъ этою дверью на улицу выходъ изъ дома;
 Доступъ желая къ нему заградить, Одиссей свинопасу
¹³⁰Стать приказалъ передъ дверью, чѣмъ всякій исходъ былъ
 отрѣзанъ.

Тутъ Агелай, къ женихамъ обратясь, имъ крылатое слово
 Бросилъ: друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
 Выбѣжать. крикнуть тревогу, и намъ поскорѣе на помощь
 Вызвать людей? Ужъ свои разстрѣлялъ онъ послѣднія стрѣлы.
¹³⁵Кончилъ. Мелантій, на то возражая, сказалъ Агелая:

Нѣтъ, Агелай благородный, нельзя; потаенныя двери
 Слишкомъ у нихъ на виду, да и выходъ такъ тѣсень, что цѣлой
 Можетъ толпѣ заградить тамъ дорогу одинъ безсильный.

Но погодите, оружіе вамъ я найти не замедлю;

¹⁴⁰Горницу знаю, въ которой доспѣхи, изъ этой палаты
 Взятые, кучею складъ Одиссей, помогаемый сыномъ.

Такъ Агелая сказавъ, злоковарный Мелантій обходитъ

Въ горницу тайно прокрался, гдѣ складены были доспѣхи.

Вынесъ оттуда двѣнадцать великихъ щитовъ онъ, двѣнадцать

¹⁴⁵Копій и столько же мѣдныхъ хвостами украшенныхъ шле-
 мовъ.

Съ ними назадъ возвратясь, женихамъ ихъ поспѣшно онъ
 роздалъ.

Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна, когда онъ,
 Вдругъ оглянувшись, увидѣлъ ихъ въ шлемахъ, съ щитами,
 трясущихъ

Длинными копьями; гибель ему неизбѣжной явилась.

¹⁵⁰Къ сыну тогда обратившись, онъ бросилъ крылатое слово:

Вѣрно какая изъ нашихъ рабынь, Телемакъ, измѣнивши

Намъ, помогаетъ противникамъ нашимъ, или хитрый Мелантій?

Робко на то отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ;

Горе! мое небреженъе причиной всему; я виновникъ

¹⁵⁵Этой бѣды — заспѣшивъ, позабылъ оружейной палаты
 Дверь запереть; и лазутчикъ, хитрѣе меня, побывалъ тамъ.
 Слушай, мой честный Эвмей, побѣги ты туда, и за дверью

Стань тамъ и жди; кто придетъ, ты увидишь: служанка ль
какая,

Или Мелантій? Я самъ на него подозрѣнье имѣю,
¹⁶⁰Такъ говорили о многомъ они, собесѣдую тайно.

Тою порой за оружіемъ хитрый Мелантій собрался
Снова прокрасться на верхъ. То примѣтивъ, Эвмей богоравный
На ухо такъ прошепталь Одиссею, стоявшему близко:

О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
¹⁶⁵Вотъ онъ, предатель; его угадалъ я; онъ бредется, видишь,
Снова туда за оружіемъ; что, государь, повелишь мнѣ
Сдѣлать? Убить ли крамольника, если удастся съ нимъ сладить?
Или насильно сюда притащить, чтобъ надъ нимъ наказанье
Самъ совершилъ ты за наглое въ домѣ твоемъ поведенье?

¹⁷⁰Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Съ сыномъ моимъ Телемакомъ я здѣсь жениховъ многобуй-
ныхъ

Буду удерживать, сколь бы ни сильно ихъ бѣшенство было:
Ты жъ и Филотій предателю руки и ноги загните
На спину; послѣ, скрутивъ на спинѣ ихъ, его на веревкѣ
¹⁷⁵За руки вздерните вверхъ по столбу и вверху привяжите
Крѣпкимъ узломъ къ потолочинѣ; двери жъ, ушедши, замкните;
Въ страшныхъ мученьяхъ пускай тамъ виситъ ни живой онъ,
ни мертвый.

То повелѣніе царское было исполнено скоро:
Вмѣстѣ пошли свинопасъ и Филотій; подкравшись, стали
¹⁸⁰Справа и слѣва они у дверей дожидаться, чтобъ вышелъ
Онъ къ нимъ изъ горницы, гдѣ женихамъ во второй разъ до-
слѣхи

Бралъ. И лишь только Мелантій ступилъ на порогъ [несъ пре-
красный

Гривистый шлемъ онъ одною рукой, а въ въ другой находился
Старый, широкій, подернутый плѣсенью щитъ, въ молодые

¹⁸⁵Давніе годы герою Лаэрту служившій, теперь же
Брошенный, вовсе худой, безъ ремней, съ перегнившими
швами]

Кинулись оба на вора они; въ волоса уцѣпившись,
 На полъ его повалили, кричащаго громко, и крѣпко
 Руки и ноги ему, ихъ съ великою болью загнувши
¹⁹⁰На спину, сзади скрутили плетенымъ ремнемъ, какъ велѣлъ
 имъ

Самъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный.
 Вздернувши послѣ веревкою вверхъ по столбу, привязали
 Къ твердой его потолочинѣ; тамъ и остался висѣть онъ.
 Съ злобной насмѣшкой ему тутъ сказалъ свинопасъ бого-
 равный:

¹⁹⁵Будь здѣсь покуда заботливымъ сторожемъ, честный Ме-
 лантій;

Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю:
 Вѣрно теперь не проспишь златотронной, въ туманѣ рожденной
 Эось, въ ея восхожденіи съ водъ Океана, и въ пору
 Козъ на обѣдъ женихамъ многославнымъ отборныхъ приго-
 нишь.

²⁰⁰Кончилъ. И бросивъ его тамъ, висящаго въ страшныхъ
 мученьяхъ,

Оба съ оружіемъ, дверь за собой затворивъ, удалились.
 Къ мѣсту они подошли, гдѣ стоялъ Одиссей хитроумный.
 Яростью всѣ тамъ кипѣли. Въ дверяхъ на высокомъ порогѣ
 Четверо грозно стояли; другіе толпились въ палатѣ.

²⁰⁵Къ первымъ тогда подошла свѣтлоокая дочь громовержца,
 Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аѳина.
 Ея Одиссей, ободрившійся, бросилъ крылатое слово:
 Менторъ, сюда! помоги намъ; бывалое дружество вспомни;
 Много добра отъ меня ты имѣлъ, мой возлюбленный сверст-
 никъ.

²¹⁰Такъ говорилъ онъ, а внутренно мыслилъ, что видитъ
 Аѳину.

Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
 Первый сказалъ Агелай, сынъ Дамасторовъ: будь остороженъ,
 Менторъ, не слушай его убѣжденій, не думай въ сраженье
 Съ нами вступать, подавая ему безразсудную помощь.

²¹⁵Съ нами одинъ онъ не сладитъ, свое мы возьмемъ; но когда мы

Ихъ пересиливъ обонхъ, отца уничтожимъ и сына,
Съ ними тогда умертвимъ и тебя несправедливаго, если
Вздумаешь здѣсь къ нимъ пристать; головою заплатишь за дерзость;

Послѣ жъ, когда уничтожить васъ мѣдь безпощадная, все мы,
²²⁰Что ни имѣешь ты дома, нѣ въ полѣ, возьмемъ, и смѣшавши

Вмѣстѣ съ добромъ Одиссеевымъ, между собою раздѣлимъ;
Выгонимъ изъ дому вашихъ дѣтей; сыновьямъ, дочерямъ здѣсь
Вашимъ не жить; и разстанутся ваши съ Итакою жены.
Кончилъ онъ. Дерзость его раздражила богиню Аѳину.

²²⁵Гнѣвными стала она упрекать Одиссея словами:

Нѣтъ ужъ въ тебѣ, Одиссей, той отваги могучей, съ которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь свѣтлорукую Зевса,
Деять съ троянами лѣтъ такъ упорно сражался; въ то время
Много погибло враговъ отъ тебя въ истребительной битвѣ;

²³⁰Хитрость твоя наконецъ и Приамовъ разрушила городъ.

Что жъ? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, съ жешиками
Такъ нерѣшительно, медленно къ битвѣ теперь приступаешь?

Другъ, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, какъ смѣло
Противъ враговъ, на тебя нападающихъ здѣсь совокупно,

²³⁵Выступить Менторъ Алкіимидъ, тебѣ за добро благодарный
Кончивъ, она Одиссею не вдругъ даровала побѣду:

Бодрость царя и разумнаго сына его Телемака

Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня

Вдругъ превратилась, взвилась къ потоку и на черной отъ
дыма

²⁴⁰Тамъ перекладниѣ легкою, сизою ласточкой сѣла.

Тою порой Агелаемъ, Дамастора сыномъ отважнымъ,

Димонтолемъ, Эвриномъ и Пизандръ, сынъ Поликторовъ бодрый

Съ Анфимедономъ и умнымъ Полигосомъ яростно были

Въ бой подстрекаемы [сплои они отличались отъ прочихъ,

²⁴⁵Сколько еще ихъ тамъ было живыхъ и снастись уопавшихъ

Боемъ; другіе же, всѣ умерщвленные, кучей лежали].
 Такъ, обратясь къ остальнымъ, Агелай благородный воскликнулъ:

Этотъ свирѣпый, я думаю, скоро отъ боя уймется;
 Менторъ покинулъ его, бесполезно нахваставъ; одинъ онъ
²⁵⁰Съ ними теперь на высокомъ порогѣ стоитъ беззащитный.
 Разомъ всѣхъ копій своихъ мѣдноострыхъ, друзья, не бросайте;
 Бросьте спачала вы шесть; и великая будетъ намъ слава,
 Если его поразимъ, ненавистнаго, съ помощью Зевса;
 Съ прочими жъ сладить нетрудно, лишь только бъ сломить
 Одиссея.

²⁵⁵Такъ онъ сказалъ и, ему повинувся, пустили другіе
 Разомъ шесть копій; но сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ Аѳна:
 Вось полетѣвши, глубоко вонзилося въ притолку гладкой
 Двери одно, а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
 Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну; когда же
²⁶⁰Всѣхъ, женихами въ нихъ брошенныхъ копій они избѣжали,
 Такъ, обратясь къ своимъ, Одиссей хитроумный сказалъ имъ:
 Очередь наша теперь; приступите, товарищи, къ дѣлу,
 Копья нацѣлите и бросьте въ толпу жениховъ, уничтожить
 Нашъ замышляющихъ, прежде столь много обидѣ намъ нанесши.
²⁶⁵Такъ онъ сказалъ. И, прицѣлясь, они мѣдноострыя копья
 Кинули разомъ: и Демоптолема сразилъ многосильный
 Самъ Одиссей, Телемакъ Эвриада, Филотій Пизандра,
 Старый Эвмей свинопасъ поразилъ Элатопа; и разомъ
 Всѣ повалились они, съ скрежетаніемъ стиснувши зубы.

²⁷⁰Прочіе, къ дальней стѣнѣ отбѣжавши толпой и поспѣшно
 Вырвавъ изъ труповъ кровавыхъ вонзенныя въ иѣдра ихъ копья,
 Снова ихъ разомъ въ противниковъ, мѣтко прицѣлясь, пустили;
 Снова Аѳна могучая сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ.
 Вось полетѣвши, глубоко вонзилося въ притолку гладкой
²⁷⁵Двери одно, а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
 Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну. Однако
 Аифимедонъ Телемака поранилъ, въ ручную полавши
 Кисть: пролетая, конь остріемъ оцарапало кожу.

Тронулъ плечо надъ щитомъ у Эвмея Ктезинпъ длинноострой
 280 Мѣдью; конь же, надъ нимъ прошумѣвъ, подружился въ
 землю.

Стоя съ боковъ Одиссея, ужасною полнога думой,
 Снова они въ жениховъ неизбѣжны бросили копья.
 Эвридаманта сразилъ Одиссей, городовъ сокрушитель;
 Амфидамантъ былъ пронзенъ Телемакомъ, Полибъ свинопасомъ;
 285 Мѣтко нацѣливъ копьемъ мѣдноострымъ, Филотій Ктезинпу
 Грудь просадилъ и, удачнымъ ударомъ хвалясь, онъ восклик-
 нулъ:

Сынъ Полиердовъ, лихои на обидныя рѣчи, теперъ ты
 Дерзкій языкъ свой уймешь отъ ругательствъ нахальныхъ;
 предайся

Въ волю боговъ; имъ однимъ подобаетъ и слава и сила.

290 Я же тебя отдарилъ здѣсь за ногу коровью, которой

Такъ благосклонно поподчивалъ ты Одиссея бродягу.

Такъ говорилъ криворогихъ быковъ сторожитель Филотій.

Тою порою умерщвленъ былъ Дамасторовъ сынъ Одиссеемъ,

Сынъ Леокритовъ, молодой Эйвеноръ былъ убитъ Телемакомъ:

295 Острою мѣдью въ животъ пораженный, лицомъ онъ, со всѣхъ
 ногъ

Грянувшись, объ полъ ударился, жалобно охнулъ и умеръ.

Тутъ съ потолка наклонила надъ ихъ головами Паллада

Страшную людямъ эгиду: и ужасъ разстроилъ ихъ чувства.

Начали бѣгать они, ошалѣвъ, какъ коровы, когда ихъ

300 Вешней порою [въ то время, какъ дни прибывать начинаютъ]

Густо осыплютъ на пажити слѣпни сердитые. Тѣ жъ ихъ

Види, какъ соколы кривокогнитые съ выгнутымъ клювомъ,

Съ горъ прилетѣвшіе, бьютъ испугавшихся птицъ—и густыми

Стаями съ неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;

305 Соколы жъ гонять ихъ, ловятъ когтями, и нѣтъ имъ пощады,

Запертъ и путь для спасенья, и травлею тѣшатся люди;

Такъ жениховъ [разогнавъ ихъ по горницѣ] справа и слѣва,

Какъ ни попало, они убивали; поднялся ужасный

*

Крикъ; былъ разбрызганъ ихъ мозгъ, былъ дымящейся кровью
ихъ залитъ

³¹⁰Полъ. Къ Одиссею тогда подбѣжалъ Леодей и колѣна

Обнявъ его и, трещащій, бросилъ крылатое слово:

Погнѣлю твою, Одиссей; пощади и помилуй.

Въ домѣ твоёмъ ни одной изъ рабынь, въ немъ живущихъ,
ни словомъ

Я не обидѣлъ, ни въ дѣло не ввелъ непристойное; самъ я

³¹⁵Многихъ напротивъ удерживать здѣсь отъ постыдныхъ по-
ступковъ

Тщился—наспрасно! отъ зла не отвелъ я ихъ рукъ святотатныхъ;

Страшную участью всѣ неизбѣжно постигнуты нынѣ.

Я же, ихъ жертвогдатель, ни въ чемъ неповинный, уже ли

Лягу здѣсь мертвый? Такое ли добрымъ дѣламъ воздаянье?

³²⁰Мрачно взглянувъ изъ подлбья, сказалъ Одиссей богоравный:

Если ты подлинно жертвогдателемъ былъ между ими,

То безъ сомнѣнїя часто въ жилищѣ моемъ ты молился

Дю, чтобъ мнѣ возвратиться домой запретилъ, чтобъ съ тобою

Въ домъ твой моя удалилась жена и чтобъ съ нею дѣтей ты

³²⁵Прижилъ—за это теперь и людей ужасающей смерти

Ты не избѣгнешь. Сказалъ. И могучей рукою схвативши

Мечъ, изъ руки Агелая въ минуту его умерщвленья

Выпавшій, имъ онъ молящаго сильно ударилъ по шеѣ;

Крикнулъ онъ—въ крикѣ неконченномъ съ плечъ голова по-
катилась.

³³⁰Но отъ губительной Керы избѣгнулъ сынъ Терпїевъ, славный

Пѣснями Фемїи, всегда жениховъ на прахъ веселившій

Пѣньемъ; съ своею онъ цитрой въ рукахъ къ потаенной при-
жавшись

Двери, стоялъ тамъ, колеблясь разсудкомъ, не зная, что вы-
брать,

Выдти ли въ дверь и сидѣть на дворѣ, обвиняя великій

³³⁵Зевсовъ алтарь, охраняющій домъ, на которомъ такъ часто

Жирныя бедра быковъ сожигалъ Одиссей многославный;

Или къ колѣнамъ его съ умоляющимъ броситься крикомъ?

Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ, что полезнѣе будетъ,
Ставъ на колѣна, Лаэртова сына молить о пощадѣ.

³⁴⁰Цитру свою положивъ звонкострунную бережно на полъ,
Между кратерой и стуломъ серебрянговознымъ, поспѣшно
Къ сыну Лаэртову дивный цѣвецъ подбѣжалъ и колѣна
Обнявъ его и трепещущій бросилъ крылатое слово:
Поги цѣлюю твои, Одиссей; пощади и помилуй.

³⁴⁵Самъ сожалѣть ты и сѣтовать будешь, когда пѣснопѣвца,
Сладко безсмертнымъ и смертнымъ поющего, смерти предашь
здѣсь;

Пѣнію самъ я себя научилъ; вдохновеніемъ боги
Душу согрѣли мою, и тебя, Одиссей, я какъ бога
Буду гармоніей струнъ веселить. Не губи пѣснопѣвца!

³⁵⁰Будетъ свидѣтелемъ мнѣ и возлюбленный сынъ твой, что волеи
Въ домъ вашъ входитъ никогда я не мыслилъ, что самъ не
просился

Пѣснями здѣсь на пиру забавлять жениховъ, что напротивъ
Силою сюда приводимъ былъ и пѣлъ здѣсь всегда принужденно.
Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Телемакову силу святую.

³⁵⁵Громко отцу закричалъ Телемакъ, находившійся близко:
Стой! не губи неповиннаго яростной мѣдью, родитель.
Съ нимъ и къ Медонту глашатаю благостенъ будь: обо мнѣ онъ
Въ дѣтствѣ моемъ неусыпно имѣлъ попеченье. Но гдѣ онъ,
Честный Медонтъ? Не убили ль его свинопасъ или Филотій?

³⁶⁰Или онъ самъ злополучный попалъ подъ ударъ твой смер-
тельный?

Такъ говорилъ Телемакъ; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, подъ стуломъ лежалъ онъ, коровьей
Только что содранной кожей покрытый, чтобъ Керы избѣгнуть.
Выскочилъ онъ изъ-подъ стула, и сбросивши кожу коровью

³⁶⁵Съ плечъ, подбѣжалъ къ Телемаку, и поги его обхвативши,
Сталъ цѣловать ихъ и въ трепетъ бросилъ крылатое слово:
Здѣсь я, душа Телемакъ; заступись за меня, чтобъ отецъ твой
Грозномогучій на мнѣ не отмстилъ безпощадною мѣдью
Злымъ женихамъ, столь давно, столь нахально его достоянсе

370 Грабившимъ здѣсь, и тебя самого оскорблявшимъ безумно.
 Мрачно взглянувъ изъ подлѣбя, сказалъ Одиссей богоравный:
 Будь благодаренъ ему; онъ тебя сохранилъ, чтобъ отнынѣ
 Вѣдалъ и самъ ты и людямъ другимъ говорилъ въ поученье,
 Сколь здѣсь благія дѣла намъ спасительнѣй дѣлъ беззакон-
 ныхъ;

375 Слушай теперь: изъ палаты, убійствомъ наполненной, вы-
 шедъ,

Сидь на дворѣ у воротъ съ пѣснопѣвцемъ, властителемъ слова;
 Я же остануся въ домѣ и все здѣсь устрою, что нужно.

Такъ онъ сказалъ; и Медонтъ съ пѣснопѣвцемъ изъ горницы
 вышелъ,

Оба вблизи алтаря, посвященнаго Зевсу владыкѣ,

380 Сѣли; но все озирались кругомъ, опасаясь убійства.

Они водилъ вокругъ себя Одиссей, чтобъ узнать, не остался ли

Кто неубитый, случайно избѣгшій могущества Керя?

Мертвые все, онъ увидѣлъ, въ крови и пыли неподвижно

Кучей лежали они на полу тамъ, какъ рыбы, которыхъ —

385 На берегъ вытащивъ ихъ изъ глубоководнаго моря

Передомъ мелкопестлистымъ—рыбакъ высыпаетъ на землю;

Тамъ на песокъ раскаленномъ ихъ, влаги соленой лишенныхъ,

Геліосъ пламенный душитъ, и все до одной умирають.

Мертвые такъ тамъ одинъ на другомъ неподвижно лежали.

390 Къ сыну сперва обратясь, сказалъ Одиссей хитроумный:

Долженъ теперь, Телемакъ, ты сюда пригласить Эвриклею;

Пужное слово желаю я молвить разумной старушкѣ.

Такъ говорилъ Одиссей. Телемакъ, повинуюся, отперъ

Двери, позвалъ Эвриклею и такъ ей сказалъ: Эвриклея,

395 Добрая няня моя, такъ давно за рабынями въ домѣ

Нашемъ смотрящая, все сохраняя усердно въ порядкѣ,

Кличеть отецъ, говорить онъ съ тобою намъ ренъ; поди къ намъ.

Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклея его пролетѣло

Слово. И двери отперши тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки,

400 Вышла она; и старушку повелъ Телемакъ къ Одиссею.

Взрамъ ся Одиссей посреди умерщвленныхъ явился

Потомъ и кровью покрытый; подобился льву онъ, который
 Стѣвши быка, подымается, сытый, и тихо изъ стада—
 Грива въ крови и вся страшная пасть, обгаренная кровью—
⁴⁰⁸Въ логъ свой идетъ, наводя на людей неописанный ужастъ.
 Кровию такъ Одиссей съ головы былъ до ногъ весь обрызганъ.
 Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Эвриклея
 Громко хотѣла воскликнуть, чудясь толь великому дѣлу;
 Но Одиссей повелѣлъ ей себя воздержатъ отъ восторга;
⁴¹⁰Голосъ потомъ свой возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово:
 Радуйся сердцемъ, старушка, но тихо, безъ всякаго крика;
 Радостный крикъ подымать неприлично при видѣ убитыхъ.
 Діевъ ихъ судъ поразилъ; отъ своихъ беззаконій погнбли;
 Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ,
⁴¹³Знатный ли, низкій ли былъ онъ, уважить они не хотѣли.
 Страшная участь ихъ всѣхъ наконецъ злополучныхъ постигла.
 Ты же теперь назови мнѣ рабынь здѣсь живущихъ, дабы я
 Могъ отличить развращенныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ мельгъ
 нимф.

Такъ онъ сказалъ. Эвриклея старушка ему отвѣчала:
⁴²⁰Все я, мой сынъ, объявлю, ничего отъ тебя не скрывая;
 Въ домъ теперь пятьдесятъ мы имѣемъ служанокъ работницъ,
 Разнаго возраста; заняты всѣ рукодѣльемъ домашнимъ;
 Дергаютъ волну; и каждая въ домъ свою отправляетъ
 Службу. Двѣнадцать изъ нихъ, поведемъ развратныхъ, не
 только

⁴²⁵Противъ меня, но и противъ царицы невѣжливы были.
 Сытъ твой въ хозяйство вступилъ; но разумно ему Пенелона
 Въ дѣло служанокъ мѣшаться до сихъ поръ еще запрещала.
 И же на верхъ побѣгу, объявить ей великую нашу
 Радость: она почиваетъ; знать боги ей сонъ ниспослали.
⁴³⁰Такъ, возражая, сказалъ Одиссей хитроумный старушкѣ:
 Нѣтъ! не буди, Эвриклея, жены; прикажи, чтобъ рабыни —
 Тѣ, на которыхъ ты мнѣ донесла—здѣсь немедля явились.
 Такъ говорилъ Одиссей, и поспѣшно пошла Эвриклея
 Кликнуть рабынь и велѣтъ имъ идти къ своему господину.

⁴³⁵Онъ же, позвавъ Телемака съ Филотиємъ, съ старымъ Эвмессемъ,

Бросилъ крылатое слово, свою изъявляя имъ волю:
Трупы теиерь приберите; пускай вамъ помогутъ рабыни
Вынести ихъ, а потомъ всѣ столы, всѣ богатые стулья
Дочиста здѣсь поздраватою, мокрою вытрите губкой.

⁴⁴⁰Послѣ жъ, когда приберете совсѣмъ пировую палату,
Всѣхъ поведенемъ развратныхъ рабынь изъ нея уведите;
Тамъ на дворѣ межъ стѣною и житною круглою башней
Смерти предайте безпутницъ, мечемъ заколовъ длинноострымъ
Каждую; пусть, осрамивши развратомъ мой домъ, наказанье

⁴⁴⁵Примуть онѣ за союзъ непозволанный свой съ женами.
Такъ говорилъ онъ. Тѣмъ временемъ всѣ собралися рабыни,
Жалобно воя; изъ глазъ ихъ катилися крупныя слезы.
Начали трупы онѣ выносить, и въ сѣняхъ многозвучныхъ
Царскаго дома, стѣной обведеннаго, бляли ихъ тѣснымъ

⁴⁵⁰Рядомъ, одинъ прислоняя къ другому, какъ самъ Одиссей имъ.
Дѣлать предписывалъ; дѣло жъ не по сердцу было рабынямъ.
Вынесли трупы, онѣ и столы, и богатые стулья
Дочиста всѣ поздраватою, мокрою вытерли губкой.

Заступомъ тою порой Телемакъ, свинопасъ и Филотіи

⁴⁵⁵Въ залѣ просторной весь полъ, обогранный пролотою кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.
Залу очистивъ и все привели тамъ въ обычный порядокъ,
Видли оттуда они осужденнымъ рабынямъ велѣли,

Собрали ихъ на дворѣ межъ стѣною и житною башней
⁴⁶⁰Всѣхъ, и въ безвыходномъ заперли мѣстѣ, откуда спасенныя
Быть не могло никакого. И сыпъ Одиссеевъ сказалъ имъ;
Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелону
Здѣсь осрамившія, въ домъ моемъ съ женами слюбившіяся.

⁴⁶⁵Кончивъ, канатъ корабля черноносаго взять онъ и туго
Тагъ натянулъ, укрѣпивши его на колоннахъ подъ сводомъ
Башни, что было ногой до земли имъ достать невозможно.
Тамъ, какъ дрозды длиннокрылые, или какъ голуби, въ сѣни

Цѣлой стаей—лети на почлегъ свой—попавшіе [въ тѣсныхъ
 470Петляхъ трепещутъ они и почлегъ имъ становится громомъ],
 Всѣ на канатѣ онѣ голова съ головою повисли;
 Петлями шею стянули у каждой, и смерть ихъ постигла
 Скоро: немного подергавъ ногами, всѣ разомъ утихли.
 Силою вытященъ послѣ на дворъ козоводъ былъ Мелантій;
 475Мѣдью нещадною вырвали ноздри, обрѣзали уши,
 Руки и ноги отсѣкли ему; и потомъ, изрубивши
 Въ крохи, его на съѣденіе бросили жаднымъ собакамъ.
 Руки и ноги свои, обогранныя кровью, омывши,
 Въ домъ возвратились они къ Одиссею. Все кончено было.
 480Тутъ Одиссей, обратясь къ Эвриклеѣ, сказать ей: немедля,
 Няня, огня принеси и подай очистительной сѣры;
 Залу намъ должно скорѣй окурить. Ты потомъ Пенелопѣ
 Скажешь, чтобъ сверху сошла и съ собою рабынь приближенныхъ
 Всѣхъ привела. Позови равномерно и прочихъ служанокъ.
 485Такъ повелѣлъ Одиссей. Эвриклея ему отвѣчала:
 То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
 Прежде однако тебѣ принесу я опрятное платье;
 Отъ нихъ нечистыхъ отренье въ на крѣпкихъ плечахъ ты не долженъ
 Въ домѣ своемъ многостаяномъ носить: то тебѣ неприлично.
 490Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
 Прежде всего мнѣ огня для куренья подай, Эвриклея.
 Волю его исполняя, пошла Эвриклея, и скоро
 Съ сѣрой къ нему и съ огнемъ возвратилась; окуривать начала
 Сѣрой столовую онъ и широкій, стѣнной обнесенный
 495Дворъ. Эвриклея, прошедъ черезъ свѣтлые дома покои,
 Стала служанокъ собирать и немедленно вѣсть имъ велѣла
 Въ залу придти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
 Въ залу пришли; обступивши веселой толной Одиссея,
 Голову, плечи и руки онѣ у него цѣловали.
 500Онъ же далъ волю слезамъ; онъ рыдать отъ веселья и скорби,
 Всѣхъ при свиданіи милыхъ домашнихъ своихъ узнавая.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЕЧЕРЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО И УТРО СОРОКОВОГО ДНЯ.

Эвриклея приноситъ радостную вѣсть Пенелопѣ, которая идетъ вмѣстѣ съ нею въ пировую палату. Пенелопа медитъ узнать своего супруга. Одиссей, чтобы обмануть жителей города учредить шумную пляску; омывшись въ купальнѣ, онъ возвращается къ Пенелопѣ и, сказавъ ей тайну, только имъ двумъ извѣстную, уничтожаетъ всѣ ея сомнѣнія. Всѣ ложатся спать. Одиссей и Пенелопа рассказываютъ другъ другу свои приключенія. Съ наступленіемъ утра Одиссей идетъ къ отцу своему Лаэрту.

Сердцемъ ликуя и радуясь, вверхъ побѣжала старушка
 Вѣсть принести госпожѣ, что желанный супругъ возвратился.
 Были отъ радости тверже колѣна ея и проворнѣй
 Ноги. Подравнився къ спящей, старушка сказала: проснися,
⁵Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтобъ очами
 Все то увидѣть, о чемъ ты скорбѣла душою вседневно:
 Твой Одиссей возвратился; хотъ поздно, но все наконецъ онъ
 Съ нами, и всѣхъ многобуйныхъ убилъ жениховъ, разоряв-
 шихъ

Домъ нашъ и тратившихъ наши запасы на зло Телемаку.
¹⁰Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
 Другъ, Эвриклея, знать боги твой умъ помутили! Ихъ волей
 Самый разумнѣйшій можетъ лишиться мгновенно разсудка,
 Можетъ и слабый умомъ приобрѣсть несказанную мудрость;
 Имъ и ты обезумлена; иначе въ здоровомъ разсудкѣ
¹⁵Ты бы не стала теперь надъ моею печалью ругаться,
 Радостью ложной тревожа меня. И затѣмъ прервала ты
 Сладкій мой сонъ, благодатно усталые мнѣ затворившіи
 Очи? Ни разу я такъ не спала съ той поры, какъ супругъ мой
 Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ
 Иліона.

²⁰Нѣтъ, Эвриклея, поди, возвратися туда, гдѣ была ты.
 Если бъ не ты, а другая изъ нашихъ домашнихъ служанокъ

Съ вѣстью такой сумасбродной пришла и меня разбудила —
Я бы не ласковымъ словомъ, а бранью насмѣшницу злую
Встрѣтила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея.

²³Такъ, возражая, старушка своей госпожѣ отвѣчала:

Нѣтъ, не смѣяться пришла, государыня, я надъ тобою;
Здѣсь Одиссей! настоящую правду, не ложь я сказала.

Тотъ чужеземецъ, тотъ нищій, которымъ всѣ такъ здѣсь ру-
гались —

Онъ Одиссей; Телемакъ о его ужъ давно возвращеннѣ

³⁰Зналъ — но разумно молчалъ объ отцѣ онъ, который, скры-
ваясь,

Здѣсь женихамъ истребленіе вѣрное въ мысляхъ готовилъ.

Такъ отвѣчала старушка. Съ постели всочинивъ, Пенелопа
Радостно кинулась нянѣ на шею въ слезахъ несказанныхъ.

Голосъ возвысивъ, она ей крылатое бросила слово:

³⁵Если ты правду сказала, сердечный мой другъ, Эвриклея,
Если онъ подлинно въ домъ свой, какъ ты говоришь, воз-
вратился,

Какъ же одинъ онъ съ такой жениховъ многочисленной шайкой
Сладилъ? Они всей толпою всегда собиралися въ домъ.

Такъ, отвѣчая, разумной царицѣ сказала старушка:

⁴⁰Свѣдать о томъ не могла я; мнѣ только тамъ слышался тяжкій
Вой убиваемыхъ; въ горницѣ нашей, забившися въ уголъ,
Всѣ мы сидѣли, на ключъ запершись и не смѣя промолвить
Слова, покуда твой сынъ Телемакъ изъ столовой не вышелъ
Кликнуть меня: онъ за мною самимъ Одиссеемъ былъ посланъ.

⁴⁵Тамъ Одиссей мнѣ явился, межъ мертвыми страшно стоящій;
Трупы ихъ были одинъ на другомъ на полу, обагренномъ
Кровью, набросаны: радостно было его мнѣ увидѣть.

Потомъ и кровью покрытый, онъ грозному льву былъ подобенъ.
Трупы убитыхъ теперь всѣ лежатъ на дворѣ за дверями

⁵⁰Кучею. Онъ же, заботясь домъ окурить благовонной
Сѣрой, огонь разложилъ; а меня за тобою отправилъ.

Ждетъ онъ; пойдемъ; наконецъ вамъ обонимъ проникнетъ веселье
Душу, которая столько жестокихъ тревогъ претерпѣла:

Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;
 55 Живъ онъ, домой невредимъ возвратился и дома супругу
 Съ сыномъ живыми нашель, а враговъ, истребителей дома,
 Въ домъ своемъ истребилъ, и обиды загладило мщенье.
 Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
 Другъ, Эвриклея, не радуйся слишкомъ до времени; всѣмъ намъ.
 60 Было бы счастьемъ великимъ его возвращенье въ отчизну —
 Мнѣ жъ особливо и милому, нами рожденному сыну;
 Все я однако тому, что о немъ ты сказала, не вѣрю;
 Это не онъ, а одинъ изъ безсмертныхъ боговъ, раздраженный
 Ихъ беззаконнымъ развратомъ и ихъ наказавшій злодѣйства.
 65 Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ —
 Знатный ли, низкій ли къ нимъ приходилъ—уважать не хотѣли;
 Самы погибли они на себя навлекли; но супругъ мой...
 Намъ ужъ его не видать; въ отдаленнй плачевномъ погибъ онъ.
 Ей Эвриклея разумная такъ, возражая, сказала:
 70 Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
 Онъ, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вѣчно
 Онъ не воротится; если же такъ ты упорна разсудкомъ,
 Вѣрный онъ признакъ покажетъ: рубецъ на колѣнѣ; свирѣлымъ.
 Впрямъ, ты вѣдаешь, нѣкогда былъ на охотѣ онъ раненъ;
 75 Ноги ему омывая, рубецъ я узнала; объ этомъ
 Тотчасъ хотѣла сказать и тебѣ; но зажавъ мнѣ рукою
 Ротъ, онъ меня, осторожно разумный, принудилъ къ молчанью.
 Время однако идти; головой отвѣчаю за правду;
 Если теперь солгала я, меня ты казни безпощадно.
 80 Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
 Трудно тебѣ, Эвриклея, проникнуть, хотя и великій
 Умъ ты имѣешь, безсмертныхъ боговъ сокровенныя мысли.
 Къ сыну однако съ тобою готова идти я; увидѣтъ
 Мертвыхъ хочу и того, кто одинъ всю толпу истребилъ ихъ.
 85 Съ сими словами она по ступенямъ пошла, размышляя,
 Что ей приличнѣе: издали ль съ нимъ говорить, или приближась,
 Голову, руки и плечи его цѣловать? Перешедши
 Двери высокій порогъ и въ палату вступивъ, Пенелопа

Сѣла тамъ противъ супруга, въ сіяньи огня, у противной
⁹⁰Свѣтлой стѣны; на другомъ онъ концѣ у колонны, потушивъ
 Очи, сидѣль, ожидая, какое разумная скажетъ
 Слово супруга, его тамъ своими глазами увидя.
 Долго въ молчаньи сидѣла она; въ ней тревожилось сердце;
 То на него подымая глаза, убѣждалась, что въ правду
⁹⁵Онъ передъ ней; то противное мыслила, въ рубищѣ жалкомъ.
 Видя его. Телемакъ напоследокъ воскликнулъ съ досадой:
 Милая мать, что съ тобой? Ты въ своемъ ли умѣ? Для чего же
 Такъ въ отдаленьи угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
 Слова супругу сказать, и его ни о чемъ не разспросишь?
¹⁰⁰Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
 Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который по многихъ
 Бѣдствіяхъ къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
 Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцемъ безчувственный
 камень.

Сыну царя разумная тать, отвѣчая, сказала:
¹⁰⁵Сердце, дитя, у меня въ несказанномъ волненіи, слова
 Я произнести не могу, никакой мнѣ вопросъ не приходитъ
 Въ умъ, и въ лицо поглядѣть я не смѣю ему; но когда онъ
 Подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, мы
 способъ

Оба имѣемъ надежный другъ другу открыться: свои мы
¹¹⁰Тайны, людямъ другимъ неизвѣстные знаки имѣемъ.
 Кончила. Царь Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, улыбнулся;
 Къ сыну потомъ обратясь, онъ бросилъ крылатое слово:
 Другъ, не тревожь понапрасну ты мать, и свободную волю
 Дай ей меня разспросить. Не замедлитъ она убѣдиться
¹¹⁵Въ истинѣ; а жевъ изорванномъ рубищѣ; трудно въ такомъ ей
 Видѣ меня Одиссеемъ признать и почитать, какъ прилично.
 Нужно однако, размысливъ, рѣшить намъ: что сдѣлать полезнѣй?
 Если когда и одинъ кто убить гѣмъ бываетъ, и мало
 Близкихъ друзей и родныхъ за убитаго мстить остается —
¹²⁰Все, избѣгая бѣды, покидаетъ отчизну убійца.

Мы жъ погубили защитниковъ града, знатнѣйшихъ и лучшихъ

Юношей въ цѣлой Итакъ: объ этомъ должны мы подумать.

Такъ, отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Все ты умнѣе, родитель, придумаешь самъ; прославляютъ

¹²⁵Люди твою повсемѣстно премудрость; съ тобою сравнятся

Разумомъ, всё говорятъ, ни одинъ земнородный не можетъ;

Что повелишь, то и будетъ исполнено; сколько найдется

Силы во мнѣ, я не робкимъ твоимъ здѣсь помощникомъ буду.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:

¹³⁰Слушай же; вотъ что мнѣ кажется самымъ удобнымъ и лучшимъ:

Всѣ вы, омывшись, одѣньтесь богато, какъ будто на праздникъ;

Также одѣться должны и рабыни домашнія пашни;

Съ звоною цитрой въ рукахъ пѣснопѣвецъ божественный долженъ

Вестъ хороводъ, управляя шумящею пляской, чтобъ слыша

¹³⁵Струны и пѣніе въ домѣ, сосѣди и всякій, идущій

Мимо по улицѣ, думать могли, что пируютъ здѣсь свадьбу.

Должно, чтобъ въ городѣ слухъ не прошелъ о великомъ убійствѣ

Всѣхъ жениховъ многославныхъ до тѣхъ поръ, пока не уйдеть мы

За городъ на поле наше, въ нашъ садъ плодovitый; тамъ можемъ

¹⁴⁰Все на просторѣ устроить, на помощь призвавъ Олимпійцевъ.

Кончилъ. Его повелѣніе было исполнено скоро;

Чисто омывшись, одѣлись ботато, какъ будто на праздникъ

Всѣ; хороводъ учредили рабыни; пѣвецъ богоравный,

Цитру настроивъ глубокую, въ нихъ пробудилъ вождельные

¹⁴⁵Сладостныхъ пѣсней и стройноживой хороводныя пляски.

Домъ весь отъ топанья ногъ ихъ гремѣлъ и дрожалъ, и окружность

Вся оглашалася пѣніемъ звучнымъ рабовъ и служанокъ;

Всякій, по улицѣ шедшій, музыку и пѣніе слыша,

Думалъ: рѣшилась свою шировать напоследокъ царица

¹⁵⁰Свадьбу; невѣрная! мужа избраннаго сердцемъ дожидаться,
Домъ многославный его сохраняя, она не хотѣла.

Такъ говорили они, о случившемся въ домъ не зная.

Тою порой, Одиссея въ купальнѣ омывъ, Эвринома

Тѣло его благовоннымъ оливнымъ елеемъ натерла,

¹⁵⁵Легкій надѣлъ онъ хитонъ и богатой облекся хламидой.

Дочь же великая Зевса его красотой озарила,

Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми

Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гиацнта, ему закрутила.

Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,

¹⁶⁰Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ труд-
номъ

Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ;

Такъ Одиссея украсила дочь свѣтлокая Зевса.

Вышедъ изъ бани, лицомъ лучезарный, какъ богъ, возвратился

Онъ въ пировую палату и сѣлъ на оставленномъ стулѣ

¹⁶⁵Противъ супруги; глаза на нее устремивъ, онъ сказалъ ей:

Ты непонятная! боги, владыки Олимпа, не женскимъ

Нѣжноуступчивымъ сердцемъ, но жесткимъ тебя одарили;

Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,

Такъ недовѣрчиво встрѣтитъ супруга, который по многихъ

¹⁷⁰Бѣдствіяхъ въ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвра-
тился.

Слушай же, другъ Эвриклея; постель приготовь одному мнѣ;

Лягу одинъ я—когда въ ней такое желѣзное сердце.

Но Одиссею разумная такъ отвѣчала царица:

Ты непонятный! не думай, чтобъ я величалась, гордилась,

¹⁷⁵Или въ чрезмѣрномъ была изумленіи. Живо я помню

Образъ, какой ты имѣлъ, въ бораблѣ покидая Итаку.

Если жъ того онъ желаетъ, ему, Эвриклея, постелю

Ты приготовь; но не въ спальнѣ, построенной имъ; а въ другую

Горниду выставь большую кровать, на нее положивши

¹⁸⁰Мягкихъ овчинъ, на овчины же полость съ широкимъ по-
кровомъ.

Такъ говорила она, испытанью подвергнуть желая

Мужа. Съ досадою онъ, обратясь гъ Пенелопѣ, воскликнулъ:
 Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
 Кто же изъ спальни ту вынесъ кровать? Человѣку своєю
¹⁸⁵Силою сдѣлать того невозможно безъ помощи свыше;
 Богу конечно легко передвинуть ее на другое
 Мѣсто, но между людьми и сильнѣйшій, хотя бъ и рычагъ онъ
 Взять, не шатнулъ бы ея; заключалася тайна въ устройствѣ
 Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
¹⁹⁰Сдѣлалъ ее. На дворѣ находилася маслина съ темной
 Сѣнію, пышногустая, съ большую колонну въ объемѣ;
 Маслину ту окружилъ я стѣнами изъ тесаныхъ, плотно
 Сложенныхъ камней; и сводъ на стѣнахъ утвердивши высокій,
 Двери двустворныя сбилъ изъ досогъ и на петли навѣсилъ:
¹⁹⁵Послѣ у маслины вѣтви обсѣкъ и по близости къ борню
 Стволъ отрубилъ топоромъ, а отрубокъ у корня, отвсюду
 Острою мѣдью его по сиру обтесавъ, основаньемъ
 Сдѣлалъ кровати, его пробуравилъ, и скобелюю брусья
 Выгладилъ, въ раму связалъ и къ отрубку приладилъ, богато
²⁰⁰Золотомъ ихъ, серебромъ и слоновою костью украсивъ;
 Раму жъ ремнями изъ кожи воловѣй, обшивъ ихъ пурпурной
 Тканью, стянулъ. Таковы всѣ примѣты кровати. Цѣла ли
 Эта кровать и на прежнемъ ли мѣстѣ, не знаю; быть можетъ,
 Сняли ее, подкинувъ въ основаніи масличный корень.
²⁰⁵Такъ онъ сказалъ. У нея задрожали колѣна и сердце.
 Признаки всѣ Одиссеевы ей онъ исчислилъ; заплакавъ
 Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
 Мужу, и милую голову ибно цѣлуя, сказала:
 О! не сердись на меня, Одиссей! межъ людьми ты всегда былъ
²¹⁰Самый разумный и добрый. На скорбь осудили насъ боги;
 Было богамъ неугодно, чтобъ сладкую молодость нашу
 Вмѣстѣ вкусить, мы спокойно дошли до порога веселой
 Старости. Другъ, не сердись на меня и не дѣлай упрековъ
 Миѣ, что не тотчасъ, при видѣ твоємъ, я къ тебѣ прила-
 скалась;

²¹⁵Милое сердце мое, Одиссей, повергала въ великій

Трепетъ боязнь, чтобъ меня не прельстилъ здѣсь какой ино-
земный

Мужъ увлекательнымъ словомъ: у многихъ говарное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила бѣ
Къ лести пришельца, и съ нимъ не бѣжала бѣ, любви по-
коряся,

²²⁰Въ Трою, когда бы предвидѣть могла, что ахейне ратью
Придутъ туда и ее возвратятъ принужденно въ отчизну.
Демонъ вряждебный Елену вовлечь въ непристойный посту-
покъ;

Собственнымъ сердцемъ она не замыслила бѣ гнуснаго дѣла,
Страшнаго, всѣхъ насъ въ великое бѣдствіе ввергнаго дѣла.

²²⁵Ты мнѣ подробно теперь Одиссей описалъ всѣ примѣты
Нашей кровати — о ней же никто изъ живущихъ не знаетъ,
Кромѣ тебя и меня и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителемъ мнѣ при замужствѣ;
Дверь заповѣданной спальни она стерегла неусыпно.

²³⁰Ты же мою, Одиссей, убѣдилъ непреклонную душу.
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, прикинулъ онъ къ сердцу испытанной, вѣрной супруги
Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посидона, носяся

²³⁵Въ шумѣ бунтующихъ волнъ воздымаемыхъ силою бури;
Мало изъ мутносоленой пучины на твердую землю
Ихъ, утомленныхъ, избѣденныхъ острою влагой, выходитъ;
Радостно землю объемяютъ они, избѣжавъ потопленья.

Такъ веселилась она, возвращеннымъ любуясь супругомъ,
²⁴⁰Ругъ бѣлонѣжныхъ отъ шеи его оторвать не имѣла
Силы. Въ слезахъ бы могла ихъ застать златотронная Эось,
Если бѣ о томъ не подумала дочь свѣтлокая Зевса:

Ночь на предѣлахъ небесъ удержала Аѳина; девицѣ жъ
Златопрестольной, изъ водъ Океана коней легконогихъ,

²⁴⁵Съ нею летающихъ, Лампа и брата его Фазтона

[Ихъ въ колесницу свою заложивъ] выводитъ запретила.

Такъ благонравной супругѣ сказалъ Одиссей хитроумный:

О Пенелопа, еще не конецъ испытаніямъ нашимъ;
 Много еще впереди предлежитъ мнѣ трудовъ несказанныхъ,
²⁵⁰Много я подвиговъ тяжкихъ еще совершить предназначень.
 Такъ мнѣ пророка Тирезія тѣнью предсказано было
 Нѣкогда въ области темной Аида, куда нисходилъ я
 Свѣдать, настанетъ ли мнѣ и спутникамъ день возвращенья.
 Время однако идти, Пенелопа, на ложе, чтобъ въ сладкій
²⁵⁵Сонъ погружившись, свои успокоитъ усталые члены.
 Умная такъ отвѣчала на то Одиссею царица:
 Ложе, возлюбленный, будетъ готово, когда пожелаетъ
 Сердце твое; ты по волѣ боговъ благодѣтельныхъ снова
 Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ и въ возлюбленномъ краѣ от-
 чизны;

²⁶⁰Если же все наконецъ по желанью исполнили боги,
 Другъ, расскажи мнѣ о новыхъ тебѣ предстоящихъ напастяхъ;
 Слышать и послѣ могла бъ я о нихъ, но мнѣ лучше не смеля
 Свѣдать о томъ, что грозитъ впереди. Одиссей отвѣчалъ ей:
 Ты неотступная! странно твое для меня нетерпѣнье.
²⁶⁵Если однако желаешь, я все расскажу; но не будетъ
 Радостно то, что услышишь; и мнѣ самому не на радость
 Было оно. Прорицатель Тирезій сказалъ мнѣ: «покинувъ
 Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
 Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
²⁷⁰Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
 Также не зрѣвшихъ еще на водахъ кораблей быстроходныхъ,
 Пурпурногрудыхъ, ни весель, носящихъ, какъ мощныя крылья,
 Ихъ по морямъ. Отъ меня же узнай несомнительный признакъ;
 Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ
²⁷⁵Что за лопату несешь на блестящемъ плечѣ, иноземецъ?
 Въ землю весло водрузи—ты окончилъ свое роковое,
 Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принеси
 Въ жертву барана, быка и свиней оплодителя венря,
 Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
²⁸⁰Зевсу и прочимъ богамъ, безиредѣльнаго неба владыкамъ,
 Всѣмъ по порядку. И смерть не застигнетъ тебя на туманномъ

Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходи, ты кончину
Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народ-
нымъ

Счастьемъ богатнѣй». Вотъ то, что въ Аидѣ сказалъ мнѣ Тире-
зій.

²⁸⁵Выслушавъ, умная такъ Пенелопа ему отвѣчала:

Если достигнуть до старости намъ дозволяютъ благіе
Боги, то есть упованье, что наши бѣды прекратятся.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.

Тою порой Эвринома съ кормилицей, факелы взявши,

²⁹⁰Ложе пошли приготовить изъ мягкихъ постылогъ; когда же

Было совсѣмъ приготовлено мягкоупругое ложе,

Лечь на постелю свою, утомая, пошла Эвриклея;

Факель пылающій въ руки взяла Эвринома и въ спальню

Ихъ повела, осторожно свѣты передъ ними; съ весельемъ.

²⁹⁵Въ спальню вступили они; Эвринома ушла; а супруги

Старымъ обычаемъ вмѣстѣ легли на покойное ложе.

Скоро потомъ Телемакъ, свинопасъ и Филотій, окончить

Пляску велѣвъ, отослали слуганокъ и сами по темнымъ

Горницамъ, всѣхъ отпустивъ, разошлись, тамъ легли и заснули.

³⁰⁰Тою порою, утѣхой любви удовольствовавъ душу,

Игъживеселый вели разговоръ Одиссей съ Пенелопой.

Все рассказала она о жестокихъ, испытанныхъ ею

Дома обидахъ; какъ грабили домъ женихи безпощадно,

Сколько быковъ круторогихъ и козъ и овецъ и свиней тамъ.

³⁰⁵Съѣдено ими, и сколько кувшиновъ вина дорогаго

Выпито. Выслушавъ, все о себѣ въ свой чередъ рассказали онъ:

Сколько напастей другимъ приключилъ, и какія печали

Самъ испыталъ. И внимала съ весельемъ она, и до тѣхъ поръ,

Сонъ не сходилъ къ ней на вѣжды, повуда не кончилась по-
вѣсть.

³¹⁰Онъ рассказалъ: какъ въ началѣ ограбилъ киконровъ; какъ
прибылъ

Къ людямъ, которые лотосомъ сладкимъ себя насыщаютъ;

Что потерпѣлъ отъ циклопа и какъ за товарищей, звѣрски

*

Сожранныхъ имъ, отомстилъ и отъ гибели спасся плачевной;
 Какъ посѣтилъ гостелюбца Эола, который радушно
³¹⁵Принялъ его, одарилъ и отправилъ домой; какъ въ отчизну
 Злая судьба возвратиться ему не дала; какъ обратно
 Въ море его, вошющаго жалобно, буря умчала;
 Какъ принесенъ былъ онъ къ берегу лихихъ лестригоновъ:

они же

Разомъ его корабль и спутниковъ мѣднообутыхъ
³²⁰Всѣхъ истребили; а онъ съ остальнымъ кораблемъ, чернобо-
 гинь

Спасся. Потомъ рассказалъ онъ о хитрыхъ волшебствахъ Цир-
 ценъ;

Также о томъ, какъ въ туманную область Аида, въ которомъ
 Душу Тирезія велѣно было спросить, быстроходнымъ
 Былъ приведенъ кораблемъ, тамъ умершихъ товарищей тѣни
³²⁵Встрѣтилъ и матери милой отшедшую душу увидѣлъ;
 Какъ онъ Подслушалъ Сиренъ сладострастноубійственный го-
 лось;

Какъ межъ пловучихъ утесовъ, Харибдой и Скиллою, которыхъ
 Смертныи еще ни одинъ не избѣгнулъ, прошелъ невредимо;
 Какъ святотатно товарищи съѣли быковъ Геліоса;

³³⁰Какъ въ наказанье за то былъ корабль ихъ губительнымъ гро-
 момъ

Зевса разрушенъ, и всѣхъ злополучныхъ спутниковъ бездна
 Вдругъ поглотила, а онъ, избѣжавъ истребительной Керы,
 Къ берегу Огигіи острова былъ принесенъ, гдѣ Калипсо
 Нимфа его приняла и, желая чтобъ былъ ей супругомъ,
³³⁵Въ гротъ глубокомъ его угощала и даже хотѣла
 Дать напослѣдокъ ему и бессмертье и вѣчную младость,
 Вѣрнаго сердца однако его обольстить не успѣла;
 Какъ принесенъ былъ онъ бурей на островъ людей феакійскихъ,
 Съ честью великой его, какъ бессмертнаго бога, принявшихъ.

³⁴⁰Какъ наконецъ въ кораблѣ ихъ онъ прибылъ домой, полу-
 чивши

Множество мѣди и злата и ризъ драгоценныхъ въ подарокъ.

Это послѣднее онъ разсказалъ ужъ въ дремотѣ, и скоро
Сонъ прилетѣлъ, чарователь тревогъ, успокоитель сладкій.
Добрая мысль родилась тутъ въ умѣ свѣтлоокой Паллады:
345Въ сердцѣ своемъ убѣдившись, что сномъ безмятежнымъ на
ложѣ

Подлѣ супруги довольно уже Одиссей наслаждался,
Выдти изъ водъ Океана велѣла она златотронной
Эось, чтобъ свѣтомъ людей озарить; Одиссей пробудился.
Съ мягкаго ложа поднявшись, сказалъ онъ разумной супругѣ:
350Много съ тобой, Пенелопа, доннынѣ мы бѣдѣ претерпѣли
Оба: ты здѣсь обо мнѣ, ожидаемомъ тщетно, крушилась;
Я осужденъ былъ Зевесомъ отцомъ и другими богами
Странствовать, надолго съ милой отчизной моей разлученный.
Инынѣ опять мы на сладостномъ ложѣ покоимся вмѣстѣ.
355Ты наблюдай, Пенелопа, за всѣми богатствами въ домѣ,
Я же потщусь истребленное буйными здѣсь женихами
Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадутъ, и уплатится весь мой убытокъ.
Надобно прежде однако нашъ садъ плодovitый и поле
360Мнѣ посѣтить, чтобъ увидѣть отца, сокрушеннаго горемъ.
Ты жъ безъ меня осмрительна будь, Пенелопа. Съ восходомъ
Солнца по городу быстро раздастся молва о убійствѣ,
Мной совершенномъ, о гибели всѣхъ жениховъ многобуйныхъ.
Ты удалися съ рабынями вмѣстѣ на верхъ, и сиди тамъ
365Смирно, ни съ кѣмъ не входи въ разговоръ, никому не яв-
ляйся.

Копчивъ, на плечи свои онъ накинулъ прекрасную броню
Сына съ Филогемъ, съ вѣрнымъ Эвмеемъ-позвалъ и велѣлъ имъ.
Также Ареево въ руки оружіе взять и облечься
Въ брони; то было исполнено; крѣпкою мѣдью покрывшись,
370Вышли они, Одиссей впереди, изъ воротъ. Восходила
Въ тихомъ сіяніи Эось. Аэина ихъ, мглой окруженныхъ,
Вывела тайно по улицамъ люднаго города въ поле.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОРОКОВОЙ ДЕНЬ.

Души жениховъ, приведенныя Эрміемъ въ Аидъ, встрѣчаютъ тамъ Ахиллеса и Агамемнона. Амфимедонъ рассказываетъ о погибели жениховъ Агамемнону, который воздастъ хвалу мужественному Одиссею и благонравной Пенелопѣ. Тѣмъ временемъ Одиссей открывастся отцу; за обѣдомъ онъ узнаетъ Доліономъ и его сыновьями. Вѣсть о погибели жениховъ возбуждаетъ въ городѣ мятежь. Эвпейтъ ведетъ своихъ сообщниковъ противъ Одиссея. Одиссей остается побѣдителемъ. Между враждующими заключается миръ съ помощью Аонны.

Эрміи тѣмъ временемъ, богъ Киплинейскій, мужей умерщвленныхъ

Души изъ труповъ безчувственныхъ вызвалъ; имѣя въ рукѣ
свой

Жезлъ золотой [по желанью его наводящій на бодрыхъ
Сонъ, отверзающій сломъ затворенныя очи у сонныхъ],
Имъ онъ махнулъ и, столпясь, полетѣли за Эрміемъ тѣни
Съ визгомъ; какъ мыши летучія, въ нѣдрѣ глубокой пещеры,
Цѣпью къ стѣнамъ прилѣпленныя — если одна, оторвавшись,
Свалится наземъ съ утеса — визжать, въ безпорядкѣ порхалъ:
Такъ, завизжавъ, полетѣли за Эрміемъ тѣни; и вель ихъ
¹⁰Эрміи, въ бѣдахъ покровитель, къ предѣламъ тумана и
тлѣнья;

Мимо Левкада скалы и стремительныхъ водъ Океана,
Мимо воротъ Гелиосовыхъ, мимо предѣловъ, гдѣ боги
Сна обитаютъ, провѣяли тѣни на Асфодилонскій
Лугъ, гдѣ воздушными стаями души усопшихъ летаютъ.

¹⁵Первая имъ повстрѣчалася тѣнь Ахиллеса Нелнда;
Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Те-
ламоновъ

Бодрый Аяксъ, красотою и мужествомъ браннымъ и силой,
Послѣ Пелеева сына, ахейцъ другихъ затмѣвавшій.
Легкой толпою они окружили ихъ. Тихо и грустно

²⁰ТѢнь Агамемнона, сына Атревѣва, тутъ подошла къ нимъ;
Слѣдомъ за ней подошли и всѣ тѢни товарищей, падшихъ
Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ
рокомъ.

Слово душа Ахиллеса къ душѣ Агамемнона прежде
Всѣхъ обратила: Атридъ, намъ казалось, что Зевсъ громолю-
бецъ

²⁵Болѣ къ тебѣ, чѣмъ къ героямъ другимъ, благосклонствовалъ;
имъ ты

Былъ надъ владыками сильными первовластителемъ сдѣланъ
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ претерпѣли ахейцы.
Но и тебѣ повстрѣчать на землѣ предназначено было
Страшную Керу, которой никто не избѣгъ изъ рожденныхъ.

³⁰О! для чего, окруженный величьемъ, властью и славой,
Ты не погибъ межъ товарищей бранныхъ у стѣнъ Иліона!
Холмъ бы надъ прахомъ твоимъ былъ насыпанъ ахейцамъ,
сыну

Славу великую ты навсегда бы въ наслѣдство оставилъ;
Нинѣ жъ плачевною смертью по волѣ судьбины погибъ ты.

³⁵ТѢнь Агамемнона тѢни Пелидовой такъ отвѣчала:
Смигъ Целеевъ, избранникъ боговъ, ты завидно былъ счастливъ
Паль далеко отъ Аргоса въ Троянской землѣ ты, но пало
Много тобой умерщвленныхъ троянъ вокругъ тебя и за трупъ
твой

Бились ахейцы славнѣйшіе; ты же подъ вихрями пыли

⁴⁰Тихій, огромный и страшный, лежалъ тамъ, забывъ колес-
ничный

Бой; и день цѣлый мы бились всѣ за тебя, и конца бы
Не было битвѣ, когда бы Зевесъ не развелъ насъ грозюю.
Вынесши тѣло изъ боя твое, къ кораблямъ возвратились
Съ нимъ мы; его положивши на одръ и водою омывши;

⁴⁵Масломъ натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкругъ бездыханнаго трупа ахейанъ, свои отъ печали
Волосы рвавшихъ. И съ нимфами моря изъ бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ея несказанный

По морю крикъ: трепетаніе страха проникло ахеянъ;
⁵⁰Всѣ всколобались, и всѣ бѣ къ кораблямъ убѣжали глубокимъ,
 Если бы ихъ не успѣли удержать многознающій старецъ
 Несторъ, всегда подававшій совѣты разумные; полный
 Мыслей благихъ, обратяся къ товарищамъ, такъ имъ сказалъ
 онъ:

Стойте, ахейцы! куда вы бѣжите, аргивяне? Что васъ
⁵⁵Такъ испугало? То съ нимфами моря изъ бездны глубокой
 Скорбная мать подымается мертвѣго сына увидѣть.
 Такъ онъ сказалъ; ободрились ахейскіе мужи. И трупъ твой
 Нимфы прекрасныя, дочери старца морей, окружили
 Съ плачемъ, и свѣтлобожественной ризой его облачили;
⁶⁰Музы — всѣ девять — смѣняяся, голосомъ сладостнымъ пѣли
 Гимнъ похоронный; никто изъ аргивянъ съ сухими глазами
 Слушать не могъ сладкопѣнія музъ, врачевательницъ сердца;
 Цѣлыхъ семнадцать тамъ дней и ночей надъ тобой проливали
 Горькія слезы безсмертные боги и смертные люди;
⁶⁵Но на осьмнадцатый день былъ огню ты торжественно пре-
 данъ;

Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ убили
 Въ почестъ твою; и въ божественной ризѣ, помазанный сладкимъ
 Медомъ и мазью душистою, былъ ты сожженъ; и ахейцы,
 Въ мѣдъ облачась, у костра, на которомъ сгоралъ ты, кипѣли,
⁷⁰Конные, пѣшіе, въ быстрыхъ блестя колесницахъ; великій
 Говоръ и шумъ былъ; когда же Ифестово пламя пожрало
 Трупъ твой, съ восходомъ денницы мы собрали бѣлыя кости,
 Чистымъ виномъ ихъ омыли, умѣстили мазью; златую
 Урну дала сокрушенная мать; Діонисъ ей, сказала,
⁷⁵Ту подарилъ драгоцѣнную урну, созданье Ифеста.
 Пыль хранится въ ней кости твои, Ахиллесъ лучезарный,
 Вмѣстѣ съ костями Патрокла, погибшаго прежде во брани,
 Но далеко отъ костей Антилоха, который тобою,
 Послѣ Патрокловой смерти, всѣхъ болѣ ахеянъ любимъ былъ.
⁸⁰Холмъ погребальный великій надъ вашими урнами былъ тутъ
 Ратью святой копыеносныхъ аргивянъ у свѣтлошировихъ

Водъ Геллеспонта на брегѣ, впередъ выходящемъ, насыпанъ;
 Будеть далеко онъ на морѣ видимъ пловцамъ мореходнымъ.
 Нашихъ временъ, и грядущаго времени всѣмъ поколѣбнымъ.
⁸⁵Мать же твоя принесла тутъ дары, у боговъ испрося ихъ;
 Были цѣною побѣды на играхъ они для ахейнъ.
 Часто бывалъ, Ахиллестъ, ты свидѣтелемъ игръ похоронныхъ,
 Въ честь многославныхъ, похищенныхъ смертью царей и ге-
 роевъ;

Зрѣлъ ты, какъ юноши, алча вѣнца, снаряжались къ бою —
⁹⁰Здѣсь же тебя привело бъ изумленіе въ трепетъ при видѣ
 Чудныхъ даровъ, среброной Оетидой въ награду побѣды
 Намъ отъ боговъ принесенныхъ: ты былъ ихъ избранный лю-
 бимецъ.

Такъ и по смерти ты именовъ живъ, Ахиллестъ, и навѣки
 Слава твоя сохранится во всѣхъ на землѣ поколѣбныхъ.
⁹⁵Мнѣ жъ, послужило ль къ чему окончаніе славное брани?
 Страшное Зевсъ приготовилъ мнѣ въ землю отцовъ возвра-
 щенье:

(Смерть отъ Эгиста предательствомъ гнуснымъ жены развращен-
 ной.

Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
 Тутъ имъ явился, увидѣли, Эрмій Аргусубійца,
¹⁰⁰Души въ Андѣ женховъ, Одиссеемъ убитыхъ, ведущіи;
 Оба они, изумяся, приблизились къ тѣнямъ; въ густомъ ихъ
 Сонѣ душа Агамемнона, сына Атревеева, душу
 Амфимедона, Мелантова славнаго сына узнала.
 Житель Итаки, онъ гостемъ издавна Атриду считался;
¹⁰⁵Амфимедонову душу душа Агамемнона грустнымъ
 Словомъ спросила: что сдѣлалось съ вами? Зачѣмъ васъ такъ
 много

Юныхъ, прекрасныхъ, въ подземную область приходитъ? Ни-
 кто бы

Лучшихъ не выбралъ, когда бъ надлежало межъ первыми въ
 градѣ

Выбрать. Въ пучинѣ ли васъ погубилъ Посидонъ съ кораблями,
¹¹⁰Бурю пригнавъ и великія волны воздвигнувъ? На сушѣ ль

Врагъ многосильный сразилъ васъ незнапно, захваченныхъ въ
полѣ,

Гдѣ вы ловили его криворогихъ быковъ и барановъ,
Или во градѣ, гдѣ женъ нохищали и грабили дома
Дерзкой толпою? Отвѣтствуй; мнѣ гостемъ считался ты въ жизни.

¹¹⁵Помнишь ли время, когда твой отеческій домъ посѣтилъ я,
Вызвать спѣша Одиссея, чтобъ съ братомъ моимъ Менелаемъ
Шель въ корабляхъ разрушать Иліона могучія стѣны?
Цѣлый мы плавали мѣсяць по темноширокому морю
Прежде, чѣмъ былъ убѣжденъ Одиссей, городовъ сокрушитель.

¹²⁰Амфимедонова тѣнь отвѣчала Атридовой тѣни:
Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агамемнонь,
Памятно все мнѣ, о чемъ говоришь ты, питомецъ Зевесовъ.
Если же вѣдать желаешь, тебѣ расскажу я подробно,
Какъ мы погибли, какую намъ смерть приготовили боги.

¹²⁵Спорили всѣ мы другъ съ другомъ о бракѣ съ женой Одиссея;
Въ бракъ не желая вступить, и отъ брака спастись не имѣя
Средства, намъ гибель и смерть замышляла въ дулгѣ Пенелона.
Слушай, какую она вѣроломно придумала хитрость:

Стань превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ
¹³⁰Тонко-широкую тканъ и, собравши насъ всѣхъ, намъ сказала:
Юноши, нынѣ мои женихи—поелигу на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая тканъ не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
¹³⁵Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Царками отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ по-
крова.

Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила, а ночью,

¹⁴⁰Факель зажегши, сама все натканное днемъ распускала.
Три года длился обманъ и она убѣждать насъ умѣла;
Но когда обращенъ время приведенный четвертый
Годъ совершился, промчались мѣсяцы, дни пролетѣли—
Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла;

¹⁴⁵Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью;
 Такъ и была приневолена нѣхотя трудъ свой окончить.
 Но лишь, окончивъ свой трудъ принужденный, она напослѣ-
 докъ

Ткань, какъ луна иль какъ солнце блестящую, намъ показала,
 Демонъ враждебный незанно привелъ Одиссея въ Итаку;
¹⁵⁰Въ домъ онъ сначала пришелъ къ свинопасу Эвмею; туда же
 Былъ приведенъ и подобный богамъ Телемакъ, совершившій
 Свой отъ песчанаго Пилоса путь въ корабль чернобокомъ.
 Оба они, тамъ замысливъ ужасную нашу погибель,
 Въ городъ вопли многославный; сперва Телемакъ, Одиссею
¹⁵⁵Сынъ; а за нимъ напослѣдокъ и самъ Одиссей хитроумный;
 Онъ приведенъ былъ Эвмеемъ, одѣтый въ убогое платье,
 Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
 Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ, набросивъ на плѣчъ.
 Намъ же [и самымъ разумнымъ изъ насъ] не входило ни разу
¹⁶⁰Въ мысли, чтобъ это былъ самъ Одиссей, возвратившійся
 тайно

Въ домъ свой: въ него мы швыряли; его поносили словами;
 Долгое время онъ въ собственномъ домѣ съ великимъ тер-
 пѣньемъ,

Молча, сносилъ и швырянье и наши обидныя рѣчи.
 Но ободренный эгидоносителемъ грознымъ Зевесомъ,
¹⁶⁵Онъ съ Телемакомъ вдвоемъ всѣ доспѣхи прекрасные собралъ,
 Въ дальній покой перенесъ ихъ, и тамъ запертymi оставилъ;
 Послѣ коварнымъ совѣтомъ своимъ побудилъ Пенелопу,
 Страшныя стрѣлы и лукъ Одиссею тугой намъ принесши,
 Вызвать насъ бѣдныхъ къ стрѣлянью и къ вѣрпой погибели
 нашей.

¹⁷⁰Мы же [и самый сильнѣйшій изъ насъ] не могли непокорный
 Лукъ натянуть тетивою: на то недостало въ насъ силы;
 Но, когда поднесенъ Одиссею былъ лукъ свинопасомъ,
 Всею толпой на него закричали мы, лукъ Одиссею
 Въ руки давать запрещая бродягѣ, хотя и просилъ онъ.
¹⁷⁵Намъ вопреки, Телемакъ богоравный на то согласился.
 Взявши могучій свой лукъ, Одиссей, въ испытаніяхъ твердый,

Вмигъ натянулъ тетиву и сквозь кольца стрѣла пролетѣла.
 Прянувъ тогда на порогъ, изъ колчана онъ высыпалъ стрѣлы,
 Страшно кругомъ озираясь. И былъ Антиной имъ застрѣленъ
¹⁸⁰Первый; и бѣшено сталъ посылать онъ стрѣлу за стрѣлою;
 Не было промаха; падали всѣ умерщвленные; было
 Ясно, что кто нибудь помощь ему подавалъ изъ безсмертныхъ.
 Бросаясь на нашу толпу, онъ по всей разогналъ насъ палатѣ.
 Страшное тутъ началось убійство, раздался великій
¹⁸⁵Крикъ; былъ разбрызганъ нашъ мозгъ и дымился затоплен-
 ный кровью

Поль. Такъ плачевно погибли мы всѣ, Агамемнонъ. Еще тамъ
 Наши лежатъ погребенья лишенные трупы; о нашей
 Смерти не свѣдалъ еще ни одинъ изъ родныхъ и изъ близкихъ;
 Наши кровавыя раны еще не омты, еще насъ
¹⁹⁰Пламень не сжегъ и никто не оплакалъ, и почести нѣтъ намъ.
 Амфимедоновой тѣни Атридова тѣнь отвѣчала:
 (Счастливы ты, другъ, многохитростный мужъ, Одиссей бого-
 равный!

Добрую, правами чистую избралъ себѣ ты супругу;
 Розно съ тобою, себя непорочно вела Пенелона,
¹⁹⁵Дочь многоумная старца Икарія; мужу, любящимъ
 Сердцемъ избранному, вѣрность она сохранила; и будетъ
 Слава за то ей въ потомствѣ; и въ пѣсняхъ Камень сохранится
 Память о вѣрной, прекрасной, разумной женѣ Пенелопѣ.
 Участъ иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
²⁰⁰Въ руку убійцы супруга предавшей: объ ней сохранится
 Страшное въ пѣсняхъ потомковъ; она навсегда носрамила
 Поль своей и даже всѣхъ женъ, поведеньемъ своимъ безпорочныхъ.
 Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя грустно
 Въ темныхъ жилищахъ Аида, въ глубокихъ предѣлахъ под-
 земныхъ.

²⁰⁵Тою порой Одиссей и спутники, вышедъ изъ града,
 Поля достигли, которое самъ обрабатывалъ добрый
 Старецъ Лазръ съ попеченьемъ великимъ, давно имъ владѣя.
 Садъ тамъ и домъ онъ имѣлъ; отовсюду широкимъ навѣсомъ

Домъ окруженъ былъ, и днемъ подъ навѣсомъ рабы собирались
 210Вмѣстѣ работать и вмѣстѣ обѣдать; а ночью тамъ вмѣстѣ
 Спали; была между ими старушка породы сикельской;
 Старцу служила она и неклася о немъ неусыпно.

Такъ Одиссей, обратясь къ Телемаку и къ прочимъ, сказалъ имъ:
 Всѣ вы теперъ совокупно войдите во внутренность дома.

215Лучшую выбравъ свинью, на обѣдъ нашъ ее тамъ зарѣжьте;
 Я же къ родителю прямо пойду: испытать я намѣренъ,
 Буду ль имъ узнать, меня угадаютъ ли старцевы очи,
 Или отъ долгой разлуки я сталъ и отцу незнакомцемъ?

Такъ говоря, онъ оружiе отдалъ рабамъ; и поспѣшно
 220Въ домъ съ Телемакомъ вступили они; Одиссей же направилъ

Путь къ плодоносному саду, тамъ встрѣтити надѣясь Лаэрта.

Въ садъ онъ вступивъ, не нашель Доліона, и не было также

Тамъ ни работъ, ни дѣтей Доліоновыхъ; посланы были

Всѣ они въ поле терновникъ собирать для заграды садовой;

225Съ ними пошелъ и старикъ Доліонъ указать имъ дорогу.

Старца Лаэрта въ саду одного Одиссей многоумный

Встрѣтилъ; онъ тамъ подчищаль деревцо; былъ одѣтъ неопратно;

Платье въ заплаткахъ; худыми ремнями изъ кожи бычачей,

Наживо спитыми, были опутаны ноги, чтобъ нглы

230Ихъ не парпали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ.

Онъ защитилъ рукавицами; плыкъ изъ потершейся козьей

Шкуры покровомъ служилъ головѣ, наклоненной отъ горя.

Такъ Одиссею явился отецъ, сокрушенный и дряхлый.

Онъ притаился подъ грушей, далъ волю слезамъ и, въ молчаньи,

235Стоя тамъ, плакалъ. Не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ,
 что сдѣлать:

Вдругъ ли отерывшись, ко груди прижать старика, и цѣлуя

Руки его, объявить о своемъ возвращеніи въ Итаку?

Или вопросами вывѣдать все отъ него понемногу?

Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ напоследокъ, что лучше

240Опыту старца притворнообидною рѣчью подвергнуть.

Такъ разсудивъ, подошелъ Одиссей богоравный къ Лаэрту.

Голову онъ наклонялъ, деревцо подчищая мотыгой.

Близко къ нему подступивши, сказалъ Одиссей лучезарный:
 Старецъ, ты, вижу, искусенъ и опытенъ въ дѣлѣ садовомъ;
²⁴⁵Садъ твой въ великомъ порядкѣ; о каждомъ равно ты печешься
 Деревъ; смоквы, оливы и груши и сочные грозды
 Лозъ виноградныхъ, и гряды цвѣточныя—все здѣсь въ приборѣ.
 Но не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
 Старецъ, что самъ о себѣ ты заботишься плохо; угрюма
²⁵⁰Старость твоя, ты нечистъ, ты одѣтъ неопратно; ужъ вѣрно
 Твой господинъ до тебя такъ недобръ не за лѣность къ работѣ.
 Самъ же ты образомъ вовсе не сходишь съ работъ подчиненнымъ;
 Царское что-то и въ видѣ и станѣ твоемъ нахожу я;
 Волѣ подобенъ ты старцу, который, омывшись, насытись,
²⁵⁵Снитъ на роскошной постелѣ, какъ всякому старцу прилично.
 Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая:
 Кто господинъ твой? За чьимъ плодоноснымъ ты садомъ здѣсь
 смотришь?

Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
 Вправду ль на островъ Итаку я прибылъ, какъ это сказалъ мнѣ
²⁶⁰Кто-то изъ здѣшнихъ, меня на дорогѣ сюда повстрѣчавшии?
 Былъ онъ однако весьма непривѣтливъ; со мной разговора
 Вестъ не хотѣлъ и мнѣ не далъ отвѣта, когда я о гостѣ,
 Нѣкогда принятомъ мною, его разспросить попытался:
 Живъ ли и здѣсь ли еще, иль ужъ въ область Лида сошелъ онъ?
²⁶⁵Вѣдать ты долженъ, и выслушай то, что скажу я: давно ужъ
 Мнѣ угощать у себя посѣтившаго домъ мой случилось
 Странника; много до тѣхъ поръ гостей изъ далекихъ, изъ
 ближнихъ

Странъ приходило ко мнѣ; но такой между ими разумный
 Мнѣ не встрѣчался; онъ назвалъ себя уроженцемъ Итаки,
²⁷⁰Аркесіада Лаэрта, молвою хвалимаго, сыномъ.
 Принялъ я въ домѣ своемъ Одиссея; и мной угощенъ былъ
 Онъ съ дружелюбною роскошью—много запасовъ имѣлъ я
 Въ домѣ; и много подарковъ мой гость получилъ на прощаньи:
 Золота далъ я отличной доброты семь полныхъ талантовъ;
²⁷⁵Далъ сребролитную чашу, вѣнчанную чудно цвѣтами,

Съ нею двѣнадцать покрововъ, двѣнадцать широкихъ вседневныхъ

Мантій, и къ верхнимъ двѣнадцати ризамъ двѣнадцать хитоновъ;
Кромѣ того подарилъ четырехъ руководѣльныхъ невольницъ:

Были онѣ молодыя, красивыя; самъ онъ ихъ выбралъ.

²⁸⁰Крупную старецъ слезу уронивъ, отвѣчалъ Одиссею:

Странникъ, ты подлинно прибылъ въ тотъ край, о которомъ
желалъ

Свѣдать; но имъ ужъ давно завладѣли недобрые люди.

Ты понапрасну съ такимъ гостелюбьемъ истратилъ подарки;

Еслибъ въ Итагѣ живымъ своего ты давнишняго гостя

²⁸⁵Встрѣтилъ, тебя отдалилъ бы онъ также богато, принявши

Въ домъ свой: таковъ ужъ обычай, чтобъ гости другъ друга
дарили.

Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая:

Сколько съ тѣхъ поръ миновалось лѣтъ, какъ въ своемъ угощаль ты

Домъ несчастнаго странника? Странникъ же этотъ былъ сынъ
мой,

²⁹⁰Сынъ Одиссей — злополучный! быть можетъ, далеко отъ
милой

Родины, рыбами съѣденъ онъ въ безднѣ морской иль на сушѣ

Птицамъ пустыннымъ, звѣрямъ плотояднымъ достался въ до-
бычу;

Матерью не былъ онъ, не былъ отцомъ погребенъ и ошаканъ;

(Не былъ и дорогокупленной, вѣрной женой Пенелопой

²⁹⁵Съ плачемъ и крикомъ на одръ положенъ; и она не закрыла
Милыхъ очей; и обычной ему не оказано чести.

Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:

Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?

Кто твоя мать? Гдѣ корабль, на которомъ ты прибылъ въ
Итаку?

³⁰⁰Гдѣ ты покинулъ товарищей? Или чужимъ, какъ попутчикъ,
Къ намъ привезенъ кораблемъ и, тебя здѣсь оставя, отплылъ
онъ?

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку;
 Я родился въ Алибантѣ; живу тамъ въ богатыхъ палатахъ;
 305 Полипмонидъ Афейдъ, той страны обладатель, отецъ мой;
 Имя дано мнѣ Эпиритъ. Сюда непріязненный Демонъ
 Противъ желанья меня, отъ Сиканін плившаго, бросилъ;
 Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона лѣсистымъ.
 Долженъ однако ты вѣдать, что съ тѣхъ поръ ужъ пять со-
 вершилось

310 Лѣтъ, какъ мое посѣтивши отечество, сынъ твой пустился
 Въ море. Ему жъ при отплытіи счастливый путь предсказали
 Птицы, взлетѣвшія справа; я весело съ нимъ разлучился;
 Весело поплылъ и онъ; мы питались надеждою сладкой:
 Часто видаться, другъ другу подарками радуя сердце.

315 Такъ говорилъ Одиссей; и печаль отуманила образъ
 Старца; и прахомъ наполнивши горсти, свою онъ сѣдую
 Голову всю имъ, вздохнувъ со стенаньемъ глубокимъ, осмыалъ.
 Сердце у сына въ груди повернулось, и спершись, дыханье
 Кинулось въ ноздри его—онъ сраженъ былъ родителя скорбью.

320 Бросая къ нему, онъ, его обхвата и цѣлуя, воскликнулъ:
 Здѣсь я, отецъ! я твой сынъ, Одиссей, столь желанный тобою
 Волей боговъ возвратившійся въ землю отцовъ черезъ двадцать
 Лѣтъ; воздержись отъ стенаній, оставь сокрушенье и слезы.

Слушай однако; мгновенья намъ тратить не должно, понеже
 325 Въ домѣ моемъ истребилъ я ужъ всѣхъ жениховъ много-
 буйныхъ,

Мста имъ за всѣ беззаконія ихъ и за наши обиды.

Кончилъ. Лаэртъ изумленный отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
 Если ты подлинно сынъ Одиссей, возвратившійся въ домъ
 свой—

Вѣрный мнѣ знакъ покажи, чтобъ мое уничтожить сомнѣнье.

330 Старцу Лаэрту отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
 Прежде тебѣ уважу я на этотъ рубецъ; мнѣ поранилъ
 Ногу, ты помнишь, влывкомъ разъяренный кабанъ на Пар-
 насѣ;

Былъ же туда я тобою и милою матерью посланъ
 Къ Автоликону, отцу благородному матери, много
 335[Насъ посѣтивъ] посулившему дать мнѣ богатыхъ подарковъ.
 Если желаешь, могу я тебѣ перечестъ и деревья
 Въ садѣ, которыя ты подарилъ мнѣ, когда я однажды,
 Бывши малюткою, здѣсь за тобою бѣжалъ по дорожкѣ.
 Самъ ты, деревья даря, поименно мнѣ каждое назвалъ:
 340Даль мнѣ тринадцать ты грушъ оцвѣтившихся, десять от-
 борныхъ
 Яблонь и сорокъ смоковницъ; притомъ пятьдесятъ виноград-
 ныхъ
 Лозь обѣщаль, приносящихъ весь годъ многосочные грозды;
 Круинныя жъ ягоды ихъ, какъ янтарь золотой или пурпурный,
 Блещутъ, когда созрѣваютъ онѣ благодатью Зевеса.
 345Такъ онъ сказалъ. Задрожали колѣна и сердце у старца;
 Всѣ сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакавъ,
 Милаго сына онъ обнялъ, потомъ обезпамятѣлъ; въ руки
 Принялъ его, всѣхъ лишеннаго силъ, Одиссей богоравный;
 Но напоследокъ, когда возвратились и память и силы,
 350Голосъ возвысивъ и взоръ устремивши на сына, сказалъ онъ:
 Слава Зевесу отцу! существуютъ еще на Олимпѣ
 Мстящіе боги, когда беззаконники вправду погибли.
 Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подыметъ въ градѣ
 Скоро мятежъ, и сюда соберется народъ, и съ ужасной
 355Вѣстью гонцы разошлутся по всѣмъ городамъ кефаленскимъ.
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
 Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ.
 Лучше пойдемъ мы въ твой домъ, находящійся близко отсюда;
 Я ужъ туда Телемака съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ,
 360Прямо послалъ, имъ велѣвъ приготовить обѣдъ намъ обиль-
 ный.
 Съ сими словами къ красивому дому направили путь свой
 Сынъ и отецъ; и когда напоследокъ вступили въ красивый
 Домъ, Телемакъ тамъ съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ,
 состряпавъ

Пишу, ужъ рѣзали мясо и въ кубки вино разливали.

³⁶⁵Тою порою, Лаэрта въ купальнѣ омывши рабыня

Старцева, тѣло его благовоннымъ елеемъ натерла,

Чистою мантіей плечи его облекла; а Аенна,

Тайно къ нему подошедши, его возвеличила ростомъ,

Сдѣлала тѣломъ полнѣй, и лицу придала молодавость.

³⁷⁰Вышелъ изъ бани онъ свѣтель. Отца подходящаго вида,

Сынъ веселился его красотю, божественно чистой.

Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:

О родитель! конечно одинъ изъ боговъ Олимпійскихъ

Такъ озарилъ красотю твой образъ, такъ выпрямилъ станъ
твой!

³⁷⁵Кротко на то Одиссею Лаэртъ отвѣчалъ многославный:

Если бѣ — о Дій громожерецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аенна!—

Былъ я таковъ, какъ въ то время, когда съ кефаленскою ратью

Нериконъ градъ на утесѣ земли матерой ниспровергнулъ,

Если бы въ домѣ вчера я такимъ предъ тобою явился,

³⁸⁰Броню надѣлъ на плеча и, тебѣ помогая, ударилъ

Вмѣстѣ съ тобой на толпу жениховъ — сокрушилъ бы колѣна

Многимъ изъ нихъ я; и ты бы, любуясь отцомъ, веселился.

Такъ говорили они, собесѣдуя сладко другъ съ другомъ.

Стряпанье кончивъ, обильный обѣдъ приготовивъ и сѣвши

³⁸⁵Вмѣстѣ за столъ надлежащимъ порядкомъ на креслахъ и
стульяхъ,

Весело подняли руки они въ приготовленной пищѣ.

Скоро съ работы пришелъ и старикъ Доліонъ съ сыновьями:

Звать ихъ за столъ къ нимъ навстрѣчу рабыня сикельская
вышла

[Всѣхъ сыновой воспитала она, а за старымъ отцомъ ихъ,

³⁹⁰Слабымъ отъ лѣтъ, съ неусыпнымъ усердіемъ въ домѣ пе-
клася].

Въ двери столовой вступивши, при видѣ нежданаго гостя,

Всѣ изумились они и стояли, не трогаясь съ мѣста.

Ласково къ нимъ обратясь, сказалъ Одиссей хитроумный:

Что же ты медлишь? Садися за столъ къ намъ, старикъ; уди-
вленье

395 Ваше оставивъ, обѣдайте съ нами; давно ужъ сидимъ мы
Здѣсь за столомъ, дожидаясь, чтобъ вы возвратились съ работы.
Такъ онъ сказалъ. Доліонъ, подбѣжавъ къ своему господину,
Руки его цѣловать съ несказанною радостью началъ;
Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:
400 Здѣсь наконецъ ты, нашъ милый, желанный! Увидѣть намъ

дали

Боги тебя — а у насъ ужъ въ душѣ и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будутъ съ тобою!
Намъ же теперь объяви, чтобъ могли мы всю истину вѣдать,
Даль ли уже ты разумной супругѣ своей Пенелопѣ
405 Знать о своемъ возвращеньи? Иль вѣстника должно послать
къ ней?

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Сказано все ей, старикъ; не заботься объ этомъ напрасно.
Такъ отвѣчалъ Одиссей. Доліонъ помѣстился на гладкомъ
Стулѣ. Его сыновья, своему поклонясь господину,
410 Съ словомъ привѣтливымъ руку пожали ему и обѣдать
Сѣли съ другими за столъ близъ отца своего Доліона.
Такъ пировали они въ многославномъ жилищѣ Лаэрта.
Осса тѣмъ временемъ съ вѣстью ходила по улицамъ града,
Страшную участь и лютую смерть жениховъ разглашая;
415 Всѣ взводновалися жители града; великой толпою
Съ ропотомъ, съ воплемъ сбѣжался народъ къ Одиссееву дому;
Вынесли мертвыхъ оттуда; однихъ схоронили; другихъ же
Въ дома семейные ихъ по инымъ городамъ разослали,
Трупы развезть поручивъ рыбакамъ на судахъ быстроходныхъ.
420 На площадь стали потомъ всѣ печально собираться; когда же
На площадь всѣ собрались и собраніе сдѣлалось полнымъ,
Первое слово къ народу Эвпейтъ обратилъ благородный;
Въ сердцѣ, о сынѣ своемъ, Антиноѣ прекрасномъ, который,
Первый застрѣленный, первую жертвою былъ Одиссея,
425 Онъ сокрушался; и такъ сокрушенный сказалъ онъ народу:
Граждане милые, страшное зло Одиссей намъ ахейцамъ
Всѣмъ приключилъ. Благороднѣйшихъ нѣкогда въ Трою увлекши

*

Вслѣдъ за собою, корабли и сопутниковъ всѣхъ погубилъ онъ;
Нынѣ жъ, домой возвратясь, умертвилъ кефаленянь знатнѣй-
шихъ.

⁴³⁰Братья, молю васъ — пока изъ Итаки не скрылся онъ въ
Пилось,

Или не спасся въ Элиду, священную землю эпеянь —
Выйти со мной на губителя; иначе стыдъ насъ покроетъ:
Мы о себѣ и потомству оставимъ поносную память,
Если за ближнихъ своихъ, за родныхъ сыновей ихъ убійцамъ

⁴³⁵Здѣсь не отмстимъ. Для меня же, скажу, ужъ тогда нестер-
пима

Будеть и жизнь; и за ними погибшими въ землю сойду я.
Нѣтъ! не допустимъ, граждане, ихъ праведной кары избѣгнуть.
Такъ говорилъ онъ, печальный, и всѣхъ состраданье проникло.
Фемій тогда и глашатай Медонтъ, въ Одиссеевомъ домѣ

⁴⁴⁰Ночь ту проведенше, вставши отъ сна, предъ народнымъ со-
браньемъ

Оба явились; при видѣ ихъ каждый припелъ въ изумленье.
Умныя мысли имѣя, Медонтъ имъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, граждане Итаки; не противъ
Воли Зевесовой такъ поступилъ Одиссей благородный;

⁴⁴⁵Видѣлъ я самъ, какъ одинъ изъ безсмертныхъ боговъ олим-
пійскихъ

Тамъ появился незапно, облекшійся въ Менторовъ образъ;
Онъ, всемогущій, то стоя предъ нимъ, возбуждалъ въ Одиссеѣ
Бодрость, то противъ толпы жениховъ обращаясь, гонялъ ихъ
Трепетныхъ изъ угла въ уголь, и всѣ другъ на друга валились.

⁴⁵⁰Такъ онъ сказалъ имъ и были всѣ ужасомъ схвачены блѣд-
нымъ.

Выступилъ тутъ предъ народъ Галиердъ многоопытный ста-
рецъ,

Сынъ Масторовъ; грядущее онъ, какъ минувшее, вѣдалъ;
Съ мыслью благой обратясь къ согражданамъ, такъ имъ ска-
залъ онъ:

Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;

⁴⁵⁵Вашей виною, друзья, совершилась бѣда роковая;
 Мнѣ вы и Ментору мудрому не дали вѣры, когда мы
 Въ время васъ убѣждали унять сыновей безразсудныхъ,
 Много себѣ неповоленныхъ дѣлъ позволявшихъ, губившихъ
 Домъ Одиссеевъ, и злыя обиды нанесшихъ супругѣ

- ⁴⁶⁰Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вѣчно.

Вотъ вамъ теперь мой совѣтъ; моему покоритесь слову:
 Мирно останьтесь здѣсь, чтобъ бѣды на себя на навливать
 Злѣйшей. Сказалъ; половина большая собранья съ свирѣпымъ
 Воплемъ вскочила; покойно на мѣстѣ остались другіе.

⁴⁶⁵Тѣ жъ, негодую на рѣчь Галиѳердову, вслѣдъ за Эвпейтомъ
 Бросились шумноиенстовымъ сонмомъ готовиться къ бою.

Всѣ, облачившись въ крѣпкія мѣднobleстящія брони,
 За городъ вышли и тамъ собралися великой толпою.

Ихъ предводитель Эвпейтъ, обезумленный горемъ великимъ,

⁴⁷⁰Мнилъ, что за сына отмстить; но ему не назначено было
 Въ домъ свой опять возвратиться: его стерегла ужъ судьбина.

Тутъ свѣтлоокая Зевса Кроніона дочь обратила

Слово къ отцу и сказала: Кроніонъ, верховный владыка,
 Мнѣ отвѣчай вопрошающей: что ты теперь замышляешь?

⁴⁷⁵Злую ль гражданскую брань и свирѣпокровавую сѣчу
 Здѣсь воспалить? Иль противникамъ миромъ велѣтъ соче-
 таться?

Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:

Странно мнѣ, милая дочь, что меня ты о томъ вопрошаешь;

Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубить

⁴⁸⁰Всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что
 хочешь

Сдѣлать теперь, то и сдѣлай. Мои же тебѣ я открою

Мысли: отмстилъ женихамъ Одиссей богоравный — имѣлъ онъ

Право на то; и царемъ онъ останется; клятвой великой

Миръ утвердится; а горькую смерть сыновей ихъ и братьевъ

⁴⁸⁵Въ жертву забвенію мы предадимъ; и любовь совокупить

Прежняя всѣхъ; и съ покоемъ обиліе здѣсь водворится.

Кончивъ, велѣлъ онъ идти нетерпѣваемъ горѣвшей Аоніѣ.

Бурно въ Итаку съ вершины Олимпа шагнула богиня.
 Тѣ же, насытятся, вдоволь, обѣдъ свой окончили. Голосъ
 490 Свой Одиссей тутъ возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
 Должно, чтобъ кто нибудь вышелъ теперь посмотрѣть: не
 идутъ ли?

Такъ онъ сказать, и одинъ изъ младыхъ сыновей Долона
 Въ двери пошелъ; но съ порога дверей, подходящихъ увидя,
 Громко воскликнулъ и быстрое слово Лаэртю сыну
 495 Бросилъ: Идутъ! поспѣшите! Оружіе въ руки! ихъ много!
 Всѣ побѣжали немедля и въ крѣпкія брони одѣлись;
 Былъ Одиссей самъ-четверть; Долоновы стали съ нимъ рядомъ
 Шестъ сыновей. И Лаэртъ съ Долономъ оружіе также
 Взяли—сѣдые, нуждой ополченные ратники-старцы.

500 Всѣ совокушно, облекшися въ мѣдноблестящія брони,
 Вышли они, Одиссей впереди, изъ дверей. Къ Одиссею
 Тутъ подошла свѣтлоокая дочь громовержца Зевеса,
 Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аѳина;
 Радостью былъ онъ проникнуть, ее предъ собою увидя.
 505 Къ сыну потомъ обратясь, онъ бросилъ крылатое слово:

Другъ Телемакъ, наступила пора и тебѣ отличиться
 Тамъ, гдѣ, сражаясь, великою честью себя покрываетъ
 Страха незнающій мужъ. Окажися достойнымъ породы
 Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.
 510 Кротко отцу отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
 Самъ ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
 Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.
 Такъ онъ сказалъ. Ихъ услышавъ, Лаэртъ вдохновенно восклик-
 нулъ:

Добрые боги, какой вы мнѣ день даровали! О радость!
 515 Слышу, какъ сынъ мой и внукъ мой другъ съ другомъ о хра-
 брости спорять!

Дочь многосильная Зевса, къ нему подошедши сказала:
 Бодрый Аркезіевъ сынъ, изъ товарищей всѣхъ мнѣ милѣйшій,
 Въ помощь призвавши Зевеса-отца и Аѳину Палладу,
 Выдь на врага и копье длинноострое брось на удачу.

⁵²⁰Слово ея пробудило отважность великую въ старцѣ;
 Онъ, помоляся владыгѣ Зевесу и грозной Палладѣ,
 Вышелъ впередъ и копье длинноострое бросилъ, не цѣлясь.
 Въ мѣднolанитный Эвпейтовъ шеломя онъ попалъ и, защиту
 Мѣди пробивши, расколонный черепъ копье просадило;
⁵²⁵Грянулся навзничь Эвпейтъ, и на немъ загремѣли доспѣхи.
 Тутъ на переднихъ удара самъ-другъ, Одиссей съ Телемакомъ
 Начали быстро разить ихъ мечемъ и копьемъ; и погибли
 Всѣ бы они, и домой ни одинъ не пришелъ бы обратно,
 Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
⁵³⁰Громко не кринула, гибель спѣша отвратить отъ народа:
 Стойте! уймитесь отъ бѣдственной битвы, граждане Итаки!
 Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!
 Такъ возопила Аѳина; всѣ схвачены трепетомъ блѣднымъ
 Были они, и оружіе въ страхѣ изъ рукъ уронивши,
⁵³⁵Пали на землю, сраженные крикомъ богини громовымъ;
 Въ бѣгство потомъ обратясь, устремились, спасаясь, въ городъ.
 Громко тогда завопивъ, Одиссей, непреклонный въ напастяхъ,
 Кинулся бурно преслѣдовать ихъ, какъ орель поднебесный.
 Но громовою стрѣлою Кроніона вдругъ раздвоилось
⁵⁴⁰Небо и ярко она предъ Аѳиной ударила въ землю.
 Дочь свѣтлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
 Руку свою воздержи отъ пролитія крови, иль будетъ
 Въ гнѣвъ приведенъ потрясающій небо громами Кроніонъ.
⁵⁴⁵Такъ говорила богиня. Онъ радостно ей покорился.
 Скоро потомъ межъ царемъ и народомъ союзъ укврѣпила
 Жертвой и клятвой великой, пріявшая Менторовъ образъ,
 Свѣтлая дочь громовержца богиня Аѳина Паллада.

И Л І А Д А.

Д В А О Т Р Ы В К А . *

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Гнѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнѣвъ, приключившій ахеянамъ много великихъ
Бѣдствій, и воиновъ многихъ безстрашныя души низведшій
Въ область Аида, ихъ трупы оставя на пищу окружнымъ
Птицамъ и псамъ. Такъ свершалася воля Кроніона Зевса—
Съ тѣхъ поръ, какъ сильной враждою разрознены были владыки:
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ богоравный.

Кто изъ бессмертныхъ зажегъ въ ихъ груди толь свирѣпую
злобу?

Фебъ, сынъ Латоны и Зевса. Атридомъ прогнѣванный, язвѣ
¹⁰Онъ ниспослалъ на ахейскую рать, и безчисленно гибли
Люди, нонеже былъ жрецъ Аполлоновъ Хрисесъ недостойно
Сыномъ Атрея обиженъ. Чтобъ выручить дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ крѣпко-
зданнымъ.

Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши,
¹⁵Всѣхъ обходилъ онъ ахеянъ, склоняя сердца ихъ на жалость;
Паче жъ другихъ убѣждалъ двухъ Атридовъ, вождей надъ
вождями:

---

* Переведенные Жуковскимъ еще въ 1828 г. другіе отрывки изъ
Иліады помѣщены во второмъ томѣ настоящаго изданія.

Вы, Атриды, и вы, броненосцы ахеяне, сила
 Вѣчныхъ боговъ Олимпійскихъ да вамъ ниспровергнуть помо-
 жеть

Городъ Приамовъ и путь вамъ успѣшный устроить въ отчизну.
²⁰Вы же отдайте мнѣ дочь, за нее многоцѣнный принявши
 Выкупъ и сына Зевесова чти, стрѣлоноснаго Феба.

Такъ онъ молилъ; восклицаньемъ всеобщимъ рѣшили ахейцы
 Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ выкупъ.
 Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
²⁵Старца моленье отвергъ онъ и такъ раздраженный промол-
 виль:

Если, докучный старикъ, отъ моихъ кораблей крѣпкозданныхъ
 Ты не уйдешь во мгновенье, иль снова дерзнешь подойти къ
 нимъ,

Жезлъ твой и лавръ Аполлоновъ тебя отъ бѣды не избавятъ.
 Дочь же твоя изъ неволи не выйдетъ; (до старости поздней
³⁰Въ домѣ моемъ, въ отдаленномъ Аргосѣ, съ домашними розно,
 Будеть работать она и моею наложницей будетъ.)
 Но удались и меня не гнѣви: иль домой ты отсюда
 Цѣль не пойдешь. — Такъ сказала онъ; испуганный жрецъ
 удалился.

Берегомъ моря широкошумящаго молча пошелъ онъ;
³⁵Сталъ вдалекѣ отъ судовъ, сокрушенный, и началъ молиться
 Фебу царю, свѣтлокудрой Латоной рожденному богу:

Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хрису и Киллы
 Свѣтлый предѣль, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій.
 Если тебѣ я когда угодилъ, изукрасивъ священный
⁴⁰Храмъ твой, и жирныя козы и быковъ предъ тобою сожегши
 Бедра, мое благосклонно услышь и исполни моленье:
 Слезы мои отомсти на данаяхъ твоими стрѣлами.

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ услышанъ.
 Гнѣвный успѣшно сошелъ Аполлонъ съ высоты олимпійской,

45Тудь затворенный и лукъ за спиною неся; и ужасно
 Стрѣлы гремѣли, стуча о плеча раздраженнаго бога
 Въ грозномъ его приближенъи; какъ черная ночь подходилъ онъ.
 Сѣвъ на виду кораблей, онъ пустилъ неизбѣжныя стрѣлы;
 Страшно серебряный лукъ зазвучалъ, разогнувшись. Сначала
 50Въ муловъ и вольнобродящихъ собакъ онъ стрѣлялъ, напо-
 слѣдокъ

Горькія стрѣлы свои обращать и на ратныхъ данаевъ
 Началъ: всечасно безчисленныхъ труповъ костры пламенѣли.

Девять ужъ дней облетала погибель весь станъ, на десятый
 Созвалъ Пелидъ Ахиллесъ на собранье все войско ахейнъ.

55Мысли его обратила на то свѣтлорукая Ира:
 Въ страхѣ богиня была, погибающихъ видя аргивянъ.
 Всѣ собралися они, и собраніе сдѣлалось полнымъ;
 Первый, поднявшись, такъ имъ сказалъ Ахиллесъ быстроногій:

Видно, Атридъ, намъ придется опять, избраздивши все море,
 60Въ дома свои возвратиться, ежели только удастся
 Смерти кому избѣжать; насъ война и чума совокупно
 Губять: спросить надлежитъ намъ пророка, жреца, иль какого
 Сновъ извѣстителя—сны равномѣрно приходятъ отъ Зевса—
 Пусть истолкуетъ онъ, чѣмъ Аполлонъ такъ ужасно прогнѣ-
 ванъ?

65Быль ли обѣтъ не исполненъ? Принестъ ли ему зкаторбу
 Медлимъ? Иль жертвенный запахъ отборныхъ козловъ и барановъ
 Долженъ его усладить, чтобъ отъ насъ отклонилась зараза?

Кончивъ, онъ сѣлъ. И тогда поднялся птицевѣдатель зоркій,
 Старецъ Кальхасъ Фесторидъ, изъ вѣщателей самый премудрый:
 70Вѣдалъ онъ все настоящее; вѣдалъ, что было, что будетъ;
 Даръ звѣздознанья пріавъ отъ безсмертнаго сына Латоны,
 Онъ управлялъ и судами данаевъ, плывущими въ Трою.
 Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ Ахил-
 лесу:

Вѣдать желаешь, Пелидъ, многославный любимецъ Зевеса,
⁷⁵Чѣмъ раздраженъ далекопоражающій Фебъ Олимпіецъ:
 Истину всю вамъ открою—но ты, Ахиллесъ, повлянися
 Мнѣ, что и словомъ и дѣломъ меня защитишь, поелику
 Думаю я, что моимъ оскорбится пророческимъ словомъ
 Мужъ, обладатель Аргоса и всѣхъ повелитель ахеянъ.
⁸⁰Сильнаго страшно царя человѣку простому прогнѣвать:
 Если сперва и воздержитъ онъ гнѣвъ свой, то памятнымъ сердцемъ
 Будетъ досадовать тайно, покуда себя не насытитъ
 Мщеньемъ. Размысли же, можешь ли ты даровать мнѣ защиту?

Вѣщему старцу отвѣтствовалъ такъ Ахиллесъ быстроногій:
⁸⁵Смѣло открой намъ тебѣ откровенную волю безсмертныхъ;
 Я жъ Аполлономъ, любимцемъ Зевеса [ему же, Кальхасъ, ты
 Молишься, волю боговъ возвѣщая данаямъ], клянуса
 Здѣсь, что покуда живу и сіяніемъ дня утѣшаюсь,
 Руку поднять на тебя не дерзнетъ ни одинъ изъ данаевъ
⁹⁰Близъ кораблей крѣпкозданныхъ; хотя бы и самъ Агамемнонъ,
 Между ахейцами первымъ слывущій, былъ названъ тобою.

Тутъ, ободренный, сказалъ Ахиллесу Кальхасъ прорицатель;
 Богъ раздраженъ не забвеньемъ обѣта, не ждетъ экатомбы
 Онъ за жреца, Агамемнономъ здѣсь оскорбленнаго, гнѣвенъ
⁹⁵Гнѣвенъ за то, что не выдали дочери старцу, что выкупъ
 отвергнуть;

Вотъ что на насъ навлекло всѣ бѣды и еще навлечетъ ихъ
 Много. И Фебъ далекопоражающихъ рукъ не опуститъ
 Прежде, покуда отцу свѣтлоокою дѣву безъ всякой
 Платы, безъ выкупа выдавъ, святой не пошлемъ экатомбы
¹⁰⁰Въ Хрису: иначе ничто не смиритъ раздраженнаго Феба.

Такъ говорилъ онъ; и быстро поднялся пространнодержавный
 Пастырь народовъ Атридъ, повелитель царей, Агамемнонъ,
 Гнѣвомъ проникнутый; сердце его пренсполнено было
 Черною злобой, и очи какъ яркое пламя горѣли.

¹⁰⁵Грозно взглянувъ на Кальхаса, воскликнулъ Атридъ Агамемнонь:

О зловѣщатель! ты добраго мнѣ никогда не пророчилъ;
Сердце твое лишь напасти предсказывать любить; ни разу
Словомъ и дѣломъ благимъ отъ тебя я порадованъ не былъ.
Нынѣ въ собраньи ахейскихъ вождей утверждать ты дерзашь,
¹¹⁰Будто за то насъ казнить Аполлонъ стрѣлоносецъ, что мною
Былъ отъ отца Хрисеиды, невольницы плѣнной, не принять
Выкупъ; но я несказанно желаю прекрасную дѣву
Въ домъ свой увезть: мнѣ она и самой Клитемнестры супруги
Стала милѣе, понеже ее превосходить высокимъ
¹¹⁵Станомъ, лица красотой, и умомъ, и искусствомъ въ работѣ)
Но и ее уступить я согласенъ, когда ужъ такъ должно —
Лучше конечно мнѣ видѣть спасенье, чѣмъ гибель народа.
Только отъ васъ за убытокъ я долженъ имѣть воздаянье.
Мнѣ ль одному безъ возмездія быть? Неприлично, то всѣ вы
¹²⁰Видите сами, чтобъ даръ мой почетный былъ мною утраченъ.

Тутъ, возражая, сказалъ Ахиллесъ богоравный Атриду:
Ты, многосильный Атридъ, ненасытный копитель корыстей,
Какъ же ты требовать можешь подарка себѣ отъ данаевъ?
Развѣ имѣютъ въ запасѣ какое богатство данаи?
¹²⁵Наши добычи изъ всѣхъ городовъ мы давно раздѣлили;
Должно ли все раздѣленное вновь собирать, чтобъ дѣлиться
Снова? Отдай ты теперь Хрисеиду, покорствуя богу;
Втрое и вчетверо будетъ тебѣ воздаянье, когда намъ
Градъ Иліонъ крѣпкостѣнный Кроніонъ разрушить позволить.

¹³⁰Царь Агамемнонь, отвѣтствуя, такъ возразилъ Ахиллесу:
Сколь ты ни силенъ, Пелидъ богоравный, но мыслишь напрасно
Сердце мое оболстить; вамъ меня провести нѣ удастся.
Или ты думаешь, самъ награжденный богато, что буду
Я терпѣливо сидѣть безъ награды, твоей покорившись

¹³⁵Волѣ? Пускай за утрату мою отдадутъ мнѣ данаи
То, что по мысли моей и достоинства равнаго будетъ.

Или же, если отважить данаи, своею рукою

Я иль твое, иль Аяксово, или на часть Одиссею

Данное взять къ вамъ приду, не забывая о вашей досадѣ.

¹⁴⁰Но объ этомъ и послѣ есть время подумать, теперь же

Черный корабли на священное море немедленно спустимъ,

Выберемъ сильныхъ гребцовъ и, корабль нагрузивъ экатомбой,

Въ немъ Хрисеиду, прекрасную, свѣтлогудрявую дѣву,

Съ миромъ отпустимъ къ отцу — корабля жъ предводителемъ
будеть

¹⁴⁵Идоменей, иль Аяксъ, иль герой Одиссей богоравный;

Или ты самъ Ахиллесъ, межъ ахейцъ ужаснѣйшій, бога,

Злыхъ посылателя стрѣлъ, поспѣши усмирить экатомбой.

Мрачно взглянувъ на Атрида, сказалъ Ахиллесъ быстроногій:

Ты, облеченный въ безстыдство, копитель богатствъ ненасытный,

¹⁵⁰Кто изъ ахейцъ исполнить твое повелѣнье захочеть,

Если пошлешь иль въ сраженье, иль въ трудный походъ за до-
бычей?

Я же сюда съ кораблями пришелъ не троянъ копьеносныхъ

Въ битвѣ губить: мнѣ отъ нихъ никакой не бывало обиды;

Не были ими ни кони мои, ни быки своевольно

¹⁵⁵Схвачены, также они и полей многоплодно-обильной

Фтіи моей не топтали: покрытыя тѣнистымъ лѣсомъ

Горы и море пространно-шумящее насъ разлучаютъ.

Здѣсь для тебя мы, чтобъ ты веселился, безстыдный, чтобъ
брату

Честь возвратилъ и чтобъ Трою, собачьи глаза, ниспровергнулъ,

¹⁶⁰Мстя за свое оскорбленье: но ты и не мыслишь объ этомъ;

Нынѣ жъ и взять у меня мой участокъ добычи грозисься,

Стоившій мнѣ несказанныхъ трудовъ, мнѣ ахейцами данный.

Здѣсь не бывало такихъ какъ твои мнѣ участковъ, когда намъ

Городъ какой многолюдный троянскій разрушить случилось.

¹⁶⁵Время тревогъ утомительно-шумнаго боя лежало

Все на плечахъ у меня, при раздѣлѣ жъ богатой добычи
 Лучшая часть доставалась тебѣ, и довольствуясь малымъ,
 Я къ кораблямъ возвращался, трудомъ боевымъ изнуренный.
 Нѣтъ, мнѣ пора возвратиться въ мою плодоносную Фтію;
¹⁷⁰Время домой отвести корабли крутоносые. Ты же
 Здѣсь, оскорбивши меня, ни добычъ, ни богатства не скопишь.

Пастырь народовъ Атридъ, возражая, сказалъ Ахиллему:
 Хочешь бѣжать ты—бѣги! Умолять ужъ конечно не буду
 Я, чтобъ остался ты здѣсь для меня; здѣсь найдется довольно
¹⁷⁵Бодрыхъ вождей для добытія славы; за насъ и Кроніонъ.
 Ты изъ питомцевъ Зевеса царей для меня ненавистнѣй
 Всѣхъ; ты всегдашній заводчикъ раздоровъ, смятеній и брани.
 Правда, ты силенъ; но сила даруется намъ безъ заслуги
 Небомъ. Веди же въ отчизну свои корабли и дружины,
¹⁸⁰Властвуй спокойно своей плодоносной Фтіей; ты здѣсь мнѣ
 Вовсе не нуженъ; о гнѣвѣ твоемъ не забочусь; напротивъ
 Слушай: когда ужъ беретъ у меня Аполлонъ Хрисеиду,
 Въ собственномъ я кораблѣ и съ своими людьми не замедлю
 Дѣву послать; но за то изъ шатра твоего Брисеиду,
¹⁸⁵Даръ твой почетный, своею рукою исторгну, чтобъ зналъ ты,
 Сколь я сильнѣе тебя, чтобъ впередъ и другіе страшились
 Дерзостно мнѣ возражать и со мною надменно равняться.

Такъ онъ сказалъ. Закипѣло въ косматой груди Ахиллеса
 Сердце; межъ двухъ волновался онъ, сильно озлобленный,
 мыслей:

¹⁹⁰Острый ли мечъ отъ бедра отхватить, съвозъ данаевъ про-
 рваться

Прямо къ Атриду и разомъ его умертвить; или кипучій
 Гнѣвъ успокоить и руку свою воздержать отъ убійства.
 Тою порой какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,
 Выхвативъ мечъ изъ ноженъ вполонину, великій, слетѣла
¹⁹⁵Съ неба Афина Паллада—ее свѣтлорукая Ира,
 Сердцемъ обоихъ любя, за обоихъ тревожась, послала;

Ставь позади Ахиллеса, его за густые схватила
 Кудри богиня, ему лишь открывшись, незримая прочитъ.
 Очи назадъ обратилъ, изумясь, Ахиллесъ; онъ Аѳину
²⁰⁰Разомъ узналъ, устрaшенный ея пламенѣющимъ окомъ.
 Къ ней обратился лицомъ онъ и бросилъ крылатое слово:

Дочь потрясателя грозной эгиды, зачѣмъ ты, богиня,
 Здѣсь? Любоваться ль пришла самовластнымъ нахальствомъ
 Атрида?

Я же тебѣ говорю, и тому неминуемо сбыться:
²⁰⁵Жизнiю онъ за свою безразсудную гордость заплатитъ.

Такъ отвѣчала Аѳина, богиня лазурныя-очи:
 Гнѣвъ успокоить твой, если покоренъ мнѣ будешь, сошла я
 Съ неба—меня свѣтлорукая Ира, тебя и Атрида
 Сердцемъ любя, за обоихъ васъ сердцемъ тревожась, послала.
²¹⁰Вдвинь же убійственный мечъ свой въ ножны и покойся;
 словами

Можешь съ нимъ ратовать, сколько душа пожелаетъ. Тебѣ же
 Я предскажу, и мое предсказанье исполнится вѣрно:
 Нѣкогда втрое богатою платой твое оскорбленье
 Гордый загладитъ; теперь усмирися и будь намъ покоренъ.

²¹⁵Такъ, отвѣчая, богинѣ сказалъ Ахиллесъ-быстроногій:
 Слово, богиня, уважить твое безъ сомнѣнiя должно,
 Сколь бы ни злилась душа; то будетъ конечно полезнѣй:
 Смертный, покорный богамъ, завсегда и богами внимаемъ.

Тутъ къ рукояти серебряной крѣпкую руку притиснувъ,
²²⁰Мечъ свой великiй въ ножны онъ, покорствуя слову богини,
 Вдвинулъ. Она же на свѣтлый Олимпъ улетѣла, въ жилище
 Зевса эгидодержавца, въ собранiе прочихъ безсмертныхъ.

Снова Пеллѣдъ обратился съ ругательной рѣчью къ Атриду.
 Такъ онъ ему говорилъ, преисполненный яростнымъ гнѣвомъ:

²²⁵Пьяница, сердце оленье, собачьи глаза, никогда ты,
 Въ панцырь облекшись, воинства въ бой не водилъ, ни
 однажды,
 Съ первыми вмѣстѣ вождями въ засаду засѣвъ, не рѣшился
 Выждать врага — ты въ сраженьи лишь смерть неизбѣжную
 видѣлъ.

Легче конечно, бродя по широкому стану ахеянъ,
²³⁰Силой добычи у тѣхъ отымать, кто тебѣ прекословить;
 Царь душегубецъ, ты видно не смѣлыхъ людей повелитель;
 Иначе, думаю, нынѣ въ послѣдній бы разъ такъ обидно
 Здѣсь говорилъ. Но послушай меня; я священнымъ клянуса
 Этимъ жезломъ, и столь вѣрно, какъ то, что ни листьевъ, ни
 вѣтвей

²³⁵Онъ ужъ не пустить, покинувъ отрубленный гору, и вѣчно
 Зеленъ не будетъ—теперь отъ коры и листовъ онъ очищенъ
 Острою мѣдью; его скиptronосцы владыки ахеянъ,
 Правды блюстители, держать въ рукахъ, на землѣ сохраняя
 Зевсовъ порядокъ. И нынѣ моей онъ великою клятвой
²⁴⁰Будеть. Наступитъ пора: Ахиллеса ахеяне стануть
 Всѣ призывать. И не будешь ты имъ, сколь ни сѣтуй, защитой
 Противъ людей истребителя Гектора, ихъ безопадно
 Въ боѣ толпами губящаго; сердце свое лишь измучишь
 Поздно раскаясь, что лучшаго между ахеянъ обидѣлъ.

²⁴⁵Такъ онъ сказалъ и свой жезлъ, золотыми гвоздями обитый,
 Бросивъ на землю, нахмуренный, сѣлъ. Агамемнонъ
 Гнѣвно словами его оскорблять продолжалъ. Тутъ поднялся
 Звонкоголосный, привѣтнорѣчивый витязь пилійскій,
 Несторъ, котораго рѣчи лилися какъ медь благовонный
²⁵⁰Съ сладостныхъ устъ; два колѣна людей говорящихъ, съ
 нимъ вмѣстѣ
 Жившія, кончили жизнь и исчезли; во градѣ священномъ
 Пилосѣ царствовалъ онъ ужъ надъ третьимъ людей поко-
 лѣньемъ.

Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ предъ
собраньемъ:

Горе намъ! злая печаль всю ахейскую землю обymeтъ:

²⁵⁵Будутъ Пріамъ и Пріамовы всѣ сыновья и трояне

Въ сердцѣ своемъ лиговать несказанно, когда къ нимъ до-
стигнетъ

Слухъ о раздорѣ, смутившемъ вождей знаменитѣйшихъ нашихъ,
Первыхъ межъ нами и мудрымъ совѣтомъ и мужествомъ въ
битвѣ.

Дайте, о дайте мнѣ васъ образумить! меня вы моложе

²⁶⁰Оба; я съ лучшими, нежели вы, современно на свѣтѣ

Жилъ и знавался, и не былъ отъ нихъ за ничто принимаемъ.

Я ужъ не вижу теперь, не увижу и послѣ, подобныхъ

Славнымъ любимцамъ боговъ, Пириѳою, Дріасу, Кенею,

Или Эксадію, или владыгѣ людей Полифему,

²⁶⁵Или Тезею, Эгееву богоподобному сыну:

Силою съ ними конечно никто на землѣ не равнялся;

Самн сильнѣйшіе, въ бой и сильнѣйшихъ они вызывали;

Страшныхъ кентавровъ они на горахъ истребили. Въ то время

Я ихъ товарищемъ былъ, къ нимъ пришедъ изъ далекаго
града

²⁷⁰Пилоса, призванный ими самими, и подвиговъ много,

Ратуя вмѣстѣ, тогда мы свершили; никто бъ изъ живущихъ

Нынѣ людей земнородныхъ не въ силахъ былъ съ ними бо-
роться.

Но и они мой цѣнили совѣтъ, моему поборялись

Слову. И вы покоритесь ему. Намъ покорность полезна.

²⁷⁵Плѣнницы ты у него не бери, Агамемнонъ; ты властенъ

Взять, но ее получилъ онъ отъ рати ахейской въ почетный

Даръ; а тебѣ, благородный Пелидъ, неприлично такъ спорить

Дерзко съ царемъ — ни одинъ на землѣ изъ царей скиптро-
носныхъ,

Зевсомъ прославленныхъ, не былъ подобною честью украшенъ.

²⁸⁰Если, рожденный богиней, ты въ даръ получилъ при рож-
деніи

Болѣе мужества; выше онъ властью, онъ царь надъ царями.
Ты же, Атридъ, успокойся, и къ просьбѣ моей благосклонно
Слухъ преклони, не враждуй съ Ахиллесомъ: ахейцамъ твердой
Онъ обороною служить въ пылу истребительной брани.

²⁸⁵Нестору тагъ, возражая, отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
Старець! ты правду сказалъ, и разумень совѣтъ твой; но этотъ
Гордый всегда передъ всѣми себя одного выставляетъ,
Всѣми господствуетъ, всѣмъ управляетъ какъ царь самовласт-
ный,

Хочетъ для всѣхъ быть закономъ, который никѣмъ здѣсь не
признавъ.

²⁹⁰Если искусно владѣтъ онъ копьемъ наученъ объ бессмерт-
ныхъ,

Въ правѣ ль за то раздражать здѣсь людей оскорбительнымъ
словомъ?

Рѣчь перебивши его, отвѣчалъ Ахиллесъ богоравный:
Жалкимъ, достойнымъ презрѣнія трусомъ пусть буду я при-
знавъ,

Если во всемъ, что замыслишь ты, буду тебѣ покоряться.

²⁹⁵Властную другими и все имъ предписывай, я же

Власти твоей признавать не хочу и тебѣ не поддамся:

Слушай однако и въ сердце свое запиши, что услышишь.

Противъ тебя и другихъ за невольницу ругъ подымать я

Вовсе не думаю; данное вами возьмите обратно;

³⁰⁰Но до того, что мое на моихъ корабляхъ вѣшкозданныхъ,

Я ни тебѣ, ни твоимъ не дозволю дотронуться. Если жъ

Хочешь, отвѣдай—тогда всѣ ахейцы увидятъ, какъ черной

Кровью твоею мое боевое копье обольется.

Тутъ, разъяренные оба, ругательный бой прекративши,

³⁰⁵Встали и собравшихъ всѣхъ къ кораблямъ распустили
ахейцъ.

*

Къ чернымъ своимъ кораблямъ Ахиллесъ возвратился съ Патрокломъ,
 Сыномъ Менетія, съ нимъ и другіе друзья мирмидоны.
 Тою порою корабль на соленую влагу, пзбравши
 Двадцать гребцовъ, повелѣлъ Агамемнонъ спустить съ экатомбой,
³¹⁰Фебу назначенной; самъ Хрисиду прекрасно-младую
 Взвелъ на корабль, и его Одиссею премудрому ввѣрилъ.
 Всѣ собрались мореходцы и въ путь устремилися влажный.
 Тутъ повелѣлъ очищаться ахеянамъ царь Агамемнонъ;
 Разомъ омывшись, они все нечистое бросили въ море.
³¹⁵Послѣ жъ, дабы усмирить Аполлона, сожгли экатомбу
 Козъ и быковъ на берегу непріютно-безплодной пучины.
 Съ облакомъ дыма возшло къ небесамъ благовоіе жертвы.

Такъ очищалася рать. Той порою Атридъ Агамемнонъ,
 Все, чѣмъ грозилъ Ахиллесу, спѣша совершить, Эврибата
³²⁰Вмѣстѣ съ Талонбіемъ, царскихъ глашатаевъ, призвалъ.
 Были проворные слуги они; имъ сказалъ Агамемнонъ:
 Оба идите въ шатеръ Ахиллеса Пелеева сына;
 За руку возьмъ Брисиду, ко мнѣ возвратитесь съ прекрасной
 Дѣвой; а если ее не захочетъ онъ выдать, за нею
³²⁵Самъ я съ другими приду, и тогда огорченъе сильнѣе
 Будетъ ему. Такъ сказавъ, ихъ послалъ онъ съ грозящимъ
 къ Пелиду
 Словомъ. Пошедъ неохотно ко берегу безплоднаго моря,
 Скоро они къ кораблямъ и шатрамъ мирмидонскимъ достигли.
 Близъ корабля и шатра своего Ахиллесъ богоравный
³³⁰Мрачный сидѣлъ; и нерадостно было ему ихъ явленъе.
 Полные страха глашатаи въ смутномъ молчаньи
 Оба стояли, къ нему обратитъ не дерзая вопроса.
 Онъ же, ихъ робкимъ смятенъемъ растроганный, кротко ска-
 залъ имъ:

Милости просимъ, глашатаи, воли людей и безсмертныхъ
³³⁵Вѣстники; смѣло приближьтесь; виновны не вы—Агамемнонъ,

Взять у меня Брисеиду сюда вась приславшій, виновень.
 Другъ, благородный Патрокль, приведи Брисеиду и выдай
 Имъ; пусть за ними послѣдуетъ! Я же въ свидѣтели нынѣ
 Вась предъ судомъ и блаженныхъ боговъ и людей земнород-
 ныхъ,

³⁴⁰Также равно и предъ нимъ, необузданнымъ, здѣсь призываю:
 Если случится, что снова въ бѣдѣ я ахеянамъ буду
 Нужень... Безумный! онъ самъ на себя и другихъ накликаеть
 Злую бѣду, ни назадъ ни впередъ не глядя, и ахеянъ,
 Бьющихся близъ кораблей крѣпкозданныхъ, защиты лишалъ.

³⁴⁵Такъ говорилъ онъ. Патрокль благородный, поборствуя
 другу,

Вывель Брисееву дочь изъ шатра и глашатаямъ выдать
 Милую дѣву. И съ нею къ ахейскимъ шатрамъ возвратились
 Оба. За ними жъ она съ отвращеньемъ пошла. И заплававъ,
 Сѣлъ Ахиллесъ одиноко, вдали отъ друзей, на пустынномъ
³⁵⁰Брегѣ моря сѣдаго. Смотря на свинцовыя волны,
 Руки онъ поднялъ и, милую мать призывая, воскликнулъ:

Милая мать, на недолгую жизнь я рожденъ былъ тобою.
 Славу за то даровать обѣщаль мнѣ высокогремящій
 Зевсъ Олимпіецъ. Но что жъ даровалъ онъ? Кабая мнѣ слава?
³⁵⁵Царь Агамемнонъ владыка народовъ меня обезчестилъ,
 Взять достоянье мое и теперь имъ безстыдно владѣеть.

Такъ говорилъ онъ въ слезахъ, и услышала жалобы сына
 Мать въ глубинѣ неиспытанной моря, въ жилищѣ Нереея.
 Легкимъ туманомъ съ пучины сѣдой поднялася богиня:
³⁶⁰Къ сыну, люющему горьбія слезы, приближась, съ нимъ
 рядомъ

Сѣла она и сказала ему, потрепавши рукою
 Щеки: О чемъ же ты плачешь, дитя? Что твою сокрушаетъ
 Душу? Скажи, не скрывайся, со мной подѣлися печалью.

Такъ ей, вздохнувъ глубоко, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій,
³⁶⁵Вѣдаешь все ты сама; мнѣ не нужно рассказывать. Въ Оивы,
 Градъ Этеоновъ священный, ходили мы сильной дружиной;
 Градъ истребивъ, мы сюда воротились съ великой добычей;
 Все раздѣлили, какъ слѣдуетъ, между собою ахейцы;
 Сыну Атрееву даромъ почетнымъ была Хрисеида,
³⁷⁰Дочь молодая Хрисеса жреца Аполлонова. Тяжкимъ
 Горемъ крушимый, чтобъ выручить милую дочь изъ неволи,
 Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ вѣн-
 козданнымъ;
 Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши,
 Всѣхъ обходилъ онъ ахейнъ, склоня сердца ихъ на жалость;
³⁷⁵Паче жъ другихъ убѣждалъ двухъ Атридовъ, вождей надъ
 вождями.

Всѣхъ онъ молилъ; восклицаньемъ всеобщимъ рѣшили ахейцы
 Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ вы-
 купъ.

Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
 Старца моленье отвергъ онъ, жестокое слово промолвивъ.
³⁸⁰Жрецъ удалился разгнѣванный; Фебъ, издалека разящій,
 Жалобный голосъ имъ многолюбимаго старца услышалъ;
 Злую стрѣлу истребленья послалъ онъ, и начали гибнуть
 Люди; и смерть разнося по широкому стану ахейнъ,
 Фебовы стрѣлы ужасно летали. Тогда прорипатель,
³⁸⁵Вѣдатель воли далекоразящаго бога, открылъ намъ
 Гнѣва причину; и первый я подалъ совѣтъ примириться
 Съ Фебомъ. Атридъ раздражился; стремительно вставъ, онъ
 грозилъ мнѣ

Яростнымъ словомъ: и нынѣ его совершилась угроза.
 Въ Хрису на быстромъ везуть корабль Хрисеиду, младую
³⁹⁰Дѣву, ахейцы съ дарами царю Аполлону. И были
 Присланы два ужъ глашатая въ царскій шатеръ мой Атридомъ
 Взять Брисеиду, за подвиги данную мнѣ отъ ахейнъ.
 Если ты можешь, вступи за честь оскорбленнаго сына,
 Милая мать; полети на Олимпъ къ громовержцу, и если

³⁹⁵Словомъ иль дѣломъ когда угодила ему, помолися
Нынѣ за сына. Не разъ отъ тебя я въ Пелеевомъ домѣ
Слышала, какъ Зевсъ чернооблачный нѣкогда былъ лишь
тобою,

Прочимъ богамъ вопреки, отъ бѣды и позора избавлень:
Противъ него сговорясь, Олимпійцы Аенна-Паллада,
⁴⁰⁰Ира и богъ Посидонъ замыслили связать громоносца;
Въ помощь къ нему ты, богиня, пришла, и отъ срама изба-
влень

Былъ онъ тобой; на Олимпъ привела ты сторукаго—звали
Боги его Бриареемъ, онъ слылъ у людей Эгеономъ.
Грозный титанъ, и отца превзошедшій великой
⁴⁰⁵Силою, рядомъ съ Кроніономъ сълъ онъ, огромный и гордый;
Имъ устрешенные боги, связать не посмѣли Зевеса.
Нынѣ и ты близъ Кроніона сядь, и рукою колѣно
Тронувъ его, помолись за меня, чтобъ послать онъ троянамъ
Помощь, чтобъ къ морю они отгѣснили ахеянъ, чтобъ гибель
⁴¹⁰Видя, ахейцы своимъ похвалились царемъ, чтобъ и самъ онъ,
Гордый, пространнодержавный владыка людей, Агамемнонъ,
Горько постигнулъ, что лучшаго между ахейнъ обидѣлъ.

Сыну Уетида въ слезахъ, сокрушенная, такъ отвѣчала:

Горе! дитя, для чего я тебя родила и вскормила!

⁴¹⁵Здѣсь близъ твоихъ кораблей, не крушась и не плача, си-
дѣть бы

Долженъ ты былъ, на землѣ обреченный такъ мало, такъ мало
Жить. Но безвременно здѣсь умереть, въ сокрушеньи истративъ
Жизнь—для того ли тебя мнѣ родить повелѣла судьбина?

Съ этою жалобой къ молніелюбцу Зевесу отсюда

⁴²⁰Я подымусь на Олимпъ снѣгоносный. Меня онъ услышитъ.

Ты же вблизи кораблей крѣпкозданныхъ спокойно, питая
Гнѣвъ на Атрида, сиди и въ сраженъе огню не мѣшайся.
Зевсъ на потокъ Океанъ къ эѳіопамъ вчера безпорочнымъ
Вмѣстѣ со всѣми богами на праздникъ пошелъ; онъ оттуда

⁴²⁵Прежде двѣнадцати дней возвратиться не можетъ.

Въ домъ мѣднокованный къ Зевсу тогда я приду и, колѣна
Тронувъ его, помолюсь о тебѣ, и молитвы конечно
Онъ не отринетъ.—Съ симъ словомъ исчезла богиня, оставя
Гнѣвнаго сына въ тоскѣ по красноопоясанной дѣвѣ, насильно,
⁴³⁰Сердцу ея вопреки, отъ него уведенной къ Атриду.

Въ Хрису тѣмъ временемъ плылъ Одиссей съ экатомбой;
когда же
Быстрый корабль ихъ въ глубокую пристань проникнулъ,
свернули

Всѣ паруса и увлали на палубѣ ихъ мореходцы,
Мачту потомъ опустили въ хранилище, вѣрѣкимъ канатомъ
⁴³⁵Быстро на веслахъ корабль довели до притоннаго мѣста,
Якорный бросили камень, канатомъ корабль прикрѣпили
Къ берегу, сами сошли на волной орошаемый берегъ.
Съ ними была снесена и великая Фебова жертва;
Съ ними сошла съ корабля и спутница ихъ Хрисеида.
⁴⁴⁰Дѣву немедля приведши во храмъ, Одиссей многоумный
Самъ ее отдалъ руками отцу и сказалъ, отдавая:

Присланъ къ тебѣ, о Хрисея, я Атридомъ владыкой народовъ
Дочь возвратитъ и принесть экатомбу священную Фебу
Въ даръ за ахеянъ, чтобъ гнѣвъ укротился великаго бога,
⁴⁴⁵Имъ приключившаго тѣмъ сокрушающихъ сердце напастей.

Такъ говоря, Хрисеиду онъ отдалъ; съ веселіемъ принялъ
Старецъ любезную дочь. По порядку потомъ экатомбой
Фебовъ высокій алтарь окружили ахейцы. омыли
Руки, и горсти наполнили жертвеннымъ чистымъ ячменемъ;
⁴⁵⁰Сталь посреди ихъ Хрисея и, молясь Аполлону, воскликнулъ:

Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хрису и Киллы
Свѣтлый предѣлъ, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій,
Ты благосклонно услышалъ мою и исполнилъ молитву,
Честь мнѣ воздавъ ниспосланіемъ бѣдъ на ахеянъ:

⁴⁵⁵Выслушай вновь и исполни молитву мою благосклонно —
Гнѣвъ свой великій смири и бѣды отврати отъ ахеянъ!
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ услышанъ.
Тѣ жъ, приготовленнымъ въ жертву скотамъ, ихъ ячменемъ
осыпавъ,

Шен загнули назадъ, всѣхъ зарѣзали, сняли съ нихъ кожу,
⁴⁶⁰Тучныя бедра отсѣгли, кругомъ обложили ихъ жиромъ,
Жиръ же кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
Старецъ зажегъ на костре и виномъ оросилъ искрометнымъ;
Тѣ жъ приступили, подставивъ ухваты съ пятью остриями;
Бедра сожевши и сладкой утробы вгусивъ, остальное
⁴⁶⁵Все раздробили на части; на вертелы вдѣвъ осторожно,
Начали жарить; дожаривши, съ вертеловъ сняли и, дѣло
Кончивъ, обильнобогатый устроили пиръ; началось
Тутъ пированье, и всѣ насладились пищею; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладостновкусною пищею,
⁴⁷⁰Юноши, чашу до края наполнивъ виномъ благовоннымъ,
Въ кубкахъ его разнесли, по обычаю справа начавши.
Цѣлый день славивъ мирительнымъ пѣніемъ Феба, ахейцы
Громко хвалебный пеанъ воспѣвали ему; совокупно
Пѣли они струмоноснаго бога; имъ благосклонно внималъ онъ.
⁴⁷⁵Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тѣма наступила ночная;
Всѣ улеглись на брегѣ они у причалъ корабельныхъ.
Вышла изъ мрака молодая съ перстами пурпурными Эосъ;
Плыть собралися они къ отдаленному стану ахеянъ.
Вѣтеръ попутный имъ далъ Аполлонъ, и они, совокупно
⁴⁸⁰Мачту поднявъ и блестящѣ всѣ паруса распустивши,
Поплыли; парусъ середній надулся; пурпурныя волны
Шумно подъ вилемъ потекшаго въ нихъ корабля закипѣли;
Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.

Къ берегу приставъ и достигнувъ широкаго стана ахеянъ,
⁴⁸⁵Быстрый корабль свой они на песчаную сушу встанули;
Тамъ на подпорахъ высокихъ его утвердили, и сами

Вѣѣ разошлись, кто въ шатерь, кто на черный корабль кру-
тобокій.

Близко своихъ кораблей крѣпкозданныхъ сидѣлъ, продолжая
Гнѣвъ свой питать, Ахиллесъ богоравный крылатыя-ноги;
⁴⁹⁰Онъ никогда не являлся уже на совѣтъ вождей многославныхъ;
Онъ не участвовалъ въ битвахъ; въ бездѣйствіи милое сердце
Онъ изнурялъ, по тревогахъ и ужасахъ брани тоскуя.

Тою порою съ двѣнадцатымъ небо украсившимъ утромъ
Вѣчноживущіе боги на свѣтлый Олимпъ возвратились
⁴⁹⁵Всѣ, предводимые Зевсомъ. Фетида, желаніе сына
Помня, пзъ моря глубокаго съ первымъ сіяніемъ утра
Вышла; взлетѣвъ на высокое небо Олимпа, богиня
Зевса нашла тамъ: одинъ, отъ боговъ отдѣляясь, всю землю
Видя, на высшей главѣ многоглаваго былъ онъ Олимпа.
⁵⁰⁰Сѣвъ близъ него, окружила колѣно священное бога
Лѣвой рукою Фетида, а правой его подбородокъ
Глядя, Кроніону тучъ собирателю гнѣвно сказала:

Если, отецъ, я тебѣ межъ богами когда угодила
Словомъ или дѣломъ, мое благосклонно исполни моленье:
⁵⁰⁵Сына утѣшь моего, осужденнаго рано покинуть
Жизнь; обезчестилъ его повелитель царей Агамемнонъ,
Дерзко похитивши данный ему отъ ахеянъ подарокъ.
Ты же отмсти за него, міродержецъ, всеильный Кроніонъ!
Пусть побѣждаютъ ахеянъ трояне, пока воздаянья
⁵¹⁰Полнаго сынъ за обиду свою отъ царя не получитъ.

Такъ говорила она, и не вдругъ отвѣчалъ громовержецъ;
Долго сидѣлъ онъ въ молчаньи; Фетида жъ, къ обътому прежде
Ею колѣну прижавшись крѣпче, вторично сказала:
Прямо отвѣтствуй, о Зевсъ; никого ты страшиться не можешь;
⁵¹⁵Иль согласишься, тогда утверди головы мановеньемъ обѣтъ
свой,
Иль откажи, чтобъ узнала я, сколь предъ тобою ничтожна.

Тяжко вздохнувъ, воздымающій тучи Зевесъ отвѣчалъ ей:
 Трудное дѣло ты мнѣ предлагаешь; межъ Ирой и мною
 Ссора опять загорится; ругательнымъ словомъ разсердить
⁵³⁰Ира меня; передъ всѣми безсмертными вѣчно со мною
 Вздорить она, утверждая, что я за троянъ заступаюсь.
 Ты же отсюда уйди, чтобъ тебя не примѣтила Ира.
 Способъ найду я тебѣ угодить; на меня положися;
 Слово свое головы мановеньемъ [тебѣ подтверждаю];
⁵²⁵Знаменье это для всѣхъ Олимпійцевъ есть знакъ величайшій
 Власти моей: неизмѣнно мое, непреложно и твердо
 Слово, когда подтверждаю его головы мановеньемъ.

Кончивъ и черногустыми бровями повелъ громовержецъ;
 Благоуханные кудри волосъ потряслись на безсмертномъ
⁵³⁰Бога челѣ; содрогнулись кругомъ всѣ вершины Олимпа.

Тайную кончивъ бесѣду, они разлучились; съ Олимпа
 Въ бездну соленую быстрымъ полетомъ слетѣла Фетида;
 Зевсъ возвратился къ себѣ, поднялися почтительно боги
 Съ троновъ своихъ передъ вѣчнымъ отцомъ; ни единый,
⁵³⁵Сидя, его не отважился выждать, но, вставъ, всѣ навстрѣчу
 Вышли къ нему. На высокомъ престолѣ онъ сѣлъ. Отъ очей же
 Иры не скрылось, что съ нимъ приходила бесѣдовать тайно
 Дочь среброногая старца морскаго Нерея, Фетида;
 Къ Зевсу немедленно грубое слово она обратила:

⁵⁴⁰Кто изъ боговъ, лицемѣръ, тамъ шептался такъ скрытно
 съ тобою?

Вѣчно ты любишь, я знаю, себя отъ меня отклонивши,
 Въ тайнѣ съ другими совѣты держать, и ни разу еще ты
 Мнѣ напередъ не сказалъ откровенно о томъ, что замыслилъ.

Ирѣ отвѣтствовалъ такъ повелитель безсмертныхъ и смертныхъ:
⁵⁴⁵Ира, не мни, чтобъ мои всѣ совѣты постигнуть возможно
 Было тебѣ; и сунруга верховнаго бога не въ силахъ

Вынести ихъ. Что тебѣ сообщить я признаю приличнымъ,
Прежде тебя не услышать о томъ ни безсмертный, ни смертный;
Если же что отъ боговъ утаить я намѣренъ, не смѣй ты
⁵⁵⁰Спрашивать дерзко о томъ, и моей не развѣдывай тайны.

Ира, богиня воловьихъ-глазъ, отвѣчала Зевесу:
Странное слово сказалъ ты, ужасный Зевесъ; никогда я
Дѣлать вопросы и въ тайны твои проникать не дерзала.
Все, какъ хотѣлъ, ты задумывалъ, все исполнялъ безъ помѣхи.
⁵⁵⁵Но я тревожуся, мысля теперь, что тебя обольстила
Дочь среброногая старца морскаго Нерея, Фетида,
Утромъ съ тобой здѣсь сидѣла и волѣна твои обнимая:
Ей головы мановеньемъ конечно ты далъ обѣщанье
Честь Ахиллесу воздать погубленіемъ многихъ ахейнъ.

⁵⁶⁰Ирѣ отвѣтствовалъ такъ воздымающій тучи Кроніонъ:
Вѣчно, безумная, ты примѣчать и подсматривать любишь.
Трудъ бесполезный! ничто не удастся тебѣ! отъ себя лишь
Только меня отдалишь; то стократно прискорбиѣе будетъ!
Быть ли, не быть ли тому, что тебя утѣшаетъ, на это
⁵⁶⁵Воля моя. Замолчи же и мнѣ не дерзай прекословить.
Или тебѣ не поможетъ никто изъ боговъ Олимпійскихъ,
Если я, вставъ, подыму на тебя неизбежную руку.

Такъ отвѣчала онъ. Богиня воловьихъ-глазъ ужаснулась
[И безмолвно сидѣла, свое побѣдившая сердце]. *
⁵⁷⁰Было прискорбно то собранымъ въ домѣ Зевеса безсмерт-
нымъ.
Началъ тогда многославный художникъ Ифестъ, чтобъ утѣ-
шить
Мать свѣтлорукую, такъ говорить, обратясь къ ней и къ Зевсу:

---

* Этотъ недостающій у Жуковскаго стихъ взятъ нами изъ пере-
вода Гнѣдича. П. Е.

Горько и всѣмъ намъ богамъ, на Олимпѣ живущимъ, несносно
 Будеть, когда вы такъ ссоритесь здѣсь за людей земнородныхъ
 576Станете, всѣхъ возмущая безсмертныхъ; испорченъ веселый
 Будеть нашъ пиръ; и чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже. Къ тебѣ на-
 передъ я,

Милая мать, обращаюсь, хотя и сама ты разумна:
 Зевсу отцу уступи, чтобъ не гнѣвался болѣе отецъ нашъ,
 Сильный Зевесъ, и чтобъ весело мы пировать продолжали;
 580Онъ громовержецъ, онъ царь на Олимпѣ, онъ, если захо-
 четъ,

Съ нашихъ престоловъ насъ всѣхъ опрокинетъ; онъ богъ надъ
 богами.

Словомъ привѣтнымъ порадуй его и къ нему приласкайся;
 Снова онъ милостивъ будетъ ко всѣмъ намъ, богамъ Олим-
 пійскимъ.

Такъ онъ сказалъ и, поспѣшно приблизившись, кубокъ дву-
 довный

585Подаль божественной матери въ руки, примолвивъ: тер-
 цѣнне,

Милая мать; покорися, хотя то тебѣ и прискорбно;
 Здѣсь ненавистныхъ побоевъ твоихъ мнѣ своими глазами
 Видѣть не дай: за тебя заступиться не въ силахъ я буду,
 Какъ бы того ни хотѣлъ; одолѣть Олимпійца не можно.

590Было ужъ разъ, чта когда за тебя я поспорилъ, меня онъ,
 За ногу взявши, съ Олимпа швырнулъ, и летѣлъ я оттуда
 Цѣлый, кувырбаясь, день и тогда лишь, какъ стало садиться
 Солнце, совсѣмъ бездыханнымъ ударился о земь въ Лемносѣ;
 Дружески былъ я синтійцами добрыми поднять полмертвый.

595Такъ говорилъ хромоногий Ифестъ [свѣтлорукой богинѣ].

Ира съ улыбкой взяла отъ него поднесенный ей кубокъ.
 Сталъ онъ потомъ подносить, по обычаю сирава начавши,
 Сладостный нектаръ, его изъ глубокой черпая кратеры;
 Подняли смѣхъ несказанный блаженные боги Олимпа,

⁶⁰⁰Видя какъ съ кубкомъ Ифестъ, суетаясь, ковылялъ по чер-
тогу.

Вѣчные боги весь день до склоненія солнца на западъ,
Шумно пируя, себя услаждали роскошною пищею,
Дивными звуками цитры, игравшей въ рукахъ Аполлона,
Также и музъ очерѣднымъ, сердца пронизающихъ пѣньемъ;
⁶⁰⁵Но когда уклонилося на западъ блестящее солнце,
Боги, предаться желая покойному сну, разошлись
Всѣ по домамъ: имъ построены были тѣ дома
Дивно-искусной рукой хромоногаго бога Ифеста.
Также и молній метатель могучій Кроніонъ въ чертогѣ,
⁶¹⁰Гдѣ отдыхалъ онъ обычно, блаженному сну предаваясь,
Легъ и заснулъ; съ нимъ на ложе легла златотронная Ира.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Боги другіе и мужи коней обуздатели спали
Мирно всю ночь, но отъ Зевса спокойствіе сна убѣгло.
Сердцемъ колеблясь, онъ мыслилъ о томъ, какъ воздать Ахиллесу
Честь истребленемъ ахеянъ при ихъ корабляхъ крѣпкоздан-
ныхъ.

⁵Вотъ что, размысливъ, нашель напоследокъ онъ самымъ удоб-
нымъ —

[Сонъ послать обманчивый мощному сыну Атрея]. *

Къ богу сна обратился и бросилъ крылатое слово Кроніонъ:

Богъ сновидѣнья, лети къ кораблямъ крѣпкозданнымъ ахеянъ;
Въ царскій шатеръ Агамемнона сына Атреева вшедши,
¹⁰Все то ему повтори, что теперь отъ меня ты услышишь.

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

* Этотъ недостающій у Жуковскаго стихъ взятъ нами изъ пе-
ревода Гнѣдича. П. Е.

Были вождями дружинъ беотійскихъ Леитъ, Пенелеосъ,
⁴⁹⁵Аркесилай, Прооэноръ и Клоній; ихъ рать составляли
 Жители тучныхъ Гирійскихъ луговъ, каменистой Авлиды,
 Схойніа, Скола, лѣсистоглубокихъ долинъ Этеонскихъ,
 Оеспіа, Греи, широкопространныхъ полей Микалесса,
 Свѣтлыхъ окрестностей Гармы, Эрперы, Илесія, Илы,
⁵⁰⁰Жители града Петёона, жители стѣвъ Элеона,
 Копы, Эвтрёсы, Окаліи, жившіе въ зданьяхъ красивыхъ
 Града Медёона, въ Тизбѣ, стадамъ голубинымъ привольной,
 Вкругъ Короней, на пышно-зеленыхъ лугахъ Галиарта,
 Жители града Платен, полей обработанныхъ Глиса,
⁵⁰⁵Оивъ брѣпкостѣнныхъ, прекрасными зданьями славнаго
 града,

Града Охеста, гдѣ лѣсъ посвященъ Посидону завѣтный,
 Арыи златымъ виноградомъ богатой, луговъ благовонныхъ
 Нисы, Миден и стѣвъ Анёедона, на крайнихъ лежащаго гра-
 няхъ;

Съ ними пришло пятьдесятъ кораблей брѣпозданныхъ, и въ
 каждомъ

⁵¹⁰Было двадцать отборныхъ бойцовъ молодыхъ беотійскихъ.

Но аспледонянъ и всѣхъ, Орхомень населявшихъ Мипейскій,
 Были вождями Аревы дѣти Ялмень съ Аскалафомъ —
 Ихъ родила Астіоха, Акторова дочь; потаенно
 Въ верхнемъ покоѣ царева жилища стыдливая дѣва,
⁵¹⁵Свидясь съ Ареемъ могучимъ, упала въ объятія бога —
 Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Были вождями дружины фовеянъ Эпистрофъ и Схедій,
 Ихъ же отцомъ знаменитый былъ Ифитъ, потомокъ Навбола;
 Жители стѣвъ Кипариссы, утесовъ Пнэона суровыхъ,
⁵²⁰Жители града прекраснаго Криссы, богатыхъ полей Па-
 нопея,

Давліи, Анемореи, сосѣдней съ Гіамполемъ, также
 Пахари тучныхъ полей, вкругъ Кефиссы священной лежащихъ,

Съ ними и жители близкой къ истокамъ Кефиссы Лилеп,
 Сорокъ судовъ темноносыхъ оснастивъ, пришли за вождями;
⁵²⁵Въ строй мѣднолатныхъ фовеянь поставивъ, вожди ихъ дру-
 жину
 Лѣвымъ крыломъ къ беотійскому близнему строю примкнули.

Быль полководцемъ локріянь Аягсъ Оилей быстроногий;
 Ростомъ своимъ Теламонову сыну, другому Аяксу,
 Онъ уступалъ, но хотя не великъ и холстинною, тонкой
⁵³⁰Броней покрытъ былъ, могучимъ метаньемъ копья побѣж-
 далъ онъ

Между ахейцами всѣхъ; населяли жъ локріяне грады
 Кинось, плодами обильную Авгію, Бессу, Фронійскій
 Лугъ, орошенный Боагріемъ, Тарфу, Опунтъ, Калліарій;
 Сорокъ привелъ онъ съ собой кораблей изъ Локриды, лежащей
⁵³⁵Противъ святыхъ береговъ окруженной волнами Эвбеи.

Но боелюбныхъ абантовъ, эвбейскій народъ, населявшій
 Халкисъ, Эретрію, область вина Гистію, приморскій
 Городъ Керинезъ, на горѣ неприступно-построенный Діонъ,
 Стѣны Кариста и роскошью нивъ окруженную Стиру,
⁵⁴⁰Вель Эльпендоръ, многославный потомокъ Арея; рождень
 былъ

Онъ Халкодонтomъ, Эвбеи царемъ; и съ веселиемъ въ битву
 Шли съ ними абанты его, заплетенныя густо на тылѣ
 Косы носившіе, ясенныхъ копій метатели, броней
 Мѣдъ на груди у врага пробивать приобывшіе ими.
⁵⁴⁵Сорокъ пришло кораблей крѣпководанныхъ съ эвбейской дру-
 жиной.

Строемъ къ эвбейской дружинѣ примкнули аоніяне; градомъ
 Ихъ и всей областью властвовали прежде питомецъ Паллады
 Царь Эрехтей, дароносной Землею рожденный; Палладой
 Быль онъ воспитанъ во храмѣ великомъ, гдѣ жертвой обильной
⁵⁵⁰Агнцевъ и тучныхъ быковъ угѣшали ей сердце младя

Дѣвы и юноши, празднуя кругосвершеніе года.
 Ратью Аѳинъ Менестей полководствовалъ, сынъ Петеона,
 Съ нимъ же изъ всѣхъ, на землѣ обитающихъ, въ трудномъ
 искусствѣ

Конныхъ и пѣшихъ устраивать въ битву никто не равнялся,
⁵⁵⁵Кромѣ великаго Нестора—старше однако его былъ
 Несторъ годами. Привелъ пятьдесятъ кораблей онъ съ собою.

Сынъ Теламоновъ Аяксъ отъ береговъ Саламины двѣнадцать
 Черныхъ привелъ кораблей: онъ придвинулъ ихъ къ строю
 аѳинянъ.

Жителей Аргоса, башневѣнчаннаго града Тиринѳа,
⁵⁶⁰Асины, скрытой въ глубокомъ заливѣ морскомъ Герміоны,
 Винобогатыхъ холмовъ Эпидавра, Эйоны, Трезены,
 Юношей Масія, жителей волнообъятой Эгины,
 Былъ полководцемъ герой Діомедъ, вызыватель въ сраженъе;
 Вождь ихъ второй былъ Сѳенель, многославнаго сынъ Капанея;
⁵⁶⁵Третій же вождь Эвриаль, богоравный герой, Мекистеевъ
 Сынъ, Таладна державнаго внукъ; но главою надъ ними
 Былъ Діомедъ, вызыватель въ сраженъе; пришелъ отъ Аргоса
 Онъ къ берегамъ Иліона съ осьмьюдесятью кораблями.

Жители древней Микены, домовъ велелѣпиемъ славной,
⁵⁷⁰Ареѳирей прекрасной, Коринѳа богатаго, свѣтлыхъ
 Зданій Клеоніа, жители града Орней, старинныхъ
 Стѣнъ Сигіона, Адрасту подвластнаго въ прежнее время,
 Жившіе въ древнихъ стѣнахъ Гипересіа, въ градъ Пелленѣ,
 Въ Эгіи, въ крѣпко-нагорныхъ стѣнахъ Ганозессы твердынной,
⁵⁷⁵Пахари тучныхъ приморскихъ полей, достигавшихъ до самой
 Гелики—вслѣдъ за царемъ Агамемнономъ, сыпомъ Атрея,
 Сто кораблей привели; полководецъ избраннѣйшихъ, самъ онъ
 Шелъ передъ ними, сіяющій мѣдной броней, прекрасный,
 Гордый; величіе прочихъ вождей затмѣвалъ онъ, понеже

580 Былъ ихъ глава и сильнѣйшей дружиной начальствовалъ
въ войскѣ.

Жители скрытаго между холмовъ Лакедемона, Спарты,
Фары, Мессаны, гдѣ много слетается стадъ голубинныхъ,
Пахари тучныхъ полей, окружающихъ грады Брисею,
Авгію, Амиклы, жители Гелоса близкаго къ морю,
585 Лааса, свѣтлыхъ равнинъ орошенныхъ Этилосою, были
Братомъ царя предводимы, отважнымъ въ бояхъ Менелаемъ;
Вывелъ на смотръ шестьдесятъ кораблей онъ; но строемъ
отдѣльнымъ

Ратныхъ поставилъ, и ихъ, на себя одного уповалъ,
Въ бой возбуждалъ: пламенѣло его нетерпѣннѣе сердце —
590 Мщенье свершить за позоръ, приключенный обидой Елены.

Къ нимъ примкнули пиліане, жители тучныхъ Аренскихъ
Пажитей, Орія, гдѣ былъ перевозъ чрезъ Алфей, Кипарпсы,
Эпіи крѣпкой, Птелёона, Гелоса, Амфигенеи,
Также и града Доріона, гдѣ Тамириса еракійца
595 Встрѣтили музы и въ немъ уничтожили даръ пѣснопѣнья:
Онъ изъ Эхалии шелъ; посѣтивши тамъ Эврита, хвасталъ
Онъ передъ нимъ, что побѣду одержитъ, хотя бы и сами
Музы, Зевеса эгидоносителя дочери, спорить
Съ нимъ въ пѣснопѣннѣи стали; и въ гнѣвъ его ослѣпили
600 Музы, и даръ пробуждать сладкопѣнье въ струнахъ онъ
утратилъ.

Былъ подводцемъ дружины пиліанъ [конникъ Геренскій]
Несторъ; онъ въ Трою привелъ девяносто судовъ крѣпкоздан-
ныхъ.

Люди Аркадіи—храбрый народъ—на покатѣ Киллены
Жившіе [тамъ, гдѣ находится Эпитовъ памятникъ древній],
605 Жители паствъ Орхомена, луговъ, окружающихъ Феносъ,
Рины, Стратинъ, напору всѣхъ вѣтровъ открытой Эниспы,
Злачнополянной Теген, предѣловъ Стимфала, Паррасіи, тучной
Жатвой обильныхъ полей Мантинеи, прекраснаго града,—

Агапенора, Анкеева сына, вождемъ признавали:

⁶¹⁰Въ Трѳю привелъ шестьдесятъ кораблей онъ, и много ар-
кадскихъ

Воиновъ храбрыхъ пришло съ нимъ въ его корабляхъ крѣп-
козданныхъ.

Самъ Агамемнонъ, владыка народовъ, его кораблями
[Тѣми] снабдилъ для отплытія въ темное море, понеже
Было аркадянамъ вовсе невѣдомо дѣло морское.

⁶¹⁵Жившихъ въ Элидѣ священной, въ Бупрасіи, въ краѣ, ко-
торый

Грады Мирсинъ пограничный, Гирмину, Алисій, до самыхъ
Скаль Оленійскихъ въ предѣлахъ своихъ заключаетъ, четыре
Храбрыхъ вождя предводили—у каждаго девять летучихъ,
Полныхъ эпейцами, было въ строю кораблей: Амфимаху,

⁶²⁰Сыну Ктеата, одна изъ дружинъ покорялась; другая
Ѡалпію, сыну Эвритоса Акторіада; вождемъ былъ
Третьей эпейской дружины Діоръ, Амаринковъ отважный
Сынъ; а четвертой начальствовалъ вождь Поликсенъ бого-
равный,

Сынъ Агасѳена властителя, внукъ знаменитый Авгея.

⁶²⁵Мужи Дулихія, люди святыхъ острововъ Эхинадскихъ
Жившіе на морѣ шумномъ сосѣдственно съ берегомъ Элиды,
Власть признавали Мегеса, подобнаго силой Арею;
Былъ онъ Филея коней обуздателя сыномъ, Филея —
Ссорой съ отцомъ принужденнаго скрыться на островъ Ду-
лихій;

⁶³⁰Сорокъ Мегесъ кораблей быстроходныхъ привелъ къ Иліону.

Царь Одиссей предводителемъ былъ кефаленянъ могучихъ,
Жившихъ въ Итакѣ суровой, на шумно-лѣсистыхъ вершинахъ
Нерита, вдоль береговъ Крокилеи, межъ скаль Эгилины;
Жители Зама, полей хлѣбодарныхъ Закиноа и твердой
⁶³⁵Близко лежащей Эппрской земли матерой, равномерно

*

Всѣ Одиссею, какъ Зевсѣ многомудрому, были подвластны.
Въ Трою съ собой онъ двѣнадцать привелъ кораблей красно-
грудыхъ.

Сынъ Андремоновъ Фоантъ полководствовалъ ратью этолянъ,
Жившихъ въ стѣнахъ Плеурона, въ Халкидѣ приморской, въ
Оленѣ,

⁶⁴⁰Въ горномъ краю Каледонскомъ, въ окрестностяхъ града
Пилены;

Войско жъ этолянъ избрало Фоанта вождемъ, поелику
Былъ Оиней ужъ въ Андѣ, и не было болѣ на свѣтѣ
Храбрныхъ его сыновей, и давно Мелеагръ свѣтлокудрый
Въ область сведенъ былъ подземную; сорокъ пришло кораблей
съ нимъ.

⁶⁴⁵Съ Идоменеемъ пришли копыеносные критяне; жили
Въ Гноссѣ они, въ окруженной [стѣнами] твердой Гортинѣ,
Въ Ликтѣ, въ Милетѣ, окрестъ бѣлостѣннаго града Ликаста,
Въ Фестѣ, въ Ритионѣ, множествомъ жителей шумновипящемъ,
Также и въ прочихъ краяхъ многолюдныхъ стограднаго Крита.

⁶⁵⁰Идоменей, копьeverжецъ могучій, былъ главнымъ вождемъ
ихъ;

Съ нимъ Меріонъ, истребителю ратей Арею подобный:
Видѣтъ они обладали осьмьюдесятью кораблями.

Силы Иракла великаго сынъ Тлеполемъ изъ Родоса,
Деять привелъ кораблей съ необузданно-храброй дружиной.

⁶⁵⁵Люди его населяли три города: въ твердомъ Камирѣ
Жили одни, въ свѣтлостѣнномъ Ялиссѣ другіе, и въ Линдѣ
Третьи; ихъ вождь Тлеполемъ, копьеборствомъ герой знаме-
нитый,

Былъ Астіохой Ираклу рожденъ; Астіоуху жъ похитилъ
Сильный Иракль съ береговъ Селлеанта, потока Эфиры,

⁶⁶⁰Тамъ, гдѣ онъ многихъ питомцевъ Зевесовыхъ грады разру-
шилъ.

[Сей Тлеполемъ лишь возросъ въ богосозданномъ домѣ Иракла,

Своро убилъ безразсудный почтеннаго дядю отцова], *
 Старца сѣдаго, питомца Ареева. Въ страхѣ, что будетъ
 Мечь за убійство ему отъ сыновъ и отъ внуковъ Иракла,
 665Онъ поспѣшилъ корабль изготовить и съ вѣрной дружиной
 Храбрыхъ товарищей въ темнопустынное море пустился;
 Много тревогъ испытавши, достигли они до Родоса,
 Гдѣ и остались жить, раздѣлившись на три колѣна,
 Свыше хранимые Зевсомъ, владыкой безсмертныхъ и смерт-
 ныхъ;
 670Пролилъ на нихъ изобиліе щедрой рукою Кроніонъ.

Прибыло три корабля легкокрылыхъ изъ Смы съ Ниреемъ,
 Сыномъ Харопа царя и Аглаи, съ Ниреемъ, который
 Всѣхъ затмѣвалъ красотою своею данаевъ, пришедшихъ
 Въ Трою; съ однимъ лишь не могъ безпорочнымъ Пелидомъ
 равняться;
 675Былъ онъ не мужественъ; войско его малочисленно было.

Жители волнообъятаго Нисира, Каса, Крапаѳа,
 Коса [гдѣ градъ свой имѣлъ Эврипилъ], острововъ Калпдній-
 скихъ
 Были вождями Фидиппъ и Антифосъ, два брата; отецъ ихъ
 Былъ знаменитый Тессалъ Ираклидъ, повелитель народовъ;
 680Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Тѣ же, которыми былъ обитаемъ Аргосъ Пеласгійскій,
 Жители Алоса, града Алопы, Трахинъ многолюдныхъ,
 Фтіи, Эллады, прекраснорѣчущими дѣвами славной
 [Имя же общее имъ мирмидоны, элены, ахейцы]—
 685Съ ними привелъ пятьдесятъ кораблей Ахиллесъ богоравный.
 Но въ то время они не готовились къ бою, въ то время
 Некому было вести ихъ могучаго строя въ сраженье:
 Праздно сидѣлъ посреди кораблей Ахиллесъ быстроногій,

* Недостающіе здѣсь у Жуковскаго два стиха взяты нами изъ перевода Гнѣдича.—П. Е.

Злясь за свою Брисенду, прекраснокудрявую дѣву,
 690 Взятую нѣкогда въ плѣнъ имъ съ трудомъ несказаннымъ
 въ Лирнесѣ:

Онъ ниспровергнулъ тогда и Лирнесъ и высокія Фивы,
 Послѣ того какъ Минеть и Эпистрофъ, метатели копій,
 Дѣти царя Селепида Эвена, сраженные въ боѣ имъ, пали.
 Праздно онъ гнѣвный сидѣлъ.... но воздвигнуться долженъ
 былъ скоро.

695 Жителей тучной Филаки, луговъ цвѣтоносныхъ Пираса.
 Агнцамъ привольной Итоны [Деметрѣ любезнаго края],
 Моремъ омытой Аптроны, травяныхъ равнинъ Птелеонскихъ
 Протесилай многославный вождемъ былъ, покуда сіянемъ
 Дня веселился; но былъ онъ землей ужъ покрытъ, и въ Филагѣ
 700 Тяжко о немъ тосковала вдова, раздирая ланиты.
 Домъ недостроеннымъ свой онъ оставилъ: изъ всѣхъ онъ ахеянъ
 Первый убитъ былъ дарданцемъ, ступя на Троянскую землю
 Первый. Былъ избранъ другой вождь; но войско о прежнемъ
 скорбѣло;

Вождь же избранный былъ храбрый Подаргесъ, питомецъ Ареевъ,
 705 Сынъ обладателя стада Ификлая, Филакова сына,
 Протесилаевъ родной, но гораздо родившійся позже
 Братъ: былъ и старше годами и силою крѣпче
 Протесилай богоравный, Арею подобный. Имѣло
 Войско вождя, но рушилось оно, поминая о мертвомъ.
 710 Сорокъ въ Дарданію прибыло съ нимъ кораблей черн обоихъ

Жившихъ близъ водъ Бебенскаго Озера, въ Ферѣ и Бебахъ,
 Жителей пышнаго града Юлга и свѣтлой Глафиры
 Вождь знаменитый Эвмелъ предводилъ сынъ Адметовъ, Алкестой
 Самой прекрасной изъ всѣхъ дочерей Пелиаса рожденный;
 715 Было одиннадцать съ нимъ кораблей у береговъ Иліона.

Жившихъ въ Метонѣ, окрестъ Таумакинъ, между суровыхъ
 Скаль Олизона, среди цвѣтононыхъ луговъ Мелибеи,
 Былъ предводителемъ дивный стрѣлокъ Филоктеть.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМЪЧАНІЯ.

На переводъ Одиссеи Жуковскій посвятилъ слишкомъ семь лѣтъ, начавъ его въ январѣ 1842 г. и окончивъ въ апрѣлѣ 1849 г. Вотъ таблица всего хода работы, составленная имъ самимъ:

Переводъ начать въ январѣ 1842 года										
До 1 октября 1842 года переведено VIII пѣсенъ.										
Числа.	Въ 1844 г. во Франк- фуртѣ.			Въ 1848 г. въ Ба- денѣ.			Въ 1849 г. въ Баденѣ.			
	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.
1	IX	...		XIII	...	XV				
2	...	...		...	...	...		...	XIX	
3	...	...		съ 1 по	...	...		...	...	XXIII
4	...	...		6 мая 213	...	...		...	...	...
5	...	X		стиховъ.	...	...		...	...	...
6	...				...	...		...	...	...
7	...				...	...		...	...	...
8	...				...	...		...	...	XXIII
9	...				...	...		...	...	...
10	IX				...	...		...	...	...
11					...	...		...	...	...
12					...	...		XVII	...	...
18					...	XV		XVIII	...	...
14	X			...	...	XVI		...	XIX	...
15	...			...	...	...		...	XX	...
16	...	XI		...	XIV	...		...	...	...
17	...				...	...		...	...	XXIV
18	...				...	...		...	...	...
19	...		XII		...	...		...	XX	...
20	...				...	XVI		...	XXI	...
21	...				...	...		...	...	...
22	...				...	...	XVII	XVIII	...	...
23	...				...	...	...	...	...	...
24	...				...	...	...	...	XXI	XXIV
25	...				...	...	...	...	XXII	...
26	...	XI			...	...	...	...	...	...
27	...			XIII	...	...	...	...	...	...
28	...		XIII	XIV	...	...	...	...	...	...
29	...			...	...	...	...	...	...	...
30	...			...	...	...	...	...	...	...
31	...			...	...	...	...	XXII	...	...

О самой системѣ перевода подробно изложено Жуковскимъ въ письмахъ его къ гр. Уварову и къ И. В. Кирѣевскому, помѣщенныхъ въ началѣ настоящаго тома, и въ перепискѣ поэта, вошедшей въ нынѣшнее изданіе.

Первая половина Одиссеи была процензурована въ Петербургѣ 30 Октября 1847 г., а вторая печаталась уже безъ цензуры. Обѣ части напечатаны въ Карлсруэ, въ придворной типографіи В. Гаспера, заведшей по этому случаю въ первый разъ за границею русскій шрифтъ. Первый томъ вышелъ изъ печати въ 1848 г., хотя и имѣть помѣту 1849 г., а второй появился почти черезъ годъ и едва не погибъ въ типографіи во время возстанія, вспыхнувшего какъ разъ наканунѣ отправки Жуковскому послѣдняго корректурнаго листа въ Страсбургъ, куда самъ поэтъ удался изъ Баденъ-Бадена. Обѣ книги составили 2-й и 3-й томъ «Новыхъ Стихотвореній Жуковскаго» и почти одновременно вышли въ видѣ 8-го и 9-го т. 5-го изданія его «Сочиненій», съ слѣдующимъ посвященіемъ: «Его императорскому высочеству государю великому князю Константину Николаевичу свой трудъ съ глубочайшимъ почтеніемъ посвящаетъ В. Жуковский».

Кромѣ того въ концѣ первой части было помѣщено такое:

П Р И Б А В Л Е Н І Е .

«Вотъ что мною сказано въ другомъ мѣстѣ: «я бы желалъ сдѣлать два изданія разомъ Одиссеи—одно для всѣхъ читателей и полное, другое для юношества, съ выпусками [весьма немногими] тѣхъ мѣстъ, которыя не должны быть доступны юному возрасту. По моему мнѣнію нѣтъ книги, которая была бы столь прилична первому, свѣжему періоду жизни, какъ Одиссея, возбуждающая всѣ способности души прелестію разнообразною: надобно только дать въ руки молодежи не одну сухую выписку въ прозѣ изъ Гомеровою поэмы, а самого живаго рассказчика Гомера, который въ одну раму заключилъ всю древнюю Грецію съ чудесными ея преданіями, съ ея первобытными нравами. Языкъ перевода моего кажется мнѣ столь простъ, что русская Одиссея можетъ

быть доступна всѣмъ возрастамъ и дана, если сдѣланы будутъ нѣкоторые выпуски, безъ опасенія всякому юношѣ, начинающему читать п р о с е б я. Къ этой очищенной, но неискаженной Одиссеѣ можно бы въ видѣ пролога присоединить рассказъ въ прозѣ о временахъ первобытныхъ и баснословныхъ Греціи и особенно съ большею подробностію о паденіи Трои; можно бы даже съ прозою мѣшать и стихи, то есть, переводить стихами лучшія мѣста изъ трагиковъ, Илиады, Энеиды и прочее; такимъ образомъ въ одномъ тѣсномъ объемѣ могли бы соединены быть и вся баснословная исторія древней Греціи и самыя душистыя цвѣты ея поэзіи; такимъ образомъ и Одиссея могла бы сдѣлаться самою привлекательною и въ то же время самою образовательною дѣтскою книгою».

Эта мысль отчасти здѣсь исполнена: къ переводу Одиссеи прилагаются п о п р а в к и, которыя показались намъ необходимыми для того, чтобы познакомить молодыхъ читателей обоихъ половъ съ простодушнымъ разскащикомъ Гомеромъ, не повредивъ чистотѣ ихъ свѣжихъ идей и чувствъ тѣми вольными выраженіями, которыя весьма изрѣдка встрѣчаются у греческаго поэта. Здѣсь означено къ какой пѣсни и къ какимъ стихамъ принадлежитъ каждая поправка: стоитъ только вырѣзать поправленные стихи и заклеить ими тѣ, которые слѣдуетъ уничтожить въ текстѣ. Иногда число поправленныхъ стиховъ менѣе, нежели число тѣхъ, которые должны быть замѣнены ими: въ такомъ случаѣ п о с л ѣ д н і е замѣняются точками. Для облегченія этой операціи вездѣ означено чертами то, что должно быть вырѣзано изъ прибавленія и потомъ наклеено на соотвѣтственныя мѣста въ текстѣ.»—

Затѣмъ было приложено 11 отдѣльныхъ листковъ для заклейки 29 мѣстъ въ книгѣ. Впрочемъ въ второй половинѣ Одиссеи Жуковскій уже не приложилъ подобныхъ поправокъ, можетъ быть, принявъ въ соображеніе, что такими заклеяками обращается еще больше вниманія на запретный плодъ,

или, можетъ быть, не успѣлъ этого сдѣлать, вслѣдствіе тогдашнихъ неурядицъ въ Карлсруэ, помѣшавшихъ печатанію. Не приложено также къ этой половинѣ и корректурныхъ поправокъ, имѣвшихся при первой части, тогда какъ и вторая не менѣе первой исполнена опечатками, иногда совсѣмъ искажающими смыслъ.

Не можемъ не замѣтить при этомъ, что редакторы четырехъ дополнительныхъ томовъ къ 5 изданію сочиненій Жуковскаго и 6-го посмертнаго изданія, гр. Д. Н. Блудовъ и К. С. Сербиновичъ, крайне небрежно отнеслись къ своему дѣлу, что непростительно имъ, какъ лицамъ особенно «чтившимъ незабвенную память В. А. Жуковскаго». Къ ошибкамъ заграничнаго изданія они прибавили множество своихъ. Не говоря о простыхъ опечаткахъ, укажемъ только мѣста, болѣе или менѣе искажающія текстъ.

Въ 1-й пѣсни, въ ст. 67, Посидонъ названъ о б н о в и т е л е м ъ вмѣсто обволнителя земли. Ст. 173 напечатанъ: «Въ нашемъ до м у; и съ людьми» и пр. Въ ст. 308: «чтобъ его могъ на память беречь» вм. мнѣ на память. Въ ст. 436—7 вм. «повѣсила; тихо вышла изъ спальни», напеч. «повѣсила тихо, вышла изъ спальни». Во 2-й пѣсни въ ст. 134 — 135 смыслъ совершенно искаженъ: «я подвергнусь гнѣву отца и гоненью демона: страшныхъ Эриній; свой домъ покидая, на кличутъ мать на меня» и пр. Неточны ст. 214 и 282, а въ 404 является Амфитрита вм. «Алозидны». Въ 6-й: пропущено начало 167 ст., повидимому для исправленія [онъ семистопный, но такіе стихи есть во 2-й пѣсни 395, въ 5-й 261, въ 7-й 231, въ 8-й 290, въ 9-й 55 и пр., равно встрѣчаются 5-стопные стихи, напр. 381, въ 12-й пѣсни; но исправлять Жуковскаго едва ли позволительно]. Укажемъ еще неточные, искажающіе смыслъ стихи тѣхъ же изданій: въ 8-й пѣсни 187 и 188; въ 9-й 389 и 463; въ 10-й 403 и 410; въ 11-й 20, 156, 251—2, 328, 386; въ 12-й 107, 310, 381; въ 13-й 106, 114; въ 14-й 317, въ 15-й 99, 167, 331, 480; въ 18-й 135; въ 19-й 33, 176, 271, 278; въ 20-й 317, 337; въ 21-й 127,

225; въ 22-й 79, 228, 290; въ 23-й 145, 163, 240, 273 и въ 24-й 340. Любознательный читатель можетъ самъ сравнить ихъ съ нашимъ изданіемъ.

Помѣщая въ настоящемъ томѣ отрывки изъ Иліады, мы нѣсколько уклонились отъ принятаго нами строго-хронологическаго порядка единственно въ виду того, чтобъ не разрознивать два однородныхъ труда, которые и у Жуковскаго слѣдовали непосредственно одинъ за другимъ, хотя въ тоже время были написаны имъ и другія произведенія. Изъ письма къ Плетневу видно, что переведа только половину Одиссеи, Жуковскій задумывался уже и о переводѣ Иліады. Еще въ 1847 г. онъ писалъ: «приходило въ голову, и не разъ, искушеніе приняться за Иліаду, дабы оставить по себѣ полнаго собственнаго Гомера. Мысль моя была та, чтобы перевести все по теперешней методѣ съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода и потомъ взять бы изъ перевода Гнѣдичева всѣ стихи, имъ лучше меня переведенные [въ чемъ разумѣется признаться публикѣ]. Такимъ образомъ два труда слились бы въ одинъ—но не по лѣтамъ моимъ приниматься за такой долговременный трудъ, который овладѣлъ бы всею душою и отвлекъ-бы ее отъ важнѣйшаго—отъ сборовъ въ другую дорогу». Потомъ онъ писалъ, окончивъ Одиссею: «мнѣ стало грустно, что прелесть труда для меня миновала: нѣтъ сомнѣнія, что во всякомъ созданіи поэтическомъ самое сладостное для поэта есть самый актъ созданія, и что продолженіе работы усладительнѣе самаго ея совершенія.»

Переводъ Иліады начать былъ $\frac{2}{14}$ октября 1849 г., въ Баденъ-Баденѣ, со 2-й пѣсни, которая показалась поэту труднѣе первой. Переведа только начало пѣсни, изъ котораго оказалось возможнымъ разобрать въ рукописи 9—10 стиховъ, онъ во 2-й половинѣ октября принялся за переводъ перечисленія греческихъ кораблей, ст. 494 — 718, и переводилъ стиховъ по 20 въ день, съ 17 по 29 октября, какъ означено въ его тетради; но другія занятія поэта, и преимущественно педагогическія работы,

имѣвшія цѣлью воспитаніе дѣтей его, надолго отвлекли его отъ начатаго перевода. Не ранѣе какъ въ началѣ августа 1850 года онъ снова принялся за оставленное дѣло и въ три недѣли перевелъ всю первую пѣснь, занимаясь почти ежедневно. Сборъ на родину и новые труды опять отвлекли его отъ Иліады. Но онъ не повидалъ намѣренія продолжать работу и, уже потерявъ зрѣніе, писалъ къ Плетневу, 25 августа 1851 года: «Если Богъ позволитъ окончить ее [поэму «Странствующій Жидъ»], примусь за другое дѣло — за Иліаду. У меня уже есть точно такой нѣмецкій переводъ, съ каковаго я перевелъ Одиссею; и я уже и изъ Иліады перевелъ двѣ пѣсни. Но во всю прошедшую зиму и весну я не принимался за эту работу: я былъ занятъ составленіемъ моего педагогическаго курса; нынѣшнею зимою этой работой заняться не могу: глаза не позволяютъ. Для Иліады же найду нѣмецкаго лектора; онъ будетъ читать стихъ за стихомъ. Я буду переводить и писать съ закрытыми глазами,* а мой камердинеръ будетъ мнѣ читать переводъ, поправлять его и переписывать. И дѣло пойдетъ какъ по маслу!»

Рукопись, по которой сдѣлано было изданіе о т р ы в ъ о в ъ Иліады, помѣщенное въ 4 книгѣ «Пропилеевъ» [Москва, 1854], писана рукою камердинера съ черновой тетради поэта, красивымъ, четкимъ почеркомъ, и составляетъ двѣ тетради, въ четвертку. Въ одной заключается первая пѣснь Иліады. Мѣста, неразобранныя переписчикомъ, внесены до 419 стиха рукою Жуковскаго, очень четко, и чернилами [отчасти по карандашу]; одновременно сдѣланы нѣкоторыя поправки, также рукою Жуковскаго, также четко и также чернилами. Эти поправки не многочисленны. Въ остальной части тетради слова, первоначально неразобранныя, вписаны рукою камердинера другими чернилами, при чемъ также сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ переводѣ, конечно по привязанію Жуковскаго. Послѣ того камер-

---

* Съ помощью изобрѣтенной имъ самимъ машинки.—Подстрочный переводъ всей Иліады былъ сдѣланъ для Жуковскаго профессоромъ Фишингеромъ.

дinerъ еще разъ перечитывалъ рукопись Жуковскому и отмѣчалъ въ ней крестами * стихи, неправившіеся поэту. Они отчасти передѣланы при вторичномъ пересмотрѣ рукописи, и здѣсь исправленій гораздо болѣе, но только до 218 стиха. Поправки писаны карандашомъ и почеркъ автора показываетъ, что онъ писалъ съ закрытыми глазами, съ помощью своей машинки. Нечеткія слова исправлены рукою камердинера только до 60 стиха.

Вторая тетрадь послѣ шести бѣлыхъ листовъ начинается на оборотѣ седьмага листа 494 стихомъ второй пѣсни и заключаетъ въ себѣ переводъ слѣдующихъ за тѣмъ стиховъ до 718-го. Она просмотрѣна Жуковскимъ только до 590 стиха; поправки сдѣланы карандашомъ. Въ остальной части тетради даже слова, неразобранныя камердинеромъ, остались не вписанными.

Первоначальный текстъ исправленныхъ Жуковскимъ стиховъ перевода приведенъ въ «Пропілеяхъ» въ выносахъ къ стихамъ 1-й пѣсни: 40 предъ тобой сожигая. 64 пусть намъ откроеть онъ. 72 въ ихъ плитѣи къ Троѣ. 74 знать ты желаешь. 84 такъ Ахиллесъ быстроногіи свазалъ, отвѣчая Кальхасу. 86 ему же всегда ты. 91 тобой обвиненъ былъ. 93 такъ ободренный свазалъ тутъ Пелиду. 103 горько разгнѣванный. 118 но за убытокъ отъ вась надлежитъ мнѣ имѣть воздаянье. 121 такъ, возражая. 122 ненасытно-корыстолюбивый. 133 самъ одаренный богами. 134 безъ подарка. 151 если велишь въ сраженіе идти иль въ походъ за добычей. 214 теперь успокойся. 217 то конечно полезнѣе будетъ. 231 царь, поглотитель людей, ты не смѣлыхъ людей повелитель. Подчеркнуты: въ 392 слово: «данную», въ 423 и 507 «подарокъ», въ 541 «отклонивши», въ 554 «помѣхи».

* Крестами отмѣчены стихи: въ 1 пѣсни—42, 139, 159, 218, 261, 294, 316, 417, 423, 438, 458, 474, 489, 507, 515, 516, 524, 541, 554, 563, 595, 598 и 609; во второй пѣсни—543, 551, 574, 581, и 711, При этомъ остались не отдѣланы семь 5-стопныхъ стиховъ (I: 246, 295, 425, 454, 534, 607; II: 705) и восемь 7-стопныхъ (I: 95, 428, 474, 490; II 508, 524, 607, 693); не окончены стихи I пѣсни 524 и 595 и 2-й—601, 613, 646, и вовсе не переведены въ 1-й пѣсни 569 и во 2-й—6, 661 и 662.

При перепечаткѣ отрывковъ Иліады изъ «Прописевъ» гр. Блудовъ, издавшій 4 дополнительныхъ тома къ 5-му изданію сочиненій Жуковскаго, бралъ стихи произвольно или по поправленному тексту или по первоначальному, помѣщенному въ выноскахъ, или полстиха по поправкѣ, а другую безъ нея [напр. ст. 118]. Иногда-же онъ не принималъ ни первоначального текста, ни поправокъ Жуковскаго, а самъ перемѣнялъ слова и фразы и даже сочинялъ свои стихи, но не будучи не только поэтомъ, но и стихотворцемъ, сочинялъ ихъ поистинѣ ужасно напр.

не то бы нынѣ въ послѣдній ужъ разъ такъ обидно... (I, 232).
вмѣсто стиха Жуковскаго:

Иначе, думаю, нынѣ въ послѣдній бы разъ такъ обидно...

Къ такимъ сочиненнымъ и исправленнымъ гр. Блудовымъ стихамъ принадлежать въ 5 и 6 изданіяхъ соч. Жуковскаго въ 1 пѣсни: 122, 132, 149, 156, 160, 177, 217, 232, 236, 275, 297, 521, 524, 591, 593, 595, 598 и во 2 пѣсни 641 и 674.

Мы дозволили себѣ поправить въ Одиссеи только два несомнѣнныхъ недосмотра: 1] въ XVIII пѣсни стихъ 100, гдѣ Одиссей названъ богороднымъ сыномъ Лаэрта, тогда какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ называется благороднымъ сыномъ, а если нѣтъ слова «сынъ», то—б о г о р а в н ы м ъ Одисеемъ. Тутъ единственный разъ смѣшаны оба эпитета въ новый, несуществующій во всемъ остальномъ текстѣ перевода. 2] Въ XXII п. стихъ 68: «Такъ говорилъ онъ, у нихъ задрожали колѣна и сердца» поправленъ былъ гр. Блудовымъ: «у нихъ задрожали с е р д ц а и к о л ѣ н а», между тѣмъ какъ надо было только вмѣсто «сердца» поставить с е р д ц е, потому что сердце у человѣка только о д н о, да кромѣ того такъ именно читается въ 205 стихѣ XXIII п. и въ 345 ст. XXIV пѣсни: «задрожали колѣна и сердце».

Въ И л і а д ѣ, для удобства чтенія, мы вставили изъ Гнѣдичева перевода стихи недостающіе у Жуковскаго, а равно дополнили изъ того же перевода не вполне переведенные имъ стихи,

именно въ 1 пѣсни 569 и во 2-й: 6, 601, 661 и 662. Добавки эти поставлены въ скобкахъ. Согласно переводу Гнѣдича мы также внесли добавки въ неполные стихи 524 и 595 первой пѣсни и въ 613 и 636 стихи второй, откинувъ поправки гр. Блудова, доп о л н и в ш а г о ст. 524 такъ: «Слово свое головы мановеньемъ тебѣ я за вѣрю» и въ ст. 595: «Такъ говорилъ хромоногий Ифестъ Ирѣ богинѣ».

Наконецъ, ввиду явно ошибочнаго чтенія рукописи первымъ издателемъ и сообразуясь съ Гнѣдичевымъ переводомъ, мы позволили поставить въ 1 пѣсни, въ стихѣ 316: «н е п р і ю т н о-безплодной пучины» вм. нейдущаго къ морю эпитета «н е п р і я т н о-безплоднаго»; въ ст. 385: «д а л ѣ к о р а з я щ а г о б о г а», какъ въ предыдущихъ и слѣдующихъ стихахъ самого Жуковскаго, а не «д а л ѣ к о г р о з я щ а г о»; во 2-й пѣсни согласно Гнѣдичу мы поставили въ ст. 538 «Керинѣ» [о Коринѣ же идетъ дѣло въ 570 стихѣ], и согласно неразъ встрѣчающемуся въ переводѣ Одиссеи обозначенію, принятому самимъ Жуковскимъ, измѣнили въ 631 и 634 стихахъ «кефалонянъ» и «Самъ» въ к е ф а л е н я н ѣ и З а м ѣ.

Желающимъ узнать отношеніе перевода О д и с с е и къ подлиннику мы укажемъ на книгу г. Поливанова: «В. А. Жуковский и его произведенія» [Москва 1883], и въ особенности на IX-е приложение къ ней: «Нѣсколько словъ объ Одиссеѣ въ переводѣ Жуковскаго» [стр. LXXI—LXXXII].

Замѣтимъ также, что обѣ поэмы Гомера въ настоящее время переводятся въ Омскѣ В л. К р а у з е и первый выпускъ, заключающій въ себѣ двѣ раскодн О д и с с е и «въ точномъ переводѣ на русскій языкъ» (прозою), уже появился въ печати. Для ознакомленія съ этимъ точнымъ переводомъ на р у с с к і й языкъ, приводимъ начало его: «Повѣдай мнѣ, муза, о человѣкѣ бываломъ, который очень много скитался, послѣ того какъ разрушилъ вѣрпкій городъ Трою; города многихъ людей видѣлъ онъ и изучилъ ихъ нравы; много онъ въ своей душѣ натерпѣлся бѣдъ на морѣ, ратуя за свою жизнь и возвращеніе товарищей. Однако, при всемъ желаніи, не спасъ онъ товарищей; вѣдъ они

погибли вслѣдствіе своего собственнаго безразсудства — неразумные! они съѣли воловъ Вышняго Геліоса, а тотъ лишилъ ихъ дня возвращенія. О чемъ нибудь изъ этого, муза, дочь Зевса, расскажи и намъ. Тогда уже всѣ рѣшительно, сколько ихъ ни избѣжало неминуемой гибели, были дома, въ безопасности отъ войны и моря; одного лишь его, сгоравшаго желаніемъ возвратиться и свидѣться съ женой, удерживала владычица нимфа Калипса, прекраснѣйшая изъ богинь, въ покой пещерѣ, страстно желавшая имѣть его супругомъ».

